

Нил вышел из берегов. Необозримая водная равнина раскинулась вширь и вдаль там, где в другое время виднелись роскошные нивы и цветущие гряды. Только защищенные дамбами города, с их гигантскими храмами и дворцами, крыши деревень, а также вершины высокоствольных пальм и густолиственных сикомор возвышались над зеркальной поверхностью потока. Ветви ив свешивались в волны, а серебристые тополя со своими устремляющимися вверх ветвями, казалось, старались уйти от влажной стихии. Взошла полная луна, проливая мягкий свет на цепь Ливийских гор, сливавшуюся с западным горизонтом. На зеркальной поверхности воды плавали голубые и белые цветы лотоса. Летучие мыши разного вида стремительно носились в неподвижном воздухе, напоенном запахом жасминов. На вершинах деревьев дремали дикие голуби и другие птицы, между тем как пеликаны, аисты и журавли приютились под защитой папирусного тростника и нильских бобов, зеленевших на берегу. Первые скрывали свои долгоносые головы под крылом и оставались неподвижными, а журавли вздрагивали при малейшем ударе весел или звуке песни работавших лодочников и вглядывались вдаль, боязливо вытянув вперед тонкие шеи. В воздухе не чувствовалось ни малейшего веянья, и отражение луны, плававшее на водной поверхности, подобное серебряному щиту, показывало, что Нил, бешено несущийся через пороги мимо гигантских храмов Верхнего Египта, замедляет свое бурное течение и становится спокойным там, где он, разделяясь на несколько рукавов, приближается к морю.

В эту лунную ночь за 528 лет до Рождества Христова в устье Нила, почти лишенном течения, скользила барка. На высокой крыше задней палубы сидел египтянин и оттуда направлял длинный шест руля. В самой лодке полунагие гребцы, распевая песни, исполняли свои обязанности. Под открытым навесом каюты, похожим на деревянную беседку, лежали два человека на низких диванах. Оба они были очевидно не египтяне. Даже при лунном свете можно было узнать в них греков по происхождению: старший, необыкновенно высокий и сильный мужчина, лет за пятьдесят, с мускулистой шеей, на которую беспорядочно спускались густые седые кудри, был одет в простой плащ и мрачно смотрел на реку, между тем как его спутник, годами двадцатью моложе его, стройный и хорошо сложенный, то поглядывал на небо, то обращался к рулевому или же поправлял складки своего прекрасного пурпурно-голубого хланиса [\[1\]](#) и приводил в порядок душистые каштановые волосы и слегка вьющуюся бороду. Судно около получаса тому назад отплыло из Наукратиса, единственной эллинской гавани в тогдашнем Египте. Седой мужчина родом из

Спарты в течение всего пути не произнес ни слова, и его спутник предоставил его собственным мыслям. Когда барка стала приближаться к берегу, беспокойный путешественник встал и, обратясь к товарищу, воскликнул:

- Мы сейчас будем у цели нашего путешествия, Аристомах. Вон тот веселый домик налево с заросшим пальмами садом, возвышающийся над затопленными полями, и есть жилище моей приятельницы Родопис. Его выстроил ее покойный муж Харакс, и все ее друзья и даже сам царь стараются пополнять его ежегодно новыми украшениями. Напрасный труд! Если бы они собрали туда все сокровища мира, все-таки лучшим украшением этого дома осталась бы его прекрасная обительница!

Старик встал, бросил беглый взгляд на строение, расправил свою густую седую бороду, покрывавшую подбородок и щеки, но не губы, и спросил отрывисто:

- Что это ты, Фанес, так превозносишь эту Родопис? С каких это пор афиняне восхищаются старыми бабами?

Его спутник улыбнулся и ответил самодовольно:

- Мне кажется, что я знаток людей и в особенности женщин; но я еще раз уверяю тебя, что во всем Египте не знаю никого благороднее этой старухи. Когда ты увидишь ее вместе с ее очаровательной внучкой и услышишь свои любимые мелодии, пропетые хором прекрасно обученных невольниц, то наверняка поблагодаришь меня.

- А все-таки, - серьезным тоном возразил спартанец, - я не последовал бы за тобой, если бы не надеялся встретить тут дельфийца Фрикса.

- Ты увидишь его. Я также надеюсь, что пение подействует на тебя благотворно и рассеет твои мрачные думы.

Аристомах отрицательно покачал головой и сказал:

- Тебя, легкомысленного афинянина, может развеселить родной напев, но когда я услышу песни Алкмана ^[2], то со мною будет то же, что и во время бессонных ночей. Мое томление не успокоится, а только усилится вдвое.

- Неужели ты думаешь, - спросил Фанес, - что я не тоскую по моим милым Афинам, по местам моих юношеских игр и оживленному рынку? Право, и мне не сладок хлеб изгнанника; но он все-таки становится приятнее вследствие знакомства с домом, подобным этому. И когда мои дорогие эллинские песни, исполненные так великолепно, касаются моего слуха, то родина встает в моем воображении; я вижу ее масличные и сосновые рощи, ее холодные изумрудные реки, ее синее море, ее блестящие города, снежные вершины и мраморные

залы. Сладостно-горькая слеза скатывается на мою бороду, когда замолкают звуки и я должен сказать себе, что нахожусь в Египте, этой однообразной, жаркой и все же удивительной стране, которую я, благодарение богам, скоро покину. Но, Аристомах, неужели же ты станешь обходить оазисы в пустыне только потому, что после них тебе придется пробираться по песку и терпеть недостаток в воде? Неужели ты хочешь убежать от удовольствий одного часа, потому что тебе предстоят мрачные дни? Но вот мы приехали. Постарайся принять веселый вид, мой друг, так как неприлично вступать в храм харит ^[3] в грустном настроении.

В это время барка пристала к берегу у стены сада, омываемой Нилом. Афинянин выскочил из нее легким прыжком, спартанец же вышел на берег тяжелою, но твердою поступью. У Аристомаха одна нога была деревянная, но он шел с такой уверенностью возле легконогого Фанеса, что казалось, будто он родился на свет с этою деревянною ногою.

В саду Родопис все цвело, благоухало и жужжало. Аканты ^[4], гранаты с красными цветами, живые изгороди из калинника, жасмина, сирени и роз переплетались друг с другом, высокие пальмы, акации и бальзамовые деревья возвышались над кустами, а на реке раздавались пение и смех.

Этот сад был разбит египтянином; строители пирамид с давних времен славились и как отличные садовники. Они умели аккуратно разделять гряды, сажать правильные группы деревьев и кустов, устраивать водопроводы и фонтаны, беседки и гроты и даже окаймлять дорожки подстриженными изгородями, а также разводить золотых рыбок в каменных бассейнах.

Фанес остановился у калитки садовой стены, внимательно осмотрелся кругом и стал прислушиваться; затем покачал головой и сказал:

- Не понимаю, что это значит. Я не слышу голосов, не вижу огня, все барки исчезли, а между тем флаг развевается на пестром шесте около обелисков, по обеим сторонам ворот. Родопис, вероятно, отсутствует. Неужели она забыла?

Не успел он еще договорить этих слов, как густой голос прервал его:

- А, начальник телохранителей!

- Добрый вечер, Кнакиас! - воскликнул Фанес, приветливо кланяясь подходившему старику. - Что значит эта тишина в саду, похожая на безмолвие могильной египетской комнаты, между тем как развевается пригласительный флаг? С каких пор белое полотно напрасно призывает гостей?

- С каких пор? - улыбаясь возразил старый раб Родопис. - Пока Парки ^[5] благосклонно щадят мою госпожу, старый флаг наверное привлечет

столько гостей, сколько возможно приютить в этом доме. Родопис нет дома, но она должна скоро вернуться. Вечер был так хорош, что она вместе со всеми гостями вздумала устроить увеселительную прогулку по Нилу. Два часа назад, перед заходом солнца, они отчалили от берега, а теперь уже готов ужин. Они не задержатся слишком долго. Пожалуйста, Фанес, умерь свое нетерпение и иди за мной в дом. Родопис никогда не простила бы мне, если бы я не удержал такого дорогого гостя. Тебя же, чужеземец, - продолжал он, обращаясь к спартанцу, - я также убедительно прошу остаться: ты тоже будешь желанным гостем для моей госпожи, как друг ее друга.

Оба грека последовали за слугой и уселись в одной из беседок.

Аристомах, рассматривая окрестности, ярко освещенные луной, сказал:

- Объясни мне, пожалуйста, Фанес, каким счастливым обстоятельствам обязана эта Родопис, бывшая рабыня и гетера, тем, что живет, как царица, и может по-царски принимать своих гостей?

- Этого вопроса я ожидал давно, - сказал афинянин, - мне очень приятно, что, прежде чем ты войдешь в дом этой женщины, я могу ознакомить тебя с ее прошлым. Во время путешествия по Нилу я не хотел навязывать тебе никаких рассказов. Эта древняя река с непонятной силой располагает к молчанию. Когда я, подобно тебе, первый раз совершал ночное путешествие по Нилу, то даже мой столь подвижный язык был словно парализован.

- Благодарю, - отвечал спартанец. - Когда я в первый раз увидел стопятидесятилетнего жреца Эпименида из Кносса на Крите, то мной овладел какой-то странный трепет, внушенный его старостью; насколько же древнее и священнее эта прославленная река! Кто может избежать ее чарующего влияния? Прошу тебя, Расскажи мне о Родопис.

- Родопис, - начал Фанес, - маленьким ребенком, когда играла на фракийском берегу с другими детьми, была украдена финикийскими моряками и увезена на Самос, где ее купил человек из благородной фамилии Ядмон. Девочка хорошела день ото дня, делалась все привлекательнее, умнее и служила предметом любви и удивления для всех, кто ее знал. Эзоп ^[6], сочинитель басен о зверях, в то же самое время находившийся в рабстве у Ядмона, в особенности восхищался миловидностью и умом ребенка. Он учил девочку всему и заботился о ней, как педагог, который у нас, афинян, берется для мальчиков. Добрый учитель нашел в ней послушную и весьма понятливую ученицу, и маленькая рабыня говорила, пела и играла на музыкальном инструменте лучше сыновей Ядмона, которых воспитывали самым тщательным образом. На четырнадцатом году Родопис была так прекрасна и совершенна, что ревнивая жена Ядмона не захотела держать девушку у себя в доме, и самосец с грустью

должен был продать свою любимицу известному Ксанфу. В те времена на Самосе преобладала небогатая аристократия. Если бы Поликрат уже стоял у кормила правления, то Ксанфу не пришлось бы заботиться о хорошем покупателе. Эти тираны наполняют свои сокровищницы, как сороки гнезда! Таким образом, он отправился со своей драгоценностью в Наукратис и тут, посредством прелестей своей рабыни, приобрел много денег. Родопис в течение трех лет претерпела величайшее унижение, о котором вспоминает с содроганием.

Когда, наконец, слух о ее красоте распространился по всей Элладе и иностранцы издалека приезжали в Наукратис только ради нее, то случилось, что народ на Лесбосе изгнал свою аристократию и сделал правителем мудрого Питтака [\[7\]](#). Самые знатные семейства принуждены были покинуть Лесбос и бежали частью в Сицилию, частью в греческую Италию, частью в Египет. Алкей [\[8\]](#), величайший поэт своего времени, и Харакс-младший, брат той Сапфо [\[9\]](#), выучить оды которой было последним желанием нашего Солона [\[10\]](#), прибыли сюда в Наукратис, который уже издавна процветал, как центральный пункт сношений Египта со всем остальным миром. Харакс увидал Родопис и вскоре полюбил ее так страстно, что заплатил громадную сумму за нее Ксанфу, желавшему возвратиться на родину. Сапфо в едких стихах осмеяла брата по поводу этой покупки; но Алкей оправдал Харакса и воспел Родопис в пламенных стихах.

Брат поэтессы, остававшийся в прежнее время незамеченным среди иностранцев в Наукратисе, вдруг сделался знаменит благодаря Родопис. В его доме собирались ради нее все иностранцы и осыпали ее подарками. Царь Хофра [\[11\]](#), много слышавший о красоте и мудрости Родопис, призвал ее в Мемфис и хотел купить ее у Харакса; но последний давно уже в тайне дал ей свободу и слишком сильно любил ее для того, чтобы быть в состоянии расстаться с нею. С другой стороны, она охотно оставалась у него, несмотря на блистательные предложения, которые делались ей со всех сторон. Наконец, Харакс сделал эту удивительную женщину своей законной женой и остался с нею и ее дочерью Клейс в Наукратисе, покамест Питтак не позволил изгнанникам возвратиться на родину.

Тогда он отправился с женой на Лесбос. На пути туда он заболел и умер вскоре по прибытии в Митилену. Сапфо, насмехавшаяся над братом вследствие его неравного брака, вскоре сделалась пламенной почитательницей прекрасной вдовы, которую она воспевала в страстных песнях, соперничая со своим другом Алкеем.

После смерти поэтессы Родопис возвратилась с дочерью в Наукратис и была принята здесь точно богиня. Между тем нынешний царь египетский

Амазис [\[12\]](#) овладел тронном фараонов и удерживался на нем с помощью солдат, из касты которых происходил. Так как его предшественник Хофра ускорил свое падение своим пристрастием к грекам и сношениями с иностранцами, ненавистными всем египтянам, и в особенности довел до открытого возмущения жрецов и воинов, то все были уверены, что Амазис, по примеру старых времен, закроет иностранцам доступ в государство, отпустит эллинских наемников и станет слушаться приказаний жрецов вместо того, чтобы внимать греческим советам. Однако же ты сам видишь, что мудрые египтяне ошиблись в выборе царя и от Сциллы попали к Харибде. Если Хофра был другом греков, то Амазиса мы можем назвать нашим любимцем. Египтяне, и прежде всего жрецы и воины, приходят в бешенство и охотнее всего перерезали бы нас всех, как поступил Одиссей с расточителями своего имущества. О воинах царь не слишком-то заботился, зная, что делают они и что делаем мы для него; а на жрецов он не может не обращать внимания, так как, с одной стороны, они имеют неограниченное влияние на народ, а с другой - царь сильнее, чем хочет казаться, предан той бессмысленной религии, которая остается неизменной в этой удивительной стране в течение тысячелетий и поэтому кажется вдвое священнее для людей, ее исповедующих. Эти жрецы отравляют жизнь Амазису, преследуют нас и вредят нам, где только могут; меня уже давно не было бы на свете, если бы царь не прикрывал меня своею десницей. Но я слишком уклоняюсь от темы. Итак, Родопис была принята в Наукратисе с распростертыми объятиями и осыпана изъявлениями милости со стороны Амазиса, познакомившегося с нею. Ее дочь Клейс, которая, так же как теперь Сапфо, никогда не присутствовала на вечерних собраниях в доме и которую воспитывали еще строже, чем других девушек в Наукратисе, вышла замуж за Глаука, богатого фокейского торговца из благородного дома, храбро защищавшего свой родной город против персов, и последовала за ним во вновь основанную Массалию [\[13\]](#) на кельтском берегу. Молодые люди погибли от тамошнего климата после того, как у них родилась дочь, Сапфо. Родопис предприняла сама продолжительное путешествие на Запад, привезла маленькую сиротку, взяла ее к себе в дом, воспитывала ее самым тщательным образом, и теперь, когда она выросла, запрещает ей находиться в обществе мужчин. Она так сильно переживает позор своей ранней юности, что держит свою внучку гораздо далее от нашего пола, чем допускают египетские нравы, что, впрочем, нетрудно при характере Сапфо. А самой моей приятельнице общество так же необходимо, как вода рыбе и воздух птице. Все иностранцы посещают ее, а кто однажды испытал ее гостеприимство, тот, если позволяет ему время, никогда не преминет явиться, как только флаг возвестит о приемном вечере. Каждый эллин позначительнее посещает этот дом, так как здесь происходят совещания, каким образом противодействовать ненависти жрецов и уговорить царя согласиться на ту или другую меру. Здесь всегда можно

услыхать новейшие известия с родины и со всего остального мира; здесь преследуемый находит неприкосновенное убежище, так как царь дал своей приятельнице защитительную грамоту против всех придирок полиции; здесь можно услышать язык и песни родины; здесь обсуждается, каким образом избавить Элладу от возрастающего единовластия, - одним словом, этот дом - пункт пересечения всех эллинских интересов в Египте, здешнее общество храма и торговли. Через несколько минут ты увидишь необыкновенную бабушку, - а может быть, если мы останемся одни, и внучку, - и тут же поймешь, что эти люди обязаны всем не одному счастью, но и своим способностям. Да вот и они! Теперь мы направимся к дому. Слышишь, как поют рабыни? Вот они входят. Пусть они сперва усядутся, и тогда следуй за мною, а при прощании я спрошу тебя, сожалеешь ли ты, что отправился со мною, и не более ли похожа Родопис на царицу, чем на рабыню, отпущенную на волю.

Дом Родопис был построен в греческом стиле. Внешний вид одноэтажного продолговатого здания должен был, по нашим понятиям, представляться совершенно простым, между тем как внутреннее устройство соединяло в себе эллинскую красоту форм с египетским великолепием красок. Широкая главная дверь вела в сени, по левую сторону которых большая столовая выходила окнами на реку. Против нее находилась кухня, существовавшая только у богатых эллинов, между тем как более бедные готовили кушанья на очаге в передней. Приемная располагалась в конце сеней, имела квадратную форму и была окружена коридором с колоннами, в который выходили двери нескольких комнат. Посреди приемной, обыкновенного местопребывания мужчин, горел домашний огонь на медном, имевшем форму алтаря, очаге искусной эгинской работы.

Днем эта комната освещалась посредством широкого отверстия в крыше, через которое вместе с тем выходил дым очага. Коридор, находившийся против сеней с накрепко запертой дверью, вел в большую комнату для женщин, только с трех сторон окруженную колоннами, в которой обыкновенно собирался женский персонал дома, если не был занят пряжею и тканьем в комнатах около так называемой кладовой или задней двери. Между этими комнатами и теми, которые слева и справа окружали женскую комнату и предназначались для хозяйственных целей, помещались спальни, в которых помимо всего прочего хранилось домашнее имущество. Стены мужской комнаты были окрашены красновато-коричневой краской, на фоне которой резко выделялись белые мраморные статуи, подарок одного художника из Хиоса. Пол был украшен мозаичными картинками великолепных рисунков и цветов. Вдоль колонн тянулись низкие диваны, покрытые шкурами пантер, тогда как близ изящного очага стояли странных форм египетские кресла и столики из тисового дерева, с тонкой резьбою; на них лежали разного рода

музыкальные инструменты: флейты, кифары [\[14\]](#) и форминги [\[15\]](#). На стенах висели многочисленные лампы различных форм, наполненные маслом. Одни из них изображали дельфинов, изрыгавших пламя, другие - удивительных крылатых чудовищ, из пасти которых вырывалось пламя. Свет этих ламп приятно гармонировал с огнем очага.

В комнате находились несколько мужчин различной наружности и в разнородных костюмах. Сириец из Тира в длинной ярко-красной одежде вел оживленный разговор с человеком, чьи резкие черты и курчавые черные волосы изобличали израильтянина. Он прибыл из своего отечества в Египет, чтобы закупить для царя иудейского, Зоровавеля, египетских лошадей и колесницы, пользовавшиеся в то время наибольшей славой. Три грека из Малой Азии, в богато расшитых широких одеждах своего отечества, Милета, стояли около него и вели серьезные разговоры с просто одетым Фриксом, послом города Дельфы, который явился в Египет для сбора денег на храм Аполлона. Древнее пифийское святилище десять лет тому назад сделалось добычею пламени; теперь предполагалось воздвигнуть другое, более великолепное.

Милетцы, ученики Анаксимандра [\[16\]](#) и Анаксимена [\[17\]](#), находились на берегах Нила, чтобы изучать египетскую мудрость и астрономию в Гелиополе.

Третий был богатый купец и владелец кораблей, по имени Феопомп, поселившийся в Наукратисе. Сама Родопис оживленно разговаривала с двумя греками из Самоса, знаменитым архитектором, плавильщиком, скульптором и золотых дел мастером Феодором и сочинителем ямбов Ивиком [\[18\]](#) из Регия [\[19\]](#). Они оставили двор Поликрата [\[20\]](#) на несколько недель, чтобы ознакомиться с Египтом и передать царю подарки своего властителя. Около самого очага, вытянувшись во весь рост на пестрой меховой покрывке двухместного стула, лежал тучный мужчина с резкими чувственными чертами, по имени Филоин, из Сибариса, и играл своими душистыми, перевитыми золотом кудрями и золотыми цепочками, спускавшимися с шеи на шафранно-желтую одежду, которая доходила ему до самых пят.

У Родопис находилось для каждого приветливое слово, но теперь она разговаривала исключительно со знаменитыми самосцами. Она беседовала с ними об искусстве и поэзии.

Глаза фракиянки горели огнем юности, ее высокая фигура была полна и пряма, седые волосы густыми прядями обрамляли прекрасно сформированную голову и были подобраны на затылке в сетку из тонкой золотой плетенки. Высокое чело украшала сверкающая диадема.

Благородное греческое лицо ее было бледно, но прекрасно и замечательно отсутствием морщин, несмотря на преклонные лета; маленький, изящно обрисованный рот, большие, задумчивые и кроткие глаза, благородный лоб и нос этой женщины могли бы служить украшением для всякого молодого лица.

Родопис казалась моложе, нежели она была на самом деле, но несколько не скрывала своих лет. Каждое движение ее было запечатлено достоинством матроны, и ее грация была не грацией юности, которая старается нравиться, а грацией старости, которая желает оказать приветливость и, будучи внимательна к другим, требует того же и по отношению к себе.

Теперь в комнате показались известные нам лица. Глаза всех обратились на них, и когда вошел Фанес, ведя за руку своего спутника, то его приветствовали самым дружеским образом; а один из милетцев воскликнул:

- А я-то и не знал, чего нам недостает. Теперь я понял, в чем дело: без Фанеса нет полного веселья!

Филоин-сибарит возвысил свой густой голос и провозгласил, не изменяя спокойной позы:

- Веселье - вещь прекрасная, и если ты принес его с собою, то я приветствую тебя, афинянин!

- А я, - сказала Родопис, подходя к новым гостям, - от души приветствую вас, если вы веселы, и приму вас не менее радушно, если вы удручены горем; я не знаю большего удовольствия, как разгладить морщины на челе друга. И тебя также, спартанец, я называю 'другом', потому что это имя я даю каждому, кто люб моим друзьям.

Аристомах поклонился молча; афинянин же, обращаясь частью к Родопис, частью к сибариту, воскликнул:

- Итак, я могу доставить удовольствие вам обоим, мои дорогие! Ты, Родопис, будешь иметь случай утешать меня, твоего друга, потому что мне скоро придется покинуть тебя и твой милый дом; ты же, сибарит, будешь радоваться моему веселью, так как я, наконец, увижу мою Элладу и покину, хотя и не добровольно, эту страну, которую можно назвать золотой мышеловкой!

- Ты удаляешься? Ты получил отставку? Куда думаешь ты отправиться? - спрашивали со всех сторон.

- Имейте терпение, друзья мои! - воскликнул Фанес. - Я должен рассказать вам длинную историю, которую приберегу на ужин. К слову говоря, любезная приятельница, мой голод столь же велик, как и моя печаль по случаю расставания с тобой.

- Голод - вещь прекрасная, - философски заметил сибарит, - когда ожидаешь хорошего обеда.

- Успокойся, Филоин, - отвечала Родопис, - я приказала повару приложить наивозможное старание и сообщила ему, что величайший гастроном из самого роскошного города всего мира, сибарит Филоин, будет строго судить его изысканные кушанья! Иди, Кнакиас, и вели подавать! Довольны ли вы теперь, нетерпеливые гости? Несносный Фанес, ты испортил мне весь ужин своим печальным известием!

Афинянин поклонился, а сибарит снова принялся философствовать:

- Удовлетворение - прекрасная вещь, когда имеешь средства исполнять все свои желания; я также благодарю тебя, Родопис, за то, что ты почтила мою несравненную родину. Что говорит Анакреонт [\[21\]](#)?

Дорог день мне настоящий,
Что нам завтрашний сулит?
Будем пить, играть, - пусть горе
Наших дум не омрачит!

Эй, Ивик! Верно ли я цитировал стихи твоего друга, пировавшего вместе с тобою за столом Поликрата? Говорю тебе, что если Анакреонт пишет стихи лучше меня, то моя ничтожная особа умеет жить не хуже этого великого певца жизни. Ни в одной его песне не встречается похвалы еде, а разве еда не важнее, чем игра и любовь, хотя оба эти действия также весьма дороги мне? Без еды я должен был бы умереть, а без игры и любви могу прожить, хотя и весьма печально.

Сибарит, довольный своею плоской остротой, громко расхохотался; спартанец же во время разговора, продолжавшегося в том же тоне, обратился к дельфийцу Фриксу, отвел его в угол и, забывая свой степенный тон, спросил его с величайшим волнением, привез ли он ему давно ожидаемый ответ оракула. Серьезное лицо дельфийца сделалось приветливее; он откинул грудные складки своего хитона и вынул маленькую трубочку из овечьей кожи, похожей на пергамент, на которой было написано несколько строчек.

Руки сильного и храброго спартанца дрожали, когда он взял свиток и, развернув его, впился глазами в покрывавшие его строки. Так он простоял недолго; затем он с неудовольствием потрянул седыми кудрями, возвратил сверток Фриксу и сказал:

- Мы, спартанцы, учимся иным вещам, а не чтению и письму. Если можешь, то прочти мне, что говорит Пифия.

Дельфиец пробежал письма и улыбнулся:

- Радуйся! Локиас [\[22\]](#) предсказывает тебе счастливое возвращение; послушай, что возвещает тебе жрица:

'Время придет - и железные полчища ринутся
Со снежных высот на побережье потока великого;
В утлой ладье ты пристанешь к желанному берегу,
Мир и покой обретут твои ноги усталые;
Пятеро судей даруют бездомному страннику
То, в чем ему было долго, так долго отказано!'

Напряженно вслушивался спартанец в эти слова. Он попросил во второй раз прочесть изречение оракула, затем повторил его на память, поблагодарил Фрикса и спрятал свиток.

Дельфиец вмешался в общий разговор; спартанец же непрерывно повторял про себя изречение оракула, чтобы не забыть его, и старался объяснить себе загадочные слова.

II

Двери в столовую распахнулись. С каждой стороны у входа стоял хорошенький белокурый мальчик с миртовым венком в руке; посреди залы возвышался большой, низкий, блестяще отполированный стол, вокруг которого пурпурные подушки приглашали гостей разместиться поудобнее.

На столе красовались роскошные букеты цветов. Груды жареных яств, стаканы и чаши, наполненные финиками, винными ягодами, гранатами, дынями и виноградом, стояли рядом с маленькими серебряными ульями, наполненными медом; нежный сыр с острова Тринакрия лежал на фигурных медных тарелках, а посреди стола возвышалось серебряное украшение, походившее на алтарь; оно было обвито миртами и розовыми венками, а из вершины его поднимался приятный дым курений.

На крайнем конце стола блестел серебряный сосуд со смешанным напитком, великолепное произведение египетского искусства. Его искривленные ножки представляли двух гигантов, как будто изнемогавших под тяжестью чаши, которую несли. Этот сосуд был, подобно алтарю на середине стола, обвит цветами, и вокруг каждой чаши тоже обвивался венок из роз или мирт. Вся комната была усеяна розовыми листьями, а на гладких, покрытых белой штукатуркой стенах висело множество ламп.

Как только общество уселось на подушках, явились белокурые мальчики, которые возложили на головы и плечи пирующих мирты и венки из плюща и омыли их ноги в серебряных тазах. Служитель взял уже со стола первое жаркое,

чтобы разрезать его, а сибарит все еще возился с мальчиком и, хотя уже и без того благоухал всеми ароматами Аравии, приказал буквально укутать себя розами и миртами; но когда подали первое кушанье из рыбы тунца под горчичным соусом, он забыл обо всех побочных вещах и предался исключительно наслаждению прекрасными блюдами. Родопис сидела на кресле во главе стола, около сосуда с смешанным напитком, и, управляя беседою, в то же время давала указания прислуживавшим рабам.

С некоторою гордостью глядела она на своих веселых гостей и, казалось, была занята исключительно каждым из них. То она осведомлялась у дельфийца об успехе его сбора, то спрашивала сибарита - нравятся ли ему произведения ее повара, то слушала Ивика, рассказывавшего, что Фриних ^[23] Афинский перенес в гражданскую жизнь религиозные зрелища Феспида ^[24] из Икарии и устраивает представления историй из древнейших времен с хорами и действующими лицами, говорящими и дающими ответы.

Затем она обратилась к спартанцу и сказала ему, что он единственный человек, перед которым ей приходится извиняться не за простоту своей трапезы, а за пышность ее. Когда он придет в следующий раз, то ее раб Кнакиас, не раз хвалившийся тем, что в качестве беглого спартанского илота ^[25] умеет варить отличный кровяной суп (тут сибарит содрогнулся), приготовит ему чисто лакедемонский ^[26] обед.

Насытившись, гости снова ополоснули свои руки. Затем обеденная посуда была убрана, пол очищен и налито вино с водою в чашу. Наконец, удостоверившись, что все идет как следует, Родопис обратилась к Фанесу, спорившему с милетцами:

- Благородный друг! Мы уже так долго сдерживали наше нетерпение, что теперь ты обязан сообщить нам - какой неприятный случай грозит тебе удалением из Египта и из нашего круга. Ты оставишь нас и нашу страну с той беззаботностью, которую боги, в виде драгоценного дара, ниспосылают всем вам, ионийцам, при рождении; но мы очень долго будем с грустью вспоминать о тебе, так как я не знаю утраты более значительной, чем потеря друга, испытанного долголетним опытом. Некоторые из нас слишком долго прожили на берегах Нила для того, чтобы не усвоить отчасти постоянства египтян. Ты улыбаешься, но мне кажется, что хотя ты и давно стремился душою в Элладу, но все-таки расстанешься с нами не без некоторого сожаления. Ведь я права, не так ли? Ну, так расскажи нам - почему ты принужден покинуть Египет, чтобы мы могли обсудить - не представится ли возможность отменить твое удаление от двора и сохранить тебя для нас.

Фанес горько улыбнулся и сказал:

- Благодарю тебя, Родопис, за твои любезные слова и доброе желание воспрепятствовать моему отъезду, огорчающему тебя. Сотни новых лиц вскоре заставят тебя забыть обо мне, так как хотя ты и давно уже живешь на берегу Нила, но осталась эллинкою от головы до пяток, за что должна благодарить богов. И я также сторонник постоянства, но я враг египетской тупости; вероятно, между вами не найдется ни одного человека, который счел бы благоразумным сокрушаться о неизбежном. Египетское постоянство в моих глазах есть не добродетель, а просто заблуждение. Египтяне, сохраняющие своих покойников в течение тысячелетий и скорее согласные лишиться последнего куска хлеба, чем пожертвовать одной костью своего прапрадеда, должны быть названы не постоянными, а глупыми. Разве мне может быть приятно видеть грустными тех, кого я люблю? Разумеется, нет! Вы не должны вспоминать обо мне с ежедневными сетованиями, продолжающимися в течение нескольких месяцев, подобно египтянам, когда их покидает друг. Если вы захотите когда-либо вспомнить обо мне - так как впредь я до конца жизни не имею права ступить на египетскую землю - то вспоминайте меня с улыбкою на губах. Не восклицайте: 'Ах, зачем вынужден Фанес покинуть нас!' - а говорите: 'Будем веселы, как был Фанес, когда он еще находился в нашем кругу!' Вот как вам следует поступать. Так советовал еще Семонид [\[27\]](#), когда пел:

Если б мы рассудком обладали,
То рыдать так долго мы б не стали,
И у гроба, мертвых хороня,
Плакали б не дольше дня.
Смерть от нас и так ведь не далеко,
Жизнь мелькает, как волна потока,
И без лишних горестей она
Так ничтожна, так бледна!

Если не следует оплакивать покойников, то еще более неблагоприятно тосковать о покидающих нас друзьях; те исчезли навеки, а этим мы говорим при прощании: 'до свидания!'

Тут сибарит, уже давно выдававший признаки нетерпения, не мог выдержать долее и воскликнул плачущим голосом:

- Да начинай же ты, наконец, рассказывать, несносный человек! Я не могу выпить ни капли, покамест ты не перестанешь разглагольствовать о смерти. Я совсем похолодел и делаюсь болен каждый раз, как только заходит речь о... словом, когда говорят, что мы будем жить не вечно.

Все общество рассмеялось, а Фанес начал свой рассказ:

- Как вам известно, я живу в Саисе, в новом дворце, а в Мемфисе мне, как начальнику греческой стражи, сопровождающей царя во всех его поездках, было назначено помещение в левом крыле старого дворца.

Со времен первого Псаметиха ^[28] цари имеют свою резиденцию в Саисе, и поэтому другие дворцы несколько запущены. Мое помещение было само по себе прекрасно, отлично устроено и не оставляло бы ничего желать во всех отношениях, если бы, тотчас же по моем водворении, не открылось одно страшное неудобство.

Днем, когда я вообще редко бываю дома, мое жилище, по-видимому, было безукоризненно хорошо, но ночью невозможно было даже помышлять о сне, такой страшный шум поднимали тысячи мышей и крыс под старыми полами, за обоями и под кроватями.

Я не знал, каким образом помочь этой беде, пока один египетский солдат не продал мне двух прекрасных больших кошек, которые действительно, по прошествии нескольких недель, отчасти освободили меня от моих мучителей и дали возможность спокойно спать по ночам.

Всем вам известно, что один из законов этого удивительного народа, образованностью и мудростью которого вы, мои милетские друзья, не можете достаточно нахвалиться, объявляет кошек священными животными. Этим счастливым четвероногим, наравне со многими другими животными, воздаются божеские почести, и убийство их наказывается так же строго, как убийство человека.

Родопис, до тех пор улыбавшаяся, сделалась серьезнее, когда узнала, что изгнание Фанеса связано с его неуважением к священным животным. Она знала, скольких жертв и человеческих жизней уже стоило это суеверие египтян. Еще незадолго перед тем сам царь Амазис не мог спасти от ярости взбешенного народа несчастного самосца, убившего кошку.

- Все шло хорошо, - продолжал рассказывать Фанес, - пока мы, два года тому назад, не уехали из Мемфиса.

Я поручил своих кошек попечению египетского дворцового прислужника и знал, что враждебные крысам животные избавят мое жилище от их нашествия, и даже начинал чувствовать некоторого рода уважение к моим спасителям.

В прошлом году Амазис заболел прежде, нежели двор успел переселиться в Мемфис, и мы остались в Саисе.

Наконец, около шести недель тому назад мы двинулись в путь, к городу пирамид. Я поселился в своей старой квартире и не нашел в ней и тени

мышинного хвоста; но вместо крыс три комнаты были наполнены другой породой животных, которая была мне так же неприятна, как и ее предшественники. А именно, кошачья чета удесятилась в течение моего двухлетнего отсутствия. Я старался изгнать несносное кошачье поколение всех возрастов и мастей; но мне это не удалось, и я каждую ночь просыпался от ужасного хора этих четвероногих - от воинственного мяуканья кошек и песен котов.

Ежегодно, во время праздника в Бубастисе [\[29\]](#), позволяется сдавать всех лишних кошек в храм богини Баст, имеющей кошачью голову; там за ними ухаживают и, как мне кажется, устраняют их в случае слишком сильного размножения. Ведь жрецы - мошенники!

К несчастью, время нашего пребывания у пирамид не совпало с великим путешествием к вышеназванному святилищу, но у меня не было сил долее терпеть это полчище мучителей, и когда две кошки подарили мне еще дюжину здоровых потомков, я решился спровадить хоть этих последних. Мой старый раб Мюс [\[30\]](#), уже по одному имени своему прирожденный враг кошачьей породы, получил приказание убить юных животных, спрятать в мешок и бросить в Нил.

Это избиение было необходимо, так как иначе мяуканье котят выдало бы содержимое мешка дворцовым слугам. Когда стало смеркаться, бедный Мюс отправился со своею опасной ношей через рощу Хатор к Нилу. Но дворцовый слуга, египтянин, обыкновенно кормивший моих животных и знавший каждую кошку по имени, догадался о нашем плане.

Мой раб спокойно шел по большой сфинксовой аллее мимо храма Пта; мешок он спрятал под плащом. Уже в священной роще он обнаружил, что за ним следуют, но не обратил на это внимания и совершенно спокойно продолжал идти дальше, заметив, что люди, шедшие за ним, остановились у храма Пта и начали разговаривать там с жрецами.

Он уже стоял на берегу Нила. Тут он услышал, что его зовут и что множество людей бегут за ним, и брошенный в него камень пролетел близехонько от его головы.

Мюс понял угрожавшую ему опасность. Собрав все силы, он добежал до реки, бросил мешок в воду и с сильно бьющимся сердцем, но, как ему казалось, без всякой улики в своей вине, остался стоять на берегу. Несколько минут спустя он был окружен сотней служителей при храме. Верховный жрец бога Пта, Птаотеф, мой старый враг, не счел ниже своего достоинства лично последовать за ними.

Многие из них, и в том числе вероломный дворцовый слуга, тотчас же бросились в Нил и нашли, на наше несчастье, мешок с двенадцатью трупами, который, нисколько не поврежденный, запутался в папирусовом тростнике у берега. В присутствии главного жреца, толпы прислужников при храме и по крайней мере тысячи мемфисцев был открыт гроб из бумажной ткани. Когда они увидели его ужасное содержимое, то поднялся такой отчаянный вой, что я слышал его в самом дворце. Разъяренная толпа в диком бешенстве бросилась на моего бедного слугу, сбила его с ног, топтала его ногами и тут же лишила бы его жизни, если бы всемогущий верховный жрец не удержал ее и не приказал заключить в тюрьму страшно изувеченного преступника, имея намерения погубить меня, так как во мне он подозревал зачинщика святотатства.

По прошествии получаса был арестован и я.

Мой старый Мюс взял на себя всю вину, но верховный жрец, посредством пытки, вынудил его признаться, что это я приказал ему убить кошек и он, как верный слуга, принужден был повиноваться.

Верховное судилище, против приговоров которого даже сам царь не имеет никакой власти, составлено из жрецов Мемфиса, Гелиополя и Фив; поэтому вы можете себе представить, что как бедного Мюса, так и мою ничтожную эллинскую особу, не задумываясь, приговорили к смерти. Раба приговорили за два уголовных преступления: во-первых, за убийство священных животных, во-вторых, за двенадцатикратное осквернение трупами священного Нила; меня же - за то, что я был зачинщиком этого, как они называли, двадцатичетырехкратного уголовного преступления. Мюса казнили в тот же день. Мир праху его! В моей памяти воспоминание о нем будет жить как воспоминание о друге и благодетеле. Перед его трупом и мне был прочтен смертный приговор; и я уже стал готовиться к длинному путешествию в подземный мир, когда царь приказал отложить мою казнь.

Меня снова отвели в тюрьму.

Аркадийский таксиарх ^[31], находившийся в числе моих стражей, сообщил мне, что все греческие офицеры из числа телохранителей и множество солдат, в числе более четырех тысяч человек, грозили выйти в отставку, если не помилуют меня, их начальника.

В сумерки меня привели к царю, который милостиво принял меня. Сам он подтвердил все сказанное таксиархом и выразил свое сожаление, что он должен лишиться столь любимого воина. Что же до меня, то я охотно признаюсь, что нисколько не сержусь на Амазиса, и прибавлю, что чувствую сожаление к нему, могущественному царю. Если бы вы послушали, как он жаловался, что ни в чем не может поступить как хочет, и даже в своих личных

делах не может избежать помехи со стороны жрецов! Если бы это зависело от него, говорил он, то он охотно простил бы мне, иноземцу, преступление против закона, который мне непонятен, который я, хотя и несправедливо, считаю бессмысленным суеверием. Но, чтобы не раздражать жрецов, он не может оставить меня без наказания. Изгнание из Египта есть самая легкая кара, которую он может наложить на меня.

- Ты даже не представляешь, - этими словами заключил он свои жалобы, - какие значительные уступки я принужден был сделать жрецам для того, чтобы выхлопотать тебе помилование! Ведь наш верховный суд независим даже от меня, царя!

Таким образом, я откланялся после того, как дал клятву покинуть Мемфис в тот же день и Египет - самое позднее - через три недели.

У ворот дворца я встретился с наследным царевичем Псаметихом, уже давно преследующим меня из-за неприятных историй, о которых я должен умолчать (ты знаешь их, Родопис). Я хотел проститься с ним, но он отвернулся от меня, воскликнув: 'Ты и на этот раз избежал наказания, афинянин; но от моей мести ты еще не избавился! Куда бы ты ни ушел, я сумею найти тебя!' - 'Итак, я могу надеяться на свидание с тобою', - ответил я ему и затем перенес свое имущество на барку и прибыл сюда, в Наукратис, где счастье свело меня с моим старым другом Аристомахом из Спарты, который, в качестве прежнего начальника войск на острове Кипр, весьма вероятно будет назначен моим преемником. Я был бы весьма доволен, увидав на своем месте такого достойного человека, если бы не опасался, что рядом с его замечательными заслугами мои покажутся еще ничтожнее, чем они есть на самом деле!

Тут Аристомах прервал афинянина и воскликнул:

- Довольно хвалить меня, друг Фанес! Спартанские языки неповоротливы; но когда тебе встретится нужда во мне, то я на деле дам тебе надлежащий ответ.

Родопис одобрительно улыбнулась обоим. Потом подала руку каждому из них и сказала:

- К сожалению, я узнала из твоего рассказа, мой бедный Фанес, что дальнейшее пребывание твое в этой стране невозможно. Я не стану порицать тебя за легкомыслие, но ведь ты должен был знать, что подвергался большой опасности из-за пустяков. Человек мудрый и истинно мужественный решается на рискованное предприятие только тогда, когда ожидаемая от него польза превышает вред. Безумная храбрость столь же вредна, как и трусость, хотя и не так достойна порицания, потому что если обе они вредят, то позорна только последняя. Твое легкомыслие едва не стоило тебе жизни, той жизни, которая

дорога для многих и которую ты должен сохранять для дел более прекрасных, нежели глупое сумасбродство. Мы не можем пытаться сохранить тебя для нас, так как не принесли бы этим пользы тебе и повредили бы себе самим. Пусть на будущее время этот благородный спартанец, в качестве начальника телохранителей, сделается представителем нашей нации при дворе; пусть он старается оградить ее от нападков жрецов и сохранить ей милость царя. Я беру твою руку, Аристомах, и не выпущу ее до тех пор, пока ты не обещаешь нам, по примеру твоего предшественника Фанеса, защищать, по мере сил, каждого самого незначительного грека от высокомерия египтян и скорее отказаться от своего места, чем оставить без внимания и возмездия малейшую несправедливость, которой подвергнется эллин. Нас всего несколько тысяч среди стольких же миллионов египтян, и мы должны поддерживать свою силу единодушием. До сих пор эллины в Египте вели себя, как настоящие братья; один жертвовал собой за всех, все - за одного, и именно это единодушие делало нас неодолимыми и должно и на будущее время сохранить нашу силу. Если бы только мы могли даровать нашей метрополии и ее колониям то же самое единодушие, если бы все племена нашего отечества, забыв о своем дорическом, ионическом или эллинском происхождении, довольствовались одним названием 'эллинов' и жили подобно детям одной семьи, подобно овцам одного стада, - тогда действительно весь мир не был бы в состоянии сопротивляться нам, и все нации признали бы Элладу своей властительницей.

Глаза старухи засверкали при этих словах; спартанец же сжал ее руку, с необузданным порывом стукнул о пол своей деревянной ногой и воскликнул:

- Клянусь Зевсом Лакедемонским, я не позволю тронуть ни одного волоса на голове эллинов; ты же, Родопис, достойна быть спартанкой!

- И афинянкою! - подхватил Фанес.

- Ионийкою! - вскричали милетцы.

- Дочерью геоморов [\[32\]](#) на Самосе! - воскликнул скульптор.

- Но я более всего этого, - провозгласила вдохновенная женщина, - я более всего этого: я - элинка!

Все были в восхищении; даже сириец и еврей не могли остаться равнодушными при всеобщем возбуждении; только сибарит не изменил своему спокойствию и сказал, набив рот кушаньем:

- Ты была бы достойна быть также сибариткою, так как твое жаркое самое лучшее, какое только мне приходилось есть после отъезда из Италии, а твое антильское вино я нахожу почти таким же вкусным, как вино с Хиоса или со склонов Везувия!

Все засмеялись, только спартанец бросил на сластолюбца взгляд, полный презрения.

- Приветствую вас! - внезапно раздался еще незнакомый собравшимся басистый голос, донесшийся из-за окна.

- Приветствуем тебя! - отвечал хор пирующих, стараясь угадать - кто этот запоздалый гость.

Недолго пришлось ожидать его; не успел еще сибарит отпить следующий глоток вина, как около Родопис уже стоял высокий, худощавый старик примерно шестидесяти лет от роду, с продолговатою изящною и умною головою; это был Каллиас, сын Фениппа Афинского.

Запоздалый гость - один из богатейших афинских изгнанников, дважды выкупавший у государства свое имущество и дважды лишавшийся его по возвращении Писистрата [\[33\]](#), вглядывался своими ясными, умными глазами в своих знакомых, и, дружески поздоровавшись со всеми, воскликнул:

- Если вы не оцените достойным образом мое сегодняшнее появление, то я скажу, что в мире не существует благодарности!

- Мы долго ждали тебя, - прервал его один из милетцев. - Ты первый приносишь известие о ходе олимпийских игр!

- И мы не могли желать лучшего вестника, чем бывший победитель, - прибавила Родопис.

- Садись, - с нетерпением проговорил Фанес, - и рассказывай коротко и связно то, что тебе известно, друг Каллиас!

- Сейчас, земляк, - кивнул последний. - Уже довольно много времени прошло с тех пор, как я покинул Олимпию и отчалил от пристани в Кенхрэ на самосском пятидесятивесельном судне, лучшем, какое только когда-либо было построено.

Меня нисколько не удивляет, что ни один эллин до меня не пристал к берегу в Наукратисе; нам пришлось выдержать яростные бури, и мы могли бы поплатиться жизнью, если бы эти самосские корабли с их толстым дном, ибисовыми носами и рыбьими хвостами не были так добротны построены и снабжены экипажем.

Неизвестно, куда попали другие возвращавшиеся домой путешественники, но мы смогли укрыться в Самосской гавани и после десятидневного пребывания там снова отправиться в путь.

Когда мы, наконец, сегодня вошли в устье Нила, я тотчас же сел в свою барку, и Борей, желая, по крайней мере, в конце путешествия показать мне, что он все

еще любит своего старого Каллиаса, помчал меня к цели так быстро, что я буквально через несколько минут завидел дом, самый приветливый из всех. Я заметил развевающийся флаг, свет в открытых окнах и долго колебался - войти мне или нет; но я не мог устоять против твоих чар, Родопис, и, кроме того, новости, которые я еще никому не сообщал, подавили бы меня, если бы я не вышел на берег, чтобы за куском жаркого и кубком вина рассказать вам такие вещи, какие вам и во сне не грезились.

Каллиас удобно расположился на диване и прежде, чем начал сообщать свои новости, подал Родопис великолепный золотой браслет, изображавший змею и купленный им за большие деньги в Самосе, в мастерской того самого Феодора, который сидел с ним за одним столом.

- Вот что я привез тебе, - сказал он, обращаясь к сильно обрадованной матроне, - а для тебя, друг Фанес, у меня найдется кое-что получше. Угадай, кто взял приз при состязании в беге на колесницах с четверкою лошадей?

- Афинянин? - спросил Фанес с пылающими щеками.

Всякая олимпийская победа принадлежала целому народу, гражданин которого удостоивался приза. Оливковая ветвь, полученная на олимпийских играх, была высочайшею честью и величайшим счастьем, какое только могло выпасть на долю эллина, и даже целого греческого племени!

- Отгадал, Фанес! - воскликнул вестник радости. - Первый приз получил афинянин, и, скажу еще более, это твой двоюродный брат Кимон, сын Кипселоса, брат того Мильтиада, который, девять олимпиад тому назад, удостоился подобной же чести. Он во второй раз победил в этом году с теми же конями, которые выиграли приз на прошлом празднике. Поистине, слава Алкмеонидов все более и более затмевается Филаидами [\[34\]](#). Гордишься ли ты, чувствуешь ли себя счастливым, услышав весть о прославлении своей семьи, Фанес?

Последний встал в величайшей радости и, казалось, вырос на целую голову.

С невыразимою гордостью и сознанием своего достоинства подал он руку вестнику победы, который, обнимая земляка, продолжал:

- Да, мы можем быть гордыми и счастливыми, Фанес; а больше всех приходится радоваться тебе. После того, как судьи единогласно присудили Кимону приз, он велел глашатаям объявить Писистрата собственником великолепной четверки, а следовательно - и победителем. Теперь ваш род, как объявил Писистрат, может возвратиться в Афины, и, таким образом, и для тебя пробил столь долго желанный час возвращения на родину!

При этих словах румянец веселья сбежал с щек начальника телохранителей; величая гордость его взгляда превратилась в гнев, и он вскричал:

- Так, по-твоему, мне следует радоваться, глупый Каллиас? Нет, я должен плакать при мысли, что потомок Аякса так позорно повергнул к ногам властителя свою заслуженную славу. Я возвращусь домой? Ха! клянусь Афиной, отцом Зевсом и Аполлоном, что скорее я умру от голода в чужой земле, чем моя нога направится к отечеству, пока Писистрат держит его в порабощении. Я свободен, как орел в облаках, с тех пор, как оставил службу у Амазиса; но я готов стать скорее голодным рабом поселянина в чужой земле, чем первым слугой Писистрата на родине. Нам, благородному сословию, принадлежит господство в Афинах; и Кимон, положив свой венок к ногам Писистрата, облобызал скипетр тирана и запечатлел себя клеймом раба. Я сам скажу Кимону, что мне, Фанесу, нет никакого дела до милости властителя; мало того, я хочу остаться изгнанником до тех пор, пока не будет освобождено мое отечество, пока благородное сословие и народ снова не будут управлять сами собою и сами себе предписывать законы! Фанес не станет преклоняться перед поработителем, хотя бы тысяча Кимонов и все Алкмеониды, от первого до последнего, и даже твой род, Каллиас, богатые дадухи, бросились к ногам Писистрата.

Афинянин окинул собрание пламенным взглядом, старый Каллиас также с гордостью оглядел весь круг гостей. Казалось, что он хочет сказать всякому: 'Смотрите, друзья, вот какие люди родятся в моем славном отечестве!'

Затем он снова взял Фанеса за руку и произнес:

- Как тебе, мой друг, так и мне ненавистен властитель; но я никак не могу отрешиться от мысли, что вряд ли может быть свергнута тирания, покамест он жив. Его союзники, Лигдамис Наксосский и Поликрат Самосский, весьма могущественны; но для нашей свободы умеренность и мудрость самого Писистрата гораздо опаснее их. Во время моего последнего пребывания в Элладе я с ужасом видел, что масса афинского народа любит поработителя, как отца. Несмотря на свое могущество, он оставляет в действии государственные учреждения Солона. Он украшает город изумительнейшими произведениями искусства. Новый храм Зевса, воздвигаемый из великолепного мрамора Каллаэсхром, Антистатом и Порином, которых ты должен знать, вероятно, превзойдет все прежние эллинские постройки. Писистрат умеет привлекать в Афины художников и поэтов всякого рода, он велит записывать песни Гомера и собирать изречения Мусе Ономакритского. Он прокладывает новые улицы и устраивает новые празднества; торговля процветает при его правлении и народное благосостояние, несмотря на вновь налагаемые подати, увеличивается вместо того, чтобы уменьшаться. Но что такое народ? Это пошлая

толпа, которая, подобно комарам, стремится навстречу всему блестящему, и если при этом она обожжет себе крылья, то все-таки продолжит летать вокруг свечи, покамест та горит. Пусть погаснет факел Писистрата, и я клянусь тебе, Фанес, что непостоянная чернь устремится к новому светилу, к возвращающейся аристократии, с не меньшей готовностью, чем недавно к тирану. Еще раз дай пожать мне твою руку, истинный сын Аякса; вам же, друзья, я расскажу еще некоторые новости.

Итак, на скачках с колесницами победил Кимон, подаривший Писистрату свою оливковую ветвь. Никогда не видал я лучшей четверни. Также Аркезилай Киренский, Клесафен из Эпидамна, Астер из Сибариса, Гекатев из Милета и многие другие прислали в Олимпию великолепных лошадей. Вообще, в этот раз игры были более чем блистательны. Вся Эллада прислала своих послов. Рода, город Ардеатов, в дальней Иберии, богатый Тартес, Синоп на дальнем востоке у берега Понта, одним словом - каждое племя, гордящееся своим эллинским происхождением, имело там многочисленных представителей. Сибариты прислали послов, отличавшихся поистине ослепительным блеском, спартанцы - простых мужей, красотою уподобившихся Ахиллесу и ростом - Геркулесу; афиняне отличались гибкостью членов и грациозностью движений, кротонцы явились под предводительством Милона ^[35], сильнейшего из мужей человеческого происхождения, самосские и милетские гости старались превзойти великолепием и внешним блеском коринфян и митиленцев; весь цвет эллинского юношества находился в сборе, и на местах для зрителей сидело, рядом с мужами всякого возраста, сословия и племени, много прекрасных дев, прибывших в Олимпию преимущественно из Спарты, чтобы своими восклицаниями украшать игры мужчин. По ту сторону Алфея ^[36] был устроен рынок. Там можно было видеть торговцев из всех стран света. Эллины, кахедонцы, лидийцы, фригийцы и торгоши-финикийцы из Палестины заключали крупные сделки или предлагали свои товары в лавках и шатрах. Я не в состоянии описать вам толкотню и давку в толпе, поющие хоры, дымящиеся праздничные гекатомбы, пестрые наряды, дорогие колесницы, ценных коней, смешанный говор на различных диалектах, радостные восклицания старых друзей, встретившихся здесь после долголетней разлуки, блеск праздника, суетню зрителей и купцов; напряженный интерес, с которым все следили за ходом игр, великолепный вид переполненных помещений для зрителей, бесконечное ликование в минуту признания чьей-либо победы, торжественное вручение ветви, которую мальчик из Элиса, имеющий в живых отца и мать, золотым ножом отрезает от священной оливы в Лътисе, посаженной несколько веков тому назад еще Геркулесом. Мне невозможно описать вам непрерывные крики восторга, разносившиеся по арене, подобно рокочущему грому, когда появился кротонец Милон и без малейшего усилия перенес на своих плечах

через стадиум в Альтис свою собственную статую, вылитую Дамеасом из меди. Тяжесть металла сломила бы гиганта, но Милон нес эту статую так же легко, как лакедемонская нянька носит маленького мальчика.

После Кимона самые лучшие венки достались двум братьям, спартамцам Лизандру и Марону, сыновьям благородного изгнанника по имени Аристомах. Марон одержал победу в беге; а Лизандр, под радостные восклицания всех присутствовавших, вступил в единоборство с Милоном, непревзойденным победителем в Пизе, на Пифийских играх и в Истме. Милон был выше и сильнее спартамца, сложением подобного Аполлону, чья юность показывала, что он едва вышел из-под ферулы [\[37\]](#) педаномы [\[38\]](#).

В своей обнаженной красоте, блистая от золотистого масла, которым они были натерты, стояли один против другого юноша и муж, подобные пантере и льву, изготовившимся к битве. Молодой Лизандр перед началом воздел руки к небу, обращаясь к богам с заклинанием, и воскликнул: 'За моего отца, мою честь и славу Спарты!' Кротонец улыбнулся, глядя на юношу с выражением превосходства, подобно тому, как улыбается гастроном, намереваясь открыть раковину лангусты.

Но вот началось единоборство. Долго ни один не мог схватить другого. С могучей, почти непреодолимой силою хватался кротонец за своего противника, но тот, как змея, выскальзывал из ужасных объятий атлета, руки которого были похожи на клещи. На эту борьбу все собрание смотрело онемев и затаив дыхание. Не слышно было ничего, кроме стога борцов и пения птиц в Альтисовой роще. Наконец, юноше удалось, посредством самой великолепной хватки, когда-либо виданной мною, уцепиться за своего противника. Долго Милон напрасно напрягал свои силы, чтобы освободиться от крепких рук юноши. Пот борцов обильными струями орошал песок арены.

Все более и более увеличивалось напряжение зрителей, все глубже становилось молчание, все реже раздавались одобрительные возгласы, все громче слышался стон борцов. Наконец, силы юноши истощились. Тысячи ободряющих голосов взывали к нему, он еще раз с нечеловеческим напряжением собрал последние силы и попытался сбить кротонца с ног; но последний заметил минутный упадок сил своего противника и, в непреодолимом объятии, прижал его к себе. Тогда черная, обильная струя крови хлынула изо рта юноши, который бездыханным трупом упал на землю из ослабевших рук великана. Демокед, знаменитейший врач нашего времени, которого вы, самосцы, должны знать, - он был лекарем при дворе Поликрата - явился немедленно; но никакое искусство не могло помочь спартамцу, так как он был уже мертв.

Милон лишился своего венка, а слава этого юноши разнесется по всей Элладе. Право, я сам желал бы скорее быть мертвым, подобно Лизандру, сыну Аристомаха, чем жить, как Каллиас, в бездействии стареющим на чужбине. Вся Греция, в лице своих лучших представителей, сопровождала к костру прекрасный труп юноши, и его статуя будет поставлена в Альтисе, рядом с статуями Милона Кротонского и Праксидама Эгинского. Наконец, глашатаи возвестили приговор судей:

'Спарта получит победный венок за покойника, так как благородного Лизандра победил не Милон, а смерть; а кто вышел непобежденным из двухчасовой борьбы с сильнейшим из греков, тот вполне заслужил оливковую ветвь'.

Каллиас с минуту помолчал. Этот человек с живым темпераментом при описании события, столь дорогого для эллинских сердец, не обращал внимания на присутствовавших и, устремив глаза в пространство, казалось, видел, как перед ним проходили картины состязания. Теперь он огляделся вокруг и с удивлением обнаружил, что седой старик с деревянной ногой, - которого он, не зная его, уже успел заметить, - закрыл руками лицо и обливается горькими слезами. С правой стороны около него стояла Родопис, а с левой - Фанес, и все присутствующие смотрели на спартанца так, как будто он был героем рассказа Каллиаса. Умный афинянин тотчас же сообразил, что, вероятно, старик находится в близких отношениях с кем-нибудь из олимпийских победителей; но когда он услышал, что Аристомах - отец этих двух прославившихся братьев-спартанцев, чьи прекрасные фигуры все еще рисовались у него перед глазами, подобно видениям из мира богов, тогда и он с завистливым удивлением стал глядеть на рыдающего старика, и в его умных глазах сверкнула слеза, которую он и не думал скрывать. В то время мужчины плакали, надеясь получить от слез облегчение. В гневе, в великом восторге, при всяком душевном страдании мы видим плачущих героев, между тем как спартанский мальчик, не испуская ни одного жалобного звука, подвергал себя иногда смертельному бичеванию у алтаря Артемиды Орфии только для того, чтобы заслужить похвалу взрослых мужей.

Некоторое время все гости оставались безмолвными из уважения к горю старика. Наконец, израильтянин Иосия нарушил молчание и сказал на ломаном греческом языке:

- Выплачься хорошенько, спартанский муж. Я знаю, что значит потерять сына. И я тоже одиннадцать лет тому назад должен был схоронить прекрасного мальчика на чужой стороне, у рек вавилонских, где мой народ томился в рабстве. Если бы мой прекрасный ребенок прожил еще только один год, то он умер бы на родине, и мы могли бы схоронить его в могиле его отцов. Но Кир Персидский [\[39\]](#) - да благословит Иегова его потомков! - освободил нас годом позднее [\[40\]](#); и я вдвойне оплакиваю дитя моего сердца, потому что могилу для него пришлось вырыть в стране врагов Израиля. Может ли быть что-нибудь ужаснее, чем видеть, как наши дети, драгоценнейшее сокровище, которое мы имеем, прежде нас сходят в могилу? И - да будет милостив ко мне Иегова - потерять прекрасного ребенка, каким был твой сын, именно в то время, когда он превратился в мужа, покрытого славою, - ведь это, должно быть, величайшая из горестей!

Спартанец отнял руки от своего сурового лица и, улыбаясь сквозь слезы, возразил:

- Ты ошибаешься, финикиянин, - я плачу от радости, а не от горя, и я охотно потерял бы и другого сына, если бы он умер, как мой Лизандр.

Израильтянин, приведенный в ужас этими словами, которые казались ему преступными и противными природе, только покачал неодобрительно головой, но присутствовавшие при этом эллины осыпали счастливого старика поздравлениями. Аристомах казался помолодевшим на несколько лет от восторга и вскричал, обращаясь к Родопис:

- Поистине, дом твой приносит мне благословение, потому что с тех пор, как я вошел в него, это уже второй дар богов, который я получил под твоею кровлей!

- Какой же был первый? - спросила хозяйка.

- Благоприятное изречение оракула.

- Ты забываешь третий, - воскликнул Фанес, - сегодня боги дали тебе счастье познакомиться с Родопис. А что изрек оракул?

- Могу ли я сообщить друзьям его изречение? - спросил дельфиец.

Аристомах утвердительно кивнул, и Фрикс во второй раз прочел ответ Пифии:

'Время придет - и железные полчища ринутся
С снежных высот на долину потока великого,
В утлой ладье ты пристанешь к желанному берегу,
Мир и покой обретут твои ноги усталые,

Пятеро судей даруют бездомному страннику
То, в чем ему было так долго, так долго отказано'.

Едва Фрикс проговорил последнее слово, как афинянин Каллиас вскочил и в глубоком волнении обратился к Аристомаху:

- Теперь ты получишь от меня четвертый дар богов в этом доме. Я откладывал свою редкую новость до последнего. Знай же, персы идут в Египет!

Ни один из гостей, кроме сибарита, не остался на своем месте, и Каллиас едва успевал отвечать на множество вопросов.

- Тише, тише, друзья! - не выдержал он наконец. - Дайте мне рассказать по порядку, иначе я никогда не дойду до конца! Большое посольство Камбиса [\[41\]](#), нынешнего великого царя всемогущей Персии, а не войско, как подумал ты, Фанес, находится в пути. Из Самоса я получил известие, что это посольство прибыло уже в Милет. Через несколько дней оно должно быть здесь. В числе лиц, составляющих его, находится родственник царя и даже старый Крез [\[42\]](#) Лидийский; мы увидим редкое великолепие! Цель их посольства не известна никому, однако же полагают, что царь Камбиз хочет предложить союз Амазису; говорят даже, что будто бы великий царь желает жениться на дочери фараона.

- Союз? - спросил Фанес, недоверчиво пожимая плечами. - Персы и так обладают теперь половиною мира. Все великие державы Азии покорились их скипетру; завоеватель щадит еще только Египет и родину эллинов.

- Ты забываешь золотую Индию и великие кочующие народы Азии, - возразил Каллиас. - Далее, ты забываешь, что империя, составленная таким образом из семидесяти народностей с различными языками и нравами, сама в себе носит и все более и более питает зародыш войны и должна остерегаться внешних войн, чтобы, во время отсутствия главной массы войска, отдельные провинции не воспользовались желанным случаем к отпадению. Спроси милетцев, остались ли бы они спокойными, если бы могущество их поработителей потерпело урон в какой-нибудь битве?

Феопомп, купец из Милета, с живостью прервал Каллиаса:

- Если бы персы потерпели поражение в какой-нибудь войне, то на их голову обрушилось бы много других войн, и мое отечество не последним восстало бы против ослабленных властителей!

- Какую бы цель ни преследовали эти послы, - продолжал Каллиас, - я настаиваю на своем известии, что самое большее через три дня они будут здесь.

- И таким образом исполнится предсказание твоего оракула, Аристомех! - воскликнула Родопис. - Железными полчищами с гор не может быть никто, кроме персов. Когда они придут к городам Нила, то измените образ мыслей у пяти судей, ваших эфоров [\[43\]](#), и тебя, отца двух олимпийских победителей, призовут обратно в отечество. Наполни снова кубки, Кнакиас! Выпьем этот последний кубок за тень знаменитого Лизандра, и затем, хотя и неохотно, я расстанусь с вами до завтра. Хозяин, любящий своих гостей, все-таки должен прекратить пир, когда волны веселия достигнут своей наибольшей высоты. Приятное, ничем не возмущенное воспоминание скоро приведет вас в этот дом снова, между тем как вы без удовольствия посетили бы его, если бы вам пришлось вспоминать о часах утомления, последовавших за шумным весельем.

Все гости согласились с хозяйкой, и Ивик назвал ее истинной ученицей Пифагора, прославляя торжественно-радостное оживление вечера.

Все стали собираться домой. Сибарит, желавший заглушить весьма неприятное для него волнение, пил очень неумеренно, также поднялся со своего места, опираясь на призванных рабов и уже коснеющим языком болтая что-то о нарушении законов гостеприимства.

Когда, при прощании, Родопис хотела подать ему руку, то он, отуманенный винными парами, воскликнул:

- Клянусь Геркулесом, Родопис, ты выбрасываешь нас за дверь, точно назойливых кредиторов. Я не привык к тому, чтобы уходить с пира, покамест еще держусь на ногах, а еще менее - к тому, чтобы мне указывали на дверь, точно какому-нибудь паразиту!

- Пойми же ты, невоздержанней кутила... - собиралась с улыбкою оправдаться Родопис, но Филоин, раздосадованный в своем опьянении этим возражением хозяйки, насмешливо захохотал и, неверными шагами направляясь к двери, вскричал:

- Ты называешь меня невоздержанным кутилой? Хорошо! Я назову тебя бесстыдною рабою! Клянусь Дионисом, в тебе еще до сих пор заметно, чем ты была в своей юности. Прощай, раба Ядмона и Ксанфа, вольноотпущенница Харакса!

Не успел он еще договорить, как на него внезапно бросился спартаец, сбил его с ног сильным ударом кулака и снес обеспамятевшего, точно ребенка, в лодку, ожидавшую вместе с рабами сибарита у садовой калитки.

Подобно граду, павшему на цветущую ниву, обрушилась брань сибарита на радостное настроение прощавшихся собеседников; сама Родопис стояла бледная и дрожащая в по-праздничному украшенной комнате. Кнакиас погасил пестрые лампы на стенах. Вместо яркого света разлился неприятный полумрак, едва освещавший беспорядочно наваленную посуду, остатки кушаний и сдвинутые с места скамьи. В открытую дверь врвался холодный воздух, так как уже начинало рассветать, а перед солнечным восходом в Египте бывает холодно. По членам легко одетой женщины пробежала дрожь. Без слез блуждали ее глаза по опустевшей комнате, еще за несколько минут перед тем наполненной весельем и ликованием. Она сравнивала свое душевное состояние с этой опустевшей залой пиршества. Ей казалось, что червь грызет ее сердце и кровь ее превращается в снег и лед.

Так она стояла долгое время, пока не явилась ее старая рабыня, с лампой в руке, за которой она ходила в спальню.

Молча позволила Родопис раздеть себя, молча отдернула занавес, отделявший ее спальню от другой. Посреди этой второй спальни стояла кровать из кленового дерева, и на ней, на тюфяке из нежной овечьей шерсти, покрытом белыми простынями, под светло-голубыми одеялами покоилось очаровательное существо.

Это была Сапфо, внучка Родопис. Эти нежные, пышные формы, это личико с тонкими чертами принадлежали расцветающей девушке, а блаженная, спокойная улыбка - беззаботному, счастливому ребенку.

Одна рука, на которой покоилась прелестная головка спящей, скрывалась в массе густых, темно-каштановых волос; другая слегка придерживала маленький амулет из зеленого камня, висевший на шее. Длинные ресницы закрытых глаз едва заметно шевелились, а щеки спящей были покрыты нежным розовым румянцем. Тонкие ноздри расширялись при ровном дыхании. Так изображают невинность, так улыбается мечтательное спокойствие, такой сон ниспосылают боги беспечному юношескому возрасту.

Неслышно ступая на кончиках пальцев, Родопис осторожно приблизилась к этому ложу по толстому ковру. С невыразимой нежностью вглядывалась она в улыбавшееся детское личико, тихо и безмолвно опустилась на колени перед кроватью, осторожно прижалась лицом к мягким одеялам, так что рука девушки касалась ее волос. Затем она стала плакать, не переставая, точно хотела этими слезами смыть с себя оскорбление, которому подверглась, и всю тоску, накопившуюся в душе.

Наконец она встала, запечатлела легкий поцелуй на челе спящей, с молитвой подняла руки к небу и вернулась на свою половину так же тихо и осторожно, как вошла сюда.

У своего ложа она нашла старую рабыню, все еще ожидавшую ее.

- Зачем ты сидишь здесь в такую позднюю пору, Мелитта? - проговорила она тихо и ласково. - Поди, ложись спать, ты знаешь, что ты более не нужна мне. Прощай, не приходи завтра прежде, чем я позову тебя. Я, кажется, не скоро засну и потому буду рада, если утро принесет мне сон на короткое время.

Рабыня медлила; видно было, что она хочет что-то сказать, но не решается.

- Ты, вероятно, хочешь о чем-нибудь просить меня? - спросила Родопис.

Старуха все еще стояла в нерешимости.

- Говори же, говори, но только поскорей!

- Я видела, как ты плакала, - заговорила рабыня, - ты, кажется, огорчена или нездорова; не могу ли я остаться на ночь при тебе? Скажи мне, что мучит тебя? Ты уже не раз испытывала, что, поделившись горем, облегчаешь свою грудь и уменьшаешь самое горе. Поверь мне и сегодня свою печаль; это облегчит тебя и наверное возвратит тебе утраченное душевное спокойствие.

- Нет, я не могу говорить, - возразила Родопис. Затем она продолжала, горько улыбаясь: - Я снова убедилась, что ни одно божество не в состоянии изгладить прошлое человека и что несчастье и позор нераздельны! Прощай, оставь меня, Мелитта!

В полдень следующего дня та же самая барка, которая в предыдущий вечер привезла афинянина и спартанца, остановилась у сада Родопис.

Солнце светило так ярко и радостно с чистого темно-голубого египетского неба, воздух был так прозрачен, жуки жужжали так весело, лодочники на барках так громко распевали свои песни, берег Нила был так цветущ, так пестрел флагами и кишел людьми; пальмы, сикоморы, акации и бананы зеленели и цвели так великолепно, природа выглядела так богато одаренной щедрым божеством, - что путник мог бы подумать, что из этих равнин изгнано всякое несчастье, что здесь местопребывание всякой радости и веселья.

Как часто, проезжая мимо деревеньки, скрытой среди цветущих плодовых деревьев, мы представляем себе, что она должна быть прибежищем мира, сердечной доброты и благополучия. Но стоит нам войти в отдельные хижины - и мы найдем в них, как и повсюду, страх и нужду, желания и страсти, опасения и раскаяния, тоску и горе, и - увы! - так мало радостей! Кто, прибыв в Египет, мог догадаться, что улыбающаяся плодородная страна солнца, которой небо

никогда не заволакивается тучами, питает людей, склонных к угрюмости и ожесточению? Кому могло прийти в голову, что в прелестном, обвитом цветами гостеприимном доме счастливой Родопис бьется сердце, удрученное глубоким горем? Кто из гостей всеми превозносимой фракиянки мог догадаться, что это сердце принадлежит старухе, на лице которой всегда виднелась очаровательная улыбка?

Бледная, но, как всегда, прекрасная и приветливая, сидела она вместе с Фанесом в тенистой беседке около прохладной струи фонтана. Видно было, что она плакала. Афинянин держал ее за руку и старался утешить.

Родопис терпеливо слушала его, иногда улыбаясь то с горечью, то с видом одобрения. Наконец она прервала доброжелательного друга и сказала:

- Благодарю тебя, Фанес! Рано или поздно этот позор должен быть забыт. Время - хороший врач. Если бы я была слаба характером, то покинула бы Наукратис и стала бы жить в уединении, только для своей внучки. В этом молодом создании, повторяю тебе, дремлет целый мир. Тысячу раз собиралась я покинуть Египет, но тысячу раз побеждала в себе этот порыв. Меня удерживало вовсе не желание принимать поклонение от людей твоего пола; на мою долю выпало его столько, что я уже давно пресытилась им. Меня, слабую, когда-то презираемую рабу, удерживало и удерживает сознание, что я могу принести некоторого рода пользу и даже иногда быть необходимой свободным благородным людям. Привыкнув к деятельности в обширном мужском кругу, я не могла бы довольствоваться заботой об одном любимом существе; я засохла бы, подобно растению, пересаженному в пустыню из плодородной почвы, и моя внучка вскоре осталась бы совершенно одинокой в мире, троекратной сиротой. Я остаюсь в Египте!

Теперь, после твоего отъезда, я буду действительно необходима нашим друзьям. Амазис стар; если ему наследует Псаметих, то нам придется столкнуться с большими трудностями, от которых до сих пор мы были избавлены. Я должна остаться и продолжать борьбу за свободу и благосостояние эллинов. Такова цель моей жизни. Этой цели я останусь верна тем более, чем реже женщина осмеливается посвящать свою жизнь подобным целям. Пусть мои стремления называют неженскими. В эту ночь, проведенную в слезах, я почувствовала, что во мне есть еще бесконечно много женской слабости, составляющей в одно и то же время счастье и несчастье моего пола. Сохранить в моей внучке эту слабость, соединенную со значительной степенью нежной женственности, было первой моей задачей; второй же было - сбросить с себя самой всякую мягкость. Но нет возможности одержать победу над собственной природой, не потерпев поражения. Если меня подавляет горе и я готова предаться отчаянию, то единственное мое лекарство - вспоминать о

лучшем из людей, моем друге Пифагоре и его словах: 'Сохраняй соразмерность во всем, избегай как шумной радости, так и громких сетований, и старайся сохранить твою душу столь же гармоничной и благозвучной, как струны хорошо настроенной арфы!' Этот пифагоровский душевный мир, это глубокое нерушимое спокойствие духа я ежедневно вижу в моей Сапфо; но я сама стремлюсь к нему, вопреки неоднократному вмешательству судьбы, которая насильственно расстраивает струны моего сердца. Теперь я спокойна! Ты не можешь себе представить, какое огромное влияние имеет на меня одна мысль об этом великом философе, об этом спокойном, сдержанном человеке. Воспоминание о нем проносится над моим существованием подобно мягкому и вместе с тем оживляющему звуку. Ты также знаком с ним и должен понимать меня. Теперь я прошу тебя высказать твою просьбу. Мое сердце так же спокойно, как волны Нила, который так мирно катит мимо нас свои прозрачные волны. Хорошее или дурное скажешь ты - я готова тебя выслушать.

- Вот такой ты нравишься мне, - проговорил афинянин. - Если бы ты ранее подумала о благородном друге мудрости, - как Пифагор имел привычку называть себя, - то твоя душа уже вчера обрела бы свое прекрасное равновесие. Учитель требует, чтобы мы каждый вечер проверяли в своем уме события, чувства и мысли протекшего дня. Если бы ты сделала это, то сказала бы себе, что непритворное удивление всех твоих гостей, между которыми находилось много мужей, славных своими заслугами, в тысячу раз перетягивает брань пьяного развратника; ты должна была бы чувствовать себя любимицей богов, так как в твоём доме бессмертные ниспослали благородному старику величайшее счастье, которое может выпасть на долю человека после многих лет невзгод; наконец, они, лишив тебя друга, тотчас же даровали тебе другого, более достойного. Не противоречь мне и позволь высказать теперь мою просьбу.

Ты знаешь, что меня называют то афинянином, то галикарнасцем. Ионийские, дорийские и эолийские наемники с давних времен не ладили с карийскими; поэтому мне, предводителю обеих частей, в особенности было полезно мое, так сказать, двойственное происхождение. Какими прекрасными качествами ни обладал бы Аристомех, но Амазис все-таки почувствует мое отсутствие. Мне без труда удавалось восстанавливать согласие между наемниками, между тем как для спартамца встретятся большие затруднения относительно карийцев.

Это мое двойственное происхождение имеет следующую причину. Отец мой женился на галикарнаске из благородного дорического рода и, для получения наследства после ее родителей, проживал в Галикарнасе, именно в то время, как я родился.

Хотя меня увезли в Афины уже на третьем месяце жизни, но я, собственно, кариец, так как местом рождения определяется отечество человека.

В Афинах я, в качестве юного эвпатрида [\[44\]](#) из знатного древнего рода Аякса, был вскормлен и воспитан во всей гордости аттического аристократа. Храбрый и мудрый Писистрат, принадлежавший к семье, равной нам, но нисколько не знатнее нас по происхождению (более знатного рода, чем род моего отца, не существует), сумел овладеть верховной властью. Соединенными усилиями аристократии удалось дважды низвергнуть его. Когда он захотел возвратиться в третий раз, при помощи Лигдамиса Никсосского, аргосцев и эретрийцев, то мы воспротивились ему. Мы расположились лагерем у храма Афины в Паллене. Когда мы перед завтраком приносили жертву богине, умный правитель невзначай напал на нас, бросился на наше безоружное войско и одержал легкую, нисколько не кровавую победу. Так как мне была доверена половина всего враждебного тирану войска, то я решился скорее умереть, чем отступить. Я боролся всеми силами, заклинал воинов держаться и сам не отступал ни на шаг, но, наконец, упал, пронзенный копьем в плечо.

Писистратиды сделались властителями в Афинах. Я бежал в Галикарнас, свое второе отечество, куда за мной последовала жена с нашими детьми, получил приглашение занять место главного начальника наемников в Египте - так как мое имя стало известно, вследствие моей пифийской победы и смелых военных подвигов, - участвовал в Кипрском походе, разделил с Аристомахом его славу при завоевании для Амазиса родины Афродиты и, наконец, сделался верховным начальником всех наемников в Египте.

Моя жена скончалась прошлым летом; дети - мальчик одиннадцати и девочка десяти лет остались у своей тетки в Галикарнасе. Но и ее постигла неумолимая смерть. Итак, я несколько дней тому назад сделал распоряжение о том, чтобы малюток привезли сюда; но они не могут прибыть в Наукратис раньше трех недель и, вероятно, уже отправились в путь, так что вторичное распоряжение уже не застанет их.

Через две недели я должен покинуть Египет и поэтому не могу сам встретить детей.

Я решил отправиться во фракийский Херсонес, куда мой дядя, как тебе известно, призван племенем Долонков. Пусть туда отправятся и дети. Коракс, мой старый, верный раб, останется в Наукратисе, чтобы привезти ко мне малюток.

Если ты хочешь доказать свою дружбу ко мне, то прими моих детей и присмотри за ними до тех пор, пока во Фракию не отправится какой-либо корабль, и скрой их заботливо от взглядов шпионов наследника престола,

Псаметиха. Ты знаешь, что он смертельно ненавидит меня и легко может отомстить отцу посредством детей. Я прошу у тебя этой великой милости, во-первых, потому, что знаю твою доброту; а во-вторых, потому, что твой дом, вследствие царской грамоты, может служить убежищем, где мои дети будут защищены от вмешательства полиции, которая в этой стране формальностей предписывает объявлять должностным лицам округа о каждом вновь прибывшем иностранце, не исключая детей.

Ты видишь, как глубоко я уважаю тебя, я передаю тебе единственное сокровище, заставляющее меня дорожить жизнью. Даже отечество не дорого мне, пока оно позорно преклоняется перед тираном. Желаешь ли ты возвратить спокойствие встревоженному сердцу отца? Желаешь ли?...

- Я согласна на все, Фанес! - воскликнула Родопис с непритворной сердечной радостью. - Ты ни о чем не просишь меня, а делаешь мне подарок. О, как я рада малюткам! И в каком восторге будет Сапфо, когда приедут милые создания и оживят ее одиночество! Но я наперед говорю тебе, Фанес, что ни в каком случае не допущу, чтобы мои маленькие гости отплыли на первом фракийском корабле! Уж на какие-нибудь полгода ты можешь расстаться с ними; я ручаюсь тебе, что их будут отлично образовывать здесь и приучать ко всему доброму и прекрасному.

- Об этом-то я бы не стал беспокоиться, - возразил Фанес с благодарной улыбкой, - но я все-таки настаиваю на том, чтобы ты отправила их с первым кораблем. Мои опасения относительно мести Псаметиха, к сожалению, слишком основательны. Поэтому уже заранее прими сердечную благодарность за твою любовь и доброту к моим детям. Впрочем, я сам думаю, что они будут приятным развлечением для твоей Сапфо в ее одиночестве.

- А затем, - прервала его Родопис, опустив глаза, - доверие, оказываемое благородным человеком моим материнским добродетелям, дает мне право не думать более о сраме, причиненном мне пьяным кутилою! Но вот идет Сапфо!

IV

Пять дней спустя после вечера в доме Родопис громадное стечение народа наблюдалось у гавани в Саисе. Египтяне всех возрастов, званий и полов стояли густою массой на берегу.

Воины и купцы в белых, украшенных пестрой бахромой одеждах, длина которых соответствовала более высокому или низкому общественному положению каждого, смешались с большой толпой мускулистых полунагих мужчин, единственное платье которых состояло из передника, одежды человека низкого звания. Нагие дети толпились, толкались и дрались, чтобы захватить лучшее место. Матери, в коротких накидках, высоко поднимали на

руках своих малюток, хотя из-за этого лишали себя самих ожидаемого зрелища. Множество собак и кошек дрались у ног охотников до зрелищ, двигавшихся весьма осторожно, чтобы ненароком не наступить на какое-нибудь из священных животных или не поранить их.

Полицейские, вооруженные длинными палками, на медных набалдашниках которых виднелось имя царя, заботились о порядке и спокойствии, в особенности же о том, чтобы, вследствие напора стоящих сзади, никто не был сброшен в сильно вздувшийся рукав Нила, во время наводнения омывавшего стены Саиса, - опасение, во многих случаях оказавшееся основательным.

На широкой береговой лестнице, украшенной сфинксами и служившей пристанью царским баркам, виднелось собрание другого рода.

Здесь, на каменных скамьях, восседали знатнейшие из жрецов. Многие из них были облечены в длинные белые одежды, другие - в передники, драгоценные перевязи, широкие шейные украшения и шкуры пантер. Одни носили головные, разукрашенные перьями, повязки, прилежавшие ко лбу, вискам и пышным фальшивым локонам, которые спускались до самой спины, другие щеголяли блестящей наготою своих тщательно выбритых черепов. Среди всех главный судья отличался самым богатым и пышным страусовым пером на головном уборе и драгоценным амулетом из сапфира, висевшим на золотой цепочке на груди.

Начальники египетского войска были одеты в пестрое военное платье и имели при себе короткие мечи на перевязях. Часть царской охранной стражи, вооруженная боевыми секирами, кинжалами, луками и большими щитами, стояла по правую сторону лестницы; по левую стояли греческие наемники в ионийском вооружении. Их новый предводитель, хорошо известный нам Аристоммах, стоял отдельно от египтян, с несколькими младшими греческими начальниками, около колоссальных статуй Псаметиха I, воздвигнутых на площадке перед лестницей и обращенных лицом к реке. Перед ними сидел на серебряном седалище наследник престола Псаметих, в пестром, затканном золотом кафтане, плотно прилежавшем к его фигуре. Он был окружен знатнейшими царедворцами, советниками и друзьями царя, имевшими в руках палки со страусовыми перьями и золотыми цветами лотоса.

Народная толпа уже давно заявляла о своем нетерпении криками, песнями и пронзительными восклицаниями; жрецы и аристократия у лестницы, напротив, держали себя с достоинством, храня молчание. Все они в размеренной сдержанности движений, со своими негнувшимися, завитыми в локоны париками и накладными, правильно подвитыми бородами имели совершенное

сходство с теми статуями, которые неподвижно и серьезно покоились на своих местах, пристально глядя на реку.

Но вот показались вдали шелковые паруса голубого и пурпурно-красного цветов в клетку.

В народе слышались восклицания восторга. Раздавались крики: 'Они едут, вот они!' - 'Будь осторожен, не наступи на кошку'. - 'Кормилица, держи девочку повыше, чтобы и она увидела что-нибудь!' - 'Ты еще сбросишь меня в воду, Зебек!' - 'Посмотри-ка, финикиянин, мальчишки бросают тебе в бороду колючие шишки!' - 'Ну, ну, элин, ты не должен воображать, что Египет принадлежит только тебе одному, потому только, что Амазис позволяет вам жить на берегах священной реки!' - 'Бессовестная сволочь эти греки! Долой их!' - закричал храмовый прислужник. 'Долой свиноедов, презирающих богов!' - раздалось повсюду кругом.

Дело стало клониться к драке, но полицейские не позволяли шутить с собою и, энергично размахивая палками, вскоре водворили мир и тишину. Большие пестрые паруса, - явно отличавшиеся от сновавших вокруг них парусов голубых, белых и коричневых, принадлежавших нильским судам меньшего размера, - все более и более приближались к ожидавшей толпе. Теперь встали со своих мест даже сановники и наследник престола.

Хор царских трубачей разразился веселыми резкими звуками, и первое из ожидаемых судов остановилось на пристани у лестницы.

Довольно продолговатое судно было покрыто богатою позолотой и имело на носу серебряное изображение копчика. Посреди барки возвышался золотой балдахин с пурпурным навесом. Под ним длинные диваны были приготовлены для сидения. На передней части судна сидело по обоим бортам по двенадцати гребцов, работавших веслами; их передники придерживались богатыми помочами. Под балдахином лежало шесть человек, пышно одетых и знатных на вид. Прежде чем барка пристала к берегу, младший из пассажиров, с великолепными белокурыми вьющимися волосами, выпрыгнул на лестницу.

При виде его у многих египетских девушек вырвалось невольное восклицание удивления и даже серьезные мины некоторых сановников осветились благосклонною улыбкой.

Человек, возбудивший такой восторг, назывался Бартия и был сыном умершего и братом царствовавшего царя персидского. Природа дала ему все, чего может желать себе двадцатилетний юноша.

Из-под голубой с белым повязки, обвивавшей его тюрбан, пышными прядями рассыпались густые золотисто-белокурые волосы; в его голубых глазах

светились энергия, веселье, доброта, смелость и даже высокомерие; его благородное лицо, опушенное едва пробивавшейся бородой, было достойно резца греческого художника; его стройная, мускулистая фигура показывала большую силу и ловкость. Великолепие его одежды равнялось его красоте. Посреди его тюрбана блестела большая звезда из бриллиантов и бирюзы. Спускавшаяся до колен верхняя одежда из тяжелой золотой парчи придерживалась на боках перевязью, голубою пополам с белым (это были цвета персидского царского дома). К ней был прикреплен короткий золотой меч, рукоятка и ножны которого были густо усыпаны белыми опалами и бирюзой. Шаровары, плотно обхватывающие щиколотку, были также сделаны из золотой парчи и засунуты в невысокие светло-голубые кожаные башмаки.

Сильные, обнаженные руки, видневшиеся через широкие рукава одежды, были украшены несколькими драгоценными золотыми браслетами с бриллиантами. Со стройной шеи спускалась на высокую грудь золотая цепь. Этот юноша первым выпрыгнул на причал. За ним последовал Дарий, сын Гистаса, знатный молодой перс царской крови, подобно Бартии, только одетый немного проще его. Третьим был старик с седыми волосами, на приветливо-серьезном лице которого можно было прочесть добродушие ребенка, опытность старика и ум мужа. Он был одет в длинную пурпурную одежду с рукавами и обут в желтые лидийские сапоги. Вся его наружность производила впечатление совершенного отсутствия претензий, а между тем этот простой с виду старик был, за несколько лет перед тем, человеком, которому завидовали больше всех и именем которого мы через две тысячи с лишком лет называем самых богатейших людей. Это был Крез, низвергнутый с престола лидийский царь, живший в то время как друг и советник при дворе Камбиза и, в качестве ментора, сопровождавший в Египет молодого Бартию.

За ним последовали Прексасп, посланник персидского царя, Зопир, сын Мегабиза, благородный перс, друг Бартии и Дария; наконец, появился стройный, бледнолицый сын Креза - Гигес, который, сделавшись немым на четвертом году от рождения, снова заговорил, вследствие смертельного страха за отца, который он испытал во время взятия Сардеса.

Псаметих спустился со ступеней навстречу гостям. Он старался вызвать любезную улыбку на свое желтоватое суровое лицо. Сановники, следовавшие за ним, склонились почти до земли перед чужеземцами, вместе с тем опустив руки вниз. Персы скрестили руки на груди и пали ниц перед наследником престола. Когда окончились первые формальности, Бартия, к великому удивлению народа, не приученного к подобному зрелищу, по обычаю своей родины поцеловал желтую щеку египетского царевича, слегка содрогнувшегося от прикосновения нечистых уст чужеземца, и отправился со своими

проводниками к ожидавшим их носилкам, в которых их надлежало доставить в помещение, приготовленное для них в царском дворце Саиса.

Часть народа бросилась вслед за иностранцами; но большинство зрителей остались на прежних местах, так как они знали, что их ожидало еще не одно никогда не виданное ими зрелище.

- Неужели ты хочешь бежать за разряженной обезьяной и другими детьми Тифона? - спросил недовольный храмовый служитель своего соседа, честного саитского портного. - Говорю тебе, Пугор, да и верховный жрец сказал, что эти чужеземцы не принесут стране ничего, кроме пагубы! Куда исчезло старое доброе время, когда ни один чужеземец, которому была дорога жизнь, не смел ступить на египетскую почву! Теперь наши улицы переполнены лживыми евреями, в особенности этими бесстыдными эллинами, которых да уничтожат боги! Посмотрите-ка, вон уже подходит третья барка, наполненная иноземцами. И знаешь ли ты, кто эти персы? Верховный жрец говорил, что во всем их государстве, которое по обширности равняется половине мира, нет ни одного храма для богов; мумии же своих покойников, вместо почетного погребения, они отдают на растерзание собакам и коршунам!

Портной обнаруживал сильное удивление и еще более сильное негодование; потом он указал пальцем на лестницу у пристани и сказал:

- Клянусь сыном Исиды, Гором, уничтожившим Тифона, вот уже пристаёт к берегу шестая барка, наполненная иноземцами!

- Да, это плохо! - вздыхая, проговорил храмовый служитель. - Право, можно подумать, что собирается целое войско. Амазис будет распоряжаться таким образом до тех пор, пока иноземцы не лишат его трона и не изгонят из государства, а нас, бедных, не обратят в рабов и не разорят, как когда-то сделали злые гиксосы - люди чумы и черные эфиопы.

- Седьмая барка! - воскликнул портной.

- Пусть найдет на меня гибель моя повелительница Нейт, великая богиня Саиса, - сетовал служитель храма, - но я не в состоянии понять царя. Он отправил в богомерзкое гнездо Наукратис целых три грузовых барки для поклажи и прислуги персидских послов; но вместо этих трех пришлось приготовить восемь лодок, потому что, вместе с кухонной посудой, собаками, лошадьми, колесницами, ящиками, корзинами и тюками, эти безбожники и ненавистники покойников за тысячу миль повезли с собою целое полчище слуг. Говорят, что между ними есть такие, которые не делают ничего, только плетут венки и готовят мази. Они также привезли своих жрецов, которых

называют магами. Хотелось бы мне знать, зачем им эти празднующиеся? К чему жрецы, если нет богов и храмов?

Престарелый царь Амазис Египетский принял персидское посольство вскоре по его прибытии, со всею ему свойственною любезностью. Спустя четыре дня он, окончив свои занятия, которым обыкновенно посвящал без исключения каждое утро, отправился прогуляться в дворцовом саду со стариком Крезом, между тем как прочие персияне отправились, в сопровождении наследника престола, на речную прогулку по Нилу в Мемфис.

Дворцовый сад, устроенный с царским великолепием, но все-таки в плане имевший сходство с садом Родопис, находился вблизи царского дворца, расположенного на холме, на северо-западной стороне города.

Старики уселись в тени развесистой смоковницы неподалеку от огромного бассейна из красного гранита, в который лилась обильными струями прозрачная вода из широко раскрытой пасти черных базальтовых крокодилов.

Лишенный престола царь, несколькими годами старше могущественного властителя, сидевшего рядом с ним, был на вид гораздо свежее и крепче последнего. Спина высокого ростом Амазиса была согнута, опорой его крепкому туловищу служили слабые и худые ноги; его красивое лицо было покрыто морщинами. В маленьких, блестящих глазах светился бодрый ум, а на его слишком полных губах постоянно играла веселая, а иногда и насмешливая улыбка. Низкий, но широкий лоб старика и его большой, прекрасно сформированный череп свидетельствовали о силе его ума; изменчивый цвет его глаз заставлял предполагать, что остроумие и страстность не чужды этому удивительному человеку, который из простого воина возвысился до престола фараонов. Его язык был резок и груб, а его движения, в противоположность сдержанным манерам других лиц, составлявших египетский двор, казались почти судорожными, но оживленными.

Манеры же соседа были приятны и вполне достойны царя. Во всей его личности проглядывало, что он находился в частых сношениях с лучшими людьми Греции. Фалес [\[45\]](#), Анаксимен Милетский, Биант Приенский [\[46\]](#), Солон Афинский, Питтак Лесбосский, знаменитейшие на весь мир греческие мудрецы, в лучшие времена появлялись при Сардесском дворе Креза в качестве гостей. Его полный, ясный голос в сравнении с резким голосом Амазиса звучал точно пение.

- Теперь скажи мне откровенно, - довольно бегло заговорил фараон по-гречески, - как понравился тебе Египет? Я не знаю никого, чье мнение казалось бы мне столь дорогим, как твое, потому что, во-первых, ты знаком с большей частью народов и стран мира; во-вторых, боги судили тебе подняться вверх по

лестнице и снова спуститься по ней вниз; в-третьих, ты не напрасно был первым советником могущественнейшего из всех царей. Мне бы хотелось, чтобы мое царство понравилось тебе в такой степени, чтобы ты согласился остаться при мне в качестве брата. Право, Крез, ты уже давно друг мне, хотя только вчера боги дали мне увидеть твое лицо!

- А ты - мой друг, - прервал его лидиец. - Я удивляюсь мужеству, с которым ты, вопреки всем окружающим тебя, умеешь осуществить то, что признаешь хорошим; я благодарен тебе за благосклонность, с которою ты относился к моим друзьям-эллинам. Я считаю тебя своим родственником по сходству нашей судьбы, потому что и ты испытал на себе все благополучие и горе, могущее встретиться в жизни!

- С той разницей, - улыбаясь заметил Амазис, - что мы начали с различных концов. На твою долю сперва выпало хорошее, а потом дурное; со мною же случилось наоборот; то есть если я предположу, - задумчиво прибавил он, - что я доволен своим настоящим счастьем.

- А я, - возразил Крез, - если сознаюсь, что страдаю от своего так называемого несчастья.

- А как же могло быть иначе после утраты таких огромных сокровищ?

- Разве счастье зависит от обладания? - спросил Крез. - И разве, вообще, счастье есть обладание? Счастье есть представление, чувство, даруемое завистливыми богами неимущему чаще, нежели могущественному. Ясный взгляд последнего ослепляется блистательными сокровищами, и он всегда должен страдать от неудач, так как он, в осознании своей возможности достигнуть многого, постоянно терпит поражение в борьбе за обладание всеми благами, которыми он желает обладать и которых не может достигнуть.

Амазис вздохнул и сказал:

- Я бы желал быть в состоянии не согласиться с тобой, но когда вспомню о своем прошлом, то должен сознаться, что с того самого часа, который принес мне так называемое счастье, начались великие заботы, тяготящие мою жизнь.

- Уверяю тебя, - перебил его Крез, - что я благодарен тебе за твою запоздавшую помощь, так как минута невзгод впервые доставила мне чистое, истинное счастье. Когда первые персы взойшли на стены Сардеса, я проклинал самого себя и богов, жизнь казалась мне ненавистной и существование - проклятием. Сражаясь, отступал я вместе со своими, предаваясь отчаянию. Тут персидский солдат поднял меч над моею головою, мой сын схватил убийцу за руку, и, впервые после многих лет, я снова услышал его голос из уст, разверзшихся от ужаса. Мой немой сын Гигес в ту жуткую минуту снова обрел

дар слова, и я, проклиная богов, преклонился перед их могуществом. У раба, которому я приказал убить меня, как только я попаду в плен к персам, я отнял меч. Я сделался другим человеком и мало-помалу сумел победить постоянно пробуждавшееся во мне озлобление против своей судьбы и моих благородных врагов. Ты знаешь, что я, наконец, сделался другом Кира, что мой сын мог расти подле меня свободным человеком и вполне владея своим языком. Все, что я видел, слышал и передумал прекрасного в течение своей долголетней жизни, я собрал, чтобы передать ему; теперь он сделался моим государством, моей короной, моей сокровищницей. Видя наполненные заботой дни и бессонные ночи Кира, я со страхом вспоминал прежнее свое величие и могущество и все с большей ясностью понимал, где следует искать истинное счастье. Каждый из нас носит скрытый зародыш его в своем сердце. Довольное, терпеливое настроение, ощущающее сильную радость при виде прекрасного и великого, но не оставляющее без внимания и мелких явлений, принимает страдание без жалоб и улаживает их воспоминаниями. Сохранение меры во всех вещах, твердое упование на милость богов и уверенность, что все, даже самое худшее, должно пройти, так как все подвергается изменению, - все это способствует созреванию зародыша счастья, скрытого в нашей груди, и дает нам силу с улыбкой относиться к тому, вследствие чего человек неподготовленный впал бы в уныние и отчаяние.

Амазис внимательно слушал, чертя на песке фигуры золотым набалдашником своей палки, на котором была изображена собачья голова, потом сказал:

- Поистине, Крез, я, 'великий бог', 'солнце справедливости', 'сын Нейт', 'повелитель военной славы' (титуты, даваемые мне египтянами), готов завидовать тебе, ограбленному и низверженному с трона. Некогда я был счастлив, как ты теперь, весь Египет знал меня, бедного сына сотника, благодаря моей веселости, плутовским проделкам, легкомыслию и задору. Простые солдаты носили меня на руках; начальники многое во мне находили достойным порицания, но безумному Амазису все сходило с рук; мои товарищи, младшие офицеры в войске, не умели веселиться без меня. Но вот мой предшественник Хофра отправил нас в поход против Кирены. Изнемогая в пустыне, мы отказывались идти далее. Подозрение - будто царь хочет принести нас в жертву эллинским наемникам, переросло в открытое восстание. Я, по обыкновению шутя, воскликнул, обращаясь к друзьям: 'Ведь без царя вы не обойдетесь, так сделайте меня своим повелителем; более веселого вы не найдете нигде!' Солдаты услышали эти слова. 'Амазис хочет быть царем!' - пробежало по рядам, от одного к другому. 'Добрый, счастливый Амазис пусть будет нашим царем!' - этим восклицанием встретили меня через несколько часов. Один из товарищей по кутежам надел на меня шлем

главнокомандующего; я превратил шутку в серьезное дело, большинство солдат оказалось на моей стороне, и мы разбили Хофру при Мемфисе. Народ присоединился к заговору. Я взшел на престол. Меня называли счастливым. Будучи до тех пор другом египтян, я теперь сделался врагом лучших из них. Жрецы поклонялись мне и приняли меня в свою касту, но только потому, что надеялись управлять мною совершенно по своему произволу. Мои прежние начальники завидовали мне или же хотели обращаться со мною по-прежнему. Ты понимаешь, что это не согласовалось с моим новым званием и могло бы ослабить внушаемое мною уважение; поэтому я однажды показал пировавшим у меня начальникам войска, захотевшим снова без церемонии шутить со мною, золотой таз, в котором им омывали ноги перед началом пиршества. Спустя пять дней, когда они снова пировали у меня, я приказал поставить на изукрашенный стол золотую статую великого бога Ра. Едва только увидели ее, они пали ниц, чтобы поклониться ей. Когда они встали, я взял скипетр, высоко и торжественно поднял его вверх и воскликнул: 'Это изображение божества художник сделал в пять дней из того ничтожного сосуда, в который вы плевали и в котором омывали ваши ноги. Я сам когда-то был подобным сосудом, но божество, умеющее творить скорее, чем золотых дел мастер, сделало меня вашим царем. Итак, повергайтесь ниц и поклоняйтесь мне. Отныне тот, кто окажется непослушным или забудет воздать уважение царю, наместнику Ра на земле, будет обречен на смерть'. Они пали ниц все, решительно все. Моя власть была спасена, но друзей своих я потерял. Теперь мне необходима была другая опора. Я приобрел ее в элинах. Относительно способности к военной службе один грек стоит более пятерых египтян; это я знал очень хорошо и, основываясь на этом, решился осуществить то, что считал полезным.

Меня постоянно окружали греческие наемники. От них я научился их языку, они познакомили меня с благороднейшим человеком, которого мне когда-либо удавалось встречать, - с Пифагором. Я старался ввести у нас греческие нравы и греческий язык, так как убедился, что упорно придерживаться обратившегося в обычай худшего там, где лучшее находится под рукою и только ждет, чтобы его посеяли на египетских нивах, - просто бессмысленно.

Я правильно разделил всю страну, организовал полицию, наилучшую в целом свете, и привел в исполнение многое; но моя высшая цель - ввести греческий дух, греческие формы, греческое наслаждение жизнью и свободное эллинское искусство в эти богатые и вместе с тем столь мрачные страны, - потерпела крушение на той скале, которая каждый раз, как только я предпринимаю что-либо новое, грозит мне низвержением и гибелью. Жрецы - вот моя преграда, мои противники, мои повелители. Они, с суеверным благоговением придерживающиеся всего, освященного временем; они, для которых все иноземное есть предмет ужаса и которые считают каждого

иностранца естественным врагом их власти и учений, управляют набожнейшим из всех народов почти с неограниченной властью. Поэтому-то мне пришлось пожертвовать им прекраснейшими из моих планов, поэтому-то, согласно их предписаниям, моя жизнь должна проходить во всевозможных стеснениях, и я умру неудовлетворенным, будучи лишен даже уверенности - согласится ли эта негодующая гордая толпа посредников между божеством и смертными дать мне успокоение в могиле!

- Клянусь Зевсом-избавителем, бедный мой счастливец, - с участием прервал его Крез, - я понимаю твои сетования. Хотя я в течение своей жизни знал много отдельных личностей, безрадостно и мрачно проходивших жизненный путь, но я все-таки не подозревал о существовании целой породы, которой по наследству достается мрачность души, как змеям их яд. Скольких жрецов ни видал я на пути моем сюда и при твоём дворе, у всех у них я заметил мрачные лица. Даже юноши, прислуживающие тебе, улыбаются весьма редко, между тем как веселье, подобно цветам весною, принадлежит юности, как прекрасный дар божества.

- Ты бы ошибся, если бы вздумал считать мрачными всех египтян, - отвечал Амазис. - Наша религия действительно требует серьезного помышления о смерти, но ты вряд ли найдешь другой народ, более склонный к насмешливым шуткам и, в случае празднества, способный веселиться с редкостным самозабвением и размахистым разгулом. Но вид иноземцев ненавистен жрецам, и на мой союз с вами они смотрят с мрачным ропотом. Те мальчики, о которых ты упоминал, сыновья знатнейших между ними, составляют величайшую отраву моей жизни. Они служат у меня рабами и послушны малейшему знаку с моей стороны. Людей, отдающих своих детей для подобного дела, следовало бы считать самыми послушными, почтительными слугами царя, которому воздается божеское почтение, но поверь мне, Крез, именно в этой преданности, отклонить которую не в состоянии ни один властитель, не нанеся оскорбления, кроется ловкий и хитрый расчет. Каждый из этих юношей - мой сторож и наблюдатель. Я не могу шевельнуть рукой без их ведома, и каждый мой жест немедленно передается жрецам.

- Но как же ты можешь выносить подобное существование? Изгони всех соглядатаев и выбери себе слуг, например, хотя бы из касты воинов, которая может быть тебе полезна не менее жрецов!

- Если бы я только мог это сделать! - воскликнул Амазис громким голосом. Затем он продолжал тише, точно испугавшись своей горячности. - Мне кажется, что наш разговор подслушивают. Завтра прикажу вырвать с корнями вон тот финиковый куст. Юному жрецу, любителю садовых прогулок, который там срывает едва созревшие финики, нужны плоды совершенно другого рода,

нежели те, которые он так медленно кладет в свою корзину. Рука собирает плоды с дерева, а ухо - слова из уст царя.

- Но клянусь отцом Зевсом и Аполлоном...

- Я понимаю твое негодование и разделяю его; но каждое звание налагает обязанности; и, в качестве царя этой страны, оказывающей божественное благословение всем укоренившимся нравам, я должен подчиняться, по крайней мере в главных пунктах, придворному церемониалу, существующему несколько тысяч лет. Если бы я захотел разорвать эти цепи, то могло бы случиться, что моему трупу было бы отказано в погребении. Я должен сказать тебе, что жрецы назначают посмертный суд над каждым покойником и лишают могильного успокоения того, кого признают виновным. Уважение к моему сыну обеспечило бы погребение моей мумии, но каким образом отнеслись бы к моему телу те, которые стали бы совершать жертвоприношения в моей гробнице...

- Какое тебе дело до гробницы! - с негодованием перебил Крез. - Жить следует для жизни, а не для смерти!

- Скажи лучше, - возразил Амазис, поднимаясь со своего места, - что мы, разделяющие греческие понятия, считаем прекрасную жизнь за высшее благо; но, Крез, я родился от отца-египтянина, вскормлен матерью-египтянкой, вырос на египетской пище, и хотя усвоил себе кое-что эллинское, но все-таки в глубине своего существа остаюсь египтянином. То, о чем напевали тебе в детстве, что представляли святынею в юношеском возрасте, находит отголосок в твоем сердце до тех пор, пока тебя не обернут пеленами мумии. Я старик, и мне осталось недалеко идти до того пограничного камня, за которым начинается вечность. Неужели же мне, ради немногих дней жизни, портить бесконечные тысячелетия смерти? Нет, друг мой, я остался египтянином, подобно каждому из моих соотечественников, я твердо и неуклонно верю, что сохранение моего тела, вместилища души, тесно соединено с благоденствием моей второй жизни, хотя бы я и не был сочтен достойным слиться с душою мира и, сделавшись частью ее, принимать, в качестве Осириса, участие в управлении мирозданием. Но довольно об этих возвышенных вещах, открывать которые, во всей их глубине и величии, непосвященным мне запрещает великая клятва. Ответь мне лучше на мой вопрос, как нравятся тебе наши храмы и пирамиды?

Крез задумчиво отвечал:

- Каменные глыбы пирамид представляются мне созданными необозримой пустыней, пестрые колоннады храмов - произведением пышной весны; но если сфинксы, ведущие к воротам, указывают дорогу в святилище, то косые, подобные укреплениям, стены пилонов кажутся воздвигнутыми для защиты.

Таким же образом и пестрые иероглифы привлекают взоры, но своею таинственностью отталкивают пытливый ум. Изображения ваших многообразных богов стоят повсюду; они неотразимо бросаются в глаза, а между тем всякий догадывается, что они означают нечто совершенно отличное от того, чему они служат изображением, что они суть только осязательные воспроизведения глубоких мыслей, едва доступных пониманию многих людей. Всюду возбуждается мое любопытство, но нигде мое теплое сочувствие всему прекрасному не находит приятного удовлетворения. Мой ум желал бы проникнуть в тайны ваших мудрецов, но сердце и понимание должны оставаться чуждыми тем основным воззрениям, на которых построены ваше мышление, существование и действия и которые, по-видимому, учат, что жизнь есть только короткий путь, ведущий к смерти, а смерть, напротив того, есть истинная жизнь в собственном смысле!

- И, однако, жизнь, которую мы стараемся украшать шумными празднествами, и у нас ценится в полном ее значении, и у нас боятся ужасов могилы и стараются избежать смерти. Наши врачи не пользовались бы таким уважением и широкой известностью, если бы в них не признавали искусства продлить наше земное существование. Кстати, я вспомнил о глазном враче Небенхари, которого я послал царю в Сузу. Оправдал ли он свою репутацию? Довольны ли им?

- Подобный представитель делает честь науке твоей страны, - отвечал Крез. - Он же обратил внимание Камбиза на привлекательность твоей дочери. Небенхари помог не одному слепцу; но мать царя, к несчастью, все еще лишена зрения. Мы, впрочем, сожалеем, что столь искусный человек умеет лечить только одни глаза. Когда дочь царя, Атосса, заболела горячкой, то невозможно было уговорить Небенхари дать ей врачебный совет.

- Это очень естественно, потому что наши врачи лечат всегда только одну какую-нибудь часть тела. У нас есть лекари ушные, зубные и глазные, врачи для лечения перелома костей, для внутренних болезней. Ни один зубной врач не может, по древним законам жрецов, лечить глухого, ни один из занимающихся болезнями костей не может лечить брюшных страданий, хотя бы в совершенстве понимал внутренние болезни. Посредством этого закона хотят достигнуть более основательного изучения отдельных отраслей медицинской науки. Вообще жрецы, к числу которых принадлежат и лекари, занимаются науками с похвальным рвением. Вон там находится дом верховного жреца Нейтотепа, чьи познания в астрономии и измерениях восхвалял даже сам Пифагор. Этот дом граничит с залом, ведущей в храм богини Нейт, повелительницы Саиса. Мне бы хотелось иметь возможность показать тебе священную рощу с ее великолепными деревьями, прекрасные колонны

святилища, капители которых подобны цветам лотоса, и колоссальную гранитную часовню, которая, по моему приказанию, сделана в Элефантине из одного цельного камня, чтобы посвятить ее богине. К сожалению, жрецы просили меня не вести даже и вас далее окружающих храмы стен и пилонов. Пойдем теперь к моей жене и моим дочерям; все они полюбили тебя, и я желаю, чтобы ты полюбил бедную девочку прежде, чем отправишься с ней в дальнюю страну и к чужим людям, царицею которых она должна сделаться. Не правда ли, ты примешь ее под свое покровительство?

- Будь уверен в этом, - сказал Крез, отвечая на рукопожатие Амазиса. - Я буду отечески заботиться о твоей Нитетис, а она будет иметь во мне нужду, так как женские комнаты персидских дворцов имеют весьма скользкий пол. Впрочем, к ней будут относиться с великим уважением. Камбиз может быть доволен своим выбором и высоко оценит то, что ты доверишь ему свое прекраснейшее дитя. Хотя Тахота привлекательна не менее Нитетис, но все-таки ей недостает того величия, которым отличается последняя и которое так идет будущей персидской царице. Небенхари говорил только о твоей дочери Тахоте.

- А я все-таки отправляю свою прекрасную Нитетис; Тахота так хрупка и нежна, что вряд ли перенесла бы трудности пути и печаль разлуки. Если бы я слушался внушений своего сердца, то и Нитетис не следовало бы отправляться в Персию. Но Египет нуждается в мире, а я стал царем прежде, чем сделался отцом!

V

Все прочие члены персидского посольства возвратились в Саис со своей прогулки по Нилу к пирамидам; только Прексасп, посланник Камбиса, уже находился на обратном пути в Персию, для того чтобы сообщить царю о благоприятном результате сватовства.

Во дворце Амазиса всюду царило большое оживление. Свита Камбизова посланника, состоявшая почти из трехсот человек, и знатные гости, которым оказывали всевозможное внимание, наполняли все помещения большого саисского дворца. Дворы переполнены были телохранителями и сановниками, молодыми жрецами и рабами в праздничных одеждах.

По случаю устраиваемого в этот день праздника в честь помолвки своей дочери царь хотел показать в особенно блистательном виде богатство и великолепие своего двора.

Высокая, поддерживаемая пестрыми колоннами приемная зала, обращенная окнами в сад, потолок которой, расписанный голубой краской, был усеян тысячею золотых звезд, представляла действительно обворожительное зрелище. По стенам, богато испещренным картинами и иероглифическими

знаками, висели лампы из цветного папируса, распространявшие странный свет, подобный солнечным лучам, просвечивающим сквозь цветные стекла. Пространство между стенами и колоннами было наполнено редкими тамарисками, лиственными растениями и цветочными кустами, а за ними была скрыта невидимая толпа арфистов и флейтистов, встречавших гостей торжественными однообразными мелодиями.

Посреди комнаты, пол которой был выложен белыми и черными плитами, стояли красивые столы с холодным жарким, сладкими кушаньями, прекрасно убранными корзинами с плодами и печеньями, золотыми кубками, стеклянными бокалами и изящными цветочными вазами. Около этих столов толпилось множество богато одетых рабов, которые, под надзором домоправителя, разносили кушанья отдельным гостям, разговаривавшим частью стоя, частью сидя в дорогих креслах.

Общество состояло из мужчин и женщин всех возрастов. Входящим женщинам молодые жрецы, личные слуги царя, подавали изящные букеты, и многие знатные юноши являлись с цветами, которые они, во время пиршества, не только дарили избранницам своего сердца, но даже подносили к самому их носу.

Египтяне, одетые так же, как и при приеме персидских послов, были вежливы и даже раболепны по отношению к женщинам, между которыми находилось, впрочем, весьма мало замечательных красавиц. У большинства из них волосы были убраны по одному образцу, вся волнистая масса взбитых и завитых щипцами волос спускалась назад, оставляя две косы справа и слева, которые, ниспадая с обеих сторон между глазом и ухом, спускались до самой груди. Широкая диадема придерживала эти прически, про которые горничные знали, что они столь же часто были произведением искусства парикмахера, как и природы. Над пробором у многих придворных дам был прикреплен цветок лотоса, стебель которого спускался на затылок.

В нежных руках, пальцы которых были унизаны кольцами, а ногти, согласно египетскому обычаю, покрашены красной краской, они держали опахала из пестрых перьев, а верхние части и кисти рук и ноги у лодыжек были украшены золотыми и серебряными запястьями.

Одежды всех присутствовавших египтянок были столь же прекрасны, как и драгоценны, в особенности по нежности ткани, тонкой почти до прозрачности, и у некоторых были скроены таким образом, что оставляли непокрытой правую грудь.

Подобно тому, как между мужчинами отличался молодой персидский князь Бартия, Нитетис, дочь фараона, красотой превосходила всех египтянок.

Царственная девушка в своем прозрачном ярко-розовом платье, со свежими розами в черных волосах, ходившая рядом со своей одинаково одетой сестрой, была бледна, как цветок лотоса, украшавший голову ее матери.

Царица Ладикейя, гречанка по происхождению, дочь Баттоса из Кирены, находилась около Амазиса и подводила молодых персов к своим детям. Легкая кружевная накидка покрывала затканную золотом пурпурную ткань ее платья. На прекрасной голове ее греческого типа была надета золотая змея - головной убор египетских цариц. Ее лицо было столь же благородно, как и приветливо, и каждое движение ее показывало, что она обладает той грацией, которую в состоянии дать только эллинское воспитание.

После смерти своей второй жены, египтянки Тентхеты, матери наследника престола Псаметиха, Амазис выбрал эту женщину вследствие своего пристрастия к грекам и наперекор сопротивлению жрецов.

Две поместившиеся около Ладикейи девушки, Тахот и Нитетис, считались близнецами, но в них не замечалось никакого следа того сходства, которое вообще привыкли находить в близнецах.

Тахот была блондинка с голубыми глазами, небольшого роста и изящного сложения, между тем как Нитетис - высокая и полная, с черными глазами и волосами, каждым движением своим заявляла о своем происхождении из царского дома.

- Как ты бледна, дочь моя, - проговорила Ладикейя, целуя Нитетис в щеку. - Будь весела и смотри с уверенностью в будущее. Я привела к тебе брата твоего будущего супруга, благородного Бартию.

Нитетис подняла свои выразительные, темные глаза и устремила долгий, испытующий взгляд на прекрасного юношу. Последний низко поклонился, поцеловал одежду вспыхнувшей девушки и сказал:

- Приветствую тебя, как мою будущую царицу и сестру! Я совершенно уверен, что у тебя сжимается сердце при прощании с родиной, родителями, братьями и сестрами; но не унывай, потому что твой будущий муж - великий герой и могущественный царь; наша мать Кассандана - благороднейшая из женщин, а женская красота и добродетель уважается у персов подобно свету солнца, изливающему жизнь. Тебя же, сестра лилии, Нитетис, которую я рядом с нею желал бы назвать 'розою', я прошу простить меня в том, что мы пришли лишить тебя дорогой подруги.

Взоры юноши впились при этих словах в голубые глаза прекрасной Тахот, которая, приложив руку к сердцу, молча поклонилась и еще долго глядела вслед Бартии, когда Амазис увел его с собою, чтобы усадить его на стул против

танцовщиц, которые только что начали показывать свое искусство для увеселения гостей. Одежда этих девушек состояла только из одной легкой юбки, и их гибкие фигуры кружились и извивались под звуки арф и тамбуринов. Затем выступили на сцену египетские певцы и фокусники со своими забавными номерами.

Наконец, некоторые придворные, оставив во хмелю свою торжественную сдержанность, вышли из залы. Женщины, в сопровождении рабов, с факелами, отправились домой в пестрых носилках; только военные начальники, персидские послы и некоторые сановники, в особенности друзья Амазиса, были удержаны домоправителем и приглашены в великолепно убранную комнату, где стоял стол, приготовленный на греческий манер, с громадным, красовавшимся посреди него сосудом для смеси вина с водою, приглашавшим к ночному кутежу.

Амазис сидел на высоком кресле во главе стола; по левую руку от него находился юный Бартия, а по правую - престарелый Крез. Кроме него и близких к царю лиц, здесь находились уже знакомые нам друзья Поликрата, Феодор и Ивик, а также новый начальник эллинской царской стражи Аристомах.

Амазис, который еще так недавно вел серьезный разговор с Крезом, теперь сыпал самыми едкими шутками. Казалось, будто он снова превратился в безумно-веселого офицера незначительного звания и беззаботного кутилу прежних времен.

С каким-то искрометным юмором он сыпал шутками и остротами, поддразнивая своих собеседников и подсмеиваясь над ними. Громкий, - часто искусственный, вызванный уважением к царскому остроумию, - смех раздавался в ответ на его шутки; кубок осушался за кубком, и ликование достигло своего апогея, когда царский домоправитель появился с маленькой вызолоченной мумией и, показывая ее гостям, воскликнул:

- Пейте, шутите и веселитесь, потому что слишком скоро вы сделаетесь подобными вот этой мумии.

- Это напоминание о смерти во время пиршеств, вероятно, вошло у вас в обычай? - спросил у царя Бартия, сделавшись серьезнее, - или же это твой домоправитель позволяет себе сегодня эту шутку?

- С древнейших времен, - отвечал Амазис, - принято указывать на подобные мумии, для сильнейшего возбуждения веселости пирующих и для напоминания им, чтобы они спешили наслаждаться, пока есть время. У тебя, молодого мотылька, еще много радостных лет впереди; но мы, старые люди, друг Крез, должны серьезно относиться к этому напоминанию. Виночерпий, поскорей

наполняй наши кубки, чтобы ни одна минута жизни не проходила бесполезно! Как ты умеешь пить, златокудрый перс! Право, великие боги даровали тебе такое же здоровое горло, как прекрасные глаза и цветущую красоту. Дай поцеловать тебя, очаровательный юноша, негодный мальчик! Моя дочь Тахот не говорит ни о чем другом, как об этом молокососе, который вскружил ей голову сперва нежными взглядами, а потом чарующими словами. Ну, нечего тебе краснеть, юный ветрогон! Мужчина, подобный тебе, имеет право заглядываться на царских дочерей; но будь ты даже сам Кир, твой отец, и в таком случае я не отпустил бы Тахот в Персию!

- Отец! - тихо шепнул фараону наследник престола Псаметих, прерывая его речь. - Отец, удержи свой язык и вспомни о Фанесе.

Царь окинул сына мрачным взглядом; его веселое настроение было парализовано точно какой-то судорогой, и затем он только изредка вмешивался в разговор, делавшийся все более и более громким и оживленным.

Аристомах, сидевший наискосок против Креза, непрерывно наблюдал за персами, не говоря ни слова и не отвечая смехом на шутки Амазиса. Как только умолк фараон, он с живостью обратился к Крезу и спросил:

- Мне желательно было бы знать, лидиец, покрывал ли снег горы в то время, когда вы покинули Персию?

Удивленный этим странным вопросом, Крез с улыбкой отвечал:

- Большая часть персидских гор была покрыта зеленью, когда мы, четыре месяца тому назад, отправились в Египет; но в царстве Камбиза есть также вершины, на которых даже в самое жаркое время года не тает снег, и они сверкали белизной, когда мы спускались с них.

Лицо спартамца заметно прояснилось. Крез, которому понравился этот серьезный человек, спросил, как его зовут.

- Меня зовут Аристомахом.

- Твое имя неизвестно мне.

- Ты знал многих эллинов, а многие имеют одно имя со мною.

- Судя по твоему диалекту, ты принадлежишь к дорийскому племени; не спартанец ли ты?

- Я был им.

- А теперь?

- Тот, кто покидает отечество без позволения, подлежит смерти.

- Ты добровольно покинул родину?
- Да.
- Зачем?
- Чтобы избавиться от позора.
- Что же ты сделал дурного?
- Ничего.
- Поэтому тебя несправедливо обвинили в преступлении?
- Да.
- А кто был причиной твоего несчастья?
- Ты.

Крез привскочил с места. Серьезный тон и мрачное лицо спартанца устранили всякую мысль о шутке.

Соседи обоих, вслушивавшиеся в странный разговор, также испугались и попросили Аристомаха объяснить его странное заявление.

Спартанец колебался. Было видно, что ему неприятно говорить; но наконец, когда и царь стал просить его рассказать, в чем дело, он начал таким образом:

- Ты, Крез, следуя изречению оракула, избрал нас, лакедемонцев, как самых могущественных из эллинов, в союзники против могущества персов, и подарил нам золото для храма Аполлона Гермеса, на горе Форнаксе. Поэтому эфоры решили подарить тебе громадный, искусно сделанный из меди сосуд для смешанного напитка. Вручить его тебе послали меня. Прежде чем мы достигли Сардеса, корабль наш погиб от бури и вместе с ним - сосуд. Мы спасли только свою жизнь и добрались до Самоса. Когда мы возвратились на родину, то на меня возвели обвинение, будто я продал корабль и сосуд самосским купцам. Но так как меня не могли уличить, а между тем хотели погубить, то я был приговорен простоять два дня и две ночи у позорного столба. Прежде чем занялось утро моего бесчестия, явился мой брат и тайно передал мне меч. Я должен был лишиться себя жизни, во избежание позора. Я не мог умереть, так как должен был еще отомстить моим врагам; поэтому я сам отрубил прикованную ногу от колена и спрятался в тростниках Эвротаса. Брат тайно приносил мне пищу и питье. Через два месяца я мог уже ходить вот на этой деревяшке. Аполлон принял на себя мою месть, потому что чума истребила моих злейших противников. Несмотря на их смерть, я не мог возвратиться. В Гифиуме я, наконец, сел на корабль для того, чтобы вместе с тобою, Крез, сражаться в Сардесе против персов. Когда я высадился в Теосе, то узнал, что ты

уже более не царь. Могущественный Кир, отец этого прекрасного юноши, в несколько недель покорил сильную Лидию и превратил в нищего богатейшего из царей.

Все пирующие с удивлением глядели на серьезного воина.

Крез пожал его жесткую руку, а молодой Бартия воскликнул:

- Поистине, спартанец, мне хотелось бы взять тебя с собою в Сузы, чтобы показать моим друзьям, что я встретил храбрейшего и честнейшего из людей!

- Поверь мне, юноша, - с улыбкой ответил Аристомах, - что каждый спартанец поступил бы подобно мне. В нашей стране нужно более мужества для того, чтобы быть трусом, чем для того, чтобы быть храбрым.

- А ты, Бартия, - воскликнул Дарий, двоюродный брат персидского царя, - разве вынес бы позор - стоять у столба?

Бартия покраснел, но было видно, что и он предпочел бы смерть позору.

- А ты, Зопир? - спросил Дарий, обращаясь к третьему из молодых персов.

- Я из одной любви к вам изувечил бы себя, - воскликнул этот последний и пожал под столом руки двух своих друзей.

Псаметих посмотрел на юных героев с насмешливой улыбкой, Крез, Гигес и Амазис - с величайшим доброжелательством; египтяне выразительно переглядывались, а спартанец весело посмеивался.

Теперь Ивик рассказал об изречении оракула, пророчившего Аристомаху возвращение на родину с приближением людей из края снежных вершин, и при этом упомянул о гостеприимном доме Родопис.

Псаметих сделался беспокоен при упоминании этого имени; Крез выразил желание познакомиться с престарелою фракиянкою, о которой Эзоп рассказывал ему много хорошего, и когда гости, большею частью упившиеся до бесчувствия, покинули залу, то сверженный с престола царь, поэт, скульптор и спартанский герой сговорились на другой день отправиться в Наукратис, чтобы насладиться разговором с Родопис.

VI

В ночь после описанного пиршества царь Амазис имел едва три часа отдыха. Как в другие дни, и на этот раз при первом крике петухов молодые жрецы разбудили его, повели в ванну, одели в царское облачение и проводили к алтарю на дворцовый двор, где он, на виду у народа, принес на алтарь обычную жертву; между тем как верховный жрец громким голосом пел молитвы, перечислял добродетели царя и, для того, чтобы отклонить от особы царя

всякое порицание, возлагал всю ответственность за грехи, совершенные им по неведению, на его дурных советников.

Как и всегда, жрецы превозносили его добродетели, уговаривали его творить добро, читали ему места из священных книг о полезных деяниях и советах великих людей, а затем отвели его в комнаты, где его ожидали доклады и донесения из всех местностей государства.

Эти церемонии, повторявшиеся каждый день, Амазис соблюдал неуклонно, и так же добросовестно посвящал все назначенные часы работе, но зато позднейшую часть дня проводил по своему усмотрению, преимущественно в веселом обществе.

Поэтому жрецы упрекали его в том, что он ведет не царскую жизнь; но он однажды ответил разгневанному верховному жрецу: 'Посмотри на этот лук; если ты станешь постоянно натягивать его, то он вскоре утратит свою силу; а если ты будешь употреблять его в дело только в течение одной половины дня и затем дашь ему отдых, то он останется тугим и годным к употреблению до тех пор, пока не лопнет тетива'.

Амазис только что успел подписать последний доклад, заключающий в себе благоприятный ответ на просьбу одного номарха о выдаче денег на береговые постройки, оказавшиеся необходимыми вследствие наводнения, когда слуга доложил ему, что наследник престола Псаметих просит своего отца уделить ему несколько минут для разговора.

Амазис, находившийся в отличном расположении духа по случаю благоприятных известий из всех частей государства, весело приветствовал вошедшего, но вдруг сделался серьезным и задумчивым. Наконец, после продолжительной паузы, он повелел:

- Поди и проси царевича войти.

Псаметих, как всегда бледный и мрачный, переступая через отцовский порог, отвесил глубокий и почтительный поклон.

Амазис ответил ему немым знаком; потом спросил отрывисто и строго:

- Чего тебе нужно от меня? Мое время с точностью размерено.

- В особенности для твоего сына, - отвечал Псаметих, и губы его задрожали. - Семь раз я просил у тебя великой милости, которую ты, наконец, даровал мне сегодня.

- Оставь упреки! Я догадываюсь о причине твоего прихода. Я должен разъяснить твои сомнения относительно происхождения Нитетис.

- Я не любопытен и пришел скорее для того, чтобы предупредить тебя и напомнить, что, кроме меня, еще существует другой, кому известна эта тайна!

- Фанес?

- А кто же иной? Он, изгнанный из Египта и из собственного отечества, через несколько дней покинет Наукратис. Кто ручается тебе в том, что он не выдаст нас персам?

- Доброта и дружба, которую я всегда оказывал ему.

- Ты веришь в благодарность людей?

- Нет, но я доверяю своей способности распознавать их. Фанес не изменит нам! Повторяю тебе, он мой друг.

- Может быть, твой друг, но мой смертельный враг.

- Так и остерегайся его. Мне же нечего опасаться с его стороны.

- Не тебе, но нашему отечеству! О, отец, подумай о том, что если я и ненавистен тебе, как твой сын, то я все-таки должен быть близок твоему сердцу, как будущность Египта. Подумай, что после твоей смерти, от которой да избавят тебя боги на многие лета, - я, как и ты теперь, буду представлять настоящее этой дивной страны, что мое низвержение в будущем делается равносильно падению твоего дома и гибели Египта!

Амазис становился все серьезнее, между тем как Псаметих с жаром продолжал:

- Ты должен согласиться и согласишься, что я прав! В руках у этого Фанеса - возможность предать нашу страну каждому иноземному врагу, потому что он знает ее так же хорошо, как мы с тобою; далее, в его груди скрыта тайна, разоблачение которой может превратить могущественнейшего из наших друзей в страшнейшего врага.

- Ты ошибаешься! Нитетис хотя и не мое дитя, но все-таки дочь царя и сумеет расположить к себе сердце мужа.

- Если бы она была даже дочерью какого-либо из богов, то и тогда Камбиз, узнав тайну, сделался бы нашим врагом; ведь ты знаешь, что у персов ложь считается величайшим преступлением, а сделаться жертвою обмана - позором. Ты же обманул самого гордого и могущественного из них; и что будет в состоянии сделать одинокая, неопытная девушка там, где благосклонности владыки добивается сотня женщин, искушенных во всевозможных коварствах?

- Не правда ли, что ненависть и мстительность - лучшие наставники в красноречии? - резким тоном спросил Амазис. - Неразумный сын, неужели ты

думаешь, что я затеял такую опасную игру без зрелого обсуждения всех обстоятельств? Пусть Фанес хоть сегодня расскажет персам то, чего он даже хорошенько не знает, о чем он может только догадываться и чего никак не в состоянии доказать! Я - отец и Ладикея - мать лучше всего должны знать, кто наше дитя. Оба мы называем Нитетис нашей дочерью; кто же осмелится утверждать, что это не правда? Если Фанес захочет раскрыть перед другим врагом, кроме персов, слабые стороны нашего государства, то пусть делает это; я не боюсь никого! Неужели ты хочешь уговорить меня согласиться на гибель человека, которому я за многое обязан благодарностью, который верно прослужил мне десять лет и ничем не оскорбил меня? Говорю тебе, что я вместо того, чтобы сделать ему зло, готов защитить его от твоей мести, грязный источник которой мне известен.

- Отец!

- Ты хочешь погубить этого человека, потому что он помешал тебе насильно завладеть внучкой фракиянки Родопис из Наукратиса; потому что я назначил его, вместо тебя, главнокомандующим, так как ты оказался неспособным. Ты бледнеешь? Право, я благодарен Фанесу за то, что он предупредил меня относительно твоих постыдных планов и этим дал мне случай еще более привязать к себе людей, составляющих опору моего престола, которым Родопис очень дорога!

- Отец, как можешь ты превозносить таким образом иноземцев и забывать о древней славе египтян! Брани меня, сколько тебе угодно; я знаю, что ты не любишь меня, но не говори, что мы нуждаемся в чужеземцах для своего величия. Оглянись на нашу историю! Когда были мы всего могущественнее? В то время, когда для всех иноземцев без исключения был воспрещен доступ в наше государство; когда мы, стоя на собственных ногах, веруя в собственные силы, жили согласно древним законам наших отцов и богов. Те времена были свидетелями деятельности Рамсеса Великого, который подчинил нашему победоносному оружию самые отдаленные народы; те времена слышали, как весь мир называл Египет первой, величайшей страной в мире. А что такое мы теперь? Из собственных твоих царских уст я слышу, что ты называешь чужеземных нищих и проходимцев 'опорою государства'; я вижу, как ты, царь, przygotowляешь недостойный обман для того, чтобы приобрести дружбу народа, над которым мы одерживали великие победы до тех пор, пока иностранцы не появились на берегах Нила. Земля египетская была богато убранной, могущественной царицей, а теперь она - разрумяненная и обвешанная мишурным золотом развратница!

- Придержи свой язык! - воскликнул Амазис, топнув ногой. - Египет никогда не знал такого процветания и величия, как теперь! Рамсес перенес наше оружие

в дальние страны и сделал посредством его кровавые приобретения; но я добился того, что произведения наших рук отправляются на отдаленнейшие окраины света и вместо крови приносят нам сокровища и благосостояние. Рамсес заставлял своих подданных проливать потоки крови и пота для славы своего имени, а я достиг того, что в моем государстве кровь проливается с расчетом, а пот - только при полезных работах, и что каждый гражданин может окончить свое земное поприще в безопасности, счастье и благосостоянии. На берегах Нила находятся теперь десять тысяч густонаселенных мест, не осталось ни одного фута необработанной земли, ни один ребенок в Египте не лишен благодеяний права и закона, ни один злодей не может ускользнуть от бдительного взора властей. А если бы на нас напали враги, то, кроме наших крепостей и других средств обороны, дарованных нам самими богами, то есть водопадов, морей и пустыни, мы имеем для защиты отличнейших бойцов, когда-либо носивших оружие - тридцать тысяч эллинов, кроме египетской касты воинов. Таковы дела в нашем Египте! Некогда он заплатил Рамсесу кровавыми слезами за мишурный блеск пустой славы. Неподдельным золотом истинного гражданского счастья и мирного благосостояния он обязан мне и моим предшественникам, саисским царям!

- А все-таки я говорил тебе, - воскликнул наследник, - что Египет - дерево, в жизненных волокнах которого завелась смертоносная червоточина. Стремление и погоня за золотом, за роскошью и блеском испортило все сердца. Пышность иноземцев нанесла смертельный удар простым нравам наших граждан. Часто приходится слышать, как египтяне, совращенные эллинами, насмеются над древними богами; раздор и ссоры разъединяют касты жрецов и воинов. Ежедневно доносят о кровавых побоищах между эллинскими наемниками, египетскими воинами, иностранцами и туземцами. Пастырь и стадо ведут борьбу друг с другом; один жернов государственной мельницы стирает другой, пока все здание не рассыплется прахом. Да, отец мой, если я не буду говорить сегодня, то мне никогда не придется этого сделать, и я, наконец, должен высказать то, что тяготит мое сердце! Во время твоей борьбы с почтенным сословием наших жрецов, надежнейшей опорой престола, ты спокойно смотрел, как юное могущество персов, подобно чудовищу, поглощающему народы и делающемуся все прожорливее и сильнее после всякой новой жертвы, подвигалось с Востока на Запад. Вместо того чтобы подоспеть на помощь лидийцам и вавилонянам, как ты сначала намеревался сделать, ты помогал грекам строить храмы для ложных богов. Но, когда, наконец, всякое сопротивление оказалось невозможным, когда Персия подчинила себе полмира и, сделавшись непобедимой, могла требовать от всех царей чего хотела, тогда бессмертные боги, по-видимому, еще раз захотели подать тебе руку помощи для спасения Египта. Камбис посватался за твою дочь;

но ты, будучи слишком слаб для того, чтобы пожертвовать собственным ребенком для всеобщего благополучия, посылаешь великому царю подставную невесту и по своей слабохарактерности щадишь иноземца, который держит в своих руках счастье и гибель твоего государства, если оно не рухнет раньше, подточенное внутренним раздором!

До сих пор Амазис, бледный и дрожащий от гнева, выслушивал порицание всего, что было наиболее дорого его сердцу. Но теперь он уже не мог молчать и голосом, раздавшимся в огромной комнате, подобно трубному звуку, воскликнул:

- Знаешь ли ты, чьим существованием я должен был бы пожертвовать, если бы жизнь моих детей и существование основанного мною царского дома не были для меня дороже благоденствия этой страны? Известен ли тебе хвастливый мстительный сын злополучия, тот человек, который сделается разрушителем этого прекрасного древнего царства? Это ты сам, Псаметих, отмеченный богами и внушающий ужас людям, ты, сердце которого не знает любви, грудь - дружбы, лицо - улыбки, а душа - сострадания! Проклятие богов дало тебе пагубный отталкивающий характер, и вражда бессмертных ниспосылает дурной конец твоим начинаниям. Слушай же теперь, так как я должен высказать то, о чем я так долго умалчивал, вследствие родительской слабости. Я свергнул своего предшественника и принудил его выдать за меня свою сестру Тентхету. Она полюбила меня, и через год я имел надежду сделаться отцом. В ночь, предшествовавшую твоему рождению, я уснул, сидя у кровати моей жены. Тогда мне приснилось, что твоя мать лежит на берегу Нила. Она жаловалась мне на боль в груди. Я наклонился к ней и увидел, что из ее сердца вырастает кипарис. Дерево делалось все больше, шире и темнее; а корни обвилились вокруг твоей матери и задушили ее. Я похолодел от ужаса. Я хотел бежать, но вдруг с востока поднялся страшный ураган, опрокинувший кипарис таким образом, что широкие ветви погрузились в волны Нила. Тогда река остановилась в своем течении, ее вода отвердела и вместо реки предо мною лежала громадная мумия. Прибрежные города превратились в погребальные урны, которые, точно в могиле, окружали громадный труп Нила. Тут я проснулся и велел призвать снотолкователей. Ни один из них не сумел объяснить удивительный сон; наконец, жрецы Аммона Ливийского объявили мне следующее толкование: 'Тентхета лишилась жизни вследствие рождения сына. Этого сына, мрачного, злобного человека, изображает кипарис, удушивший свою мать. Во время его правления народ с востока превратит Нил, то есть египтян, в трупы, а их города - в груды развалин, изображаемые погребальными урнами'.

Псаметих, подобно мраморному изваянию, стоял напротив отца, между тем как последний продолжал:

- Твоя мать умерла, дав тебе жизнь, на твоих висках виднелись ярко-красные волосы, знак сынов Тифона [\[47\]](#); повзрослев, ты сделался мрачным человеком; несчастье преследовало тебя, так как ты лишился любимой жены и четверых детей. Подобно тому, как я рожден под счастливым знаком Аммона, ты, по вычислениям астрологов, рожден при восхождении ужасной планеты Сет; ты...

Амазис прервал свою речь, потому что Псаметих, подавленный тяжестью всех ужасов, которых он наслушался, упал и скорее стонал, чем говорил:

- Перестань, жестокий отец, и умолчи, по крайней мере, о том, что я единственный в Египте сын, невинно преследуемый ненавистью родного отца!

Амазис посмотрел на бледного человека, упавшего к его ногам и скрывавшего лицо в складках его платья. Его быстро возгоревшийся гнев превратился в сострадание. Он почувствовал, что был слишком жесток, что своим рассказом бросил в душу Псаметиха ядовитую стрелу, и вспомнил об умершей сорок лет тому назад матери несчастного. В первый раз с давних пор он взглянул как отец и утешитель на эту мрачную личность, отталкивавшую всякое изъявление любви и столь чуждую ему по всем своим воззрениям. Его нежному сердцу теперь в первый раз представлялась возможность осушить слезы в глазах сына, всегда дышавших такой холодностью. С радостной поспешностью воспользовался он этим случаем и, нагнувшись к стонавшему Псаметиху, запечатлел на челе его поцелуй, поднял его и проговорил мягким голосом:

- Прости мой порыв, любезный сын. Нехорошие слова, оскорбившие тебя, вырвались не из сердца Амазиса, а из пасти бешенства. Ты в течение многих лет раздражал меня своей холодностью, ожесточением, своим упрямством и отталкивающим обращением. Сегодня ты оскорбил меня в моих священнейших чувствах, поэтому я и поддался порыву гнева. Теперь все будет хорошо между нами. Хотя мы слишком различны по характерам для того, чтобы наши сердца могли слиться в одно с полной искренностью, но отныне мы будем действовать единодушно и делать уступки друг другу.

Псаметих, молча поклонившись, поцеловал платье отца.

- Нет, не так, - воскликнул Амазис, - поцелуй меня в губы. Вот это другое дело, так должно быть между отцом и сыном! Что же касается до дикого сна, о котором я рассказывал тебе, то не беспокойся. Сны - обманчивые видения; если же они действительно ниспосылаются богами, то их истолкователи подвержены человеческим заблуждениям. Твои руки все еще дрожат, и твои щеки так же

белы, как твоя полотняная одежда. Я был жесток к тебе, более жесток, чем отец...

- Более жесток, чем позволяется быть чужому относительно чужого, - прервал царя наследник. - Ты сломил и уничтожил меня, и если до сих пор на моем лице редко показывалась улыбка, то отныне оно будет зеркалом бедствия.

- Нет, - сказал Амазис, положив руку на плечо сына. - Если я нанес раны, то имею средства залечить их. Выскажи мне самое пламенное желание твоего сердца - и оно будет исполнено!

Глаза Псаметиха сверкнули, бледно-розовый отблеск появился на его мертвенном лице, и он ответил, не задумываясь, таким голосом, в котором еще отзывалось потрясение, испытанное им в последние минуты:

- Отдай мне Фанеса, моего врага.

Царь оставался некоторое время погруженным в задумчивость, затем сказал:

- Я буду принужден исполнить твое требование, но мне было бы приятнее, если бы ты потребовал половину моей казны. Тысячи голосов в глубине моей души шепчут мне, что я намереваюсь сделать нечто недостойное меня, что окажется пагубным для меня, для тебя, для целого государства. Обдумай еще раз, прежде чем начнешь действовать. Но предупреждаю тебя: каковы бы ни были твои намерения относительно Фанеса, с головы Родопис не должен быть тронут ни один волос; ты также должен позаботиться о том, чтобы преследование моего бедного друга осталось тайною, в особенности для греков. Где я найду полководца, советника и собеседника, подобного ему? Но он еще не находится в твоей власти, и поэтому я напому тебе, что если ты хитер, как египтянин, то Фанес хитер, как эллин! В особенности помни свою клятву - отказаться от всякой мысли о внучке Родопис. Если я не ошибаюсь, то месть для тебя дороже любви. Что же касается Египта, то повторяю тебе, что мое царство никогда не было счастливее, нежели теперь. Утверждать противное не приходит в голову никому, кроме недовольных жрецов и людей, бессознательно повторяющих их слова. Ты также хотел бы узнать историю происхождения Нитетис? Итак, слушай; твой собственный интерес должен заставить тебя молчать!

Псаметих с напряженным любопытством слушал рассказ отца, и, когда последний кончил, он поблагодарил его крепким пожатием руки.

- Теперь прощай! - закончил Амазис свой разговор с сыном. - Не забывай ничего мною сказанного, и в особенности прошу тебя, не проливай крови! Что бы ни случилось с Фанесом, я не хочу ничего знать, так как ненавижу жестокость

и не желал бы с омерзением относиться к тебе, моему сыну! Как ты весел! Бедный афинянин, лучше было бы для тебя - никогда не вступать на эту землю!

Когда Псаметих удалился из комнаты своего отца, Амазис долгое время в задумчивости ходил взад и вперед по комнате. Он сожалел о своей уступчивости, и ему казалось, будто он уже видит окровавленного Фанеса, стоящего перед ним рядом с тенью свергнутого им Хофры. 'Но ведь он действительно мог бы погубить нас', - старался он оправдать себя перед судьей в собственном сердце, затем востроился, выпрямился во весь рост, призвал слуг и с улыбкой на губах вышел из своих покоев.

Неужели этот легкомысленный человек, баловень счастья, так скоро успокоил свой внутренний голос? Или он владел собой настолько, чтобы прикрывать улыбкой страдания, которые ему приходилось выносить?

VII

Выйдя из комнаты отца, Псаметих немедленно отправился в храм богини Нейт. У входа в храм он спросил о главном жреце. Храмовые прислужники попросили его обождать, говоря, что великий Нейтотеп в настоящую минуту молится в святой святых великой владельницы неба.

Молодой жрец появился вскоре с извещением, что его повелитель ожидает царевича.

Псаметих тотчас покинул прохладное место, где расположился в тени серебристых тополей священной рощи, на берегу большого пруда, посвященного великой Нейт. Он прошел по первому двору, вымощенному каменными плитами, на который ослепительные солнечные лучи падали, подобно раскаленным стрелам, причем придерживался одной из длинных сфинксовых аллей, ведущих к отдельно стоявшим пилонам гигантского храма богини. Он прошел через громадные главные ворота, которые, подобно всем египетским храмовым воротам, были украшены ширококрылым солнечным диском. По обеим сторонам отворенных настежь ворот возвышались башнеподобные здания, стройные обелиски и развевающиеся флаги. Затем он скрылся во дворе, окаймленном справа и слева колоннами, посреди которого приносились жертвы божеству. Весь передний фасад собственно храмового здания, подымавшегося наподобие укрепления, тупым углом, из квадратов обширного, окруженного колоннами двора, был покрыт пестрыми изображениями и надписями. Через портик он вошел в высокую переднюю комнату, потом в большую залу, голубой потолок которой, усеянный тысячами золотых звезд, поддерживался четырьмя рядами гигантских колонн. Корпус их и капители, изображавшие цветок лотоса, боковые стены и ниши этой громадной залы, - одним словом, все, на чем останавливался взор, было

расписано пестрыми красками и иероглифами. Колонны подымались до гигантской высоты, безмерно высокая зала раскидывалась в необъятную, величественную ширь; воздух, которым дышали молящиеся, был переполнен ладаном и запахом кифи, а равно и испарениями, проникавшими из лаборатории храма. Тихая музыка, исполняемая незримыми артистами, казалось, никогда не умолкала, но иногда прерывалась густым ревом священных коров Исиды и каркающим голосом коршунов Гора, чье помещение находилось рядом. Как только раздавалось торжественно-протяжное мычание коровы, подобное далекому раскату грома, или слышался потрясавший нервы резкий крик коршуна, моельщики, сидевшие на корточках, наклоняли головы и касались лбами каменных плит переднего двора, обнесенного колоннами. С величайшим благоговением глядели они на закрытые для них внутренние покои храма, в святая святых которого, огромной зале, высеченной наподобие часовни из одного куска гранита, стояли многочисленные жрецы; у некоторых из них на блестящих лысых головах виднелись страусовые перья, у других были накинuty на плечи, поверх белой одежды, пантеровые шкуры. С бормотаньем и пеньем они склонялись и выпрямлялись, поднимали кадила с фимиамом и из золотых сосудов для жертвенных возлияний лили чистую воду в честь богов. В этой гигантской зале, открытой только для самых привилегированных египтян, человек должен был чувствовать себя умаленным до последней степени. Его зрение, слух, даже дыхательные органы подвергались только таким влияниям внешнего мира, которые отстояли далеко от всего, чем наполняется ежедневная жизнь, стесняли грудь и возбуждали содрогание в нервах. В чаду и отрекшись от действительности молящийся должен был искать опоры вне самого себя. Голос жреца указывал ему на эту опору; таинственная музыка и голоса священных животных считались проявлениями близости божества.

После того как Псаметих, не будучи в состоянии молиться, принял, однако же, на некоторое время позу молящегося на назначенной для него низкой золотой скамье, покрытой подушками, - он направился к упомянутой, более тесной и менее высокой, боковой зале, в которой помещались священные коровы Исиды-Нейт и коршуны Гора. Занавес из драгоценной, вышитой золотом материи скрывал их от глаз посетителей храма, так как лицезрение этих обоготворяемых животных разрешалось народу весьма редко и издалека. Когда Псаметих проходил мимо, то в золотые ясли коров служители клали размоченные в молоке печенья, соль и цветы клевера, а в красивую клетку коршуна - маленьких птичек с пестрыми перьями. В своем тогдашнем настроении духа наследник престола не обратил никакого внимания на все эти хорошо ему знакомые вещи, по скрытой лестнице поднялся в комнаты,

расположенные около обсерватории, где верховный жрец имел обыкновение отдыхать после богослужения.

В великолепной комнате, покрытой тяжелыми вавилонскими коврами, на пурпурных подушках вызолоченного кресла сидел семидесятилетний старик Нейтотеп. Он держал в руках свиток, покрытый иероглифическими знаками. Позади него стоял мальчик, отмахивавший от него насекомых опахалом из страусовых перьев.

Лицо старого жреца было покрыто морщинами; но в нем виднелись следы прежней красоты. В больших голубых глазах и теперь еще светился живой ум, соединенный с чувством собственного достоинства.

Нейтотеп снял свой парик. Обнаженный гладкий череп оригинально отделялся от покрытого морщинами лица, вследствие чего свойственный египтянам плоский лоб казался необыкновенно высоким. Пестрая комната, на стенах которой виднелись тысячи изречений, написанных иероглифами, резные цветные статуи богини, стоявшие здесь, и белоснежная одежда жреца не могли не произвести на постороннего зрителя торжественного впечатления.

Старик принял наследника престола с большой серьезностью и спросил:

- Что привело моего светлейшего сына к бедному служителю божества?

- Я имею многое сообщить тебе, отец мой, - отвечал Псаметих с торжествующей улыбкой. - Я только что вернулся от Амазиса.

- Итак, он наконец выслушал тебя?

- Наконец!

- Твое лицо говорит мне, что наш властелин, а твой отец милостиво обошелся с тобою.

- Да, после того, как я подвергся его гневу. Когда я высказал требования, внушенные мне тобою, он предался неумеренному гневу и обрушился на меня с ужасными речами.

- Ты, вероятно, оскорбил его? Или же ты, по моему совету, приблизился к нему в виде смиренно просящего сына.

- Нет, отец мой, я был раздражен и полон негодования.

- В таком случае Амазис был прав в своем гневе; никогда не следует сыну относиться к своему родителю с неудовольствием, а менее всего тогда, когда этот сын собирается о чем-нибудь просить его. Ты знаешь изречение: 'почитающий своего отца будет долголетен'. Вот видишь, сын мой, ты постоянно оказываешься виновным в том, что стараешься насильственно и с

неудовольствием добиться исполнения вещей, которые могут быть приобретены посредством доброты и кротости. Доброе слово гораздо действеннее злого, и способ, каким мы пользуемся речью, имеет большое значение. Послушай, что я расскажу тебе. Много лет тому назад Египтом управлял царь Снефру, имевший местопребывание в Мемфисе. Однажды ему приснилось, что все зубы выпали у него изо рта. Он тотчас же послал за снотолкователем, которому и рассказал свой сон. Тогда последний воскликнул: 'О царь, горе тебе, все твои родственники умрут раньше тебя!' Разгневанный Снефру велел наказать несчастного плетью и призвал второго толкователя, который объяснил сон следующим образом: 'Великий царь, да будет благословенно твое имя, ты проживешь долее всех твоих родственников!' Царь улыбнулся при этих словах и наградил второго снотолкователя подарком; потому что хотя последний сказал ему то же самое, что и первый, но сумел облечь свое изречение в лучшую форму. Понимаешь ли ты смысл приведенного примера? Итак, старайся на будущее избирать приятную форму для своей речи, потому что, в особенности для слуха властителя, столь же важно то - как ему говорят, как и то - что ему говорят.

- О, отец мой, как часто давал ты мне эти наставления, как часто я сам сознавал, что наношу себе вред своими грубыми словами и гневными движениями; но я не могу изменить своей манеры, не могу...

- Скажи лучше: не хочу; истинный мужчина не должен никогда вторично делать того, о чем однажды пожалел. Но довольно читать наставления! Рассказывай, каким образом ты смягчил гнев Амазиса.

- Ты знаешь моего отца. Когда он увидел, что его страшные слова поразили меня до самой глубины души, он раскаялся в своей бешеной вспышке. Он почувствовал, что зашел слишком далеко, и захотел какую бы то ни было ценою загладить свою жестокость.

- У него благородное сердце, но ум его помрачен! - воскликнул жрец. - Чем бы мог быть Амазис для Египта, если бы слушался наших советов и заповедей богов!

- Будучи так сильно растроган, он под конец согласился, - слушай хорошенько, отец мой, - он согласился подарить мне жизнь Фанеса!

- Как сверкают твои глаза! Это нехорошо, Псаметих! Афинянин должен умереть, потому что оскорбил богов; но судья, будучи строгим, должен не радоваться, а скорбеть о несчастьи осужденного. Ну, говори, чего же еще добился ты?

- Царь сообщил мне, из какого дома происходит Нитетис.

- Больше ничего?

- Нет, отец мой, но разве тебе не любопытно узнать...

- Любопытство есть порок женщин; впрочем, я уже давно знаю то, что ты мог бы рассказать мне.

- Но ведь ты вчера настойчиво поручал мне расспросить отца.

- Я сделал это, чтобы испытать тебя, предан ли ты божеству и готов ли исполнить его повеления, и идешь ли по тому пути, который один может сделать тебя достойным посвящения в высшую степень знания. Я вижу, что ты добросовестно сообщаем нам все, о чем узнаешь, и что ты умеешь исполнять первую добродетель жреца - послушание.

- Так ты знаешь, кто отец Нитетис?

- Я сам читал молитву у могилы царя Хофры.

- Но кто выдал тебе тайну?

- Вечные звезды, сын мой, и мое искусство читать в книге небес.

- А эти звезды? Разве они никогда не обманывают.

Псаметих побледнел. Сон его отца и его собственный ужасный гороскоп восстали в его душе в виде жутких призраков. Жрец тотчас же заметил изменение в чертах лица царевича и мягким голосом сказал ему:

- Ты вспоминаешь о несчастных небесных знаках при твоём рождении и считаешь себя погибшим; но утешься, Псаметих, в то время астрологи не приметили созвездия, которое не ускользнуло от моих глаз. Твой гороскоп был плох, очень плох, но он может обратиться в хороший, он может...

- О говори, отец мой, говори!

- Все должно обратиться к лучшему, если ты, забыв обо всем другом, будешь жить для богов и безусловно станешь повиноваться их голосу, который мы слышим в святая святых.

- Подай знак, отец мой, - и я буду слушаться!

- Да воздаст это владычица Саиса, великая Нейт! - воскликнул жрец торжественным голосом. - А теперь, сын мой, - ласково продолжал он, - оставь меня, так как я утомился от продолжительной молитвы и бремени лет. Если возможно, то не спеши со смертью Фанеса: мне хотелось бы поговорить с ним прежде, нежели он умрет. Еще одно: вчера вступил сюда отряд эфиопов. Эти люди не понимают ни слова ни по-египетски, ни по-гречески. Под начальством верного человека, знающего и афинянина, и местность, они окажутся

пригодными к устранению виновного, так как их незнание языка и обстоятельств дела не допустит нескромности или предательства. Перед своим отправлением в Наукратис эти люди ничего не должны знать о цели своего путешествия; а когда дело будет сделано, то мы отправим их обратно в Куш. Помни, что тайна, о которой знает не один человек, уже наполовину не тайна. Прощай!

Псаметих удалился из комнаты старика. Спустя несколько минут вошел молодой жрец, один из слуг царя, и спросил Нейтотепа:

- А что, хорошо ли я наблюдал, отец мой?

- Отлично, сын мой; от тебя не ускользнуло ничего из разговора Амазиса с Псаметихом. Да сохранит Исида твой слух.

- Ах, отец, сегодня глухой услышал бы из соседней комнаты каждое слово, так как царь ревел, точно бык.

- Великая Нейт наслала на него неосторожность. Но я приказываю тебе говорить о фараоне с большим почтением. Ступай теперь, держи глаза свои открытыми и немедленно уведоми меня, если Амазис - что весьма возможно - попытается спасти от гибели Фанеса. Ты во всяком случае найдешь меня дома. Прикажи слугам, чтобы они отказывали всем посетителям и говорили, что я молюсь в святая святых. Неизреченный да хранит твой путь!

Пока Псаметих делал все приготовления к поимке Фанеса, Крез со своими спутниками сажился в царскую барку, чтобы отправиться в Наукратис и провести следующий вечер у Родопис.

Его сын Гигес и трое молодых персов остались в Саисе, где они чувствовали себя превосходно.

Амазис осыпал их любезностями, по египетскому обычаю допускал в общество своей жены и так называемых сестер-близнецов, учил Гигеса игре в шашки и выказывал неистощимый запас остроумия и веселости, любуясь, как сильные и ловкие юноши участвовали в играх его дочерей - в бросании мячей и обручей, составлявшем любимое развлечение египетских девушек.

- Право, - воскликнул Бартия после того, как Нитетис в сотый раз подхватила тонкой палочкой из слоновой кости легкий, украшенный лентами обруч, - эту игру нам следует ввести и у себя на родине. Мы, персы, не похожи на вас, египтян. Все новое и иноземное принимается нами настолько же охотно, насколько вам оно бывает, по-видимому, неприятно. Я расскажу об этой игре нашей матери Кассандане, и она с удовольствием согласится, чтобы жены моего брата забавлялись таким образом.

- Сделай это, непременно сделай, - воскликнула белокурая Тахот, зардевшись ярким румянцем. - Нитетис будет участвовать в этой забаве и мысленно переноситься на родину, к милым сердцу; ты же, Бартия, - негромко прибавила она, - следя за полетом обруча, должен также вспоминать о настоящей минуте.

Молодой перс с улыбкою отвечал:

- Я никогда не забуду ее! - Затем он воскликнул громко и весело, обращаясь к своей будущей невестке: - Не унывай, Нитетис, тебе понравится у нас больше, нежели ты думаешь. Мы, азиаты, умеем чтить красоту; это мы доказываем уже тем, что имеем по нескольку жен!

Нитетис вздохнула, а Ладикея, жена царя, воскликнула:

- Именно этим вы показываете, что дурно понимаете женскую натуру! Ты не можешь себе представить, Бартия, что чувствует женщина, когда она видит, что на нее смотрит как на какую-то игрушку, на дорогую лошадь или на драгоценный сосуд тот человек, который для нее дороже жизни, которому она готова была бы вполне и беззаветно пожертвовать всем, что ей дорого и свято. Еще в тысячу раз обиднее, когда приходится разделять с сотнею других ту любовь, которой желательно было бы обладать одной.

- Вот видишь, какая она ревнивая! - воскликнул Амазис. - Разве она не говорит так, как будто уже имела случай жаловаться на мою неверность?

- О нет, дорогой мой, - отвечала Ладикея, - в этом отношении вам, египтянам, следует отдать предпочтение перед всеми другими мужчинами; вы верны и постоянны и довольствуетесь тем, что однажды полюбили; я даже осмеливаюсь утверждать, что ни одна женщина не может быть счастливее жены египтянина. Даже греки, умеющие гораздо богаче украшать жизнь, нежели египтяне, не умеют ценить женщин так, как они того заслуживают! В их душных комнатах матери и домоправительницы постоянно принуждают их к работе у ткацкого станка или прялки, и таким образом эллинские девушки грустно проводят свою раннюю молодость, для того чтобы, достигши совершеннолетия, быть введенными в безмолвный дом незнакомого мужа, деятельность которого на пользу государства позволяет ему лишь изредка заходить в женскую комнату. Женщина имеет право появляться в обществе мужчин только при посещении ее мужа близкими друзьями и родственниками, - но и то застенчиво и нерешительно, - чтобы услышать, что делается на свете и поучиться. Увы! И в нас существует стремление к приобретению знаний, и именно нашему полу и не следовало бы отказывать в известных сведениях для того, чтобы мы, будучи матерями, могли сделаться наставницами своих детей. Что может передать своим дочерям элинка-мать, кроме незнания, так как она не имеет ни о чем понятия и ничего не испытала. Поэтому грек весьма редко довольствуется своей

законной женой, стоящей в умственном отношении гораздо ниже его, и отправляется в дома гетер, которые, находясь в непрерывных сношениях с другим полом, наслушались от мужчин всего и умеют украшать приобретенные от них познания цветами женственной прелести и солью своего тонкого остроумия. В Египте все делается иначе. Здесь подрастающие девушки допускаются к совершенно свободному обращению в обществе лучших мужчин; юноша и девушка знакомятся друг с другом при многочисленных празднествах и привязываются один к другому. Вместо рабы женщина становится подругой мужчины. Одно дополняет другое. В более серьезных вопросах перевес остается на стороне более сильного; мелкие заботы предоставляются женщине, более сведущей в малых вещах. Дочери вырастают под хорошим присмотром, так как мать не лишена познаний и опытности. Женщине легко оставаться добродетельной и домовитой, так как она своими добродетелями увеличивает счастье того, кто принадлежит только ей одной и драгоценнейшее сокровище которого составляет она. Мы, женщины, ведь делаем только то, что нам нравится! Египтяне обладают искусством направлять нас таким образом, чтобы нам нравилось именно только то, что хорошо. Здесь, на берегах Нила, Фокилид Милетский и Гиппонакт Эфесский [\[48\]](#) никогда не осмелились бы выступить против нас со своими сатирическими песнями, - здесь никогда не могло бы быть придумано сказание о Пандоре [\[49\]](#).

- Как хорошо ты говоришь! - воскликнул Бартия. - Мне было трудно выучиться по-гречески, но теперь я радуюсь, что не бросил своих занятий и внимательно слушал уроки Креза.

- Но кто же эти дурные люди, которые осмеливаются скверно говорить о женщинах? - спросил Дарий.

- Несколько греческих поэтов, - отвечал Амазис, - самые смелые из людей, так как я скорее согласился бы раздражить львицу, чем женщину. Эти греки не боятся ничего в мире. Послушайте только образчик поэзии Гиппонакта:

Жена лишь два дня тебе может приятно быть:
В день свадьбы и в день, когда будут ее хоронить.

- Перестань, перестань, бессовестный! - воскликнула Ладикея, затыкая себе уши. - Вот посмотрите, персы, каков этот Амазис. Где он только может поддразнить и посмеяться, там уже не упустит случая, - хотя бы даже он вполне разделял мнение тех, которые подвергаются его насмешкам. Нет лучшего мужа...

- И нет жены хуже тебя, - со смехом заметил Амазис, - так как ты набрасываешь на меня подозрение, будто я уж слишком послушный супруг! До

свидания, дети; пусть молодые герои познакомятся с нашим Саисом; но прежде я хочу сообщить им, что язвительный Семонид поет о самой лучшей из женщин:

Но от пчелы одна произошла:
Счастливец, тот, кому она досталась!
Через нее плодятся и цветут
Ему судьбой ниспосланные блага;
И с любящим супругом доживет
Она, любя, до старости глубокой;
От ней идет прекрасный, славный род,
Всех жен она затмила ярким блеском,
Все прелестью богини дышит в ней.
Не по сердцу ей круг болтливых женщин,
Где говорят лишь об одной любви.
Вот каковы разумнейшие жены
И лучшие, которых только Зевс
Дарует нам, мужчинам, в обладанье.

- Вот такова и моя Ладикея! Прощайте!

- Нет еще, подождите! - воскликнул Бартия. - Я еще должен сперва оправдать нашу бедную Персию, чтобы вдохнуть новое мужество в мою будущую невестку. Но, нет! Дарий, говори ты за меня, так как ты столь же красноречив, как и сведущ в денежных расчетах и в искусстве владеть мечом.

- Тыставляешь меня каким-то болтуном и разносчиком, - возразил сын Гистаспа. - Но пусть будет так; я уже давно порываюсь защитить нравы нашей родины. Итак, знай, Ладикея, что твоя дочь никоим образом не будет рабой, но станет подругой нашего царя, если Аурамазда [\[50\]](#) направит его сердце к добру; знай, что и в Персии, разумеется, только при больших празднествах царские жены присутствуют за столом вместе с мужчинами, и что мы привыкли оказывать величайшее уважение нашим женам и матерям. Послушайте-ка: в состоянии ли вы, египтяне, предоставить вашим женам подарок драгоценнее того, который сделал вавилонский царь, женатый на персиянке? Эта последняя, привыкнув к горам своей родины, чувствовала себя несчастной на обширных равнинах Евфрата и заболела с тоски по родине. Что же сделал царь? Он приказал возвести гигантское сооружение на высоких мостовых арках и покрыть его вершину насыпью из плодородной земли. Там были посажены великолепнейшие цветы и деревья, орошавшиеся искусственными водопроводами. Когда все было готово, он привел туда свою жену-персиянку и подарил ей искусственную гору, с которой она, как с вершины Рахмеда, могла смотреть вниз на равнину.

- И что же, выздоровела ли персиянка? - спросила Нитетис, опустив глаза.

- Она выздоровела и повеселела; так же и ты по прошествии некоторого времени будешь чувствовать себя довольною и счастливою в нашей стране.

Ладикейя приветливо улыбнулась и спросила:

- А что же больше всего способствовало выздоровлению молодой царицы? Искусственная гора или любовь мужа, воздвигнувшего такую постройку для ее удовольствия?

- Любовь мужа! - воскликнули девушки.

- Но Нитетис не станет пренебрегать и горою, - уверял Бартя. - Я устрою так, чтобы она жила в висячих садах, каждый раз, когда двор будет посещать Вавилон.

- Теперь же ступайте, - воскликнул Амазис, - иначе вам придется осматривать город в темноте. А меня уже целый час ожидают два писца. Эй, Сахон, прикажи сотнику наших телохранителей следовать за нашими высокими гостями с сотней воинов!

- Но к чему это? Достаточно было бы одного проводника или кого-нибудь из греческих низших начальников.

- Так лучше. Иностранец никогда не может быть чересчур осторожен в Египте. Примите это к сведению; в особенности остерегайтесь насмехаться над священными животными. Будьте здоровы, мои юные герои, и до свидания сегодня вечером за веселым кубком!

Персы вышли из царского дворца в сопровождении переводчика, грека, воспитанного в Египте, говорившего одинаково бегло на обоих языках.

Улицы Саиса, находившиеся вблизи дворца, представляли приятное зрелище. Дома, из которых иные имели пять этажей, были построены из легких нильских кирпичей и украшены рисунками и иероглифическими знаками. Галереи с перилами из резного пестро раскрашенного дерева, поддерживаемые размалеванными колоннами, окружали стены, выходившие во двор. На крепко запертых входных дверях многих домов можно было прочитать имя и сословие владельца. На плоских крышах стояли цветы и красивые растения, под сенью которых египтяне любили проводить вечера, если не предпочитали подниматься на башенки, являвшиеся принадлежностью почти каждого дома. Эти маленькие обсерватории строились потому, что несносные насекомые, зарождающиеся на Ниле, летают только очень низко и от них можно было избавиться на вершине этих башенок.

Молодые персы восхищались величайшей, почти до излишества доведенной чистотой, которой блистали все дома и даже улицы. Доски на дверях и молотки сверкали на солнце, нарисованные фигуры на стенах, галереях и колоннах имели такой вид, как будто они только сейчас окончены, и даже мостовые на улицах заставляли предполагать, что тут имеют обыкновение мыть их. Чем более удалялись персы от Нила и дворца, тем уже делались улицы города. Он был построен на склоне небольшого холма и в сравнительно короткое время превратился из незначительного поселения в большой город, когда за два столетия перед тем сюда была перенесена резиденция фараонов.

На стороне Саиса, обращенной к рукаву Нила, улицы были прекрасны и застроены красивыми зданиями; на другом склоне холма, напротив того, были расположены хижины бедняков, сделанные из нильского ила и ветвей акаций и только изредка перемежавшиеся с более приличными домами. На северо-западе высился укрепленный дворец царя.

- Вернемся назад, - предложил Гигес, сын Креза, обращаясь к младшим своим спутникам (которых он, в отсутствие своего отца, был обязан охранять), когда увидел, что толпа любопытных, следовавших за ними, на каждом шагу увеличивается.

- Как прикажешь, - отвечал переводчик. - Там внизу, в долине, у подошвы того холма, расположен мертвый город саитян, на который, по моему мнению, стоит посмотреть иностранцам.

- Иди вперед, - воскликнул Бартия, - ведь мы затем и сопровождали Прекаспа, чтобы увидеть все достопримечательности чужих стран.

Когда они, невдалеке от мертвого города, достигли пустого места, окруженного лавочками ремесленников, то в следовавшей за ними толпе послышался дикий крик. Дети выпускали радостные восклицания, женщины кричали, и какой-то голос, покрывавший все другие, взывал:

- Идите сюда, в преддверие храма, чтобы увидеть деяние великого волшебника, уроженца оазисов Ливийского Запада. Он наделен всеми чародейственными силами от Хунсу, подавателя хороших советов, и от великой богини Гекаты!

- Следуйте за мною вот туда, в маленький храм! - сказал переводчик. - Вы сейчас увидите удивительное зрелище.

Тут он стал вместе с персами пролагать себе дорогу сквозь толпу египтян, отталкивая в сторону то полунагого ребенка, то женщину с желтоватым цветом лица, и вскоре возвратился в сопровождении жреца, который провел

иностранцев в передний двор храма. Тут, среди нескольких ящиков и сундуков, стоял человек в одежде жреца. Два негра на коленях находились около него.

Ливиец, гигантского роста, с гибким телом и пронзительными черными глазами, держал в руке духовой инструмент вроде наших кларнетов. Вокруг его груди и рук обвивались несколько змей, признаваемых в Египте ядовитыми.

Очутившись напротив персов, он поклонился, торжественным жестом пригласил их быть зрителями, снял свою белую одежду и начал проделывать разные фокусы со своими змеями.

То он позволял кусать себя, так что яркая кровь струилась у него по щекам, то, посредством странных звуков своей флейты, принуждал их выпрямиться и делать движения, похожие на танцы, то, плюнув им в пасть, превращал их в неподвижные палки. Потом он бросал всех змей наземь и, вращаясь среди них, исполнял бешеный танец, не касаясь их ногами.

Точно безумный, выворачивал и корчил волшебник свои гибкие конечности, пока глаза его не вылезали из орбит и на губах не показывалась кровавая пена.

Вдруг он, точно мертвый, упал на землю. Ничто не шевелилось во всей его фигуре, кроме губ, которые издавали какое-то свистящее шипение. По этому знаку змеи поползли к нему и, подобно живым кольцам, обвились вокруг его шеи, ног и туловища. Наконец, он поднялся и пропел песню в честь чудотворной силы божества, которое, ради своей собственной славы, сделало его чародеем.

Затем он открыл один из сундуков и положил туда большую часть змей и только некоторых, вероятно, своих любимцев, оставил на себе в виде шейных украшений и браслетов на руках.

Вторую часть его представления составляли хорошо исполненные фокусы. Он глотал горящий лен; плясал, держа в равновесии мечи, острые концы которых помещались у него в глазных углублениях; вытаскивал длинные веревки и ленты из носов египетских детей; показывал известную игру с шарами и кубками и довел благоговейное удивление зрителей до последних пределов, вынув из пяти страусовых яиц столько же живых маленьких кроликов.

Персов никак нельзя было причислить к самой неблагодарной части зрителей, напротив, это никогда не виданное ими зрелище произвело потрясающее впечатление на их души.

Им казалось, что они находятся в стране чудес, что из всех радостей Египта они увидели теперь самые невероятные.

Молча добрались они до лучших улиц, не замечая, как много из окружавших их египтян ходили безрукими и с обезображенными носами и ушами. Эти люди

не были необыкновенным зрелищем для азиатов, так как и у них многие преступления наказывались отрезыванием членов. Если бы они осведомились о причине изувечения, то узнали бы, что в Египте лишенный руки человек есть преступник, уличенный в подлоге, безносая женщина - нарушительница супружеской верности, лишенный языка - государственный преступник или клеветник, человек с отрубленными ушами - шпион, а та бледная идиотка - детоубийца, которая, в наказание за свое преступление, должна была в течение трех дней и трех ночей продержат на руках труп умерщвленного ею ребенка. Какая женщина была бы в состоянии сохранить рассудок по прошествии столь ужасных дней.

Большая часть карательных законов у египтян имела целью как наказать за преступления, так и поставить преступника перед невозможностью совершить преступление вторично.

Шествие приостановилось, так как многочисленная толпа народа скучилась на улице, ведущей к храму Нейт, у одного из прекраснейших домов, немногочисленные окна которого (большая их часть обыкновенно выходила на двор или в сад) были заперты ставнями.

У входной двери стоял старик в простой белой одежде слуги жреца; размахивая руками, он пытался воспрепятствовать нескольким людям одного с ним сословия унести из дому большой ящик.

- Кто позволил вам обкрадывать моего господина? - кричал он, бешено жестикулируя. - Я страж этого дома, и мой господин, отправляясь по приказанию царя в Персию, - которую да уничтожат боги, - приказал мне в особенности смотреть за этим ящиком: в нем хранятся его бумаги.

- Успокойся, старый Гиб, - воскликнул храмовый служитель, - нас прислал сюда верховный жрец великой Нейт, господин твоего господина. В этом ящике находятся какие-нибудь особенные бумаги, иначе Нейтотеп не почтил бы нас поручением взять его.

- Но я не допущу, чтобы была украдена собственность моего господина, великого врача Небенхари! - кричал старик. - Я добьюсь справедливости и, если нужно, дойду до самого царя!

- Стой! - воскликнул теперь храмовый служитель. - Вот так. Эй, вы! Отправляйтесь-ка с ящиком; несите его сейчас же к верховному жрецу; ты же, старик, поступил бы умнее, если бы попридержал свой язык и обдумал, что и ты тоже слуга моего господина - верховного жреца. Отправляйся-ка назад в дом, а то завтра мы потащим и тебя так же, как сегодня этот ящик!

С этими словами он так сильно захлопнул тяжелую входную дверь, что старик был отброшен в сени и скрыт от взоров толпы.

Персы стали свидетелями этой странной сцены и просили переводчика объяснить ее значение.

Зопир рассмеялся, услышав, что владелец похищенного всемогущим верховным жрецом ящика - глазной врач, который проживал в Персии вследствие слабости зрения матери царя и которого, за его серьезный и мрачный нрав, не слишком любили при дворе Камбиза.

Бартия хотел спросить Амазиса, что означает это странное похищение; но Гигес убеждал его не путаться в дела, которые их не касаются.

Когда они подошли к самому дворцу (темнота, наступающая в Египте весьма быстро, уже начала распространяться), Гигес внезапно почувствовал, что его остановил какой-то человек, удержав за одежду. Он оглянулся и увидел, что незнакомец, прижав палец к губам, делает ему знак молчать.

- Когда я могу незаметно поговорить с тобой наедине? - шепнул он сыну Креза.

- Что тебе нужно от меня?

- Не спрашивай и отвечай поскорее. Клянусь Митрой [\[51\]](#), я имею сообщить тебе важные вещи!

- Ты говоришь по-персидски? Значит, ты не египтянин, несмотря на свое египетское платье?

- Я - перс; но отвечай скорее, прежде нежели увидят нас разговаривающими. Когда мне можно незаметно поговорить с тобой?

- Завтра утром.

- Это слишком поздно!

- Ну, так через четверть часа, когда совершенно стемнеет, у дворцовых ворот.

- Буду ожидать тебя.

С этими словами незнакомец исчез. Гигес, возвратясь во дворец, расстался с Бартией и Зопиром, опоясался мечом, попросил Дария сделать то же самое и последовать за ним; и вскоре, окутанные ночным мраком, они стояли у большого дворцового портика, с глазу на глаз с незнакомцем.

- Хвала Аурамазде, что ты пришел! - воскликнул он, обращаясь к молодому лидийцу на персидском языке. - Но кто такой твой спутник?

- Мой друг, ахеменид Дарий, сын Гистаспа.

Незнакомец низко поклонился и сказал:

- Это хорошо, а то я думал, уж не египтянин ли пришел с тобою.

- Нет, мы одни и хотим выслушать тебя. Но будь краток. Кто ты такой и чего желаешь?

- Я Бубарес и был бедным сотником во времена великого Кира. Когда мы взяли приступом Сарды, столицу твоего отца, нам сначала было разрешено грабить; но твой мудрый отец просил Кира велеть прекратить грабеж, потому что, так как Сарды им покорены, это значило бы грабить не прежнего владельца, а самого себя. Тогда, под страхом смертной казни, было приказано возвратить все сотникам; этим же последним повелено распорядиться, чтобы все драгоценности, которые будут доставлены им, были снесены на рынок. Там лежало множество куч золотой и серебряной посуды, целые горы женских и мужских украшений с драгоценными камнями...

- Скорей, скорей, у нас немного времени! - прервал Гигес рассказчика.

- Ты прав; я должен рассказывать короче. Мне угрожала смерть, так как я оставил у себя сверкающий драгоценными камнями ящик для мазей из дворца твоего отца. Кир хотел приказать казнить меня; но Крез спас мне жизнь своим ходатайством у победителя. Кир даровал мне свободу, но объявил меня лишенным чести. Таким образом, я обязан жизнью твоему отцу; но я все-таки не мог оставаться в Персии, так как бесчестие лежало на мне слишком тяжелым гнетом. Смирнский корабль доставил меня на Кипр. Там я снова поступил на военную службу, выучился по-гречески и по-египетски, сражался против Амазиса и был привезен сюда Фанесом в качестве военнопленного. Я всегда служил в коннице. Меня присоединили к рабам, ходящим за царскими лошадьми. Я отличился и через шесть лет сделался смотрителем конюшен. Я никогда не забывал твоего отца и благодарности, которою обязан ему; теперь наступает моя очередь быть ему полезным.

- Дело идет о моем отце? Так говори же скорей, рассказывай, объясняй!

- Твой отец проводит сегодняшний вечер в Наукратисе у Родопис?

- Почему ты это знаешь?

- Я слышал это от него самого, потому что следовал сегодня за ним в барке, чтобы броситься к его ногам.

- Достиг ли ты своей цели?

- Да. Он сказал мне несколько милостивых слов; но он не мог долго слушать меня, так как его спутники уже сели на корабли, когда он пришел. Его старый раб Сандон, которого я знаю, торопливо сказал мне только, что они отправляются в Наукратис к элинке по имени Родопис.

- Он сказал правду.

- Итак, необходимо скорее спасти его. Когда рынок уже был полон народа, в Наукратис тайно отправилось десять повозок и две барки с эфиопскими воинами, чтобы ночью оцепить дом Родопис и взять в плен ее гостей.

- Измена! - воскликнул Гигес.

- Но что они могут замышлять против твоего отца? - спросил Дарий. - Ведь им известно, что месть Камбиса...

- Я ничего не знаю, - повторил Бубарес, - кроме того, что загородный дом Родопис, в котором находится также и твой отец, должен быть сегодня ночью оцеплен эфиопскими воинами. Я сам запрягал лошадей в эти телеги и слышал, что веероносец наследника престола обратился к сотнику Пентауру со следующими словами: 'Раскрой хорошенько уши и глаза и вели окружить дом Родопис для того, чтобы он не ускользнул в заднюю дверь. Щадите его жизнь, если это будет возможно, и убейте его только тогда, когда он вздумает сопротивляться. Если вы доставите его живым в Саис, то получите двадцать колец золотом'.

- Неужели это действительно относится к моему отцу!

- Никоим образом! - воскликнул Дарий.

- Нельзя знать, - пробормотал Бубарес, - в этой стране все возможно.

- За сколько времени может хорошая лошадь доскакать до Наукратиса?

- В три часа, если выдержит скачку и если Нил не слишком затопит дорогу.

- Я доскачу туда в два часа!

- Я поеду с тобой, - предложил Дарий.

- Нет, ты должен остаться здесь с Зопиром, охранять Бартию. Прикажи нашим слугам быть наготове!

- Но, Гигес...

- Ты останешься здесь и извинишься за меня перед Амазисом. Ты скажешь, что я не могу присутствовать на пиру, вследствие головной или зубной боли, слышишь? Я поеду на низейском коне Бартии; ты, Бубарес, последуешь за мною на лошади Дария; ведь ты предоставишь ее мне на время, брат мой?

- Если бы у меня было их десять тысяч, все они принадлежали бы тебе.

- Знаешь ли ты, Бубарес, дорогу в Наукратис?

- Как свои собственные глаза!

- Итак, отправляйся, Дарий, и прикажи, чтобы лошади, как твоя, так и Бартии, были наготове! Всякое промедление есть преступление! Прощай, Дарий, может быть, навсегда! Будь защитником Бартии! Прощай!

VIII

За два часа до полуночи веселые возгласы и яркое освещение вырывались из открытых окон дома Родопис.

В этот день в честь Креза стол у гречанки был убран в особенности богато.

На подушках лежали в венках из роз и зелени уже знакомые нам гости Родопис: Феодор, Ивик, Фанес, Аристомах, купец Феопомп из Милета и многие другие.

- Да, этот Египет, - говорил Феодор, ваятель, - подобен обладателю золотого башмака, который он не хочет снять, хотя он очень жмет ему ногу, а перед ним стоят прекрасные удобные сандалии, к которым ему стоит только протянуть руку, чтобы вдруг получить возможность двигаться свободно и непринужденно.

- Ты подразумеваешь упрямую привязанность египтян к их устарелым догмам и привычкам? - спросил Крез.

- Разумеется, - отвечал скульптор. - Еще два столетия тому назад Египет был, бесспорно, первой страной мира. Искусство и познания египтян превосходили все, что мы были в состоянии достичь. Мы подражали их приемам, усовершенствовали их, придали свободу и красоту неподвижным формам, не придерживались никакого определенного размера, а только естественного первообраза, и теперь оставили за собою своих учителей. Каким образом сделалось это возможным? Только вследствие того, что учитель, принужденный неумолимыми законами, должен был остановиться на одной точке, а мы, смотря по силе и желанию, могли продвигаться вперед в обширной области искусства.

- Но как же можно принуждать художника совершенно однообразно создавать свои произведения, изображающие постоянно различные предметы?

- Это весьма легко объяснить. Египтяне разделяют все человеческое тело на 21 и 1/4 часть и по этому разделению распределяют отношения отдельных членов друг к другу. Этих цифр они придерживаются и приносят им в жертву высшие требования искусства. Я сам предложил Амазису пари в присутствии первого египетского скульптора, фиванского жреца, состоявшее в том, чтобы

написать моему брату Телеклу в Эфес, указать ему величину, отношение и позу по египетскому способу и, вместе с ним, сделать статую, которая должна иметь вид созданной как бы из одного куска; хотя Телекл сделает нижнюю часть в Эфесе, а я готов работать над верхнею частью в Саисе на глазах Амазиса.

- И ты выиграешь свое пари?

- Несомненно. Я уже начал заниматься этою работой; разумеется, это не будет произведением искусства, как и всякая египетская статуя, не заслуживающая этого названия.

- Однако же отдельные произведения, например те, которые Амазис отправляет в настоящее время в подарок Поликрату на Самос, сделаны прекрасно. В Мемфисе я даже видел статую, которой, должно быть, около трех тысяч лет, представляющую какого-то царя, выстроившего одну из больших пирамид; она возбудила мое удивление во всех отношениях. С какой уверенностью обработан необычайно твердый камень, как чисто выполнена мускулатура, в особенности грудь, ноги и ступни, какая осмысленность в выполнении, как смело набросаны контуры и как безукоризненна и в других статуях гармония в чертах лица!

- Это не подлежит сомнению. Что касается ловкости руки в искусстве, то есть в смелой обработке даже самого твердого материала, то египтяне, несмотря на продолжительный застой, все-таки еще искуснее нас. Ни одна греческая статуя не отполирована так прекрасно, как статуя Амазиса во дворе дворца. Но свободное творчество, работа Прометея, вложение души в камень, - этому египтяне выучатся не раньше, чем порвут связь со старыми обветшалыми традициями. Посредством пропорциональности нельзя достигнуть изображения умственной жизни и даже грациозной изменчивости тела. Взгляните на те бесчисленные статуи, которые три тысячи лет тому назад поставлены длинным рядом у дворцов и храмов, от Наукратиса до водопадов. Все они представляют приветливо-серьезных людей средних лет, а между тем одна должна изображать старика, а другая - увековечить память о царственном юноше. Герои войны, законодатели, изверги и человеколюбцы - все имеют почти один и тот же вид, если не отличаются величиною, которою египетские художники пытаются выразить мощь и силу, или тем, что лица некоторых статуй суть портреты. Амазис заказывает себе статую так же, как я заказываю себе меч. Прежде чем художник начнет свое дело, мы оба знаем наперед, пунктуально назначив длину и ширину, что именно получим, когда работа будет готова. Разве можно изображать немощного старика так же, как подрастающего юношу, кулачного бойца - как скорохода, поэта - как воина?

Поставьте Ивика рядом с нашим другом-спартанцем и подумайте, что сказали бы вы, если бы я вздумал представить сурового воина делающим нежные жесты наравне со сладкогласным певцом?

- А что говорит Амазис о твоих замечаниях насчет этого застоя?

- Он сожалеет о нем, но не чувствует себя достаточно сильным, чтобы отменить стеснительные постановления жреческой касты.

- И однако, - сказал дельфиец, - он выделил значительную сумму на украшение нашего нового храма 'для того, чтобы поощрить эллинское искусство', как выразился он сам.

- Это очень похвально с его стороны! - воскликнул Крез. - Скоро ли соберут Алкмеониды те триста талантов, которые нужны для окончания храма? Если бы я еще находился в прежних счастливых условиях, то я охотно принял бы на себя все расходы, хотя твой вероломный оракул, невзирая на все подарки, поднесенные ему мною, страшно обманул меня. А именно, когда я велел спросить его, должен ли я начинать войну против Кира, он ответил мне, что я уничтожу великое царство, если перейду через реку Галис. Я поверил божеству, по его совету свел дружбу со спартанцами и, перейдя через пограничную реку, действительно разрушил большое царство; но разрушенным оказалось не мидо-персидское царство, а моя собственная бедная Лидия, которая теперь, в качестве сатрапии Камбиза, с трудом привыкает к новой для нее зависимости.

- Ты несправедливо порицаешь божество, - отвечал Фрикс, - так как оно не виновато в том, что ты, по человеческому тщеславию, ложно истолковал его изречение. Ведь было говорено не о 'царстве Персов', а просто о 'царстве', которое будет разрушено вследствие твоего воинственного задора. Почему же ты не спросил, о каком царстве оно говорит? Кроме того: разве оно не предсказало тебе верно судьбу твоего сына, разве оно не возвестило тебе, что в день бедствия к нему возвратится дар слова? И когда ты, после падения Сардеса, просил позволения спросить в Дельфах - не поставили ли себе греческие боги законом высказывать неблагодарность к своим благодетелям, - то Локиас отвечал тебе, что он имел относительно тебя наилучшие намерения, но что над ним господствует неумолимая судьба, предсказавшая еще твоему могущественному предку, что пятый после него, то есть ты, обречен на погибель.

- Твои слова, - прервал Крез говорившего, - были бы для меня в день несчастья нужнее, чем теперь. Была минута, когда я проклинал твоего бога и его изречения; но потом, когда я, вместе с властью и царством, потерял и своих льстецов и привык измерять свои действия своим собственным суждением, я понял, что был ввергнут в погибель не Аполлоном, а моим тщеславием.

'Царством', обреченным на уничтожение, по моим тогдашним понятиям, конечно, не могло быть мое, - это могущественное царство могущественного Креза, друга богов, полководца, который до тех пор еще ни разу не испытывал горечи поражения! Если бы какой-нибудь друг указал мне на эту сторону двусмысленного изречения, то я бы осмелел и даже, вероятно, наказал его. Подобно коню, старающемуся лягнуть лекаря, который ощупывает его раны с целью их исцеления, деспот бьет прямодушного друга, который прикасается к язвам его больной души. Таким образом, и я не видел того, что мог бы легко увидеть. Тщеславие ослепляет глаза, данные нам для беспристрастного исследования вещей, и усиливает похотливость сердца, которое и без того, благодарение богам, широко открывается для каждой надежды на прибыль и быстро запирается на замок ввиду обоснованного опасения, что предстоит какая-нибудь потеря или какое-нибудь несчастье. Теперь, когда я вижу яснее и когда мне терять нечего, я страшусь гораздо чаще, чем страшился в то время, когда никто не мог потерять больше, чем я. В сравнении с прежним временем, Фрикс, я беден, однако же Камбис позволяет мне окончить мои дни по-царски, и я все-таки могу пожертвовать один талант на вашу постройку.

Фрикс поблагодарил, а Фанес сказал:

- Алкмеониды воздвигнут прекрасное здание, так как они честолюбивы, богаты и хотят приобрести благосклонность амфикионов, чтобы, при их поддержке, низвергнуть тиранов, превзойти мой род и захватить в свои руки управление государством.

- Говорят, ты, Крез, более всех способствовал увеличению богатства этой фамилии, вместе с Агаристой, которая принесла Мегаклу [\[52\]](#) в приданое большие сокровища, - заметил Ивик.

- Конечно, конечно, - засмеялся Крез.

- Расскажи, как было дело? - попросила Родопис.

- Алкмеон Афинский однажды прибыл к моему двору. Этот веселый, прекрасно образованный человек мне так понравился, что я надолго удержал его при себе. Однажды я показал ему свои кладовые с сокровищами, и при виде их богатства он впал в совершенное отчаяние. Он называл себя жалким нищим и рассказывал, как был бы он счастлив, если бы ему было позволено взять хоть одну горсть из всех этих драгоценностей. Тогда я позволил ему взять с собою столько золота, сколько он в состоянии нести. Что же сделал Алкмеон? Он велел надеть на себя высокие лидийские сапоги для верховой езды, обвязать себя передником и прикрепить корзину к своей спине. Все это он наполнил сокровищами; в передник он набрал столько золота, сколько мог нести, сапоги нагрузил золотыми монетами, в волосы и бороду велел насыпать

золотого песку, даже рот свой он наполнил золотом так, что его щеки имели такой вид, точно он вздумал проглотить большую редьку. Наконец, в каждую руку он взял по большому золотому блюду и, в этом виде, изнемогая под тяжестью своей ноши, потащился прочь. Дойдя до двери кладовой, он упал, и я никогда впоследствии не смеялся так от души, как в этот день.

- И ты отдал ему эти сокровища?

- Разумеется; и, при всем том, мне не казалось, что я слишком дорого заплатил за опыт, удостоверивший, что золото даже умного человека превращает в глупца.

- Ты был самым щедрым из властителей! - вскричал Фанес.

- А теперь я - нищий, не совсем недовольный своей судьбой. Но скажи мне, Фрикс, сколько Амазис вложил в твою кружку?

- Тысячу мин [\[53\]](#).

- По моему мнению - это царский подарок. А наследник престола?

- Когда я обратился к нему и сослался на щедрость его отца, то он горько засмеялся и сказал, повернувшись ко мне спиной: 'Если ты решишь собирать на разрушение вашего храма, то я готов подписать вдвое против суммы, данной Амазисом'.

- Презренный!

- Скажи лучше: настоящий египтянин. Псаметих ненавидит все, что происходит не из его страны.

- Сколько пожертвовали эллины в Наукратисе?

- Кроме богатых взносов со стороны частных людей, каждая община пожертвовала по двадцати мин.

- Много!

- Один Филоин-сибарит прислал мне тысячу драхм при письме, в высшей степени странном. Могу я прочесть его, Родопис?

- Конечно. Вы увидите из этого письма, что распутник жалеет о своем поведении на последней встрече у меня.

Дельфиец достал из кармана свиток и стал читать письмо:

'Филоин поручает сказать Фриксу: 'Мне прискорбно, что в последнее время я уже не пил у Родопис, если бы я пил, то допивался бы до лишения всякого сознания и до невозможности обидеть даже какую-нибудь самую ничтожную муху. Таким образом, моя проклятая умеренность виновата в том, что отныне я не могу более наслаждаться столом, наилучшим во всем Египте.

Впрочем, я благодарен Родопис уже и за то, чем я наслаждался, и, в воспоминание о великолепном жарком, из-за которого я желаю купить повара фракиянки за какую бы то ни было цену, посылаю тебе двенадцать больших вертелов для бычачьего жаркого. Их можешь ты поместить в каком-нибудь из Дельфийских хранилищ драгоценностей, в качестве подарка от Родопис. Сам я, как человек богатый, подписываю целую тысячу драхм. Этот дар должен быть публично провозглашен на ближайших пифийских играх [\[54\]](#).

Грубияну Аристомаху Спартанскому передай мою благодарность. Он существенно способствовал достижению цели моего путешествия в Египет. Я прибыл сюда с целью дать выдернуть свой больной зуб тому египетскому врачу, который, говорят, выдергивает больные зубы без особенной боли. Аристомах ударом кулака устранил поврежденную часть моей челюсти и, таким образом, избавил меня от страшной операции, перед которою я трепетал. Возвратясь домой, я нашел у себя во рту три выбитых зуба: один больной и два здоровых, которые, может быть, со временем причинили бы много страданий.

Передай мое приветствие Родопис и прекрасному Фанесу; тебя же приглашаю через год от сего дня на пир в моем доме в Сибарисе. По случаю разных маленьких приготовлений, мы обыкновенно делаем наши приглашения несколько рано.

Письмо это я поручаю написать в соседней комнате моему ученому рабу Софотату, потому что уже при одном виде писанья у меня делаются судороги в пальцах'.

Все гости разразились громким хохотом, а Родопис сказала:

- Меня радует это письмо, так как из него я вижу, что Филоин не дурной человек. Будучи воспитан по-сибаритски...

- Извините, господа, если я побеспокою вас и тебя, достойнейшая элинка, вторгаясь в твой мирный дом без приглашения.

Этимися словами прервал пирующих незнакомый хозяйке человек, который, никем не замеченный, вошел в столовую.

- Я - Гигес, сын Креза, и не ради шутки отправился только два часа тому назад из Саиса, чтобы поспеть сюда вовремя.

- Менон, подушку для нашего нового гостя! - приказала Родопис. - От души приветствую тебя; отдохни от своей дикой, чисто лидийской скачки.

- Клянусь собакой, Гигес, - сказал Крез, протягивая руку своему сыну, - я не понимаю, что привело тебя сюда в такой поздний час. Я просил тебя не оставлять Бартию, вверенного моим попечениям, а все-таки ты... Но что с тобой? Разве случилось что-нибудь? Какое-нибудь несчастье? Говори же, говори!

В первые мгновения Гигес не мог ответить ни слова на вопросы своего отца. Когда он увидел, что любимый им человек, за жизнь которого он боялся, сидит благополучно и весело за пиршественным столом, то, казалось, у него во второй раз отнялся язык. Наконец, дар слова к нему вернулся и он отвечал:

- Хвала богам, отец мой, что я снова вижу тебя здоровым и невредимым! Не думай, чтобы я оставил свой пост при Бартии легкомысленно! Я был принужден вторгнуться в это веселое собрание, как зловещая птица. Знайте же все вы - я не могу терять время на предисловия, - вас ждет измена и внезапное нападение.

Все присутствующие вскочили на ноги, спартанец молча схватился за свой меч, а Фанес протянул руку, точно желая попробовать, сохранилась ли в ней прежняя атлетическая сила мускулов.

- Что это значит? Что замышляют против нас? - спрашивали со всех сторон.

- Этот дом окружен эфиопскими воинами, - отвечал Гигес. - Один верный человек сообщил мне, что наследник престола приказал увести одного из вас связанным и даже умертвить, если жертва будет сопротивляться. Я боялся за тебя, отец, и бросился сюда. Человек, от которого я узнал все, не обманул. Этот дом окружен. Когда я доехал до ворот твоего сада, Родопис, то мой конь, несмотря на усталость, бросился в сторону. Я соскочил с него, и при лунном свете заметил за каждым кустом блистающее оружие и горящие глаза спрятавшихся людей. Они позволили нам войти в сад без помехи.

- Важное известие! - прервал речь Гигеса Кнакиас, бросившись в комнату. - Вот сейчас, когда я подошел к Нилу, чтобы достать из него воды для смешанного напитка, навстречу мне бросился какой-то человек, который чуть не сбил меня с ног. Я тотчас узнал его. Это был эфиоп, гребец Фанеса, который рассказал мне, что, когда он, желая выкупаться, прыгнул из лодки в Нил, к лодке Фанеса подошла царская барка, и один солдат спросил у находящихся на лодке людей: кому они служат? 'Фанесу', - отвечал кормчий. Царская лодка медленно пошла дальше, по-видимому, обратив мало внимания на твое судно,

Фанес; но купающийся гребец ради шутки взобрался на корму чужой барки и там услышал, как один эфиопский солдат сказал другому: 'Не упускай этого судна из виду; мы теперь знаем, где птица свила свое гнездо; нам будет легко поймать ее. Вспомни, что Псаметих обещал двадцать золотых колец, если мы привезем в Саис афинянина - живого или мертвого'.

Вот что рассказал Зебек, матрос, который служит тебе семь лет, Фанес.

Афинянин выслушал рассказ Гигеса и раба с величайшим спокойствием.

Родопис задрожала. Аристомах заявил:

- Мы не позволим тронуть ни одного волоска на твоей голове, хотя бы нам пришлось уничтожить весь Египет!

Крез советовал соблюдать осторожность; всеми гостями овладело необычайное волнение.

Наконец, Фанес прервал свое молчание:

- Необходимость обдумать свои действия никогда не бывает так нужна, как в момент опасности. Я уже все обдумал и вижу, что едва ли могу спастись. Египтяне попытаются спровадить меня без шума. Они знают, что я завтра чуть свет намерен отправиться на фокейском корабле из Наукратиса в Сигеум, и, следовательно, им нельзя терять времени, если они хотят меня схватить. Весь твой сад, Родопис, окружен. Если я останусь у тебя, то на твой дом перестанут смотреть как на неприкосновенное убежище, в нем сделают обыск и захватят меня. Фокейский корабль, который должен везти меня к моему семейству, без сомнения, находится под таким же надзором. Из-за меня не должна бесполезно пролиться ни одна капля крови.

- Ты не должен сдаваться! - вскричал Аристомах.

- Я придумал, придумал! - внезапно вскочил Феопомп, купец из Милета. - Завтра, при восходе солнца, отправляется нанятый мною корабль с египетским хлебом, только не из Наукратиса, а из Канопы в Милет. Возьми лошадь благородного перса и скачи туда; мы силою проложим тебе путь через сад.

- Наша безоружная толпа ничего не может сделать против насилия, - возразил Гигес. - Нас десять человек, из которых только трое имеют при себе мечи; а солдаты, число которых доходит, по крайней мере, до сотни, вооружены с головы до ног.

- Если бы ты, лидиец, в десять раз более страдал отсутствием мужества и если бы их было двести человек, то я все-таки вступил бы в борьбу, - воскликнул Аристомах.

Фанес пожал руку своего друга. Гигес побледнел. Испытанный герой назвал его трусом. Он снова не нашел слов для своей защиты. У него отнимался язык при каждом душевном волнении. Но вдруг щеки его вспыхнули румянцем, и он вскричал решительно:

- Следуй за мною, афинянин! А ты, спартанец, имеющий в других случаях обыкновение прежде думать, чем говорить, не называй впредь трусом тех, кого ты не знаешь! Друзья, Фанес спасен! Прощай, отец!

Оставшиеся с удивлением смотрели вслед удалявшимся. Вскоре по их исчезновению гости услышали топот двух промчавшихся лошадей; затем, спустя несколько времени, до них донеслись со стороны Нила продолжительный свист и крики тревоги.

- Где Кнакиас? - спросила Родопис одного из своих рабов.

- Он отправился в сад вместе с Фанесом и персом.

В эту минуту в комнату вошел слуга, бледный и дрожащий.

- Видел ты моего сына? - спросил Крез.

- Где Фанес?

- Оба они поручили мне передать вам их прощальный привет.

- Значит, они уехали? Каким образом им удалось бежать? Куда они направились?

- Здесь, в этой боковой комнате, - принялся рассказывать раб, - афинянин и перс прежде всего поговорили друг с другом. Затем я раздел их обоих. Фанес надел шаровары, кафтан и пояс перса и покрыл свои кудри его остроконечной шапкой, а перс облекся в хитон и плащ афинянина, украсил свой лоб его золотой повязкой, велел остричь себе волосы на верхней губе и приказал мне идти за ним в сад.

- Фанес, которого в его новом одеянии каждый принял бы за перса, вскочил на одну из стоявших у ворот лошадей. Перс громко прокричал вслед: 'Прощай, Гигес, прощай, любезный перс! Счастливого пути, Гигес!' Стоявший у двери слуга поехал за ним. Повсюду в кустарнике я слышал стук оружия, но никто не преградил путь удалявшемуся афинянину. Спрятавшиеся воины, бесспорно, приняли его за перса.

- Когда мы возвратились к дому, перс сказал мне: 'Теперь проводи меня к барке Фанеса и не забывай называть меня именем афинянина'. - 'Но матросы легко могут выдать тебя', - возразил я. - 'Ну, так иди сперва к ним один и прикажи им принять меня как Фанеса, их господина'.

- Я стал просить у него позволения одеться вместо него в платье беглеца, чтобы схватили меня, а не его. Он решительно отказался, и был прав, говоря, что меня легко выдадут бы моя осанка. Увы! Только свободный человек ходит прямо и смело; спина раба постоянно согнута, его движения лишены грации, которой вы, благородные, научаетесь в школах и гимназиях. И так будет вечно, потому что наши дети должны походить на своих отцов; ведь из вонючей луковицы не вырастает роза, из серой редьки - гиацинт. Служба невольника гнет спину так же, как сознание свободы увеличивает рост.

- Что с моим сыном? - вскричал Крез, прерывая раба.

- Он не принял моей бедной жертвы и сел в барку, приказав мне передать тебе, царь, тысячу приветствий. Я закричал ему вслед: 'Будь здоров, Фанес, счастливого пути, Фанес!' Луну покрыло облако; сделалось очень темно. Вдруг я услышал крик и зов о помощи; но это продолжалось недолго; затем раздался резкий свисток и, наконец, не слышно было ничего, кроме мерных ударов весел. Я только хотел вернуться в дом, чтобы рассказать вам о случившемся, как появился Зебек, гребец, добравшийся вплавь до берега. Он рассказал следующее: египтяне просверлили барку Фанеса, вероятно, с помощью водолаза. Дойдя до середины реки, она пошла ко дну. Матросы стали взывать о помощи. Тогда подошел царский корабль, следовавший за нею, взял мнимого Фанеса, как будто желая его спасти и не позволив матросам афинянина оставить свои скамьи. Они все потонули на пробурванном судне, только смелый пловец Зебек добрался до берега. Гигес теперь на царском корабле; Фанес ушел, потому что свисток относился, должно быть, к солдатам, стоявшим у задних ворот. Осмотрев перед возвращением сюда кустарники на дороге, я не нашел за ними ни одного человека; однако же я слышал стук оружия и разговор воинов, которые снова отправились по дороге в Саис.

Гости Родопис с лихорадочным напряжением слушали раба.

Когда он кончил свой рассказ, то настроение гостей было весьма различно. Радость, что любимый друг спасен от угрожавшей ему опасности, была первым чувством большинства; но потом последовал страх за смелого лидийца. Хвалили его благородство; желали счастья отцу, имеющему такого сына, и, наконец, согласились в том, что наследник престола, как только увидит ошибку своих людей, не только сейчас же отпустит Гигеса, но еще будет вынужден принести ему свои извинения.

Даже сам Крез успокоился при мысли о дружбе Амазиса и о том страхе, который египетский царь обнаруживал перед могуществом персов. Вскоре затем Крез оставил дом Родопис, чтобы переночевать у милетского купца Феопомпа.

- Передай мой привет Гигесу! - сказал Аристомах, уходя от Родопис. -
Поручаю просить у него от моего имени извинения и сказать ему, что желаю иметь его своим другом, если же это невозможно, то встретиться с ним на поле битвы, в качестве честного врага.

- Кто может знать, что его ожидает в будущем! - отвечал Крез, протягивая руку спартанцу.

IX

Солнце нового дня взошло над Египтом. Обильная ночная роса, заменяющая дождь на нильских берегах, сверкала, подобно изумрудам и бриллиантам, на цветах и листьях; солнце стояло еще низко на востоке, и утренний воздух, волнуемый свежим северо-западным ветром, манил на простор до наступления подавляющего зноя полудня.

Из хорошо знакомого нам загородного дома вышли две женские фигуры: старая рабыня Мелита и Сапфо, внучка Родопис.

Воздушной поступью шла прелестная девушка через сад. Она и теперь, как тогда, когда мы видели ее спящей, была девственно свежа и очаровательна; выражение лукавства играло на ее розовых губках и в ямочках ее щек и подбородка. Густые темные волосы выбивались из-под пурпурно-красного платочка, и легкая белая утренняя одежда, с широкими рукавами, свободно облегла ее гибкий стан.

Она наклонилась, сорвала молодой розовый бутон, брызнула покрывавшей его росой в лицо служанке, громко и звонко засмеялась своей шутке, приколола розу к груди и запела удивительно звучным голосом:

Эрос рвал однажды розы:
Незаметно подползла
И ужалила малютку
Им незримая пчела.
Задрожал от боли Эрос,
Бьет ручонками, кричит
И - свое поведать горе -
Быстро к матери летит.
'Мать, о, мать, мне больно, больно,
Верно, смерть пришла моя!
Взглянь: ужалила мне руку
Злая, мерзкая змея'. -
'Не печалься, мой малютка:
Ты ужален не змеей,

А крылатым насекомым,
Называемым пчелой'.

- Не правда ли, моя песня прекрасна? Как, однако, глуп Эрос: принял пчелу за крылатую змею! Бабушка говорит, что она знает еще одну строфу этой песни, сочиненной великим поэтом Анакреонсом; но она не хочет мне прочесть ее; скажи, Мелита, что заключает в себе эта строфа? Ты улыбаешься? Миленькая, несравненная Мелита, пропой мне эти стишки! Или ты не знаешь их? Нет? Ну, тогда, конечно, ты не можешь и научить меня им.

- Это совсем новая песня, - отвечала старуха, отклоняя просьбу своей любимицы, - а я знаю только песни доброго старого времени. Но что это? Не слышишь ли ты, что там, у двери, стучит молоток?

- Слышу, и мне послышался конский топот на улице. Опять стучат! Посмотри, кто там стучится в такой ранний час. Может быть, это добрый Фанес не уехал вчера и хочет еще раз попрощаться с нами.

- Фанес уехал, - возразила старуха, становясь серьезнее. - Родопис приказала мне послать тебя в дом в случае чьего-либо посещения... Ступай, девушка, чтобы я могла отворить калитку. Иди же, вот стучат опять!

Сапфо сделала вид, будто она побежала к дому, но, вместо того чтобы послушаться приказания своей наставницы, спряталась за розовыми кустами, чтобы оттуда посмотреть на раннего посетителя. Дабы не тревожить ее напрасно, от нее скрыли происшествия прошлого вечера, и в такую раннюю пору Сапфо привыкла видеть у своей бабки только самых близких друзей.

Мелита отворила калитку сада и вслед за тем ввела в сад белокурого, богато одетого юношу.

Удивленная иностранным костюмом и красотой персидского царевича, - это был он, - Сапфо не трогалась с места и не могла отвести глаз от его лица. Именно таким она представляла себе златокудрого Аполлона, правящего солнечной колесницей предводителя муз.

Мелита и чужеземец приблизились к убежищу, но она высунула между роз свою головку, чтобы лучше понять юношу, который дружески говорил с рабою на ломаном греческом языке.

Она услышала, что он с некоторой поспешностью осведомляется о Крезе и его сыне. Затем она в первый раз из слов рабыни узнала, что произошло вчера вечером. Она волновалась за Фанеса и в глубине души благодарила великодушного Гигеса; она спрашивала себя: кто этот юноша, одетый по-царски? Хотя Родопис и рассказывала ей о могуществе и богатстве персов, но до сей поры она считала азиатов грубым и диким народом. Теперь, чем дольше

она смотрела на прекрасного Бартию, тем более возрастали ее симпатии к персам. Когда, наконец, Мелита ушла, чтобы разбудить ее бабу и известить ее о раннем посетителе, то Сафо хотела удалиться, но проказник Эрос, над детским невежеством которого девушка смеялась несколько минут тому назад, не позволил ей сделать это. Ее платье запуталось в колючках роз, и, прежде чем девушка смогла освободиться от них, прекрасный перс уже стоял против нее, помогая сильно покрасневшей Сафо отцепить свое платье от предательского шиповника.

Сафо была не в состоянии промолвить ни одного слова благодарности и, стыдливо улыбаясь, опустила глаза.

Бартия, обыкновенно столь смелый юноша, теперь смотрел на нее безмолвно и покраснел, как она.

Но это молчание продолжалось недолго. Девушка, скоро оправившись от своего смущения, вдруг звонко и весело засмеялась, детски потешаясь над безмолвным незнакомцем и над странностью их положения, и побежала к дому, подобно испуганной лани.

В свою очередь и к персу вернулась свойственная ему развязность. В два прыжка он догнал девушку, мгновенно схватил ее за руку и, несмотря на все ее сопротивление, удержал эту руку в своей.

- Пусти меня! - попросила Сафо полусерьезно-полушутливо, подымая свои темные глаза на юношу.

- Как бы не так! - возразил он. - Я оторвал тебя от розового куста и буду держать теперь крепко до тех пор, пока ты не отдашь мне вместо себя спрятанную у тебя на груди свою сестру, на память в моем дальнем отечестве.

- Прошу тебя, пусти меня! - повторила Сафо. - Пока ты не выпустишь моей руки, я не вступлю с тобою ни в какие переговоры.

- А ты не убежишь, если я исполню твое желание?

- Конечно, нет!

- Итак, я дарю тебе свободу, но ты, со своей стороны, должна отдать мне свою розу!

- Там, в кустарнике, есть розы гораздо красивее этой. Сорви какую хочешь; зачем тебе именно моя?

- Чтобы заботливо сохранить ее в воспоминание о прекраснейшей девушке, какую я когда-либо видел!

- Ну, так я вовсе не отдам тебе розу - потому что, кто называет меня красавицей, тот имеет против меня дурные намерения; кто же говорит, что я хорошая девушка, тот желает мне добра.

- Кто научил тебя этому?

- Моя бабушка, Родопис.

- Хорошо, так я скажу тебе, что ты самая лучшая девушка на свете.

- Как можешь ты говорить такие вещи? Ведь ты меня совсем не знаешь. О, я бываю иногда очень зла и непослушна! Если бы я была хорошей девушкой, то вместо того, чтобы болтать теперь с тобою, вернулась бы в дом. Бабушка мне строго запретила оставаться в саду, когда там находятся чужие; да мне и нет никакого дела до мужчин, постоянно толкующих о вещах, которых я не понимаю.

- Так ты желаешь, чтобы и я удалился?

- Нет, я понимаю тебя вполне, хотя ты говоришь далеко не так хорошо, как, например, Ивик, или бедный Фанес, который вчера, как я только что сейчас услышала от Мелиты, принужден был бежать!

- Любишь ты его?

- Люблю ли? Да, он мне не противен. Когда я была маленькой, он всегда привозил мне мячи, складные куклы и кегли из Саиса и Мемфиса; теперь же, когда я выросла, он учит меня прекрасным новым песням и, на прощанье, привез мне совсем маленькую сицилийскую комнатную собачку, которую я назову Аргосом, потому что она очень бела и быстронога. Но через несколько дней мы получим от доброго Фанеса еще другой подарок, потому что... Видишь, какова я! Чуть не выболтала великую тайну. Бабушка строго запретила мне говорить кому бы то ни было, каких милых маленьких гостей мы ждем; но мне кажется, как будто мы с тобою давно уже знакомы, а у тебя такие добрые глаза, что я охотно расскажу тебе все. Видишь ли: у меня, кроме бабушки и старой Мелиты, нет в целом мире человека, которому я могла бы открыть то, что меня радует, и часто - я сама не знаю, отчего это происходит, - обе они, при всей своей любви ко мне, совсем не понимают, почему что-нибудь прекрасное может принести мне такую великую радость.

- Это происходит оттого, что они стары и не могут уже понимать радостей молодого сердца. Но разве у тебя нет никакой подруги, никакой сверстницы, которую бы ты любила?

- Ни одной. В Наукратисе есть много девушек кроме меня; но бабушка говорит, что я не должна искать их общества, и так как они не хотели прийти к нам, то и я будто бы не должна посещать их.

- Бедное дитя, если бы ты была в Персии, то я скоро мог бы найти для тебя подругу. У меня есть сестра, по имени Атосса, - молодая, прекрасная и добрая, как ты.

- Как жаль, что она не приехала с тобою! Но теперь ты должен сказать мне, как тебя зовут.

- Бартия.

- Бартия? Странное имя; Бартия... Бартия... Знаешь ли, что это имя мне нравится? Как же зовут доброго сына Креза, который так великодушно спас нашего Фанеса?

- Его зовут Гигесом. Дарий, Зопир и он - мои наилучшие друзья. Мы поклялись никогда не разлучаться и жертвовать жизнью друг за друга. Поэтому-то я сегодня чуть свет, вопреки их просьбам, украдкой поспешил сюда, чтобы быть возле Гигеса, на случай, если он будет нуждаться в помощи.

- Но ты приехал напрасно.

- Нет, клянусь Митрой! Не напрасно, потому что я нашел тебя. Но теперь и ты должна сказать, как тебя зовут?

- Меня называют Сапфо.

- Прекрасное имя. Не родственница ли ты поэтессе, из сочинений которой Гигес певал мне такие прекрасные песни?

- Да; десятая муза, или лесбосский лебедь, как называют Сапфо-старшую, была сестрой моего деда Харакса. Твой друг Гигес, конечно, сильнее тебя в греческом языке?

- Он с колыбели научился эллинскому языку, вместе с мидийским, и одинаково свободно говорит на обоих. Он в совершенстве владеет также и персидским, и, что еще важнее, он усвоил также и все добродетели персов.

- Какие добродетели ты считаешь самыми высшими?

- Правдивость есть первая из всех добродетелей; вторую мы называем храбрость; третьей - послушание. Эти три добродетели, соединенные с благоговением к богам, сделали нас, персов, великими.

- Но я думала, что вы не знаете никаких богов.

- Легкомысленный ребенок! Кто мог бы существовать без богов, кто захотел бы жить без высшего руководителя? Конечно, мы не помещаем небожителей, как вы, в домах и статуях, потому что их жилище все мироздание. Божество, которое должно быть повсюду, слышать и видеть все, не может быть заключено в стенах.

- Где же вы молитесь и приносите жертвы, если у вас нет храмов?

- У величайшего из всех алтарей - на открытом воздухе; охотнее всего - на вершинах гор. Там мы ближе, чем где-нибудь, к нашему Митре, великому солнцу, и Аурамазде, чистому творящему свету; там бывают самые поздние сумерки и самый ранний рассвет. Только свет чист и бодр; тьма же черна и зла. Да, девушка, на горах божество к нам ближе, чем где-либо; и там его любимейшее местопребывание. Стояла ли ты когда-нибудь на лесистой вершине высокой горы и прислушивалась ли к внушающему трепет тихому веянию дыхания божества в торжественном безмолвии природы? Падала ли ты на землю в зеленом лесу, у чистого источника, под открытым небом, прислушиваясь к голосу Бога, раздающемуся из всех листьев и из всех вод? Видала ли ты, как пламя неудержимо устремляется вверх к своему отцу - солнцу, и молитва в восходящем к небу дыме идет навстречу великому лучезарному Создателю? Ты слушаешь меня с удивлением; но уверяю тебя, что ты преклонила бы колени и стала бы молиться вместе со мною, если бы я привел тебя к алтарю на вершине высокой горы!

- О, если бы я могла пойти туда с тобою! Если бы мне удалось посмотреть с какой-нибудь горы на все долины и реки, леса и луга! Я думаю, там, в высоте, где ничто не могло бы укрыться от моих взглядов, я почувствовала бы себя самым всевидящим божеством. Но что это такое? Бабушка зовет меня; я должна идти.

- Подожди, не оставляй меня.

- Но ведь послушание есть персидская добродетель!

- А моя роза?

- Вот, возьми ее.

- Будешь ли ты вспоминать обо мне?

- Как же может быть иначе?

- Милая девушка, извини меня, если я попрошу у тебя еще об одной милости.

- Скорее, бабушка зовет опять.

- Возьми эту звезду из бриллиантов на память об этом часе.

- Я не смею взять.

- Прошу, прошу тебя, возьми! Мой отец подарил мне ее в награду, когда я убил собственной рукой первого медведя. Она была самым любимым моим украшением, а теперь она должна перейти к тебе, потому что теперь я не знаю ничего милее тебя.

Юноша снял цепочку со звездой с своей груди и хотел повесить ее на шею девушки. Сапфо отказывалась принять драгоценный подарок; но Бартия обнял ее стан, поцеловал ее в лоб, надел ей с дружеским жестом эту безделушку на шею и устремил глубокий взгляд в темные глаза трепетавшей девушки.

Родопис позвала в третий раз. Сапфо вырвалась из рук царевича и хотела убежать, но обернулась еще раз, вследствие умоляющего призыва юноши, и на его вопрос: 'Когда я могу тебя увидеть снова?' - отвечала тихим голосом:

- Завтра рано, у того розового куста.

- Который держит тебя крепко, в качестве моего союзника.

Сапфо поспешила в дом. Родопис приняла Бартию и сообщила ему, что знала о судьбе его друга.

Молодой перс тотчас же поехал обратно в Саис.

Когда Родопис в этот вечер, по обыкновению, подошла к постели своей внучки, она нашла ее спящей уже не прежним детским спокойным сном: губы Сапфо шевелились, и она глубоко и печально вздыхала, как будто ее мучили беспокойные грезы.

На пути из Наукратиса в Саис Бартия встретил своих друзей Дария и Зомира, которые поехали за ним, как только заметили его тайное исчезновение. Они не подозревали, что вместо борьбы и опасностей Бартия познал счастье первой любви.

Незадолго до приезда трех друзей Крез прибыл в Саис. Он тотчас же отправился к царю и рассказал ему откровенно, по правде все случившееся в последний вечер.

Амазис был, по-видимому, удивлен поведением сына Креза, уверял своего друга, что Гигес будет немедленно освобожден, и начал отпускать шутливые и насмешливые замечания по поводу неудавшейся мести Псаметиха.

Едва Крез оставил его, царю доложили о наследнике престола.

Х

Амазис принял сына с громким смехом и, не обращая внимания на его бледное и расстроенное лицо, заявил:

- Не сказал ли я тебе с самого начала, что простоватому египтянину вовсе не легко поймать хитрейшую эллинскую лисицу? Я отдал бы десяток городов моего царства, чтобы иметь возможность присутствовать при сцене, когда ты в мнимом быстроразличном афинянце узнал запинающегося лидийца.

Псаметих все более бледнел. Он задрожал от гнева и возразил подавленным голосом:

- Нехорошо, отец мой, что тебя радует позор, нанесенный твоему сыну. Если бы не Камбис, то - клянусь вечными богами! - бесстыдный лидиец сегодня в последний раз увидел бы свет солнца! Но какое тебе дело до того, что я, твой сын, сделался посмешищем этой греческой шайки нищих!

- Не поноси тех, которые доказали, что умнее тебя.

- Умнее, умнее? Мой план был так тонко и искусно продуман...

- Тончайшая ткань разрывается легче всего.

- Так тонко продуман, что от меня не мог бы уйти этот эллинский крамольник, если бы, против всякого ожидания, не вмешался посол иностранной державы, в качестве спасителя этого человека, приговоренного нами к смерти.

- Ты ошибаешься, сын мой, здесь речь идет не об исполнении судебного приговора, а об успехе или неудаче личной мести.

- Однако же орудием ее были должностные лица царя, и поэтому самое меньшее, чего я должен требовать от тебя для моего удовлетворения, состоит в том, чтобы ты попросил персидского царя наказать человека, который самостоятельно вмешался в исполнение твоих приказаний. Подобный поступок будет правильно истолкован в Персии, где все преклоняются перед царской волей, как пред божеством. Наказать Гигеса - это долг Камбиса перед нами.

- Однако же я никогда не сделаю ему подобного предложения, так как признаюсь, что рад спасению Фанеса. Гигес избавил мою совесть от упрека, что я пролил невинную кровь, и помешал тебе совершить жестокую месть над человеком, которому обязан твой отец.

- Итак, ты не намерен уведомлять Камбиса обо всем этом происшествии.

- Нет. Я опишу ему это в письме в шутовском тоне, в свойственной мне манере, и в то же время предостерегу его насчет Фанеса; приготовлю его к тому, что этот последний, с трудом избежав нашей мести, постарается восстановить персидское государство против Египта, и буду убеждать своего зятя не слушать клеветника. Дружба Креза и Гигеса принесет нам больше пользы, чем ненависть Фанеса - вреда.

- Это твое последнее слово? Ты не хочешь дать мне никакого удовлетворения?

- Нет, я остаюсь при том, что сказал.

- Итак, трепещи не только перед Фанесом, но и перед другим лицом, которого мы держим в своих руках и который держит тебя в своих!

- Ты угрожаешь мне, ты хочешь вновь разорвать заключенный вчера союз? Псаметих, Псаметих, советую тебе помнить, что ты стоишь перед твоим царем и отцом.

- А ты вспомни о том, что я твой сын. Если ты снова заставишь меня забыть, что боги сделали тебя моим родителем, и если я не могу ожидать от тебя никакой помощи, то я сумею сражаться моим собственным оружием!

- Мне было бы любопытно знать, что это за оружие.

- Мне нет надобности скрывать его от тебя. Итак, узнай, что я и мои друзья - жрецы держим в своих руках главного врача Небенхари.

Амазис побледнел.

- Прежде, чем ты мог предчувствовать, что Камбис делается женихом твоей дочери, ты послал этого человека в Персию, чтобы удалить из Египта лицо, знающее о происхождении моей так называемой сестры Нитетис. Там он остается и теперь и, по малейшему намеку жрецов, сообщит обманутому царю, что вместо собственной дочери ты осмелился послать ему дочь своего свергнутого с престола предшественника Хофры. Все бумаги врача находятся у нас; важнейшая из них - твое собственноручное письмо, оно обещает его отцу, родовспомогателю, тысячу золотых колец, если он скроет даже от жрецов, что Нитетис происходит не от твоей, а от другой фамилии!

- У кого эти бумаги? - спросил Амазис ледяным тоном.

- У жрецов.

- И они говорят твоими устами?

- Да...

- Итак, повтори, чего ты желаешь.

- Проси Камбиса о наказании Гигеса и уполномочь меня преследовать бежавшего Фанеса по моему усмотрению.

- Это все?

- Дай жрецам присягу в том, что отныне ты запретишь эллинам воздвигать храмы их ложных богов в Египте, что постройка храма Аполлона в Мемфисе прекращается.

- Я ожидал подобных требований; однако же против меня найдено острое оружие. Я готов исполнить желание моих врагов, к которым отныне присоединился и ты; но и я, в свою очередь, должен предложить два условия. Во-первых, я требую возвращения мне упомянутого письма, которое я так неосторожно написал к отцу Небенхари. Если я оставлю его у вас, то могу быть уверен, что перестану быть вашим царем и сделаюсь самым жалким рабом презренных жреческих козней...

- Твое желание основательно; ты получишь письмо, если...

- Никакого другого если! Лучше выслушай вот что: твоё желание, чтобы я просил Камбиса наказать Гигеса, я считаю неразумным и потому не исполню его. Теперь оставь меня и не являйся мне на глаза до тех пор, пока я тебя не велю позвать. Вчера я приобрел сына, чтобы сегодня снова потерять его. Встань! Я не желаю видеть никаких знаков покорности и любви, которых ты никогда не ведал. Если ты будешь нуждаться в утешении, в совете, то обратись к жрецам и посмотри, могут ли они заменить тебе отца. Скажи Нейтотепу, в руках которого ты не более как мягкий воск, что он нашел верное средство заставить меня сделать то, в чем я бы отказал при других обстоятельствах. Чтобы сохранить величие Египта, я до сих пор был готов на любые жертвы, но теперь вижу, что жрецы не гнушаются угрожать мне изменой отечеству для достижения своих собственных целей, хотя бы это легко могло заставить меня считать людей, принадлежащих к привилегированной касте, более опасными врагами моего царства, чем персы. Берегитесь, берегитесь! На этот раз я уступаю крамолам моих врагов, потому что я сам, своею отеческою слабостью, накликал опасность на Египет; но на будущее время - клянусь великою Нейт, моею властительницей! - я обязательно докажу, что я царь, и скорее пожертвую всей кастой жрецов, чем малейшей частицей моей воли. Молчи - и оставь меня!

Наследник престола удалился; царю же на этот раз потребовалось много времени для того, чтобы успокоиться и выйти к гостям с веселым видом.

Псаметих тотчас же отправился к главнокомандующему туземными войсками и приказал ему отправить в каменоломни Тебаиды египетского сотника, неловкого исполнителя его неудавшейся мести, а эфиопских воинов возвратить на родину. Затем он поспешил к главному жрецу богини Нейт, для сообщения ему о том, к чему ему удалось принудить царя.

Нейтотеп задумчиво покачал своей умной головой по поводу угрожающих слов Амазиса и, отпустив наследника престола, дал ему несколько наставлений, без чего он никогда не отпускал его.

Псаметих отправился к себе домой.

Его неудавшееся мщение, новый разрыв с отцом, опасность быть осмеянным иностранцами, чувство своей зависимости от воли жрецов, вера в мрачную судьбу, висевшую над его головой со дня его рождения, - все это лежало тяжелым гнетом у него на сердце и отуманивало его ум.

Его красавица жена умерла, а из пяти процветающих здоровьем детей осталась только одна дочь и маленький сын, которого он сильно любил. К этому малютке он отправился теперь; возле него он надеялся найти утешение и новую энергию жизни. Голубые глаза и смеющиеся губки его сына были единственными предметами, которые могли согреть ледяное сердце этого человека.

- Где мой сын? - спросил он первого попавшегося ему царедворца.

- Только что сейчас царь велел привести к нему князя Нехо и его няньку, - отвечал слуга.

В это время домоправитель наследника престола подошел к нему и подал ему запечатанное, написанное на папирусе письмо и, низко поклонившись Псаметиху, сказал:

- От твоего отца.

Псаметих с гневной поспешностью разломал желтую восковую печать с именным гербом царя и прочел:

'Я велел привести ко мне твоего сына для того, чтобы он, вырастая, не превратился в слепое орудие жрецов и не забыл своих обязанностей к себе самому и к своему отечеству. Я позабочусь о его воспитании, так как впечатления детского возраста имеют влияние на всю дальнейшую жизнь. Если ты захочешь видеть Нехо, то я не имею ничего против этого; однако же ты должен заранее уведомлять меня о своем желании'.

Псаметих закусил губы до крови, чтобы скрыть свой гнев от стоявших вокруг дворцовых служителей. По египетским нравам, желание его отца и царя было столь же обязательно, как самое строгое приказание. Несколько мгновений он

находился в безмолвном раздумье; затем велел созвать ловчих, собак, взять луки и копья, вскочил на легкую колесницу и велел своему вознице везти себя в болотную местность, лежавшую к западу от города, чтобы там, преследуя обитателей пустыни сворами борзых и стрелами, забыть то, что удручало его сердце, и, вместо сидящего на троне врага, излить свой гнев на диких животных.

Гигес, тотчас после разговора своего отца с Амазисом, был выпущен на свободу, и товарищи приняли его с громким ликованием. Фараон, по-видимому, желал загладить арест сына своего друга удвоенной лаской, подарил ему в тот же день дорогую колесницу, которую везла пара великолепных караковых лошадей, и просил его взять с собой в Персию искусно сделанные принадлежности игры в шашки, в воспоминание о Саисе. Шашки этой игры были сделаны из слоновой кости и черного дерева. На некоторых из них были написаны разные изречения иероглифическими знаками из золота и серебра.

Амазис со своими гостями много смеялся хитрости Гигеса, позволил юным героям непринужденно вести себя в кругу его семейства и обращался с ними, как отец с резвыми сыновьями. Только во время обеда и закусок он показывал себя египтянином: персы должны были есть за особым столом. По верованию его отцов, он осквернил бы себя, если бы стал есть за одним столом с чужеземцами.

Спустя три дня после освобождения Гигеса Амазис объявил, что его дочь Нитетис через две недели будет готова к отъезду в Азию, и все персы жалели, что они не могут дольше оставаться в Египте.

Крез мило проводил время в обществе самосского поэта и ваятеля. Гигес разделял пристрастие своего отца к эллинским художникам. Дарий, который еще в Вавилоне занимался астрономией, однажды, наблюдая на небе звезды, был приглашен старым верховным жрецом богини Нейт следовать за ним на самый высокий пилон, главную астрономическую обсерваторию храма. Любознательный юноша не заставил себя просить в другой раз и с тех пор каждую ночь приобретал новые познания, слушая старика.

Однажды Псаметих встретил Дария у своего учителя и, когда перс удалился, спросил Нейтотепа, каким образом пришло ему в голову посвятить этого чужеземца в египетские тайны.

- Я учу его, - отвечал верховный жрец, - вещам, которые каждый ученый халдеец в Вавилоне знает так же хорошо, как мы; и этим я делаю другом человека, созвездие которого превосходит сиянием звезды Камбиса, как солнце - луну. Говорю тебе: этот Дарий со временем сделается

могущественным властителем; я вижу, что его планеты сияют даже над Египтом. Мудрому надлежит, останавливаясь на настоящем, прозревать также и будущее, осматривать не только свой путь, но и окружающую его местность. Проходя мимо какого-либо дома, ты не можешь сказать наверное, что в этом доме не будет воспитан твой будущий благодетель. Не оставляй без внимания ничего попадающего на твоей тропинке; а прежде всего - смотри вверх, устремляй свои глаза к звездам. Подобно тому как ночная собака не спит и сторожит вора, я уже пятьдесят лет наблюдаю за блуждающими в небе светилами, пылающими в эфире вечными провозвестниками судьбы, которые предрекают человеку утро и вечер, лето и зиму, а также счастье и несчастье, славу и позор. Они-то, непогрешимые глашатаи, указали мне в Дарии растение, которое со временем сделается большим деревом.

Для Бартии ночные учебные часы его друга были очень кстати, так как они вынуждали этого последнего спать дольше обыкновенного и облегчали для влюбленного возможность делать свои тайные утренние прогулки в Наукратис, куда его обыкновенно сопровождал и Зофир, которого он сделал своим поверенным. Между тем как сам он разговаривал с Сапфо, его друг и прислуга забавлялись охотой за бекасами, пеликанами или шакалами. Возвратясь в Саис, они объясняли приставленному к ним в качестве ментора Крезу, что они предавались охоте, любимому занятию знатных персов.

Никто не замечал перемены, которая сама собою произошла в глубине души царевича вследствие могущества первой любви, - никто, кроме Тахот, дочери Амазиса. Тахот, с первого дня, когда Бартия заговорил с ней, вспылала страстной любовью к прекрасному юноше. Посредством нежных, чутких уз любви она скоро почувствовала, что между нею и им замешалось что-то постороннее. Если в прежнее время Бартия встречал ее, как брат, и искал ее общества, то теперь он тщательно избегал приближаться к ней с прежней короткостью. Он подозревал ее тайну и думал, что если он только посмотрит на нее ласковым взглядом друга, то этим совершит проступок против своей любви к Сапфо.

Бедная царевна огорчалась холодностью юноши и сделала Нитетис своей поверенной. Нитетис ободряла ее и вместе с нею строила воздушные замки. Обе молодые девушки предавались фантазиям о том, как было бы великолепно, если бы они, выйдя замуж за двух братьев-царевичей и не имея надобности разлучаться друг с другом, могли жить при одном дворе. Но проходил день за днем, а прекрасный Бартия являлся все реже; когда же он приходил, то его обращение с Тахот было холодно и церемонно.

При всем при этом бедняжка должна была признаться, что во время своего пребывания в Египте Бартия возмужал и сделался еще прекраснее. Его глаза

сияли теперь гордым и вместе с тем кротким сознанием своего достоинства; и, вместо прежнего юношеского высокомерия, по временам на всем его существе лежал отпечаток какого-то особенного мечтательного спокойствия. Розовые щеки его отчасти утратили свой цвет, но это шло ему гораздо больше, чем ей, которая, подобно ему, с каждым днем становилась все бледнее.

Мелита, старая рабыня Родопис, сделалась покровительницей влюбленной четы. Она однажды утром застала Бартию и Сапфо в саду, но получила от царевича такой щедрый подарок, так была очарована его красотой, так была тронута мольбами и сладостной лестью Сапфо, что обещала своей госпоже сохранить тайну, и, наконец, следуя склонности старых женщин - покровительствовать молодым влюбленным, - стала всевозможными способами помогать свиданиям Бартии и Сапфо. Старуха уже видела 'свою маленькую дочку' властительницей полумира; оставаясь с ней наедине, называла ее 'царевной' и 'царицей', а себя временами воображала богато одетой сановницей при персидском дворе.

XI

За три дня до назначенного отъезда Нитетис у Родопис собралось много гостей, между которыми находились Крез и Гигес, приглашенные в Наукратис.

Влюбленные, под покровом ночи и охраной рабыни, должны были встретиться в саду во время вечернего пира. Когда Мелита убедилась, что застольный разговор находится в полном разгаре, она отперла калитку,пустила царевича в сад и провела его к девушке. Затем она удалилась, обещая предупреждать влюбленную чету хлопаньем в ладоши о каждом непрошеном подслушивателе.

- Только три дня осталось мне видеть тебя рядом, - прошептала Сапфо. - Знаешь ли, иногда мне кажется, что я тебя увидела вчера в первый раз; обыкновенно же я чувствую, точно я целую вечность слушаю тебя и люблю тебя с самого начала моей жизни.

- Мне тоже кажется, что я целую жизнь свою обладал тобой, так как не могу представить себе, что я жил когда-нибудь без тебя.

- Только бы кончилось поскорее время разлуки! - воскликнула Сапфо.

- Верь мне, оно пройдет скорее, чем ты думаешь. Разумеется, ожидание покажется нам долгим, очень долгим; но когда мы встретимся снова, я думаю, нам будет казаться, что мы только что попрощались. Я испытываю это чувство каждый день. С каким нетерпением ждал я утра и свидания с тобою; но когда утро наступало и ты сидела возле меня, то мне казалось, что я не отпускал тебя от себя и твоя рука еще со вчерашнего дня покоится на моей голове. И, однако

же, мною овладевает какое-то неведомое прежде опасение, когда я подумаю о часе разлуки.

- Я не так боюсь его. Конечно, мое сердце обольется кровью, когда ты скажешь мне 'прости', но я знаю, что ты ко мне возвратишься и не забудешь меня. Мелита спрашивала оракула, останешься ли ты мне верным; она хотела также идти к одной старухе, только что прибывшей из Фригии и умеющей ворожить посредством вытягивания ниток ночью; при этом она, для очищения, употребляет ладан, стираксу, лунообразные печенья и листья дикого терновника; но я отказалась от всего этого, так как мое сердце лучше, чем пифия, веревки и жертвенный дым, знает, что ты останешься мне верен и не перестанешь любить меня.

- И твоя уверенность не обманывает тебя!

- Но я все-таки не была избавлена от страха. Подобно другим девушкам, я сто раз дула на маковый лист и ударяла по нему; когда он щелкал, я радовалась, так как это значило: 'он не забудет тебя!' Когда же листок разрывался без всякого шума, то я беспокоилась. Но он почти всегда производил желаемый звук, и я гораздо чаще радовалась, чем печалилась.

- И так должно остаться!

- Да! Но говори потише, мой милый, чтобы нас не заметил Кнакиас, который вон там идет за водою к Нилу.

- Хорошо, я буду говорить тихо. Вот так! Я откидываю твои шелковистые волосы и шепчу тебе на ушко: 'Я люблю тебя!' Ты поняла?

- Мы легко понимаем то, что нам приятно слышать, как говорит моя бабушка. Но если бы ты даже сказал мне на ухо: 'Я ненавижу тебя!' - твой взгляд сказал бы мне тысячью радостных голосов, что ты меня любишь. Безмолвные губы, глаза красноречивее всех голосов на свете.

- Если бы я умел говорить, как ты, на прекрасном языке эллинов, то я бы...

- О, я радуюсь, что ты не говоришь лучше. Если бы ты мне мог сказать все, что чувствуешь, то, я думаю, ты не смотрел бы так нежно мне в глаза. Что значат слова? Слышишь ли вон там пение соловья? Он лишен дара слова, и, однако же, мне кажется, что я понимаю его.

- Не скажешь ли ты мне по секрету - что он поет? Мне очень хотелось бы знать, о чем 'бюль-бюль', как называем соловья мы, персы, толкует там в розовых кустах со своей возлюбленной. Можешь ли ты выдать тайну птички?

- Я скажу тебе об этом потихоньку. Филомела поет своему супругу: 'Я люблю тебя!' А послушай-ка, что отвечает он: 'Итис, ито, итис'.

- А что значит: 'Ито, ито'?

- Я принимаю это, я принимаю это!

- А что значит 'итис'?

- Чтобы понять это как следует, приходится обратиться к фигуральному толкованию. 'Итис' - значит 'круг'; меня учили, что круг - значит вечность, потому что он не имеет ни начала, ни конца. Поэтому соловей поет: 'Я принимаю это на целую вечность!'

- А если я скажу: я люблю тебя?

- Я отвечу тебе радостно, как певица ночи: я принимаю это на сегодня, на завтра, на целую вечность!

- Какая ночь, как все молчит и покоится! Я даже не слышу более соловья. Он теперь сидит там, в ветвях акации, цветы которой разливают такой приятный аромат. Вершины пальм отражаются в Ниле, а между ними мерцает отражение луны, подобное белому лебедю.

- И ее лучи опутывают серебряными нитями все живущее. Поэтому целый мир, подобно узнику, лежит в глубоком молчании и не шевелится. При всем моем радостном настроении, я теперь не могла бы смеяться, а тем более говорить громко.

- Так шепчи или пой!

- Ты прав. Дай мою арфу. Благодарю тебя. Позволь мне склонить голову на твою грудь и пропеть тебе тихую, мирную песенку. Ее сочинил в честь тихой ночи Алкман, лидиец, живший в Спарте. Слушай же меня, так как эта нежная, убаюкивающая песня должна выходить из уст тихим веянием. Не целуй меня, нет, прошу тебя, не целуй, пока я не кончу; а потом я сама потребую от тебя поцелуя в награду:

Спят высоких гор вершины,
Спят ущелья в темной мгле,
Волны дремлющей пучины
И червяк в сырой земле.
В дебри зверь зайдя глухие,
Грезит в чутком полусне,
И чудовища морские
Спят в соленой глубине,
Листьев шепот, пчел жужжанье
Стихли; спит глубоким сном

Птичка, резвое создание,
В теплом гнездышке своем.

- Теперь, милый мой, - поцелуй!

- Я ради песни забыл о поцелуе, как прежде ради поцелуя забыл о песне.

- А ведь моя песенка прекрасна?

- Прекрасна, как все, что ты поешь.

- И что сочиняют великие эллинские певцы?

- Я отдаю тебе справедливость и в этом.

- А у вас в Персии нет певцов?

- Как можешь ты задавать такой вопрос? Разве какой-либо народ может похвалиться благородными чувствами, если он презирает песню?

- Но вы имеете такие дурные нравы.

- Именно?

- Вы берете так много жен в супружество!

- Милая Сапфо...

- Пойми меня как нужно. Видишь ли, ты мне так дорог, что я не желаю ничего другого, как только видеть тебя счастливым и разделять с тобою все твое существование. Если ты, взяв только меня одну себе в жены, совершишь этим проступок против нравов твоей родины, если тебя станут за твою верность презирать или только порицать (так как кто смеет презирать моего Бартию?), то бери себе и других жен; но прежде только два, три года позволь мне совершенно одной обладать тобою нераздельно. Согласен ли ты на это, Бартия?

- Согласен.

- А затем, когда время мое пройдет и ты принужден будешь покориться обычаям твоей страны, - так как ты не женишься ни на ком другом по любви, - то позволь мне быть твоею первою рабою. О, как я великолепно представляю себе это! Когда ты отправляешься на войну - я надеваю шлем на твои кудри, опоясываю тебя мечом, даю тебе копье в руки. Когда ты возвращаешься победителем - я первая увенчиваю тебя. Едешь ты на охоту - я наряжаю и умащиваю тебя, и обвиваю твой лоб и плечи венками из роз. Если ты ранен, то я лечу тебя; болен - я не отхожу от твоей постели; если ты счастлив, то я отхожу от тебя и издали люблю твою славу, твоим благополучием. Может быть, тогда

ты призовешь меня и твой поцелуй скажет мне, что ты доволен своей Сапфо, что ты все еще любишь меня.

- О, Сапфо! Если бы ты была уже теперь моею женою! Кто обладает таким сокровищем, каким я обладаю в тебе, тот будет его хранить и не станет стремиться к другим, которые в сравнении с ним так жалки! В моем отечестве, правда, существует обычай многоженства, но оно только дозволено, а вовсе не вменено мужчинам в обязанность. Мой отец тоже имел сто невольниц, но истинную, настоящую жену - только одну, нашу мать Кассандану.

- И я буду твоею Кассанданой?

- Нет, моя Сапфо, ни для одного мужчины его жена не была тем, чем ты будешь для меня!

- Когда ты приедешь за мною?

- Как только будет можно!

- Я буду ждать терпеливо.

- И я получу от тебя известие?

- Я буду писать тебе длинные, длинные письма и с каждым ветром посылать тебе привет...

- Хорошо, моя дорогая, а что касается писем, то отдавай их гонцу, который время от времени будет привозить Нитетис известия из Египта.

- Где я найду его?

- Я оставлю в Наукратисе человека, который позаботится обо всем, что ты велишь передать ему. О подробностях я поговорю с Мелитой.

- Мы можем положиться на нее, так как она умна и верна; но у меня есть еще один друг, который любит меня больше, чем все, за исключением тебя, и которого я тоже люблю больше всех после тебя.

- Ты говоришь о своей бабушке Родопис?

- Да, о ней, моей попечительнице и воспитательнице.

- Это благородная женщина. Крез считает ее превосходнейшей из женщин, - а он знает людей, как лекарь знает травы и корни. Ему известно, что в таком-то растении таится сильный яд, а в другом - капли целительного бальзама; и Родопис, как часто говорит Крез, похожа на розу, которая источает благоухание и изливает освежительный елей для слабых больных даже тогда, когда она, поблекнув, теряет лист за листом и ждет только ветра, который развеет их совершенно.

- Да продлится ее жизнь! Милый мой, исполни еще одну мою большую просьбу.

- Исполню, хотя еще и не знаю, в чем она состоит.

- Когда ты меня увезешь на свою родину, не оставляй Родопис в Египте. Она должна сопровождать нас. Она так добра и любит меня так искренно, что мое счастье делает и ее счастливой, и все дорогое моему сердцу кажется и ей достойным любви.

- Она будет первой гостьей в нашем доме.

- Как ты добр! Теперь я вполне довольна и успокоена. Да, добрая моя бабушка нуждается во мне. Она не может жить без меня. Я своим смехом прогоняю ее мрачные заботы, и когда она, уча меня, сидит возле, поет мне песни, учит меня писать, ударяет по струнам лютни, тогда лицо ее сияет чистым светом и все морщины ее, проведенные горем, сглаживаются, ее кроткие глаза смеются и она забывает о многих прошлых бедственных днях, весело наслаждаясь настоящим.

- Прежде чем мы расстанемся, я спрошу ее, последует ли она за нами в мое отдаленное отечество.

- Как я рада! И знаешь ли: первое время разлуки мне вовсе не кажется страшным. Тебе, как моему мужу и господину, я могу говорить все, что меня печалит и радует, но перед другими я должна быть молчаливою. Знай же, мой милый, что в то время, когда вы поедете на свою родину, мы в свой дом ожидаем двух маленьких гостей. Это - дети дорогого Фанеса, того человека, ради спасения которого твой друг, сын Креза, совершил такой благородный поступок. Я всегда, как мать, буду заботиться об этих малютках и, когда они будут умницами, я буду напевать им прекрасную песенку о царевице, могучем герое, который женился на простой девушке, и когда я буду описывать наружность этого царевича, то ты будешь стоять перед моими глазами и я опишу тебя с ног до головы, причем моя парочка не будет и подозревать, о ком идет речь. Мой герой имеет твой высокий рост, твои голубые глаза; его украшают твои золотистые кудри; царственное величие твоей одежды облегает его блистательную фигуру; твое благородное сердце, твой верный правдивый характер, твое благоговение к богам, твоя храбрость, твой высокий геройский дух, - словом, все, что я люблю и ценю в тебе, будет уделом и героя моей песни. Дети будут слушать меня. И когда они воскликнут: 'Как любим мы царевича, как он прекрасен и добр; ах, если бы мы могли видеть этого благородного юношу!' - я с любовью прижму их к моему сердцу и поцелую их, как я целовала тебя, и тогда исполнится также и желание детей, так как ты

царствуешь в моем сердце, а следовательно, живешь во мне, вблизи их, и когда они обнимают меня, то обнимают и тебя вместе со мною!

- А я пойду к моей сестре Атоссе и расскажу ей обо всем, что я видел во время своего путешествия. И когда я стану хвалить привлекательных греков, блеск их дел и красоту их женщин, то я буду изображать твое очаровательное существо, как портрет Афродиты. Я буду много рассказывать ей о твоей добродетели, красоте, скромности, о твоём пении, которое даже соловья заставляет слушать себя; о твоей любви, о нежности твоего сердца. Но все эти качества твои я буду переносить на божественный образ Киприды и стану целовать мою сестру, когда она воскликнет: 'О, Афродита, если бы я могла тебя видеть!'

- Слушай, что это?

Мелита хлопает в ладоши.

- Прощай, мы должны расстаться. До скорого свидания!

- Еще один поцелуй!

- Прощай!

Мелита, одолеваемая усталостью и немощью преклонных лет, заснула на своем посту. Вдруг она была пробуждена громким шумом. Она тотчас захлопала в ладоши, чтобы предупредить влюбленную чету и призвать Сапфо, так как судя по звездам близилось утро.

Когда старуха приближалась с девушкой к дому, она заметила, что разбудивший ее шум произвели гости, приготавливавшиеся разойтись.

Торопя испуганную девушку, она провела ее через заднюю дверь дома, в спальню, и только что хотела раздевать ее, как вошла Родопис.

- Ты еще не ложишься, Сапфо? - спросила она. - Что это значит, дитя мое?

Мелита задрожала и готова была сказать какую-нибудь небылицу, но Сапфо бросилась на грудь своей бабки, нежно обняла ее, поцеловала ее с полной искренностью и без утайки рассказала ей всю историю своей любви.

Родопис побледнела.

- Оставь нас! - приказала она рабыне. Затем она стала против своей внучки, положила руки ей на плечи и сказала:

- Посмотри мне в лицо, Сапфо! Можешь ли ты еще смотреть на меня так же весело, с такою же детской ясностью, как и до прибытия этого перса?

Девушка, радостно улыбаясь, посмотрела на бабушку; тогда Родопис привлекла ее к себе на грудь и поцеловала, говоря:

- С той поры, как ты сняла с себя детские башмаки, я старалась сделать тебя достойной девушкой и охранить от любви. Я желала в скором времени выбрать для тебя приличного мужа и отдать тебя ему в жены по эллинским обычаям; но богам было угодно устроить иначе. Эрос посмеялся над всеми преградами, которые замыслы людей думали противопоставить ему. Эолийская кровь, текущая в твоих жилах, потребовала любви, бурное сердце твоих лесбосских предков бьется также и в твоей груди. Случившегося нельзя изменить. Сохрани же радостные часы этой чистой первой любви твоей, как драгоценную собственность в доме твоего воспоминания, так как настоящее каждого человека рано или поздно делается так бедно и пустынно, что он нуждается в этих сокровищах памяти, чтобы не иссохнуть от тоски. Думай в тишине о прекрасном юноше, попрощайся с ним, когда он будет возвращаться на родину, но остерегайся надежды на новое с ним свидание. Персы легкомысленны и непостоянны, все новое прельщает их, для всего чужеземного они открывают свои объятия. Твое очарование привлекло царевича. Он теперь пылает любовью к тебе, но он молод и прекрасен, за ним ухаживают со всех сторон, и притом он перс. Откажись от него, чтобы он не отказался от тебя!

- Как могу я сделать это, бабушка! Разве я не поклялась ему в верности на целую вечность?

- Вы, дети, играете этой вечностью, точно она не более как одно мгновение! Что касается до твоей клятвы, то я не порицаю тебя, а радуюсь, что ты так крепко держишься за все, так как мне ненавистна преступная поговорка, что будто бы Зевс не слышит клятв влюбленных. Почему на клятву, данную относительно самого святого чувства в человеке, божество будет обращать меньше внимания, чем на присягу, данную по поводу ничтожных вопросов о моем и твоём? Сохрани же свой обет, не забывай никогда о своей любви, но приучайся к мысли, что ты должна отказаться от своего возлюбленного.

- Никогда, бабушка! Разве Бартия сделался бы моим другом, если бы я не могла быть в нем уверена? Именно потому, что он - перс, что правдивость он называет своею прекраснейшей добродетелью, я могу твердо надеяться, что он будет помнить свою клятву и, вопреки нелепым обычаям азиатов, сделает меня своею единственной женою.

- А если он забудет свою клятву, то ты станешь горестно оплакивать свою молодость и, с отравленным сердцем...

- Добрая, милая бабушка, перестань говорить такие ужасные вещи! Если бы ты знала его, как я, то ты радовалась бы вместе со мной и согласилась бы, что скорее иссякнет Нил, скорее обрушатся пирамиды, чем Бартия забудет меня!

Девушка говорила эти слова с такой радостной уверенностью и убедительностью, ее темные, наполненные слезами глаза сияли выражением такой теплоты, такого блаженства, что и лицо Родопис прояснилось.

Сапфо еще раз обвила руками шею своей бабки, рассказала ей от слова до слова все, что говорил ей Бартия, и кончила свою исповедь восклицанием:

- Ах, бабушка, я так счастлива! И если ты поедешь с нами в Персию, то мне не останется ничего более просить у бессмертных.

- Но тебе слишком скоро придется снова простирать к ним руки, - вздохнула Родопис. - Они завистливо смотрят на счастье смертных и отмеривают нам дурное щедрыми, а хорошее - скупыми руками. Ступай теперь в постель, мое дитя, и молись со мною вместе, чтобы все это пришло к хорошему концу. Ребенку я принесла сегодня мое утреннее приветствие, взрослой девушке я желаю спокойной ночи; о, если бы, будучи женою, ты предоставляла свои губки для поцелуя так же радостно, как теперь! Завтра я поговорю о тебе с Крезом. От его совета будет зависеть разрешение вопроса: смогу ли я позволить тебе ждать возвращения перса, или же я должна заклинять тебя забыть царевича и сделаться женою какого-нибудь эллина, по моему выбору. Спи спокойно, мое дитя; твоя старая бабка бодрствует за тебя.

Сапфо заснула в сладостных грезах, а Родопис не смыкала глаз и, не то с улыбкой, не то задумчиво, хмурила чело при свете восходящего солнца и ясного дня.

На следующее утро Родопис послала просить Креза уделить ей один час для беседы с нею.

Она рассказала старику без обиняков, что случилось с ее внучкой, и заключила свой рассказ следующими словами:

- Я не знаю, каких качеств требуют персы от супруги владетельной особы, но могу сказать тебе, что Сапфо мне кажется достойной самого лучшего из царей. Она происходит от благородного свободного отца, и я слышала, что, по вашим законам, происхождение ребенка определяется только по отцу. В Египте тоже дети рабыни пользуются одинаковыми правами с детьми царской дочери, если те и другие родились от одного и того же отца.

- Я выслушал тебя молча, - отвечал Крез, - и должен сказать, что в настоящую минуту знаю так же мало, как и ты - следует ли мне радоваться или печалиться

из-за этой любви. Камбис и Кассандана, мать Бартии, еще до нашего отъезда намеревалась женить царевича. Сам царь до сих пор не имеет никакого потомства. Если он умрет бездетным, то единственная надежда на продолжение рода его отца Кира будет возложена на Бартию, так как великий основатель персидской державы имел только двух сыновей: Камбиса и друга твоей внучки. Этот последний служит предметом гордости для всех персов, он любимец всего двора и страны, надежда всех сановников и подданных. В Персии желают, чтобы царские сыновья брали себе жен из рода Ахеменидов; но персы имеют беспредельное пристрастие ко всему чужеземному и, обвороженные красотой твоей внучки, снисходительно отнесутся к любви Бартии, извинят проступок против старых обычаев, тем более что всякое действие, одобренное царем, не допускает никакого возражения со стороны подданных. Притом иранская история представляет достаточно примеров того, что даже от рабынь происходили цари. Мать властителя Персии, пользующаяся почти таким же авторитетом, как он сам, не станет мешать счастью своего младшего и любимого сына. Когда она увидит, что Бартия не в силах отказаться от Сапфо, когда она заметит, что смеющееся лицо ее обожаемого сына, похожего как две капли воды на ее великого покойного мужа, омрачилось, она, чтобы только доставить ему радость, позволит ему жениться хоть на скифке. Камбис тоже не откажет в своей согласии, если его мать обратится к нему в удобную минуту с настоятельной просьбой.

- Значит, все трудности могут быть устранены? - радостно воскликнула Родопис.

- Меня заботит не брак, а его последствия.

- Не хочешь ли ты сказать, что Бартия...

- С его стороны я не боюсь ничего. Он чист сердцем и так долго оставался чужд любви, что, однажды покоренный ею, будет любить горячо и постоянно.

- Но...

- Но ты должна принять в соображение, что, если бы даже все мужчины приняли с радостью очаровательную жену своего любимца, в женских покоях персидских вельмож есть тысяча праздных женщин, которые поставят себе в обязанность вредить молодой, возвысившейся из незнатного рода девушке всевозможными кознями и интригами, - женщин, для которых высшим наслаждением будет погубить неопытного ребенка.

- Ты имеешь очень дурное мнение о персиянках.

- Они ведь женщины и будут завидовать сопернице, сумевшей понравиться человеку, на которого они имели виды для себя или для своих дочерей. В

праздности и скуке гарема зависть легко переходит в ненависть, и удовлетворение ее должно служить для этих бедных созданий вознаграждением за отсутствие любви и свободы. Повторяю тебе: чем прекраснее Сапфо, тем более она вызовет против себя неприязни, и, даже если Бартия будет искренно любить ее и в первые годы не возьмет себе другую жену, она все-таки испытает такие тяжкие минуты, что я решительно не знаю, могу ли я поздравить тебя с блистательной, по-видимому, будущностью твоей внучки.

- Я чувствую то же самое, - сказала Родопис.

- Простой эллин был бы для меня желательнее этого благородного сына великого царя.

В этот момент в комнату вошел Бартия, введенный Кнакиасом. Он умолял Родопис не отказывать ему в руке ее внучки, описал свою горячую любовь к девушке и уверял, что Родопис удвоит его счастье, если отправится с ним в Персию. Затем он схватил руку Креза, извинился перед ним в том, что так долго таил от него, которого чтит как отца, счастье своего сердца, и умолял его поддержать его сватовство.

Старик с улыбкой выслушал страстные слова юноши и сказал:

- Как часто я предостерегал тебя против любви, мой Бартия! Любовь - это всепожирающий огонь.

- Но ее пламя ярко и светозарно.

- Она причиняет горе.

- Но это горе приятно.

- Она помрачает ум!

- Но укрепляет сердце!

- О, эта любовь! - воскликнула Родопис. - Разве вдохновленный Эросом мальчик не говорит так, как будто он всю свою жизнь провел в школе под руководством аттического учителя красноречия?

- Однако же, - возразил Крез, - я называю влюбленных самыми непокорными из учеников. Вы можете им доказывать с убедительной ясностью, что любовь есть яд, огонь, глупость, смерть, а они, несмотря на то, станут утверждать: 'но она сладостна', - и будут продолжать любить по-прежнему.

В эту минуту в комнату вошла Сапфо. Белое праздничное платье с пурпурно-красными вышитыми краями и широкими рукавами охватывало ее нежный стан свободными складками, которые в талии были собраны золотым поясом. В ее

волосах блистали свежие розы, а грудь была украшена сверкающей звездой, первым подарком ее возлюбленного.

С грациозной застенчивостью она поклонилась старику, который надолго остановил на ней свой взгляд. И чем дольше Крез смотрел на это девственное, очаровательное лицо, тем приветливее становилось чело лидийца. Из глубины его души перед ним восстали воспоминания; на одну минуту к нему возвратилась его молодость; он невольно приблизился к девушке, с любовью поцеловал ее в лоб, взял ее за руку, подвел к Бартии и сказал:

- Возьми ее, хотя бы против нас восстали все Ахемениды!

- Значит, мне нечего больше и говорить? - спросила Родопис, улыбаясь сквозь слезы.

Бартия взял правую, а Сапфо левую руку матроны, и две пары умоляющих глаз смотрели ей в лицо. Наконец она, выпрямившись во весь рост, воскликнула с видом прорицательницы:

- Да охранит вас Эрос, который вас соединил, да защитят вас Зевс и Аполлон! Я вижу вас подобными двум розам на одном стебле, любящими и счастливыми в весеннюю пору жизни; что принесут вам лето, осень и зима - это сокрыто в мыслях богов. Пусть ласково улыбнутся тени твоих родителей, моя Сапфо, когда эта весть о тебе дойдет до них в жилища преисподней.

Через три дня после этой сцены пристань Саиса снова была заполнена густыми толпами. Народ собрался, чтобы сказать последнее 'прости' дочери фараона, отправлявшейся на чужбину. В этот час казалось, что египтяне, несмотря на подстрекательства жрецов, питали искреннюю любовь к царскому дому.

Когда Амазис и Ладикей со слезами на глазах обняли Нитетис в последний раз; когда Тахот, на виду у всех саитян, на большой, спускавшейся к Нилу лестнице, всхлипывая, бросилась на шею к своей сестре; когда лодка, увозившая невесту персидского царя, со вздутыми парусами отчалила от берега, - глаза почти всех зрителей были увлажнены слезами.

Только жрецы смотрели сурово и холодно, как всегда, на эту трогательную сцену.

Наконец, когда корабли увозивших египтянку чужеземцев тоже пошли под дуновением южного ветра, за ними понеслось множество проклятий и криков ненависти; но Тахот еще долго махала своим покрывалом вслед удалявшимся. Она плакала непрерывно. К кому относились эти слезы: к подруге ее детских лет или же к прекрасному и столь любимому ею царевичу?

Амазис, на виду у всего народа, обнял свою жену и дочь. Он высоко поднял маленького Нехо, своего внука, при виде которого египтяне разразились громкими криками восторга. Псаметих, отец ребенка, стоял молча и с сухими глазами возле царя, который, по-видимому, не обращал на него внимания. Наконец, к нему подошел Нейтотеп. Верховный жрец подвел упиравшегося царевича к отцу, положил его руку в руку царя и громко произнес благословение богов царскому дому.

Во время его речи египтяне стояли на коленях, с руками, воздетыми к небу. Амазис привлек сына к своей груди и шепнул верховному жрецу, когда тот окончил свою молитву:

- Будем жить в мире ради нас самих и ради египтян.
- Получил ли ты то письмо Небенхари?
- Самосский корабль морских разбойников преследует трирему Фанеса.
- Там, в отдалении, беспрепятственно плывет дочь твоего предшественника, законная наследница египетского престола.
- Постройка эллинского храма в Мемфисе будет приостановлена.
- Да ниспошлет нам Исида мир, да распространится счастье и благоденствие над Египтом!

Жившие в Наукратисе элины устроили празднество в честь отправлявшейся на чужбину дочери своего покровителя Амазиса.

На алтарях греческих богов множество жертвенных животных были преданы закланию и, когда нильские барки прибыли в гавань, раздалось громкое 'айлинос!'.

Девушки в праздничных нарядах поднесли Нитетис золотую повязку, которая, в качестве свадебного венка невесты, была обвита множеством душистых фиалок.

Эту повязку должна была поднести Сапфо, как самая красивая девушка в Наукратисе.

Принимая подарок, Нитетис поцеловала ее в лоб. Затем она вошла в ожидавшуюся ее трирему.

Гребцы принялись за свою работу и запели 'Келейсмуму' [\[55\]](#). Южный ветер наполнил паруса, и тысячекратное 'айлинос' раздалось снова. Бартия с палубы царского корабля сделал последний знак любовного приветствия своей нареченной. Сапфо тихо молилась Афродите Эвплойа, покровительнице моряков. Слезы текли по ее щекам, но на губах ее играла улыбка надежды и

любви, между тем как старая Мелита, державшая зонтик девушки, плакала навзрыд. Однако же, когда с венка, украшавшего голову ее питомицы, случайно упало несколько листков, она на минуту забыла свое горе и тихо прошептала, наклонившись к Сапфо:

- Да, сердце мое, видно, что ты любишь: все девушки, которые теряют лепестки из своих венков, ранены стрелами Эроса.

XII

Семь недель спустя по большой царской дороге, которая вела с запада в Вавилон, двигался длинный поезд из разнородных экипажей и всадников, приближавшийся к громадному городу, видневшемуся уже издалека.

В четырехколесном дорожном экипаже, так называемом гармамаксе, донельзя раззолоченном и обитом золотою парчою, под навесом, поддерживаемым деревянными колонками, пустое пространство между которыми было задернуто занавесками, сидела Нитетис.

По бокам экипажа ехали ее провожатые, известные уже нам персидские вельможи и развенчанный лидийский царь Крез со своим сыном.

Пятьдесят других экипажей и шестьсот вьючных животных следовали за ними, между тем как отряд персидских воинов, на великолепных конях, предшествовал поезду.

Дорога тянулась вдоль реки Евфрат между роскошными полями, засеянными пшеницей, ячменем и сезамом [\[56\]](#), приносившими иногда сам-сот, а иногда и сам-трехсот урожая. Стройные финиковые пальмы, покрытые тяжелыми фруктами, высились повсюду среди полей, со всех сторон прорезанных арыками и канавами, за которыми тщательно следили. Несмотря на зимнее время, солнце распространяло уже теплоту и ярко горело на безоблачном небе. Громадная река пестрела разнокалиберными лодками, которые перевозили произведения гористых местностей Армении в долину Месопотамии и доставляли из Тапсака в Вавилон большую часть товаров, привозимых из Греции и Малой Азии. Трубы и водоподъемные машины распространяли освежающую влагу по нивам и плантациям берегов, поросших многочисленными деревьями. По всему было видно, что приближаешься к центру древнего просвещенного государства, управляемого с заботливой предусмотрительностью.

Колесница и свита Нитетис остановились у длинного кирпичного строения, покрытого черной жостью, по сторонам которого была расположена плантация платанов. Крез сошел с лошади, приблизился к колеснице, в которой сидела египетская царица, и произнес:

- Вот мы и доехали до последней станции! Вон та высокая башня, виднеющаяся на горизонте, и есть знаменитый храм Ваала, составляющий, наряду с пирамидами, одно из величайших произведений рук человеческих. Еще солнце не успеет зайти, как мы уже доедем до железных ворот Вавилона. Позволь мне высадить тебя из колесницы и отправить к тебе в дом твоих служанок. Сегодня тебе следует одеться так, как одеваются персидские царевны, чтобы восхитить взоры Камбиса. Через несколько часов ты предстанешь перед лицом своего супруга. Как ты бледна! Позаботься о том, чтобы твои женщины прикрыли эту бледность искусственным румянцем, который служил бы знаком твоего радостного волнения. Первое впечатление очень часто решает всю последующую судьбу. Это стародавнее замечание имеет большой вес, в особенности относительно твоего будущего супруга. Если ты понравишься ему при первом свидании, в чем я не сомневаюсь, то очень вероятно, что ты пленишь его сердце на вечные времена; если же ты не понравилась бы ему, то может случиться, что он, по своему крутому нраву, никогда не удостоит тебя ласкового взгляда. Мужайся, дочь моя, мужайся! А главное, помни те наставления, которые я давал тебе!

Нитетис отерла слезу, наворачнувшуюся на ее ресницы, и сказала:

- Как благодарить мне тебя, Крез, за всю твою доброту; ты - мой второй отец, мой защитник и советчик. О, не покидай меня и впредь! В течение этого продолжительного путешествия по опасным горным ущельям ты был моим проводником и защитником; если же когда-нибудь на моем тяжелом жизненном пути встретятся горести и беды, то и там не откажи мне в своей помощи и заботливости! Благодарю, отец мой, тысячу раз благодарю!

При этих словах девушка обняла своими полными ручками шею старика и поцеловала его, как самая нежная дочь.

Когда она вступила на двор мрачного дома, ее встретил человек, сопровождаемый целой толпой азиатских служанок. Это был начальник евнухов, один из знатнейших чинов двора. Он отличался высоким ростом и тучностью, на его безбородом лице играла приторная улыбка, в ушах качались драгоценные серьги; руки, ноги, шея и длинная одежда, походившая на женскую, - все было покрыто золотыми цепями и кольцами, а от туго завитых волос, обвязанных пурпурной тканью, пахло резкими благовониями.

Богес (так звали евнуха) почтительно поклонился египтянке и, приложив ко рту свою мясистую, покрытую кольцами руку, проговорил:

- Камбис, владыка вселенной, посылает меня тебе навстречу, царица, затем, чтобы я освежил твое сердце росой его приветствий. Вместе с тем, через меня, своего нижайшего раба, он посылает тебе одежду персиянок, чтобы ты, как

подобает супруге могущественнейшего из царей земных, приблизилась в мидийском платье к воротам Ахеменидов. Эти женщины, твои рабыни, ожидают твоих приказаний. Из египетского изумруда они превратят тебя в персидский алмаз.

Богес отошел в сторону и благосклонным знаком дал понять хозяину постоянного двора, что он может передать царевне корзинку с фруктами, уложенными весьма изящным образом.

Нитетис любезно поблагодарила обоих мужчин, вошла в дом, со слезами сняла одежду своей родины и приказала распустить густую косу с левой стороны, что считалось отличительным знаком египетских царевен; затем руки чуждых ей прислужниц облекли ее в мидийские одежды.

Тем временем ее провожатые распорядились относительно закуски. Ловкие слуги принесли стулья, столы и золотую посуду, вынутую из повозок; повара забегали и так охотно помогали друг другу, что вскоре роскошный стол, при убранстве которого не оказалось недостатка даже в цветах, точно по волшебству предстал взорам проголодавшихся путников.

Во все время продолжительного путешествия господствовала такая же роскошь, так как на вьючных лошадях, следовавших за царственными путешественниками, везли всевозможные предметы быта, начиная от непромокаемой затканной золотом палатки до серебряной скамейки для ног; а в колесницах, сопровождавших путешественников, кроме булочников, поваров, виночерпиев и разрезателей, сидели втиратели мазей, венкоплеты и завиватели волос.

При этом на большой дороге встречались через каждые четыре мили хорошо устроенные гостиницы. Тут сменялись повредившиеся в дороге лошади; тенистые рощи представляли гостеприимный приют во время полуденной жары; а в горах подобные гостиницы служили убежищами от снега и холода.

Персидские гостиницы, имевшие сходство с нашими почтовыми станциями, были обязаны своим возникновением и улучшением великому Киру, который старался, посредством хорошо содержавшихся дорог, сократить громадные расстояния своего обширного царства. Он также устроил правильное почтовое сообщение. На каждой станции на смену верховому курьеру был готов другой - со свежей лошадью, который, получив корреспонденцию, мчался с быстротой ветра до следующей станции, чтобы, в свою очередь, передать сумку следующему, уже готовому к отъезду курьеру. Эти курьеры назывались ангарами и считались самыми быстрыми ездоками в мире.

Когда пирующие, к которым также присоединился и евнух Богес, встали из-за стола, дверь станционного дома снова отворилась, и слышалось продолжительное восклицание слуги. Перед персиянами стояла Нитетис в драгоценном придворном костюме мидянки, с гордым сознанием своей победоносной красоты и вместе с тем смущенно краснея при виде удивления своих спутников.

Ее слуги невольно пали перед ней ниц по азиатскому обычаю; а благородные Ахемениды преклонились перед нею с глубочайшим почтением. Казалось, что вместе с простыми одеждами своей родины царица сбросила с себя свою застенчивость и, облачившись в шелковые, усыпанные драгоценными камнями одежды персидской царицы, усвоила гордый вид и царственное величие.

Глубокое почтение, которое ей оказывали, по-видимому, пришлось ей по душе. Сделав милостивый жест рукой, она поблагодарила восхищавшихся ею друзей; затем обратилась к начальнику евнухов и сказала ему ласково, но величественно:

- Ты исполнил свою обязанность. Я довольна одеждой и рабынями, доставленными тобою. Я сумею похвалить своему супругу твою ловкость и умение, а покамест прими эту золотую цепь в знак моей благодарности.

Всемогущий надзиратель над царскими женами поцеловал одежду Нитетис и молча принял подарок. Еще никогда ни одна из подчиненных ему женщин не относилась к нему с подобной гордостью. До сих пор все жены Камбиса были азиатского происхождения и, зная всемогущество начальника евнухов, употребляли всевозможные усилия, чтобы, посредством льстивых фраз и смирения, войти к нему в милость.

Богес снова низко поклонился Нитетис, но она, не обращая на него более никакого внимания, повернулась к Крезу и тихо проговорила:

- Тебя, мой добрый друг, я не могу отблагодарить ни словами, ни подарками за все то, что ты сделал для меня, так как одному тебе я буду обязана, если моя жизнь при этом дворе будет если не совершенно счастливой, то, по крайней мере, мирной.

Затем она уже более громким голосом, слышным и другим ее спутникам, продолжала:

- Прими от меня это кольцо, которое я не снимала с руки со времени моего отъезда из Египта. Стоимость его ничтожна, но значение велико. Пифагор, благороднейший из всех эллинов, подарил его моей матери, когда внимал в Египте мудрым учениям наших жрецов; а мать моя подарила это кольцо мне, когда я расставалась с родиной. На простом бирюзовом камне начертана цифра

семь. Это нечетное число представляет собою здоровье тела и души, так как не существует ничего более нераздельного, чем здоровье. Если страдает малейшая частица тела, то весь человек болен; если дурная мысль поселится в нашем сердце, то нарушится вся душевная гармония. Пусть эта цифра семь постоянно, при всяком взгляде твоём, напоминает тебе о твоём желании, чтобы тебе на долю выпало полное, ничем не омраченное наслаждение телесным здоровьем и непрерывное продолжение любвеобильной кротости, которая делает тебя самым здоровым из всех людей. Не благодари меня, отец мой, так как я осталась бы твоей должницей даже и тогда, когда была бы в состоянии возвратить Крезу все богатства Креза. А ты, Гигес, возьми эту лидийскую лиру из слоновой кости, и когда зазвучат ее струны, то вспомни о той, которая тебе подарила ее. Тебе, Зопир, я дарю эту золотую цепь, так как, насколько я могла заметить, ты всегда оставался самым верным другом своих друзей; мы же, египтяне, изображаем нашу богиню любви и дружбы, прелестную Гатор, с цепями и шнурами в очаровательных руках, служащими символом ее связующей сущности. Что же касается до тебя, Дарий, то я, зная твою любовь к египетской мудрости и звездному небу, дарю тебе на память этот золотой обруч, на котором искусною рукой выгравированы знаки зодиака. Тебе, милый мой деверь Бартия, я предназначаю самое драгоценное из сокровищ, которым обладаю. Возьми этот амулет из голубого камня. Моя сестра Тахот надела его мне на шею, когда я в последний раз перед отходом ко сну запечатлела прощальный поцелуй на ее губах. Она сказала мне, что этот талисман наделяет счастьем в любви тех, которые его носят. При этом, Бартия, она заплакала! Я не знаю, о ком думала добрая девушка, но надеюсь, что сделаю ей угодное, если передам ее сокровище в твои руки. Представь себе, что Тахот передает его тебе через меня, свою сестру, и вспоминай иногда о наших играх в садах Саиса.

До сих пор она говорила по-гречески. Теперь же она обратилась к прислуге, ожидавшей в почтительном отдалении, и проговорила на ломаном персидском языке:

- Благодарю также и вас! В Вавилоне вы получите тысячу золотых статеров [\[57\]](#). Повелеваю тебе, Богес, - сказала она, обращаясь к евнуху, - раздать назначенную сумму людям не позже, как послезавтра. Проведи меня к колеснице, Крез!

Старик поспешно повиновался. В то время как он подводил Нитетис к колеснице, она, прижимая его руку к своей груди, шепнула ему:

- Доволен ли ты мной, отец мой?

- Я говорю тебе, дитя мое, - отвечал старик, - что при этом дворе ты сделаешься первой после матери царя, так как на челе твоём сияет истинная

гордость царицы и ты обладаешь искусством делать многое с небольшими средствами. Поверь мне, что незначительный подарок, который ты сумеешь выбрать и поднести со свойственными тебе тактом и находчивостью, доставит человеку достойному гораздо больше удовольствия, чем горсть золота, которую бросили бы к его ногам. Делать и получать драгоценные подарки в обычае у персиян. Они умеют обогащать друг друга; ты же научишь их взаимно осчастливливать себя. Как ты прекрасна! Хорошо ли тебе сидеть, или тебе нужно еще больше подушек? Но что это такое? Видишь вон те облака пыли, поднимающиеся со стороны города? Это, должно быть, Камбис, едущий тебе навстречу. Крепись, дитя мое! А главное, постарайся выдержать взгляд твоего супруга и смело смотреть ему в глаза. Немногие выносят блеск его взоров. Если тебе удастся смело и без смущения взглянуть ему в лицо, то это будет твоей победой. Мужайся, мужайся, дочь моя; да украсит тебя Афродита своею пленительнейшей красотой! Садитесь на лошадей, друзья мои; кажется, царь едет нам навстречу!

Выпрямившись и прижав руки к сильно бьющемуся сердцу, сидела Нитетис в золотой колеснице. Облако пыли близилось все ближе. Вот из него сверкнули яркие блики солнца, которые отразились на оружии путешественников. Затем облако раздвинулось, и показались отдельные фигуры; потом приближавшаяся толпа исчезла за густым кустарником у поворота дороги, и, наконец, появились, в какой-нибудь сотне шагов от станции, уже ясно видимые фигуры мчавшихся всадников.

Вся кавалькада представляла собою пеструю массу людей, лошадей, пурпура, золота и драгоценных камней. Более двухсот всадников на белоснежных низейских конях, узды, удила, чепраки которых были украшены золотыми колокольчиками и бляхами, перьями, кистями и вышивками, следовали за человеком, ехавшим на сильном вороном коне. Этот конь неоднократно порывался понести своего всадника, но тот сдерживал его своей богатырской рукой и доказывал покрытому пеной скакуну свою способность обуздать его бешеный норов. На этом всаднике, чьи сильные ноги сдавливали бока коня до такой степени, что тот дрожал и задыхался, было красное с белым одеяние, сплошь покрытое вышитыми на нем орлами и соколами. Шаровары были пурпурные, а сапоги - из желтой кожи. Его талию стягивал золотой пояс, за который была заткнута короткая, похожая на кинжал сабля с рукояткой и ножами, усыпанными драгоценными камнями. Остальной его наряд имел сходство с нарядом Бартии. Его шапка была обвита белой с синим повязкой Ахеменидов. Из-под нее рассыпались густые пряди черных, как черное дерево, волос. Громадная борода такого же цвета скрывала всю нижнюю часть его лица. Оно было бледно и неподвижно, но глаза, еще чернее волос и бороды, сверкали пламенем - не согревающим, а испепеляющим. Глубокий ярко-

красный рубец - след сабельного удара массагетского воина - пересекал высокое чело, горбатый нос и тонкие губы всадника. Во всей его манере виден был отпечаток величайшей силы и безмерной гордости.

Нитетис не могла отвести глаз от этого человека. Она никогда не видела никого, подобного ему. Ей казалось, что эта необузданно-гордая наружность и есть олицетворение мужской силы. Ей казалось, что для служения этому человеку создан весь мир, а прежде всего она сама. При виде его она чувствовала страх, и, однако, ее женское сердце, привыкшее к покорности, стремилось обвиться вокруг него, подобно тому, как виноградная лоза ищет себе опору в могучем стволе дерева. Она не могла дать себе отчет, представляет ли она себе в таком виде отца всевозможного зла, ужасного Сета, или же великого Ра, источник всякого света.

Яркий румянец и мертвенная бледность сменялись на ее лице подобно свету и тени, когда в полдень тучи заволакивают небо. Она забыла советы своего преданного друга, однако же, когда Камбис осадил бешено храпевшего коня около ее колесницы, она, затаив дыхание, смотрела в пламенные глаза этого мужчины, зная, что это царь, хотя никто не говорил ей этого.

Строгое лицо властелина полувселенной становилось приветливее, чем дольше Нитетис, повинувшись какому-то необычайному влечению, переносила его пронизывающий взгляд. Наконец, Камбис сделал ей рукой приветственный жест и направился к ее спутникам, соскочившим со своих лошадей, причем некоторые поверглись во прах перед царем; а другие стояли, низко кланяясь и, по персидскому обычаю, спрятав руки в рукава своих одежд.

Теперь и сам царь соскочил с лошади. Примеру его в то же мгновение последовали и его спутники. Сопровождавшие его расстилатели ковров с удивительной быстротой покрыли землю тяжелым пурпуровым ковром, чтобы ноги царя не коснулись придорожной пыли, и несколько минут спустя Камбис приветствовал своих родственников и друзей, подставляя им губы для поцелуя.

Затем он пожал правую руку Креза и предложил ему снова садиться верхом и в качестве переводчика последовать за ним к колеснице Нитетис.

Знатнейшие сановники бросились к царю и помогли ему снова сесть на лошадь; он подал знак, и весь поезд двинулся.

Крез ехал рядом с Камбисом, около золотой колесницы.

- Она прекрасна и пленила мое сердце, - воскликнул перс, обращаясь к старику лидийцу. - Теперь переведи мне слово в слово все, что она станет отвечать на мои вопросы, так как я понимаю только по-персидски, по-ассирийски и по-мидийски.

Нитетис поняла эти слова. Незыблемый восторг охватил ее сердце, и, сильно вспыхнув, она отвечала на ломаном персидском языке:

- Как возблагодарить мне богов, которые помогли мне найти милость перед твоими очами? Мне не совсем незнакома речь моего повелителя, так как этот благородный старец давал мне уроки персидского языка во время нашего продолжительного путешествия. Не взыщи за то, что я могу ответить тебе только отрывистыми фразами. Срок учения был не велик, а способности мои не превышают обыкновенных способностей бедной неученой девушки.

На губах Камбиса, почти всегда сурово сжатых, мелькнула улыбка. Желание Нитетис понравиться ему польстило его самолюбию, да и, кроме того, персу, привыкшему видеть, как женщины вырастают, погрязая в невежестве и лени, и думают только о нарядах и интригах, казалось столь же удивительным, как и похвальным, такое прилежание в чужестранке. Потому он отвечал с видимым удовольствием:

- Мне приятно, что я могу говорить с тобою без посредника. Продолжай заниматься изучением прекрасного языка моих отцов; мой собеседник Крез останется и впредь твоим учителем.

- Ты осчастливливаешь меня этим приказанием, так как я не мог бы пожелать себе более ревностной и благодарной ученицы, чем дочь Амазиса.

Нитетис опустила глаза. Приближалось то, что составляло предмет ее опасений. Отныне она должна была служить чуждым ей богам вместо египетских.

Камбис не заметил ее внутреннего порыва и продолжал:

- Моя мать Кассандана посвятит тебя во все обязанности моих жен. Завтра я сам отведу тебя к ней. То, что ты услышала случайно, я теперь вновь повторяю тебе: ты приятна моему сердцу! Позаботься о сохранении этого благорасположения! Мы постараемся, чтобы ты полюбила нашу страну, а так как я тебе друг, то советую тебе быть ласковой с Богесом, которого я послал тебе навстречу; тебе придется во многом слушаться его, так как он главный начальник женской палаты.

- Хотя он начальник над женщинами, - отвечала Нитетис, - но я все-таки думаю, что твоей женой не должен повелевать никто, кроме тебя самого. Я буду повиноваться малейшему знаку с твоей стороны, но подумай, что я дочь царя и уроженка страны, где слабые женщины пользуются одинаковыми правами с сильными мужчинами, и что мое сердце проникнуто той же гордостью, какая сверкает в твоих глазах, мой повелитель! Тебе, могущественному моему супругу и властелину, я буду повиноваться с

покорностью рабы; но добиваться расположения самого немощного из мужчин, продажного слуги, я не в состоянии, равно как и повиноваться его приказаниям.

Удивление и радость Камбиса все увеличивались. Такого рода разговора он не слышал ни от одной женщины, кроме своей матери, а такт, с которым Нитетис как бы бессознательно признавала его власть над всем ее существованием, удовлетворял его самолюбие. Гордость понравилась гордому. Он одобрительно кивнул девушке и проговорил:

- Ты права. Я прикажу устроить тебе отдельное помещение. Ты будешь слушать только мои приказания относительно того, как тебе следует держать себя. Уютный домик среди всяких садов будет сегодня же приготовлен для тебя.

- Тысячу раз благодарю тебя, - воскликнула Нитетис. - О, если бы ты знал, как ты осчастливил меня этою любезностью! Твой милый брат, Бартия, так много рассказывал мне о всяких садах, и ни одно из чудес твоего великого царства не понравилось нам так, как любовь того царя, который приказал воздвигнуть эту зеленеющую гору.

- Завтра тебе предстоит водвориться в твоём новом жилище. Скажи же мне теперь, как понравились мои послы тебе и египтянам?

- Как можешь ты спрашивать об этом? Кто был бы в состоянии не полюбить этого благородного старца, познакомившись с ним? Разве возможно было бы не оценить достоинств молодых героев, твоих друзей? Все они сделались дорогими нашему дому; в особенности же твой прекрасный брат пленил все сердца. Египтяне недружелюбно смотрят на иностранцев, но как только они увидели Бартию, то шепот одобрения пронёсся в глазающей толпе.

При этих словах царевны чело царя омрачилось. Он пришпорил своего коня так, что тот взвился на дыбы, повернул его и, помчавшись, стал во главе своей свиты, с которой через несколько минут достиг стен Вавилона.

Несмотря на то что Нитетис, как египтянка, привыкла к величественным постройкам, она все-таки была поражена необъятным пространством и величием огромного города.

Стены его представлялись совершенно неприступными, так как имели пятьдесят локтей в высоту, а ширина их была так значительна, что две колесницы могли свободно разъехаться на их поверхности. Двести пятьдесят высоких башен увенчивали и делали действительно неприступной эту громадную твердыню; однако же понадобилось бы еще более значительное число подобных укреплений, если бы Вавилон не был защищен с одной стороны непроходимыми болотами. Город-великан был расположен на обоих

берегах реки Евфрат. Он имел более девяти миль в окружности, и возведенная вокруг него стена служила охраной таким зданиям, которые вышиной превосходили даже пирамиды и храмы в Фивах и Мемфисе.

Ворота, через которые царский поезд должен был вступить в город, настежь растворили перед высокородными путниками свои железные крылья в пятьдесят локтей вышины. С каждой стороны этого входа возвышалось по укрепленной башне, а перед каждой из них был поставлен, в виде стража, высеченный из камня гигантский крылатый бык с человеческой головой и серьезным бородатым лицом. С удивлением глядела Нитетис на эти огромные ворота и радостно всматривалась в длинную широкую улицу большого города, которая в честь нее была великолепно разукрашена.

Как только показался царь с золотой колесницей, толпа разразилась громкими восклицаниями восторга. Эти восклицания, постоянно усиливаясь, превратились в непрерывный, перекатывавшийся, подобно грому, и резкий крик радости, когда взорам толпы представился любимец народа Бартия, благополучно возвратившийся из своего путешествия. Народ также давно не видел и самого Камбиса, так как царь, согласно обычаю мидян, редко показывался публично. Сокрытый от взоров простых смертных, он должен был управлять незримо, подобно божеству, и его появление среди народа ожидалось как особенно торжественное событие. Таким образом, в этот день весь Вавилон был на ногах, чтобы взглянуть на внушавшего страх властелина и всеми обожаемого, возвратившегося домой путешественника и приветствовать их обоих. Все окна были заполнены любопытными женщинами, которые бросали цветы на дорогу при приближении поезда и кропили ее душистыми эссенциями. Вся мостовая была усыпана миртовыми и пальмовыми ветвями; различных пород зеленые деревья стояли перед дверями; ковры и шали были вывешены из окон; гирлянды цветов были протянуты от одного дома к другому; ладан и сандаловые ароматы наполняли воздух, и по обеим сторонам дороги стояли тысячи глазевших вавилонян, в белых полотняных рубашках, пестрых шерстяных одеждах и коротких накидках, держа в руках длинные палки с золотыми и серебряными гранатовыми яблоками, птицами или розами.

Все улицы, по которым проходило шествие, были широкие и прямые; дома, выстроенные из кирпича, - прекрасны и высоки. А надо всем господствовал видимый отовсюду храм Ваала, с его громадной лестницей, которая, в виде огромной змеи, восьмикратно обвивалась вокруг башнеподобного круглого здания, составленного из нескольких этажей. Каждый из этих этажей постепенно уменьшался до самого верха, где и помещалось само святилище.

Теперь шествие приблизилось к царскому дворцу, размеры которого соответствовали гигантским размерам всего города. Стены, окружавшие

дворец, украшали пестрые картины, покрытые глазурью и представлявшие странную смесь изображений птиц, людей, млекопитающих и рыб, сцен из военной и охотничьей жизни и торжественных процессий. К северу, вдоль реки, высились висячие сады; к востоку, на противоположном берегу Евфрата, был расположен другой царский дворец, меньших размеров, соединенный с первым великолепным каменным мостом капитальной постройки.

Шествие прошло в медные ворота трех стен, окружавших дворец. Лошади, запряженные в колесницу Нитетис, остановились, рабы - носители скамеек, помогли ей выйти из экипажа. Она находилась в новом отечестве и вскоре была введена в назначенные ей, для временного помещения, комнаты женского дома.

Камбис, Бартия и известные уже нам друзья, окруженные сотней блистательных вельмож, стояли еще на устланном пестрыми коврами дворцовом дворе, когда слышались громкие женские голоса, и дивной красоты персиянка, в драгоценных одеждах, с роскошными белокурыми волосами, перевитыми нитями дорогого жемчуга, бросилась во двор навстречу мужчинам; за нею следовало несколько пожилых женщин.

Последние пали ниц на благородном расстоянии; но когда девушка стала осыпать возвратившихся все новыми ласками, то Камбис воскликнул:

- Стыдись, Атосса! Подумай, что с тех пор, как тебе надели серьги, ты уже перестала быть ребенком. Я не имею ничего против того, что ты радуешься возвращению брата, но даже и в радости девушка царской семьи не должна забывать приличия. Отправляйся назад к матери. Вон там стоят твои няньки. Поди и скажи им, что ради этого торжественного дня я прощаю тебя. Но если ты вторично появишься в этом месте, закрытом для непрошенных гостей, то я прикажу Богесу запереть тебя на двенадцать дней. Помни же это, попрыгунья, и скажи матери, что я сейчас приду к ней с братом. Поцелуй же меня! Ты не хочешь? Подожди же, упрямица!

С этими словами царь бросился к девочке, левой рукой так крепко сжал ей руки, что она громко вскрикнула, правой отогнул назад очаровательную головку и расцеловал сопротивлявшуюся сестру, которая со слезами бросилась к своим нянькам и исчезла в комнатах дворца.

Когда Атосса убежала, Бартия сказал:

- Ты сильно сжал бедного ребенка, Камбис, она даже вскрикнула от боли!

Лицо царя омрачилось, но он воздержался от резкого ответа, готового сорваться с его губ, и сказал, делая движение по направлению к дому:

- Пойдем теперь к матери; она просила меня привести тебя к ней тотчас по приезде. Женщины, по обыкновению, не могут дождаться тебя. Нитетис говорила мне, что ты так же очаровал и египтянок своими белокурыми локонами и розовыми щеками. Молись заранее Митре, чтобы он даровал тебе вечную юность и избавил тебя от старческих морщин!

- Уж не хочешь ли ты этим сказать, - спросил Бартя, - что я не обладаю никакими добродетелями, которые служат украшением и для старости?

- Я никому не объясняю своих слов. Пойдем!

- Я же попрошу тебя доставить мне случай доказать, что я не уступлю ни одному персу в добродетелях, составляющих принадлежность мужчин.

- Восторженные крики вавилонян доказывают тебе, что тебе не нужны никакие подвиги, чтобы пользоваться всеобщим расположением.

- Камбис!

- Теперь пойдем! Война с массагетами [\[58\]](#) неизбежна. Ты будешь иметь случай доказать - каков ты и что в состоянии сделать.

Несколько минут спустя Бартя лежал в объятиях своей слепой матери, которая с сильно бьющимся сердцем ожидала своего любимца. Теперь, когда она, наконец, услышала его голос и своими дрожащими руками осязала дорогое лицо, она забыла все другое и, обрадовавшись возвращению младшего сына, даже не обратила внимания на своего первенца, могущественного царя, который с горькой улыбкой глядел, как весь безграничный источник материнской любви целиком изливался на его младшего брата.

С самого раннего детства все постоянно исполняли малейшие желания Камбиса, каждое движение его бровей считалось приказанием; поэтому он не переносил противоречия и без удержу предавался припадкам своей бешеной вспыльчивости, если кто-нибудь из его подданных - а он не знал других людей - осмеливался ему противоречить. Кир, его отец, могущественный завоеватель полумира, гениальностью которого небольшая нация персов была возведена на вершину земного величия, умевший приобрести уважение многочисленных покоренных им племен, - этот Кир был неспособен в кругу своего семейства применить на деле ту систему воспитания, которой он так удачно придерживался относительно обширных государств. Уже в мальчике Камбисе он видел будущего царя, приказывал своим подданным слепо повиноваться ребенку и забывал, что тот, кто хочет повелевать, прежде всего должен научиться служить другим.

Жена его юности, сильно им любимая Кассандана, родила ему сперва Камбиса, затем трех дочерей и, наконец, уже через пятнадцать лет, Бартию. Первенец уже давно вышел из детских лет, когда родился младший сын; поэтому его младенческие годы и необходимый в этом возрасте уход поглотили всю заботливость родителей. Очаровательный, мягкосердечный и ласковый ребенок сделался идиолом как отца, так и матери; вся теплота их любви обратилась на него, между тем как Камбис видел только заботливое внимание с их стороны. Наследнику престола удалось отличиться во многих войнах храбростью и мужеством; своим повелительным, гордым характером он приобрел себе трепещущих рабов, между тем как веселый, добродушный Бартия мог называть своих товарищей своими преданными друзьями. Народ боялся Камбиса, трепетал при его приближении, несмотря на богатые подарки, которые он имел обыкновение расточать с непомерной щедростью, и любил приветливого Бартию, в котором видел портрет покойного Кира, 'отца своего народа'.

Камбис очень хорошо чувствовал, что он не в состоянии ни за какую цену купить себе ту любовь, которая добровольно изливалась со всех сторон на Бартию. Он не питал к брату ненависти, но ему было досадно, что мальчик, который не заявил о себе еще никакими подвигами, был чтим и любим персами точно какой-нибудь герой и благодетель. Все, что ему не нравилось, он считал несправедливым; то, что он считал несправедливым, он должен был порицать, а его порицание с детства устрашало даже самых знатных из окружавших его вельмож.

Восторженные крики народа, неиссякаемые ласки матери и сестры, а в особенности дружеская похвала со стороны Нитетис, доставшаяся на долю Бартии, - все это возбудило в нем ревность, до тех пор неведомую его сердцу. Нитетис сильно понравилась ему. Эта дочь могущественного царя, подобно ему презиращая все мелкое и вполне подчиняющаяся его величию, эта женщина, которая для приобретения его расположения не отступила перед серьезными трудностями при изучении персидского языка; эта величественная девушка, чья оригинальная полу-египетская, полу-греческая красота (ее мать была эллинского происхождения) возбудила его удивление, как нечто новое, никогда невиданное, - произвела на него глубокое впечатление. Поэтому ее похвалы, относившиеся к Бартии, раздосадовали его и сделали его сердце восприимчивым к ревности.

Выйдя с братом из женских комнат, он принял мгновенное решение и, прежде чем разойтись с ним, сказал:

- Ты просил у меня случая показать свое мужество. Я не откажу тебе в этом. Тапуры восстали, и я отправил войско к их границам. Отправляйся в Рагэ, прими

главное начальство над войском и покажи - каков ты есть и что в состоянии сделать!

- Благодарю тебя, брат мой, - воскликнул Бартия. - Позволишь ли ты мне взять с собой моих друзей - Дария, Гигеса и Зопира?

- Я не откажу тебе в этой милости; будьте храбры и не теряйте времени, чтобы через три месяца возвратиться к главной армии, которая отправится весной для наказания массагетов.

- Я отправляюсь завтра же.

- Будь здоров!

- Исполнишь ли ты мою просьбу, если Аурамазда сохранит мою жизнь и я возвращусь победителем?

- Исполню.

- О, в таком случае я одержу победу, если бы даже пришлось с тысячью человек идти против десяти тысяч тапуров. - Глаза юноши сверкали. Он думал о Сапфо.

- Я буду очень рад, если твои красноречивые слова оправдаются на деле. Но погоди, мне нужно еще кое о чем переговорить с тобою. Тебе минуло двадцать лет, и пришла пора жениться. Роксана, дочь благородного Гидарнеса, достигла совершеннолетия. Говорят, что она красавица, да и по происхождению она достойна тебя.

- О, брат мой, не говори мне о женитьбе, я...

- Ты должен жениться, так как я бездетен.

- Но ты молод и не останешься без потомства; да я и не говорю, что не женюсь никогда; не сердись на меня, но именно теперь, когда я должен выказать свое мужество, я не хочу ничего слышать о женщинах.

- В таком случае ты должен жениться на Роксане, возвратясь с севера. Но я советую тебе взять красавицу с собой в поход. Персы обыкновенно сражаются с большей энергией, когда, вместе с самыми дорогими сокровищами в своем лагере, должны защищать красавицу жену.

- Избавь меня от этого, брат мой. Умоляю тебя памятью нашего отца, не навязывай мне жены, которой я не знаю и не желаю знать. Отдай Роксану Зопиру, охотнику до женщин, отдай Дарию или Бессу, которые приходятся родственниками Гидаресу; я был бы несчастлив...

Камбис рассмеялся и воскликнул, прерывая брата:

- Слушая тебя, можно вообразить, что ты перестал быть персом и превратился в египтянина. Право, я уже не раз пожалел, что отправил в чужие страны такого мальчика, как ты! Я не привык допускать противоречия моей воле и, по окончании войны, не приму никаких отговорок. Теперь ты, пожалуй, отправляйся в поход неженатым, так как я не хочу навязывать тебе ничего такого, что могло бы ослабить твое мужество. Впрочем, мне кажется, что ты имеешь другие тайные причины отказываться от моего предложения. В таком случае мне жаль тебя. Теперь поезжай. Но после войны я не стану обращать внимания ни на какое сопротивление! Ты знаешь меня!

- По окончании войны, может быть, я сам попрошу тебя о том, чего теперь не соглашаюсь принять от тебя. Навязывать человеку счастье столь же неблагоприятно, как нехорошо насильно вести его к несчастью. Благодарю тебя за твою уступчивость!

- Остерегайся слишком часто подвергать ее испытанию! Какой у тебя счастливый вид! Мне даже кажется, что ты влюблен и, вследствие этого, презираешь всех других женщин.

Бартия покраснел до корней волос, схватил руку брата и воскликнул:

- Не доискивайся дальше, позволь второй раз поблагодарить тебя и будь здоров. Позволишь ли ты мне после прощания с матерью и Атоссой проститься также и с Нитетис?

Камбис закусил губы, пристально посмотрел на Бартию и, заметив нечто вроде смущения на лице брата, воскликнул отрывисто и грозно:

- Поторопись отправиться к тапурам! Моя жена не нуждается более в твоём покровительстве: у нее есть теперь другие покровители!

С этими словами он отвернулся от Бартии и отправился в залу, блиставшую золотом, пурпуром и драгоценными камнями, где его ожидали военачальники, сатрапы, судьи, казначеи, писцы, советники, евнухи, охранители ворот, проводники чужеземцев, чины царских покоев, одеватели и постельничие, виночерпии, конюшие, главные ловчие, придворные врачи, очи и уши царские и всевозможные посланники.

Ему предшествовали глашатаи с жезлами, а за ним по пятам следовала толпа веероносцев, носителей скамеек, паланкинов, расстилателей ковров, а также писцов, которые записывали каждое приказание своего господина, каждое его обещание, сделанное хотя бы в виде намека, всякую награду или наказание и передавали эти заметки для исполнения надлежащим должностным лицам.

Среди залы, залитой светом, стоял вызолоченный стол, чуть не ломившийся под тяжестью золотых и серебряных сосудов, тарелок, кубков и чаш, расставленных в изящном порядке. В боковой комнате, завешенной пурпуровыми драпировками, стоял маленький стол, уставленный дивно роскошной посудой, которая стоила несколько миллионов. За этим столом обыкновенно обедал царь. Занавес скрывал его от взоров остальных пирующих, между тем как он мог обозревать всю залу и каждое движение своих сотрапезников. Попасть в число этих 'сотрапезников' было величайшей честью, и даже те, которым посылалось какое-нибудь кушанье с царского стола, считали это изъявлением величайшей милости.

Когда Камбис вошел в залу, то почти все присутствовавшие пали ниц перед ним; только его родственники, отличавшиеся голубыми с белым повязками на своих тюрбанах, ограничились почтительными поклонами.

Как только царь сел в своей комнате, его сотрапезники тоже заняли свои места, и начался удивительный пир. На стол ставились целые жареные звери, и когда все утолили свой голод, то прислуга начала подавать в несколько приемов самые редкие лакомства, которые впоследствии приобрели известность даже у греков, под именем персидского десерта.

Затем появились рабы, которые убрали со стола остатки кушаний. Другие слуги принесли гигантские сосуды с вином. Царь вышел из своей комнаты и сел во главе громадного стола; многочисленные виночерпии с привычной легкостью стали наполнять золотые чаши и пробовать вино, чтобы показать, что в нем нет отравы; и вскоре разыгралась одна из тех попоек, при которых впоследствии Александр Великий стал забывать всякую меру и даже дружбу.

В этот раз Камбис был необыкновенно молчалив. Подозрение, что Бартия влюблен в его новую будущую жену, внезапно пробудилось в его душе. Почему шел юноша наперекор обычаю и отказывался от обязанности, налагаемой на него бездетностью царя, жениться на знатной и прекрасной девушке? Зачем ему нужно было еще раз видаться с Нитетис перед отъездом к тапурам? Отчего покраснел он, высказывая эту просьбу? Отчего египтянка, почти не будучи спрошена, сама так усердно расхваливала его?

'Хорошо, что он уезжает, так как он не должен лишить меня любви даже и этой женщины, - думал царь. - Если бы он не был моим братом, то я отправил бы его туда, откуда нет возврата!'

Попойка окончилась за полночь. Явился Богес, начальник евнухов, чтобы отвести Камбиса на женскую половину, куда он обыкновенно отправлялся в этот час, если не был слишком утомлен.

- Федима с нетерпением ожидает тебя, - сказал Богес.

- Пускай ждет! - отвечал царь. - Позаботился ли ты о приведении в порядок дворца в висячих садах?

- Туда можно перебираться завтра.

- Какие комнаты приготовлены для египтянки?

- Бывшее жилище второй жены твоего отца Кира.

- Хорошо. Нитетис следует оказывать величайшее почтение; ты сам не будешь отдавать ей никаких приказаний, кроме тех, которые я захочу передать ей через тебя.

Богес поклонился.

- Наблюдай за тем, чтобы никто, не исключая самого Креза, не говорил с нею, пока мой... пока я не отдам тебе других приказаний.

- Крез был у нее сегодня вечером.

- Что ему было нужно от моей жены?

- Не знаю, так как не понимаю по-гречески; я только слышал, что неоднократно произносилось имя Бартии, и мне кажется, что египтянка получила дурные вести. Она была очень грустна, когда я, после ухода Креза, пришел спросить ее приказаний.

- Да погубит Анхраманью [\[59\]](#) твой язык, - проворчал Камбис, отворачиваясь от евнуха, и последовал за факелоносцами и постельничими, сопровождавшими его в его собственные покои.

В полдень следующего дня Бартия отправлялся со своими друзьями и огромной свитой прислуги на границу Тапурии. Крез провожал юного героя до ворот Вавилона. Перед последним прощанием Бартия шепнул своему престарелому другу:

- Если у посланного из Египта найдется письмо и для меня, то перешли его ко мне.

- Разве ты сумеешь прочесть греческие письма?

- Гигес и Эрос помогут мне!

- Нитетис, которой я говорил о твоём отъезде, просит кланяться тебе и сказать, чтобы ты не забывал Египта!

- Разумеется, не забуду!

- Итак, да хранят тебя боги, сын мой. Будь, подобно отцу твоему, милосерден к бунтовщикам, которые возмутились не из гордости, а ради сохранения сокровища, самого дорогого для человека, то есть свободы. Обдумай также, что гораздо приятнее делать добро, чем проливать кровь, так как меч убивает человека, а доброта и кротость повелителя осчастливливают людей. Покончи с войною как можно скорее, так как она извращает естественный ход вещей: в мирное время сыновья переживают отцов, а в военное - отцы своих сыновей. Будьте здоровы, юные герои, желаю вам стать победителями!

XIII

Камбис провел бессонную ночь. Новое для него чувство ревности усилило его желание обладать египтянкой, которую он не мог еще назвать своей женой, так как, по предписанию персидского закона, царь не мог жениться на иноземке, пока она не освоится со всеми иранскими обычаями и не примет религии Зороастра [\[60\]](#).

По закону для Нитетис требовался целый год приготовлений, чтобы сделаться женой персидского царя; но что значил закон для Камбиса? Он видел воплощение его в своей собственной особе и находил, что для Нитетис достаточно четырех месяцев, чтобы понять все учения магов, и затем можно будет отпраздновать свадьбу.

Другие его жены казались ему в этот день ненавистными и даже возбуждали в нем отвращение. Уже с самой ранней юности его дворец был наполнен женщинами. Прекрасные девушки из всех частей Азии, черноглазые уроженки Армении, ослепительной белизны девушки с Кавказа, нежные девы с берегов Ганга, роскошные вавилонянки, златокудрые персиянки и изнеженные жительницы мидийской равнины - все принадлежали ему. Кроме того, несколько дочерей благороднейших Ахеменидов соединились с наследником престола в качестве его законных жен.

Федима, дочь благородного Отанеса, племянница Кассанданы, матери Камбиса, была до сих пор его любимой женой, или, по крайней мере, единственной женщиной, про которую можно было думать, что она дороже его сердцу, нежели покупная рабыня. Но вследствие дурного расположения духа царя и его пресыщения и она представлялась пошлой и презренной в глазах царя, в особенности же когда он думал о Нитетис.

Ему казалось, что египтянка создана из элементов более благородных, более достойных его, чем другие. Те были льстивые, продажные существа, а Нитетис - царица. Другие пресмыкались во прахе у его ног; когда же он переносился мыслью к Нитетис, то видел, что она стоит так же прямо, величественно и гордо, как он сам. Отныне не только она должна была занять место Федины, но он

намеревался возвеличить ее так же, как когда-то его отец, Кир, возвысил свою жену Кассандану.

Одна только Нитетис могла помогать ему своими познаниями и советами, между тем как другие жены, невежественные, точно дети, жили только для того, чтобы заниматься нарядами и уборами, были мелочными интриганками и сплетницами. Египтянка должна была любить его, так как он был ее опорой, властелином, отцом и братом в чужой стране.

'Она должна любить меня', - говорил он себе, и желание тирана казалось ему столь же веским, как и свершившийся факт. 'Пусть Бартия остерегается, - проворчал он про себя, - иначе он узнает, что ждет того, кто вздумает стать мне поперек дороги!'

Нитетис также провела беспокойную ночь.

В сборной женской зале, прилегавшей к ее комнатам, пели, возились и шумели до полуночи. Не раз узнавала она визгливый голос Богеса, шутившего и смеявшегося с подвластными ему женщинами. Когда, наконец, воцарилось спокойствие в обширных комнатах дворца, она перенеслась мыслью на далекую родину, к бедной Тахот, грустившей о ней и о красавце Бартии, который, по рассказам Креза, шел, может быть, на смерть. Потом, измученная продолжительным путешествием, она заснула в мечтах о Камбисе. Он приснился ей скачущим на своем вороном коне. Взбесившееся животное испугалось трупа Бартии, лежавшего поперек дороги, и сбросило с себя царя в волны Нила, которые внезапно сделались кровавыми. В ужасе она звала на помощь, но ее крик находил отголосок только у пирамид и делался все громче и ужаснее, пока она не проснулась от этого страшного эха.

Но что это такое? Плачевный и дребезжащий звук, слышанный ею во сне, еще и теперь наяву раздавался в ее ушах.

Она распахнула ставни и выглянула в окно. Перед ее глазами раскинулся большой, великолепный сад, с бьющими фонтанами и длинными аллеями, орошенный утренней росой. Ничего не было слышно, кроме прежнего странного звука; но и этот звук постепенно замер в утреннем ветре. Вскоре она услышала шум и гам вдали, затем пробудилась жизнь в гигантском городе, после чего до нее стал доноситься глухой гул, подобный ропоту моря.

Утренняя прохлада окончательно пробудила Нитетис, и потому она, не думая ложиться снова, подошла вторично к окну. Она увидела двух людей, выходивших из снимаемого ею дома. В одном из них она узнала евнуха Богеса, разговаривавшего с прекрасной, небрежно одетой персиянкой. Фигуры

приближались к ее окну. Нитетис спряталась за полуотворенный ставень и стала прислушиваться, так как ей показалось, что было произнесено ее имя.

- Египтянка спит еще, - сказал евнух, - она, вероятно, устала с дороги.

- Так отвечай же скорее, - проговорила персиянка, - неужели ты действительно думаешь, что мне может грозить опасность со стороны этой иноземки.

- Конечно, моя куколка.

- Что заставляет тебя предполагать это?

- Новая жена не будет слушаться моих приказаний, только повелений самого царя.

- И это все?

- Нет, мое сокровище; но я знаю царя и умею читать в его лице так же хорошо, как в священных книгах.

- Так мы должны погубить ее!

- Это легко сказать, но трудно исполнить, моя голубка.

- Пусти меня, бесстыдник!

- Да ведь нас никто не видит, а ты еще будешь иметь во мне нужду.

- Пусть будет так; но говори скорее, что надо делать?

- Благодарю, мое сердце, Федима! Итак, на первый раз мы должны сидеть смирно и выжидать удобного случая. Когда уберется Крез, этот отвратительный лицемер, по-видимому, принимающий участие в египтянке, надо будет устроить ловушку.

Разговаривавшие отошли так далеко, что Нитетис не могла понять ничего более. В немом негодовании она закрыла ставни и позвала служанок, чтобы они одевали ее. Теперь она знала своих врагов и понимала, что ее ожидают тысячи опасностей. Однако же она чувствовала себя гордой и свободной, так как должна была сделаться законной женой Камбиса. Никогда еще не было в ней так сильно чувство собственного достоинства, как теперь, при виде этих негодяев. Удивительная уверенность в победе наполняла ее сердце, в котором жила твердая вера в магическую силу правды и добродетели.

- Что такое означал ужасный звук, слышанный мною сегодня утром? - спросила она первую из своих персидских горничных, убравшую ей голову.

- Ты, вероятно, говоришь о звучащей меди, госпожа?

- Часа два тому назад я проснулась в испуге от каких-то странных звуков.

- Это была звенящая медь, повелительница моя, она ежедневно служит знаком пробуждения для мальчиков из знатных семейств, которых воспитывают у царских ворот. Ты привыкнешь к этому звуку. Мы с давних пор даже и не слышим его; напротив, мы просыпаемся именно от необычайной тишины, когда порой, по праздникам, его не бывает слышно. Во всяком случае, тебе можно будет наблюдать, как каждое утро, несмотря на холод или жару, водят купаться толпу мальчиков. Бедных детей уже на седьмом году от рождения берут от матерей, чтобы вместе с другими сверстниками воспитывать на глазах царя.

- Неужели они уже так рано знакомятся с пышностью царского двора?

- О, нет, бедным детям приходится очень плохо! Они должны спать на твердой земле и вставать с восходом солнца; их кормят хлебом и водой, с прибавлением незначительного количества мяса. О чем-либо другом, так же как и о вине, они не имеют никакого понятия. Иногда они даже бывают принуждены голодать и томиться жаждой по несколько дней кряду, без всякой необходимости; говорят, что это делается для того, чтобы приучить их к лишениям. Когда мы живем в Пасаргадэ, то в самый холод их непременно водят купаться; если же мы проживаем здесь или в Сузах, то чем жарче печет солнце, тем труднейшие заставляют их делать прогулки.

- И такие закаленные, так сурово воспитанные мальчики превращаются в подобных сластолюбивых мужчин?

- Да ведь оно всегда так бывает. Чем дольше приходится голодать, тем блюда кажутся вкуснее! Такой знатный юноша, ежедневно видя весь этот блеск и будучи принужден переносить всякого рода лишения, в то же время знает, что он богат. Что же тут удивительного, если он, когда с него снимут узду, станет наслаждаться всеми радостями жизни с удовольствием вдесятеро сильнейшим? А когда приходится выступать в поход или отправляться на охоту, тогда он не сетует, если случится поголодать или протомиться жаждою; тогда он со смехом полезет в грязь, несмотря на тонкие сапоги и пурпурные шаровары, и уснет на камне так же спокойно, как на ложе из нежной аравийской шерсти. Посмотрела бы ты, какие штуки выкидывают мальчики, в особенности когда знают, что царь смотрит на их упражнения! Камбис, вероятно, возьмет тебя когда-нибудь с собою, если ты попросишь его.

- Мне это знакомо. В Египте всю молодежь, как мальчиков, так и девушек, заставляют принимать участие в подобных телесных упражнениях. И мои мышцы также сделались сильными вследствие беганья, искусственных поз и игр в мячи и кольца.

- Как это странно! Мы, женщины, растем здесь как хотим и не учимся ничему другому, как только немножко ткать и прясть. Правда ли, что большая часть египтянок умеют даже писать и читать.

- Почти всех дочерей знатных родителей учат этому.

- Клянусь Митрой, вы должны быть умным народом! А у нас, кроме магов и писцов, немногие учатся таким трудным наукам. Знатных мальчиков не учат ничему другому, как только говорить правду, быть послушными и храбрыми, почитать богов, охотиться, ездить верхом, сажать деревья и различать травы. Тот, кто хочет выучиться писать, должен впоследствии обращаться к магам, по примеру благородного Дария. А женщинам даже запрещено заниматься подобными науками. Ну, вот теперь ты готова. Эта жемчужная нить, которую царь прислал тебе сегодня утром, великолепно подходит к твоим черным как смоль волосам. Позволь попросить тебя приподняться. А ведь и эти башмачки слишком велики для тебя. Примерь вот эту пару! Ты сияешь, точно богиня, но сейчас заметно, что ты еще не привыкла к широким шелковым шароварам и загнутым носкам башмаков. Пройдись только раз-другой, взад и вперед, и тогда ты даже и походкою превзойдешь всех персиянок!

В эту минуту послышался стук в дверь и вошел евнух Богес, чтобы вести Нитетис к слепой Кассандане, где ее ожидал Камбис.

Богес имел вид самого почтительного раба и рассыпался потоком самых льстивых и цветистых фраз, уподобляя Нитетис солнцу, звездному небу, чистому источнику счастья и розовому саду. Нитетис не удостоила его ни единым словом и с сильно бьющимся сердцем вошла в комнату матери царя.

Окна в этой комнате были завешены занавесями из шелковой индийской материи зеленого цвета, смягчавшими яркий полдневный свет солнца, вследствие чего в комнате царил полумрак, благодетельный для глаз ослепшей царицы. Пол был устлан тяжелым вавилонским ковром, в котором ноги утопали, точно во мху. Стены были покрыты мозаикой из слоновой кости, черепахи, серебра, малахита, ляпис-лазури, черного дерева и янтаря. Золотая мебель была застелена львиными шкурами, а стол, поставленный около Кассанданы, был сделан из чистого серебра. Она сама, одетая в платье из голубой материи, сидела на дорогом кресле. Ее белоснежные волосы были прикрыты длинной вуалью из самых тончайших египетских кружев, концы которой окружали ее шею и образовывали у подбородка огромный бант. В этой рамке из кружев лицо слепой шестидесятилетней старухи, с его правильными чертами, представлялось вполне прекрасным и, вместе с высоким умом, носило на себе отпечаток глубокой душевной доброты и теплого человеколюбия.

Ослепшие глаза старухи были закрыты, но можно было ожидать, что если они откроются, то засияют, как две светлые кроткие звезды. Фигура сидящей обличала высокий рост. Вся она, стройная и величественная, была достойна великого и мягкосердечного Кира.

На небольшой скамеечке сидела у ног старухи ее младшая, уже поздно родившаяся дочь Атосса и вытягивала длинные нити из своей золотой прялки. Против слепой стоял Камбис, а в глубине комнаты, полускрытый в тени, помещался египетский глазной врач Небенхари.

Когда Нитетис переступила порог этой комнаты, царь пошел к ней навстречу и подвел ее к матери. Дочь Амазиса упала на колени перед почтенной царицей и с искренним чувством припала губами к ее руке.

- Добро пожаловать к нам, - воскликнула слепая, положив свою руку на голову девушки. - Я слышала о тебе много хорошего и надеюсь, что ты будешь мне доброй дочерью.

Нитетис опять поцеловала нежную руку царицы и тихо проговорила:

- Как я благодарна тебе за эти слова! Позволь мне называть тебя, супругу Кира, своей матерью. Мой язык, привыкший произносить это сладостное имя, дрожит от восторга, что может теперь, по прошествии многих недель, снова произнести это слово - 'мать моя!'. О, я приложу всевозможные старания, чтобы сделаться достойною твоей доброты; но я надеюсь, что и с твоей стороны найду осуществление того, что обещает мне твое милое лицо. Помогите мне своими советами и наставлениями в этой чужой стороне; дозволяйте мне найти убежище здесь, у твоих ног, когда мною овладеет тоска и сердце не в состоянии будет, в своем одиночестве, перенести горе или радость; будь для меня всем тем, что заключается в этих двух словах: мать моя!

Слепая почувствовала, что горячие слезы оросили ее руку. Она запечатлела нежный поцелуй на челе плачущей девушки и сказала:

- Я вполне сочувствую тебе! Как мое сердце, так и мои комнаты всегда будут открыты для тебя, и, подобно тому как я от души называю тебя дочерью, так и ты с полным доверием называй меня матерью. Через несколько месяцев ты сделаешься женою моего сына, а затем, может быть, боги ниспошлют тебе сокровище, которое заставит тебя забыть о матери, так как ты тогда сама познаешь чувство материнства!

- Да ниспошлет для этого Аурамазда свое благословение! - воскликнул Камбис. - Я очень рад, мать моя, что и тебе прихлалась по сердцу будущая жена моя; я знаю, что ей понравится у нас, как только она ознакомится с нашими

персидскими нравами и обычаями. Если она окажется понятливою, то наш брак может быть совершен через четыре месяца.

- Но закон... - хотела возразить Кассандана.

- Я приказываю: через четыре месяца! - воскликнул царь. - И посмотрел бы я, кто осмелится восставать против этого! Теперь прощайте! Наблюдай за глазами царицы, Небенхари, и если моя жена позволит, то ты можешь, в качестве ее земляка, посетить ее завтра. Будьте здоровы; Бартия вам кланяется; он уже находится в пути к тапурам.

Атосса молча отерла слезу, а Кассандана сказала:

- Ты мог бы оставить его с нами еще хотя бы на несколько месяцев. Твой полководец Мегабиз и без него сумеет наказать маленький народ тапуров.

- В этом я не сомневаюсь, - отвечал царь, - но Бартия сам с нетерпением ожидал случая отличиться на воинском поприще, поэтому-то я послал его в поход.

- А разве он не остался бы охотно дома до начала большой массагетской войны, в которой можно приобрести больше славы? - спросила слепая.

- А если его пронзит тапурская стрела! - воскликнула Атосса. - Тогда ты будешь виноват в том, что помешал ему исполнить священнейший долг человека - отомстить за смерть нашего отца!

- Молчи, - крикнул Камбис сестре, - пока я еще не показал тебе, как должны вести себя женщины и дети! Баловень счастья Бартия останется здоров и невредим и заслужит на деле ту любовь, которою его ни за что ни про что осыпают в настоящее время.

- Как можешь ты говорить подобным образом? Разве твоего брата не украшают все мужские добродетели? И разве виноват он в том, что не имел еще случая, подобно тебе, отличиться в бою? - спросила Кассандана. - Ты - царь, и я уважаю твои приказания; но сына своего я намерена пожурить за то, что он, неизвестно почему, лишает свою старую мать величайшей радости ее жизни. Бартия мог бы остаться и у нас до массагетской войны; но, по своему упрямству, ты устроил иначе...

- Все, что я задумываю, бывает хорошо! - прервал Камбис, щеки которого побледнели. - Я не желаю никогда более говорить об этом деле!

С этими словами он быстро вышел из комнаты и, сопровождаемый своей огромной свитой, никогда его не покидавшей, направился в приемную залу.

Прошел уже целый час с тех пор, как Камбис оставил комнату матери, а Нитетис все еще сидела у ног старухи, вместе с очаровательной Атоссой.

Персиянки прислушивались к рассказам новой собеседницы и не переставали расспрашивать о чудесах Египта.

- О, как охотно я побывала бы в твоём отечестве! - воскликнула Атосса. - Ваш Египет должен иметь совершенно иной вид, чем Персия и все до сих пор виденное мною. Плодородные берега громадной реки, которая еще больше нашего Евфрата, храмы богов со множеством пестрых колонн, искусственные горы, называемые пирамидами, где погребены цари глубокой древности, - все это, должно быть, удивительное зрелище! Но лучше всего мне представляются ваши пиры, во время которых мужчины и женщины могут непринужденно общаться друг с другом. А мы, жены персов, хотя и можем пировать в новый год и в день рождения царя вместе с мужчинами, но нам строго запрещается разговаривать, и даже было бы сочтено неприличным, если бы мы вздумали поднять глаза. А как все иначе у вас! Клянусь Митрой, матушка, мне хотелось бы сделаться египтянкой, так как мы, бедные, - не более как ничтожные рабыни; а между тем я чувствую, что я дочь великого Кира и нисколько не хуже любого мужчины. Разве я не говорю правду, разве я не могу повелевать и исполнять приказания, разве я не мечтаю о славе, разве я не могла бы научиться ездить верхом, натягивать лук, фехтовать и плавать, если бы только мне было позволено укрепить мои силы подобными упражнениями?

Девушка вскочила с своего места, глаза ее сверкали, и она размахивала веретеном, не обращая внимания на то, что лен спутался и нить оборвалась.

- Подумай, что это совершенно неприлично, - уговаривала ее Кассандана. - Женщина должна со смирением подчиняться своей доле и не стремиться подражать мужчине.

- Но ведь есть женщины, живущие подобно мужчинам. У Фермодона в Фемесцире и у реки Ириса в Комане живут те амазонки, которые вели большие войны и еще поныне ходят в воинских доспехах мужчин.

- От кого ты знаешь об этом?

- От моей няни, старой Стефанионы из Синона, привезенной нашим отцом в Пасаргадэ в качестве военнопленной.

- Я же расскажу тебе кое-что другое, - проговорила Нитетис. - В Фемисцире и Комане, разумеется, есть множество женщин, носящих одежду мужчин, и женщин военного сословия; но все эти женщины не более как жрицы, имеющие обыкновение одеваться подобно воинственной богине, служению которой они посвятили себя; они делают это для того, чтобы предстать перед

молящимися как бы воплощением божества; Крез говорит, что войско амазонок никогда не существовало, но греки, которые из всего умели всегда сделать прекрасное сказание, превратили вооруженных девственниц в целую нацию воинственных женщин.

- Но ведь, в таком случае, они лгуны? - воскликнула разочарованная девушка.

- Разумеется, - соглашалась Нитетис, - для эллинов истина не так священна, как для вас; сочинять подобные сказки и распевать их перед удивленными слушателями в прекрасных стихах известного размера они называют не ложью, а стихотворством!

- Точь-в-точь как и у нас, - сказала Кассандана. - Ведь певцы, воспевавшие славу моего супруга, удивительным образом извратили и разукрасили историю юных лет Кира, однако же их не называют за это лгунами. Но скажи мне, дочь моя, неужели справедливо, что эти эллины прекраснее других людей и гораздо более сведущи во всех искусствах, чем египтяне?

- Об этом я не могу судить. Наши художественные произведения так отличны от произведений искусства эллинов! Когда я входила в наши громадные храмы, чтобы помолиться, то мне всегда казалось, что я должна упасть во прах перед величием богов и просить их не уничтожать меня, маленького червя; но на ступенях храма Геры в Самосе я воздела руки к небу и с восторгом благодарила богов за то, что они сотворили землю столь прекрасной. В Египте я всегда думала, как меня учили, что 'жизнь есть сон, а к настоящей жизни мы пробудимся только в смертный час, в царстве Осириса'; а в Греции я думала: 'я рождена для жизни и наслаждений благами этого мира, который цветет и сияет передо мною в такой дивной красе'.

- О, расскажи нам побольше о Греции! - воскликнула Атосса. - Но пусть Небенхари сперва сделает перевязку на глазах матери.

Глазной врач, высокий, серьезный человек, в белой одежде египетских жрецов, принялся за свое дело и по окончании его молча удалился в глубину комнаты, после того как Нитетис дружески приветствовала его. В комнату вошел евнух и осведомился, может ли Крез засвидетельствовать свое почтение матери царя.

Вскоре затем явился лидиец и, в качестве старого, испытанного друга царского дома, был принят с сердечной радостью. Неугомонная Атосса бросилась к нему на шею, царица протянула ему руку, а Нитетис приветствовала его как нежно любимого отца.

- Приношу благодарность богам, что они допустили меня снова увидеться с вами, - воскликнул бодрый старик. - В мои лета нужно смотреть на всякий год

как на незаслуженный дар со стороны богов, между тем как юность считает жизнь за нечто законное, за собственность, составляющую ее исключительное достояние.

- Как завидую я твоему радостному воззрению на мир, - со вздохом проговорила Кассандана. - Я моложе тебя, но каждый новый день, рассвета которого боги не позволяют мне видеть, я считаю новым наказанием бессмертных.

- Неужели это говорит супруга великого Кира? - спросил Крез. - С каких пор исчезла надежда и уверенность из мужественного сердца Кассанданы? Говорю тебе, ты прозреешь снова и, подобно мне, станешь благодарить богов за счастливую и глубокую старость. Кто был серьезно болен, тот сумеет во сто крат более оценить то счастье, которое дается нам здоровьем. Кто был слеп и снова прозрел, тот, несомненно, принадлежит к избранным любимцам богов. Представь себе только восторг, который охватит тебя, когда после многих лет мрака ты снова увидишь блеск солнца, черты дорогих твоему сердцу лиц и всю красу мироздания; и признайся, что торжественность этой минуты может вознаградить за целую жизнь, проведенную во мраке и слепоте. Когда ты будешь исцелена в старости, то для тебя настанет новая, юная жизнь, и я предчувствую, что ты согласишься с моим другом Солоном.

- А что такое он говорил? - спросила Атосса.

- Он желал, чтобы Мимнерм Колофонский [\[61\]](#), утверждавший, что приятная жизнь кончается с шестидесятым годом, исправил свои стихи и вместо шестидесяти написал восемьдесят.

- О нет, - воскликнула Кассандана, - такая продолжительная жизнь устарила бы меня даже и тогда, если бы Митра сообразовал возратить мне свет очей моих. Лишаясь моего супруга, я уподобляю себя путнику, блуждающему в пустыне без цели и проводника.

- Ты забываешь о своих детях и об этом государстве, которое образовалось и возвеличилось на твоих глазах.

- О нет! Но дети более не нуждаются во мне, а властитель этого государства не желает обращать внимания на советы женщины.

При этих словах Атосса схватила правую, а Нитетис - левую руку царицы и египтянка воскликнула:

- Ради твоих дочерей, ради нашего счастья, ты должна желать себе долговременной жизни. Что стали бы мы делать без твоего покровительства и твоей помощи?

Кассандана улыбнулась и едва слышно проговорила:

- Вы правы, дети мои, вы будете иметь нужду в матери.

- По этим словам я узнаю супругу великого Кира, - воскликнул Крез, целуя одежду слепой. - Говорю тебе, Кассандана, что в тебе будут нуждаться, и притом, может быть, очень скоро! Камбис - это твердый металл, который, ударяя обо что-нибудь, отовсюду извлекает искры. Твоя обязанность - заботиться о том, чтобы эти искры не заронили пожара в кругу тех, кто всего дороже твоему сердцу. Одна ты можешь сдерживать вспышки царя своими увещаниями. Только одну тебя он считает равною себе по происхождению, он презирает мнение людей, но ему неприятно порицание матери. Поэтому твоя обязанность - оставаться на своем посту в качестве посредницы между царем, государством и своею семьей, и заботиться о том, чтобы гордость твоего сына не была унижена карою богов, вместо твоего порицания.

- О, если бы у меня была возможность достигнуть этого! - отвечала слепая. - Но как редко мой гордый сын обращает внимание на советы своей матери!

- Но он, по крайней мере, принужден будет выслушивать, что советует ему мать, - возразил Крез, - уже и этим будет достигнуто многое, потому что если бы он даже и не последовал твоим наставлениям, то все-таки они, подобно голосам богов, будут звучать в его груди и удерживать его от многих проступков. Я останусь твоим союзником, так как и я, которому отец, умирая, поручил помогать сыну советом и делом, решаюсь иногда противопоставлять мое смелое слово его сумасбродствам. Из всего двора мы двое - единственные люди, порицания которых он боится. Будем мужественны и станем добросовестно исполнять свой долг увещателей: ты - из любви к Персии и к твоим детям, я - из благодарности к великому человеку, который некогда даровал мне жизнь и свободу. Я знаю, ты сетуешь, что не воспитала его иначе; но позднего раскаяния следует избегать, как вредоносного яда. Не раскаяние, а 'улучшение' - вот целительное средство для ошибок мудрых; так как раскаяние терзает сердце, а улучшение наполняет его благородной гордостью и заставляет его биться свободнее.

- У нас в Египте, - сказала Нитетис, - раскаяние считается даже в числе сорока двух смертных грехов. 'Ты не должен терзать своего сердца', - гласит одна из наших заповедей.

- Этими словами, - кивнул старик Крез, - ты напоминаешь мне, что я взялся обучать тебя персидским обычаям, религии и языку. Я охотно удалился бы в Барену, город, подаренный мне Киром, чтобы отдохнуть там в мирной и очаровательнейшей из горных долин; но остаюсь здесь ради тебя и ради царя и буду продолжать заниматься с тобой персидским языком. Сама Кассандана

посвятит тебя во все обычаи, которым следуют женщины при здешнем дворе, а верховный жрец Оропаст, по приказанию царя, ознакомит тебя с учением иранской религии.

Нитетис, до тех пор радостно улыбаясь, теперь опустила глаза и, понизив голос, спросила:

- Неужели я должна отречься от богов моей родины, которым я молилась до настоящего дня и которые постоянно ниспосылали мне свои милости? Разве я смею и могу забыть их?

- Ты обязана, можешь и даже непременно должна сделать это, - выразительно проговорила Кассандана, - так как жена не должна иметь никаких друзей, кроме друзей мужа. А так как боги - самые могущественные, верные и первые друзья мужа, то, в качестве жены, ты обязана почитать их, и, подобно тому как ты заперла бы двери другим женихам, ты должна отвести свое сердце от богов и суеверия своего прежнего отечества.

- Притом же, - сказал Крез, - ведь у тебя не отнимают богов, они будут существовать для тебя, только под другим именем. Подобно тому как истина вечно остается неизменной, станешь ли ты называть ее 'таа' на языке египтян или 'aichtheia' по-эллински, так никогда и нигде не изменяется и сущность божества. Возьми пример с меня, дочь моя. Когда я еще был царем, то с неподдельным благоговением приносил жертвы эллинскому Аполлону и нисколько не предполагал оскорбить этим делом набожности лидийского бога солнца Сандона; ионийцы искренне поклоняются азиатской Кибеле ^[62], а теперь, после того как я превратился в перса, я с молитвою воздеваю руки к Митре, Аурамазде и прекрасной Анахит ^[63]; Пифагор, учения которого не чужды и тебе, молится только одному божеству. Он называет его Аполлоном, потому что от этого божества, так же как от бога солнца у эллинов, исходят чистый свет и гармония, которые для него превыше всего. Наконец, Ксенофан Колофонский ^[64] насмехается над многоразличными богами Гомера и возводит на престол единое божество: неутомимо созидающую силу природы, сущность которой составляют мысль, разум и вечность. Из нее произошло все, она есть сила, остающаяся вечно равною самой себе, между тем как материя мироздания, в постоянном изменении, возобновляется и дополняется. Неудержимое стремление к высшему существу, в котором мы могли бы найти опору, когда недостает наших собственных сил; странное, живущее в нашей душе влечение - иметь молчаливого поверенного для всех страданий и радостей, волнующих наше сердце; благодарность наша при виде этого прекрасного мира и всех благ, которые так щедро расточаются на нашу долю, - мы называем благочестием. Сохрани в себе это чувство, но обдумай, что миром управляют не отдельно египетские, греческие и персидские боги, а что все они

суть одно единое и нераздельное божество, в каких бы различных и многообразных видах ни представляли и ни изображали его, и что оно держит в своей власти судьбы всех людей и народов.

Персиянки с удивлением прислушивались к словам старика. Вследствие неразвитой способности понимания, они не могли следить за течением мысли Креза, но Нитетис вполне поняла его и воскликнула:

- Ладикейя, моя мать, ученица Пифагора, преподавала мне нечто подобное; но египетские жрецы называют эти воззрения греховными, а их изобретателей - богохульниками. Поэтому я старалась подавить в себе подобные мысли. Теперь же я не буду более делать этого. То, во что верит мудрый и достойный Крез, не может быть безбожным. Пусть приходит Оропаст! Я готова внимать его учению и превратить нашего Аммона, бога Фив, в Аурамазду, а Исиду или Гагор - в Анахит. Я буду с благоговением взирать на божество, объемлющее весь мир, которое заставляет и здесь все зеленеть и цвести и изливает радость и утешение в сердца персов, обращающихся к нему с молитвой.

Крез улыбнулся. Он полагал, что Нитетис не так легко отречется от богов своей родины, потому что ему была известна непоколебимая привязанность египтян к старым традициям и ко всему, привитому воспитанием; но он не принял в соображение, что мать Нитетис была эллинка и что учение Пифагора не осталось безызвестным дочерям Амазиса. Наконец, он не подозревал горячего сердечного желания девушки приобрести благосклонность гордого властелина. Сам Амазис, несмотря на свое глубокое уважение к самосскому мудрецу, на свою податливость к влиянию эллинов и на вполне заслуженное звание свободномыслящего египтянина, скорее пожертвовал бы жизнью, чем променял бы своих многообразных богов на общее понятие о 'божестве'.

- Ты - понятливая ученица, - сказал Крез, кладя руку на голову девушки. - В награду за это тебе будет разрешено каждое утро и после полудня, до захода солнца, или посещать Кассандану, или принимать Атоссу в висячих садах.

Это радостное известие было принято громким восклицанием восторга со стороны молодой персиянки, а египтянка отвечала взглядом, полным благодарности.

- Кроме того, - продолжал Крез, - я привез вам из Саиса шары и обручи, чтобы вы могли забавляться играми по-египетски.

- Шары? - с удивлением спросила Атосса. - Что же мы будем делать с тяжелыми деревянными шарами?

- Не беспокойся, - смеясь сказал Крез, - шары, о которых идет речь, у нас сделаны очень аккуратно и изящно из надутой воздухом рыбьей шкуры или

кожи. Их может бросать двухлетний ребенок, между тем как вы не были бы в состоянии поднять один из тех деревянных шаров, которыми играют персидские мальчики и юноши. Довольна ли ты мной, Нитетис?

- Как благодарить мне тебя, мой отец?

- Прослушай еще раз, как будет разделено твое время в течение дня: утром - посещение Кассанданы, разговор с Атоссой и слушание наставлений достойной матери.

Слепая утвердительно кивнула головой.

- Около полудня буду являться к тебе я и, разговаривая о Египте и о твоих родных, - если ты согласна, - давать тебе уроки персидского языка.

Нитетис улыбнулась.

- Через день будет приходить к тебе Оропаст, чтобы посвящать тебя в религию персов.

- Я приложу все старания, чтобы как можно быстрее понимать его.

- Послеобеденное время ты будешь проводить с Атоссой сколько захочешь. Довольна ли ты?

- О, Крез! - воскликнула девушка, целуя руку старика.

XIV

На следующий день Нитетис перебралась в домик в висячих садах и стала вести там уединенную, но трудолюбивую жизнь по расписанию Креза. Каждый день ее переносили в наглухо закрытом паланкине к Кассандане и Атоссе.

Слепая царица вскоре сделалась для нее любящей матерью, которой она отвечала взаимностью, а веселая, неукротимая дочь Кира почти заменила египтянке ее сестру Тахот, оставленную на далеких берегах Нила. Нитетис не могла пожелать себе лучшей собеседницы, чем эта своенравная девочка, которая своими шутками и веселостью умела не допустить, чтобы тоска по родине и недовольство овладели сердцем ее подруги. Веселый нрав одной разгонял серьезность другой, и сумасбродная резвость персиянки превращалась в умеренную веселость под влиянием ровной и полной достоинства манеры поведения, которая была свойственна Нитетис.

И Крез, и Кассандана были равно довольны новой дочерью и ученицей. Маг Оропаст ежедневно расхваливал Камбису способности и прилежание девушки; Нитетис делала необычайно быстрые успехи в персидском языке; царь посещал свою мать только тогда, когда надеялся встретить там египтянку, и ежедневно осыпал ее различными драгоценными подарками и платьями. Величайшую

милость он выказывал ей тем, что никогда не бывал у нее в ее загородном доме в висячих садах. Подобного рода обращением он давал понять, что намерен включить Нитетис в число своих немногих законных жен, - милость, которой не могли похвалиться многие девушки царского рода, жившие в его гареме.

Прекрасная, серьезная девушка производила на неукротимого грозного царя странное, магическое впечатление. Одного ее присутствия было, по-видимому, достаточно для того, чтобы смягчить его упрямство. По целым дням он смотрел на игру в обруч и не переставал следить взглядами за грациозными движениями египтянки. Однажды, когда мяч упал в воду, Камбис бросился за ним в своих тяжелых драгоценных одеждах и вытащил его. Нитетис громко вскрикнула, когда царь вздумал оказать ей эту рыцарскую услугу; Камбис же, улыбаясь, подал ей игрушку, с которой стекала вода, и сказал: 'Будь осторожнее, а то мне придется часто пугать тебя!' При этом он снял со своей шеи золотую, осыпанную драгоценными камнями цепь и подарил ее зардевшейся девушке, которая поблагодарила его взглядом, вполне выражавшим все, что чувствовало ее сердце к будущему супругу.

Крез, Кассандана и Атосса очень скоро заметили, что Нитетис любит царя. Действительно, ее страх перед могущественным, гордым мужчиной превратился в пламенную страсть. Ей казалось, что, лишившись его лицезрения, она умрет. Его особа представлялась ей столь блестящей и всемогущей, как какое-нибудь божество, а желание назвать его своим она считала заносчивым и даже греховным, исполнение этого желания казалось ей событием еще более счастливым, нежели самое возвращение на родину и свидание с теми, кого она исключительно любила до сих пор.

Она вряд ли сама отдавала себе отчет в этой страсти и старалась уверить себя, что она только боится Камбиса и перед его приходом дрожит не от волнения, а от страха. Крез скоро рассмотрел все это и вызвал яркую краску на щеках своей любимицы, пропев старческим голосом новейшую песенку Анакреона, которую выучил в Саисе от Ивика:

Отметка скакуна - тавро,
Прожженное огнем,
По шапкам издали, легко
Мы парфян узнаем;
А на влюбленных я взгляну
И тотчас в их глазах
Прочту, что нежный знак любви
Написан в их сердцах.

Таким образом, среди занятий и забав, серьезных дел, шуток и взаимной любви проходили дни, недели, месяцы. Слова Камбиса: 'Тебе должно понравиться у нас', - оправдались на деле, и когда прошла месопотамская весна (январь, февраль и март), сменяющая в тех местностях дождливый декабрь, когда во время весеннего равноденствия был отпразднован важнейший праздник жителей Азии - новый год, когда майское солнце начало жечь своим зноем, - тогда Нитетис окончательно освоилась с Вавилоном и все персы узнали, что молодая египтянка вытеснила Федиму, дочь Отанеса, из сердца царя и может наверняка рассчитывать сделаться первой любимой женой Камбиса.

Авторитет начальника евнухов Богеса все более падал, так как всем было известно, что царь не посещает уже гарема и что евнух обязан своим влиянием только одним женщинам, которые обыкновенно должны были выпрашивать у Камбиса все, что Богес желал для себя или для других. Оскорбленный евнух ежедневно совещался с опальной фавориткой Федимой, каким бы образом погубить египтянку; но самые тонкие интриги и ловкие ухищрения оказывались бессильными перед любовью Камбиса и безупречным поведением царской невесты.

Федима, женщина нетерпеливая и жаждавшая мести, постоянно подталкивала осторожного Богеса к решительным действиям; но последний уговаривал ее подождать и потерпеть.

Наконец, по прошествии многих недель, он прибежал к ней сильно обрадованный и сообщил:

- Как только возвратится Бартия, мое сокровище, наступит время действовать. Я придумал маленький план, с помощью которого мы свернем шею египтянке, и это так же верно, как то, что меня зовут Богесом.

При этих словах вечно улыбавшийся евнух потер свои гладкие, мясистые руки и глядел так весело, как будто ему удалось сделать доброе дело. Впрочем, он не выдал Федиме своего плана, даже ни единым намеком, и уклончиво отвечал на ее настойчивые вопросы:

- Я скорее положил бы свою голову в львиную пасть, чем доверил бы свою тайну женскому уху. Я вполне ценю твое мужество, но прошу тебя сообразить, что смелость мужчины выражается в действии, а женщины - в послушании. Поэтому делай то, что я скажу тебе, и терпеливо выжидай, чем порадует тебя будущее.

Глазной врач Небенхари по-прежнему лечил Кассандану, уклоняясь от всякого общения с персами, и, вследствие мрачного, молчаливого характера этого человека, его имя обратилось в прозвище. При дворе стали называть

каждого счастливец 'Бартией', а каждого ипохондрика - 'Небенхари'. Днем египетский врач неслышно присутствовал в комнатах матери царя, занимаясь перелистыванием больших свертков папируса; а по ночам очень часто взбирался, с позволения царя и Тритантехмеса, вавилонского сатрапа, на одну из высочайших башен, для наблюдения за звездами.

Халдейские жрецы - древнейшие ревнители астрономии - предложили ему производить свои наблюдения на вершине большого храма Ваала, бывшего их обсерваторией; но он решительно отказался от этого приглашения и продолжал соблюдать величайшую замкнутость. Когда маг Оропаст захотел объяснить ему знаменитый вавилонский указатель теней, который был введен также и в Греции Анаксимандром Милетским, то он иронически улыбнулся и отвернулся от главы мидийских жрецов, сказав:

- Это было известно нам прежде, чем вы узнали, что такое - час.

Нитетис обходилась с ним очень ласково, но он не обращал на нее никакого внимания и, по-видимому, даже намеренно избегал ее. Когда она однажды спросила его:

- Не видишь ли ты, Небенхари, чего-нибудь дурного во мне или не оскорбила ли я тебя? - то он отвечал:

- Ты - чужая для меня; я не могу причислить к моим друзьям ту, которая так охотно и скоро отказалась от всех самых дорогих сердцу привязанностей, от богов и обычаев своей родины.

Богес скоро заметил, что глазной врач не жалуется будущую супругу царя, и попытался приобрести в его лице союзника; но Небенхари с достоинством отверг его льстивые заискивания, подарки и любезности.

Как только какой-нибудь ангар въезжал на царский двор, привозя известие царю, евнух торопился расспросить его, откуда он и не слыхал ли он чего-либо о войске, посланном против тапуров.

Наконец, явился желанный гонец, привезший известие, что возмущившееся племя снова покорено и что Бартия вскоре возвратится.

Прошло три недели. Один гонец за другим возвещал о приближении победоносного царевича; улицы снова красовались в богатейшем праздничном уборе; войска вступили в Вавилон;

Бартия благодарил ликующий народ и вскоре очутился в объятиях матери.

Камбис также встретил брата с нелицемерной радостью и нарочно повел его к Кассандане, рассчитав, что и Нитетис находится там же.

В сердце царя утвердилось уверенность в любви к нему Нитетис. Он хотел показать Бартии, что он доверяет ему, и считал свою прежнюю ревность безумным заблуждением.

Любовь сделала его кротким и ласковым; его руки не уставали раздавать подарки и делать добро, его гнев дремал, и вавилонские вороны, каркая от голода, кружились теперь вокруг того места, на котором в прежнее время виднелись многочисленные головы казненных, выставленные с целью устрашения.

С падением влияния льстивых евнухов, типа людей, приблизившихся ко двору Кира только вследствие присоединения Мидии, Лидии и Вавилона, где они занимали многие государственные и придворные должности, стало увеличиваться влияние благородных персов из рода Ахеменидов, и, к счастью для страны, Камбис приучился слушаться более советов своих родственников, а не наговоров этих людей.

Престарелый Гистасп, отец Дария и наместник персидских земель в собственном смысле, постоянной резиденцией которого был Пасаргадэ, двоюродный брат царя Фарнасп, его дед с материнской стороны Отанес, его дядя и тесть Интафернес, Аспатипес, Гобриас, Гидарнес, полководец Мегабиз, отец Зопира, посланник Прекасп, благородный Крез, старый герой Арасп - словом, самые знатные родоначальники из семейств персов находились именно теперь при дворе царя.

К тому же все знатные люди целого государства, сатрапы и наместники всех областей и главные жрецы со всех городов собрались в то время в Вавилон, чтобы отпраздновать день рождения царя.

Всевозможные заслуженные люди и депутаты из всех областей стекались в столицу, чтобы поднести властелину подарки, пожелать ему благополучия и принять участие в больших жертвоприношениях, при которых обыкновенно забивали в честь богов тысячи лошадей, оленей, быков и ослов.

В этот торжественный день раздавались подарки всем персам, и каждый мог обратиться к царю с просьбой, которая редко оставалась неисполненной; а народ повсюду кормили в этот день за счет царя. Камбис решил, что по прошествии восьми дней после празднования дня его рождения должна состояться его свадьба с Нитетис и что на нее будут приглашены все вельможи государства.

Улицы Вавилона пестрели приезжими, исполинских размеров дворцы по обеим сторонам Евфрата были переполнены, и все дома красовались в праздничном убранстве.

Эта радость народа, эта толпа, состоявшая из депутатов всех областей, в лице которых вокруг Камбиса было собрано как бы целое государство, немало способствовали увеличению радостного настроения царя.

Его гордость была удовлетворена, а единственная пустота, остававшаяся в его сердце, - недостаток любви - наполнена образом Нитетис. Камбису казалось, что он впервые в жизни может назвать себя вполне счастливым, и он раздавал подарки не только потому, что персидский царь должен был дарить, но и потому, что раздача подарков действительно доставляла ему удовольствие.

Полководец Мегабиз не находил слов для восхваления военных подвигов Бартии и его друзей. Камбис обнял юных героев, одарил их золотыми цепями и лошадьми, назвал их 'братьями' и напомнил Бартии о той просьбе, исполнить которую он обещал в случае, если возвратится победителем.

Когда юноша опустил глаза, не решаясь немедленно высказать своего желания, царь расхохотался и воскликнул:

- Поглядите-ка, друзья, наш юный герой краснеет, точно девушка! Мне сдается, что я буду принужден исполнить какую-нибудь весьма важную просьбу, поэтому пусть Бартия подождет до дня моего рождения, и во время попойки, ободренный вином, шепнет мне на ухо то, о чем он не решается просить теперь. Смотри же, Бартия, потребуй чего-нибудь позначительнее! Я счастлив, и поэтому желаю видеть счастливыми всех своих друзей!

Бартия ответил улыбкой на эти слова и отправился к матери, чтобы теперь в первый раз поделиться с ней желаниями своего сердца.

Он боялся встретить энергичное сопротивление; но Крез весьма искусно подвел мины и наговорил слепой царице так много хорошего о Сапфо, о ее добродетели и привлекательности, так расхвалил ее способности и образование, что девушки уверяли, будто внучка Родопис дала старику напиток, - и поэтому Кассандана согласилась на просьбы своего любимца после небольшого сопротивления.

- Эллинка - законная жена персидского царевича! - воскликнула слепая. - Ведь этого еще никогда не случалось! Что скажет Камбис? Каким образом добьемся мы его согласия?

- Об этом нечего беспокоиться, матушка, - возразил Бартия. - Я так же уверен в согласии моего брата, как и в том, что Сапфо станет украшением нашего дома.

- Крез рассказывал мне много хорошего об этой девушке, и я очень довольна, что ты, наконец, решаешься жениться; но мне кажется, что подобный

брак не приличествует сыну Кира. Да и обдумал ли ты, что ребенка, могущего родиться от этой эллинки, Ахемениды едва ли признают своим царем в том случае, если у Камбиса не окажется сыновей?

- Я не опасюсь ничего, так как и не помышляю о царском венце. Впрочем, ведь многие персидские цари были сыновьями женщин происхождения гораздо более низкого, чем моя Сапфо. Я уверен, что мои родственники не станут порицать меня, когда я покажу им сокровище, которое нашел на берегах Нила.

- Лишь бы только Сапфо была похожа на нашу Нитетис! Я люблю ее, как родную дочь, и благословляю тот день, в который она вступила на нашу землю. Своими нежными взглядами она смягчила непокорный дух твоего брата; ее доброта и кротость утешают меня среди мрака, в который я погружена, и услаждают мою старость; ее кроткая сдержанность превратила твою сестру Атоссу из неукротимого ребенка во взрослую девушку. Позови же теперь наших девушек, играющих внизу в саду; надо сообщить им, что благодаря тебе у них появится новая подруга.

- Прости меня, матушка, - возразил Бартия, - но я попрошу тебя не говорить сестре об этом деле до тех пор, пока мы не получим согласие царя.

- Ты прав, сын мой. Мы должны держать это в тайне от девушек, хотя бы для того, чтобы избавить их от возможного разочарования. Разрушение радостной надежды труднее перенести, чем неожиданное горе; поэтому мы будем ожидать согласия твоего брата. Да ниспошлют тебе боги свое благословение!

Рано утром, в день рождения царя, персы совершали жертвоприношения на берегу Евфрата. На искусственной горе возвышался громадный серебряный алтарь, на котором горело могучее пламя, возносившее к небу благоухания и огромные огненные столбы. Маги в белых одеждах поддерживали огонь, бросая в него искусно нарубленные куски самого лучшего сандалового дерева вперемежку со связками прутьев.

Головы жрецов были обвиты повязками, называемыми поитидана, концы которых прикрывали рот и таким образом не допускали до чистого огня их нечистое дыхание. На лугу, возле реки, закалывали животных, предназначенных в жертву; их мясо разрезалось на куски, посыпалось солью и раскладывалось на нежной траве и клевере, на миртовых цветах и листьях лаврового дерева для того, чтобы ничто мертвое и кровавое не касалось прекрасной дочери Аурамазды, терпеливой, святой земли.

Затем Оропаст, старший из дестуров - персидских жрецов, - подошел к огню и плеснул в него свежего масла. Пламя взметнулось высоко. Все персы упали на

колени и закрыли свои лица, так как думали, что пламя возносится навстречу своему отцу, великому богу. Затем маг взял ступку, бросил туда листья и стебли священного растения гаомы, растолок их и вылил в огонь красноватый его сок, считавшийся пищей богов.

Наконец, он поднял руки к небу и стал петь по священным книгам большую молитву, между тем как другие жрецы постоянно подливали масла в огонь, чтобы он разгорался сильнее. В этой молитве призывалось благословение богов на все чистое и доброе, а прежде всего на царя и на все государство. Воспевались добрые духи света, жизни, правды, благородных дел, щедрой земли, освежающей воды, блестящих металлов, пастбищ, деревьев и чистых творений и проклинались злые духи мрака, лжи, вводящей людей в обман, болезни, смерти, греха, пустыни, ледящего холода и всеистребляющей засухи, отвратительной грязи и всяких нечистых насекомых, вместе с их отцом, злым Анхраманью; наконец, голоса всех присутствовавших соединились в торжественном гимне: 'Чистота и блаженство ожидает непорочного праведника'.

Жертвоприношение завершилось молитвой царя. Затем Камбис, облаченный в самое роскошное одеяние, сел в золотую колесницу, украшенную топазами, сердоликами и янтарями и запряженную четверкой белоснежных низейских коней, и отправился в большую приемную залу, где были собраны все знатные вельможи и депутаты областей.

Как только удалился царь со своей свитой, жрецы выбрали себе лучшие куски жертвенного мяса, а остальное разобрал и унес домой народ.

Персидские боги не принимали жертвы в качестве кушанья, они требовали для себя только души убитых животных, и многие небогатые люди, в особенности жрецы, постоянно питались мясом от обильных царских жертвоприношений.

Подобно тому как молился маг, должны были молиться все персы. Их религия запрещала отдельным лицам вымаливать у богов что-нибудь лично для себя. Напротив того, каждый перс должен был испрашивать у богов счастья для всех персов, а в особенности для царя; каждый отдельный человек считался частью целого и был осчастливлен, когда боги ниспосылали государству свое благословение. Это прекрасное отречение от собственной личности в пользу всех возвеличило персов. Когда же молились за царя, особо, то это делалось потому, что на него смотрели как на олицетворение государства в целом.

Египетские жрецы превращали фараонов в настоящих богов, а персидские называли своих властителей только сынами богов; но на деле первые властвовали гораздо ограниченнее, чем последние, так как персидские цари

сумели уклониться от опеки касты жрецов, которая, как мы видели, если не владычествовала над фараонами, то все-таки умела влиять на них в самых существенных обстоятельствах.

В Азии не имели понятия о нетерпимости египтян, которые старались изгнать с берегов Нила всех иноземных богов. Побезденные Киром вавилоняне могли, после своего присоединения к великой азиатской державе, по-прежнему молиться своим старым богам. Евреи, ионийцы, малоазийцы, одним словом, десятки народов, подчинившихся скипетру Камбиса, продолжали беспрепятственно исповедовать унаследованную от прадедов религию и придерживаться прежних нравов и обычаев.

Таким образом, и в этот день рождения царя в Вавилоне рядом с огненными алтарями магов горело множество других жертвенных огней, зажженных приехавшими на праздник иноверцами во славу богов, которым они поклонялись у себя на родине.

Исполинский город издали уподоблялся необозримой плавильной печи, так как над его башнями носились густые облака дыма, затемнявшие свет жгучего майского солнца.

Когда царь достиг большого парадного дворца, толпа депутатов, устанавливаясь по порядку, образовала необозримое шествие, которое направилось ко дворцу по прямым улицам Вавилона. Миртовые и пальмовые ветви, розы, мак и олеандровые цветы, листья серебристого тополя покрывали все улицы. Ладан, мирра и тысячи других благовоний наполняли воздух, флаги и ковры развевались на всех домах. Радостные возгласы и восторженные клики несметного вавилонского народа (который, будучи покорен персами всего 22 года тому назад, носил, по азиатскому обычаю, свои цепи в виде украшения до тех пор, пока страшился могущества своего властелина) заглушали звуки мидийских труб, нежных фригийских флейт, иудейских кимвалов и арф, афлагонских тамбуринов, ионийских струнных инструментов, сирийских бубнов, раковин и барабанов арийцев с устьев Инда и громкие звуки бактрийских боевых труб.

Благоухание, богатство красок, золото и сверкание драгоценных камней, ржание коней, восторженные возгласы и пение сливались в одно целое, опьянявшее чувства и наполнявшее сердца безумным восторгом.

Ни одно из праздничных посольств не явилось с пустыми руками. Одни привели табун лошадей благородной породы, другие - великанов-слонов и проказниц-обезьян, третьи - носорогов и буйволов, обвешанных попонами и кистями, четвертые - двугорбых бактрийских верблюдов с золотыми обручами вокруг лохматой шеи. Некоторые привозили грузные возы дерева редких

сортов и слоновой кости, драгоценные ткани, серебряные и золотые сосуды, бочки с золотым песком, редкие растения для садов и чужеземных зверей для царского охотничьего парка, меж которыми встречались антилопы, зебры, редкие породы обезьян и птиц. Последние, будучи прикованы цепочками к зеленеющим деревьям, хлопали крыльями и представляли приятное зрелище.

Эти подарки считались данью со стороны покоренных племен. После того как они были показаны царю, их рассматривали и взвешивали казначеи и писцы, которые, найдя их доброкачественными, принимали их или же отказывались принять, если находили их слишком незначительными. В последнем случае скупые данники должны были прислать дополнительную плату вещами двойной ценности.

Шествие беспрепятственно достигло ворот дворца, так как биченосцы и воины, образовавшие стену по обеим сторонам улиц, очищали дорогу от напавшей массы народа.

Если шествие царя к месту жертвоприношения было великолепно (за его колесницей вели пятьсот богато убранных коней), а шествие посланников блистательно, то вид большой тронной залы следовало назвать ослепительным и волшебным.

В глубине этой залы шесть ступеней, каждая из которых была как бы охраняема двумя золотыми собаками, вели к золотому трону. Над ним был растянут пурпурный балдахин, поддерживаемый четырьмя золотыми колоннами, украшенными драгоценными камнями, а на верху балдахина виднелись два крылатых диска, на которых был изображен феруэр ^[65] царя.

Позади трона стояли метлоносцы и веероносцы, знатные придворные чины по обеим сторонам трона - сотрапезники царя, его родственники и друзья, государственные сановники, знатнейшие жрецы и евнухи.

Стены и потолок всей залы были покрыты блестящими золотыми пластинками, а пол устлан пурпурными коврами.

Крылатые быки с человеческими головами лежали, в виде стражей, у серебряных ворот залы, а на дворцовом дворе разместилась почетная стража, чьи копья были украшены золотыми и серебряными яблоками. Поверх пурпурных кафтанов у стражников были надеты золотые панцири; драгоценные камни сверкали на их мечах, имевших золотые ножны, а высокие персидские шапки дополняли наряд. Между ними статностью, ростом и смелыми манерами отличались воины, принадлежавшие к отряду 'бессмертных'.

Докладчики и вводители иностранцев, держа в руках короткие палочки из слоновой кости, сопровождали посланников в залу и мимо трона. Подойдя к его

ступеням, они падали ниц, делая вид, будто хотят целовать землю, и прятали руки в рукавах одежды. Прежде чем они могли отвечать царю на какой-нибудь вопрос, им обвязывали платком нижнюю часть лица, чтобы нечистое их дыхание не коснулось его чистой особы.

Камбис разговаривал ласково или строго, смотря по тому, был ли он доволен подарками и покорностью отдельных областей. Когда, в конце шествия, к его трону приблизилось иудейское посольство, то он весьма любезно повелел остановиться евреям, которым предшествовали два серьезных мужа с резкими чертами лица и длинными бородами.

Первый из них был одет как все знатнейшие и богатейшие из вавилонян; на втором была пурпурная одежда, сотканная из одного куска, украшенная побрякушками и кистями и охваченная голубо-красно-белым кушаком; наряд дополнялся голубой накидкой. На шее у него висел мешочек со священными табличками, украшенный двенадцатью оправленными в золото драгоценными камнями с именами колен Израилевых. Белая повязка с концами, спускавшимися ниже плеч, охватывала строгое чело первосвященника.

- Мне очень приятно видеть тебя, Вельтсазар, - воскликнул Камбис, обращаясь к человеку, облеченному в вавилонские одежды. - После смерти моего отца ты не появлялся у моих ворот!

Тот, к кому относились эти слова, смиренно поклонился и отвечал:

- Милость моего властителя делает счастливым раба твоего. Если, несмотря на то что я недостойн подобной милости, ты желаешь, чтобы солнце твоей благосклонности засияло над твоим рабом, то исполни просьбу моего бедного народа, которому твой великий отец дозволил возвратиться в страну его отцов. Этот старец, стоящий рядом со мной, - Иисус, первосвященник нашего Бога, - не испугался трудностей дальнего пути, ведущего в Вавилон, для того, чтобы высказать тебе эту просьбу. Да будет речь его приятна твоему уху и да падут его слова на плодородную почву в твоём сердце.

- Я догадываюсь, чего вы станете просить, - воскликнул царь. - Справедливо ли мое предположение, жрец, что ваша просьба снова относится к построению храма в вашем отечестве?

- Ничто не может остаться сокровенным для нашего господина, - отвечал первосвященник с низким поклоном. - Рабы твои в Иерусалиме жаждут увидеть лицо своего повелителя и молят тебя моими устами посетить страну их отцов, чтобы они могли получить твое разрешение - продолжать постройку храма, уже дозволенную нам твоим державным родителем, над которым да пребудет милость Божия.

Царь улыбнулся:

- Ты сумел выразить свою просьбу с изворотливостью, свойственной твоему народу, и избрал для этого приличные слова и удобное время! В день моего рождения я вряд ли в состоянии отказать верному мне народу в исполнении его просьбы; поэтому обещаю тебе, в возможно скорейшем времени, посетить прекрасный город Иерусалим и страну твоих отцов.

- Ты глубоко осчастливишь рабов твоих, - отвечал первосвященник. - Наши оливы и виноградники принесут лучшие плоды при твоём приближении, наши ворота широко растворятся для принятия тебя, и Израиль возликует во сретенье [\[66\]](#) своему господину, вдвойне осчастливленный, если увидит в нём нового основателя...

- Пстой, жрец, пстой! - воскликнул Камбис. - Первая ваша просьба, как уже сказано, не останется не исполненной, так как я уже давно имею желание познакомиться с богатым Тиром, золотым Сидоном и твоим Иерусалимом, с его удивительными суевериями и предрассудками; но если бы я уже теперь разрешил вам продолжать постройку храма, то что осталось бы мне даровать вам в следующем году?

- Рабы твои будут приветствовать тебя дарами, а не обременять просьбами, - отвечал жрец, - а теперь произнеси великое свое слово и дозвошь нам построить дом для Бога наших отцов.

- Странные люди, эти палестинцы! - воскликнул Камбис. - Я слышал, что вы веруете в единое божество, которое невозможно изобразить, так как оно есть не что иное, как дух. Неужели же вы думаете, что это воздушное существо нуждается в доме? Поистине, ваш великий дух, должно быть, немощен и жалок, если ему необходима кровля для защиты от ветра, дождя и от зноя, созданных им самим. Если же ваше божество, подобно нашему, есть существо вездесущее, то преклоняйтесь перед ним и молитесь ему так, как делаем это мы, на всяком месте, - и вы, вероятно, будете отовсюду услышаны им!

- Бог Израиля отовсюду внимлет своему народу, - воскликнул первосвященник. - Он внял нашим мольбам, когда мы, далеко от родины, томились в плену у фараона; он услышал нас, когда мы плакали на водах вавилонских! Он избрал твоего отца орудием нашего освобождения, а также и в нынешний день услышит мою молитву и смягчит твое сердце. О, великий царь, соизволь даровать твоим рабам общее место для жертвоприношений, где могли бы соединиться все двенадцать разъединенных колен народа; даруй алтарь, у ступеней которого они могли бы все вместе молиться за тебя; дозвошь построить дом, в котором они могли бы сообща праздновать свои праздники!

За эту великую милость мы будем непрестанно призывать на главу твою благословение Господа и Его кару - на твоих врагов!

- Дозволь моим братьям строить храм! - просил также Вельтсазар, богатейший и влиятельнейший из оставшихся в Вавилоне евреев, которому Кир оказывал большое уважение и даже многократно спрашивал его советов.

- Да разве вы успокоитесь, если я уступлю вашим просьбам? - спросил царь. - Мой отец дозволил вам начать это дело и дал вам средства для его окончания. В полном согласии и совершенно счастливые, отправились вы к себе на родину из Вавилона; но при построении храма между вами вспыхнули раздоры и вражда. Многочисленные просьбы, подписанные самыми различными сирийцами, посыпались к Киру, которого умоляли прекратить постройку, и еще недавно ваши соотечественники самаряне просили меня остановить ее. Поэтому молитесь вашему Богу, где и как хотите; желая вам добра, я никак не могу согласиться на продолжение такого дела, которое возбуждает между вами раздоры и несогласие.

- Неужели ты в сегодняшний день возьмешь назад милость, которую твой отец даровал нам своей царской грамотой? - спросил Вельтсазар.

- Грамотой?

- Она должна еще и поныне храниться в твоём государственном архиве.

- Как только вы отыщете ее и представите мне, - отвечал царь, - я не только соглашусь на построение храма, но даже окажу вам свою помощь. Воля моего отца священна для меня наравне с велением богов!

- Позволишь ли ты мне, - спросил Вельтсазар, - распорядиться, чтобы твои писцы пересмотрели архив в Экбатане, где должен найтись документ?

- Дозволяю; но я боюсь, что вы ничего не найдете. Жрец, скажи своим соотечественникам, что я доволен вооружением воинов, которые были присланы в Персию для похода против массагетов. Мой полководец Мегабиз хвалит их исправку и внешний вид. Было бы желательно, чтобы они сражались так же, как во время войн моего отца! Тебя, Вельтсазар, я приглашаю на мою свадьбу с египтянкой и поручаю тебе передать твоим соотечественникам Месаху и Ава-Него, первым после тебя в Вавилоне, что я ожидаю их сегодня к себе на вечерний пир.

- Господь Бог Израиля да ниспошлет тебе счастье и благословение, - произнес Вельтсазар, отвешивая низкий поклон.

- Это желание твое я принимаю, - воскликнул царь, - так как я считаю бессильным вашего великого духа, будто бы творившего много чудес. Еще одно

слово, Вельтсазар! Несколько евреев недавно издевались над богами вавилонян и были наказаны за это. Предостереги своих соотечественников. Они делаются всем ненавистными вследствие своего упрямого суеверия и того высокомерного тона, с которым имеют дерзость уверять, что ваш великий дух есть единственное истинное божество! Возьмите пример с нас: довольствуясь тем, чем обладаем, мы не мешаем и другим верить по-своему. Не считайте самих себя лучше остальных людей. Я желаю вам добра, так как гордость, проистекая из сознания собственного достоинства, нравится мне; но не допускайте, чтобы эта гордость, в ущерб вам самим, не превратилась в высокомерие! Прощайте и будьте уверены в моей благосклонности.

Евреи удалились весьма разочарованные, но не совсем без надежды, так как Вельтсазар знал наверное, что документ, относящийся к восстановлению Иерусалимского храма, должен найтись в архиве Экбатаны.

За евреями следовало посольство сирийцев и ионийских греков. Последними в шествии были одетые в звериные шкуры люди дикого вида, с каким-то особенным незнакомым складом лица. Их пояса, наплечники, колчаны, секиры и острия копий были грубо сделаны из чистого золота, а на их высоких меховых шапках также виднелись золотые украшения. Впереди их шел человек в персидском одеянии, но по чертам его было видно, что он принадлежит к одной расе с теми, которые следовали за ним.

Царь с удивлением взглянул на послов, приближавшихся к его трону. Его чело омрачилось, и, сделав рукой знак человеку, который вел чужеземцев, он спросил:

- Что нужно от меня этим людям? Если я не ошибаюсь, то они принадлежат к числу тех массагетов, которые вскоре должны будут затрепетать от моей мести. Скажи им, Гобриас, что хорошо вооруженное войско стоит наготове на мидийской равнине, чтобы с мечом в руке дать кровавый ответ на каждое требование!

Гобриас поклонился и сказал:

- Эти люди явились в Вавилон сегодня утром, во время жертвоприношения, и привезли с собой громадное количество чистейшего золота, чтобы заслужить твое снисхождение. Когда они узнали, что в честь твою совершается великое празднество, то стали настоятельно упрашивать меня еще сегодня осчастливить их, доставив им случай предстать перед тобою и сообщить, с какими поручениями они явились к твоему престолу от имени своих соотечественников.

Нахмуренное чело царя начало проясняться. Проницательными взглядами осмотрел он высокие, бородатые фигуры массагетов и воскликнул:

- Пускай они приблизятся! Мне очень любопытно послушать, какого рода предложения осмелятся сделать мне убийцы моего отца!

Гобриас подал знак; самый громадный и старейший из массагетов подошел в сопровождении человека, одетого по-персидски, очень близко к самому трону и стал громко говорить на своем родном языке. Его сосед, массагет, пленник Кира, выучившийся персидскому языку, переводил царю, фраза за фразой, речь оратора номадов.

- Мы знаем, - начал тот, - что ты, великий повелитель, гневаешься на массагетов за то, что твой отец погиб в битве с нами, которых он сам вызвал на бой, несмотря на то что мы никогда не оскорбляли его.

- Мой отец имел полное право наказать вас, - прервал оратора царь, - так как ваша царица Томириса осмелилась дать ему отрицательный ответ, когда он просил ее руки.

- Не гневайся, о, царь, - отвечал массагет, - я не могу умолчать о том, что весь наш народ одобрил ее сопротивление. Ведь каждый ребенок понял бы, что престарелому Киру хотелось присоединить нашу царицу к числу своих жен только потому, что он, ненасытный в своих стремлениях к захвату земель, хотел вместе с нею приобрести и ее владения.

Камбис молчал, а посол продолжал:

- Кир приказал перекинуть мост через Араке, нашу пограничную реку. Мы не боялись ничего; поэтому Томириса велела сказать ему, чтобы он не трудился наводить мост, так как мы готовы или спокойно ожидать его в нашем отечестве, допустив его переправиться через Араке, или идти к нему навстречу, в его собственное государство. Кир решился, как нам впоследствии сообщили военнопленные, по совету низвергнутого лидийского царя Креза идти в нашу землю и погубить нас при помощи хитрости. Он послал к нам только небольшую часть своего войска, допустил, чтобы оно было истреблено нашими пиками и стрелами, и позволил нам беспрепятственно завладеть его лагерем. Мы воображали, что победили непобедимого, и стали пировать, уничтожая ваши богатые запасы. Когда мы, отравленные тем сладким напитком, которого мы никогда не отвеживали и который вы называете 'вином', впали в сон, похожий на одурение, на нас напало ваше войско и перебило значительное число наших воинов. Многие попали к вам в плен, и между ними Спаргапис, молодой сын нашей царицы. Когда последний узнал, что его мать готова заключить с вами мир, если вы освободите его, то благородный юный герой попросил снять с

него цепи. Как только руки его оказались свободными, он схватил меч и пронзил себе грудь, воскликнув: 'Я приношу себя в жертву ради свободы моего народа!' Едва было получено известие о великодушной смерти всеми любимого юноши, как мы стали собирать все военные силы, оставшиеся у нас после поражения. Вооружились даже мальчики и старики и пошли на твоего отца, чтобы отомстить за Спаргаписа и по его примеру пожертвовать собой ради свободы. Дело дошло до битвы. Вы были разбиты; Кир пал. Томириса нашла его труп плавающим в луже крови и воскликнула: 'Ненасытный, теперь, я думаю, ты уже пресытился кровью!' Толпа тех благородных воинов, которых вы называете бессмертными, оттеснила нас назад и из середины самых густых наших рядов вырвала тело твоего отца. Ты сам стоял во главе их и сражался как лев. Я узнаю тебя! Знай же, что этот самый меч, висящий у меня здесь сбоку, нанес ту рану, которая теперь, в виде пурпурного почетного рубца, украшает твое мужественное лицо!

Толпа слушателей зашевелилась, дрожа за жизнь смельчака, говорившего подобным образом; но Камбис вместо гнева одобрительно кивнул ему и сказал:

- И я также узнаю тебя теперь! В тот день под тобой был ярко-рыжий конь, покрытый золотыми украшениями. Мы, персы, умеем чтить храбрость, и это ты испытываешь на себе! Друзья мои, я никогда не видал более острого меча и более неутомимой руки, чем у этого человека; преклонитесь перед ним, так как геройство заслуживает уважения со стороны храбрых, у кого бы оно ни проявлялось, у друга или у врага! Тебе же, массагет, я посоветую поскорее отправляться домой и приготавливаться к бою, так как воспоминание о вашем мужестве и вашей силе удвоило мое желание сразиться с вами! Клянусь Митрой, что подобные вам сильные враги для меня лучше плохих друзей! Я отпущу вас невредимыми на родину, но не советую вам слишком долго оставаться вблизи меня, так как под влиянием мысли о мести, которую я обязан душе моего отца, во мне может проснуться гнев, и тогда ваша смерть сделается неизбежной!

Губы массагетского воина искривились от горькой улыбки, и он возразил царю:

- Мы, массагеты, думаем, что душа твоего отца получила уже слишком страшное удовлетворение. Взамен его лишился жизни единственный сын нашей царицы, гордость нашего народа, который был ничем не ниже и не хуже Кира. Пятьдесят тысяч трупов моих соотечественников в качестве жертв умягчили собой твердые берега Аракса, между тем как с вашей стороны лишилось жизни только тридцать тысяч человек. Мы сражались так же мужественно, как и вы, но ваши панцири тверже наших и оказывают

сопротивление стрелам, которые пронизывают насквозь наши тела. Наконец, вы отомстили нам самым ужасным образом, лишив жизни нашу благородную царицу Томирису!

- Томириса умерла? - удивился Камбис, прерывая оратора. - Неужели мы, персы, убили женщину? Что случилось с вашей царицей? Отвечай!

- Десять месяцев тому назад Томириса умерла от тоски по единственному сыну, поэтому и осмелился я сказать, что и она также стала жертвой войны с персами и искуплением за душу твоего отца.

- Это была великая женщина, - прошептал Камбис. Затем, возвысив голос, он продолжал: - Я начинаю думать, массагеты, что сами боги приняли на себя обязанность отомстить вам за моего отца. Но как ни тяжелы ваши потери, а все-таки Спаргапис, Томириса и пятьдесят тысяч массагетов не могут считаться искуплением за душу царя персов, а в особенности Кира!

- В нашей стране, - отвечал массагет, - смерть равняет всех, и расставшаяся с телом душа умершего царя делается равной душе бедного раба. Твой отец был великий человек, но то, что выстрадали нами из-за него, - ужасно. Знай же, царь, что я еще не рассказал тебе всех несчастий, которые со времени той кровавой войны обрушились на нашу страну. После смерти Томирисы между массагетами вспыхнули междоусобицы. Два человека вообразили, что имеют равные права на освободившийся престол. Одна половина народа сражалась за одного, другая - за другого. В результате этой междоусобной войны, за которой по пятам следовали повальные заразные болезни, сильно поределли ряды наших воинов. Если бы ты вздумал идти на нас войной, то мы не были бы в состоянии сопротивляться тебе, и поэтому предлагаем тебе мир, с прибавлением тяжелых мешков золота.

- Так вы хотите покориться, не обнажая меча? - спросил Камбис. - Численность моего войска, собранного в индийской долине, может доказать вам, что я ожидал большего от вашей геройской храбрости. Но без врагов нам невозможно сражаться. Я распустил воинов и пришлю вам наместника. Приветствую вас как новых подданных моего государства.

При словах царя лицо массагетского героя вспыхнуло, и он отвечал дрожащим голосом:

- Ты ошибаешься, государь, думая, что мы забыли прежнюю свою храбрость или захотели сделаться рабами. Но нам известно твое могущество и мы знаем, что небольшое число наших соотечественников, пощаженное войной и чумой, не может сопротивляться твоим бесчисленным и хорошо вооруженным войскам. Честно и прямо, по-массагетски, мы сознаемся в этом; но вместе с тем

объявляем, что будем продолжать управлять сами собой и никогда не согласимся покориться приказаниям персидского сатрапа. Ты гневно глядишь на меня, но я переношу твой взор и повторяю мое заявление.

- А я, - воскликнул Камбис, - скажу тебе вот что: у вас один выбор. Или вы подчинитесь моему скипетру, присоединитесь к моему государству под названием массагетской сатрапии, примете к себе, с должным почтением, сатрапа, который будет считаться моим наместником, - или же вы должны объявить себя моими врагами и, будучи покорены моим войском, неволей согласиться на те условия, которые я теперь предлагаю вам принять добровольно. Сегодня вы еще можете приобрести себе доброго властелина; но позже я сделаюсь для вас завоевателем и мстителем. Хорошенько обдумайте это, прежде чем станете отвечать!

- Мы уже заранее обдумали все, - отвечал воин, - и поняли, что мы, свободные сыны степей, готовы принять скорее смерть, чем рабство. Послушай, что велел тебе передать через меня совет наших старейшин: 'Мы, массагеты, не по своей вине, а вследствие испытаний, ниспосланных нам нашим богом - солнцем, сделались слишком бессильными для того, чтобы дать отпор вам, персам. Нам известно, что вы посылаете против нас большое войско, и мы готовы купить у вас мир и свободу посредством ежегодного платежа богатой дани. Но знайте, что если вы во что бы то ни стало захотите победить нас вооруженной силой, то причините себе самым величайший вред. Как только ваше войско приблизится к Араксу, то все мы, с женами и детьми, поднимемся и пойдем искать нового отечества, так как мы не живем, подобно вам, в городах и домах, но привыкли мчаться на наших конях и отдыхать под кровом палаток. Мы унесем с собой наше золото и засыплем потайные ямы, в которых вы могли бы найти сокровища. Мы знаем все места нахождения благородных металлов и готовы доставлять их вам в большом количестве, если вы даруете нам мир и позволите сохранить свободу; но если вы пойдете на нас войной, то не приобретете ничего, кроме безлюдной степи и недостижимых врагов, которые могут сделаться для вас ужасными, как только они оправятся от тяжелых утрат, опустошивших их ряды. Если же вы оставите нас свободными и даруете нам мир, то мы готовы, кроме дани золотом, ежегодно присылать вам по пяти тысяч быстроногих степных коней и оказать вам помощь, как только персидскому царству станет угрожать серьезная опасность'.

Посланник замолк. Камбис задумчиво уставился глазами в пол, долго медлил с ответом и, наконец, сказал, поднимаясь со своего трона:

- Сегодня на пиру мы посоветуемся и завтра сообщим вам - какой ответ вы должны передать вашему народу. Распорядись, Гобриас, чтобы этим людям

были доставлены все удобства, а тому массагету, который ранил меня в лицо, вели подать лучших кушаний с моего собственного стола.

XV

Во время этих событий Нитетис в уединении и глубокой тоске проводила время в своем доме в висячих садах. В этот день она впервые присутствовала при общем жертвоприношении царских жен и перед пылающим алтарем, устроенным на открытом воздухе, пыталась, внимая чуждым ей напевам, молиться своим новым богам.

Большинство обитательниц царского гарема в первый раз увидели египтянку на этом торжестве и, вместо того чтобы поднимать взоры к божеству, не спускали глаз с иноземки.

Нитетис, беспокоимая любопытными, недоброжелательными взглядами соперниц, развлекаемая громкой музыкой, доносившейся из города, грустно настроенная при воспоминании о благоговейных молитвах, которые она, вместе с матерью и сестрой, возносила к богам своего детства, среди торжественной тишины, господствовавшей в гигантских храмах ее родины, никак не могла вызвать в себе набожное настроение, несмотря на все свое желание помолиться за сильно любимого царя в день его рождения и испросить ему у богов счастья и благополучия.

Кассандана и Атосса преклонили колени рядом с ней и громко вторили пению магов, которое было для египтянки не более как пустыми, ничего не значащими звуками.

Эти молитвы, которые местами отличаются высокой поэзией, делаются утомительными из-за постоянного повторения имен бесчисленного множества злых и добрых духов и обращенных к ним призывов. Персиянки доходили почти до экстаза при этом молитвенном славословии, так как с детских лет привыкли считать эти гимны самыми священными и лучшими из песнопений. Они слушали их с тех пор, как научились молиться, и эти напевы были им дороги и священны, как все, унаследованное нами от наших отцов, все, что представляется нам достойным уважения и божественным в детстве, самом впечатлительном времени нашей жизни; но они не могли действовать на избалованный вкус египтянки, которой были хорошо знакомы прекраснейшие произведения греческой поэзии. То, что она с усилиями заучила в течение последнего времени, еще не вошло к ней в плоть и кровь. Между тем как персиянки совершали внешние обряды своего богослужения как нечто врожденное и совершенно обыкновенное, Нитетис должна была делать умственные усилия, чтобы не забыть предписываемого церемониала и не допустить какой-нибудь неловкости в глазах соперниц, подсматривавших за ней

с величайшим недоброжелательством. Кроме того, она за несколько минут до жертвоприношения получила первое письмо из Египта. Оно лежало, еще не прочитанное, на ее туалетном столе, и, как только собиралась молиться, она вспоминала о нем. Какие известия заключались в нем? Что поделывали ее родители? Каким образом перенесла Тахот разлуку с ней и с возлюбленным царевичем.

По окончании торжества с глубоким вздохом облегчения обняла она Кассандану и Атоссу. Затем приказала нести себя домой и, как только вошла к себе, поспешила к столу, на котором лежало драгоценное письмо. Главная из ее прислужниц встретила Нитетис с хитрой, многообещающей улыбкой, которая превратилась в удивление, когда ее госпожа не удостоила ни одним взглядом лежавший на столе убор, а схватила давно желанное письмо.

Поспешно разломила Нитетис восковую печать и только что хотела сесть, чтобы приняться за чтение, как служанка подошла к ней очень близко и, всплеснув руками, воскликнула:

- Клянусь Митрой, госпожа моя! Ты, должно быть, нездорова! Или не заключается ли в этом скверном сером куске материи какого-нибудь колдовства, что все, вглядывающиеся в него, делаются слепыми ко всему прекрасному? Отложи-ка поскорей в сторону этот свиток и взгляни на великолепные подвески, присланные тебе великим царем (над которым да будет благословение Аурамазды) в то время, когда ты присутствовала при торжественном служении. Взгляни на эту драгоценную пурпурную одежду с белыми полосами и серебряной вышивкой и на этот тюрбан с царскими бриллиантами! Разве тебе не известно, что подобные подарки имеют особенного рода значение? Камбис велел просить тебя (посланный сказал 'просить', а не приказать), чтобы ты надела эти великолепные дары на нынешний пир. Как разгневается Федима! Как будут глядеть другие женщины, которые никогда не получали подобных подарков! До сегодняшнего дня мать царя, Кассандана, была единственной женщиной всего здешнего двора, которая имела право носить пурпур и бриллианты; посредством этих подарков Камбис делает тебя равной своей царственной матери и перед лицом всего мира объявляет тебя своей любимой супругой и царицей. О, пожалуйста, сделай одолжение, дозвожь мне надеть на тебя все эти дивные вещи. Как прекрасна будешь ты и как завистливо и злобно станут другие глядеть на тебя! Пойдем, госпожа моя, позвожь снять с тебя простые платья и разреши мне убрать тебя, хотя бы для пробы, так, как подобает новой царице.

Нитетис молча слушала болтунью и с немой улыбкой рассматривала драгоценные подарки. Она была настолько женщиной, чтобы обрадоваться им; ведь они были присланы ей человеком, которого она любила больше

собственной жизни; эти подарки говорили ее сердцу, что она значит для царя более, нежели все его другие жены, и даже что она любима Камбисом. Давно ожидаемое письмо выпало у нее из рук, она молча согласилась на просьбы служанки, и вскоре весь туалет был окончен. Царский пурпур еще рельефнее вызначивал ее величественную красоту, а ее стройная, великолепная фигура казалась еще выше от высокого сверкающего тюрбана. Когда в металлическом зеркале, лежавшем на убранном столике, она в первый раз увидела свою фигуру в полном убранстве царицы, то ее черты приняли другое выражение. Казалось, будто в них выразилась часть гордости их повелителя. Ветреная служанка невольно опустилась на колени, когда ее глаза, в которых выражалось одобрение, встретились с сияющими глазами женщины, любимой могущественнейшим из всех мужчин.

Недолго смотрела Нитетис на девушку, лежавшую во прахе перед ней; затем, покраснев от стыда, она покачала прекрасной головкой, нагнулась к ней и, ласково подняв, поцеловала в лоб; она тут же подарила ей золотой браслет, а так как ее взгляд пробежал по письму, упавшему на пол, то она приказала служанке оставить ее одну. Мандана опрометью выбежала из комнаты своей госпожи, чтобы показать великолепный подарок своим подчиненным, низшего разряда прислужницам и рабыням. А Нитетис, со слезами радости и с сердцем, трепещущим от внутреннего волнения, бросилась на свое кресло из слоновой кости, обратилась с краткой благодарственной молитвой к своей любимой египетской богине, прекрасной Гафор, поцеловала золотую цепь, подаренную ей Камбисом после его прыжка в воду, прижала губы к родному письму и, откинувшись на пурпурные подушки, развернула его с полным чувством удовлетворения, проговорив про себя:

- Как я, однако, неизмеримо счастлива и довольна! Бедное письмо! Та, которая писала тебя, вероятно, не думала, что оно целую четверть часа будет лежать непрочитанным на полу у Нитетис.

Она углубилась в чтение, полная радостного чувства; но вскоре ее улыбка перешла в серьезное выражение, и когда она дочитала письмо до конца, оно снова выпало из ее рук на пол.

Те глаза, гордый взгляд которых заставил служанку преклонить колени, отуманились слезами, гордая голова склонилась на туалетный стол, покрытый золотыми вещами, капли слез смешались с жемчугом и бриллиантами; и странный контраст представлял величественный тюрбан с убитой горем Нитетис.

Письмо было следующего содержания:

'От Ладикеи, жены Амазиса и царицы Верхнего и Нижнего Египта, к ее дочери Нитетис, супруге великого царя Персидского.

Если ты, любезная моя дочь, оставалась столь продолжительное время без известий с родины, то это была не наша вина. Трирема, долженствовавшая доставить в Эгею предназначенные для тебя письма, была задержана самосскими военными судами, которые скорее следовало бы назвать разбойничьими кораблями, и уведена в гавань Астипалеи.

Заносчивость Поликрата, которому обыкновенно удается все, что бы он ни задумал, принимает все большие и большие размеры. Ни одно судно не ограждено от его разбойничьих кораблей с тех пор, как ему удалось наголову разбить лесбосцев и милетцев, старавшихся положить конец этому безобразию.

Сыновья покойного Писистрата - его друзья. Лигдамис многим обязан ему и нуждается в помощи самосцев для поддержания своего владычества на острове Наксосе. Он приобрел расположение греческих амфикионов, подарив Аполлону Делосскому соседний остров Рению. Все мореходные народы страдают от его пятидесятивесельных судов, для которых требуется двадцать тысяч матросов, однако никто не осмеливался нападать на него; он окружен превосходно обученной стражей и превратил почти в неприступную крепость свою резиденцию и великолепные дамбы самосской гавани.

Купцы, последовавшие за счастливым Колеем на запад, и разбойничьи корабли, которые не знают сострадания, сделают Самос богатейшим из островов, а Поликрата - могущественнейшим из людей, если, как говорит твой отец, боги не позавидуют столь полному счастью человека и не приготовят ему неожиданной гибели.

Опасаясь подобного исхода, Амазис посоветовал своему другу, Поликрату, чтобы он, для предотвращения гнева богов, расстался с какою-нибудь любимой вещью, утрата которой была бы ему ощутительна, и расстался таким образом, чтобы никогда уже не иметь возможности получить ее обратно. Поликрат внял этому совету твоего отца и с круглой башни своей крепости бросил в море драгоценнейшее из своих колец, работы Феодора. Это был сардоникс необыкновенной величины, придерживаемый двумя дельфинами, на котором необыкновенно искусно была выгравирована лира - эмблема властителя.

Шесть дней спустя его повара нашли кольцо во внутренности рыбы. Поликрат немедленно уведомил нас об этом удивительном событии; но вместо того,

чтобы обрадоваться, твой отец грустно покачал своей седой головой и сказал, что понимает, как невозможно отвратить от кого бы то ни было предназначенную ему судьбу. В тот же самый день он послал Поликрату уведомление, что разрывает с ним старую дружбу, и велел передать ему, что он постарается забыть о нем, для того чтобы избавить себя от горя видеть несчастье любимого им человека.

Поликрат со смехом принял эту весть и с насмешливым приветствием возвратил нам те письма, которые его морские разбойники захватили на нашей триреме. Отныне вся переписка будет пересылаться через Сирию.

Если ты спросишь меня - зачем я рассказываю тебе эту длинную историю, интересующую тебя менее, чем все другие известия из родительского дома, то отвечу тебе: чтобы приготовить тебя к известию о том состоянии, в котором находится твой отец. Разве возможно узнать веселого, ласкового, беззаботного Амазиса в том мрачном предостережении, которое он сделал самосскому другу.

Увы! Мой супруг имеет достаточную причину быть грустным, а глаза твоей матери не осушаются от слез с самого твоего отъезда в Персию. От одра болезни твоей сестры я перехожу к твоему отцу, чтобы утешать его и направлять его неверные шаги.

Чтобы написать тебе эти строки, я должна ожидать ночи, несмотря на то, что мне необходим сон.

Сейчас я была прервана няньками, которые позвали меня к Тахот, твоей сестре и верной подруге.

Как часто среди горячечного бреда дорогая девушка повторяла твое имя, как старательно сохраняет она твое восковое изображение, поразительное сходство которого с тобой служит доказательством величия греческого искусства и дарования великого Феодора. Завтра мы отправим в Эгину этот восковой слепок, чтобы по нему сделали в тамошней мастерской золотое изображение. Нежный воск страдает от жарких рук и уст твоей сестры, которая так часто прикасается к нему.

Теперь, дочь моя, соберись с духом; и я, со своей стороны, напрягу все свои силы, чтобы рассказать тебе по порядку все, что ниспослано на нас волей богов.

После твоего отъезда Тахот плакала целых три дня. Все наши утешения, все уговаривания твоего отца, все жертвоприношения и молитвы не были в состоянии смягчить горе бедной девушки и развлечь ее. Наконец, на четвертый день слезы ее иссякли. Негромким голосом, но, по-видимому, примирившись со своей судьбой, она отвечала на наши вопросы; но большую часть дня она

молча проводила за своей прялкой. Пальцы ее, когда-то столь ловкие, обрывали все нити, если не покоились по целым часам на коленях мечтательницы. Она, которая в прежнее время так от души хохотала при шутках твоего отца, теперь выслушивала их с равнодушной безучастностью, а моим материнским увещаниям внимала с боязливым напряжением.

Когда я, целуя ее в лоб, умоляла ее сдерживать себя, то она вскакивала и, сильно зардевшись, бросалась ко мне на грудь, а потом снова садилась к прялке и почти с дикой поспешностью передергивала нитки; через полчаса обе руки ее лежали неподвижно у нее на коленях, ее глаза делались снова задумчивыми и устремлялись на одну какую-нибудь точку в воздухе или на земле. Когда мы принуждали ее принять участие в празднике, то она безучастно двигалась между гостями.

Когда мы взяли ее с собой на большое богомолье в Бубастис, где египетский народ забывает о своей серьезности и чувстве достоинства, а Нил с его берегами уподобляется огромной театральной сцене, на которой охмелевшие хоры изображают игры сатиров, подталкивающие к крайней распущенности; когда в Бубастисе она в первый раз в жизни увидала весь народ предающимся безграничному веселью и необузданным шуткам, то она очнулась от своих безмолвных дум и стала проливать столь же обильные потоки слез, как в первые дни после твоего отъезда.

Грустные, потеряв всякую надежду и не зная, чем помочь горю, мы привезли бедняжку обратно в Саис.

Она имела вид богини. Хотя она и похудела, но всем нам казалось, что она выросла; ее кожа светилась какой-то прозрачной белизной, а на щеках ее проступал чуть заметный румянец, который я могу сравнить с цветом молодого розового листка или с первыми проблесками зари. Ее взор еще и поныне удивительно светел и ясен. Мне все кажется, что эти глаза видят кое-что дальше того, что делается на земле и движется на небе. Мне думается, что эти взоры должны блуждать далеко за пределами видимого мира - в других, далеких сферах мироздания.

Так как жар в ее голове и руках все усиливался, а временами по нежному телу Тахот пробегала легкая дрожь, то мы вызвали из Фив в Саис Имготепу, знаменитейшего врача для внутренних болезней.

Увидав твою сестру, опытный врач покачал головой и объявил, что ей предстоит перенести трудную болезнь. Отныне ей было запрещено прясть и позволялось говорить очень мало. Она должна была принимать разные лекарства, ее болезнь заговаривали и заговаривали, вопрошали звезды и оракулов, приносили богам богатые жертвы и подарки. Жрецы богини Гагор

прислали нам с острова Филе освященный амулет для больной, жрецы Осириса из Абидуса - оправленный в золото локон Осириса, а Нейтотеп, верховный жрец нашей богини-покровительницы, устроил большое жертвоприношение, которое должно было возвратить здоровье твоей сестре.

Но ни врачи, ни ворожба, ни амулеты не помогали бедняжке. Нейтотеп, наконец, уже не стал скрывать от меня, что остается мало надежды на звезду Тахот. На этих днях умер священный бык в Мемфисе; жрецы не нашли сердца в его внутренностях и объявили, что это есть предзнаменование несчастья, готовящегося обрушиться на Египет. До сих пор новый Апис еще не найден. Все думают, что боги прогневались на царство твоего отца, и оракул в Буто объявил, что бессмертные тогда только ниспошлют на Египет свою благодать, когда будут уничтожены все храмы, воздвигнутые иноземным богам на черной земле [\[67\]](#) и изгнаны все те, которые приносят жертвы ложным божествам.

Несчастные предзнаменования оправдались. Тахот заболела страшной горячкой. Девять дней она находилась между жизнью и смертью и даже еще теперь так слаба, что приходится носить ее на руках, и она не может шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Во время путешествия в Бубастис у Амазиса открылось воспаление в глазах, как это нередко случается в Египте. Вместо того, чтобы дать себе отдых, он по-прежнему работал от солнечного восхода до полудня. В то время, когда сестра твоя лежала в горячке, он, несмотря на все наши увещевания, не отходил от ее ложа. Я постараюсь быть краткой, дитя мое. Глазная болезнь становилась все хуже и хуже, и в тот самый день, когда мы получили известие о твоём благополучном прибытии в Вавилон, Амазис лишился зрения.

Из бодрого, приветливого человека он превратился с тех пор в расслабленного мрачного старика. Смерть Аписа, неблагоприятное сочетание созвездий и изречения оракулов тоскливо сжимают его сердце. Тьма, среди которой он живет, омрачает и настроение его духа. Сознание беспомощности и невозможности двинуться с места без посторонней поддержки лишает его прежней твердости характера. Смелый, самостоятельный властелин готов сделаться послушным орудием жрецов.

Целые часы он проводит в храме Нейт, принося жертвы и предаваясь молитве. Там же, под его надзором, толпа рабочих занята постройкой гробницы для его мумии, между тем как другая такая же толпа каменщиков разрушает начатый эллинами в Мемфисе храм Аполлона. Несчастья, постигшие Тахот и его самого, Амазис называет справедливым наказанием бессмертных.

Его посещения больной не приносят ей большого утешения. Вместо того, чтобы дружески говорить с бедняжкой, он старается доказать ей, что и она

также заслужила кару богов. Всей силой своего неотразимого красноречия он старается заставить ее совершенно отрешиться от земли и, с помощью постоянных молитв и жертвоприношений, заслужить милость Осириса и судей преисподней. Таким образом он терзает душу нашей дорогой страдальцы, в которой так еще сильна привязанность к жизни. Может быть, будучи египетской царицей, я более, чем следует, осталась гречанкой; но ведь смерть так неизмеримо продолжительна, а жизнь так коротка, что я не назову умными тех мудрецов, которые, вечным напоминанием о мрачном Гадесе ^[68], отдают ему более половины жизни.

Мне снова помешали. Явился великий врач Имготеп, чтобы взглянуть на нашу больную. Он подает мало надежды и даже, по-видимому, удивляется, что это нежное тело может так долго сопротивляться поползновениям смерти. 'Она уже давно перестала бы существовать, - сказал он вчера, - если бы ее не поддерживало непоколебимое желание и стремление жить во что бы то ни стало. Если бы она захотела проститься с жизнью, то могла бы отойти в объятия смерти, подобно тому, как мы отходим ко сну. Если ее желания сбудутся, то она, может быть (но это невероятно), проживет еще несколько лет; если же ее надежда останется неосуществленной еще некоторое время, то она умрет вследствие той причины, которая теперь не допускает ее расстаться с жизнью'. Догадываешься ли ты, к чему стремятся ее желания? Наша Тахот позволила околдовать себя брату твоего мужа. Этим я не хочу сказать, чтобы, как воображает жрец Фиенеман, со стороны юноши были употреблены какие-нибудь магические средства для возбуждения в ней любви к себе; ведь половины той дивной красоты и очаровательных манер, как у Бартии, было бы достаточно, чтобы пленить сердце невинной девушки, полуребенка. Но ее страсть так пламенна, перемена, происшедшая с нею, так велика, что бывали минуты, когда я сама начинала верить в сверхъестественные влияния. Незадолго до твоего отъезда я уже заметила привязанность твоей сестры к персу. Первые ее слезы мы еще приписывали твоему отъезду; но когда она погрузилась в немое забытие, то Ивик, который тогда еще проживал при нашем дворе, заметил, что девушкой овладела сильная страсть.

Когда она сидела однажды в глубокой задумчивости перед своею прялкой, он при мне стал напевать ей над ухом любовную песенку Сапфо:

Милая матушка,
Прясть не могу я,
Мне не сидится,
Ноя, тоскуя,
Сердце томится

Здесь, взаперти!
Ниточки рвутся,
Руки трясутся...
Милая матушка,
Дай мне уйти!

При этих словах она побледнела и спросила: 'Ты сам сочинил эту песенку, Ивик?'

'Нет, - отвечал он, - пятьдесят лет тому назад ее пела лесбийка Сапфо'.

'Пятьдесят лет тому назад...' - задумчиво повторила Тахот.

'Любовь всегда останется неизменной, - прервал ее поэт, - подобно тому, как любила Сапфо, любили еще до эллинов, и будут любить несколько тысяч лет после нас'.

Больная одобрительно улыбнулась, и с тех пор стала тихо повторять эту песенку, сидя со сложенными руками у прялки.

Несмотря на это, все мы намеренно уклонялись от всяких вопросов, которые могли бы напомнить ей о том, кого она любит. Когда она лежала в горячке, то с ее запекшихся уст не сходило имя Бартии. Когда же она снова пришла в себя, то мы стали рассказывать ей о ее бреде.

Тогда она открыла мне всю свою душу и, точно прорицательница, устремив глаза к небу, проговорила: 'Я знаю, что не умру до тех пор, пока не увижу его'.

Недавно мы приказали снести ее в храм, так как она захотела помолиться под священными сводами. По окончании молитвы, когда мы проходили через передний двор, Тахот заметила маленькую девочку, которая с большим увлечением рассказывала что-то своим подругам. Тогда она приказала носильщикам остановиться и позвать ребенка.

'О чем ты говорила?'

'Я рассказывала другим о моей старшей сестре'.

'Не могу ли я послушать, что ты рассказываешь?' - сказала Тахот таким ласковым и умоляющим голосом, что малютка, нисколько не смущаясь, начала свой рассказ:

'Батау, жених моей сестры, вчера совершенно неожиданно возвратился из Фив. Когда взошла звезда Изиды ^[69], он неожиданно взошел на нашу крышу, где сестра молча играла с отцом в шашки. Он принес ей прекрасный золотой брачный венок'.

Тахот поцеловала малютку и подарила ей свой драгоценный веер. Когда мы возвратились домой, то она плутовски улыбнулась мне и сказала: 'Ведь ты знаешь, милая матушка, что слова детей, сказанные в преддверии храма, считаются изречениями оракула. Если малютка сказала правду, то он должен приехать! Разве ты не слыхала, что он принес брачный венок? О, матушка, я наверное знаю и убеждена, что увижусь с ним!'

Когда я вчера спросила Тахот, что мне передать тебе от ее имени, то она просила меня сказать, что она посылает тебе тысячу поклонов и поцелуев и собирается сама писать к тебе, когда наберется сил, так как ей многое нужно передать тебе. Сейчас она принесла мне прилагаемую записочку для тебя одной, которую она написала с величайшим трудом.

Теперь я должна спешить с окончанием этого письма, так как посланец уже давно ожидает его.

Как хотелось бы мне сообщить тебе что-нибудь радостное! Но куда я ни погляжу, нигде не вижу ничего, кроме самых грустных обстоятельств. Твой брат все более и более подчиняется властолюбию жрецов и под руководством Нейтотепа занимается делами правительства вместо твоего бедного ослепшего отца.

Амазис предоставляет Псаметику полную свободу и говорит, что ему решительно все равно - займет ли наследник его место несколькими днями раньше или позже.

Он не помешал твоему брату насильственным образом похитить из дома эллинки Родопис детей бывшего начальника царской стражи Фанеса и даже одобрил поступок сына, вступившего в переговоры с потомками двухсот тысяч воинов, выселившихся в Эфиопию во времена первого Псаметиха, вследствие предпочтения, оказываемого ионийским наемникам. В случае их согласия возвратиться на родину Псаметих намеревался распустить эллинских воинов. Переговоры оказались безуспешными; но он сильно оскорбил греков своим недостойным обращением с детьми Фанеса. Аристомах угрожал покинуть Египет с десятью тысячами самых лучших воинов; он даже требовал отставки, когда, по приказанию твоего брата, был умерщвлен сын Фанеса. Тогда спартанец внезапно исчез неизвестно куда, а эллины, подкупленные значительными денежными суммами, остались в Египте.

При виде всего этого Амазис хранил молчание и среди молитв и жертвоприношений оставался спокойным свидетелем того, как его сын то оскорблял все классы народа, то недостойным образом старался примириться с ними. Эллинские и египетские военачальники, так же как и номархи различных провинций, уверяли меня, что это положение дел невыносимо. Никто не может

знать, чего следует ожидать от нового властелина, который приказывает сегодня делать то, что вчера запрещал в припадке запальчивости, и который, пожалуй, расторгнет прекрасные узы, до сих пор соединявшие египетский народ с его царями.

Будь здорова, дочь моя, и не забывай своего бедного друга - мать. Прости твоих родителей, когда узнаешь то, что мы так долго скрывали от тебя. Помолись за Тахот, передай наши поклоны Крезу и молодым персам, которых мы знаем; передай также Бартии приветствие от твоей сестры, на которое я прошу его смотреть как на завещание умирающей. Если бы ты могла каким-нибудь образом передать своей сестре весть, что молодой перс не совсем забыл ее!

Будь здорова и счастлива в твоём новом цветущем отечестве!'

XVI

Подобно тому как за золотой утренней зарей следует дождливый день, радостное ожидание нередко предшествует грустным событиям.

Нитетис так искренно обрадовалась этому письму, а оно должно было отравить сладость ее счастья горечью полыни.

Точно по мановению волшебства, оно уничтожило прекрасную часть ее внутренней жизни - радостное воспоминание о милом отечестве и о тех, которые были участниками беззаботного счастья ее детства.

Пока она сидела, облеченная в пурпурные одежды, и заливалась слезами, она думала только о печали своей матери, о несчастье своего отца и о болезни сестры. Радостная будущность, которая предрекала ей счастье, могущество и любовь, вдруг исчезла из ее глаз. Невеста Камбиса, отличенная им среди всех, забыла об ожидавшем ее возлюбленном; будущая персидская царица не думала ни о чем, кроме несчастий, постигших египетский царствующий дом.

Солнце уже давно возвестило о наступлении полудня, когда служанка Нитетис, Мандана, снова вошла в комнату, чтобы окончательно привести в порядок ее наряд.

'Она спит, - подумала девушка, - можно дать ей отдохнуть четверть часа; церемония жертвоприношения, вероятно, утомила ее, а ей следует явиться на пир в полном сиянии свежести и красоты, чтобы своим блеском затмить всех, как месяц затмевает звезды'.

Она удалилась неслышными шагами из комнаты, из окон которой открывался дивный вид на висячие сады, на громадный город, на плодородную вавилонскую долину и на неизмеримую даль.

Не оглядываясь, бросилась она к клумбе с цветами, чтобы нарвать розанов. Ее глаза были устремлены на новый браслет, на котором сверкали лучи полуденного солнца, и она не заметила богато одетого человека, который, вытянув шею, заглядывал в окно той комнаты, где Нитетис обливалась слезами. Застигнутый за своим занятием шпион, как только заметил девушку, воскликнул писклявым голосом, точно принадлежавшим какому-нибудь мальчику:

- Приветствую тебя, прекрасная Мандана!

Девушка перепугалась и, узнав начальника евнухов Богеса, сказала:

- Нехорошо с твоей стороны, господин мой, так пугать бедную девушку! Клянусь Митрой, что я упала бы в обморок, если бы увидела тебя прежде, чем услышала твой голос. Женские голоса не пугают меня, а мужчина в этом уединении такая же редкость, как лебеди в пустыне!

Богес добродушно улыбнулся, хотя прекрасно понял насмешливый намек на его голос, и отвечал, потирая свои мясистые руки:

- Разумеется, молодой очаровательной птичке невесело томиться в таком уединении; но имей терпение, голубушка моя! Вскоре твоя госпожа сделается царицей и найдет тебе молоденького муженька, с которым ты, вероятно, скорее согласишься жить в уединении, чем с твоей прекрасной египтянкой, не так ли?

- Моя госпожа прекраснее, чем этого желали бы многие, а я никому не поручала приискивать мне мужа, - отвечала она презрительно. - Уж его-то я найду и без тебя.

- Кто станет в этом сомневаться? Такая хорошенькая рожица служит столь же лакомой приманкой для мужчин, как червяк для рыбы.

- Я не ловлю мужчин, а менее всего таких, как ты!

- Охотно, очень охотно верю этому, - смеясь проговорил евнух, - но скажи мне, мое сокровище, отчего ты так сурова со мной? Разве я сделал тебе что-нибудь неприятное? Разве не я доставил тебе твое настоящее прекрасное место? Разве я не соотечественник твой, не мидянин?

- И разве мы оба - не люди? И у нас обоих не по десяти пальцев на руке? И наши носы не сидят посреди лица? Здесь половина населения - мидийцы; если бы все они только потому, что они мои соотечественники, были моими друзьями, то я завтра могла бы сделаться царицей. А место у египтянки доставил мне совсем не ты: я обязана этим местом верховному жрецу Оропасту, рекомендовавшему меня великой Кассандане! Нам здесь, наверху, нет дела до тебя!

- Что это ты говоришь такое, моя милашка! Разве ты не знаешь, что без моего согласия не назначается сюда ни одна прислужница.

- Это я знаю не хуже тебя, но...

- Но вы, женщины, - существа неблагодарные, недостойные нашей доброты!

- Не забывай, что ты говоришь с девушкой из хорошего семейства!

- Знаю, моя овечка! Твой отец был маг, а твоя мать - дочь мага. Оба умерли рано и передали тебя дестуру [\[70\]](#) Иксабату, отцу верховного жреца Оропаста, который вырастил тебя вместе со своими детьми. Когда ты надела серьги, то в твою розовую рожицу влюбился Гаумата, брат Оропаста; нечего тебе краснеть - это очень хорошее имя - и, несмотря на свои девятнадцать лет, хотел жениться на тебе. Гаумата и Мандана! Как хорошо звучат вместе эти два имени! Мандана и Гаумата! Если бы я был певец, то моего героя я назвал бы Гауматой, а его возлюбленную - Манданой!

- Я прошу тебя оставить эти насмешки! - воскликнула девушка, мгновенно вспыхнув и топнув ногой.

- Разве ты недовольна, что я нахожу ваши имена подходящими одно к другому? Сердись скорее на гордого Оропаста, который отправил своего юного брата в Рагэ, а тебя - ко двору, для того чтобы вы забыли друг друга.

- Ты клеветешь на моего благодетеля!

- Пусть отсохнет мой язык, если я говорю не истинную правду. Оропаст разлучил тебя со своим братом, потому что он имеет на красавца Гаумату совершенно иные виды, чем его женитьба на бедной сироте незначительного мага. Амитис или Менише были бы гораздо приятнее ему в качестве невесток; а подобная тебе девушка, всем обязанная его благотворительности, может только оказаться препятствием при осуществлении его планов. Между нами будь сказано, ему хотелось бы управлять государством в качестве наместника во время войны с массагетами и он дорого бы дал, чтобы каким бы то ни было образом вступить в родство с Ахеменидами. В его лета уже не приходится помышлять о новых женах; но у него есть брат, юноша и красавец, и, как говорят, даже похожий на царевича Бартию...

- Это справедливо! - воскликнула Мандана. - Представь себе, когда мы ехали навстречу нашей госпоже и я в первый раз увидела Бартию у окна станционного дома, то я сперва приняла его за Гаумату. Они похожи друг на друга, точно близнецы, и могут назваться самыми красивыми в нашем государстве!

- Как ты покраснела, моя роза! Но сходство не до такой степени обманчиво. Когда я сегодня утром приветствовал брата верховного жреца...

- Гаумата здесь? - прервала евнуха Мандана со страстным увлечением. - Ты действительно видел его или хочешь только выведать что-нибудь у меня и затем обмануть?

- Клянусь Митрой, моя голубка, я сегодня целовал его в лоб и принужден был многое рассказать ему о его возлюбленной; кроме того, я хочу сделать невозможное возможным для него, так как я слишком слаб, чтобы противостоять этим очаровательным голубым глазкам, этой златокудрой головке и этим щечкам, пушистым, как персик. Побереги свой румянец, мой миленький гранатовый цветочек, пока я еще не рассказал тебе всего. На будущее время ты не станешь относиться столь сурово к бедному Богесу и убедишься, что у него доброе сердце, исполненное расположения к Мандане, его маленькой, миленькой, плутоватой соотечественнице.

- Я не верю тебе, - прервала Мандана, - и твоим нежным комплиментам! Меня предупреждали относительно твоего льстивого языка, и я даже не знаю, чем могла заслужить твое участие.

- Узнаешь ли ты это? - спросил евнух, подавая девушке белую ленту с искусно вышитыми на ней золотыми огоньками.

- Последний подарок, который я вышивала для него! - воскликнула Мандана.

- Этот знак я выпросил у Гауматы. Я очень хорошо знал, что ты не будешь питать ко мне доверия. Да и бывали ли примеры, чтобы узник любил своего тюремщика?

- Скорей, скорей говори мне, что требует от меня товарищ моих игр! Смотри, вон уже на западе показывается розовый оттенок в небе. Дело идет к вечеру, и я должна одеть свою госпожу для пиршества.

- Я постараюсь не терять времени, - сказал евнух, внезапно сделавшийся таким серьезным, что Мандана испугалась. - Если ты не желаешь верить, что я из расположения к тебе подвергаю себя опасности, то считай, что я помогаю вашей любви из желания смирить гордость Оропаста, который грозит лишить меня расположения царя. Вопреки всем интригам верховного начальника магов, ты должна сделаться женою твоего Гауматы, и это так же верно, как то, что меня зовут Богесом! Завтра вечером, когда взойдет звезда Тистар [\[71\]](#), тебя посетит твой милый. Я сумею удалить всех сторожей для того, чтобы ему можно было без помехи прийти к тебе и остаться у тебя в течение часа, но помни, - не более одного часа. Твоя госпожа - я знаю это наверное - сделается любимой женою Камбиса. Впоследствии она станет сильно содействовать твоему браку с Гауматой, так как она любит тебя и не находит достойной похвалы, чтобы выразить степень твоей верности и ловкости. Завтра вечером, когда взойдет

звезда Тистар, - продолжал он, впадая в прежний, свойственный ему шутливый тон, - воссияет солнце твоего счастья. Ты опускаешь глаза и молчишь? Благодарность смыкает твой маленький ротик? Прошу тебя, голубка моя, не будь такою молчаливою, когда со временем дело дойдет до того, что тебе придется с похвалой упомянуть твоей могущественной госпоже о бедном Богесе. Передать ли мне поклон прекрасному Гаумате? Можно ли мне сказать ему, что ты не забыла его и с радостью ждешь его? Ты колеблешься? О горе, ведь уже начинает темнеть! Мне надобно отправиться взглянуть, все ли женщины одеты, как подобает для великого пира. Еще одно: Гаумата должен послезавтра покинуть Вавилон; Оропаст опасается, как бы он не увиделся с тобою, и приказал ему возвратиться в Рагэ немедленно по окончании праздника. Ты все еще молчишь? Хорошо, в таком случае я не могу помочь ни тебе, ни бедному мальчику. Я и без вас достигну своей цели, а ведь в конце концов будет гораздо лучше, если вы позабудете о своей любви! Прощай!

В душе девушки происходила тяжелая борьба. Предчувствие подсказывало ей, что Богес хочет обмануть ее; внутренний голос нашептывал ей, чтобы она отказалась от свидания со своим возлюбленным; доброе начало и осторожность брали верх в ее сердце, но только она хотела воскликнуть: 'Скажи ему, что я не приму его', - как ее взгляд упал на ленточку, которую она когда-то вышила для прекрасного мальчика. Отрадные картины детства, краткие мгновения одуряющих восторгов любви с быстротой молнии промелькнули в ее памяти; любовь, необдуманность, влечение к любимому человеку одержали верх над добродетелью, предчувствиями, осторожностью, и, прежде чем Богес dokonчил свою прощальную фразу, она бросилась к дому, как спугнутая лань, почти невольно крикнув:

- Я буду ждать его!

Быстрыми шагами шел Богес через цветущие аллеи висячих садов. У парапета высокого здания он остановился и осторожно отворил неприметную дверь. Она вела на потайную лестницу, которую хозяин здания, вероятно, велел сделать для того, чтобы прямо с берегов реки проходить незаметно в жилище своей жены через одну из огромных колонн, поддерживавших сады. Дверь легко вращалась на своих петлях, и после того, как Богес снова затворил ее и разбросал у ее нижнего обреза несколько пригоршней речных раковин, покрывавших аллеи сада, ее трудно было бы разглядеть даже тому, кто стал бы специально отыскивать ее. Евнух, по своей привычке, весело потирал свои унизанные кольцами руки и бормотал про себя:

- Теперь это должно удался! Девушка попала в ловушку, ее возлюбленный послушается моего намека, на старую лестницу можно пробраться; Нитетис заливается горькими слезами в этот радостный для всех день, голубая лилия

расцветет завтра ночью... да, да, мой маленький план должен удался!
Прекрасная египетская кошечка, твои бархатные лапочки завтра запутаются в силках, которые поставит тебе бедный, презренный евнух, не имеющий права ничего приказывать тебе.

При этих словах злобный огонек сверкнул в глазах надзирателя гарема.

На большой садовой лестнице он встретился с евнухом Нериглиссаром, который жил в висячих садах в должности главного садовника.

- Что поделявает голубая лилия? - спросил он у него.

- Она распускается великолепно! - воскликнул садовник, с восторгом вспоминая о своем любимом детище. - Завтра, как только взойдет звезда Тистар, она, как я уже говорил тебе, будет красоваться во всем великолепии своего цветения! Моя госпожа, египтянка, будет несказанно обрадована, так как она любит цветы, и я прошу тебя сообщить также царю и Ахеменидам, что своими неусыпными трудами я довел это редкое растение до полного расцвета. В течение десяти лет цветок только одну ночь является в полном блеске своей красоты. Сообщи это благородным Ахеменидам и приведи их ко мне.

- Твое желание будет исполнено, - с улыбкой проговорил Богес. - На посещение царя тебе, разумеется, нечего рассчитывать, так как я предполагаю, что он не покажется в висячих садах до бракосочетания с египтянкой; но некоторые из Ахеменидов явятся непременно. Они такие пламенные любители садоводства и цветов, что не захотят лишиться себя столь редкого зрелища. Может быть, мне удастся привести сюда и Креза; он не такой знаток цветоводства, как персы, помешанные на цветах, но зато самый усердный ценитель всего приятного для глаз.

- Ты уж только приведи его, - воскликнул садовник, - он будет благодарен тебе, так как моя царица ночи прекраснее всех цветов, когда-либо возвращенных в царских садах! Ты ведь видел среди гладкого, как зеркало, бассейна бутон, окруженный венком из зеленых листьев; распутившись, он имеет вид голубой розы громадных размеров. Мой цветок...

Вдохновенный садовод хотел продолжать свой хвалебный гимн, но Богес, любезно раскланявшись, распростился с ним, спустился вниз по лестнице, сел в двухколесную колесницу, ожидавшую его, и приказал ожидавшему погонщику своих коней, увешанных кистями и колокольчиками, везти себя как можно скорей к воротам сада, окружавшего большое здание царского гарема.

Особенного рода суетливая жизнь кипела сегодня в гареме Камбиса. Богес приказал, чтобы все придворные женщины, для большей красоты и свежести,

были перед началом пиршества отведены в баню; поэтому начальник женщин немедленно отправился в тот флигель дворца, где находились женские бани.

Уже издали до него доносился смешанный гул голосов, крикливых, смеющихся, болтающих. В огромной зале, нагретой до последней степени, среди густого облака влажного пара, двигалось более трехсот женщин. Точно туманные видения, мелькали полунагие фигуры, стройные формы которых вполне обрисовывались под тонкой шелковой тканью пропитанных влажностью накидок. Все это в пестром беспорядке двигалось по мраморным плитам бани, с потолка которой падали на пол теплые капли, разлетаясь в мелкие брызги.

Тут лежали, весело болтая, группы из десяти или двадцати роскошнотелых женщин, а там две царские жены ругались, точно избалованные дети. Одна красавица, в которую попала туфля, брошенная ее соседкой, громко вскрикнула; другая лежала в тяжелом раздумье, точно труп на горячем сыром полу. Шесть армянок стояли в ряд одна возле другой и звонкими голосами пели задорную любовную песню на своем родном языке, между тем как несколько белокурых персиянок выбивались из сил, возводя на бедную Нитетис такую клевету, что тот, кому пришлось бы подслушать это, несомненно вообразил, что прекрасная египтянка есть нечто вроде тех уродливых чучел, которыми пугают детей.

Среди этой суматохи расхаживали нагие рабыни, разносившие на головах хорошо нагретые покрывала, и набрасывали их на купавшихся. Крики евнухов, которые, охраняя двери залы, принуждали женщин торопиться, визгливые голоса, звавшие рабынь, нескоро являвшихся, и резкие благовония, смешанные с горячим водяным паром, - все это превращало пеструю толкотню в действительно ошеломляющее зрелище.

Спустя четверть часа жены царя представляли вид вполне противоположный описанному выше.

Точно розы, смоченные водой, лежали они, спокойные, но не спящие и охваченные сладкой негой, на мягких подушках, окружавших длинные стены громадной залы. Благовонная влага еще висела в виде капель на их распущенных, не просохших волосах, между тем как проворные рабыни вытирали малейшие следы глубоко проникавшей в поры влаги мягкими мешочками из верблюжьей шерсти.

Прекрасные утомленные тела прикрывались шелковыми одеялами, и толпа евнухов наблюдала за тем, чтобы ни одна особа не нарушала покоя отдохавшего полчища женщин.

Впрочем, необыкновенная тишина, господствовавшая в этот день среди залы, предназначенной для дремоты и отдохновения, была редким явлением, вызванным никак не присутствием евнухов: было объявлено, что нарушительница мира будет в наказание исключена из числа участниц большого пиршества.

Целый час пролежали женщины в молчаливой полудремоте, когда звук удара в металлическую доску снова преобразил картину.

Отдыхавшие фигуры соскочили со своих подушек, толпа рабынь ворвалась в залу, мази и духи полились на красавиц, роскошные волосы были заплетены и искусно убраны драгоценными камнями; дорогие уборы, шерстяные и шелковые платья всех цветов радуги, башмаки, твердые от покрывавших их жемчугов и драгоценных камней, надевались на нежные ножки, и богатые золотые пояса обвивались вокруг талий.

Туалеты большинства женщин, которые в общей сложности представляли собой стоимость целого государства, были уже окончены, когда Богес вошел в залу.

Многоголосый визгливый крик радости встретил новоприбывшего. Двадцать женщин, схватившись за руки, стали танцевать вокруг своего улыбающегося надсмотрщика, напевая сочиненную в гареме безыскусную хвалебную песнь его добродетелям. В этот день царь имел обыкновение исполнять какую-нибудь незначительную просьбу каждой из своих жен, поэтому, когда цепь танцующих распалась, толпа просительниц набросилась на Богеса, чтобы, глядя его по лицу и целуя его мясистые руки, шепнуть ему на ухо самые различные требования и упросить, чтобы он их исполнил.

Улыбающийся женский деспот заткнул уши и, шутя и смеясь, отталкивал от себя назойливых просительниц; он обещал мидянке Амитис, что финикиянка Эсфирь будет наказана, а финикиянке Эсфири, что накажут мидянку Амитис; обещал Пармисе более драгоценный убор, чем у Паризатис, а Паризатис - более драгоценный, чем у Пармисы, и, наконец, когда уж был не в силах отбиваться от просительниц, приложил к губам золотой свисток, резкий звук которого магическим образом подействовал на толпу женщин. Поднятые руки мгновенно опустились, топавшие ножки стали спокойными, раскрытые губы сжались, и шум сменила мертвая тишина.

Та, которая не послушалась бы звука этого свистка, равнявшегося по своему значению предупреждению закона или фразе 'Именем царя', наверное, подверглась бы строгому наказанию. Теперь этот резкий звук подействовал особенно поразительно. Богес заметил это с самодовольной улыбкой, обвел всю толпу благодушным, выражавшим удовольствие взглядом и в цветистой

речи обещал поддержать перед царем просьбы всех своих милых, белых голубок и, наконец, приказал своим подчиненным встать в два длинных ряда.

Женщины послушались и подверглись осмотру, словно солдаты со стороны начальника или рабы со стороны покупателя.

Богес остался доволен нарядом большинства; но некоторым он приказал прибавить лишний слой румян, другим - смягчить слишком здоровый цвет лица белым порошком, выше поднять волосы, посильнее начернить брови или получше покрасить губы.

После осмотра он вышел из залы и отправился к Федиме, которая в качестве первой жены Камбиса, как все его законные жены, жила отдельно от наложниц.

Отвергнутая фаворитка, униженная дочь Ахеменидов, уже давно ожидала евнуха.

Она была одета в высшей степени роскошно и даже чересчур обременена украшениями. С ее маленькой женской шапочки ниспадала густая вуаль из легкой материи, затканной золотом, а вокруг самой шапочки была обвита синяя с голубым повязка, как отличительный знак рода Ахеменидов. Ее нельзя было не назвать красавицей, хотя в ней уже замечалась излишняя полнота форм, которой подвержены все восточные женщины вследствие неподвижной гаремной жизни. Чуть ли не слишком обильные золотисто-белокурые волосы, переплетенные серебряными цепочками и небольшими золотыми монетами, спускались из-под ее шапочки и плотно прилегали к вискам.

Когда Богес вошел в комнату, она с трепетом бросилась ему навстречу, взглянула сначала в зеркало, а потом на евнуха и спросила с величайшим волнением:

- Нравлюсь ли я тебе? Понравлюсь ли я ему?

Богес улыбнулся, как всегда, и отвечал:

- Мне ты нравишься всегда, моя золотая пава, да и царю понравилась бы наверное, если бы ему пришлось увидеть тебя такой, какой вижу я. Когда ты сейчас воскликнула: 'Понравлюсь ли я ему', - то ты была действительно хороша: страсть заставила твои голубые очи потемнеть так сильно, что они казались столь же черными, как ночь Анграманью, и ненависть особенным образом раскрыла твои губы и показала мне два ряда зубов, превосходящих своею белизною снега Демавенда!

Видимо польщенная, Федима принудила себя бросить еще один подобный взгляд и воскликнула:

- Отправимся скорее на пир, так как я говорю тебе, Богес, что мои глаза еще сильнее потемнеют, а мои зубы сверкнут еще ослепительнее прежнего, когда я увижу египтянку на том месте, которое должно принадлежать мне!

- Недолго она останется на этом месте!

- Итак, твой план удастся? О, говори, Богес, не скрывай от меня своих дальнейших намерений! Я буду нема, как мертвая, и помогу тебе...

- Я не могу и не должен ничего разглашать, но скажу, для услаждения горечи предстоящего тебе вечера, что все идет отлично, что уже вырыта пропасть, в которую мы хотим низвергнуть ненавистную нам женщину, и что я надеюсь скоро восстановить мою золотую Федиму на ее прежнем месте или даже вознести выше, если она будет слепо повиноваться мне.

- Скажи, что мне делать? Я готова на все.

- Прекрасно сказано, моя храбрая львица! Слушай меня, и тогда все удастся... Если я потребую от тебя чего-нибудь трудного, тем значительнее будет твоя награда. Не противоречь мне, так как нам нельзя терять ни минуты! Сейчас же сними с себя излишнее убранство и надень только ту цепь, которую царь подарил тебе на свадьбу. Вместо этих светлых одежд ты должна надеть темные и совершенно простые. После коленопреклонения перед Кассанданой, матерью царя, ты смиренно поклонись египтянке.

- Ни за что!

- Без противоречий! Скорее, скорее, сбрасывай с себя все наряды, прошу тебя! Вот так хорошо! Мы можем быть уверены в успехе только в том случае, если ты послушаешься. Шея самой белейшей из пери [\[72\]](#) черна в сравнении с твоей!

- Но...

- Когда настанет твоя очередь просить чего-нибудь у царя, то ты скажешь, что твое сердце перестало желать с тех пор, как твое солнце отвратило от тебя свои лучи.

- Хорошо.

- Когда твой отец спросит тебя - как ты поживаешь, тебе следует заплакать.

- Я буду плакать.

- Ты заплачешь так, чтобы все Ахемениды увидели тебя плачущей.

- Какое унижение!

- Это не унижение, а самое верное средство возвыситься! Поскорее сотри со своих щек яркий румянец и набели их как можно белее.

- Я буду иметь нужду в белой краске, чтобы скрыть румянец, который загорится на моих щеках. Ты требуешь от меня ужасных вещей, Богес, но я слушаюсь тебя, если ты сообщишь мне свой план...

- Служанка! Принеси поскорее новые темно-зеленые одежды твоей госпожи!

- Я буду походить на рабыню.

- Настоящая прелесть бывает привлекательна даже в лохмотьях.

- Как затмит меня египтянка!

- Все должны видеть, что ты далека от мысли соперничать с нею. Все станут задавать себе вопрос: 'Не была ли бы Федима так же прекрасна, если бы нарядилась подобно этой высокомерной женщине?'

- Но я не могу склониться перед ней!

- Ты должна это сделать!

- Ты хочешь погубить и унижить меня!

- Близорукая и глупая женщина! Выслушай мои доводы и повинуйся! Мы должны рассчитывать на то, чтобы восстановить Ахеменидов против нашей неприятельницы. Как будет разгневан твой дед Интафернес, в какое бешенство придет твой отец Отанес, когда они увидят тебя во прахе перед иноземкой! Оскорбленная гордость сделает их нашими союзниками; и если они, по их словам, слишком 'благородны' для того, чтобы самим предпринять что-нибудь против женщины, то все-таки в том случае, если я буду иметь в них нужду, они скорее станут помогать, нежели противодействовать мне. Когда египтянка будет погублена, то, если ты слушаешься меня, царь вспомнит о твоих бледных щеках, о твоём смирении, о твоём бескорыстии. Ахемениды и даже маги станут просить его, чтобы он сделал царицей знатную женщину из своего рода; а какая женщина из Персии может похвалиться более высоким происхождением, чем ты, и кому другому может достаться пурпур, как не тебе, моей пестрой райской птичке, моей прекрасной розе Федиме? Не следует опасаться падения с лошади, когда желаешь выучиться верховой езде, как не следует и отступать перед унижением, если дело идет о том, чтобы одержать полную победу!

- Я буду слушаться тебя! - воскликнула дочь Ахеменидов.

- Ну, так мы победим! - отвечал евнух. - Теперь твои глаза снова светятся настоящей темной чернотой! Такой я люблю тебя, моя царица, такой должен

увидеть тебя Камбис, когда собаки и птицы станут насыщаться нежным мясом египтянки, и я в первый раз после многих месяцев, среди ночной тишины, отопру ему твои комнаты. Эй, Арморгес, прикажи женщинам, чтобы они были готовы и садились в носилки; я отправлюсь вперед, чтобы указать им их места.

Большая зала пиршества была ослепительно освещена тысячами светильников, пламя которых отражалось на золотых полосах, покрывавших стены. Неизмеримо длинный стол стоял посреди залы, представляя сказочно-великолепное зрелище, поражая богатством покрывавшей его посуды - кубков, тарелок, мисок, чаш, ваз для фруктов и курильниц.

- Царь скоро явится! - воскликнул старший стольник, знатный придворный, обращаясь к виночерпию царя, благородному родственнику Камбиса. - Наполнены ли все бокалы и опорожнены ли меха, присланные Поликратом?

- Все готово! - отвечал виночерпий. - Вон то хиосское вино превосходит качеством все, что я пивал до сих пор, и даже затмило сирийский виноградный сок. Попробуй-ка!

С этими словами он одной рукой взял изящный золотой маленький кубок, а другой - ковшик из того же металла, высоко поднял ковшик и стал наливать благородный напиток длинной струей в небольшое отверстие кубка, и так ловко, что ни одна капля не пролилась. Затем он взял сосуд кончиками пальцев и с изящным поклоном передал его стольнику.

Этот последний, медленно и причмокивая языком, вкусил драгоценную влагу и воскликнул, передавая сосуд виночерпию:

- Право, этот благородный напиток оказывается вдвое вкуснее, когда его так мило подают пьющему, как умеешь это делать только ты. Иностранцы правы, удивляясь персидским виночерпиям как искуснейшим в мире.

- Благодарю тебя, - сказал виночерпий, целуя своего друга в лоб, - я горжусь своей должностью, которую великий царь предоставляет только своим друзьям. Но мне, однако, она кажется невыносимо тягостной среди этого раскаленного Вавилона; когда же мы, наконец, отправимся в летние резиденции, в Экбатану или Пасаргадэ?

- Я сегодня говорил об этом с царем. По случаю войны с массагетами он было не хотел никуда переезжать, а прямо из Вавилона отправиться в поход; но если, что весьма вероятно после прибытия сегодняшнего посольства, война не состоится, тогда мы через четыре дня после свадьбы царя, то есть через неделю, отправимся в Сузы.

- В Сузы? - удивился виночерпий. - Но там не многим прохладнее, да и кроме того, ведь старый дворец Мамнона перестраивается.

- Сатрап Суз известил царя, что новый дворец уже готов и превосходит блеском и великолепием все прежние. Едва услышав это, Камбис воскликнул: 'В таком случае мы через три дня после свадебного пира отправимся туда! Я хочу показать египетской царице, что мы, персы, столь же сведущи в архитектуре, как и ее предки. Она, как жительница берегов Нила, привыкла к знойным дням и будет чувствовать себя хорошо в прекрасных Сузах'.

- Кажется, царь сильно привязался к этой красавице.

- Да. Он из-за нее отшатнулся от всех остальных жен и скоро возведет ее в сан царицы.

- Это было бы несправедливо. Федима, как происходящая из рода Ахеменидов, имеет более давние и законные права.

- Это несомненно, но чего желает царь, то и должно быть хорошо.

- Вот это умно сказано. Каждый из нас, истинных персов, должен радоваться, лобызая руку своего владыки, даже если бы она была осквернена кровью наших собственных детей.

- Камбис приказал казнить моего брата, но я не имею против него никакой неприязни, как против божества, лишившего меня моих родителей. Эй, вы, слуги, отдерните занавеси: гости приближаются. Да поворачивайтесь, собаки, и глядите в оба! Будь здоров, Артабазос; нам предстоит жаркая ночь!

XVII

Старший стольник пошел навстречу входившим гостям и, при помощи нескольких благородных жезлоносцев, указал им их места.

Когда все уселись, трубные звуки возвестили приближение царя. Как только он вошел, гости поднялись со своих мест и приветствовали своего владыку громовым, непрестанно возобновлявшимся кликом: 'Победа царю!'

Сардесский пурпурный ковер, на который могли ступить только он и Кассандана, был послан по направлению к царскому месту. Ведомая Крезом слепая царица предшествовала сыну и заняла во главе стола трон, который был выше стоявшего рядом золотого кресла Камбиса. Налево от царя разместились законные его жены; Нитетис сидела рядом с ним, около нее Атосса, рядом с Атоссой - просто одетая и бледно набеленная Федима, а около последней жены царя - евнух Богес; рядом с ним восседал верховный жрец Оропаст, далее - несколько высокопоставленных магов, сатрапы нескольких провинций, между

которыми находился также и еврей Вельтсазар, и множество персов, мидян и евнухов, занимавших высшие должности в государстве.

По правую сторону царя сидел Бартя. За ним следовали: Крез, Гистасп, Гобриас, Арасп и другие Ахемениды, по чинам и по возрасту. Наложницы или сидели у нижней части стола, или стояли против царя, чтобы игрою и пением поднимать радостное настроение пирующих. Позади них стояло множество евнухов, которые должны были наблюдать, чтобы они не обращали своих взоров на мужчин.

Первый взгляд Камбиса обратился к Нитетис, которая сидела около него во всем величии царицы, бледная, но невыразимо прекрасная в своем новом пурпурном одеянии.

Глаза жениха и невесты встретились.

Камбис почувствовал, что в глазах его невесты сверкнула пламенная любовь. Однако же чуткий инстинкт нежной страсти подсказал ему, что с дорогим ему существом произошло нечто необыкновенное. Выражение ее губ было запечатлено какой-то грустной серьезностью; а ее всегда спокойный, ясный взгляд был подернут туманной завесой, заметною только ему одному. 'Я после спрошу ее, что с ней случилось, - думал царь, - мои подданные не должны замечать, как дорога мне эта девушка'.

Затем он поцеловал в лоб свою мать, своих братьев, сестер и ближайших родственников; произнес краткую молитву, в которой благодарил богов за их благоволение и просил ниспослать счастливый год для него самого и для всех персов; объявил громадную сумму, которую он в этот день дарил своим подданным, и приказал жезлоносцам призвать тех, кто ожидал, что это радостное празднество ознаменуется для них исполнением какого-нибудь скромного желания.

Ни один из просителей не ушел неудовлетворенным; впрочем, каждый из них еще за день перед тем заявил о своей нужде старшему жезлоносцу и осведомился насчет того, будет ли он допущен перед царские очи. Равным образом и просьбы женщин рассматривались евнухами, прежде чем высказывались перед царем.

После мужчин Богес подвел к царю толпу женщин (только Кассандана осталась сидящей на своем месте).

Атосса открывала длинное шествие вместе с Нитетис. Федима и еще одна красавица следовали за двумя царевнами. Спутница Федимы была разряжена самым блистательным образом и нарочно поставлена рядом с отвергнутой

фавориткой, чтобы еще резче оттенить контраст той почти граничащей со скудностью простоты, которой отличалась одежда Федимы.

Интафернес и Отанес смотрели, как предсказывал Богес, мрачным взором на свою внучку и дочь, столь бледную и бедно одетую, среди этой разряженной толпы.

Камбис, знавший по опыту прежних лет безумную расточительность Федимы, увидев ее лицом к лицу, взглянул с неудовольствием и удивлением на простой наряд и на бледные черты дочери Ахеменидов. Его чело омрачилось, и он сердито спросил упавшую к его ногам женщину:

- Что означает этот нищенский наряд в такой торжественный день на моем пиршестве? Разве ты не знаешь обычая нашего народа - являться перед своим господином не иначе, как в полном наряде? Право, если бы сегодня был не такой особенный день и если бы я не уважал тебя в качестве дочери наших дорогих родственников, то я приказал бы евнухам отвести тебя назад в гарем и заставить тебя в уединении припомнить то, что требует приличие!

Эти слова облегчили роль, которую должна была взять на себя униженная женщина. Горько плача и громко рыдая, она взглянула на разгневанного царя и простерла к нему руки с таким умоляющим видом, что его гнев превратился в сострадание, и он, поднимая коленопреклоненную просительницу, спросил ее:

- У тебя есть какая-нибудь просьба?

- Что могу я желать с тех пор, как мое солнце отвратило от меня свои лучи? - прозвучал ответ, заглушённый тихими рыданиями.

Камбис пожал плечами и спросил еще раз:

- Разве ты ничего не желаешь? В прежние времена я мог осушать твои слезы с помощью подарков; поэтому требуй и теперь утешения драгоценного металла.

- Федима не желает больше ничего! Да и для кого нужны ей украшения с тех пор, как ее царь и супруг отвращает от нее свет своих очей.

- В таком случае я не могу помочь тебе! - воскликнул Камбис, с негодованием отворачиваясь от коленопреклоненной Федимы.

Совет Богеса, чтобы она набелилась, был хорош, так как под белилами ее щеки пылали от гнева и стыда. Несмотря на это, она поборола кипевшие в ней страсти и, следуя приказанию евнуха, столь же почтительно и низко поклонилась Нитетис, как и матери царя, между тем как ее слезы неудержимо текли на виду у всех Ахеменидов.

Отанес и Интафернес с трудом сдерживали гнев, возбужденный в них тем унижением, которому подверглась их дочь и внучка, и глаза многих Ахеменидов с величайшим участием были устремлены на несчастную Федиму и с подавленным неудовольствием - на прекрасную иноземку, которой было оказано предпочтение.

Все церемонии были окончены, и начался пир. Перед царем лежало в золотой корзинке окруженное другими плодами гранатовое яблоко исполинских размеров, величиною с детскую голову.

Он только теперь заметил его, стал внимательно разглядывать плод глазами знатока и спросил:

- Кто вырастил это удивительное яблоко?

- Твой раб Оропаст, - отвечал с низким поклоном старший из магов, - уже много лет я занимаюсь садоводством и осмелился повергнуть к твоим стопам этот плод, как результат моих трудов и стараний.

- Благодарю тебя, - сказал царь, - потому что, друзья мои, это гранатовое яблоко облегчит мне выбор наместника в случае отправления в поход. Клянусь Митрой, тот, кто умеет столь старательно ухаживать за небольшим деревом, будет хорошо справляться и с более значительными делами. Что за плод! Кто видел что-нибудь подобное? Еще раз благодарю тебя, Оропаст, а так как царская благодарность не может ограничиваться одними словами, то я уже теперь назначаю тебя, на случай войны, моим наместником всего государства. Да, друзья мои, недолго уже придется нам наслаждаться ленивым спокойствием. Перс лишается своей веселости, будучи удален от воинских тревог!

Шепот одобрения послышался в рядах Ахеменидов. 'Победа царю!' - снова послышалось отовсюду. Неудовольствие по поводу унижения, нанесенного женщине, было тотчас же забыто; мысли о битвах, мечты о бессмертной воинской славе и победных венках, воспоминания о великих деяниях минувшего времени заставили пирующих воспрянуть духом и подняли их праздничное настроение.

Сам царь, соблюдавший в этот день большую умеренность, чем обыкновенно, приглашал своих гостей пить поусерднее и радовался шумной веселости и кипучему воинственному настроению своих героев; но более всего возбуждала его восторг чарующая красота египтянки, которая сидела подле него, бледная более обыкновенного и совершенно измученная утренними хлопотами и непривычной для нее тяжестью высокого тюрбана. Никогда еще не чувствовал он себя столь счастливым, как в этот день!

Да и чего недоставало ему? Что еще мог желать он, которому божество даровало, в виде добавления ко всем сокровищам, составляющим предмет человеческих желаний, еще и счастье любви? Казалось, что его упрямство превращается в кроткое доброжелательство, его строгая суровость - в ласковую уступчивость, когда он обратился к сидевшему вблизи него Бартии.

- А что, брат, ты, кажется, забыл мое обещание? Разве ты не знаешь, что сегодня можешь наверное рассчитывать на исполнение любого желания, которое наполняет твое сердце? Вот так, опорожни свой сосуд и соберись с духом! Но не проси чего-нибудь незначительного! Я сегодня расположен делать щедрые подарки! А! Ты хочешь высказать мне свое желание по секрету? Так подойди поближе! Я сильно интересуюсь, чего так пламенно желает самый счастливый юноша в моем государстве, краснеющий, точно девушка, как только заговорят о его желании.

Бартия, чьи щеки действительно пылали от волнения, с улыбкой склонился к своему брату и стал шептать ему на ухо, рассказывая в кратких словах историю своей любви.

Отец Сапфо принимал участие в защите своего родного города Фокеи против войск Кира. Это обстоятельство юноша намеренно поставил на вид, назвал свою возлюбленную дочерью эллинского воина из благородного рода и умолчал о том, что он, посредством торговых предприятий, приобрел большие богатства. Он изобразил своему брату всю привлекательность, высокое образование и любовь своей невесты и только что собирался обратиться к поддержке Креза, как Камбис прервал его и, целуя брата в лоб, воскликнул:

- Не расточай так много слов, брат мой, и следуй влечению своего сердца. Я знаю могущество любви и помогу тебе добиться согласия нашей матери.

Бартия, в припадке благодарности и ошеломленный неожиданным счастьем, бросился к ногам своего царственного брата; последний ласково поднял его и воскликнул, обращаясь почти исключительно к Нитетис и Кассандане:

- Обратите внимание, мои милые! Новые ростки готовятся появиться на родословном дереве Кира, так как наш Бартия решил покончить со своей холостой жизнью, неугодной богам. Через несколько дней влюбленный юноша отправится на твою родину, Нитетис, и привезет с берегов Нила второй драгоценный камень в нашу гористую страну!

- Что с тобою, сестра? - воскликнула Атосса, прежде нежели Камбис договорил эти слова, смачивая вином лоб египтянки, которая без чувств лежала в ее объятьях.

- Что такое было с тобою? - спросила слепая Кассандана, когда невеста царя пришла в чувство через несколько минут.

- Радость, счастье, Тахот, - чуть слышно проговорила Нитетис.

Камбис, так же как и его сестра, бросился на помощь потерявшей сознание девушке. Когда она окончательно пришла в себя, он просил ее подкрепить свои силы глотком вина, сам подал ей кубок и, поясняя свои прежние слова, продолжал:

- Бартия отправится на твою родину и из Наукратиса на берегу Нила возьмет себе в жены внучку некоей Родопис, дочь благородного воина-героя, уроженца героического города Фокеи.

- Что это было такое? - воскликнула слепая царица.

- Что с тобою? - спросила резвая Атосса встревоженным и почти укоризненным тоном.

- Нитетис! - воскликнул Крез, особенно выразительно обращаясь к своей любимице.

Но это предупреждение опоздало, так как сосуд, поданный Камбисом его возлюбленной, выпал у нее из рук и со звоном покатился на пол.

Взоры всех присутствующих с испуганным напряжением были обращены на лицо царя, который, побледнев, как мертвец, с дрожащими губами и судорожно сжатыми кулаками снова вскочил со своего места.

Нитетис обратила на своего возлюбленного взгляд, полный мольбы о снисхождении; но он, опасаясь влияния этого чарующего взгляда, отвернулся от нее и воскликнул хриплым голосом:

- Отведи женщин в их комнаты, Богес! Я не хочу более их видеть... Пусть начинается попойка... Желаю тебе покойной ночи, мать моя, и советую тебе не пригревать у себя на сердце ядовитых змей. А ты, египтянка, попроси богов, чтобы они наделили тебя большим искусством лицемерия. Друзья, завтра мы отправимся на охоту! Дай мне пить, виночерпий! Наполни большой кубок! Но хорошенько попробуй сам это вино, так как сегодня я боюсь отравы, а ведь все яды и лекарства - ха, ха, ха! - привозятся из Египта, и это знает каждый ребенок.

Нитетис вышла из залы, шатаясь и едва держась на ногах. Богес провожал ее и приказал носильщикам поторопиться.

Когда достигли висячих садов, он сдал египтянку евнухам, обязанным сторожить ее дом, и, откланиваясь ей, сказал далеко не столь почтительно, как

обыкновенно, но гораздо любезнее и добродушнее, с хихиканьем потирая руки:

- Желаю тебе, моя нильская кошечка, увидеть во сне прекрасного Бартию и его египетскую возлюбленную. Не желаешь ли ты что-нибудь передать прекрасному мальчику, чья влюбчивость так сильно напугала тебя? Подумай хорошенько; бедный Богес охотно сделается твоим посредником, он желает тебе добра; смиренный Богес будет огорчен, увидав падение гордой пальмы Саиса; ясновидящий Богес предсказывает тебе скорое возвращение в Египет или мирное успокоение в черноземной почве Вавилона; добрый Богес желает тебе спокойно заснуть! Будь здорова, моя сломленная роза, моя пестрая змейка, сама себя поранившая, мое упавшее с дерева яблоко!

- Бессовестный! - воскликнула негодующая царская дочь.

- Благодарю тебя, - отвечало смеющееся чудовище.

- Я пожалуйюсь на твое поведение, - пригрозила Нитетис.

- Как ты любезна! - возразил Богес.

- Долой с глаз моих! - воскликнула египтянка.

- Я повинюсь твоему очаровательному повелению, - прошептал евнух, точно сообщая ей на ухо какую-нибудь любовную тайну.

Она отшатнулась в страхе и отвращении перед этой насмешкой, весь ужас которой она осознала, и пошла прочь от Богеса, по направлению к дому; он же закричал ей вслед:

- Помни обо мне, прекрасная царица, помни! Все, что случится с тобой в последующие дни, будет дружеским даром со стороны бедного, презираемого Богеса!

Как только египтянка исчезла, евнух изменил тон и строго, начальническим голосом приказал стражам усердно охранять висячие сады.

- Тот из вас, кто позволит пройти сюда кому-нибудь другому, кроме меня, будет казнен смертью! Не пускать никого, - слышите - никого! А главное - никакие посланцы от матери царя, от Атоссы или от других знатных лиц не должны ступить ногой на эту лестницу. Если Крез или Оропаст пожелают говорить с египтянкою, то вы должны прямо не пускать их. Поняли? Теперь я опять повторяю, что ваша смерть будет неизбежна, если просьбы или подарки заставят вас послушаться меня. Никто, решительно никто не должен появляться в этих садах без моего личного положительного приказания. Надеюсь, что вы знаете меня! Возьмите эти золотые статеры в награду за усложненную и более

трудную службу и заметьте, что я клянусь именем Митры не пощадить нерадивого или ослушника!

Стражи поклонились с твердой решимостью послушаться своего начальника. Они знали, что он не любит шутить, произнося серьезные угрозы, и предчувствовали, что готовятся нешуточные происшествия, так как скупой Богес никогда не раздавал своих статеров понапрасну.

В тех самых носилках, в которых была принесена Нитетис, Богес отправился обратно в залу пиршества.

Царские жены удалились; только наложницы еще стояли на назначенном для них месте и продолжали петь свои однообразные песни, на которые не обращали никакого внимания сидевшие мужчины.

Раскутившиеся гости давно забыли о женщине, лишившейся чувств. Каждая новая кружка вина увеличивала шум и гам среди выпивших. Все, казалось, забыли о величии того места, где они находятся, и о присутствии всемогущего властелина.

Тут один пьяный вдруг радостно взвизгивал, там обнимались два воина, нежность которых была вызвана вином, а здесь сильно опьяневшего новичка выносили из залы несколько здоровенных слуг; дальше старый питух схватывал целый кувшин вместо кубка и опоражнивал его сразу, среди восторженных криков своих соседей.

Во главе стола сидел царь, бледный как смерть, безучастно уставившись глазами в чашу. Как только он увидел своего брата, кулаки его судорожно сжались.

Он избегал разговора с ним и оставлял его вопросы без ответа. Чем дольше он сидел так, с неподвижно уставленными в одну точку глазами, тем сильнее укоренялось в нем убеждение, что египтянка обманула его и лицемерно выказывала любовь, между тем как ее сердце принадлежало Бартии! Какую недостойную комедию играли с ним, какие глубокие корни пустила любовь в сердце этой ловкой лицемерки, если одного известия о том, что его брат любит другую, было достаточно, чтобы, не только лишить ее обычного самообладания, но и довести даже до потери сознания.

Когда Нитетис вышла из залы, Отанес, отец Федимы, воскликнул:

- Египтянки, по-видимому, принимают весьма живое участие в сердечных делах своих деверей; персиянки не столь расточительны в отношении своих чувств и берегут их для своих мужей.

Гордый Камбис притворился, будто не слышал этих слов, и старался не видеть и не слышать ничего вокруг, чтобы не замечать шепота и взглядов своих гостей, которые служили ему подтверждением, что он действительно обманут.

Бартия не мог разделять вины Нитетис; только она одна любила прекрасного юношу и любила, может быть, тем пламеннее, чем менее могла рассчитывать на взаимную страсть. Если бы в Камбисе зародилось малейшее подозрение относительно брата, то он убил бы его тут же на месте. Бартия не был виновником его разочарования и несчастья; но он был причиной его, и поэтому старая вражда, чуть-чуть замолкшая на дне его души, возродилась с новой силой, подобно тому как в болезни каждый возврат опаснее начала самой болезни.

Он думал, думал - и не знал, какое наказание придумать для лицемерной женщины. Его месть не была бы удовлетворена ее смертью; он хотел изобрести что-нибудь похуже!

Не отправить ли ее обратно в Египет со срамом и позором? О, нет! Ведь она любит свое отечество, и родители приняли бы ее там с распростертыми объятиями. Или не лучше ли будет, после того как она сознается в своей вине (а он твердо решил добиться от нее признания), запереть вероломную в уединенную тюрьму или передать ее в руки Богеса в качестве служанки для его наложниц?

Вот это так! Этим способом он накажет вероломную лицемерку, которая осмелилась издеваться над ним, но лицемерия которой он все-таки не мог лишиться себя.

Затем он сказал себе: 'Бартия должен уехать отсюда, так как скорее могут соединиться между собой огонь и вода, чем этот баловень счастья и такое достойное сожаления существо, как я. Его потомки станут со временем делить между собой мои сокровища и носить мою корону; но покамест я еще царь и докажу, что царь не только по названию!'

Подобно молнии, сверкнула в его уме мысль о его гордом всемогущем величии. Исторгнутый из своих мечтаний к новой жизни, он, в припадке дикой страсти, швырнул свой золотой кубок на середину залы, так что вино брызнуло на его соседей, точно дождевой ливень, и воскликнул:

- Перестаньте болтать вздор и напрасно шуметь! Будем теперь, пьяные, держать военное совещание и обдумаем ответ, который мы должны дать массагетам. Тебя, Гистасп, в качестве старшего среди нас, я спрашиваю о твоем мнении.

Старый отец Дария отвечал:

- Мне кажется, что послы этого кочующего племени не оставили нам выбора. Нет смысла идти войной против пустынных степей; но так как наши войска уже готовы к походу и наши мечи слишком долго находились в бездействии, то война для нас необходима. Чтобы иметь возможность вести войну, нам недостает только врагов, а приобрести себе врагов, по-моему, самое легкое дело!

При этих словах персы разразились громкими кликами восторга; когда же шум утих, то Крез заговорил:

- Ты, Гистасп, такой же старик, как и я; но, как истый перс, ты умеешь находить счастье только в боях и битвах. Жезл, бывший когда-то знаком твоего звания главнокомандующего, теперь служит тебе опорой; а все-таки ты говоришь, точно юноша с кипучей кровью. Я допускаю, что врагов найти легко, но только глупцы будут стараться нарочно приобретать их. Тот, кто ради каприза создает себе врагов, похож на безумца, который наносит себе увечья. Когда у нас есть враги, тогда следует с ними сражаться, подобно тому как мудрецу приличествует мужественно встречать несчастье. Не станем грешить, друзья, и начинать неправую, ненавистную богам войну, а будем выжидать, пока с нами не поступят несправедливо, и тогда, с сознанием своей правоты, двинемся в бой, чтобы победить или умереть.

Негромкий шепот одобрения, перекрытый восклицанием: 'Гистасп прав! Будем искать врага!', прервал речь старика.

Посланник Прекасп, за которым была очередь говорить, воскликнул смеясь:

- Послушаемся обоих благородных старцев: Креза - в том, что станем ожидать, пока нам не нанесут оскорбления, а Гистаспа - усилив свою чувствительность и положив за правило, что каждый, кто не пожелает с радостью называть себя членом великого государства, основанного нашим отцом Киром, должен считаться в числе врагов персидского народа. Например, нам следует спросить жителей Индии: будут ли они гордиться, подчинившись твоему скипетру, Камбис? Если они ответят отрицательно, то это будет означать, что они не любят нас, а кто не любит нас, тот наш враг.

- Все это не то! - воскликнул Зопир. - Мы должны начать войну во что бы то ни стало!

- Я держу сторону Креза! - воскликнул Гобриас.

- И я также! - проговорил благородный Атрабаз.

- Мы - за Гистаспа, - закричали герой Арасп, престарелый Интафернес и другие старые товарищи Кира по оружию.

- Не нужно войны против массагетов, бегущих от нас, но должна быть война во что бы то ни стало! - заревел полководец Мегабиз, ударив по столу своим тяжелым кулаком так, что золотая посуда зазвенела и несколько кубков опрокинулось.

- Не нужно войны против массагетов, которым сами боги отомстили за смерть Кира, - сказал верховный жрец Оропаст.

- Война, война! - ревели в диком беспорядке подвыпившие персы. С полным спокойствием и совершенно холодно прислушивался Камбис некоторое время к необузданному бешенству своих воинов, затем он встал со своего места и произнес громовым голосом:

- Замолчите и выслушайте вашего царя!

Эти слова подействовали магически на опьяневшую толпу. Даже наиболее пьяные послушались бессознательно приказания своего повелителя, который, возвысив голос, продолжал:

- Я не спрашиваю вас, желаете ли вы войны или мира, так как знаю, что всякий перс предпочитает воинские труды бесславному бездействию, - я хотел знать, что ответили бы вы на моем месте массагетам? Считаете ли вы, что душа моего отца, которому вы обязаны вашим величием, уже отомщена?

Глухой шепот одобрения, прерванный несколькими отрицательными возгласами, был ответом царю, на второй вопрос которого: 'следует ли принять условия, предлагаемые явившимся в этот день посольством, и даровать мир народу, подвергшемуся каре богов?' - все присутствовавшие ответили вполне утвердительно.

- Вот это именно мне и хотелось знать, - продолжал Камбис. - Завтра мы, по старому обычаю, протрезвев, обсудим то, что было решено во время опьянения. Продолжайте пировать остаток ночи; я оставляю вас, но буду ждать при первом пении священной птицы Пародара у ворот Ваала, чтобы отправиться с вами на охоту.

С этими словами царь вышел из залы. Громовое 'Победа царю!' понеслось ему вслед.

Евнух Богес незаметно выскользнул из залы раньше своего повелителя. На дворе он увидел маленького слугу садовника из висячих садов.

- Что тебе нужно? - спросил он его.

- Я должен кое-что передать царевичу Бартии.

- Бартии? Разве он просил у твоего господина семян или рассады? - Мальчик покачал загорелой головкой и плутовски улыбнулся.

- Итак, тебя послал кто-нибудь другой?

- Другая.

- А! Египтянка захотела передать через тебя что-нибудь своему деверю?

- А кто открыл это тебе?

- Нитетис говорила мне об этом. Давай мне, что у тебя есть; я сейчас передам это Бартии.

- Я не имею права отдавать это никому, кроме него самого.

- Давай сюда, я гораздо быстрее и лучше тебя исполню это поручение.

- Мне не приказано...

- Слушайся меня, или...

В эту минуту царь приблизился к спорившим. Богес на минуту задумался, а потом громким голосом крикнул стоявшим на часах у ворот биченосцам, приказывая им арестовать удивленного мальчика.

- Что тут такое? - спросил Камбис.

- Этот дерзкий, - отвечал евнух, - пробрался во дворец, чтобы передать Бартии поручение от твоей супруги, Нитетис.

При виде царя мальчик бросился на колени, касаясь земли лбом.

Камбис помертвел, глядя на несчастного посланца. Затем он обратился к евнуху и спросил:

- Чего желает египтянка от моего брата?

- Мальчик утверждает, что ему приказано отдать только самому Бартии то, что он принес.

При этих словах мальчик, глядя на царя умоляющим взором, подал ему маленький сверток папируса.

Камбис выхватил у него листок и в бешенстве топнул ногой, когда увидел греческий шрифт, который не мог прочитать.

Оправившись, он устремил на ребенка ужасный взгляд и спросил его:

- Кто передал это тебе?

- Служанка египетской госпожи, дочь мага, Мандана.

- И это назначалось моему брату Бартии?

- Она сказала, чтобы я передал этот листок прекрасному царевичу перед началом пиршества, вместе с поклоном от ее госпожи Нитетис, и сообщил ему...

От ярости и нетерпения царь топнул ногой, и мальчик так сильно испугался, что голос изменил ему и он с трудом мог продолжать:

- Царевич шел на пир рядом с тобой; тогда я не мог заговорить с ним. Теперь я ожидаю его здесь, так как Мандана обещала дать мне золотую монету, если я искусно исполню это поручение.

- Этого ты не сделал, - произнес громовым голосом Камбис, считавший себя жертвой низкого обмана. - Ты не сумел сделать этого! Эй, вы, телохранители, возьмите мальчишку!

Мальчик с видом мольбы глядел на царя и хотел что-то проговорить, но напрасно: с необычайной быстротой его схватили стражи, и царь, крупными шагами спешивший в свои комнаты, не слышал уже его отчаянного вопля о милосердии и помиловании.

Следуя по пятам за царем, Богес потирал свои мясистые руки и тихо посмеивался про себя.

Когда раздеватели хотели приняться за свое дело, то царь с неудовольствием велел им немедленно удалиться.

Как только они вышли из комнаты, он позвал Богеса и сказал ему шепотом:

- Отныне я поручаю тебе присмотр за висячими садами и египтянкой. Смотри же, хорошенько стереги ее! Если какое-нибудь человеческое существо проберется к ней, или она получит какое-либо послание без моего ведома, то ты рискуешь жизнью!

- Ну, а если к ней придет кого-нибудь Кассандана или Атосса?

- Не допускай посланных и вели передать им, что я сочту личным для себя оскорблением всякую попытку с их стороны снестись как-либо с Нитетис.

- Осмелюсь ли я просить тебя об одной милости?

- Время плохо выбрано для этого!

- Я чувствую себя сильно нездоровым. Только на завтрашний день соблаговоли передать кому-нибудь другому надзор за висячими садами!

- Нет! Оставь меня!

- Сильная горячка бушует в моей крови. Сегодня я три раза терял сознание. Если во время подобной слабости кто-нибудь...

- Кто в состоянии заменить тебя?

- Лидийский начальник евнухов, Кандавл. Он верен как золото и непреклонно строг. Один день отдыха восстановит мое здоровье. Будь милостив!

- Никому не служат так дурно, как мне, - царю. Пусть Кандавл заменит тебя на завтрашний день; но отдай ему строгий приказ и скажи, что за одну какую-нибудь неосмотрительность он поплатится жизнью! Оставь меня!

- Позволь сказать еще одно, властитель! Ты знаешь, что завтрашнюю ночь будет цвести в висячих садах редкая голубая лилия. Гистасп, Интафернес, Гобриас, Крез и Оропаст, лучшие садоводы при твоём дворце, желают взглянуть на нее. Можно ли им будет на несколько минут войти в висячие сады? Кандавл будет наблюдать, чтобы они не имели никаких контактов с египтянкой.

- Кандавл пусть глядит в оба, если ему дорога жизнь. Ступай!

Богес отвесил низкий поклон и вышел из комнаты царя. Рабам, шедшим впереди него с факелами, он бросил несколько золотых монет. Он был очень весел! Все его планы удавались ему лучше, чем он ожидал, так как судьба Нитетис была уже почти решена и он держал в своих руках жизнь своего товарища Кандавла, которого он ненавидел.

Камбис до утра ходил взад и вперед по своим комнатам. Когда запели петухи, он твердо решил вынудить у Нитетис признание и затем отправить ее, в качестве служанки наложниц, в большой гарем.

Бартия, разрушитель его счастья, должен был немедленно отправиться в Египет, а затем, в качестве сатрапа, управлять отдаленными областями. Камбис страшился сделаться братоубийцей, но слишком хорошо знал самого себя, чтобы понять, что в минуту бешенства он убьет ненавистное ему существо, если оно не будет удалено на далекое расстояние.

Через два часа по восхождению солнца Камбис на взмыленном коне мчался впереди своей необозримо громадной свиты, вооруженной щитами, мечами, пиками, луками и тенетами, чтобы охотиться на диких зверей, выгнанных более чем тысячею собак из своих убежищ в вавилонском заповеднике, простиравшемся на многие мили.

Охота кончилась. За возвращавшимися домой охотниками следовали целые возы с убитой дичью, в числе которой было несколько исполинских вебрей, убитых собственной рукой Камбиса. Перед воротами дворца охотники разошлись по своим жилищам, чтобы сменить староперсидское платье из гладкой кожи на блестящие мидийские придворные одежды.

Во время охоты царь, с трудом сдерживая свое раздражение, отдал брату все еще дружественное с виду приказание - на следующий же день отправляться за Сапфо и привезти ее в Персию. Вместе с тем на домашнее обзаведение он назначил брату доходы городов Бактры, Рагэ и Синопа, а молодой его жене в виде так называемых 'денег на пояса', подарил подати с ее родной стороны, Фокеи.

Бартия благодарил щедрого брата с непритворной теплотой; но Камбис оставался холодным как лед, сказал ему несколько коротких прощальных фраз, повернулся к нему спиной и погнался за диким ослом.

Возвращаясь с охоты, молодой человек пригласил своих задушевных друзей - Креза, Дария, Зопира и Гигеса на прощальный пир.

Крез хотел позже присоединиться к пирующим, потому что обещал во время восхода звезды Тистар присутствовать, вместе с несколькими знатными любителями цветов, при расцветании голубой лилии в висячих садах.

Рано утром Крез хотел было посетить там Нитетис, но сторожа решительно не пустили его; теперь голубая лилия, по-видимому, представляла Крезу новую возможность увидеть свою любимицу и поговорить с ней; вчерашнее поведение ее старик едва мог себе объяснить, а строгий надзор за ней сильно его встревожил.

Когда наступили сумерки, молодые Ахемениды, дружески разговаривая, сидели в тенистой беседке царского сада, подле которой весело журчали фонтаны. Арасп, знатный перс и друг покойного Кира, присоединился к компании и добродушно попивал превосходное вино царского сына.

- Счастливец ты, Бартия, - воскликнул старый холостяк, - ты отправляешься в золотую страну, за любимой женщиной; а вот я, бедный старый холостяк, всеми порицаемый, приближаюсь к могиле и не оставляю ни жен, ни детей, которые могли бы меня оплакать и испросить у богов милостивый суд моей душе.

- Что за вздорные мысли! - вскричал Зофир, размахивая кубком. - Верь мне, каждый, кто берет себе жену, будет по крайней мере раз в день раскаиваться в том, что не остался холостяком! Будь же весел, старик, и подумай, что ты

жалуешься на свою собственную вину или, быть может, на свою мудрость. Женщин выбирают по наружности, как орехи по виду скорлупы. Кто может знать, хорошее ядро в орехе или испорченное, или нет вовсе никакого! Я говорю по опыту: хотя мне только двадцать два года, но у меня пять красивых жен и целая толпа красивых и некрасивых невольниц.

Арасп горько улыбнулся.

- Кто же тебе мешает еще и теперь жениться? - спросил Гигес. - Правда, тебе шестьдесят лет, но ты не уступишь многим молодым в статности, силе и бодрости. Ты принадлежишь к самым знатным царским родственникам; говорю тебе, Арасп, ты можешь получить еще двадцать красивых, молодых женщин!

- Подметаай сор перед своей дверью! - возразил старый холостяк сыну Кира. - Если бы я был такой, как ты, то, конечно, не остался бы неженатым в тридцатилетнем возрасте.

- Оракул запретил мне жениться.

- Глупости! Станет ли разумный человек слушать оракула! Боги возвещают нам будущее только в сновидениях! Я думаю, что ты в своем родном отце должен бы видеть, как бесстыдно греческие жрецы обманывают своих лучших друзей.

- Этого ты не понимаешь, Арасп.

- Да и не желаю понимать; а ты, мальчик, веришь в оракула именно потому, что не понимаешь его изречений. Вообще вы, по своей ограниченности, называете чудом все, что не понимаете. Что вам кажется чудесным, к тому вы имеете больше доверия, чем к простой, открытой для всех истине. Оракул обманул твоего отца, довел его до гибели; но по оракулу - чудо, вот и ты также с полным доверием даешь ему лишить тебя счастья!

- Ты богохульствуешь, Арасп. Вина ли богов, если мы ложно толкуем их изречения?

- Без сомнения, потому что если бы они хотели принести нам пользу, то наделили бы нас и нужной прозорливостью, чтобы понимать эти изречения. К чему мне хорошие речи, если они передаются на непонятном языке.

- Оставьте бесполезные споры! - воскликнул Дарий. - Объясни нам лучше, Арасп, почему ты так долго позволяешь жрецам порицать себя, отодвигать на задний план во время праздников, почему возбуждаешь против себя неудовольствие женщин, желаешь счастья каждому жениху, а сам остаешься старым холостяком?

Арасп задумчиво смотрел в землю, потом востепенулся, хлебнул большой глоток из кубка и сказал:

- Я имею основание для этого, друзья; но не могу поведать его вам теперь.

- Расскажи, расскажи!

- Не могу, дети, не могу. Этот кубок я осушаю за здоровье твоей красавицы Сапфо, счастливца Бартия, а этот посвящаю твоему будущему счастью, возлюбленный мой Дарий!

- Благодарю! - воскликнул Бартия, весело поднося кубок к губам.

- Ты желаешь мне добра, - пробормотал Дарий, мрачно глядя в землю.

- Эх, сын Гистаспа, - вскричал старик, устремив пристальный взор на серьезного юношу, - такие мрачные черты совсем не идут к жениху, который должен пить за здоровье своей возлюбленной! Разве дочка Гобриаса не самая знатная из всех молодых персиянок после Атоссы? Разве она не красавица?

- Артистона обладает всеми достоинствами, свойственными Ахеменидам, - отвечал Дарий; но складки на его лбу все-таки не разгладились.

- Так чего же ты еще требуешь, недовольный?

Дарий поднял кубок и смотрел на вино.

- Мальчик влюблен; это так же верно, как то, что я называюсь Араспом, - сказал старик.

- Что вы за неразумные люди! - прервал Зопир эти восклицания. - Один, вопреки всем персидским обычаям, остается холостяком; другой не женится потому, что боится оракула; Бартия хочет удовольствоваться одной женой, а Дарий смотрит дестуром, поющим зауспокойные гимны, единственно потому, что отец приказывает ему быть счастливым с самой прекрасной и знатной девушкой во всей Персии!

- Зопир прав, - сказал старик, - Дарий не ценит своего счастья!

Бартия не сводил глаз с порицаемого друга. Он видел, что шуточки товарищей неприятны Дарию, и, сознавая собственное счастье, протянул ему руку со словами:

Жаль мне, что я не буду на твоей свадьбе. Надеюсь по возвращении найти тебя уже примирившимся с отцовским выбором.

- Быть может, - отвечал Дарий, - по возвращении твоим я покажу тебе еще вторую и третью жену.

- Да поможет этому Анахита! - вскричал Зопир. - Ахемениды скоро бы вымерли, если бы все они вздумали поступать подобно Араспу и Гигесу. О твоём намерении, Бартия, остаться при одной жене также не стоит говорить. Ты обязан привезти домой сразу трех жен, хотя бы для того, чтобы поддержать род Кира.

- Я ненавижу наш обычай брать многих жен, - воскликнул Бартия. - Он ставит нас ниже женщин, от них мы требуем верности нам на целую жизнь, тогда как сами, которым верность приличествует гораздо более, клянемся сегодня одной, а завтра другой женщине в неизменной любви!

- Ба! - удивился Зопир. - Я согласился бы лучше лишиться языка, чем солгать мужчине; но наши жены - такие лживые создания, что и им следует платить той же монетой.

- Вот эллинки - другое дело, потому что с ними и поступают иначе, - возразил Бартия. - Саффо рассказывала мне об одной греческой женщине, которая называлась, кажется, Пенелопой. Она провела целых двадцать лет в любви, терпении и верности своему супругу, считавшемуся мертвым, хотя пятьдесят женихов каждый день бывали у нее в доме.

- Мои жены не стали бы ждать меня так долго! - весело рассмеялся Зопир. - Говоря откровенно, я и сам не слишком бы опечалился, если бы, после двадцатилетнего отсутствия, нашел свой дом пустым. Вместо изменниц, которые тем временем должны были бы состариться, я набрал бы тогда в свой гарем молоденьких, красивых девочек. Но не каждая найдет себе похитителя, а нашим женам все-таки приятнее иметь хоть отсутствующего мужа, чем вовсе никакого.

- Ну, если бы твои жены слышали такие слова! - усмехнулся Арасп.

- Они объявили бы мне войну или, что еще хуже, заключили бы между собой мир.

- Как так?

- Не понимаете? Вот и видно, что у вас нет никакого опыта!

- Так посвяти нас в таинства твоей брачной жизни.

- Охотно! Вы можете вообразить себе, что пять жен в одном доме живут не так мирно, как пять голубей в одной клетке; по крайней мере, мои жены ведут непрерывную войну не на жизнь, а на смерть. Я к этому привык и забавляюсь их деятельностью. С год назад они в первый раз как-то помирились, и этот день их мира я должен назвать самым несчастным в моей жизни.

- Шутник!

- Нет, я говорю совершенно серьезно. Проклятый евнух, который должен смотреть за всеми пятью, впустил к ним старого продавца драгоценных камней из Тира. Каждая выбрала себе дорогой убор. Когда я вернулся домой, Судабе подходит ко мне и просит денег на драгоценные вещи. Вышло так дорого, что я отказался дать требуемую цену. Все пятеро в один голос просили у меня денег. Я отказал наотрез каждой и ушел из дому. Когда я вернулся домой, то увидел, что все мои бабы сидят и воют друг подле друга. Одна обнимает другую, называя ее подругой своих страданий и несчастий. Недавние враги напустились на меня с трогательным единодушием и до того доняли бранью и угрозами, что я оставил комнату. Когда пришло время ложиться спать, я нашел пять запертых дверей. На следующее утро вчерашние вопли продолжают. Я опять убегаю и еду с царем на охоту. Возвращаюсь изнуренный, голодный, замерзший (дело было весной, и мы жили уже в Экбатане ^[73], когда снег лежал еще на Оронте ^[74] в локоть толщиной), - огня в очаге нет, обед не приготовлен. Благородная компания, чтобы меня достойно наказать, заключила между собою союз, погасила огонь, запретила поварам исполнять свои обязанности и, что самое худшее, удержала при себе драгоценные украшения! Едва я успел приказать рабам раздуть огонь и приготовить обед, как снова является бесстыдный торговец и требует денег за драгоценности. Я опять отказываюсь заплатить и опять, отдаленный от моих жен, провожу ночь кое-как; на следующее утро, для восстановления мира, жертвую десять талантов. С тех пор я как злых дивов страшусь единодушия моих возлюбленных и не нахожу ничего лучше их маленьких перебранок и ссор.

- Бедный Зопир! - усмехнулся Бартия.

- Бедный? - повторил муж пятерых жен. - Я счастливее вас - вот что я вам скажу! Мои жены молоды и красивы, а когда они состарятся, то кто мне помешает взять к себе в дом еще более красивых, которые, рядом с поблекшими прежними женами, покажутся вдвойне очаровательными? Эй, раб, позаботься о лампах! Солнце село, а вино только тогда и нравится, когда стол озарен ярким светом!

- Послушайте, как прекрасно поет птица бюль-бюль, - вскричал, обращаясь к друзьям, Дарий, который из беседки вышел на воздух.

- Клянусь Митрой, сын Гистаспа, ты влюблен! - прервал Арасп восклицание юноши. - Кто покидает вино, чтобы слушать соловья, тот поражен цветочной стрелой любви; это так же верно, как то, что я называюсь Араспом!

- Ты прав, дедушка! - согласился Бартия. - Сладкозвучные песни филомелы, как называют эллины нашу бюльбюль, так и льются в грудь; она у всех народов

считается птицей влюбленных. О какой красавице мечтаешь ты, Дарий, когда ночью выходишь слушать соловья?

- Ни о какой, - отвечал тот, - вы знаете, что я люблю смотреть на усеянное звездами небо. Звезда Тистар взошла сегодня в таком великолепном сиянии, что я оставил вино, чтобы на свободе посмотреть на нее. Чтобы не слышать громкого пения перекликающихся соловьев, мне пришлось бы заткнуть себе уши.

- А ты не только не заткнул, но еще больше наострил их; это доказывается твоим восторженным восклицанием, - усмехнулся Арасп.

- Довольно! - воскликнул Дарий, которого раздражали эти насмешки.

- Какой ты недаленовидный, - шепнул старик юноше, - теперь-то и выдал себя! Если бы ты не был влюблен, то сам смеялся бы вместо того, чтобы кипятиться! Но не буду тебя раздражать, а спрошу только - что ты вычитал в звездах?

При этих словах Дарий еще раз обратил лицо к небу и устремил пристальный взор на блестящее созвездие, которое показалось на горизонте. Зопир наблюдал за астрологом и сказал друзьям:

- Там, должно быть, произошло что-нибудь важное. Эй, Дарий, расскажи нам, что делается на небе!

- Ничего хорошего, - отвечал тот. - Мне нужно поговорить наедине с тобой, Бартия.

- Зачем же? Арасп человек скромный, а от других у меня нет секретов.

- Однако...

- Да говори же!

- Нет, прошу тебя, следуй за мной в сад.

Бартия подмигнул остальным собеседникам, положил руку на плечо Дария и вышел с ним на яркий лунный свет. Когда они остались одни, сын Гистаспа взял своего друга за обе руки и сказал:

- Сегодня в третий раз на небе совершается нечто, не предвещающее тебе ничего хорошего. Твоя несчастная звезда так близко подошла к твоему благодетельному созвездию, что не много нужно смыслить в астрологии для предсказания тебе серьезной опасности. Будь осторожен, Бартия, и сегодня же отправляйся в Египет: звезды говорят, что на Евфрате, недалеко отсюда, тебе угрожает бедствие.

- Неужели ты так твердо веруешь в пророческую силу звездного неба!

- Конечно! Звезды никогда не лгут!

- В таком случае было бы безумием стараться избежать того, что они предвещают.

- Конечно, человек не может уйти от своей судьбы; но судьба похожа на учителя фехтовального искусства, который больше всего любит тех учеников, которые смелее и искуснее других умеют с ним драться. Поезжай сегодня же в Египет, Бартия.

- Не могу, потому что еще не простился с матерью и с Атоссой.

- Пошли им прощальное приветствие через нарочного и поручи Крезу разъяснить им причину твоего отъезда.

- Они сочтут меня трусом.

- Отступить перед человеком - позор; но уклониться от ударов судьбы - это мудрость.

- Ты сам себе противоречишь, Дарий! Что сказал бы фехтовальный учитель об учениках, которые бежали?

- Он был бы доволен военной хитростью, посредством которой одинокий боец старается ускользнуть от превосходящей его силы!

- Которая его, наконец, все-таки захватит и уничтожит. Каким образом могу я устранить опасность, которую, ты сам говоришь, отворотить нельзя? Если у меня болит зуб, то я тотчас его вырываю, между тем как женщины и трусы целые недели мучаются страхом, стараясь отдалить причиняющую боль операцию на сколько возможно дальнейший срок. Я ожидаю опасности со спокойным духом и желаю встретить ее немедленно, чтобы она тем скорее осталась позади меня.

- Но ты не знаешь ее размеров.

- Разве ты страшишься за мою жизнь?

- Нет.

- Так скажи же мне, чем ты озабочен?

- Египетский жрец в Саисе, с которым я наблюдал звезды, составил вместе со мною твой гороскоп. Это был самый сведуший астролог, какого я только видел. Я ему обязан многими познаниями и не скрою от тебя, что он уже тогда обратил мое внимание на опасности, которые висят над твоей головой.

- И ты от меня скрывал это?

- Зачем было преждевременно пугать тебя? Теперь же, когда роковые обстоятельства приближаются, я тебя предостерегаю.

- Благодарю тебя, я буду осторожен. В прежнее время я не обратил бы внимания на твое предупреждение, но с тех пор, как я полюбил, мне кажется, что я уже не могу так свободно распоряжаться своей жизнью, как прежде.

- Я понимаю это чувство...

- Ты меня понимаешь? Так Арасп не ошибся в своих наблюдениях? Ты не говоришь: нет?

- Бездна надежные мечты!

- Но какая женщина могла бы пренебречь тобою?

- Пренебречь?

- Я тебя не понимаю! Неужели у тебя, самого смелого охотника, непобедимого бойца, умнейшего из всех молодых персов, недостает смелости перед женщиной?

- Могу ли я довериться тебе, Бартия, довериться больше, чем мог бы родному отцу?

- Можешь!

- Я люблю дочь Кира, царскую и твою сестру, Атоссу!

- Правильно ли я тебя понял? Ты любишь Атоссу? Благодарю вас, вы, чистые Амеша спента [\[75\]](#)! С нынешнего дня я не верю более твоим звездам, потому что вместо опасностей, какие будто бы грозят мне, они шлют неожиданное счастье. Обними меня, брат мой, и расскажи историю твоей любви, чтобы я мог тебе помочь - обратить в действительность то, что ты называешь безнадежной мечтой!

- Перед отъездом в Египет мы отправились, как ты знаешь, со всем двором из Экбатаны в Сузы. Я командовал тогда отрядом 'бессмертных', которые должны были охранять экипажи царских жен. В узком проходе, ведущем через Оронт, лошади в колеснице твоей матери и сестры поскользнулись. Ярмо, в которое были впряжены лошади, оторвалось от дышла, и перед моими глазами тяжелая четырехколесная колесница покатила в пропасть без всякой помехи и остановки. С содроганием видели мы, пришпоривая своих лошадей изо всех сил, что повозка исчезла. Прибыв на место несчастья, мы уже думали, что должны быть готовы видеть обломки и трупы; но боги взяли твоих родных под свое всемогущее покровительство, и повозка, быстро катившаяся в пропасть,

зацепилась сломанными колесами за два гигантских кипариса, которые своими цепкими ветвями охватили разбитый экипаж.

Быстрее мысли соскочил я с лошади и, не раздумывая, начал спускаться вниз по одному из кипарисов. Мать и сестра твои звали на помощь и с мольбой протягивали мне руки. Им грозила страшная опасность, потому что деревянные стенки колесницы, вследствие сильного сотрясения сорвавшиеся из пазов, грозили каждую минуту распасться, и узницы неизбежно полетели бы в пропасть, которая уже раскрывала широкий, черный необъятный зев, жилище мрачных дивов, и, казалось, готова была поглотить прекрасные жертвы.

Ухватясь за ствол кипариса, я стоял перед растрескавшейся, повисшей в воздухе колесницей. Тут впервые заметил я умоляющий взгляд твоей сестры. С этого мгновения я полюбил Атоссу; но тогда еще я не сознавал, что происходит в моем сердце, и не мог думать ни о чем, кроме спасения несчастных. С отчаянной поспешностью вынул я дрожащих женщин из колесницы, части которой, спустя минуту, распались и с треском полетели в пропасть. Я человек сильный, но должен был употребить чрезвычайное напряжение, чтобы держаться самому и держать двух женщин над пропастью до тех пор, пока ко мне не сбросили веревку. Атосса уцепилась мне за шею, Кассандана, которую я поддерживал левой рукой, покоилась у меня на груди. Правой рукой я обмотал веревку вокруг своего тела, нас вытащили наверх, и спустя несколько минут я сам и спасенные женщины оказались на безопасной проезжей дороге. Как только один маг перевязал мне раны, которые натерла на моем боку туго натянутая веревка, царь меня позвал к себе, подарил эту цепь и доходы с целой сатрапии и сам повел меня к женщинам, которые в теплых словах выразили мне свою благодарность.

Кассандана позволила мне поцеловать ее в лоб и подарила мне для будущей моей жены весь убор, бывший на ней самой в минуту опасности. Атосса сняла с пальца кольцо, всунула его мне в руку и быстро поцеловала ее, как бы в порыве благодарности. С того дня, самого счастливого в моей жизни, до вчерашнего вечера я не видал твоей сестры. На большом пиру в день рождения царя мы сидели друг против друга. Мои глаза встретились с ее глазами. Я видел только Атоссу и знаю, что она не забыла своего спасителя. Кассандана...

- О, мать моя охотно назовет тебя своим зятем, в этом я ручаюсь! К царю пусть обратится твой отец; он нам дядя и с полным правом может искать для своего сына руки дочери Кира!

- Помнишь ли ты тот сон твоего отца? Камбис из-за этого сна никогда не переставал смотреть на меня с недоверием.

- Это давно забыто! Моему отцу перед смертью снилось, что у тебя выросли крылья, поэтому, смущенный снотолкователями, он страшился, как бы ты, восемнадцатилетний мальчик, не стал добиваться царского венца. Камбиса тревожило это сновидение до тех пор, пока Крез не растолковал ему, - после спасения тобою моих сестры и матери, - что оно уже исполнилось, так как только крылатый орел или Дарий в состоянии с такой силой и ловкостью парить над бездной.

- Однако же и такое толкование не очень понравилось твоему брату. Он хочет сам быть единственным орлом в Персии; впрочем, Крез никогда не льстит его гордости. Но где Крез задерживается сейчас так долго?

- В висячих садах. Вероятно, его задержали твой отец и Гобриас.

- Вот это я называю вежливостью! - услышался в эту минуту голос Зопира. - Бартия приглашает гостей на пир, а сам, поверяя разные тайны, оставляет нас осушать кубки без хозяина.

- Мы идем, идем! - крикнул в ответ царевич. Тут он схватил руку Дария, пожал ее и сказал: - Твоя любовь к Атоссе делает меня счастливым. Я останусь здесь до послезавтра, хотя бы звезды грозили мне всевозможными опасностями на свете. Завтра я разузнаю о склонности сердца Атоссы и, если все в должном порядке, отправлюсь в путь и предоставлю моему крылатому Дарию достигать цели собственными силами.

С этими словами Бартия пошел в беседку, а его друг снова стал смотреть на небо. Чем дольше наблюдал он звезды, тем мрачнее становилось его лицо. Когда звезда Тистар закатилась, он прошептал: 'Бедный Бартия!' Друзья позвали Дария, и он хотел уже возвращаться к ним, но заметил новую звезду, положение которой начал рассматривать с величайшим вниманием. Серьезное выражение его лица превратилось в торжествующую улыбку, его высокая фигура, казалось, выросла еще более, рука прижалась к сердцу, и он отправился к ожидавшим его друзьям, тихо прошептав:

- Крылатый Дарий, воспользуйся своими крыльями; твоя звезда подходит к тебе.

Вскоре после того к беседке подошел Крез. Юноши вскочили с мест, чтобы приветствовать старца, который остановился, точно пораженный молнией, когда увидел лицо Бартии, озаренное ярким лунным светом.

- Что с тобой, отец? - спросил Гигес, заботливо взяв Креза за руку.

- Ничего, ничего, - пролепетал тот едва слышно, доброжелательно оттеснил сына в сторону, подошел к Бартии и шепнул ему на ухо: - Несчастный, ты еще

здесь? Не медли больше и беги! За мной по пятам следуют биченосцы, которые должны тебя арестовать! Верь мне, что если ты не поспешишь, то такая двойная неосторожность будет стоить тебе жизни.

- Но, Крез, я...

- Ты посмеялся над законом здешней страны, здешнего двора и, по крайней мере, по-видимому, оскорбил честь твоего брата...

- Ты говоришь...

- Беги, беги, говорю тебе; хотя бы ты и без дурного намерения был в висячих садах у египтянки, но все-таки должен страшиться всего! Как мог ты, зная бешеную вспыльчивость Камбиса, так дерзко нарушить его ясно выраженное приказание!

- Не понимаю...

- Без оправданий! Беги! Ты не знаешь, что Камбис уже давно смотрит на тебя ревнивыми глазами, а твое ночное посещение египтянки...

- Моя нога не бывала в висячих садах с тех пор, как Нитетис здесь!

- Не увеличивай своего преступления ложью, я...

- Клянусь тебе...

- Или ты хочешь свой легкомысленный поступок обратить в преступление ложною клятвою? Биченосцы уже идут, спасайся, спасайся!

- Я остаюсь потому, что настаиваю на своей клятве.

- Безумец! Знай, что я сам, Гистасп и другие Ахемениды меньше часа тому назад видели тебя в висячих садах...

Бартия, почти потерявший самообладание от изумления, дал старцу вести его, но, услышав последние слова Креза, остановился, подозвал друзей и сказал:

- Крез утверждает, что встретил меня в висячих садах меньше часа тому назад; но я, как вы знаете, не расставался с вами с самого заката солнца. Засвидетельствуйте же ему, что здесь, должно быть, злой див сыграл шутку с нашим другом и его спутниками.

- Клянусь тебе, отец, - вскричал Гигес, - что Бартия не выходил из этого сада уже несколько часов.

- Мы клятвенно подтверждаем то же самое, - с живостью подхватили Арасп, Зопир и Дарий.

- Вы хотите меня обмануть? - вспыхнул Крез, смотря с упреком то на того, то на другого юношу. - Не думаете ли вы, что я ослеп или сошел с ума? Или вы воображаете, что ваше свидетельство отнимет силу у показания благородных старцев - Гистаспа, Гобриаса, Интафернеса и верховного жреца Оропаста? Несмотря на ваше ложное свидетельство, которое нельзя оправдать никакой дружбой, Бартия - неминуемая жертва смерти, если не спасется бегством!

- Пусть меня погубит Анхраманию, - прервал встревоженного Креза старый Арасп, - если наше свидетельство ложно.

- Ты можешь не называть меня больше твоим сыном, - прибавил Гигес, - если наше свидетельство ложно.

- Клянусь вечными звездами, - начал Дарий, но Бартия прервал друзей и твердым голосом сказал:

- В сад идет отряд телохранителей. Я обречен попасть в темницу, но не хочу бежать - хотя я и невинен, но бегством навлек бы на себя подозрение в виновности. Клянусь тебе, Крез, душой моего отца, клянусь слепыми глазами матери, клянусь чистым светом солнечным, что я не лгу.

- Неужели должен я тебе верить, вопреки собственным глазам, которые меня никогда не обманывали? Хотел бы верить, юноша, потому что люблю и уважаю тебя. Виновен ли ты или невинен - этого я не знаю и не хочу знать; знаю только то, что ты должен бежать как можно скорее! Ты знаешь Камбиса! Моя колесница ожидает у ворот. Загони лошадей до смерти, но беги! Солдаты, по-видимому, знают, в чем дело, и, без сомнения, медлят только для того, чтобы дать тебе, их любимцу, время скрыться. Беги, беги, или ты погиб!

- Беги, Бартия, - вскричал Дарий, толкая вперед своего друга, - вспомни о предостережении, которое само небо посылало тебе в звездных знаках.

Бартия молча покачал своей красивой головой и сказал, отстраняя боязливых друзей:

- Я никогда еще не бегал; надеюсь остаться верным этому принципу и сегодня. Трусость, по моему мнению, хуже смерти, и я скорее снесу несправедливость от других, чем опозорю сам себя. Вот и воины! Здравствуй, Бишен. Ты должен заключить меня в тюрьму? Да? Подожди с минуту. Я только прощусь с друзьями.

Бишен был старый воин Кира; он давал Бартии первые уроки в стрельбе из лука и в метании копий, на войне с тапурами сражался подле него и любил юношу как собственного сына. Он прервал Бартию словами:

- Тебе нет нужды прощаться с друзьями; царь мечется, как бешеный, и велел мне заточить и тебя, и всех, кого при тебе найду. - Затем он прибавил тихо: - Царь вне себя от гнева и грозит твоей жизни. Ты должен бежать. Мои люди слепо повинуются мне и не будут тебя преследовать; я же стар, и если моя голова падет, Персия потеряет немного.

- Благодарю тебя, друг, - возразил Бартя, протягивая ему руку, - но не могу принять твоей жертвы, потому что я невинен; знаю, что Камбис хотя и вспыльчив, но не лишен справедливости. Идем, друзья, я думаю, что царь нас сегодня же выслушает.

II

Спустя два часа Бартя со своими спутниками стоял перед царем. Бледный, с впалыми глазами, Камбис сидел на золотом кресле, позади которого стояли два царских врача с различными сосудами и инструментами. Камбис только за несколько минут перед тем пришел в себя: больше часа он мучился тем страшным недугом, который разрушает душу и тело и известен у нас под именем падучей болезни, или эпилепсии.

Со времени прибытия Нитетис эта болезнь не посещала его; но в этот день, вследствие страшного душевного потрясения, припадок повторился с неслыханной силой.

Если бы за несколько часов перед тем Камбис встретил Бартю, то умертвил бы его собственной рукой; но эпилептический припадок если не унял его гнева, то все-таки смягчил его настолько, что царь был в состоянии выслушать обвинителя и обвиненного.

По правую сторону трона стояли Гистасп, седой отец Дария, Гобриас, его будущий тесть, престарелый Интафернес, отец Федимы, которая из-за египтянки потеряла благосклонность царя, верховный жрец Оропаст, Крез и за ним Богес, начальник евнухов. Налево помещались: Бартя, руки которого были скованы тяжелыми цепями, Арасп, Дарий, Зопир и Гигес. На заднем плане стояли несколько сот человек сановников и вельмож.

После продолжительного молчания Камбис поднял глаза, устремил уничтожающий взор на скованного юношу и сказал глухим голосом:

- Верховный жрец, скажи нам, что ожидает того, кто обманывает своего брата, бесчестит и позорит царя и омрачает свое сердце черной ложью!

Оропаст выступил вперед и отвечал:

- Такого человека, как скоро он изобличен, ожидает мучительная смерть на этом свете и страшный суд на мосту Чинват [\[76\]](#), так как он погрешил против высших заповедей и, совершив три преступления, потерял право на ту милость

нашего закона, в силу которой согрешившему только однажды даруется жизнь, хотя бы он был не более как рабом.

- Значит, Бартия достоин смерти! Уведите его, стражи, и удушите его! Уведите! Молчи, несчастный; я не хочу слышать более твоего лицемерного голоса, не хочу видеть этих лживых глаз, которые совращают все своим похотливым взором и обязаны своим происхождением дивам. Прочь! Эй, стража!

Сотник Бишен приблизился, чтобы выполнить приказание; но в эту минуту Крез подошел к царю, бросился ниц, касаясь лбом каменного пола, поднял руки и сказал:

- Пусть каждый год и каждый день в году приносит тебе счастье! Да изольет на тебя Ахурамазда все блага жизни, и Амеша спента да будут хранителями твоего трона! Не закрывай уха твоего для слов старца и вспомни, что Кир, твой отец, поставил меня твоим советником. Ты хочешь умертвить своего брата, но я скажу тебе: не следуй внушениям гнева, старайся обуздать самого себя! Обсудить поступок прежде, чем совершить его, - такова обязанность мудрецов и царей! Берегись проливать родную кровь: знай, что ее испарение восходит к небу и становится облаком, омрачающим дни убийцы и низвергающим на него тысячу молний мести. Но я знаю, что ты хочешь судить, а не убивать. Поступи же по обычаю судей и выслушай обе стороны прежде, чем произнесешь приговор. Если ты это сделаешь, если преступник будет изобличен и сознается в своем преступлении, то кровавое облако не будет уже омрачать твое существование, а лишь осенять тебя, и вместо кары богов ты получишь славу праведного судьи.

Камбис молча выслушал старца, сделал знак Бишену отойти и приказал Богесу повторить обвинение.

Евнух поклонился и начал:

- Я был болен и поэтому должен был передать надзор за египтянкой моему товарищу Кандавлу, который за свое нерадение заплатил жизнью. К вечеру я почувствовал себя лучше и поднялся в висячие сады, чтобы посмотреть, все ли в порядке, и взглянуть на редкий цветок, который должен был расцвести в эту ночь. Царь - да ниспошлет Ахурамазда ему победу! - повелел стеречь египтянку строже, чем прежде, потому что она осмелилась написать благородному Бартии письмо...

- Молчи, - прервал царь, - и ограничивайся делом.

- Как только взошла звезда Тистар, я пришел в сад и провел некоторое время с этими благородными Ахеменидами, с верховным жрецом и с царем Крезом у голубой лилии, так как она блистала поистине волшебной красотой. Я позвал

моего товарища Кандавля и, в присутствии этих высоких свидетелей, спросил, все ли в порядке. Он дал утвердительный ответ и прибавил, что он только что пришел от Нитетис, которая плакала целый день и не принимала ни пищи, ни питья. Озабоченный здоровьем моей высокой повелительницы, я поручаю Кандавлю позвать врача и только что хочу расстаться с благородными Ахеменидами, как при свете месяца вижу мужскую фигуру. Я был так болен и слаб, что едва мог стоять и не имел при себе в помощь ни одного мужчины, кроме садовника. Мои подчиненные держались довольно далеко от нас, у входа в караульню. Я хлопнул ладонями, чтобы позвать некоторых из них, и так как они не подходили, то приблизился к дому, под охраною этих благородных мужей. Мужская фигура стояла перед окнами египтянки и, видя наше приближение, испустила легкий свист. Тотчас появилась вторая фигура, которую легко было узнать при ярком лунном свете. Она выскочила в сад из окна спальни египтянки и шла нам навстречу со своим спутником. Я не поверил своим глазам, когда узнал в приближавшемся мужчине благородного Бартию. Фигурный куст скрывал нас от бегущих, но мы могли их ясно различить, так как они шли впереди нас в каких-нибудь четырех шагах. Пока я еще раздумывал, имею ли право схватить сына Кира, а Крез звал Бартию по имени, обе фигуры внезапно исчезли за кипарисовым деревом. Мы следовали за ними и долго, но напрасно искали исчезнувших таким загадочным образом. Только твой брат в состоянии будет разъяснить нам свое странное исчезновение. Когда вслед за тем я осматривал дом, египтянка лежала без чувств на диване в своей спальне.

Все присутствовавшие слушали с боязливым, напряженным вниманием. Камбиз заскрежетал зубами и спросил раздраженным голосом:

- Можешь ли ты подтвердить слова евнуха, Гисташ?
- Да.
- Почему вы не схватили преступника?
- Мы воины, а не сыщики.
- Или, другими словами, этот мальчишка для вас дороже царя.
- Мы почитаем тебя и гнушаемся преступного Бартии, хотя и любили сына Кира, пока он был невинен.
- Вы точно узнали Бартию?
- Да.
- А ты, Крез, подтвердишь это?

- Мне кажется, что я видел твоего брата при свете месяца так ясно, как будто он стоял передо мною; только не обмануло ли нас какое-нибудь удивительное сходство?

При этих словах Богес побледнел, но Камбис с неудовольствием покачал головой и сказал:

- Кому мне верить, если глаза моих наиболее испытанных защитников могли ошибиться; кто должен быть судьей, если такие свидетельства, как ваши, не имеют никакого значения.

- Другие, столь же веские показания, как наши, докажут тебе, что мы ошибались.

- Кто осмелится являться свидетелем в пользу этого преступника? - воскликнул Камбис, вскакивая и топая ногой.

- Мы, я, мы! - взревел Арасп, Дарий, Гигес и Зопир в один голос.

- Изменники, негодяи! - вскричал царь, но, встретив взгляд Креза, понизил голос и прибавил: - Что можете вы сказать в оправдание преступника? Подумайте хорошенько, прежде чем скажете, и бойтесь наказания за лжесвидетельство.

- Мы не нуждаемся в этом напоминании, - сказал Арасп, - но можем поклясться Митрой, что со времени возвращения с охоты мы ни на минуту не покидали Бартию и его сад.

- А я, сын Гистаспа, - прибавил Дарий, - могу еще очевиднее доказать невинность твоего брата тем, что вместе с ним наблюдал звезду Тистар, которая, по свидетельству Богеса, будто бы озаряла бегство Бартии.

При этих словах Гистасп с изумленным и вопросительным видом посмотрел на сына. Камбис смотрел испытующим и нерешительным взглядом то на одну, то на другую часть свидетелей, которые привыкли верить друг другу, а теперь явно противоречили.

Бартия, который до тех пор молчал и грустно смотрел на цепи, сковывавшие его руки, воспользовался общим безмолвием и, низко преклонившись, сказал:

- Позволишь ли, государь, сказать мне несколько слов?

- Говори!

- Наш отец своим примером учил нас стремиться только к доброму и чистому; поэтому мои поступки до сих пор ничем не были запятнаны. Если ты можешь уличить меня хотя в одном мрачном деле, то не верь мне; но если не находишь во мне вины, то доверяй моим словам и не забывай, что сын Кира

смерть предпочитает лжи. Признаюсь, что еще ни один судья не был в более сомнительном положении, чем ты. Лучшие люди твоего царства свидетельствуют против лучших, друг против друга, отец против сына. Я же говорю тебе, что если бы целая Персия восстала против тебя и все клялись бы, что Камбис совершил то или другое, а ты уверял бы, что этого не делал, то я, Бартия, целую Персию наказал бы за ложь и воскликнул бы: вы ложные свидетели, потому что скорее море будет извергать пламя, чем уста сына Кирова произнесут ложь! Мы оба по рождению поставлены так высоко, что один только ты против меня, как против себя самого, можешь быть свидетелем.

После этих слов Камбис менее гневно посмотрел на своего брата, а последний продолжал:

- Итак, я клянусь здесь Митрой и всеми чистыми духами в своей невинности. Если со времени возвращения домой я был в висячих садах, если язык мой теперь произносит ложь, то пусть моя жизнь погибнет и род мой вымрет!

Бартия произнес эту клятву таким твердым, исполненным убеждения голосом, что Камбис приказал снять с него цепи. Потом, после короткого раздумья, сказал:

- Я поверю тебе, потому что все еще не считаю своего брата самым отверженным из людей. Завтра мы спросим астрологов, прорицателей и жрецов. Быть может, они обнаружат правду. Видишь ли ты какой-нибудь луч в этом мраке, Оропаст?

- Твой слуга думает, что див принял вид Бартии, чтобы погубить твоего брата и осквернить твою царскую душу кровью сына твоего отца.

Камбис и все присутствующие одобрительно кивнули головой; Камбис хотел даже протянуть руку брату, когда вошел жезлоносец и подал царю нож, найденный евнухом под окном спальни Нитетис.

Камбис пытливо взглянул на оружие, драгоценная рукоятка которого сверкала рубинами и бирюзой, и вдруг, побледнев, бросил нож к ногам своего брата с такой запальчивостью, что драгоценные камни выпали из оправы.

- Это твой нож, злодей! - вскричал он, снова приходя в бешенство. - Сегодня утром на охоте ты им нанес последний удар вепрю, которого я умертвил. И ты, Крез, должен знать это оружие: оно взято моим отцом из твоей сокровищницы в Сардесе. Теперь ты изобличен, лжец и обманщик! Дивы не нуждаются в оружии, а ножа, подобного этому, не найти нигде. Ты хватаешься за кинжал? Ты бледнеешь? Кинжала у тебя не оказывается?

- Он пропал. Должно быть, я его потерял, и какой-нибудь враг мой...

- Связать его, сковать его, Бишен! Отвести преступника и ложных свидетелей в темницу. Утром они будут удушены. Клятвопреступление наказывается смертью. Если они ускользнут, то падут головы стражей. Не хочу слышать ни слова более; вон отсюда, клятвопреступники, негодяи! Спешите в висячие сады, Богес, и приведите ко мне египтянку. Впрочем, нет, я не хочу больше видеть эту змею. Скоро утро. В полдень изменница будет ударами плетей изгнана из города. Тогда я...

Дальше царь не мог говорить: он опять упал в эпилептических судорогах на мраморный пол залы.

Во время этой ужасающей сцены в залу вошла слепая Кассандана, которую вел престарелый военачальник Мегабиз. Весть о случившемся проникла в ее уединенные комнаты, и потому она, несмотря на ночную пору, отправилась, чтобы узнать истину и предостеречь сына от опрометчивости. Твердо и неколебимо верила Кассандана в невинность Бартии и Нитетис, хотя и не могла найти объяснения тому, что случилось. Несколько раз пыталась она переговорить с египтянкой, но это ей не удалось: стража имела смелость отказать в доступе Кассандане, когда та, наконец, даже сама пришла в висячие сады.

Крез поспешил навстречу старой царице, сообщил ей о происшедшем в осторожных выражениях, укрепил ее в убеждении о невинности обвиненного и отвел к ложу царя.

Судороги последнего продолжались на этот раз недолго. Изнуренный, бледный, лежал он на золотом ложе под пурпурным шелковым покрывалом. Подле него сидела слепая мать, в ногах стояли Крез с Оропастом, а в глубине комнаты четыре царских врача тихо совещались о состоянии больного.

Кассандана кротко убеждала своего сына остерегаться вспыльчивых порывов и подумать, какие печальные последствия для его здоровья может иметь каждая вспышка гнева.

- Ты права, мать, - отвечал царь, горько улыбаясь. - Необходимо устранять от меня все, что возбуждает гнев. Египтянка должна умереть, и мой вероломный брат последует за своей любовницей!

Кассандана употребила все свое красноречие, говоря о невинности осужденных и стараясь укротить гнев царя, но ни просьбы, ни слезы, ни материнские вещания не могли поколебать решения Камбиса - отделаться от людей, которые уничтожили его счастье и спокойствие.

Наконец, Камбис перебил плачущую царицу, сказав:

- Я чувствую себя смертельно изнуренным и не могу больше слушать твои рыдания и жалобы. Вина Нитетис доказана. Мужчина в ночное время выходил из ее комнаты, и это был не вор, а прекраснейший из персов, которому она вчера вечером осмелилась послать письмо.

- Знаешь ли ты содержание этого письма? - спросил Крез, приближаясь к ложу Камбиса.

- Нет, оно было написано на греческом языке. Изменница выбирает для своих преступных сношений знаки, которых при здешнем доме никто не может прочесть.

- Позволишь ли ты мне перевести тебе письмо?

Камбис, указывая рукой на ящик из слоновой кости, в котором лежало роковое письмо, сказал:

- Бери и читай; но не скрой от меня ни одного слова: завтра я велю прочесть это письмо еще раз одному из синопских купцов, которые живут в Вавилоне.

Крез вздохнул с новой надеждой и взял в руки бумагу. Когда он перечитал ее, глаза его наполнились слезами и губы прошептали:

- Приходится сознаться, что сказание о Пандоре - истина, и я не могу более порицать поэтов, когда они бранят женщин. Все, все женщины лживы и вероломны. О Кассандана, как издеваются над нами боги! Они даровали нам увидеть старость, но только для того, чтобы мы были подобны деревьям с опавшими листьями при приближении зимы; все, что мы считали за золото, оказалось простою медью, а в чем надеялись найти усладу - то обратилось в яд.

Кассандана громко зарыдала и разорвала свои драгоценные одежды; Камбис сжимал кулаки, когда Крез взволнованным голосом прочел следующее:

'Нитетис, дочь Амазиса Египетского, к Бартии, сыну великого Кира.

Я имею сказать тебе, но тебе одному, нечто важное. Завтра надеюсь поговорить с тобой, быть может, у твоей матери. В твоей власти успокоить бедное, любящее сердце и дать ему счастливое мгновение, прежде чем оно угаснет. Мне надо рассказать тебе много печального; повторяю, что мне необходимо скорее поговорить с тобою'.

Хохот сына, исполненный отчаянья, поразил сердце матери. Она склонилась над ним и хотела поцеловать его лицо; но Камбис отстранил ее ласки и сказал:

- Принадлежать к числу твоих любимцев - честь сомнительная. Бартия не дожидаясь вторичного приглашения от изменницы и обесчестил себя ложными клятвами. Друзья Бартии, цвет нашей молодежи, покрыли себя из-за него неизгладимым позором, а твоя 'возлюбленная дочь' из-за него... Но нет, Бартия не виноват в порче этого чудовища, которое имеет вид пера. Ее жизнь вся состояла из лицемерия, лжи и обмана; смерть ее покажет вам, что я умею наказывать. Теперь оставьте меня, я должен побыть один.

Лишь только присутствующие удалились, Камбис вскочил, он бежал, метаясь как бешеный, пока священная птица пародар не возвестила о наступлении дня. Когда солнце взошло, царь опять опустился на свое ложе и погрузился в сон, похожий на оцепенение.

Пока это происходило, молодые узники и старый Арасп сидели и пировали, а Бартия диктовал Гигесу прощальное письмо к Сапфо.

- Будем веселиться, - вскричал Зопир, - ведь с весельем скоро будет покончено; я не хочу один оставаться в живых, если мы завтра не умрем все без исключения. Жаль, что у людей только одна шея; если бы было две, то я прозакладывал бы не больше одной золотой монеты за нашу жизнь.

- Зопир прав, - прибавил Арасп, - мы хотим быть веселы и не смыкать глаз всю ночь, потому что они вскоре сомкнутся навсегда.

- Кто идет на смерть невинным, как мы, тому нет причины печалиться, - сказал Гигес. - Налей мне чашу, виночерпий!

- Эй вы, Бартия и Дарий, - обратился Зопир к друзьям, которые тихо разговаривали. - Что у вас опять за тайны? Идите к нам и берите кубки! Клянусь Митрой, я никогда себе не желал смерти, а сегодня радуюсь черному Азису, потому что он уведет нас всех разом. Зопиру приятнее умереть вместе с друзьями, чем жить без них!

- Прежде всего, - сказал Дарий, присоединившись к пирующим вместе с Бартией, - мы должны попытаться выяснить то, что случилось.

- Мне все равно, - вскричал Зопир, - с разъяснением ли я умру или без разъяснения; лишь бы я знал, что умираю невинным и не заслужил казни, карающей лжесвидетеля. Достань нам золотые бокалы, Бишен; в этих гадких медных кубках вино мне кажется невкусным. Если Камбис и запрещает нашим друзьям и отцам посещать нас, то все-таки он не захочет, чтобы в последние часы жизни мы испытывали нужду!

- Не плохой металл сосуда, а полынные капли смерти делают для тебя напиток горьким, - сказал Бартия.

- Клянусь, что нет, - возразил Зопир, - я уже почти забыл, что от удушения обыкновенно умирают.

При этих словах он толкнул Гигеса и шепнул ему:

- Будь же весел. Разве ты не видишь, что для Бартии расстаться со светом будет тяжело? Что ты сказал, Дарий?

- Я думаю, тут возможно только то, как утверждает и Оропаст, что злой див принял вид Бартии и отправился к египтянке, чтобы нас погубить.

- Пустяки, я не верю подобным вещам.

- Разве вы не помните сказание о царе Кавусе, которому также являлся див в образе прекрасного певца?

- Разумеется, помню, - согласился Арасп. - Кир так часто приказывал петь это сказание во время своих пиров, что я знаю его наизусть. Не хотите ли послушать?

- Хорошо, хорошо, пой, послушаем... - воскликнули юноши.

Арасп с минуту подумал и потом начал речитативом:

Наследовал Кавус [\[77\]](#) отцу своему
И сделался мощным владыкою;
Вселенная вся покорилась ему,
Покрытому славой великою.
Земля трепетала пред ним, он владел
Сокровищ несметными грудями;
Венец его царский сверкал и горел
Алмазами весь, изумрудами;
Как буря Тазир крутобедрый летал -
Скакун властелина державного;
И гордый владыка уже возмечтал,
Что нет никого ему равного.
Однажды в беседке из роз возлежал
Владыка под тенью прохладною
И, нежась, царский свой вкус услаждал
Живою струей виноградного.
В одежде певца тогда див подошел
И царского просит служителя,
Чтоб тот возвестил о нем шаху и ввел

Его перед очи властителя...
'Ввести его тотчас! Пусть станет он там,
С моими певцами придворными!'
И див ударяет по звонким струнам
Своими перстами проворными.
И долго, в усладу царя, он играл,
И песню он пел сладкогласную;
В той песне он Мазендеран прославлял,
Страну эту дивно прекрасную.

- Хотите слушать песню о Мазендеране?

- Пой, пой дальше!

Хвала тебе, родина, Мазендеран!
Пусть счастье тебе улыбается,
Страна, где цветут анемон и тюльпан,
Где роза в садах распускается;
Где воздух прозрачен, земля зелена,
Где вечно сияет и блещет весна
Во всей красоте ослепительной;
Где вечно поют соловьи по лесам
И носится резвая лань по горам
С такой быстротою стремительной.
И где неизвестны ни зной, ни мороз,
Где реки наполнены соком из роз,
Прохладой дыша ароматною;
Где краски так ярки, свод неба так чист
И воздух целебный так светел, душист
И льется струей благодатною;
Где дышится сладко, привольно груди,
Где Баман и Адер, Фервердин и Ди [\[78\]](#)
Обильны цветами прекрасными;
Не блекнут тюльпаны, пестреют луга,
Весь год зеленеют ручьев берега,
Сверкающих струйками ясными.
Весь край этот золотом, шелком покрыт
И камнями весь дорогими блестит;
В одеждах там ходят сияющих:

Из золота там диадемы жрецов,
И золотом вышита ткань поясов,
Стан гордых вельмож украшающих.
И высшего счастья не ведает тот,
Кто в этой блаженной стране не живет.

- Кай Кавус послушал песню переодетого дива и отправился в Мазендеран, где дивы его избили и лишили зрения.

- Но, - прервал Дарий, - великий герой Рустем ^[79] пришел и убил Эршенга и других злых духов, освободил заключенных и возвратил им зрение, sprыснув им глаза кровью убитых дивов. То же будет и с нами, друзья! Мы, пленники, будем освобождены, а у Камбиса и наших ослепленных отцов откроются глаза, чтобы они знали нашу невинность. Слушай, Бишен, если мы все-таки будем лишены жизни, то сходи к магам, к халдеям и к египтянину Небенхари и скажи им, что больше им нечего смотреть на звезды, так как эти звезды доказали Дарию, что они лгут!

- Я всегда говорил, - перебил его Арасп, - что только сновидения могут предсказывать будущее. Перед тем как Абрадат пал в битве при Сардесе, несравненная Пантея видела во сне, что его пронзила мидийская стрела.

- Жестокий человек, - вскричал Зопир, - зачем ты нам напоминаешь, что лучше умереть на поле битвы, чем с петлей на шее?

- Ты прав! - согласился старик. - Я видел много видов смерти, которые мне казались более желанными, чем тот, который предстоит нам, и даже чем самая жизнь. Ах, дети, было время, когда жилось лучше, чем теперь!

- Расскажи нам что-нибудь о тех временах!

- Открой нам, почему ты никогда не женился. Ведь на том свете мы тебе повредить не можем, даже если и разболтаем твою тайну!

- У меня нет никакой тайны; то, о чем вы хотите слышать, может сообщить вам каждый из ваших отцов. Слушайте же! В молодости я забавлялся с женщинами, но насмехался над любовью. Случай хотел, чтобы Пантея, прекраснейшая из всех женщин, попала в наши руки. Надзор за нею Кир поручил мне, так как я известен был неуязвимостью своего сердца. Я видел Пантею каждый день и - да, друзья мои, - узнал, что любовь сильнее нашей воли. Пантея отклонила мои ухаживания, побудила Кира удалить меня от себя и заключить дружеский союз с супругом ее Абрадатом. Верная, благородная жена украсила своего красавца мужа перед уходом его на битву всеми своими драгоценностями и сказала ему, что он только верностью и геройской

храбростью может отблагодарить Кира, который с ней, пленницей, обращался, как с сестрой. Абрадат согласился с женой, сражался за Кира как лев и пал на поле брани. Пантея у его трупa лишила себя жизни. Слуги, узнав об этом, тоже кончили свою жизнь у могилы своей госпожи. Кир оплакал благородную чету и велел воздвигнуть ей надгробный камень, который еще и теперь можно видеть в Сардесе. На нем начертаны следующие простые слова: 'Пантее, Абрадату и вернейшим из всех слуг'. Ну вот, видите, дети, кто любил такую женщину, тот никогда не сможет помышлять о другой!

Молодые люди молча слушали старца и оставались безмолвными еще долго после того, как он окончил рассказ. Наконец Бартия, поднимая руки к небу, воскликнул:

- О, великий Аурамазда! Зачем ты не дал мне кончить жизнь подобно Абрадату? Зачем мы, точно убийцы, должны умирать постыдной смертью?

В эту минуту в залу вошел Крез, со связанными руками, окруженный биченосцами. Друзья поспешили навстречу старику и осыпали его вопросами. Гигес бросился на грудь своего отца, а Бартия приблизился к наставнику своей юности с распростертыми объятиями.

Обыкновенно ясное лицо Креза было строго и серьезно, его прежде столь кроткие глаза сделались мрачными, почти грозными. Холодным, повелительным движением руки отвел он назад царского сына и проговорил дрожащим, полным горести и упрека голосом:

- Оставь мою руку, ослепленный мальчик! Ты недостойн любви, которую я к тебе питал до сих пор. Ты четырежды преступник: ты обманул брата, погубил друзей, изменил бедному ребенку, который ждет тебя в Наукратисе, и отравил жизнь несчастной дочери Амазиса.

Сначала Бартия слушал хладнокровно; но когда Крез произнес слово 'обманул', кулаки молодого человека сжались, и он, с яростью топая ногами, вскричал:

- Ну, старик, только твои годы, слабость и благодарность, которою я тебе обязан, служат тебе защитой, иначе твои бранные речи стали бы и последними.

Крез спокойно выслушал эту вспышку справедливого гнева и сказал:

- Камбис и ты - одной крови; это доказывается твоим глупым бешенством. Лучше бы уж было, если бы ты, раскаявшись в своих преступных делах, просил прощения у меня, твоего учителя и друга, а не увеличивал своего неслыханного позора еще и неблагодарностью.

Эти слова пригасили гнев оскорбленного юноши. Сжатые кулаки его бессильно опустились, и щеки покрылись мертвенной бледностью.

Эти кажущиеся знаки раскаяния смягчили гнев старика. Любовь его была достаточно сильна, чтобы обнять как виновного, так и невинного Бартию, и он, обхватив его правую руку обеими руками, спросил юношу, как мог бы спросить отец сына, найдя его раненым на поле битвы:

- Сознайся мне, бедный, ослепленный мальчик, каким образом твое чистое сердце могло так скоро покориться силе зла?

Бартия дрожа слушал эти слова. Лицо его опять побагровело, а душа наполнилась жгучей болью. Впервые покинула его вера в правосудие богов.

Он считал себя жертвой жестокой, неумолимой судьбы; он ощущал то же самое, что должен чувствовать невинный зверь на травле, когда он падает, слышав близость стаи собак и охотников. Его нежная, детская натура не знала, как встретить эти первые, суровые удары рока. Воспитатели сумели закалить тело и дух юноши против земных врагов, но они не научили его, так же как и его брата, сопротивляться ударам судьбы. Камбис и Бартия казались предназначенными только к тому, чтобы пить из чаши счастья и радости.

Зопир не мог выносить слез своего друга. С гневом упрекнул он Креза в жестокости и несправедливости. Гигес смотрел на отца с умоляющим видом; Арасп поместился между раздраженным стариком и оскорбленным юношей. Дарий некоторое время наблюдал за всеми участниками спора, потом подошел со спокойным сознанием своего превосходства к Крезу и сказал:

- Вы оскорбляете друг друга: обвиненный, по-видимому, даже не знает, что ему приписывают, а судья не слушает оправдания обвиняемого. Прошу тебя, Крез, сообщи нам во имя дружбы, которая связывала нас до сих пор, что тебя побудило так сильно упрекать Бартию, в невинности которого ты еще недавно был убежден.

Старик рассказал, что он читал собственноручное письмо египтянки, в котором она приглашала юношу на тайное свидание. Собственные глаза, свидетельство первых людей в государстве, даже кинжал, найденный перед домом Нитетис, не могли убедить Креза в виновности его любимца; но это письмо поразило его сердце подобно воспламенительному факелу и уничтожило последний остаток веры в добродетель и чистоту этой женщины.

- Я оставил царя, - заключил он, - в твердом убеждении относительно преступной связи вашего друга с этой египтянкой, сердце которой до сих пор считал зеркалом всего доброго и прекрасного. Можете ли вы меня осуждать,

если я порицаю того, кто так постыдно осквернил это светлое зеркало и не менее безукоризненную чистоту своей собственной души...

- Чем же должен я доказать тебе мою невинность? - воскликнул Бартия, ломая руки. - Если бы ты меня любил, то верил бы моим словам; если бы ты был мне предан...

- Сын мой! Чтобы спасти твою жизнь, я несколько минут назад погубил свою собственную. Когда я узнал, что Камбис безоговорочно решил предать вас смерти, я поспешил к нему, осыпал его просьбами и, видя их бесплодность, отважился бросить горькие упреки раздраженному царю. Тут тонкая ткань его терпения лопнула, и в ярости Камбис велел телохранителям отрубить мне голову. Начальник биченосцев Гив арестовал меня, но оставил мне жизнь до утра. Он мне многим обязан и может скрыть отсрочку казни. Радуюсь, что не предстоит мне пережить вас, моих сыновей, и что я умру невинным, вместе с вами, виновными.

Эти слова подняли новую бурю протестующего негодования.

И снова только Дарий остался хладнокровным среди общего волнения. Он еще раз рассказал старцу, как они провели весь вечер, и доказывал невозможность виновности Бартии.

Потом он потребовал, чтобы заговорил сам обвиненный. Бартия так резко, коротко и решительно отверг существование всякого тайного соглашения с Нитетис и подкрепил свои слова такой страшной клятвой, что уверенность Креза начала сперва колебаться, потом исчезать, и, когда Бартия кончил, Крез заключил его в свои объятия, глубоко вздохнув, как человек, освободившийся от тяжелого бремени.

Как ни старались с этой минуты друзья объяснить себе происшедшее, однако их размышления и рассуждения не привели ни к чему. Все, впрочем, были твердо убеждены, что Нитетис любит Бартию и написала ему письмо с дурным намерением.

- Кто ее видел в ту минуту, когда Камбис сообщил застольным собеседникам, что Бартия выбрал себе жену, - вскричал Дарий, - тот не может сомневаться в том, что она питает к нему страсть. Когда она уронила кубок, я слышал, как отец Федимы сказал, что египтянки, по-видимому, принимают большое участие в сердечных делах своих деверей.

Во время этих разговоров взошло солнце и ярко и празднично озарило помещение узников.

- Митра хочет сделать для нас тяжким расставание с жизнью, - прошептал Бартия.

- Нет, - возразил Крез, - он только дружески освещает нам путь в вечность.

III

Невольная причина всех этих печальных событий, Нитетис с самого дня рождения царя переживала невыразимо скорбные минуты. После жестоких слов, с которыми Камбис выслал бедную девушку из залы, когда его ревность была возбуждена необъяснимым поведением Нитетис, до нее не доходило никакой вести ни от разъяренного Камбиса, ни от его матери и сестры. С тех пор как Нитетис была в Вавилоне, она каждый день сходилась с Кассанданой и Атоссой. Она и теперь хотела отправиться к ним, чтобы объяснить им свое странное поведение; но Кандавл, новый страж Нитетис, в коротких словах запретил ей выходить. До тех пор она еще думала откровенным рассказом обо всем, что сообщалось в последнем письме из отечества, разъяснить все недоразумения. Мысленно Нитетис уже видела, как Камбис раскаивается в своей горячности и глупой ревности и протягивает ей руку с просьбой о прощении. Наконец, в душу Нитетис проникла даже некоторая радость, когда она вспомнила слова, которые когда-то слышала от Ивика: 'Как лихорадка больше истощает человека крепкого, чем слабого, так и ревность больше мучает сильно любящее сердце, чем то, которое только слегка затронуто страстью'.

Если великий знаток любви быв прав, то Камбис, ревность которого воспламенялась так быстро и страшно, должен был чувствовать к Нитетис великую страсть. С этой уверенностью постоянно смешивались печальные мысли об отечестве и мрачные предчувствия, которые она не могла от себя отогнать. Когда полуденное солнце полыхало на небе, а все еще не было известия о тех, кого любила Нитетис, ею овладело лихорадочное беспокойство, которое постоянно увеличивалось до самого наступления ночи. Когда стемнело, к египтянке вошел Богес и с горькой насмешкой рассказал, что царь завладел письмом ее к Бартии и что мальчик-садовник, который должен был передать письмо, будет казнен. Потрясенные нервы царской дочери не смогли выдержать этого нового удара. Богес снес лишившуюся чувств женщину в ее спальню, которую тщательно запер на задвижку.

Спустя несколько минут из потайных дверей, которые Богес внимательно рассматривал два дня назад, вышли два человека, молодой и старик. Старик остановился, прислонившись к стене дома, а юноша подошел к окну, откуда ему делала знаки чья-то рука, и одним прыжком вскочил в комнату. Тихим шепотом были произнесены слова любви и имена Гауматы и Манданы, произошел обмен поцелуями и клятвами. Наконец, старик всплеснул руками, подавая

условный знак; молодой обнял еще раз служанку Нитетис, выскочил опять через окно в сад, пробежал мимо приближавшихся людей, которые шли смотреть голубую лилию, скользнул со своим спутником в раскрытую настежь потайную дверь, тщательно запер ее - и исчез.

Мандана поспешила в комнату, в которой ее госпожа обыкновенно проводила вечер. Она знала ее привычки, знала, что Нитетис каждый вечер при восходе звезды садится у окна, обращенного к Евфрату, и оттуда, не требуя к себе служанку, по целым часам смотрит на реку и на равнины. Потому-то Мандана, не страшась помехи с этой стороны и заручившись покровительством самого Богеса, спокойно могла ожидать своего возлюбленного.

Лишь только Мандана увидела, что ее госпожа лежит без чувств, как сад наполнился людьми, послышались голоса мужчин и евнухов, зазвучала труба, которой обыкновенно созывались стражи, и сначала Мандана испугалась - не открыли ли ее возлюбленного. Но явился Богес и шепнул ей: 'Он благополучно ускользнул!' Тогда Мандана приказала служанкам, прибежавшим толпой из женской комнаты, куда она их прогнала для удобства свидания, перенести госпожу в спальню и употребила все средства, чтобы привести Нитетис в себя. Едва последняя открыла глаза, как Богес вошел в ее комнату с двумя евнухами, которым велел надеть цепи на нежные руки девушки.

Нитетис не могла выговорить ни слова и не оказала никакого сопротивления, она не возразила ничего даже и тогда, когда Богес, выходя из дома, сказал:

- Желаю тебе счастливо жить в клетке, моя пленная птичка. Сейчас расскажут твоему повелителю, что царская куница натешилась вволю в его голубятне. Прощай, и если тебя при такой жаре прохладит сырая земля, то помни о бедном, докучном Богесе. Да, моя голубка, своих истинных друзей мы познаем только в момент смерти: вот и я похороню тебя не в мешке из грубого холста, а в покрывале из нежного шелка! Прощай, мое сердце!

Несчастливая женщина с трепетом выслушала эти слова. Когда евнух удалился, она попросила Мандану объяснить, что случилось. Служанка рассказала Нитетис, по совету евнуха, что Бартия прокрался в висячие сады и, когда хотел вскочить в окно, был замечен многими Ахеменидами.

Камбису сообщили о вероломстве брата, и теперь следовало всякого страшиться от ревности царя. Легкомысленная девушка пролиwała при этом рассказе обильные слезы горького раскаянья, которые несколько утешили Нитетис; последняя сочла их доказательством истинной любви и участия.

Когда Мандана умолкла, Нитетис с отчаянием смотрела на свои цепи и долго не могла собраться с мыслями в своем отчаянном положении. Тогда перечитала

она еще раз письмо из отечества, написала на записке краткие слова 'я невиновна', приказала рыдающей девушке передать то и другое после ее смерти матери царя и провела бесконечно длинную ночь. В ее шкатулке с мазями находилось средство для умягчения кожи, которое, как знала Нитетис, будучи принято внутрь в большом количестве, причиняло смерть. Она велела принести этот яд и после спокойного размышления решилась, при приближении палача, принять смерть от собственной руки. С этого времени Нитетис даже была довольна наступлением своего последнего часа, говоря сама себе: 'Хоть он тебя и убивает, но убивает из любви'. Тут пришло ей на мысль написать Камбису письмо и излить в нем свою любовь во всей полноте. Камбис должен получить это письмо только после ее смерти, чтобы он не подумал, что оно написано с целью выпросить пощаду. Надежда, что этот непреклонный властелин, может быть, оросит слезами это последнее приветствие, наполняла ее душу горькою отрадой.

Несмотря на мешающие ей цепи, Нитетис написала следующие слова:

'Камбис получит это письмо уже тогда, когда меня не будет в живых. Оно скажет моему повелителю, что я люблю его больше богов, больше света, даже больше моей собственной молодой жизни. Пусть Кассандана и Атосса вспомнят обо мне с чувством дружеского расположения. Из письма моей матери они увидят, что я невиновна и хотела говорить с Бартией только о моей бедной сестре. Богес сказал, что моя смерть предрешена. Когда палач приблизится, я сама положу своей жизни конец. Совершаю преступление над собой для того, чтобы тебя, Камбис, предохранить от позорного дела'.

Это письмо она передала, вместе с письмом своей матери, плачущей Мандане с просьбой доставить то и другое Камбису после ее смерти.

Потом Нитетис распростерлась ниц, в мольбе к богам своей родины о прощении ее за отступничество.

Когда Мандана убеждала ее подумать о своей слабости и лечь, Нитетис сказала:

- Мне нет нужды спать, ведь так недолго осталось мне бодрствовать!

Чем дольше она молилась и пела египетские гимны, тем искреннее обращалась она снова к богам своей родины, которых оставила после непродолжительной душевной борьбы. Почти все молитвы, какие Нитетис знала, относились к загробной жизни. В царстве Осириса, в преисподней, где

сорок два судьи мертвых должны произнести приговор о достоинстве или недостоинстве души, согласно решению богини истины Маат и небесного писца Тота, - она может надеяться опять увидеть своих милых, если только ее неоправданной душе не придется выдержать странствование по телам зверей и если ее тело, оболочка души, останется невредимым. Это 'если' наполняло Нитетис лихорадочным беспокойством. Учение, что благо души связано с сохранением остающейся земной части человеческого 'я', было ей внушено с детства. Она верила в то заблуждение, которое воздвигло пирамиды и выдолбило утесы; содрогалась при мысли, что ее труп, по персидскому обычаю, будет отдан собакам, хищным птицам и истребительным силам, и вместе с тем для нее утратится всякая надежда на вечную жизнь. Тут Нитетис пришла мысль еще раз отречься от старых богов и повергнуться ниц перед новыми духами света. Последние возвращали умершее тело тем стихиям, из которых оно состояло, и допрашивали только его душу. Но когда Нитетис воздела руки к великому солнцу, которое только что разогнало своими золотыми лучами клубившийся в долине Евфрата туман, когда она хотела приступить к прославлению Митры недавно изученными ею хвалебными гимнами, то голос ее сорвался, и Нитетис увидела в дневном светиле бога, которого часто воспевала в Египте, великого Ра, и, вместо гимна магов, запела песнь, которой египетские жрецы обыкновенно приветствовали восходящее солнце:

Преклоните вы колени
Пред верховным существом -
Ра, великим сыном неба,
Создающим божеством;

Перед тем, кого день каждый
Возрождающимся зрит;
Кто, своей предвечной силой,
Из себя себя творит;

Кто в небесном океане,
Сыпля благами, плывет;
Перед тем, кто все, что только
Есть под небом, создает.

Шлем хвалу тебе, Создатель,
Громкой песней к небесам,
Бдетель наш, чей луч дарует
Жизнь всем чистым существам!

Слава Ра, зиждитель мира!
Громкой чтим тебя хвалой!
А когда идешь ты в небе
Светозарною стезей -

Преклоняются все боги
Пред источником добра,
Лоном сладкого блаженства,
Перед сыном неба, Ра!

С этой песней изобильное утешение пролилось в сердце Нитетис. Вспоминая свое детство, она смотрела влажными от слез глазами на восходившее светило, лучи которого еще не ослепляли глаз. Потом она взглянула вниз, на равнину. Там катились желтые волны Евфрата, подобного Нилу. Среди роскошных хлебных полей и зарослей фиговых кустарников многочисленные деревни. К западу на многие мили простирался царский заповедник с высокими кипарисами и ореховыми деревьями. На всех листьях и стеблях блистала утренняя роса, а в кустах садов, где жила Нитетис, слышались звонкие голоса бесчисленных птиц. Подул тихий ветерок, донося к Нитетис аромат роз и играя верхушками пальм, тонкие стволы которых возвышались на берегу реки и на всех окрестных полях.

Часто любовалась Нитетис этими прекрасными деревьями, сравнивая их с танцовщицами, когда буря колебала тяжелые верхушки пальм и сгибала их стройные стволы. Как часто говорила она себе, что здесь должна быть родина феникса, птицы пальмовых стран, которая, как рассказывали жрецы, каждые пятьсот лет прилетает к храму Ра в Гелиополе, где сгорает в священном пламени фимиама, чтобы возродиться из пепла еще более прекрасной, и через три дня отлетает в свое восточное отечество. И между тем как она думала об этой птице и желала, подобно ей, возродиться из пепла страданий для нового, более полного счастья, - из кипарисов, окружавших жилище человека, которого она любила и который сделал ее несчастной, вылетела большая птица с блестящими перьями. Она взвивалась выше и выше и, наконец, опустилась на пальму, у самого окна египтянки. Такой птицы Нитетис еще никогда не видела; эта птица не могла быть обыкновенной, потому что на ее ноге висела золотая цепочка, а хвост состоял не из перьев, но, как показалось Нитетис, из солнечных лучей. Это был Бенну ^[80], птица бога Ра! Набожно опустилась Нитетис снова на колени и запела старинную песнь о фениксе, не спуская глаз с сияющего обитателя воздуха:

Высоко над головами
Копошащихся людей

Рассекаю я крылами
Глубь заоблачных морей.

Создан я Творца рукою,
Им, виновником всего,
И лучистой красотой
Похожу я на него.

Образ мой необычайно
Блещет, с черной тьмой в борьбе,
Существо мое есть тайна,
Недоступная тебе.

Знаю я - что будет, было,
Вечной жизнью дыша;
Я - таинственная сила,
Ра бессмертного душа.

Птица, поворачивая туда и сюда головку, украшенную волнующимися перьями, как бы прислушивалась к этому пению и отлетела, лишь только оно кончилось. Нитетис сочувственно смотрела вслед мнимому фениксу, то есть райской птице, которая оборвала цепочку, привязывавшую ее к дереву в царском зверинце. Радостная уверенность в спасении возникла в сердце Нитетис: она думала, что бог Ра послал ей небесного вестника.

Пока человек желает и надеется, он может перенести много страданий; если счастье и не приходит, то все-таки само его ожидание сладостно. Такое настроение удовлетворяет само себя; оно содержит в себе особого рода наслаждение, которое может заменить действительность. Нитетис с новой надеждой легла, утомленная, на диван и скоро, против своей воли, погрузилась в глубокий, безмятежный сон, не прикоснувшись к яду.

На несчастных, которые ночь провели в слезах, восходящее солнце действует утешительно, тогда как виновным, которые ищут мрака, то же самое солнце досаждало своим чересчур ярким светом. Пока Нитетис спала, Мандана мучилась страшными угрызениями совести. Как рада была бы Мандана подвинуть назад солнце, которое по ее вине должно было осветить смерть доброй госпожи! Мандана охотно согласилась бы жить среди вечного мрака, если бы этим она могла нейтрализовать свои вчерашние поступки.

Это доброе, легкомысленное создание беспрерывно называло себя безбожной убийцей. Сто раз намеревалась она объявить всю правду и спасти Нитетис; но каждый раз любовь к жизни и страх одерживали верх над добрыми

порывами ее слабого сердца. В случае признания ее ожидала верная смерть, а Мандана чувствовала в себе такое желание жить, ее так страшила могила, будущее обольщало такими надеждами! Если бы ей грозило только вечное заточение, то, быть может, Мандана еще открыла бы правду; но умереть... она не могла! Притом, действительно ли можно было таким признанием спасти осужденную?

Разве не пришлось ей устраивать посылку письма Нитетис к Бартии через несчастного мальчика-садовника? Этот тайный обмен письмами был обнаружен, и Нитетис погибла бы и без ее содействия! Мы никогда не выказываем большей ловкости, как в том случае, когда нужно оправдать в собственных глазах совершенный нами проступок.

Когда взошло солнце, Мандана преклонила колени перед постелью своей госпожи и горько заплакала, не понимая, как может та спокойно спать.

Евнух Богес тоже провел бессонную, но счастливую ночь. Товарищ его и заступавший его место по должности, Кандавл, которого Богес ненавидел, был, по царскому приказанию, немедленно казнен за нерадение, а быть может, и по подозрению в подкупе; Нитетис была не только низвергнута, - после низвержения она впоследствии могла опять возвыситься, - но приговорена к позорной смерти и теперь уже навсегда безвредна для него. Влиянию матери царя нанесен сильный удар. Наконец, Богесу льстило сознание собственного превосходства и ловкого выполнения трудного предприятия, а также улыбалась надежда, через свою любимицу Федиму, сделаться опять, как прежде, всемогущим фаворитом. Смертный приговор, нависший над Крезом и молодыми людьми, был также желателен Богесу, потому что, останься они в живых, огласка устроенной им западни была еще возможна.

Утро уже забрезжило, когда Богес оставил комнаты царя, чтобы отправиться к Федиме. Гордая персиянка еще не спала. В лихорадочном нетерпении ждала она евнуха; слух о происшедшем уже достиг обитательниц женской половины.

Облаченная только в легкую шелковую рубашку, обутая в желтые туфли, изукрашенные бирюзой и жемчугом, окруженная двадцатью прислужницами, она лежала на пурпурном диване в своей комнате. Как только Федима услышала шаги Богеса, она тотчас выслала невольниц вон, вскочила, побежала ему навстречу и осыпала бессвязными вопросами, которые все касались ненавистной Нитетис.

- Тише, моя голубка, - сказал Богес, положив свои пухлые руки на ее плечи. - Тише! Если ты не можешь быть спокойной, смирной, как мышка, и без вопросов

слушать мой рассказ, то сегодня не услышишь ни одного слова. Да, моя золотая царица, у меня найдется так много чего тебе порассказать, что я кончу только завтра, если ты меня станешь прерывать когда тебе вздумается! Ах, моя овечка, мне сегодня еще столько надо сделать! Во-первых, я должен присутствовать при египетском поезде на осле, во-вторых, быть свидетелем одной египетской казни... Но я слишком забегаю вперед; расскажу сначала. Плакать, смеяться, кричать от радости можешь сколько хочешь; но задавать вопросы тебе запрещается, пока я не завершу. Эту награду я заслужил! Ну, теперь я отлично улегся и могу начать. Жил-был в Персии великий царь, у него было много жен, а из них он больше всех любил Федиму и отличал от других. Вздумалось ему раз посвататься к дочери Амазиса Египетского. Послал он большое посольство в Саис со своим братом в качестве свата...

- Глупости! - вскричала Федима нетерпеливо. - Я хочу знать, что случилось сегодня.

- Терпение, терпение, мой неукротимый ветер Адера. Если ты меня прервешь еще раз, то я уйду и расскажу свою историю деревьям. Доставь же мне радость - пережить снова мои успехи. Пока я рассказываю, я чувствую себя так хорошо, как ваятель, который выпустил из рук молоток и рассматривает свое оконченное творение.

- Нет, нет, - прервала его Федима еще раз, - теперь я не могу слушать то, что знаю уже давно. Я умираю от нетерпения. Сколько часов жду я здесь в лихорадочном напряжении. Каждый новый слух, который приносили мне служанки и евнухи, усиливал мое нетерпение. Я в лихорадке и не могу более ждать. Требуй от меня, чего хочешь, но избавь от этого ужасного волнения. Потом, если ты меня попросишь, буду слушать тебя целые дни!

Богес усмехнулся с довольным видом и сказал, потирая руки:

- Еще в детстве для меня не было большего удовольствия, как рассматривать рыбку, трепещущую на крючке; теперь ты, прекраснейшая из всех золотых рыбок, висишь у меня на удочке, и я тебя не выпущу, пока вдоволь не позабавлюсь твоим нетерпением.

Федима спрыгнула с ложа, которое делила с Богесом, и затопала ногами, кривляясь и ломаясь, как избалованное дитя. Евнуху это, по-видимому, доставляло большое удовольствие; он все веселее потирал руки, смеялся до того, что у него показались слезы на мясистых щеках, и осушил много чаш вина за здоровье измученной красавицы, прежде чем начал рассказ.

- От меня не укрылось, что Камбис без всякой другой причины, кроме ревности, посылает против тапуров своего брата Бартию, который привез сюда

египтянку. Высокомерная женщина, которой я не должен был сметь ничего приказывать, показалась мне столь же мало расположенной обращать внимание на красивую головку блондина, как еврей на свиное мясо или египтянин на белые бобы. Я все-таки решился поддерживать ревность царя и, посредством ее, сделать безвредной нахалку, которой, по-видимому, удалось вытеснить нас обоих из милости повелителя. Долго и напрасно искал я подходящего случая. Когда, наконец, наступил праздник нового года, все жрецы царства собрались в Вавилоне. Целых восемь дней город был полон торжеств, пиров и попоек. При дворе также была порядочная кутерьма, у меня было мало времени думать о своих планах. Когда я уже совсем перестал надеяться на успех, милостивые Амеша спента послали мне юношу, которого сам Анграманью как бы нарочно создал для моих целей. Гаумата, брат Оропаста, прибыл в Вавилон, чтобы присутствовать при большом жертвоприношении по случаю нового года. Когда я этого юношу увидел в первый раз у его брата, которого должен был посетить по поручению царя, мне показалось, что я вижу призрак - так изумительно он похож на Бартию. Когда я кончил дела с Оропастом, юноша довел меня до колесницы. Я не выказал своего удивления, обошелся с ним дружески и просил его навещать меня. Он явился ко мне в тот же вечер. Я поставил лучшего вина, заставил его пить и еще раз убедился, что полезнейшее свойство виноградного сока - делать молчаливых людей болтливыми. Юноша, опьянев, признался мне, что явился в Вавилон не только для жертвоприношения, но и ради девушки, которая состоит при египтянке главной прислужницей. Он любит ее, рассказывал Гаумата, еще с детства, но честолюбивый брат желает для него более знатной невесты и - чтобы разлучить Гаумату с красавицей Манданой - доставил ей место при новой супруге царя. Наконец молодой человек стал меня упрашивать, чтобы я доставил ему случай перемолвиться словом с его возлюбленной. Я дружески его выслушал, но затруднился дать согласие и в заключение пригласил его на следующий день снова ко мне наведаться. Он пришел. Я сообщил Гаумате, что можно будет как-нибудь устроить свидание, если он решится слепо повиноваться моим приказаниям. Он охотно согласился на все и отправился, по моему распоряжению, назад в Рагэ и только третьего дня тайно приехал в Вавилон. Я спрятал его в своем жилище. Между тем Бартия опять явился. Теперь дело было в том, чтобы снова разжечь в царе ревность и погубить египтянку одним ударом. Твое унижение послужило мне верным средством возбудить ропот твоих родственников против нашей противницы и облегчить мое предприятие. Судьба была особенно благосклонна. Ты знаешь, как Нитетис держала себя на пиру в день рожденья; но тебе еще не известно, что в тот же вечер она послала мальчика-садовника с письмом к Бартии. Неловкий посол дал себя поймать и в ту же ночь был казнен по приказанию разъяренного царя, а я позаботился о том, чтобы Нитетис была совершенно отрезана от всякого

сообщения со своими друзьями, как будто бы жила в гнезде симурга [\[81\]](#).
Остальное ты знаешь.

- Но как ускользнул Гаумата?

- Через потайную дверь, только мне известную. Все шло превосходно; мне даже удалось достать кинжал Бартии, который он потерял на охоте, и подбросить его к окну Нитетис. Чтобы удалить князя и помешать ему во время этих событий увидеться с царем или с другими важными свидетелями, я упросил греческого купца Колея (он продает в Вавилоне милетские материи и готов мне всячески угодить, потому что я принимаю от него всю поставку шерстяных материй для женской половины дворца), - упросил его написать мне письмо на греческом языке с просьбой к Бартии от имени его возлюбленной, - она зовется Сапфо, - прийти одному во время восхода звезды Тистар к первому станционному дому, расположенному перед Евфратскими воротами. Но с этим письмом мне не посчастливилось: посланный, который должен был передать его Бартии, не сумел выполнить своего поручения. Хотя он и уверяет, что вручил письмо самому Бартии, но нет никакого сомнения, что он отдал его кому-то другому, по-видимому, Гаумате. Я немало испугался, узнав, что Бартия вечером пировал со своими приятелями. Однако сделанного воротить было нельзя, и притом такие свидетели, как твой отец, Гистасп, Крез и Интафернес, далеко перевесили все уверения Дария, Гигеса и Араспа: первые показывали против общего всем друга, а последние - за него. В конце концов все вышло превосходно. Молодчики приговорены к смерти, а для Креза, который, как всегда, осмелился говорить царю дерзости, скоро наступит последний час. Относительно же египтянки верховный писец написал следующее сочинение. Слушай, голубушка, и радуйся:

'Нарушительница супружеской верности, дочь царя египетского, Нитетис, в наказание за свои постыдные дела должна быть казнена по всей строгости закона, а именно: ее посадят верхом на осла и провезут по улицам города, чтобы жители Вавилона видели, что Камбис может так же точно покарать царскую дочь, как его судьи наказывают последнюю нищую. С закатом солнца клятвопреступница будет погребена заживо. Это повеление будет передано для исполнения начальнику евнухов Богесу.

Главный писец Ариабигнес, по поручению царя Камбиса'.

Лишь только я всунул эти строки в рукав, как в залу протеснилась мать царя, в изодранной одежде, в сопровождении Атоссы. Тут было много рыданий, крика,

упреков, клятв, просьб и молений, - но царь остался непреклонным. Я даже думаю, что Кассандана и Атосса, вслед за Крезом и Бартией, были бы отправлены в другой мир, если бы страх перед душой отца не удержал пылающего яростью сына наложить руку на вдову Кира. За Нитетис, впрочем, Кассандана не сказала ни одного слова. По-видимому, она так же твердо убеждена в ее виновности, как ты и я. Влюбленного Гаумату нам тоже нечего страшиться. У меня наняты три человека, которые ему, прежде чем он возвратится в Рагэ, устроят холодную ванну в волнах Евфрата! Рыбам и червям будет славная пожива, ха-ха!

Федима присоединилась к этому смеху, осыпала евнуха ласковыми именами, которым у него же и выучилась, и в знак благодарности надела своими полными руками на мясистую шею Богеса тяжелую цепь из драгоценных камней.

IV

Весть о том, что случилось и что готовится, разнеслась по всему Вавилону прежде, чем солнце достигло полудня. Улицы кишели людьми, которые нетерпеливо хотели видеть редкое зрелище наказания неверной супруги царя. Биченосцы должны были пустить в дело все свои внушительные полномочия, чтобы сдержать напор зевак. Но когда позже распространился слух о предстоящей казни Бартии и его друзей, возбуждение народа, опьяненного пальмовым вином, которое щедро было раздаваемо в день царского рождения и в следующие дни, приняло другой характер. Пьяные, люди толпились на улицах с криком: 'Бартия, добрый сын Кира, будет убит!' Женщины, слышав такие крики, выбегали из уединения, ускользали от стражей, забывали обычные покрывала и спешили на улицу с воплями, следом за разгоряченными мужчинами. Не лишнее радости желание видеть, как смирят гордость неверной царицы, исчезало перед горем предстоявшей казни народного любимца. Мужчины, женщины, дети вопили, кричали, проклинали и возбуждали друг друга к новым, еще более гневным протестам. Все мастерские опустели, купцы заперли свои склады, а школьники и слуги, которым по случаю дня рождения царя обыкновенно давалось восемь свободных дней, воспользовались своей свободой, чтобы на просторе погорланить вдоволь, хотя они сами хорошенько не знали о чем.

Наконец суматоха сделалась так велика, что биченосцы не могли более сохранять спокойствие; явился отряд телохранителей, чтобы очистить улицы. Как только показались блестящие латы и длинные копья, народ отступил и заполонил смежные улицы, но едва солдаты прошли мимо, снова собрался толпами.

Самая большая давка была в так называемых воротах Ваала, к которым выходила улица, обращенная к западу: носился слух, что так как через эти ворота египтянка въезжала в Вавилон, то через них же будет и вывезена с позором. На этом же месте был поставлен и особенно многочисленный отряд биченосцев, обязанность которого состояла в очищении дороги для проходивших в ворота людей. Впрочем, в этот день немногие выходили из города: любопытство оказалось сильнее всяких деловых нужд и желания подышать чистым воздухом; но те, кто прибывал из-за города, почти все оставались у ворот, когда узнавали, какое зрелище предстоит собравшейся там толпе.

Уже солнце стояло высоко на небе, и немного оставалось времени до позорного шествия Нитетис на осле, когда к воротам быстро приблизился дорожный поезд. Впереди ехала так называемая гармамакса на четырех лошадях, потом двухколесная повозка, наконец, повозка с поклажей, запряженная мулами. В первой повозке сидели красивый, видный мужчина лет пятидесяти в персидском придворном наряде и старик в длинной белой одежде; повозку занимало множество невольников в простых рубашках и широкополых поярковых шляпах на коротко остриженных головах. Рядом с последними ехал старик в одежде персидских слуг. Возница первого экипажа с большим трудом пролагал путь через толпу народа для своих лошадей, увешанных кистями и бубенчиками. Перед самыми воротами он был вынужден остановиться и подзвать нескольких биченосцев.

- Очисти нам дорогу! - кричал он начальнику стражи, который со своими людьми подошел к экипажу. - Царская почта не может терять время, а я везу знатного господина, каждая минута промедления которого будет тебе стоить дорого!

- Потише, друг, - возразил начальник стражи. - Видишь сам - сегодня легче выехать из Вавилона, чем въехать в него. Кого ты везешь?

- Знатного господина, который имеет вид на свободный проезд от самого царя. Скорее место нам!

- Гм... поезд-то выглядит не совсем царским!

- Что тебе за дело? Пропускной вид...

- Я должен его посмотреть прежде, чем впущу вас в город! - возразил страж, обращаясь отчасти к путешественникам, которых осматривал внимательно и недоверчиво, отчасти к вознице.

Пока человек, одетый в персидское платье, искал пропускной вид в рукаве своей одежды, биченосец обратился к подошедшему к нему товарищу и сказал, указывая на незначительную свиту путешественника:

- Видал ли ты когда-нибудь такой удивительный поезд? Не называй меня Гивом, если за этими пришельцами не скрывается что-нибудь особенное. Самый обыкновенный расстилатель ковров при дворе царя имеет в путешествии вчетверо большую свиту, чем этот человек, который обладает пропускным видом от самого царя и носит одежду царского сотрапезника.

Заподозренный человек подал стражу шелковый, пропитанный запахом мускуса свиток, на котором виднелись царская печать и несколько букв.

Биченосец взял его и посмотрел на печать. 'Печать подлинная', - пробормотал он. Потом он начал разбирать буквы, но лишь только разобрал первые из них, как стал всматриваться в путешественника пристально и, наконец, схватил лошадь за поводья с криком: 'Сюда, люди, окружить его: это обманщик!'

Убедившись, что путешественникам ускользнуть невозможно, он опять подошел к чужеземцу и сказал:

- Ты везешь пропускной вид, который не принадлежит тебе. Гигес, сын Креза, за которого ты себя выдаешь, сидит в темнице и сегодня должен быть казнен. Ты на него вовсе не похож и раскаешься в своем самозванстве. Выходи и следуй за мной.

Путешественник и не думал повиноваться этому приказанию, на ломаном персидском языке просил начальника стражи сесть к нему в повозку, так как он имеет сообщить ему нечто важное. Тот с минуту колебался, но, видя, что приближается еще отряд биченосцев, сделал им знак остаться у лошадей, нетерпеливо бьющих копытами, и сел в гармамаксу.

Чужеземец, усмехаясь, посмотрел на начальника стражи и спросил его:

- Похож ли я на обманщика?

- Нет, потому что хотя язык твой болтает неправду, то есть ты вовсе не перс, но все-таки у тебя благородная наружность.

- Я эллин и явился сюда, чтобы оказать Камбису неоценимую услугу. Пропускной вид моего друга Гигеса был одолжен мне им, еще когда он находился в Египте, на случай моего приезда в Персию. Я готов оправдаться перед самым царем и мне страшиться нечего, - а за известия, которые я привез, я могу даже ожидать большой милости. Вели отвести меня немедленно к Крезу, если того требует твоя обязанность. Он поручится за меня и отошлет к тебе

обратно твоих людей, в которых ты сегодня, по-видимому, нуждаешься. Раздай им это золото да Расскажи мне, в чем провинился мой бедный друг Гигес и вообще что означают эти вопли и суматоха?

Чужеземец говорил хоть и на плохом персидском языке, но с внушающим уважение достоинством и самоуверенностью, притом и подарок его был так щедр, что слуга деспотов, привыкший к унижению, почувствовал себя сидящим в присутствии владетельного лица, почтительно скрестил руки и, оправдываясь своими многочисленными занятиями, начал рассказывать вкратце. В прошлую ночь он стоял на страже в большой зале и потому мог сообщить чужеземцу о происшедшем с достаточной точностью. Грек с большим вниманием слушал рассказчика и часто с сомнением покачивал своей красивой головой, особенно когда речь шла о вероломстве дочери Амазиса и сына Кира. Смертные приговоры, особенно приговор Крезу, казалось, глубоко поразили его; но скоро сострадание исчезло с живого лица грека, уступив место глубокой задумчивости, а вслед за тем - радости, которая показала, что ему пришла в голову хорошая мысль. Суровое достоинство сразу слетело от чужеземца. Весело смеясь и потирая правой рукой высокий лоб, левой он взял руку удивленного перса, пожал ее и спросил:

- А ты будешь рад, если Бартия спасется?

- Невыразимо!

- Хорошо, так я тебе ручаюсь, что ты получишь, по крайней мере, два таланта, если доставишь мне возможность переговорить с царем прежде, чем будет исполнен первый из смертных приговоров.

- Но как могу я, ничтожный человек...

- Ты должен, ты должен!

- Я не могу!...

- Знаю, что чужеземцу трудно, почти невозможно добиться разговора с вашим повелителем; но мое посольство не терпит ни малейшей отсрочки, так как я в состоянии доказать невинность Бартии и его друзей. Слышишь ли, я могу это сделать! Понимаешь ли теперь, что ты должен доставить меня к царю?...

- Но как это сделать?

- Не спрашивай, а действуй! Ты ведь сказал, что и Дарий в числе осужденных?

- Да.

- Я слышал, что отец его - человек высокопоставленный.

- Он первый в царстве после детей Кира.

- Веди меня сейчас же к нему. Он примет меня дружески, когда узнает, что я могу спасти его сына.

- Диковинный чужеземец, в твоих словах столько самоуверенности, что я...

- Что ты склонен мне верить? Скорее доставь нам людей, которые раздвинули бы толпу и проводили нас во дворец.

Кроме сомнения, ничто другое так быстро не сообщается, как надежда на выполнение заветного желания, особенно если эту надежду подают нам с неподдельной уверенностью.

Начальник стражи поверил странному путешественнику, он выскочил, размахивая бичом, из повозки и крикнул своим подчиненным: 'Этот благородный господин прибыл для того, чтобы доказать невинность Бартии; его должно сейчас же отвести к царю. Следуйте за мною, друзья, и очищайте ему дорогу!'

В эту минуту показался отряд конных телохранителей. Сотник поспешил навстречу их начальнику и, при одобрительных криках толпы, просил проводить чужеземца во дворец.

Между тем путешественник вскочил на лошадь своего слуги и последовал за персами, которые расчищали ему путь.

Быстрее ветра облетела громадный город исполненная надежды новость. Чем дальше продвигались всадники, тем охотнее раздвигались толпы народа, тем откровеннее выражалась радость толпы, тем более поездка чужеземца становилась похожей на триумфальное шествие.

Через несколько минут всадники очутились у ворот дворца. Еще не открылись перед ними медные ворота, как показался второй поезд, во главе которого медленно ехал седой Гистасп, в черной, разодранной траурной одежде, на коне, выкрашенном голубой краской, с остриженными гривой и хвостом. Он явился умолять царя о помиловании сына.

Начальник биченосцев чрезвычайно обрадовался, заметив благородного старца; он бросился на колени перед его лошастью и, сложив руки, сообщил Гистаспу, какую надежду вселил в них чужеземец.

Гистасп сделал знак путешественнику, который, оставаясь на лошади, грациозно ему поклонился и подтвердил ему слова биченосца. С этого времени он обрел дополнительную уверенность, просил чужеземца следовать за ним, привел грека во дворец, велел старшему жезлоносцу провести себя, Гистаспа, к царю, а греку приказал подождать у двери царского покоя.

Бледный как смерть лежал Камбис на своем пурпурном диване, когда его престарелый родственник вошел в комнату. У ног царя стоял на коленях виночерпий, который старался подобрать черепки драгоценного египетского стеклянного сосуда, нетерпеливо брошенного царем к ногам потому, что ему не понравился содержащийся там напиток. Многочисленные придворные в почтительном отдалении окружали раздраженного повелителя. На лице каждого из них было написано, что он боится гнева властелина и старается держаться от него сколько можно дальше. Глубокая тишина наполняла обширную комнату, через открытое окно которой врывались ослепительный свет и удушливый зной вавилонского летнего дня. Большая собака хорошей эфирской породы была единственным существом, которое осмеливалось прерывать глубокое молчание своим повизгиванием. Камбис сильным ударом ноги оттолкнул ласкавшееся животное. Прежде чем жезлоносец ввел Гистаспа, царь вскочил с места. Он не мог более выносить ленивый покой; скорбь и гнев душили его. Визг собаки вновь возбудил быстроту мысли в его измученном, алчущем покоя мозгу.

- На охоту! - вскричал он уstraшенным царедворцам. Ловчие, конюшие и главный надзиратель псарни поспешили повиноваться приказанию повелителя. Последний крикнул им:

- Я хочу ехать на невыезженном жеребце Рекше. Приготовьте соколов, спустите всех собак, зовите каждого, кто умеет владеть копьем! Мы поочистим заповедник!

Тут Камбис снова лег на диван, как будто эта вспышка совершенно истощила его могучее тело. Он не заметил вошедшего Гистаспа: мрачный взор властелина беспрерывно следил за пылинками, которые неслись в лучах света, проникавшего через окно.

Отец Дария не смел говорить с раздраженным царем, но встал к окну, посреди летавших пылинок, и таким образом обратил на себя внимание повелителя.

Камбис взглянул на Гистаспа и на его разодранные одежды сначала с неудовольствием, потом с горькой усмешкой и спросил:

- Что тебе нужно?

- Победа царю! Твой бедный слуга и дядя пришел воззвать к милосердию своего властелина!

- Встань и уходи! Ты знаешь, что для клятвопреступников и лжесвидетелей у меня нет милосердия. Лучше мертвый, чем такой бесчестный сын!

- Но если бы Бартия оказался невинным, то и Дарий...

- Ты осмеливаешься возражать против моего приговора?

- Далеко от моих мыслей поступать так. Все, что ни делает царь, хорошо и не терпит противоречия, однако...

- Молчи! Не хочу, чтобы снова касались этих мрачных злодеяний. Ты достоин сожаления, как отец; но и мне последние часы не принесли радости; жалею тебя, старик; но наказание твоего сына точно так же не могу отменить, как ты не можешь сделать его преступление несовершившимся.

- Но если бы Бартия все-таки оказался невиновным, если боги...

- Не думаешь ли ты, что небожители покровительствуют обманщикам и клятвопреступникам?

- Нет, государь! Но явился новый свидетель, который...

- Новый свидетель? Право, я охотно отдал бы полцарства, если бы мог убедиться в невинности многих людей, столь близких моему дому!

- Победа моему владыке, оку государства! У дворца ждет один эллин, который, судя по его виду и осанке, принадлежит к числу знатнейших лиц своего племени. Он утверждает, что может доказать невинность Бартии.

Царь горько усмехнулся и вскричал:

- Эллин! Быть может, родственник той красавицы, которой Бартия выказал такую верность? Что может знать чужеземец о событиях в моем доме? Но мне хорошо известны эти ионийские бродяги! Они смело и бесстыдно вмешиваются повсюду и думают нас одурачить своими хитростями и коварством. Сколько ты заплатил новому свидетелю, дядя? У греков ложь так же легко сходит с языка, как у магов слова благословения; я хорошо знаю, что за деньги они способны на все. Любопытно мне видеть твоего свидетеля! Позови-ка его! Но если он намерен мне лгать, то пусть лучше остается там, где он теперь, и не забывает, что, где падает голова сына Кира, там мало будет тысячи греческих голов.

При этих словах глаза царя гневно сверкнули; Гистасп велел позвать эллина.

Не успел последний вступить в залу, как царские жезлоносцы перевязали ему рот платком и велели пасть ниц перед царем. С благородным видом подошел грек к царю, устремившему на него пронизательный взор, и, согласно персидскому обычаю, распростерся перед ним, целуя землю.

Приятный вид и красивая осанка чужеземца, который спокойно и скромно выносил взгляды царя, по-видимому, понравились Камбису: он не дал ему долго лежать на земле и спросил без всякой неприязни:

- Кто ты?

- Я благородный эллин. Мое имя Фанес, моя родина - Афины. Десять лет без славы служил я начальником греческих наемников Амазиса.

- Не ты ли тот человек, искусному предводительству которого египтяне обязаны победой над киприотами?

- Я самый.

- Что привело тебя в Персию?

- Блеск твоего имени, Камбис, и желание посвятить твоей службе мой меч и мои знания.

- Только это? Будь правдив и помни, что малейшая ложь может стоить тебе жизни. У нас, персов, другие понятия о справедливости, чем у вас, эллинов.

- Мне ложь столько же отвратительна уже потому, что она мне кажется безобразной, как искажение и извращение естественного, то есть истины.

- Итак, говори!

- Правда, меня привело в Персию еще нечто третье, о чем тебе я сообщу позже. Это третье касается предмета чрезвычайной важности, для обсуждения которого нужно много времени; теперь же...

- Сегодня-то именно я и хочу слышать что-нибудь новое. Сопровождай меня на охоту! Ты явился кстати: никогда развлечение не было мне так необходимо, как теперь.

- Я охотно буду тебя сопровождать, если ты...

- Царю условий не ставят. Ты ловок на охоте?

- Я убил не одного льва в ливийских пустынях.

- Так следуй за мной!

В мыслях об охоте царь, казалось, стряхнул свое изнеможение и хотел уже оставить залу, как Гистасп снова бросился к его ногам и, подняв руки, воскликнул:

- Неужели мой сын и твой брат умрут невинно? Заклинаю тебя душой твоего отца, который называл меня своим вернейшим другом, выслушать этого благородного чужеземца.

Камбис остановился. Его лоб опять нахмурился, голос зазвучал угрозой, а глаза блеснули молнией; протягивая руку к греку, он вскричал:

- Говори, что известно тебе, но знай, что с каждым несправедливым словом ты произносишь собственный смертный приговор!

Фанес спокойно выслушал его и, с достоинством поклонившись, сказал:

- От солнца и от царя ничто не может скрыться. Как мог бы бедный смертный утаить правду от столь могущественного властителя? Благородный Гистасп говорит, что я могу доказать невинность твоего брата; но я могу только надеяться и желать, чтобы мне удалось столь великое и правое дело. Во всяком случае, боги доставили мне такую нить, которая может повести к новому взгляду на вчерашние события. Суди сам, слишком ли смелы мои надежды, слишком ли опрометчивы подозрения; помни только, что мое желание служить тебе искренно, моя ошибка, если я ошибаюсь, простительна; помни, что на свете нет ничего верного и каждый обыкновенно называет безошибочным даже то, что считает только правдоподобным.

- Ты говоришь красиво и своими словами напоминаешь мне о... Проклятый! Говори - да короче! На дворе уже лают собаки!

- Я находился еще в Египте, когда туда прибыло твое посольство, чтобы везти Нитетис в Персию. В доме моей прекрасной, знаменитой соотечественницы и подруги, Родопис, познакомился я с Крезом и его сыном, но твоего брата и его друзей видел только мимоходом. Несмотря на это я хорошо запомнил красивое лицо царственного юноши; когда впоследствии я посетил мастерскую великого ваятеля Феодора в Самосе, то тотчас же узнал его черты.

- Ты встречался с ним в Самосе?

- Нет! Феодору заказана была Алкмеонидами для нового дельфийского храма голова бога солнца, и он украсил ее лицом твоего брата, которое твердо удержалось в его памяти.

- Твой рассказ начинается не очень правдоподобно. Возможно ли так верно изобразить лицо, которого не имеешь перед собой?

- Феодор выполнил это образцовое произведение и, если ты одобришь его искусство, охотно сделает и для тебя второе изображение твоего брата.

- Я не желаю этого. Рассказывай дальше!

- На пути сюда, совершенном мной благодаря превосходным порядкам, заведенным при твоём отце, в невероятно короткое время, меня лошадей на каждой четвертой миле...

- Кто позволил тебе, чужеземцу, пользоваться почтовыми лошадьми?

- Выданный на имя сына Креза пропускной вид, который случайно достался мне в распоряжение, когда Гигес, чтобы спасти мне жизнь, заставил обменяться с собой одежками.

- Лидиец обманет лисицу, сириец - лидийца, а иониец - их обоих, - пробормотал царь и в первый раз усмехнулся: - Крез рассказывал мне эту историю. Бедный Крез! - При этих словах лицо Камбиса омрачилось, а рука попыталась расправить складки на лбу; афинянин же рассказывал далее:

- Я сначала беспрепятственно продолжал свое путешествие; но сегодня утром, в первом часу пополудни, был задержан странным происшествием.

Царь слушал все внимательнее и торопил афинянина, который с трудом объяснялся по-персидски.

- Мы находились, - продолжал тот, - между последней и предпоследней станциями перед Вавилоном и надеялись при восходе солнца достигнуть города. Я думал о своем бурном прошлом, о неотомщенных преступлениях и не находил сна, между тем как старик-египтянин, который ехал со мной, мирно спал, убаюканный однообразным звоном бубенчиков на конской упряжи, однообразным стуком лошадиных подков и шумом волн Евфрата. Ночь была изумительно прекрасная и тихая. Лучи месяца падали на дорогу и, соединяясь с блеском звезд, освещали дремлющую окрестность почти дневным светом. Ни повозки, ни пешехода, ни всадника не встречалось нам уже с час времени; все население окрестностей Вавилона, как нам сказали, находилось в городе, на празднестве дня твоего рождения, чтобы посмотреть на величие царского двора и воспользоваться твоей щедростью. Наконец, моих ушей достигло неравномерное постукивание копыт и звон колокольчиков, а спустя несколько минут явственно послышались крики о помощи. Я быстро велел сойти с лошади сопровождавшему меня слуге-персу, вскочил в его седло, приказал вознице, который правил повозкой с моими невольниками, не щадить лошаков, выхватил саблю и меч, дал лошади шпоры и помчался туда, откуда слышались крики о помощи. Не больше как через минуту я сделался свидетелем ужасного зрелища. Трое людей дикого вида сбили с лошади юношу в белой одежде мага, оглушили его ударами и готовы были бросить свою жертву в Евфрат, который в этом месте омывает корни пальмовых и фиговых деревьев, окаймляющих дорогу. Я испустил свой эллинский боевой клич, который заставлял трепетать уже многих врагов, и решительно бросился на убийц, которые - трусы, как все подобные люди, - обратились в бегство, лишь только увидели одного из своих товарищей с раскроенным черепом! Я не преследовал негодяев и наклонился над тяжело раненным юношей. Кто опишет мой ужас, когда в нем узнал я твоего брата Бартию! Да, я видел то самое лицо, которое видел в Наукратисе и в мастерской Феодора...

- Удивительно! - прервал рассказчика Гистасп.

- Может быть, даже слишком удивительно, чтобы быть правдоподобным, - прибавил Камбис, - остерегись, эллин, и не забывай, что моя рука достает далеко! Я расследую, справедлив ли твой рассказ!

- Я привык, - возразил афинянин, низко кланяясь, - следовать учению мудрого Пифагора, слава которого, может быть, достигла и тебя: всегда, прежде чем начинаю говорить, я спрашиваю себя, не придется ли мне впоследствии раскаиваться в своих словах?

- Это звучит прекрасно и исполнено мудрости, но, клянусь Митрой, я знал существо, у которого часто было на языке имя этого самого учителя и которое в своих действиях оказалось верной последовательницей Анграманью. Ты знаешь изменницу, которая сегодня будет стерта с лица земли, как ядовитая гадина?

- Простишь ли ты меня, - спросил Фанес, заметивший глубокую скорбь, выразившуюся в чертах царя, - если я скажу тебе другое изречение нашего великого учителя?

- Говори!

- Всякое добро можно утратить так же скоро, как приобрести его; поэтому, если боги посылают тебе горе, то переноси его с терпением. Не ропщи, а обдумай, что никому боги не посылают бремени, превышающего его силы. Если у тебя есть душевная рана, то касайся ее так же редко, как ты прикасаешься к страждущему глазу. Против душевных страданий есть только два лекарства: 'Надежда и терпение!'

Камбис вслушивался в слова, заимствованные из золотых изречений Пифагора, и горько улыбнулся, услышав слово 'терпение'. Но речь афинянина понравилась ему, и он просил его рассказывать дальше.

- Мы отнесли, - продолжал Фанес с низким поклоном, - бесчувственного юношу в мою колесницу и отвезли его в ближайший станционный дом. Хозяин этого станционного дома стоял около нас; поэтому, чтобы не выказать поддельность своего вида, по которому я должен был получить новых лошадей, и не возбудить в этом человеке подозрения, я оказался вынужденным выдать себя за Гигеса, сына Креза. Раненый, по-видимому, знал того, за кого я желал быть принятым, так как, услышав мои слова, покачал головой и прошептал: 'Ты не тот, за которого выдаешь себя'. Затем он снова закрыл глаза и впал в жестокую лихорадку. Тогда мы раздели его, пустили ему кровь и перевязали его раны. Мой слуга, перс, видевший Бартию при дворе Амазиса, где он служил надсмотрщиком над конюшнями, при содействии старика-перса оказал юноше

большую помощь и непрестанно повторял, что раненый есть не кто иной, как твой высокородженный брат. Также и хозяин станционного дома поклялся, когда мы смыли кровь с лица юноши, что подвергшийся нападению - младший сын твоего великого отца. Между тем мой египетский провожатый вышел, и из дорожной аптеки, без которой египтяне редко покидают родину, достал питье и подал его больному. Капли подействовали так удивительно, что воспламененная кровь больного успокоилась через несколько часов, и юноша, на закате солнца, открыл глаза. Тогда мы все собрались вокруг него и стали спрашивать, не желает ли он быть перенесенным в вавилонский дворец. Он раздраженно отверг это и уверял, что он не тот, за которого мы принимали его, а...

- Кто может быть до такой степени похож на Бартию? Говори! Мне весьма любопытно узнать это! - прервал царь рассказчика.

- Он утверждал, что он брат твоего верховного жреца, что его зовут Гаумата и что его имя можно найти на открытом листе, спрятанном в рукаве его жреческой одежды. Хозяин дома нашел упомянутый документ и, будучи грамотным, подтвердил показание больного, которым снова овладел припадок лихорадки и который во время этого припадка говорил бессвязные речи.

- Понял ты их?

- Да, он повторял все одно и то же. Казалось, все его мысли были заняты висячими садами. Должно быть, он только что избежал какой-нибудь великой опасности и имел там любовное свидание с женщиной по имени Мандана.

- Мандана, - пробормотал Камбис, - Мандана!... Если я не ошибаюсь, так зовут первую служанку дочери Амазиса.

Эти слова не ускользнули от тонкого уха грека. На один момент он впал в безмолвную думу, затем улыбнулся и вскричал:

- Освободи заключенных друзей, царь; ручаюсь тебе моей головой в том, что Бартия не был в висячих садах!

Царь посмотрел на смелого собеседника с удивлением, но ласково. Свободная, непринужденная, приятная манера, с которой держал себя по отношению к нему этот афинянин, была для него новостью и действовала на него подобно свежему дыханию морского воздуха, обвевающего лоб человека в первый раз. Между тем как его вельможи и даже ближайшие родственники осмеливались говорить с ним не иначе как согнув спину, грек стоял перед ним прямо и стройно; между тем как персы каждое слово, обращаемое ими к своему владельцу, приправляли цветистыми фразами и лъстивыми оборотами речи, афинянин говорил просто и без прикрас. При этом он сопровождал свою

речь такими грациозными движениями и выразительными взглядами, что, несмотря на недостаточное владение персидским языком, царь понимал речь грека лучше, чем большую часть украшенных сравнениями докладов своих подданных. Только в отношении Нитетис и этого иностранца он мог забыть, что он царь. Здесь стоял человек перед человеком, здесь гордый самодержец забыл, что он говорит с существом, жизнь или смерть которого зависит от его каприза. Так могущественно действуют даже на сурового деспота достоинство человека, самосознание личности, чувствующей свое право на свободу и свое превосходство в образованности. Но было еще нечто другое, что так быстро возбудило в Камбисе симпатию к афинянину. Этот человек, по-видимому, явился для того, чтобы возвратить ему драгоценнейшее сокровище, которое он считал потерянным и даже более чем потерянным. Но могла ли жизнь этого чужеземного искателя приключений служить залогом за жизни сыновей первейших персов? Однако же предложение Фанеса вовсе не разгневало царя. Он только улыбнулся смелости эллина, освободившегося, в своем увлечении, от платка, закрывавшего его рот и бороду, и вскричал:

- Клянусь Митрой! Мне сдается, что ты желаешь принести нам добро, эллин! Я принимаю твое предложение. Если заключенные окажутся, несмотря на твое уверение, виновными, то ты обязан будешь всю свою жизнь оставаться при нашем дворе в качестве моего слуги; если же ты в самом деле сумеешь доказать то, чего жаждет мое сердце, то я сделаю тебя богатейшим из твоих соотечественников.

Фанес уклончиво улыбнулся и спросил:

- Позволишь ли ты мне задать тебе и твоим царедворцам несколько вопросов?

- Говори и спрашивай, как и что хочешь!

В эту минуту в залу вошел главный ловчий и возвестил, что все готово для охоты.

- Подождать! - приказал царь своим сотрапезникам, выбившимся из сил в своем усердии, с которым они старались ускорить все приготовления. - Я не знаю даже, будем ли мы охотиться сегодня. Где сотник биченосцев, Бишен?

Датис, так называемый глаз царя, то есть в переводе на современный язык министр полиции, быстро вышел из комнаты и явился с требуемым лицом через несколько минут, которые Фанес употребил на то, чтобы расспросить присутствовавших вельмож о разных важных для него подробностях.

- Что делают узники? - спросил Камбис лежавшего у его ног сотника биченосцев.

- Победа царю! Они ждут смерти спокойно, так как сладко умереть по твоей воле.

- Слыхал ли ты их разговоры?

- Да, мой повелитель.

- Признаются ли они друг другу в своей виновности?

- Один Митра умеет заглядывать в сердце, но ты, мой государь, так же как я, твой жалчайший раб, поверил бы в невинность этих осужденных, если бы слышал их разговоры.

Сотник биченосцев боязливо смотрел на царя, так как опасался, что эти слова возбуждают его гнев, но Камбис ласково улыбнулся вместо того, чтобы разгневаться. Вдруг тревожная мысль омрачила его лицо, и он едва внятно спросил:

- Когда казнен Крез?

Сотник задрожал при этих словах: холодный пот выступил у него на лбу и его губы едва могли пробормотать слова:

- Он... он был... мы думали...

- Что вы думали? - прервал его Камбис, в душе которого мелькнула новая надежда. - Разве вы не исполнили тотчас же моего приказа? Неужели Крез еще жив? Говори, рассказывай, я хочу знать полную правду!

Сотник извивался как червь у ног своего повелителя и, наконец, простирая к нему руки с мольбой, пробормотал:

- Пощади, пощади, властитель! Я бедный человек и имею тридцать детей, из которых пятнадцать...

- Я хочу знать, жив он или нет!

- Он жив! Я думал, что не сделаю ничего дурного, если позволю ему, которому я обязан всем, пожить одним часом более, чтобы он...

- Довольно! - вскричал царь с глубоким вздохом облегчения. - На этот раз твое непослушание останется не наказанным, и так как ты имеешь много детей, то казначей наш выдаст тебе два таланта. Отправляйся теперь к узникам, призови Креза сюда и скажи другим, что если они невиновны, то пусть будут спокойны.

- Ты, государь, - светило мира и океан милосердия!

- Бартия и его друзья более не должны сидеть в уздилище! Пусть они, под вашей охраной, походят по дворцовому двору; ты, Даис, отправляйся немедленно в висячие сады и прикажи Богесу отложить исполнение казни над египтянкой. Затем послать в станционный дом, указанный афинянином, и привезти сюда находящегося там раненого, под достаточной охраной.

Глаз царя собирался уйти, но Фанес остановил его и спросил:

- Позволит ли мне государь сделать одно замечание?

- Говори!

- Мне кажется, что начальник евнухов Богес может доставить нам самые верные сведения. Бредящий юноша часто произносил его имя в связи с именем своей возлюбленной.

- Спешу, Датис, и приведи сюда Богеса.

- И главный жрец Оропаст должен быть допрошен в качестве брата Гауматы; также и Мандана, главная служанка египтянки, как меня уверяли сейчас.

- Приведи ее, Датис!

- Если бы, наконец, сама Нитетис...

При этих словах афинянина царь побледнел и легкая дрожь пробежала по его членам. Как охотно увидел бы он вновь свою возлюбленную! Но могущественный государь боялся чарующих и укориженных взглядов этой женщины; поэтому он воскликнул, указывая на дверь и обращаясь к Датису:

- Отправляйся и приведи Богеса и Мандану, а египтянка пусть останется под стражей в висячих садах!

Афинянин почтительно поклонился, точно хотел сказать:

- Только тебе одному принадлежит право повелевать здесь.

Царь с удовольствием поглядел на него и снова уселся на пурпурный диван. Задумчиво подпер он свой лоб рукой и глядел на пол. Образ когда-то столь пламенно любимой девушки постоянно стоял у него перед глазами и вкрадывался в душу с осязательной ясностью, и мысль, что эти черты не могут обманывать, что Нитетис все-таки, может быть, невинна, все более и более укоренялась в его сознании, вновь открывшемся для надежды. Если бы Бартию можно было оправдать, тогда и всякая другая ошибка оказалась бы возможной; тогда он сам отправился бы в висячие сады, взял бы ее за руку и выслушал бы ее оправдание. Если любовь овладевает человеком в зрелом возрасте, то она, подобно разветвлениям кровеносных сосудов, пронизывает насквозь все его существо и может быть уничтожена только вместе с его жизнью.

Когда Крез вошел в комнату, Камбис очнулся от своих дум, ласково поднял старика, бросившегося перед ним на колени, и проговорил:

- Ты провинился передо мною, но я хочу быть милостивым, так как помню слова моего умирающего отца, который завещал мне держать тебя при себе в качестве советника и друга. Возьми свою жизнь из моих рук снова и забудь мой гнев так же, как я хочу забыть твою непреклонность. Пусть вон тот человек, утверждающий, что он знает тебя, сообщит тебе свои догадки. Он просил меня, чтобы я выслушал и твое мнение.

Крез, глубоко взволнованный, повернулся к афинянину и, от души приветствуя его, выслушал то, что Фанес хотел ему сказать.

Бодрый старик все внимательнее следил за рассказом Фанеса, и когда тот закончил, он поднял руки к небу и вскричал:

- Простите мне, вечные боги, если я когда-нибудь сомневался в вашей справедливости! Разве это не удивительно, Камбис? Мой сын бросился в опасность, чтобы спасти жизнь этого благородного человека, и теперь боги привели спасенного в Персию, чтобы вознаградить десятицей за ту услугу, которую ему оказал Гигес! Если бы египтяне убили Фанеса, то в этот час, может быть, пали бы головы наших сыновей!

При этих словах Крез бросился на грудь к Гистаспу, который, подобно ему, видел своего любимого сына как бы родившимся во второй раз.

Царь, Фанес и персидские сановники с глубоким волнением смотрели на двух обнимавшихся старцев. Ни один из присутствовавших уже не сомневался в невинности Бартии, хотя до этих пор она была основана только на предположениях. Где вера в виновность слаба, там защитника выслушивают с полным вниманием.

V

Фанес с истинно аттической проницательностью, по соображении всего выслушанного, угадал истинное содержание фактов этого печального события; от него не укрылось даже и то, что в этом деле было замешано зложелательство. Кинжал Бартии, найденный в висячих садах, мог быть подброшен туда каким-нибудь изменником.

Между тем как он сообщал это свое подозрение царю, жезлоносцы ввели в залу верховного жреца, Оропаста.

Царь сурово посмотрел на него и спросил его без всяких предисловий:

- Есть у тебя брат?

- Да, царь, я и он - единственные братья, пережившие шестерых сестер; мои родители...

- Этот брат моложе или старше тебя?

- Я был самый старший из всех детей, между тем как он, младший, родился поздно, чтобы быть радостью преклонных лет моего отца.

- Заметил ли ты поразительное сходство между ним и одним из моих родственников?

- Да, государь. Гаумата похож на твоего брата Бартию до того, что в школе жрецов в Рагэ, где он находится еще и теперь, его постоянно называли князем.

- Не был ли он в недавнее время в Вавилоне?

- В последний раз он был во время праздника нового года.

- Правду ли ты говоришь?

- Мое платье и моя должность делали бы меня вдвойне виновным, если бы я вздумал открыть рот для лжи.

При этих словах царь покраснел от гнева и вскричал:

- Однако же ты лжешь, так как Гаумата был здесь вчера вечером! Ты дрожишь, имея на это основательную причину!

- Моя жизнь принадлежит тебе; однако же я, верховный жрец, клянусь высочайшим богом, которому верно служил тридцать лет, что мне ничего не известно о вчерашнем пребывании брата моего в Вавилоне.

- Черты твоего лица носят печать правдивости, - заметил Камбис.

- Ты знаешь, что во вчерашний высокаторжественный день я ни на одну минуту не отходил от тебя.

- Знаю.

Двери снова отворились, чтобы впустить трепещущую Мандану. Верховный жрец посмотрел на нее вопросительно и с удивлением. От замечательно зорких глаз царя не укрылось то, что служанка находилась в каких-то отношениях с Оропастом, поэтому он спросил жреца, не обращая внимания на дрожавшую девушку, которая лежала у его ног:

- Знаешь ты эту женщину?

- Да, государь. Через меня она получила важное место начальницы всей прислуги при - да простит ей Аурамазда! - при дочери египетского царя.

- Что побудило тебя, жреца, покровительствовать этой молодой женщине?

- Ее родители умерли во время той же моровой язвы, которая похитила моих братьев. Ее отец был почтенный жрец и друг нашего дома; поэтому мы взяли девочку к себе, памятуя высокое учение: 'Если ты не даешь ничего чистому человеку и его сиротам, то ты будешь выброшен чистой покорной землей в жгучую крапиву, в самые мучительные страдания и страшнейшие места'. Таким образом, я сделался опекуном и воспитывал ее вместе с моим младшим братом, пока он не поступил в школу жрецов.

Царь обменялся с Фанесом значительным взглядом и спросил:

- Почему ты не оставил при себе девушку, которая, по-видимому, так красива?

- Когда ей надели серьги, я счел приличным удалить ее из моего жреческого дома и позаботиться о ее независимой будущности.

- Когда она выросла, виделась она с твоим братом?

- Да, государь. Когда Гаумата посещал меня, я позволял ему обращаться с Манданой, как со своей сестрой; но когда потом заметил, что к детской дружбе начинает примешиваться юношеская страсть, то моя решимость удалить от себя девушку сделалась тверже.

- Мы знаем довольно, - сказал царь, дав верховному жрецу знак удалиться. Затем он взглянул на девушку и сказал ей:

- Встань!

Мандана встала, шатаясь и трепеща.

- Рассказывай, что знаешь ты о вчерашнем вечере, но помни, что ложь принесет тебе смерть.

Колени испуганной девушки задрожали так сильно, что она едва могла стоять, губы ее онемели от страха.

- Мое терпение коротко! - снова вскричал Камбис.

Мандана вздрогнула, побледнела еще сильнее и почувствовала себя неспособной говорить еще более, чем прежде. Тогда Фанес подошел к разгневанному царю и только просил Камбиса позволить ему выслушать эту женщину, говоря, что ее губы, сомкнутые теперь страхом, откроются от ласковых слов.

Царь кивнул в знак согласия, и предсказание египтянина оправдалось. Едва он уверил Мандану в доброжелательстве к ней всех присутствующих, положил

свою руку на ее голову и начал говорить с ней ласково, как из глаз ее полились слезы и чары, которые сковали ее язык, исчезли. Прерывая свой рассказ всхлипываниями, она рассказала все, что знала, не умолчав и о том, что Богес покровительствовал свиданию ее с Гауматой, и закончила словами:

- Я хорошо знаю, что заслужила смерть и что я самое дурное и неблагодарное существо в мире; но все это несчастье было бы для меня невозможно, если бы Оропаст позволил своему брату жениться на мне!

При этих словах, произнесенных тоном страстного томления, она снова зарыдала, между тем как ее серьезные слушатели, даже сам царь, не могли удержаться от улыбки.

Эта улыбка спасла находившуюся в большой опасности жизнь молодой девушки. Но после всего, пережитого Камбисом, он едва ли улыбнулся бы, если бы Мандана, с тем тонким инстинктом, который является женщинам на помощь всего более в минуту грозящей им опасности, не сумела угадать и употребить в свою пользу слабую струну царя. В своем рассказе она гораздо больше, чем это было необходимо, останавливалась на радости, которую выказала Нитетис, получив от него подарок.

- Тысячу раз, - вскричала Мандана, - моя госпожа целовала вещи, которые принесли к ней от тебя, - о царь! - но чаще всего губы ее прижимались к тому букету, который ты сорвал для нее несколько дней тому назад своими собственными руками.

И когда этот букет начал увядать, тогда она разобрала его, цветок за цветком, тщательно расправила их листики, заложила их между шерстяными платками и собственноручно поставила на них свой тяжелый золотой ящик с благовониями, чтобы высушить их и сохранить на память о твоей доброте!

Когда Мандана заметила, что черты строгого судьи просияли при этих словах, то она ободрилась еще более, вложила в уста своей госпожи нежные слова, которых та вовсе и не говорила, и прибавила, что она, Мандана, слышала сто раз, как Нитетис с невыразимой нежностью произносила во сне имя Камбиса. Наконец она заключила свой рассказ слезной просьбой о помиловании.

Царь без гнева, но с безграничным презрением посмотрел на Мандану, оттолкнул ее ногой и вскричал:

- Прочь с глаз моих, ты, собачонка! Кровь, подобная твоей, запачкала бы топор палача! Прочь с глаз моих!

Мандана не заставила себя долго просить оставить залу. Это 'прочь с глаз моих' показалось ей сладкой музыкой. Она стремительно помчалась через

широкий двор и закричала, как безумная, теснившемуся на улице народу: 'Я свободна! Я свободна!'

Едва она оставила залу, как Датис, глаз царя, снова подошел к нему и сообщил, что начальник евнухов пропал и что поиски его оказались напрасными. Богес загадочным образом исчез из висячих садов; впрочем, он, Датис, приказал своим подчиненным отыскать беглеца и доставить его живого или мертвого.

При этом известии царь снова вспыхнул внезапным гневом и погрозил начальнику полиции, - который благоразумно умолчал перед своим повелителем о волнении народа, - тяжким наказанием, если беглец не будет схвачен к следующему утру.

Едва Камбис сказал это, как жезлоносец ввел одного из евнухов Кассанданы, через которого она просила у своего сына свидания с ним.

Камбис тотчас же решил исполнить желание слепой царицы, протянул Фанесу свою руку для поцелуя, - редкий знак благоволения, который оказывался только сотрапезникам царя, - и воскликнул:

- Всех узников немедленно выпустить на свободу! Устрашенные отцы, ступайте к своим сыновьям и скажите им, чтобы они были уверены в моей милости и благосклонности. Каждый из них получит сатрапию, в вознаграждение за эту ночь неповинного узничества. Тебе, мой эллинский друг, я обязан великой благодарностью. Чтобы выразить ее и привязать тебя к моему двору, я прошу тебя принять от моего казначея сто талантов.

- Такую большую сумму, - сказал Фанес, откланиваясь, - я едва ли сумею употребить в пользу.

- Так употреби ее во зло! - возразил царь, дружески улыбаясь, и в сопровождении своих царедворцев оставил залу, крикнув афинянину:

- До свидания на пиру!

Во время этих происшествий в покоях матери царя господствовала глубокая печаль. Узнав содержание письма к Бартии, она верила в вероломство Нитетис, своего же любимого сына считала невиновным. Кому же могла она доверять, если девушка, которую до сих пор она считала воплощением всех добродетелей, должна была назваться преступной изменницей; если благороднейшие юноши могли сделаться клятвопреступниками?

Нитетис считала она для себя более чем умершей. Бартия, Крез, Дарий, Гигес, Арасп, с которыми ее сердце было соединено узами крови и дружбы, все равно

что умерли для нее. И она не смела даже дать волю своему горю, так как ей надлежало обуздывать порывы отчаянья своей неукротимой дочери.

Атосса металась как безумная, услышав о предстоявших смертных приговорах. Сдержанность, приобретенная ею в обществе египтянки, оставила девушку, и ее столь долго подавляемая страсть вспыхнула с удвоенной силой.

Ей предстояло теперь потерять всех, кто был ей дорог: Нитетис, ее единственную подругу; Бартию, брата, к которому она была привязана всей душой; Дария, которого она - как теперь чувствовала это - не только уважала как спасителя ее жизни, но и любила со всей глубиной первой страсти; Креза, которого она любила, как дочь.

Она разорвала одежды, растрепала свои волосы, называла Камбиса чудовищем, а каждого, кто верил в виновность этих превосходных людей, - слепым и сумасшедшим. Затем она снова начинала плакать и воссылала смиренные молитвы к богам, чтобы несколько минут спустя заклинать Кассандану проводить ее в висячие сады и вместе с ней выслушать оправдание Нитетис.

Мать старалась успокоить взволнованную девушку и уверяла ее, что каждая попытка говорить с Нитетис была бы напрасна. Теперь Атосса снова начала бесноваться и, наконец, довела старуху до того, что она с материнской строгостью приказала ей молчать и отослала ее на рассвете в спальню.

Девушка покорилась приказанию матери, но вместо того, чтобы лечь в постель, стала у высокого окна, выходившего к висячим садам. Плача смотрела она на дом, в котором теперь ее подруга, ее сестра, одинокая, изгнанная, покинутая, ожидала позорной смерти. Вдруг ее потускневшие от слез глаза сверкнули искрами могучей воли, и вместо того, чтобы смотреть в безграничную ширь, она остановила свои взгляды на одной черной точке, которая летела к ней от дома египтянки, становясь все больше и заметнее, и, наконец, опустилась на кипарис возле самого ее окна.

Печаль исчезла с миловидного лица Атоссы; громко переведя дух, она захлопала руками и вскричала:

- Это птица гомай! Вестница счастья! Теперь все будет хорошо!

Та же самая райская птица, вид которой принес сердцу Нитетис столь чудное утешение, придала новую уверенность и Атоссе.

Желая узнать, не видит ли ее кто-нибудь, она заглянула в сад. Убедившись, что там нет никого, кроме старого садовника, она с легкостью серны

выпрыгнула из окна, сорвала несколько роз и веток кипариса и с ними подошла к старику, который, качая головой, смотрел на ее проказы.

С заискивающей лаской она погладила щеки старика, положила свои цветы в его загорелую руку и спросила его:

- Любишь ты меня, Сабас?

- О, госпожа! - воскликнул старик, прижимая к своим губам край платья царевны.

- Я верю тебе, старичок, и хочу доказать, что доверяю моему старому, верному Сабасу. Спрячь эти цветы и поспеши во дворец царя. Скажи, что ты несешь плоды для стола. Возле караульни бессмертных находятся в заключении мой бедный брат Бартия и Дарий, сын благородного Гистаспа. Позаботься о том, чтобы обоим тотчас же - слышишь? - тотчас же были переданы эти цветы с искренним приветствием от меня.

- Стража не допустит меня к узникам!

- Возьми эти кольца и всунь их стражам в руку. Несчастливым нельзя же запрещать наслаждаться цветами.

- Я попытаюсь.

- Я знала, что ты любишь меня, добрый Сабас. Теперь живо иди и возвращайся скорей!

Старик удалился так поспешно, как только мог. Атосса задумчиво смотрела ему вслед и шептала:

- Теперь оба они будут знать, что я любила их до самого их конца. Роза значит: 'я люблю тебя', а вечно зеленый кипарис значит: 'вечно и неизменно'.

Через час воротился старик и принес поспешившей к нему навстречу царевне любимое кольцо Бартии, а от Дария - индийский платок, смоченный кровью.

С полными слез глазами Атосса приняла эти дары из рук садовника; затем, предаваясь дорогим ее сердцу воспоминаниям, села под широковетвистым платановым деревом и, прижимая оба подарка к своим губам, прошептала:

- Кольцо Бартии значит, что он вспоминает обо мне; кровью напитанный платок Дария свидетельствует, что он готов пролить за меня кровь своего сердца!

При этих словах Атосса улыбнулась и с этой минуты, думая о судьбе своих друзей, могла плакать хотя горько, но тихо.

Через несколько часов после того посланец Креза возвестил женщинам царского дома, что невинность Бартии и его друзей доказана и что Нитетис тоже оправдана.

Кассандана тотчас же послала в висячие сады пригласить к ней Нитетис.

Атосса, необузданная в радости так же, как и в горе, бросилась навстречу носилкам своей подруги и перебегала от одной из своих служанок к другой, крича: 'Все невинны, все, все возвращены нам!'

Когда же, наконец, носилки ее подруги приблизились, когда она увидела в них свою бледную как смерть любимицу, то она разразилась рыданиями, бросилась к Нитетис на шею и осыпала ее ласками и поцелуями до тех пор, пока не заметила, что колени освобожденной девушки трясутся и что она нуждается в более сильной опоре, чем ее слабые руки.

Египтянка в обмороке была принесена в покои матери царя. Когда она снова открыла глаза, то ее мраморно-бледная голова покоилась на груди слепой; на своем лбу она чувствовала теплые губы Атоссы, а Камбис, явившийся на призыв своей матери, стоял у ее постели.

В смущении и страхе смотрела Нитетис на тех, кого более всего любила. Наконец она узнала всех их поодиночке, провела ладонью по своему бледному лбу, как будто желая сбросить с него покрывало, улыбнулась дружески каждому отдельному лицу и затем снова закрыла глаза. Она вообразила, что добрая Исида послала ей приятные грезы, и старалась удержать их всеми силами своей души.

Тогда Атосса со страстной нежностью произнесла ее имя. Нитетис снова открыла глаза и снова встретила те же полные любви взгляды, о которых она думала, что видела их во сне. Да, это были они: Атосса, Кассандана, ее вторая мать, и не разгневанный царь, а человек, которого она любила. Он тоже теперь раскрыл губы и вскричал, причем его суровый повелительный взгляд смягчился до выражения мольбы о милости:

- Нитетис, проснись! Ты не должна, не можешь быть виновной!

Она тихо пошевелинула головой с радостным выражением отрицания, и по ее прекрасным чертам, подобно дыханию молодой весны на розовых кустах, пробежала очаровательная улыбка.

- Она невиновна, клянусь Митрой; она не может быть виновна! - повторял Камбис и, не обращая внимания на присутствовавших, бросился перед Нитетис на колени.

К больной подошел персидский врач и натер ей виски священным благовонным маслом, между тем как глазной врач Небенхари, бормоча заклинания и качая головой, пощупал ее пульс и подал ей лекарство из своей походной аптеки. Теперь к ней возвратилось полное сознание и она, приподнявшись с усилием и ответив на выражения любви со стороны Атоссы и Кассанданы, сказала, повернувшись к царю:

- Как мог ты, царь, думать обо мне таким образом?

В этих словах не было никакого упрека, они звучали только огорчением, и Камбис отвечал на них тихой просьбой:

- Извини меня.

Кассандана ласковым взглядом своих слепых глаз поблагодарила сына за признание им своей вины и сказала:

- И я тоже, дочь моя, имею нужду в твоём прощении.

- А я никогда не сомневалась в тебе! - вскричала Атосса с гордостью, целуя свою подругу в губы.

- Твое письмо к Бартии поколебало мою веру в твою невинность, - прибавила мать Камбиса.

- И, однако же, все было так просто и естественно, - отвечала Нитетис. - Вот, матушка, возьми это письмо, полученное мной из Египта. Пусть переведет его тебе Крез. Оно объяснит тебе все. Может быть, я была неосторожна. Пусть сообщит тебе твоя мать все необходимое, - прибавила она, обращаясь к царю. - Прошу тебя, не смейся над моей бедной, больной сестрой. Когда египтянка любит, она не может забыть своей любви. Мне так страшно! Дело идет к концу. Последние часы были так ужасны! Грозный смертный приговор, который прочел мне этот ужасный человек, Богес, заставил меня прибегнуть к яду. Ах, мое сердце!

С этими словами она упала на грудь старухи. Небенхари бросился к больной, влил ей в рот снова несколько капель лекарства и воскликнул:

- Я так и думал! Она приняла яд и наверное умрет, если даже ее смерть и будет отсрочена на несколько дней этим противоядием.

Камбис стоял возле него, бледный и оцепенелый, следя за всеми его движениями, между тем как Атосса обливала слезами лоб своей подруги.

- Пусть принесут молока и мой большой ящик с лекарствами, - приказал глазной врач. - Призовите также слуганок, чтобы перенести ее отсюда, так как прежде всего ей нужно спокойствие.

Атосса поспешила в соседнюю комнату, а Камбис спросил персидского врача, не глядя на него:

- Есть ли какое-нибудь спасение?

- Яд, принятый ею, имеет своим последствием неизбежную смерть.

Когда царь услышал эти слова, он оттолкнул врача от больной и вскричал:

- Она должна жить! Я приказываю это! Сюда, евнух! Созвать всех врачей в Вавилоне, всех жрецов и мобедов [\[82\]](#). Она будет жить, слышите, она должна жить. Я приказываю это - я, царь!

В это мгновение Нитетис открыла глаза, как будто повинуюсь приказанию своего повелителя. Ее лицо было обращено к окну. Перед ним на кипарисовом дереве сидела райская птичка с золотой цепочкой на ноге. Взгляды страждущей прежде всего упали на ее возлюбленного, который, склонившись над ней, прижимал губы к ее правой руке. Улыбаясь, она прошептала:

- Какое счастье!

Затем она увидела птицу, указала на нее левой рукой и вскричала:

- Посмотрите, посмотрите! Птица бога Ра, феникс!

После этих слов она опять закрыла глаза, и вскоре ею овладела горячка.

VI

Прекасп, посол царя, один из знатнейших придворных, привез Гаумату, возлюбленного Манданы, сходство которого с Бартией действительно можно было назвать поразительным, больного и раненого, в Вавилон. Здесь, в тюрьме, он ожидал судебного приговора, между тем как его соблазнитель, Богес, несмотря на все усилия полицейских властей, нигде не отыскивался. Толкотня народа на улицах облегчила ему бегство, которое он совершил по знакомой нам потайной лестнице висячего сада. Богатства, найденные в его жилище, были громадны. Целые сундуки, наполненные золотом и драгоценностями, которые он мог легко накопить при своей должности, были возвращены в царское казнохранилище, откуда они произошли. Но Камбис охотно отдал бы вдесятеро большую, чем эти богатства, сумму, чтобы только иметь изменника в своих руках.

Через два дня после оправдания обвиненных он, к отчаянью Федимы, велел отправить в Сузу всех обитательниц женского дома, за исключением своей матери, Атоссы и боровшейся со смертью Нитетис. Многие знатные евнухи были отставлены от своих должностей. Эта каста должна была поплатиться за своего члена, избегнувшего заслуженной кары.

Оропаст, который вступил уже в должность царского наместника и ясно доказал свою непричастность к проступку своего брата, предоставил вакантные места исключительно магам. О демонстрации, произведенной жителями Вавилона в пользу Бартии, царь узнал только тогда, когда толпы народа давно уже разошлись. Несмотря на свою заботу по поводу болезни Нитетис, занимавшую его мысли почти исключительно, он велел представить себе подробный доклад об этих противозаконных поступках и строго наказать вожakov бунта. Из случившегося царь заключил, что брат ищет у народа популярности, и он, может быть, уже выказал бы Бартии на деле свое неудовольствие, если бы более благородное чувство не внушало ему, что не он должен простить Бартии, а Бартия - ему. Несмотря на то, царь не мог подавить в себе как мысли, что брат его, хотя бы и не по своей воле, все-таки был виновником печальных событий последних дней, так и желания насколько возможно устранить его со своего пути. Поэтому он тотчас же изъявил полное согласие на выраженное юношей желание немедленно отправиться в Наукратис.

После нежного прощания с сестрой и матерью Бартия, через два дня после своего оправдания, отправился в путь. Его сопровождали Гигес, Зопир и многочисленная свита, которая везла Сапфо драгоценные подарки от Камбиса. Дарий не поехал с ним, так как его удерживала любовь к Атоссе, и притом приближался день, в который он, по приказанию отца, должен был жениться на Артистоне, дочери Гобриаса.

Бартия грустно простился со своим другом, который ему в особенности был дорог по чувствам его к Атоссе. Кассандана уже знала о тайне влюбленных и обещала замолвить о Дарий слово перед царем.

Сын Гистаспа имел не меньше кого-либо другого право мечтать о дочери Кира. Ведь он находился в близком свойстве с царствующим домом; он принадлежал, как и Камбис, к Пасаргадам; его род составлял младшую линию царствующей династии, а потому не уступал ей в знатности. Его отец считал себя главой всего благородного сословия в государстве и в этом качестве управлял провинцией Персии, родиной, которой громадная империя и ее властитель были обязаны своим происхождением. По смерти членов фамилии Кира потомки Гистаспа имели бы законное право наследовать персидский трон. Поэтому Дарий, совершенно независимо от своих личных качеств, был вполне подходящим женихом для Атоссы. Однако же теперь нельзя было решиться просить согласия царя на этот брак. При мрачном настроении, в котором он находился со времени последних событий, он легко мог дать отрицательный ответ, и подобное решение, при каких бы то ни было обстоятельствах,

следовало бы считать неотменимым. Таким образом, Бартия отправился на чужбину, не будучи успокоен насчет будущности столь дорогой ему четы.

Крез и тут обещал выступить в роли посредника и свел Бартию, незадолго до его отъезда, с Фанесом.

Юноша с великим дружелюбием отнесся к афинянину, о котором он слышал так много хорошего от своей возлюбленной, и скоро приобрел расположение этого многоопытного человека, давшего ему немало полезных указаний и рекомендательное письмо к милетцу Феопомпу в Наукратисе, и в заключение выразил желание поговорить с ним наедине.

Когда Бартия воротился с афинянином к своим друзьям, он казался серьезным и задумчивым; но он скоро забыл свою заботу и за веселым прощальным кубком шутил со своими собеседниками. На следующее утро, прежде чем он сел на своего коня, слуга доложил о приходе Небенхари. Глазной врач был принят и просил Бартию взять с собой в Египет объемистый свиток, заключающий в себе письмо к царю Амазису. В нем были подробно описаны страдания Нитетис, и оно оканчивалось следующими словами:

'Таким образом, эта бедная жертва твоего честолюбия, вследствие яда, который она, несомненно, приняла, в несколько часов приблизилась к ранней могиле. Произвол сильных земли уничтожает счастье жизни человеческого существа подобно тому, как губка стирает картину с доски. Твой слуга Небенхари изгнан из отечества и лишен имущества, а несчастная дочь египетского царя умирает как самоубийца. Труп ее, по персидским обычаям, будет брошен на растерзание собакам и коршунам. Горе тем, которые лишают невинных счастья на земле и спокойствия в замогильной жизни!'

Бартия обещал мрачному Небенхари взять с собой это письмо, содержание которого ему было неизвестно, водрузил перед городскими воротами, окруженный восторженной толпой народа, груды камней, что по персидскому суеверию обеспечивало благополучное путешествие, и оставил Вавилон.

Между тем Небенхари отправился к своему посту у смертного одра египтянки.

У медных ворот, соединявших сад женского дома с дворами большого дворца, он встретил какого-то старика в белой одежде. Едва он увидел его, как попятился назад и устремил на него неподвижный взор, как на привидение. Но так как старик приветливо и дружески улыбался ему, то Небенхари ускорил

свои шаги, протянул ему руку с радушием, которым не удостоил ни одного из своих знакомых персов, и вскричал на египетском языке:

- Могу ли я верить собственным глазам? Старый Гиб [\[83\]](#), как ты попал сюда, в Персию? Я скорее мог бы ожидать, что обрушится небо, чем надеяться на радость увидеть тебя здесь, на Евфрате. Скажи мне, во имя Осириса, что могло побудить тебя, старого ибиса, оставить свое теплое гнездо на Ниле и предпринять дальнейшее путешествие на восток?

Старик, который во время этих слов, опустив руки, глубоко поклонился, теперь с невыразимым блаженством посмотрел на врача, пощупал своими дрожащими руками свою грудь и вскричал, преклоняя правое колено и прижав одну руку к своему сердцу:

- Благодарение тебе, великая Исида, охраняющая странника, что ты позволила мне найти моего господина в таком виде! Ах, дитя мое, как тосковал я по тебе! Я думал, что найду тебя исхудалым, подобно узнику на каменоломнях, жалким, истерзанным, - а теперь вижу тебя в цветущем здоровье, прекрасным и статным, как всегда! О, если бы бедный Гиб был на твоём месте, то он бы давно уже истосковался и истомился до смерти!

- Верю тебе, старичок. Ведь и я оставил отечество только по принуждению и с сердцем, обливающимся кровью. Чужбина принадлежит Сету, благодетельные боги живут только в Египте, только на священном, благословенном Ниле.

- Хорошо благословение, нечего сказать! - пробормотал старик.

- Ты пугаешь меня, дедушка. Что случилось?

- Случилось! Гм! Случились прекрасные вещи! Ты будешь иметь довольно времени услышать о них! Неужели ты думаешь, что я, оставив свой дом и своих внучат на шестидесятом году жизни, отправился бы путешествовать, подобно эллинским или финикийским бродягам, в страну безбожных чужеземцев, - да уничтожат их боги! - если бы была какая-нибудь возможность оставаться в Египте?

- Говори же, в чем дело?

- После, после! Теперь прежде всего ты должен вести меня в свое жилище, которого я не покину до тех пор, пока буду оставаться в этой стране Тифона.

Старик произнес эти слова со столь явным отвращением, что Небенхари не мог удержаться от улыбки и спросил:

- Разве тебя уже так худо приняли здесь, старик?

- Чума и хамсин [\[84\]](#), - проворчал старик. - Все эти персы - подлое отродье Тифона! Меня удивляет только одно: как это они не родились все красноглазыми и прокаженными! Ах, дитяtko, я уже два дня нахожусь в этом аду и столько же времени должен был жить среди богохульников! Мне сказали, что с тобой невозможно видаться, так как ты не можешь отойти от одра больной Нитетис. Бедная малютка! Я с самого начала сказал, что этот брак с иноземцем кончится дурно. Ба! Амазису поделом, что его дети причиняют ему горе! Он заслужил это уже за одного тебя!

- Стыдись, старик!

- Чего мне стыдиться? Когда-нибудь я должен высказаться! Я ненавижу этого царя-выскочку, который, когда был еще бедным мальчиком, обивал финики с деревьев твоего отца и срывал вывески с дверей домов! О, я хорошо в те времена знал этого бездельника! Это позор, что подобный человек, который...

- Тише, тише, старик! - прервал Небенхари разгорячившегося Гиба. - Не все мы выточены из одного и того же дерева; и если Амазис, будучи мальчиком, в самом деле был немногим выше тебя, то ты сам виноват, что, будучи стариком, ты ниже его до такой степени.

- Мой дед был храмослужителем, отец мой - тоже, и потому, естественно, я должен был сделаться тем же.

- Совершенно справедливо, так повелевает закон о кастах, по которому Амазис мог бы достигнуть самое большее звание сотника.

- Ни у кого нет такой неразборчивой совести, как у этого выскочки!

- Ты все свое, старик! Стыдись, Гиб! С тех пор, как я живу, - что длится уже целых полстолетия, - каждое третье слово твоей речи - ругань. Когда я был ребенком, мне приходилось терпеть от твоей сварливости, теперь же от нее достается царю!

- И поделом! О, если бы ты знал! Семь месяцев прошло с тех пор, как...

- Я не могу слушать тебя теперь! При восходе семизвездия я пришлю раба, который проведет тебя в мое жилище. До тех пор ты должен оставаться в теперешней квартире, так как мне необходимо идти к своей больной.

- Необходимо? Хорошо, иди - и дай умереть старому Гибу! Да, я пропал, если останусь еще хоть один час с этими людьми!

- Но чего же ты, собственно, хочешь?

- Жить в твоих комнатах, пока мы не уедем отсюда.

- Неужели с тобой обошлись так грубо?

- Да еще как! Что за мерзость! Они принудили меня есть из одного с ними горшка и резать мой хлеб их ножом. Один безбожный перс, долго живший в Египте и ехавший вместе со мною, рассказал им все, что оскверняет нас. Когда я хотел бриться, он отнял у меня бритву. Какая-то негодная девка поцеловала меня в лоб, прежде чем я заметил это. Мне потребовался целый месяц на то, чтобы очистить себя от всей этой скверны. Когда, наконец, рвотное, которое я принял, возымело свое действие, то они осмеяли меня. Но это еще не все. Один проклятый поваренок заколотил до полусмерти священного котенка в моем присутствии. Один втиратель мазей, узнав, что я твой слуга, велел через того же проклятого Бубариса, с которым я прибыл сюда, спросить меня - не смыслю ли я кое-чего в искусстве лечить глаза. На этот вопрос я, может быть, отвечал утвердительно, так как в шестьдесят лет можно перенять что-нибудь у своего господина. Тогда этот презренный человек, слова которого переводил мне Бубарис, начал жаловаться, что его сильно беспокоит страшное повреждение в глазах. На вопрос мой, в чем оно состоит, он отвечал, что ничего не видит в темноте!

- Ты бы должен был ответить ему, что единственное средство против этой болезни - зажечь свечу.

- О, как я ненавижу этих бездельников! Если я пробуду с ними еще хоть один час - я погибну!

Небенхари улыбнулся и возразил своему слуге:

- Ты, должно быть, удивительно вел себя с иностранцами и раздражал их гордость. Персы вообще очень вежливые люди. Еще раз попробуй поладить с ними. Сегодня вечером я охотно приму тебя у себя, но ранее вечера - не могу.

- Я так и думал! И он переменялся! Осирис умер, и Сет снова царствует на земле!

- Прощай! Когда взойдет семизвездие, тебя будет ждать на этом самом месте раб Пьянхи, наш старый эфиоп.

- Пьянхи, старый мошенник, которого я видеть не мог?

- Он самый!

- Гм... все-таки есть нечто хорошее в том, когда что-нибудь остается таким, как было. Конечно, я знаю людей, которые не могут сказать этого о себе; которые, вместо того чтобы ограничиваться своим искусством, берутся лечить внутренние болезни; которые старого слугу...

- Попридержи свой язык и жди терпеливо вечера.

Эти последние слова, произнесенные серьезным тоном, повлияли на старика. Он поклонился и сказал, прежде чем господин оставил его:

- Я прибыл сюда под покровительством бывшего начальника наемных воинов, Фанеса. Он имеет настоятельную надобность поговорить с тобой.

- Это его дело; пусть он ищет свидания со мною.

- Но ведь ты целый день торчишь у этой больной, глаза которой здоровы...

- Гиб!

- Пусть у нее появятся бельма на обоих за меня! Может ли Фанес прийти вместе со мной сегодня вечером?

- Я желал бы говорить с тобой наедине.

- А я - с тобой; но эллин, по-видимому, очень спешит и знает почти все, что я хочу сказать тебе.

- Ты разболтал?

- Не совсем, но...

- Мой отец хвалил мне твою верность, и я считал тебя надежным и скромным.

- Я таким и был всегда. Но этот эллин знал уже многое из того, что я знаю, а остальное...

- Ну?

- А остальное он выведал от меня - я и сам не знаю как. Если бы я не носил этого амулета против дурного глаза, то мне пришлось бы...

- Я знаю афинянина и извиняю тебя; мне будет приятно, если он придет с тобой сегодня вечером. Как уже высоко стоит солнце! Время не терпит. Расскажи мне в коротких словах, что случилось.

- Я думаю, сегодня вечером...

- Нет, я должен иметь по крайней мере общее понятие о случившемся, прежде чем буду говорить с афинянином. Говори короче.

- Ты обокраден.

- Больше ничего?

- Если ты называешь это ничем...

- Отвечай! Больше ничего?

- Ничего.

- Так прощай.

- Но, Небенхари!...

Глазной врач уже не слышал этого призыва, так как дверь, которая вела к гарему царя, уже затворилась за ним.

Когда возшло семизвездие, Небенхари сидел в великолепной комнате, которую он занимал в восточной стороне дворца, недалеко от жилища Кассанданы. Радужие, с которым он встретил своего слугу, снова уступило место той серьезности, которая у легкомысленных персов доставила ему прозвище ворчуна.

Он был настоящий египтянин, истый сын той касты жрецов, члены которой даже в своем отечестве, как только они являлись публично, выступали торжественно и с достоинством, не позволяя себе ни малейшей шутки, между тем как в кругу своего семейства и своих товарищей отлагали в сторону наложенное на себя ограничение и доходили иногда до необузданной веселости.

Небенхари принял Фанеса с холодной вежливостью, хотя был знаком с ним еще в Саисе, и после короткого приветствия приказал старому Гибу оставить его наедине с бывшим начальником телохранителей.

- Я хотел видеться с тобою, - начал афинянин на египетском языке, которым он владел в совершенстве, - так как обязан поговорить с тобой о важных вещах...

- О которых я имею сведения, - прервал врач.

- В этом я сомневаюсь, - возразил Фанес с недоверчивой улыбкой.

- Ты изгнан из Египта; тебя жестоко преследовал и обижал Псаметих, наследник престола, и ты теперь прибыл в Персию, чтобы сделать Камбиса орудием твоей мести против моего отечества.

- Ты ошибаешься. Я ничего не должен твоему отечеству; но тем более долгов я имею относительно дома Амазиса.

- Тебе известно, что в Египте государство и царь - суть одно и то же.

- Я скорее думаю, что жрецы твоего отечества любят отождествлять себя с государством.

- В таком случае, ты больше знаешь, чем я. До сих пор я считал египетских царей неограниченными властителями.

- Они действительно таковы, насколько они умеют освободиться от влияния твоих товарищей по касте. Теперь даже Амазис преклоняется перед жрецами.

- Странная новость!

- О которой тебя уже давно уведомили.

- Ты думаешь?

- Совершенно уверен в этом! Но еще вернее я знаю, что однажды Амазису - слышишь? - однажды Амазису удалось подчинить волю его руководителей своей собственной воле.

- Я получаю мало известий с родины и не знаю, на что ты намекаешь.

- Верю; так как если бы ты, зная это, не сжимал теперь своих кулаков, то ты был бы не лучше собаки, которая, визжа, позволяет топтать себя ногами и лижет руку своего мучителя!

Врач побледнел при этих словах и сказал:

- Я знаю, что Амазис меня оскорбил, но прошу тебя заметить, что мщение я считаю слишком сладостной расправой для того, чтобы разделять его с чужеземцем.

- Хорошо сказано! Но мое мщение я сравниваю с виноградником, который до того изобилует плодами, что я не в состоянии снять их один.

- И ты прибыл сюда для того, чтобы достать себе другого виноградаря в помощь?

- Именно; и я все-таки не теряю надежды, что ты поделишь со мной урожай.

- Ты ошибаешься. Моя работа окончена; сами боги отняли ее у меня. Амазис довольно строго наказан за то, что он изгнал меня из отечества, от друзей и учеников, и послал в эту нечистую страну ради своих корыстных целей.

- Ты намекаешь на его слепоту?

- Может быть.

- Значит, тебе не известно, что твой собрат по искусству Петаммон разрезал плеву, покрывавшую зрачки Амазиса, и снова дал им увидеть дневной свет?

Египтянин вздрогнул и заскрежетал зубами, но скоро овладел собой и возразил афинянину:

- Ну, так боги наказали отца в лице его детей.

- Что ты под этим разумеешь? Царю в его нынешнем настроении Псаметих очень нравится; правда, Тахот страдает, но она тем усерднее молится и приносит жертвы вместе с отцом. Что же касается Нитетис, то ее смерть причинила бы Амазису не больше горя, чем смерть какой-нибудь подружки его дочери; ты знаешь это так же хорошо, как и я.

- Я снова не могу тебя понять.

- Это естественно до тех пор, пока ты воображаешь, что я считаю твою прекрасную пациентку дочерью Амазиса.

Египтянин снова вздрогнул; но Фанес продолжал, по-видимому, не обращая внимания на волнение врача:

- Я знаю больше, чем ты можешь догадываться. Нитетис - дочь Хофры, развенчанного предшественника твоего царя. Амазис воспитал ее, как свое собственное дитя, - во-первых, для того, чтобы заставить твоих соотечественников верить, что низверженный фараон умер, не оставив потомства; во-вторых, для того, чтобы лишить Нитетис всяких притязаний на престол, который ей принадлежит по праву. На Ниле ведь и женщины признаются способными царствовать...

- Это только догадки...

- Которые могут быть подкреплены неопровержимыми доказательствами. В числе бумаг, которые привез с собой твой старый слуга Гиб в ящичке, должны находиться письма знаменитого родовспомогателя, твоего отца.

- Если бы это было и так, то, во всяком случае, эти письма составляют мою собственность, которую я не намерен отдавать; притом ты напрасно искал бы в Персии человека, который сумел бы разобрать почерк моего отца.

- Извини меня, если я снова укажу тебе на некоторые ошибки. Во-первых, этот ящичек находится под моей охраной и, при всем моем уважении к праву собственности, будет возвращен владельцу только тогда, когда я воспользуюсь его содержимым для своих целей; во-вторых, по изволению действительно дивного промысла богов, в Вавилоне живет человек, который умеет читать всякие письма, какие только известны египетским жрецам. Может быть, ты помнишь имя Онуфиса?

Врач побледнел в третий раз и спросил:

- Уверен ли ты, что этот человек еще жив?

- Вчера я говорил с ним. Он, как тебе известно, был верховным жрецом в Гелиополисе и потому посвящен во все ваши таинственные учения. Мой мудрый соотечественник, Пифагор Самосский, прибыл в Египет и,

подвергнувшись некоторым из ваших обрядов, испросил позволения воспользоваться уроками, преподаваемыми в гелиополисской школе жрецов. Своими великими умственными способностями он приобрел любовь достойного Онуфиса, посвящен был им во все тайные учения и сделал их полезными для мира. Я сам и моя превосходная приятельница Родопис с гордостью называем себя его учениками. Когда твои собратья по сословию узнали, что Онуфис выдал их тайны, то жреческие судьи решили известить его. Его предполагалось отравить ядом, который можно добыть из косточек персиков. Осужденный узнал об угрожавшей ему опасности и бежал в Наукратис, где в доме Родопис, об уме и доброте которой ему рассказывал Пифагор, нашел безопасное убежище посредством охранной грамоты царя. Здесь он познакомился с Антименидом, братом поэта Алкея Лесбосского, который, будучи изгнан мудрым властителем Митилены, Питтаком, из отечества, много лет жил в Вавилоне и при тогдашнем ассирийском царе Навуходоносоре служил в войсках. Этот Антименид дал ему рекомендательное письмо к халдеям. Онуфис отправился на Евфрат, поселился в Вавилоне и должен был зарабатывать себе насущный хлеб, так как оставил свое отечество бедным человеком. Способы к существованию он получил при помощи рекомендательного письма Антименида.

Этот человек, некогда принадлежавший к числу могущественнейших лиц в Египте, прозябает еще и теперь, помогая своими громадными познаниями халдеям при их астрологических вычислениях в башне Ваала. Онуфису уже около восьмидесяти лет, но его ум до сих пор сохранил свою полную ясность. Когда я говорил с ним вчера, прося его помощи, он обещал мне ее с сияющими глазами. Твой отец был одним из его судей, но он не хочет переносить свою ненависть от родителя на сына и просил передать тебе его приветствие.

Во время этого рассказа Небенхари задумчиво смотрел в землю. Когда Фанес замолчал, врач проницательно посмотрел на него и спросил:

- Где мои бумаги?

- В руках Онуфиса, который ищет между ними нужный мне документ.

- Я мог бы и сам догадаться! Будь так добр, скажи мне, какой вид имеет этот ящик, который Гиб заблагорассудил привезти в Персию?

- Это - ящик из черного дерева. Его крышка украшена искусной резьбой. Посередине ее изображен крылатый жук, а по четырем углам...

Небенхари перевел дух и сказал:

- В этом ящичке нет ничего, кроме нескольких заметок моего отца.

- Может быть, их будет достаточно для моей цели. Не знаю, говорили ли тебе, что я пользуюсь высочайшей благосклонностью Камбиса.

- Тем лучше для тебя! Я могу тебя уверить, что бумаги, которые всего более могли бы тебе пригодиться, остались в Египте.

- Они лежат в большом, пестро разрисованном ящике из фигового дерева.

- Откуда ты это знаешь?

- Я сообщу тебе правду, заметь это, Небенхари, - я не клянусь потому, что Пифагор, мой учитель, запрещает клясться, - что именно этот ящик, со всем, что было в нем, по повелению царя сожжен в храме Нейт в Саисе.

Эти слова, которые Фанес проговорил медленно, делая ударение на каждом слоге, поразили египтянина, подобно удару молнии. Холодное спокойствие и сдержанность, которые он сохранял до этих пор, сменились неописуемым волнением. Щеки его вспыхнули, глаза запылали. Затем волнение снова превратилось в ледяное спокойствие; разгоревшиеся щеки утратили свою краску, и дрожащие губы произнесли холодно и бесстрастно:

- Ты хочешь наполнить мое сердце ненавистью против моих друзей, чтобы сделать меня своим союзником. Я знаю вас, эллинов! Вы хитры и коварны и не гнушаетесь никакими средствами вплоть до лжи и обмана для достижения своих целей!

- Ты судишь обо мне и моих земляках чисто по-египетски, то есть нас, как иностранцев, ты считаешь столь дурными людьми, как только возможно; но на этот раз ты ошибаешься в своем подозрении. Позови старого Гиба, и пусть он подтвердит тебе то, в чем ты не хочешь мне поверить.

Лоб Небенхари нахмурился, когда Гиб, повинаясь его приказу, вошел в комнату.

- Подойди ближе! - приказал Небенхари старику.

Гиб, пожимая плечами, исполнил приказание.

- Ты позволил этому человеку подкупить тебя? Да или нет? Я желаю знать правду, так как дело идет о счастье или несчастье моей будущности. Если ты попал в сети этого искусника на всякие хитрости, то я тебе прощаю, так как тебе, старому слуге, я обязан многим. Заклинаю тебя именем твоего отца, покоящегося в лоне Осириса, говори правду!

Желтоватое лицо старика помертвело при этих словах его господина. Несколько минут он, пытая и заикаясь, не мог найти на них никакого ответа.

Наконец, когда ему удалось удержать слезы, подступившие к его глазам, он вскричал полугневно, полуплаксиво:

- Разве я не сказал этого с самого начала? Он околдован и испорчен в этой стране позора и нечестия! К чему кто способен сам, то он приписывает и другим. Нечего смотреть на меня с таким гневом; мне все равно! Да и какое мне дело до твоего гнева, когда меня, старика, который в течение шестидесяти лет верой и правдой служил одному и тому же дому, принимают за негодяя, мошенника и предателя, может быть, даже за убийцу!

При последних словах глаза старика, против его воли, переполнились горячими слезами.

Тронутый Фанес хлопнул его по плечу и сказал, обращаясь к Небенхари:

- Гиб - человек верный. Назови меня бездельником, если он взял от меня хоть один обол.

Врач не нуждался в этом заверении афинянина, чтобы убедиться в совершенной невинности своего слуги. Он знал его так долго и хорошо, что в чертах старика, не способных ни к какому притворству, мог читать, как в открытой книге; поэтому он приблизился к нему и сказал успокоительным тоном:

- Я тебя не упрекал ни в чем, старик! Разве можно так сердиться за один простой вопрос?

- Уж не радоваться ли мне твоему позорному подозрению?

- Конечно, нет; но теперь я позволяю тебе рассказать, что произошло в нашем доме во время моего отсутствия.

- Прекрасные вещи! Как только я вспомню о них, мне становится так горько во рту, как будто я жую колоквинтовое яблоко.

- Ты говорил, что меня обокрали.

- Да еще как! Ни один человек еще не бывал обокраден таким образом! Если бы еще эти мошенники были бродяги из касты воров, то можно было бы утешиться, так как, во-первых, мы тогда получили бы обратно лучшую часть нашей собственности, во-вторых, нам не было бы хуже, чем многих другим; но когда...

- Не уклоняйся от предмета, так как мое время рассчитано.

- Знаю! Здесь, в Персии, старый Гиб ни в чем не может тебе угодить. Но пусть будет так! Ты - господин, и твое дело - приказывать, а я не более как твой слуга, который должен повиноваться. Я буду это помнить! Итак, это было как раз в то

время, когда в Саис прибыло большое персидское посольство, чтобы взять Нитетис и быть предметом любопытства толпы, которая, как на редких зверей, глазела на эту сволочь. Сижу я, как раз перед закатом солнца, на башне и играю с моим внуком, старшим сыном моей Банер [\[85\]](#), - славный толстый мальчишка, замечательно умный и сильный для своих лет. Шалун рассказывает мне, что его отец спрятал башмаки его матери, как это делают египтяне, когда их жены слишком часто оставляют своих детей одних, - и я смеюсь во все горло, так как я давно уже желал, чтобы с ней сыграли эту шутку за то, что она не позволяет ни одному из внучат жить у меня, - она постоянно толкует, что я балую малюток. Вдруг раздаются такие сильные удары молотка в дверь дома, что я подумал, не пожар ли случился, и спустил мальчика со своих колен. Я сбегая как можно скорее вниз по лестнице, перескакивая через три ступеньки зараз, и отодвигаю задвижку. Дверь распахнулась, и толпа храмовых служителей и полицейских, - их было, по крайней мере, пятнадцать человек, - ворвались в дом, прежде чем я имел время спросить, что им нужно. Пихи, бесстыдный служитель при храме Нейт, - ты его знаешь - отталкивает меня, запирает дверь засовом изнутри и приказывает сторожам связать меня, если я не буду повиноваться его приказанию. Разумеется, я ругаюсь, - ты ведь знаешь, что я не могу иначе, когда что-нибудь сердит меня, - тогда он, клянусь нашим богом Тотом, покровителем знания, тогда этот молокосос велит связать мне руки, приказывает мне, старому Гибу, молчать и говорит мне, что верховный жрец поручил ему отсчитать мне двадцать пять ударов палками, если я не подчинюсь его приказанию. При этом он показал мне кольцо главного жреца. После этого я, разумеется, волей-неволей должен был повиноваться бездельнику! Приказание его состояло ни более ни менее, как в том, чтобы я тотчас же отдал ему все письменные документы, которые ты оставил в своем доме. Но старый Гиб не так глуп, чтобы позволить себя поймать, хотя некоторые люди, которые должны были бы знать его лучше, и думают, что он продажная душа и сын осла. Итак, что же я сделал? Я притворился совершенно уничтоженным при виде кольца с печатью; прошу Пихи так вежливо, как только могу, развязать мне руки и обещаю принести ключ. С рук моих снимают веревку, спешу я вверх по лестнице, шагая через пять ступенек разом; прибежав наверх, отворяю дверь твоей спальни, вталкиваю туда своего внука, стоявшего перед нею, и запираю двери на засов.

Благодаря моим длинным ногам, я так далеко опередил других, что успел всунуть в руки мальчишке черный ящичек, который ты мне в особенности велел беречь, посадить внука через окно на галерею, окружающую дом со двора, и приказать ему немедленно спрятать ящичек в голубятню. Тогда я как ни в чем не бывало отворяю дверь, объясняю Пихи, что будто бы увидел во рту у мальчишки нож и был этим до того испуган, что в ужасе бросился так быстро по

лестнице и вытолкнул мальчика в наказание на двор. Этот брат гиппопотама поверил мне и велел водить его по всему дому. Они нашли сперва большой сундук из смоковницы с бумагами, который ты тоже приказал мне заботливо беречь, потом сверток папируса на твоём рабочем столе и, одну за другою, все рукописи, которые только можно было отыскать в доме. Все это они без разбора всунули в большой ящик и понесли вниз; но чёрный ящичек остался в сохранности на голубятне. Мой внук - самый умный мальчик во всем Саисе.

Когда я увидел, что сундук уносят, то моё с трудом подавляемое бешенство пробудилось снова. Я грозил бесстыдным грабителям, что буду жаловаться на них судьям и даже, в случае нужды, самому царю, и я возбудил бы против них народ, если бы как раз в эту минуту все внимание толпы не было занято проклятыми персами, которым показывали город. В тот же вечер я пошёл к моему зятю, который, как тебе известно, тоже храмовый служитель богини Нейт, и просил его разузнать во что бы то ни стало о судьбе похищенных рукописей. Этот добрый человек до сих пор питает к тебе благодарность за приданое, которое ты подарил моей Банер. Три дня спустя он пришёл ко мне и рассказал, что он был свидетелем, как твой прекрасный сундук и все находившиеся в нём свитки были сожжены. Я с горя схватил желтуху, но болезнь не помешала мне подать жалобу судьям. Эти презренные выгнали меня с моей жалобой, - конечно, только потому, что ведь и они сами тоже жрецы. Тогда я от твоего имени подал письменную просьбу царю, но и от него получил отказ с оскорбительной угрозой, что я буду признан государственным преступником, если ещё раз упомяну об этих бумагах. Затем, конечно, язык мне слишком дорог для того, чтобы предпринимать какие-нибудь дальнейшие шаги. Почва горела под моими ногами. Я не мог оставаться в Египте, так как должен был поговорить с тобой; я должен был рассказать, что тебе сделали, требовать, чтобы ты, который могущественнее своего бедного слуги, отомстил за себя; должен был передать тебе чёрный ящичек, который иначе, может быть, тоже был бы отобран. Итак, с сердцем, обливающимся кровью, я оставил отечество и своих внучат и на старости лет отправился на тифонскую чужбину! Ах, как умен был этот маленький мальчик! Когда я, прощаясь, целовал его, он сказал: 'Останься с нами, дедушка! Когда чужеземцы осквернят тебя, то я не осмелюсь больше целовать тебя!' Банер от души приветствует тебя, а мой зять велел тебе сказать, что он узнал, что в этом достойном проклятия преступлении виновны только наследник престола Псаметих и Петаммон, глазной врач, твой давний соперник. Так как я не хотел ввериться тифонскому морю, то отправился сначала с караваном арабских купцов до Тадмора, изобилующей пальмами станции финикиян среди пустыни, оттуда с сидонскими торговцами до Кархемиса на Евфрате, где дорога, ведущая из Финикии в Вавилон, соединяется с той, которая ведёт из Сардеса сюда. Усталый, измученный, сидел я там в

лесочке перед станционным домом, когда подъехал какой-то путешествующий иностранец на царских почтовых лошадях. Я тотчас же узнал в нем бывшего начальника эллинских наемных воинов.

- И я, - прервал Фанес рассказчика, - так же скоро узнал в тебе, старик, самого долговязого и задорного человека, какого только когда-либо встречал. Сто раз мне приходилось смеяться над тобой в Саисе, когда ты ругал детей, которые бегали за тобой всякий раз, как ты, с аптечкой под мышкой, следовал по улицам за своим господином. Да, как только я увидел тебя, я вспомнил об одной шутке, которую позволил себе царь на твой счет. Когда вы однажды проходили оба, он сказал: 'Старик мне кажется похожим на сердитую сову, вокруг которой летают маленькие, поддразнивающие ее птички, а Небенхари должен иметь злую жену, которая, в награду за все глаза, которые он сделал зрячими, выцарапает его собственные'.

- Какое бесстыдство! - возмутился Гиб, раздражаясь проклятиями.

Врач молча и задумчиво слушал рассказ своего слуги. Цвет лица его менялся от времени до времени. Когда он услышал, что его бумаги, плод многих ночей, проведенных в усиленной работе, сожжены по воле его собратьев по касте и с согласия царя, то его кулаки сжались и тело задрожало, точно от сильного холода.

Ни одно движение Небенхари не ускользнуло от внимания афинянина. Он изучил человеческую натуру и знал, что часто одно слово насмешки уязвляет душу честолюбца гораздо глубже, чем жестокие оскорбления. Поэтому-то именно теперь он повторил веселую шутку, которую действительно позволил себе однажды Амазис, склонный к насмешкам. Расчет Фанеса оказался верным: он заметил, что при его последних словах Небенхари ладонью распластал розу, лежавшую перед ним на столе. Сдерживая улыбку удовольствия, Фанес опустил глаза и продолжал:

- Теперь мы быстро завершим рассказ о дорожных приключениях достойного Гиба. Я пригласил его ехать в одной со мною повозке. Сначала он отказывался сидеть на одной подушке с таким нечестивым чужеземцем, как я; однако же, наконец, он уступил моей просьбе и благополучно прибыл в Вавилон, где я доставил ему убежище в самом царском дворце, так как иначе, по причине отравления твоей соотечественницы, мы не могли бы добраться до тебя. Остальное тебе известно.

Небенхари утвердительно кивнул головой и сделал Гибу глазами серьезный знак - удалиться.

Старик повиновался, тихо ругаясь и ворча себе под нос. Когда дверь за ним затворилась, врач подошел к воину и сказал:

- Я боюсь, эллин, что, вопреки всему, мы не можем быть союзниками!

- Почему?

- Так как я думаю, что твоя месть сравнительно с тою, которую я должен привести в исполнение, окажется слишком мягкой.

- В этом отношении тебе нечего беспокоиться! - отвечал афинянин. - Могу я назвать тебя своим союзником?

- Да, при одном условии.

- Скажи, при каком?

- Ты должен доставить мне удовольствие собственными глазами видеть плоды нашей мести.

- То есть ты хочешь сопровождать войско, когда Камбис двинется в Египет?

- Да! И когда мои враги будут томиться в позоре и несчастиях, я хочу закричать им: 'Знайте, презренные трусы, что этим бедствием вы обязаны жалкому, изгнанному главному врачу!' О, мои книги, мои книги! Они были моим утешением, они заменяли мне жену и ребенка, которых я потерял. Из них сотни людей научились бы выводить слепца из его мрака, а зрячему - сохранять сладчайший дар богов, украшение лица, сосуд света, видящий глаз! Теперь мои книги уничтожены, и выходит, я жил напрасно; вместе с моими сочинениями негодяи сожгли и меня самого! О, мои книги, мои книги!

При этих словах несчастный врач горько заплакал, а Фанес приблизился к нему, взял его правую руку и сказал:

- Тебя, мой друг, египтяне изгнали, мне нанесли тяжкие оскорбления; в твою житницу ворвались воры, а мой дом и мой двор поджигатели превратили в пепел. Знаешь ли, известно ли тебе - что сделали со мной? Когда они выгоняли и преследовали меня, то они имели право на это, так как, по их законам, я заслуживал смерти. Поступки их лично против меня я мог бы им простить; я чувствовал к этому Амазису привязанность друга. Это знал он, презренный, и, однако же, допустил, чтобы со мной сделали невероятные вещи. О, содрогается мозг при одной мысли об этих ужасах! Как волки, ворвались эти люди ночью в дом беззащитной женщины и похитили моих детей - гордость, радость и утешение моей скитальческой жизни. И что сделали они с детьми! Девочку они удержали пленницей в качестве залога, думая тем помешать мне предать Египет чужеземцам, а мальчика, воплощение красоты и кротости, моего единственного сына, Псаметих, наследник престола, велел умертвить, может

быть, с ведома Амазиса. Сердце мое сжалось и оцепенело в скорби и изгнании; но теперь я чувствую, как вздымается оно от надежды на мщение и бьется ударами радости.

Взорами, сверкавшими мрачным блеском, посмотрел Небенхари в пылающие глаза афинянина и, протянув ему руку, сказал:

- Мы - союзники!

Эллин схватил правую руку врача и отвечал:

- Теперь нам прежде всего необходимо заручиться благосклонностью царя.

- Я возвращу зрение Кассандане.

- Ты можешь сделать это?

- Способ, посредством которого возвращено зрение Амазису, - мое изобретение. Петаммон похитил его у меня из моих сожженных рукописей.

- Почему же ты раньше не выказал своего искусства?

- Потому, что я не привык делать подарки моим врагам.

Фанес почувствовал легкую дрожь при этих словах, но скоро овладел собой и сказал:

- Мне тоже обеспечена благосклонность царя. Массagetские послы отправились уже сегодня домой. Им дарован мир и...

В эту минуту дверь с шумом отворилась, и евнух Кассанданы бросился, запыхавшись, в комнату и вскричал, обращаясь к Небенхари:

- Нитетис умирает! Скорей, скорей! Собирайся и иди за мной!

Врач подмигнул своему союзнику, надел сандалии и последовал за евнухом к одру умиравшей невесты царя.

VII

Солнце пыталось уже проникнуть сквозь густые занавески, покрывавшие окно комнаты больной египтянки, а Небенхари все еще сидел у ее одра. Он то щупал ее пульс, то натирал ей лоб и грудь душистыми мазями, то задумчиво устремлял неподвижный взор в пустое пространство. После припадка судорог страждущая, по-видимому, лежала в глубоком сне. У ее кровати шесть персидских врачей бормотали заклинания, а Небенхари сидел у изголовья больной и оттуда диктовал рецепты азиатам, признававшим его превосходство в медицинских познаниях.

Каждый раз, как египтянин щупал пульс больной, он пожимал плечами, и каждый раз этому движению единодушно подражали его персидские коллеги. Время от времени портьера комнаты приподнималась и оттуда выглядывала головка девушки. Голубые глаза ее тревожно и вопросительно смотрели на врача, который отделялся от нее все тем же пожатием плеч, выразившим сожаление.

Два раза уже Атосса, едва касаясь ногами толстого ковра из милетской шерстяной ткани, подходила к самому ложу своей больной подруги, чтобы коснуться тихим, осторожным поцелуем ее лба, увлажненного обильными каплями пота; но каждый раз строгие взгляды египетского врача отсылали ее обратно в соседнюю комнату.

Там лежала Кассандана, ожидая исхода болезни. Между тем Камбис, когда солнце взошло и Нитетис заснула, оставил ее комнату и вскочил на коня, чтобы в сопровождении Фанеса, Прексаспа, Отанеса, Дария и многих пробужденных царедворцев изъездить вдоль и поперек заповедник в бешеной скачке. Он знал, что, сидя на спине неукротимого скакуна, он скорее, чем всяким другим способом, может преодолеть или забыть свое душевное волнение.

Услышав стук копыт, доносившийся издалека, Небенхари вздрогнул. Ему с открытыми глазами грезилось, что царь с необозримыми полчищами всадников вторгается в его отчизну, бросает факелы пожара в ее города и храмы и сильными ударами кулаков разрушает исполинские пирамиды. В развалинах испепеленных городов лежат женщины и дети; из могил раздаются жалобные вопли мумий, которые двигаются, как живые люди; и все - жрецы, воины, женщины, мертвые и умирающие - выкрикивают его имя и проклинаят его, предателя своей родины. Холодная лихорадочная дрожь проникла в его сердце, которое билось судорожнее, чем жилы умиравшей возле него женщины.

Снова раздвинулась портьера соседней комнаты; снова Атосса проскользнула по ковру и положила руку на плечо своей подруги. Он вздрогнул и очнулся. Небенхари три дня и три ночи безотлучно сидел у этого ложа. Было естественно, что тревожные грезы посетили врача, измученного непрерывным бдением.

Атосса возвратилась к своей матери. Глубокое молчание царило в душной атмосфере комнаты больной. Египтянин вспомнил о своем сне; он сказал себе, что он намеревается стать изменником и преступником. Еще раз перед его глазами прошло все, что он видел в своей дремоте; но теперь другая картина заслонила собой эти страшные образы. Небенхари увидел себя стоящим возле отягченных цепями фигур - Амазиса, который его изгнал и предал поруганию,

Псаметиха и жрецов, уничтоживших его медицинские труды. Его губы тихо зашевелились; в этом месте они не смели произнести безжалостные слова, которые он в своем уме громовым голосом обращал к своим врагам, умолявшим его о пощаде. Из глаз сурового египтянина выкатилась одна слеза. Перед его мысленным взором прошли одна за другой долгие ночи, в которые он, с тростниковым пером в руке, сидел при тусклом свете лампы и, тщательно выводя каждую букву, записывал свои мысли и опыты самыми изящными иероглифами. Для разных болезней глаза, которые священные книги Тота называют неизлечимыми, он изобрел целебные средства. Но ему было хорошо известно, что его товарищи по сану обвинили бы его, если бы он осмелился делать поправки в священных писаниях. Поэтому он озаглавил свою книгу следующими словами: 'Некоторые новые писания великого Тота относительно излечения болезней зрения, найденные глазным врачом Небенхари'. Он хотел завещать свое сочинение библиотеке в Фивах, дабы его опыты сослужили службу всем его преемникам и принесли плоды целому сонму страждущих. Жертвуя сном своих ночей для науки, он желал посмертной признательности для себя и славы для своей касты. Затем он видел, что его давнишний соперник, похитив изобретенное им искусство снимать бельма, стоит возле наследника престола в роще богини Нейт и разводит губительный огонь. Красное зарево окрашивает злые черты обоих, и их злобный хохот, вопиющий о мести, поднимается, вместе с пламенем, к небу. Там верховный жрец подает Амазису письмо его отца. Из губ царя вырываются насмешки и глумление, черты лица Нейтотепа сияют торжествующей радостью. Небенхари был так глубоко погружен в свои грезы, что один из персидских врачей был вынужден обратить его внимание на пробуждение Нитетис. Небенхари с улыбкой кивнул ему головой, указывая на свои утомленные глаза, пощупал пульс страждущей и спросил ее по-египетски:

- Хорошо ли ты спала, госпожа?

- Не знаю, - отвечала Нитетис чуть слышным голосом. - Правда, мне казалось, что я сплю; однако же я слышала все, что происходило здесь, в этой комнате. Я чувствовала такую усталость, что не могла отличить сна от бодрствования. Ведь, кажется, Атосса много раз подходила ко мне?

- Да.

- А Камбис оставался у Кассанданы до тех пор, как взошло солнце; затем он вышел из дому, вскочил на коня Рекша и поехал в заповедник.

- Откуда ты знаешь?

- Я видела это.

Небенхари озабоченно посмотрел в блистающие глаза девушки, которая продолжала:

- И много приведено было собак на задний двор дома.

- Может быть, царь хочет заглушить свое горе по поводу твоей болезни.

- О, нет, я лучше знаю это! Оропаст учил меня, что к каждому умирающему персу приводят собак, чтобы див смерти вошел в них.

- Но ведь ты еще жива, госпожа, и...

- О, я знаю, что умру! Если бы даже я не видела, как ты и другие врачи, глядя на меня, пожимали плечами, то все-таки знала бы, что мне остается жить только несколько часов. Этот яд смертелен.

- Ты говоришь слишком много, госпожа; это может тебе повредить.

- Оставь, Небенхари! Я должна кое о чем попросить тебя перед смертью.

- Я твой слуга.

- Нет, Небенхари, ты должен быть моим другом, моим жрецом! Не правда ли, ты уже не сердишься на меня за то, что я молилась персидским богам? Наша Гагор все-таки осталась моим лучшим другом. Да, я вижу по твоему лицу, что ты прощаешь мне. Но ты должен мне обещать также, что ты не позволишь предать мое тело на растерзание собакам и коршунам. О, мысль об этом слишком ужасна! Не правда ли, ты набальзамируешь мой труп и украсишь его амулетами?

- Если позволит царь...

- О, без сомнения! Каким образом может царь не исполнить моей последней просьбы?

- Мое искусство принадлежит тебе.

- Благодарю тебя; но у меня есть еще одна просьба.

- Говори короче! Мои персидские коллеги делают мне знаки, что я должен предписать тебе молчание.

- Не можешь ли ты удалить их на одну минуту?

- Попытаюсь.

Небенхари подошел к магам. Он говорил с ними несколько минут, после чего они вышли из комнаты. Египтянин сказал им, что хочет произнести великое заклинание, при котором не должно присутствовать никакое третье лицо, и употребить в дело новое тайное противоядие.

Когда врач и его пациентка остались одни, Нитетис радостно вздохнула и сказала:

- Дай мне свое жреческое благословение на долгий путь в подземный мир и приготовь меня для странствования к Осирису!

Небенхари преклонил колени у ее одра и тихо шептал священные гимны, на которые Нитетис отвечала голосом, исполненным благоговения. Врач представлял собою Осириса, властителя подземного мира, а Нитетис - душу, которая оправдывается перед ним.

По окончании этих обрядов грудь больной начала вздыматься более свободно. Небенхари не без волнения смотрел на эту юную самоубийцу. Он сознавал, что спас ее душу для богов своей родины и облегчил для этого доброго создания его последние тяжкие минуты. Эти минуты, в чистом сострадании и истинной человеческой любви, он забыл всякое чувство ожесточения; но когда в его уме утвердилось, что Амазис был виновен в несчастье и этого милого создания, то его душу снова омрачили черные думы. Нитетис, которая некоторое время лежала молча, опять обратилась с ласковой улыбкой к своему новому другу и спросила:

- Ведь я буду помилована судьями мертвых? Не правда ли?

- Надеюсь и верую в это!

- Может быть, у престола Осириса я найду Тахот, и мой отец...

- Твой отец и твоя мать ожидают тебя! Благослови в свой последний час тех, которые произвели тебя на свет, и прокляни тех, которые отняли у тебя родителей, престол и жизнь.

- Я не понимаю тебя.

- Прокляни тех, которые отняли у тебя родителей, престол и жизнь! - воскликнул Небенхари во второй раз, выпрямившись во весь рост и с глубоким вздохом глядя вниз на умирающую.

- Прокляни злых, так как это проклятие доставит тебе более великое милосердие со стороны судий над мертвыми, чем тысяча добрых дел!

При этих словах, произнесенных громким голосом, врач схватил руку больной и с горячностью пожал ее.

Нитетис боязливо посмотрела на гневного врача и в слепом повиновении прошептала:

- Проклинаю!

- Прокляни тех, которые похитили у тебя родителей, престол и жизнь!

- Тех, которые похитили у меня родителей, престол и жизнь! О... ах... мое сердце!

И в бессилии она снова упала на свое ложе.

Небенхари наклонился над умирающей, запечатлел на ее лбу, прежде чем вошли в комнату царские врачи, тихий поцелуй и пробормотал:

- Она умирает моей союзницей. Боги слышали проклятие умирающей невинности! Я несу меч в Египет не только как мститель за себя, но и как мститель за царя Хофру!

Через несколько часов после того Нитетис снова открыла глаза.

На этот раз ее холодная рука покоилась в руках Кассанданы. Атосса стояла на коленях у ее ног; Крез стоял у изголовья постели и своими старыми руками поддерживал сильного царя, который, от чрезмерной горести, шатался точно пьяный. Нитетис сияющими глазами окинула эту группу. Она была невыразимо прекрасна. Камбис наклонился к ее похолодевшим губам и запечатлел на них поцелуй, - первый и последний, какой только он решился позволить себе. Тогда две крупные горячие слезы радости выкатились из ее помутившихся глаз, имя Камбиса тихо прозвучало в ее побледневших устах, она упала в объятия Атоссы - и скончалась.

Мы не будем вдаваться в изображение подробностей ближайших за тем часов. Нам противно описывать, как по знаку главного персидского врача все присутствующие, за исключением Небенхари и Креза, бросились вон из комнаты покойницы; как в эту комнату привели собак и повернули их умные головы к умершей, чтобы посредством этих животных отогнать Друкса Науса [\[86\]](#); как после смерти девушки Кассандана, Атосса и все их слуги тотчас же переселились в другой дом, чтобы не оскверниться присутствием трупа; как в прежнем жилище были потушены все огни для удаления чистой стихии от оскверняющих Духов смерти; как бормотались формулы заклинаний, как, наконец, все и все приближавшиеся к трупу должны были подвергаться многочисленным омовениям водой и бычьей уриной.

Вечером Камбисом овладел припадок эпилептических судорог. Два дня спустя он дал Небенхари позволение набальзамировать труп умершей по египетскому обычаю согласно ее последнему желанию. Сам он предался безграничной горести. Он ломал руки, разрывал свои одежды и посыпал пеплом свою голову и свое ложе. Все придворные вельможи должны были следовать его примеру. Стража становилась на смену с разорванными

знаменами при глухом сдержанном звуке барабанов. Кимвалы и литавры бессмертных были обтянуты флером; лошади, возившие покойницу, и те, что находились при дворе, были окрашены синей краской и лишились своих хвостов; весь придворный штат ходил в траурных темно-коричневых одеждах, разодранных до пояса. Маги должны были три дня и три ночи непрерывно молиться об усопшей, душа которой в третью ночь у моста Чинват ожидала судебного приговора на целую вечность.

Царь, Кассандана и Атосса тоже не уклонились от упомянутых очищений и произнесли по умершей, как по ближайшей родственнице, тридцать заупокойных молитв, в то время как Небенхари в доме, расположенном у городских ворот, начал бальзамировать ее по всем правилам искусства и самым дорогим способом.

Девять дней Камбис пребывал в состоянии, похожем на сумасшествие. То воспламеняясь бешенством, то впадая в апатию и оцепенение, он не допускал к себе даже своих родственников и верховного жреца. Утром десятого дня он потребовал к себе главного из семи судей и приказал ему приговор над Гауматой, братом Оропаста, вынести с возможной снисходительностью. Нитетис на смертном одре умоляла его пощадить жизнь несчастного юноши.

Через час ему подали приговор на утверждение. Приговор этот гласил следующее:

'Победа царю! Так как Камбис, око мира и солнце справедливости, в кротости своей, обширной как небо и неистощимой как море, повелел преступление Гауматы, сына мага, наказать не со строгостью судьи, а со снисходительностью матери, то мы, семеро судей царства, постановили пощадить его жизнь, подлежащую смертной казни. Но ввиду того, что вследствие легкомыслия этого юноши самые высшие и лучшие лица в государстве подвергались опасности, и можно бояться, что свое лицо и свою фигуру, которые боги в своей милости и благодати сотворили столь удивительно похожими на лицо и фигуру Бартии, благородного сына Кира, он снова может употребить во зло, - мы постановили: обезобразить его голову таким образом, чтобы легко можно было отличить недостойнейшего от достойнейшего в государстве. Поэтому Гаумате, с соизволения и по повелению царя, отрезать оба уха в честь правых и к позору нечистого'.

Камбис утвердил приговор, который и был исполнен в тот же день.

Оропаст не осмелился ходатайствовать за своего брата; но этот позор уязвил его честолюбивую душу глубже, чем могло бы ее уязвить присуждение его брата к смертной казни. Он боялся из-за изувеченного юноши лишиться уважения и поэтому приказал ему как можно скорее оставить Вавилон и удалиться в загородный дом, который он имел на горе Аракадрисе.

В последнее время какая-то бедно одетая женщина, лицо которой было закрыто густой вуалью, день и ночь сторожила у больших входных ворот дворца, и ни угрозы караульных, ни грубые шутки царской прислуги не могли отогнать ее от занятого ею поста. Ни один из низших должностных лиц, проходивших через ворота, не избавился от ее расспросов - вначале о состоянии здоровья египтянки, затем - об участи Гауматы. Когда один словоохотливый фонарщик со злорадным смехом сообщил ей о приговоре, постигшем брата верховного жреца, она начала метаться, как безумная, и поцеловала одежду удивленного фонарщика, который принял ее за сумасшедшую и предложил ей милостыню. Она отказалась принять ее и упорно сохраняла свой пост, питаясь хлебом, который бросали ей сострадательные раздаватели кушаний. Когда, три дня спустя, Гаумата, с крепко обвязанной головой, выехал в закрытой арманаксе, направляясь к воротам дворца, она бросилась за экипажем и бежала возле него с криком до тех пор, пока возница не придержал своих мулов и не спросил, что ей нужно. Тогда она откинула вуаль и показала больному юноше свое хорошенькое, сильно покрасневшее личико. Узнав ее, Гаумата испустил тихий возглас удивления, но скоро оправился и спросил:

- Чего ты хочешь от меня, Мандана?

Несчастливая с умоляющим видом подняла руки и взмолилась:

- Ах, не оставляй меня, Гаумата! Возьми меня с собой! Я прощаю тебе все несчастье, в которое ты вверг меня и мою бедную госпожу. Я люблю тебя по-прежнему и буду ухаживать за тобой, заботиться о тебе как самая последняя служанка!

В душе юноши произошла короткая борьба. Уже он хотел отворить дверцу арманаксы и заключить подругу детских его лет в свои объятия, но вдруг услышал приближающийся конский топот. Он посмотрел вокруг и увидел колесницу, наполненную магами, которые ехали во дворец на молитву, и между ними узнал многих бывших своих товарищей из жреческой школы. В нем пробудился стыд; он боялся, как бы те, с которыми он как брат главного жреца часто обходился гордо и заносчиво, не увидели его. Под влиянием этого чувства он бросил Мандане наполненный золотом кошелек, который подарил ему брат при прощании, и приказал вознице гнать во всю прыть. Мулы бешено

помчались. Мандана ногами оттолкнула от себя кошелек и крепко уцепилась за кузов арманаксы. Колесо захватило ее платье. В отчаянии она вскочила на ноги, опередила мулов, которые должны были замедлить свой бег, так как дорога вела теперь на гору, и схватила их под уздцы. Возница употребил в дело свой трехконечный бич, мулы рванулись, опрокинули девушку и помчались далее. Ее последний скорбный крик точно острое копье вонзился в раны изувеченного гоноши.

На двенадцатый день после смерти Нитетис Камбис снова отправился на охоту. Эта забава с ее возбуждением, опасностями и волнениями должна была развлечь его. Вельможи и сановники встретили царя громогласным приветствием, которое он принял с благосклонной благодарностью. Немногие дни пережитого горя вызвали сильную перемену в Камбисе, не привыкшем к страданию. Его лицо было бледно; черные, как вороново крыло, волосы на голове и бороде поседели. Уверенность в победе уже не так ярко сверкала в его глазах, как прежде; он из горького опыта узнал, что существует воля, которая сильнее воли царя; что хотя он может уничтожить многое, но, вместе с тем, не в состоянии сохранить ни одной, даже самой жалкой жизни. Прежде чем поезд двинулся с места, Камбис сделал смотр ловчим, позвал Гобриаса и спросил, где Фанес...

- Мой государь не приказывал...

- Он - раз навсегда мой гость и товарищ. Позови его и следуй за нами.

Гобриас поклонился, бросился во дворец и через полчаса снова присоединился к свите царя вместе с Фанесом.

Афинянин был встречен множеством дружеских приветствий со стороны охотников, - обстоятельство, которое должно было казаться тем страннее, что ни в ком не развито чувство зависти в такой степени, как в царедворцах, и никто не может быть более уверен в неприязни к себе, как любимец властителя. Но Фанес, по-видимому, составлял исключение из этого правила. С Ахеменидами он вел себя так свободно, непринужденно и вместе с тем так скромно, и своими вскользь бросаемыми намеками на предстоящую великую войну, которая не замедлит вспыхнуть, возбудил так много надежд, и, наконец, своими превосходно рассказанными, совершенно новыми для персов веселыми анекдотами умел возбуждать в них такую веселость, что все, за немногим исключением, радостно приветствовали появление афинянина. Когда он отделился от охотничьего кортежа, чтобы вместе с царем преследовать дикого осла, то между придворными начались о нем разговоры. Один признавался другому, что еще ни разу ему не случилось видеть такого совершенного

человека, как Фанес; удивлялись уму, с которым он выяснил невинность узников, утонченной ловкости, с какой он приобрел благосклонность царя; скорости, с которой он изучил персидский язык. При этом ни один из Ахеменидов не превосходил его красотой и пропорциональностью фигуры. На охоте он показал себя превосходным наездником, в схватке с медведем он проявил себя необыкновенно смелым и искусным охотником. Тогда как царедворцы на обратном пути превозносили до небес все эти качества нового фаворита, старый Арасп ворчал:

- Я охотно допускаю, что этот эллин, который, впрочем, уже и в войне закалил себя наилучшим образом, человек редкостный; но вы не хвалили бы его и вполтину, если бы он не был чужеземцем, если бы его манера не представляла для вас ничего нового.

Фанес слышал эти слова, так как он, скрытый густым кустарником, находился в эту минуту в непосредственной близости от говорившего. Когда тот замолчал, он присоединился к собеседникам и сказал, улыбаясь:

- Я слышал твои слова и благодарю тебя за твое дружеское расположение. Вторая часть твоей речи была для меня еще приятнее, чем первая: я увидел в ней подтверждение моего собственного вывода, а именно, что вы, персы, - самый великодушный из всех народов, так как достоинства чужеземцев вы прославляете столько же, и даже больше, чем достоинства своих соотечественников.

Все присутствовавшие улыбнулись, польщенные этими словами Фанеса; афинянин продолжал:

- Как не похожи на вас, например, евреи! Они считают себя единственным народом, который приятен богам, и тем делают себя презренными в глазах мудрых и ненавистными всему свету! Да хоть бы и египтяне! Вы не поверите, что это за темные люди! Если бы это зависело только от жрецов, которые у них необыкновенно могущественны, то все иностранцы там были бы убиты и все царство Амазиса сделалось бы неподступным для всякого чужеземца. Настоящий египтянин скорее предпочтет голодать, чем есть из одного горшка с кем-нибудь из нас. Нигде нет такого множества странностей, особенностей, диковинок, как там. Впрочем, чтобы быть беспристрастным, я должен признаться, что Египет по справедливости считается богатейшей и культурнейшей из всех стран мира. Тот, кому принадлежит это государство, не имеет повода завидовать даже богам относительно их сокровищ. И как легко - до смешного легко - завоевать этот прекрасный Египет! Мне из десятилетнего опыта известны все тамошние отношения, и я знаю, что вся военная каста Амазиса не может устоять против одного-единственного отряда, - такого,

например, как ваши бессмертные. Кто знает, что принесет нам будущее? Может быть, мы все вместе еще совершим поход на Нил. По моему мнению, ваши мечи долгоныко наслаждаются отдыхом!

Всеобщие бурные клики одобрения сопровождали эти хорошо рассчитанные слова Фанеса.

Камбис услышал голоса своей свиты, повернул к ней коня и спросил о причине неожиданного ликования. Фанес тотчас же отвечал, что Ахемениды радовались при мысли о возможности предстоящей войны.

- Какой войны? - спросил царь, улыбаясь в первый раз после многих дней угрюмой печали.

- Мы говорили вообще о возможности, - отвечал небрежно Фанес. Затем он повернул свою лошадь и подъехал близко к царю. Его голос принял какой-то певучий, проникающий в сердце тон; он посмотрел в глаза царю с выражением задушевности и сказал:

- О, государь, хотя я не родился в этой прекрасной стране твоим подданным, хотя я только с недавнего времени имею счастье знать могущественнейшего из всех властителей, однако же я не могу избавиться от одной, может быть, слишком дерзновенной мысли, что боги с самого рождения предназначили мое сердце для тесной с тобой дружбы. Так скоро и коротко сблизили меня с тобой вовсе не те великие благодеяния, которые ты мне оказал. Я не нуждаюсь в них, так как принадлежу к числу богатейших людей своего отечества и не имею никакого наследника, которому я мог бы завещать приобретенные сокровища. Некогда я имел мальчика, прекрасного, милого ребенка... Впрочем, я не хотел говорить этого тебе... Не гневаешься ли ты на мою откровенность, государь?

- Нисколько! - отвечал властитель, с которым до Фанеса никто еще не говорил подобным образом и который чувствовал сильное влечение к этому чужеземцу.

- До настоящего дня твое горе было для меня слишком священно, чтобы его нарушать; но теперь наступило время исторгнуть тебя из печали и наполнить твое похолодевшее сердце новым пламенем. Ты услышишь вещи, которые должны быть тебе неприятны.

- Теперь уже ничто не может опечалить меня!

- Не печаль, а гнев возбудят в тебе мои слова!

- Ты подстрекаешь мое любопытство!

- Тебя нагло обманули - тебя, а также и милое существо, которое несколько дней тому назад сошло в преждевременную могилу.

Камбис, сверкая глазами, вопросительно посмотрел на афинянина.

- Царь египетский Амазис позволил себе сыграть с тобой, могущественным властелином Земли, дерзкую шутку. Эта очаровательная девушка не была его дочерью, хотя она сама считала себя ею. Она...

- Невозможно!

- Это действительно кажется невозможным, однако же я говорю чистейшую истину. Амазис соткал из лжи и обмана паутину, которой опутал целый мир, в том числе и тебя, государь. Нитетис, очаровательнейшее существо, какое только когда-либо родилось от женщины, была дочерью государя, но не похитителя трона, Амазиса, - нет, этой жемчужине дал жизнь низвергнутый им египетский царь Хофра. Нахмурь свое чело, мой повелитель; ты имеешь на это право, так как ужасно быть обманутым своими друзьями и союзниками!

Камбис кольнул шпорами своего скакуна и, так как Фанес надолго умолк, - с целью произвести на царя глубокое впечатление, - потребовал:

- Подробности! Я хочу знать подробности!

- Лишенный престола Хофра двадцать лет жил в Саисе под домашним арестом, когда его жена, которая произвела на свет троих детей и похоронила всех их, снова почувствовала себя беременной. Хофра был счастлив и пожелал, в благодарность за эту милость неба, принести жертву в храме Нехебт, египетской богине, которой приписывают благословение детьми. Но один из бывших вельмож его двора, по имени Патарбемис, - которого он в несправедливом гневе позорным образом изувечил, - напал на него с толпой рабов и умертвил. Амазис немедленно велел привести несчастную вдову в свой дворец и отвел ей комнату возле покоя своей супруги Ладикеи, которая, подобно ей, ожидала скорого разрешения от бремени. Там вдова Хофры дала жизнь девочке, но сама умерла от трудных родов. Два дня спустя у Ладикеи тоже родилась дочь... Но мы уже въехали в ограду дворца. Если ты мне позволишь, то я велю прочесть тебе отчет родовспомогателя, являвшегося посредником в этом обмане. Разные заметки его, - вследствие удивительного стечения обстоятельств, о которых я расскажу тебе позже, - попали в мои руки. Онуфис, бывший главный жрец Гелиополя, в Египте, живет теперь в Вавилоне и знает все виды письменных знаков своего народа, Небенхари, глазной врач, естественно, откажется помогать в разоблачении обмана, который должен принести его отечеству верную гибель.

- Я жду тебя одновременно с этим человеком. Крез, Небенхари и все Ахемениды, которые были в Египте, тоже пусть явятся.

Прежде чем я начну действовать, я должен обрести твердую уверенность. Твоего свидетельства недостаточно, так как я от самого Амазиса знаю, что ты имеешь причину ненавидеть его род.

В назначенное время призванные лица предстали перед царем.

Бывший главный жрец, Онуфис, был восьмидесятилетний старик, высохшую голову которого можно было бы уподобить черепу мертвеца, если бы из нее не смотрели два больших серых глаза, полные ума и блеска. Несмотря на присутствие царя, он сел, - так как его члены были парализованы, - в кресло, держа большой папирусный свиток в исхудавшей руке. Одежда его своей белизной уподоблялась снегу, как это приличествовало жрецам, но на ней местами виднелись заплаты и прорехи. Некогда он, вероятно, был высок и строен, но старость, лишения и болезни так согнули и скорчили его, что его рост представлялся крайне малым, тогда как голова казалась слишком большой для такого карлоподобного тела.

Подле этого странного человека стоял Небенхари и поправлял подушки, поддерживавшие спину старика. Врач почитал в нем не только главного жреца, глубоко посвященного во все мистерии, но и удрученного годами старца. По левую сторону от него стоял Фанес, а рядом с ним - Крез, Дарий и Прекасп.

Царь сел на трон. Его лицо было сурово и мрачно, когда он, нарушив молчание присутствовавших, начал таким образом:

- Вот этот благородный эллин, которого я расположен считать своим другом, сделал мне странные сообщения: будто бы Амазис нагло меня обманул; будто бы моя умершая супруга была не его ребенком, а дочерью его предшественника.

Послышался шепот удивления.

- Вон тот старик явился сюда, чтобы доказать нам существование этого обмана.

Онуфис сделал подтверждающее движение.

- Теперь прежде всего я обращаюсь к тебе, Прекасп, мой посол, с вопросом: была ли передана тебе Нитетис как дочь Амазиса?

- Безусловно! Правда, Небенхари расхваливал царице Кассандане сестру Нитетис, Тахот, как прекраснейшую из двух близнецов; но Амазис настоял на том, чтобы послать в Персию Нитетис. Я полагал, что, отдавая тебе свое прекраснейшее сокровище, он желал особо обязать тебя, и перестал думать о сватанье Тахот, так как, на мой взгляд, покойница превосходила свою сестру и очарованием красоты и достоинством своих манер. В своем письме к тебе,

государь, он также пишет, - ты, конечно, помнишь это, - что он вверяет тебе свое прекраснейшее, наиболее любимое дитя.

- Да, он писал это.

- И Нитетис, конечно, была прекраснейшей и благороднейшей из двух, - подтвердил Крез слова посла. - Впрочем, мне казалось, что Тахот была любимицей египетской царской четы.

- Это верно, - прибавил Дарий. - Однажды Амазис за столом подшучивал над Бартией и сказал ему: 'Не всматривайся слишком глубоко в глаза Тахот, потому что если бы ты был даже каким-нибудь богом, то я все-таки не позволил бы тебе взять ее с собой в Персию!' Наследник престола, Псаметих, был заметно рассержен этим заявлением и воскликнул: 'Отец, вспомни о Фанесе!'

- О Фанесе?

- Именно так, государь, - отвечал афинянин. - Амазис однажды, будучи навеселе, выдал мне свою тайну, и потому Псаметих его предупредил, чтобы он не проболтался вторично!

- Расскажи, как это было.

- Когда я из Кипра победоносно возвратился в Саис, то при дворе было большое празднество. Амазис всеми способами оказывал мне особенное внимание и, к ужасу своих земляков, обнимал меня, так как я завоевал для него богатую провинцию. Чем больше он пьянел, тем с большим жаром выражал мне свою признательность. Когда, наконец, я с Псаметихом привел его обратно в его жилище, и мы проходили мимо комнат его дочерей, он остановился и сказал: 'Там спят девушки. Когда ты прогонишь свою жену, афинянин, то я отдам за тебя Нитетис! Ты стал бы для меня желанным зятем! Относительно этой девушки - удивительная история, Фанес! Она - вовсе не моя родная дочь!...' Вот все, что Псаметих позволил сказать опьяневшему отцу. Затем он закрыл ему рукой рот и грубо отослал меня домой. Там я обдумал сказанные Амазисом слова и вывел заключение об их справедливости, подтвержденной теперь из достоверного источника. Прошу тебя, царь, повели этому старцу перевести относящиеся к делу места из дневника родовспомогателя Имготепа.

Камбис сделал знак, и старик громким, звучным голосом, какого никто не мог ожидать от этого дряхлого тела, прочел следующее:

'В пятый день месяца Тота меня позвали к царю. Я ожидал этого, так как царица мучилась родами. С моей помощью она легко разрешилась от бремени

слабой девочкой. Когда кормилица взяла ее, Амазис отвел меня за занавеску, которая разделяла спальню его супруги. Там лежало другое грудное дитя, в котором я узнал новорожденную дочь супруги Хофры, которая умерла на моих руках, в третий день Тота. Царь показал на сильную девочку и сказал: 'Это - существо без родителей, но так как закон повелевает принимать к себе оставленных сирот, то Ладикея и я решили воспитать этого грудного ребенка, как свою родную дочь. Для нас очень важно скрыть это обстоятельство от всех, в том числе и от самого этого дитяти. Итак, я прошу тебя держать на этот счет язык за зубами и распустить слух, что у Ладикеи родились две девочки-близнецы. Если ты исполнишь это согласно моей воле, то сегодня же получишь 5000 золотых колец и каждый год до смерти своей будешь получать пятую часть этой суммы. Я молча поклонился, приказал всем присутствовавшим оставить комнату родильницы, а потом позвал их опять, чтобы сообщить, что у Ладикеи родилась еще другая дочь. Настоящая дочь ее была названа Тахот, а подложная - Нитетис'.

При этих словах Камбис вскочил с трона и начал большими шагами ходить по зале; Онуфис же невозмутимо продолжал:

'Шестой день месяца Тота. Когда я сегодня утром прилег, чтобы немного успокоиться от волнений ночи, явился слуга царя, который передал мне обещанное золото с письмом. В этом письме меня просили достать мертвого ребенка, которого предполагалось похоронить с большою торжественностью, как дочь Хофры. С трудом мне удалось получить желаемое от одной бедной девушки, которая тайно пришла к старухе, живущей в городе мертвых. Она не хотела расстаться с умершим сокровищем, которое причинило ей так много горя и стыда, и исполнила мою просьбу только тогда, когда я ей обещал, что ее малютка будет самым лучшим образом мумизирована и погребена. В моем большом ящике с лекарствами, который на этот раз должен был нести мой сын Небенхари вместо моего слуги, Гиба, мы принесли маленький труп в родильную комнату вдовы Хофры. Дитя бедной девушки было похоронено со всевозможным великолепием. Если бы я смел сказать ей, какая прекрасная судьба ожидает ее милое дитя после смерти! Небенхари тотчас же был призван к царю'.

При вторичном упоминании этого имени Камбис остановился и спросил:

- Наш глазной врач Небенхари - не то ли самое лицо, о котором упоминается в этой рукописи?

- Небенхари, - отвечал Фанес, - сын того самого Имготепа, который подменил обоих детей.

Глазной врач мрачно смотрел в землю.

Камбис взял папирусный сверток из рук Онуфиса, посмотрел, покачивая головой, на покрывавшие его письма, подошел к врачу и сказал:

- Взгляни на эти знаки и скажи мне, отец ли твой написал их?

Небенхари упал на колени и поднял руки.

- Эти знаки написал твой отец? - спросил Камбис снова.

- Не знаю... действительно...

- Я хочу знать правду! Да или нет?

- Да, государь, но...

- Встань и будь уверен в моем благоволении. Подданного украшает верность его к своему повелителю; но не забывай, что теперь ты меня должен называть своим царем. Кассандана уведомила меня, что ты намереваешься завтра посредством искусной операции вернуть ей зрение. Не слишком ли далеко заходит твоя смелость?

- Я уверен в моем искусстве, государь!

- Еще одно: знал ли ты об этом обмане?

- Да, государь...

- И ты оставлял меня в заблуждении?

- Я принужден был поклясться Амазису, что сохраню тайну, а клятва...

- Клятва священна. Позаботься, Гобриас, чтобы обоим этим египтянам была назначена порция угощения с нашего стола. Ты, по-видимому, нуждаешься в лучшей пище, старик!

- Мне не нужно ничего, кроме воздуха для дыхания, крошки хлеба и глотка воды для утоления голода и жажды, чистой одежды, чтобы быть приятным богам и себе самому, и собственной комнатки, чтобы не мешать никому. Никогда я не был богаче, чем в настоящий день.

- Каким это образом?

- Я в эту самую минуту намереваюсь подарить царство.

- Ты говоришь загадками.

- Своим переводом рукописи я доказал, что твоя умершая супруга была дочь царя Хофры. По нашим законам о наследстве сыновей или братьев, дочь царя тоже имеет полное право на престол. Когда она умирает бездетной, то ее супруг становится законным наследником. Амазис - похититель престола, между тем как Хофра и его потомки имеют право наследства по своему рождению. Псаметих теряет всякое право на скипетр, коль скоро существует брат, сын, дочь или зять Хофры. Итак, в лице персидского царя приветствую будущего властелина моего прекрасного отечества!

Камбис самодовольно улыбнулся, а Онуфис продолжал:

- И по звездам я тоже прочел, что Псаметих погибнет, тебе же предназначена египетская корона.

- Звезды не могут ошибаться! - уверенно заявил Камбис. - Тебе же, щедрый старик, я повелеваю высказать какое-нибудь желание, в чем бы оно ни заключалось.

- Позволь мне в колеснице следовать за твоим войском в Египет. Я томлюсь желанием закрыть свои глаза на Ниле.

- Быть по сему! Оставьте теперь меня, друзья, и чтобы все мои сотрапезники явились к сегодняшнему столу. За кубками со сладким вином мы будем держать военный совет. Поход в Египет мне кажется более прибыльным, чем война с массагетами.

- Победа царю! - провозгласили присутствовавшие с громким ликованием и удалились, а Камбис велел позвать своих одевателей и раздевателей, чтобы в первый раз заменить свое траурное платье великолепными одеждами царя.

Крез и Фанес вместе отправились в сад, зеленеющий у восточной стороны дворца с его деревьями, кустами, фонтанами и цветочными грядками. Черты афинянина сияли удовольствием, тогда как развенчанный царь смотрел с озабоченным видом.

- Подумал ли ты, эллин, - начал Крез, - какой факел пожара бросил в мир?

- Поступать не подумав свойственно только детям и глупцам.

- Ты забываешь еще людей, ослепленных страстью или гневом.

- Я к ним не принадлежу.

- И, однако же, месть возбуждает ужаснейшие страсти.

- Только тогда, когда она выполняется в пылу безумного порыва. Моя же месть холодна, вон как это железо; но я знаю свою обязанность.

- Первая обязанность каждого добродетельного гражданина состоит в том, чтобы свое собственное благо подчинять благу своего отечества.

- Я знаю это...

- Но забываешь, что вместе с египетским царством ты предаешь персам и свою собственную эллинскую родину.

- Я придерживаюсь иного мнения.

- Неужели ты думаешь, что Персия оставит Грецию в покое после того, как овладеет всеми другими берегами Средиземного моря?

- Никоим образом; но я знаю своих эллинов и думаю, что они победоносно выступят против варваров и с приближением опасности сделаются более великими, чем они были когда-нибудь. Общее дело сплотит все наши разрозненные племена, сделает нас единым великим народом, который испровергнет троны чужеземных поработителей.

- Это мечты.

- Которые должны осуществиться, в чем я уверен точно так же, как в осуществлении моей мести!

- Не намерен с тобой спорить, так как дела твоей родины мне стали чужими. Впрочем, я считаю тебя человеком благоразумным, который любит прекрасное и доброе и имеет слишком честный образ мыслей для того, чтобы из-за одного своего честолюбия желать гибели целого народа. Ведь ужасно, что судьба за вину одного лица, носящего венец, карает целые народы! Теперь скажи мне, если ты сколько-нибудь дорожишь моим мнением, какая несправедливость так сильно воспламенила твое мщение?

- Слушай же и не старайся никогда впредь отклонять меня от моих намерений. Ты знаешь наследника египетского престола, знаешь также и Родопис. Первый по многим причинам был моим смертельным врагом; последняя - другом всех эллинов, и в особенности моим. Когда я был вынужден оставить Египет, мне грозила месть со стороны Псаметиха. Твой сын Гигес спас меня от смерти. Несколько недель спустя мои дети приехали в Наукратис, чтобы оттуда отправиться в Сигеум. Родопис приняла их под свое дружеское покровительство. Один негодяй узнал эту тайну и выдал ее Псаметиху. На следующую ночь дом фракиянки был окружен и там произвели обыск. Нашли моих детей и схватили их. Между тем Амазис ослеп и позволил своему сыну

творить все, что ему заблагорассудится, а тот не постыдился - моего единственного сына...

- Он велел его убить!

- Да!

- А твой другой ребенок?

- Девочка до сих пор находится в его власти.

- Но ведь ей, бедняжке, придется плохо, когда узнают...

- Пусть она умрет. Лучше лишиться детей, чем без отмщения сойти в могилу!

- Я понимаю тебя и больше не имею права на тебя сердиться. Кровь твоего ребенка требует отмщения!

При этих словах старик пожал правую руку афинянина, который, осушив свои слезы и оправившись от волнения, предложил:

- Пойдем теперь на военный совет! Никто не может быть более благодарен Псаметику за его позорные дела, чем Камбис, этот человек, быстро воспламеняющийся страстью, неспособен быть мирным правителем.

- И все-таки мне кажется, что высшая задача царя состоит в том, чтобы трудиться для внутреннего благосостояния своего народа. Но люди таковы, что прославляют своих бойцов более, чем своих благодетелей. Как много песен сложено в честь Ахилла, но кому пришло в голову прославлять в песнях мудрое правление Питтака?

- Для пролития крови нужно иметь больше мужества, чем для посадки деревьев.

- Но гораздо больше требуется доброты и ума для того, чтобы залечивать раны, чем для того, чтобы их наносить. Однако же, прежде чем мы войдем в залу совета, я должен задать тебе один вопрос: безопасно ли будет Бартии оставаться в Наукратисе, когда Амазис узнает о планах царя?

- Никоим образом. Но я предупредил и советовал ему отправиться туда переодетым и под вымышленным именем.

- И он согласился?

- По-видимому, он намеревался последовать моему совету.

- Во всяком случае, будет хорошо, если мы пошлем гонца, чтобы предупредить его.

- Мы попросим об этом царя...

- Теперь пойдем. Вон уже едут повозки из кухни с кушаньями для придворного штата.

- Сколько людей кормит царь ежедневно?

- Около пятнадцати тысяч человек.

- Так пусть персы благодарят богов за то, что их властители имеют обыкновение кушать только один раз.

VIII

Шесть недель спустя после этих событий небольшая группа всадников подъезжала к воротам Сардеса.

Люди и лошади были покрыты потом и пылью. Последние, чувствуя близость города с его конюшнями и яслями, собрали свои оставшиеся силы; но двум мужчинам, одетым в запыленные одеяния персидских придворных, ехавшим во главе и сгоравшим от нетерпения, это движение казалось слишком медленным.

Хорошо содержавшаяся царская дорога, извивавшаяся по предгорьям Тмолуса, была окаймлена полями с черноземной плодородной почвой и деревьями различных пород. Лимонные, масличные и платановые рощи, шелковичные и виноградные плантации тянулись у подошвы горы, тогда как на более значительной высоте зеленели пинии, кипарисы и заросли орешника. На обработанных полях виднелись фиговые и гранатовые кустарники, осыпанные плодами. Среди зелени полей и на опушках лесов пестрели яркими красками и благоухали цветы. Повсюду встречались тщательно огороженные колодцы со скамьями под тенистыми кустами по краям дороги, которая вела через овраги и ручьи, полувysохшие от летнего зноя. На тенистых, сырых местах цвели лавровые розы, а там, где солнце жгло с наибольшей силой, качались стройные пальмы. Темно-голубое, безоблачное небо распростерлось над этим великолепным ландшафтом, на горизонте которого виднелись с юга снежные вершины горной цепи Тмолуса, а с запада - горы Сипилуса, сиявшие своей легкой синевой.

Дорога вела теперь вниз через березовую рощицу, вокруг деревьев которой обвивались до самых вершин виноградные лозы, отягченные обильными гроздьями. На повороте дороги, откуда открывался вид вдаль, всадники остановились. Перед ними лежал главный город бывшего лидийского царства, бывшая резиденция Креза, Золотые Сарды, расположенные среди прославленной долины Гермуса.

Отвесная черная скала, на вершине которой возвышались видневшиеся издали строения из белого мрамора, и окруженная тройным рядом стен крепость, вокруг которой много столетий тому назад царь Мелес обнес льва для

того, чтобы сделать ее неприступной, господствовали над многочисленными домами с тростниковыми крышами. К югу склон крепостной горы был менее крут и застроен домами. На север от Акрополя возвышался на берегу реки Пактолуса, изобиловавшей золотым песком, бывший дворец Креза. Через торговую площадь, казавшуюся удивленным путникам бесплодным местом среди цветущего луга, шумно протекла река, катившая свои красноватые воды к западу и изливавшаяся там в узкую горную долину, где омывала подошву большого храма Кибелы.

На восток тянулись обширные сады, среди которых сверкало ясное, как зеркало, Гигейское озеро. Пестрые лодки для увеселительных прогулок в сопровождении множества белоснежных лебедей покрывали его поверхность. На расстоянии примерно четверти часа ходьбы от озера возвышались многочисленные искусственные холмы, из которых три отличались своей значительной высотой и объемом.

- Что означают эти земляные горы, имеющие такой необычный вид? - спросил Дарий, предводитель группы всадников, ехавшего рядом с ним Прексаспа, посланника Камбиса.

- Это - могилы прежних лидийских царей. Самая большая из возвышенностей, вон там налево, - а не средняя, посвященная памяти царственных супругов, Пантеи и Абрадата, - памятник, воздвигнутый отцу Креза. Алиаттесу. Торговцы, ремесленники и девушки Сард насыпали этот холм в честь своего умершего царя. На пяти украшающих вершину колоннах можно прочесть, сколько сделала каждая часть трудившихся. Девушки оказались прилежнее всех. Говорят, что дед Гигеса был особенно расположен к ним.

- В таком случае внук далеко не похож на него!

- Это должно казаться тем удивительнее, что Крез в молодости нисколько не был врагом женщин, а лидийцы, кажется, весьма склонны к любовным наслаждениям. Вон там в долине Пактолуса, недалеко от места промывки золота, стоит храм богини Сард - называемой Кибелой или Ма. Видишь белые стены, которые выглядывают из зелени охраняющей их рощи? Там можно найти много тенистых уголков, где молодые люди Сард, по их выражению, соединяются в сладостной любви в честь своей богини.

- Так же как в Вавилоне во время празднества Мелиты.

- У берегов Кипра существует такого же рода обычай. Когда я пристал туда на обратном пути из Египта, меня сладостным пением встретила толпа прекраснейших девушек. Ударяя в кимвалы, они с плясками повели меня в дубраву своей богини. Там я должен был положить несколько золотых монет, и

затем очаровательнейшее существо, какое ты только можешь себе представить, завлекло меня в душистый шатер из пурпурной материи, где мы легли на ложе из роз и лилий.

- Зопир не будет сетовать на болезнь Бартии.

- И будет оставаться дольше в роще Кибелы, чем около больного. Мне очень приятно вновь увидиться с веселым товарищем.

- Он не допустит тебя предаваться тому мрачному настроению духа, которое теперь так часто овладевает тобой.

- Я постараюсь побороть его, хотя это настроение духа, справедливо порицаемое тобой, имеет свою причину. Крез говорит, что мы бываем не в духе только тогда, когда ленимся или не имеем силы бороться с невзгодами. Наш друг прав. Пусть Дария не обвиняют в слабости или лени. Если я не могу повелевать миром, то, по крайней мере, буду своим собственным повелителем!

При этих словах прекрасный юноша выпрямился в седле во весь свой рост. Его спутник с удивлением взглянул на него и воскликнул:

- Право, мне кажется, сын Гистаспа, что ты предназначен для великих деяний. Не случайно ниспослали боги своему любимцу Киру сновидение, в результате которого он приказал твоему отцу держать тебя взаперти.

- И однако у меня еще не выросли крылья!

- На теле твоём - нет, но дух твой окрылился. О юноша, юноша, ты идешь по опасной дороге!

- Неужели крылатому следует бояться пропасти!

- Да, если силы изменят ему.

- Но ведь я силен!

- Еще более сильные постараются сломить твои крылья.

- Пусть посмеют явиться! Я знаю, что стремлюсь только к справедливости, и верю в свою звезду!

- А знаешь ли ты, как она называется?

- Она сверкала в час моего рождения, и имя ей - Апагита [\[87\]](#).

- Мне кажется, что я лучше знаю ее. Безграничное честолюбие - вот то светило, лучи которого служат путеводителями твоих действий. Берегись, юноша! И я когда-то шел тем путем, который ведет к славе или позору, но редко - истинному счастью. Честолубец похож на человека, томимого жаждой и

пьющего соленую воду! Чем больше пожинает он славы, тем сильнее, ненасытнее жаждет этой самой славы и величия! Я из простого ничтожного воина превратился в посланника Камбиса; к чему же стремиться тебе, если уже теперь, за исключением детей Кира, нет человека, поставленного выше тебя?... Но если зрение не обманывает меня, то вон там едут Зопир и Гигес во главе толпы всадников, направляющихся из города к нам навстречу. Ангар, раньше нас выехавший из гостиницы, вероятно, объявил о нашем прибытии.

- Да, это они!

- Право, так! Посмотри, как проказник Зопир делает нам знаки и помахивает только что сломленной им пальмовой ветвью.

- Эй, вы, отрежьте нам поскорее несколько веток от этого куста! Вот так! Мы ответим пурпурным цветом граната зеленой пальме!

Несколько минут спустя Дарий и Прексасп обнимались со своими друзьями. Затем оба соединившиеся вместе отряда через сады, окружавшие Гигекийское озеро, место отдыха жителей Сард, поехали к многолюдному городу, граждане которого с приближением солнечного заката толпами выходили из ворот, чтобы насладиться вечерней прохладой. Лидийские воины в богато украшенных шлемах и персидские солдаты в цилиндрообразных шапках следовали за нарумяненными женщинами с венками на головах. Няньки вели детей к озеру, где те кормили лебедей. Под платановым деревом сидел слепой старик-певец, аккомпанируя себе на двадцатиструнной лидийской лютне, называемой магадис, он пел своим многочисленным слушателям грустные песни. Юноши, игравшие в кегли и кости, забавлялись на открытом воздухе, а подростки-девушки громко взвизгивали в испуге, если брошенный мяч попадал в какую-нибудь из них или падал в озеро.

Персидские путешественники обращали мало внимания на эту пеструю картину, которая в другое время заняла бы их. Все их внимание было отдано друзьям, рассказывавшим им про Бартию и благополучно перенесенную им болезнь.

Сардский сатрап, Ороэт, - статный мужчина в блестящем придворном наряде, грешившем излишеством украшений, - маленькие черные глаза которого пронзительно сверкали из-под густых, сросшихся бровей, вышел навстречу новоприбывшим у железных ворот дворца, где до него жил Крез. Сатрапия эта считалась одной из важнейших и самых доходных в государстве. Придворный штат Ороэта был похож блеском и богатством на тот, что имел Камбис, хотя число слуг и женщин было ограниченнее, чем у царя. У ворот дворца всадники были встречены огромной толпой стражей, рабов, евнухов и богато одетых должностных лиц.

Здание наместничества, которое все еще можно было назвать великолепным, было, когда в нем жил Кир, блистательнейшим из всех царских дворцов; но при взятии Сард завоеватель приказал отвезти все богатства низвергнутого с престола царя в сокровищницу Кира в Пасаргадэ, и прекраснейшие произведения искусства были уничтожены грубыми руками. С того ужасного времени лидийцы извлекли из-под спуда много скрытых сокровищ и в течение нескольких мирных лет, под управлением Кира и Камбиса, настолько поправили свое благосостояние благодаря трудолюбию и изворотливости, что Сарды снова могли считаться одним из богатейших городов Малой Азии.

Хотя Дарий и Прексасп привыкли к великолепию царской придворной обстановки, но они все-таки были поражены красотой и блеском помещения сатрапа. Особенно прекрасной казалась им искусная мраморная работа, которую нельзя было найти ни в Вавилоне, ни в Сузах, ни в Экбатане. Обожженные кирпичи и кедровое дерево заменяли там гладкие куски природного известняка.

В большой зале прибывшие нашли бледного Бартию, протянувшего им руки с подушек, на которых он лежал.

После того как друзья попиروвали у сатрапа, они собрались в комнате выздоравливающего, чтобы переговорить между собой без помехи. Когда они уселись там, Дарий, обращаясь к Бартии, воскликнул:

- Теперь ты прежде всего должен рассказать мне, каким образом ты схватил эту отвратительную болезнь.

- Мы, совершенно здоровые, - так начал свой рассказ сын царя, - отправились, как вам известно, из Вавилона и без остановки достигли Гермы, маленького городка, находящегося у Сангариуса. Утомленные ездой, палимые солнцем Хордата и покрытые дорожной пылью и грязью, мы соскочили с лошадей, скинули с себя платье и бросились в волны реки, светлой и прозрачной, которая, протекая возле станционного дома, точно приглашала освежиться в ее струях. Гигес порицал нашу неосторожность, но мы, надеясь на нашу закаленную натуру, не обращали внимания на его увещания и весело плескались в зеленоватых волнах. Вполне спокойно, как всегда, Гигес предоставил нам делать все, что угодно; разделся и, когда мы покончили с купаньем, сам бросился в реку.

Два часа спустя мы снова сидели верхом и мчались с невероятной быстротой по дороге, меняли лошадей на каждой станции и обращали ночь в день.

Вблизи Ипсуса я почувствовал сильную боль в голове и во всем теле, но стыдился объявить о своих страданиях и держался в седле до тех пор, когда в Багисе пришлось садиться на новых лошадей. Занося ногу в стремя, я вдруг лишился сил и сознания и без памяти грохнулся на землю.

- Порядком струсили мы, когда ты свалился, - прервал Зопир рассказчика, - для меня истинным счастьем было присутствие Гигеса. Я совершенно растерялся; но он сохранил все присутствие духа и, облегчив свою душу несколькими выражениями, не особенно для нас лестными, стал действовать подобно распорядительному полководцу. Осел-врач, явившийся тут, уверял, что Бартия безвозвратно погиб, за что и получил от меня несколько ударов.

- Которыми остался весьма доволен, - со смехом проговорил сатрап, - так как на каждый синяк ты приказал положить по золотому статеру.

- Мои воинственные наклонности стоили мне уже немало денег! Но - к делу. Едва только Бартия снова открыл глаза, как Гигес поручил мне ехать верхом в Сарды и привезти опытного лекаря и удобную дорожную колесницу. Такую скачку не скоро устроит кто-либо после меня! В одном часу расстояния перед городом пала моя третья лошадь. Тогда я бросился бежать что было сил к воротам города. Все прохожие и гуляющие, которые попадались мне, вероятно, сочли меня сумасшедшим. Я без церемонии сбросил с лошади первого встречного всадника, какого-то купца из Келенэ, вскочил в седло и, прежде чем забрезжило утро, уже возвратился к нашему больному, привезя искуснейшего из всех сардских докторов и самую лучшую колесницу. Мы перевезли Бартию сюда, в этот дом, путешествуя шагом; у него оказалась горячка, и, рассказывая в бреду всяческую чепуху, которую только может придумать человеческий мозг, он навел на нас такой невообразимый ужас, что и теперь при воспоминании о всем перенесенном у меня выступает на лбу холодный пот.

Тут Бартия взял руку друга и сказал, обращаясь к Дарию:

- Ему и Гигесу я обязан жизнью. До тех пор пока они сегодня не отправились встречать вас, они не покидали меня ни на минуту и ухаживали за мной так, как самая нежная мать может ухаживать за своим ребенком. И твоей доброте, Ороэт, я обязан многим; обязан вдвойне еще потому, что из-за этого ты подвергся неприятностям.

- Как могло это случиться? - спросил Дарий.

- Тот самый Поликрат Самосский, имя которого так часто упоминалось в Египте, имел у себя знаменитейшего врача, когда-либо рожденного в Греции. Когда я заболел в доме Ороэта, он написал Демокеду и, обещая ему всевозможное вознаграждение, умолял его немедленно прибыть в Сарды.

Самосские морские разбойники, делающие небезопасным все ионийское побережье, берут в плен посланца и привозят письмо Ороэта к своему властителю, Поликрату. Он распечатывает его и отправляет гонца сюда обратно, приказав передать, что Демокед находится у него на жалованье. Если Ороэту угодно воспользоваться его услугами, то пусть обратится к нему самому, Поликрату. Наш благородный друг снес это унижение ради меня и исполнил прихоть самоссца, обратившись к нему с просьбой о присылке врача в Сарды.

- Что же Поликрат? - спросил Прексасп.

- Высокомерный властитель острова тотчас же послал врача, который, как вы видите, вылечил меня и несколько дней тому назад уехал отсюда, осыпанный дорогими подарками.

- Впрочем, - прервал Зопир Бартию, - я могу легко понять, почему самосец не хотел отпускать от себя своего придворного врача. Говорю тебе, Дарий, что нет на свете другого человека, подобно ему. Он прекрасен, как Минуцтшер, умен как Пиран Виза, силен как Рустем и столь же щедр на помощь, как праведный Сома [\[88\]](#). Поглядел бы ты только, как он умеет бросать металлические круги, которые он называет дисками. Я не могу назваться бессильным, но он опрокинул меня наземь после непродолжительной борьбы, а рассказывать различные истории был такой мастер, что у слушателей прыгало сердце в груди.

- Мы познакомились с одним человеком в таком же роде, - сказал Дарий, с улыбкой слушая восторженные речи своего друга, - это - афинянин Фанес, который явился тогда вовремя, чтобы доказать нашу невиновность.

- Демокед, врач - уроженец Кротоны, местности, которая должна находиться у самого солнечного заката.

- Но, - прибавил Ороэт, - там, так же как и в Афинах, живут эллины. Будьте осторожны с этими людьми, мои юные друзья, так как они столь же хитры, лживы и эгоистичны, как сильны, умны и красивы.

- Демокед благороден и правдив! - возразил Зопир.

- А Фанеса, - уверял Дарий, - даже сам Крез считает столь же добродетельным, как и дельным.

- Также и Сапфо, - подтвердил Бартия это заявление, - большой похвалой отзывалась об афинянине. Но перестанем говорить об эллинах, которых недолюбливает Ороэт, так как они доставляют ему много хлопот своим упрямством.

- Про то известно богам! - со вздохом проговорил сатрап. - Труднее удержать в повиновении один греческий город, чем все страны между Евфратом и Тигром.

При этих словах сатрапа Зопир подошел к окну и, прерывая говорившего, воскликнул:

- Звезды стоят уже высоко, а Бартии необходимо спокойствие, поэтому поторопись, Дарий, со своими рассказами о родине!

Сын Гистаспа согласился и начал с перечня тех событий, которые нам уже известны. Кончина Нитетис вызвала у Бартии искреннее сочувствие, а открывшийся обман Амазиса - взрыв удивления и величайшего негодования присутствующих.

- После того как было неопровержимо доказано истинное происхождение покойницы, - продолжал рассказчик после краткого перерыва, - Камбис будто преобразился. Он созвал всех на военный совет и за столом появился снова в царской одежде вместо траурного одеяния. Можете себе представить, с каким восторгом была встречена надежда на войну с Египтом! Даже и сам Крез, доброжелатель Амазиса, который всегда и везде оказывался сторонником мира, на этот раз не возражал. На другое утро, по обыкновению, обсуждалось в трезвом виде то, что решили вчера отуманенные винными парами. После того как были высказаны различные мнения, Фанес попросил слова и говорил почти в течение часа. Но как он говорил! Казалось, что сами боги влагали слова в его уста. Наш язык, изученный им в невообразимо короткое время, подобно меду лился из его уст и то вызывал горячие слезы из всех глаз, то возбуждал бурный восторг и взрывы негодования у всех присутствовавших. Всякое движение его руки было изящно, как жест танцовщицы, и вместе с тем исполнено мужественной энергии и достоинства. Я не могу передать его речь, так как мои слова оказались бы такими же слабыми, как барабанный бой рядом с раскатами грома. И когда, наконец, все мы, увлеченные и вдохновенные, единодушно решили, что быть войне, Фанес заговорил еще раз и указал на средства и пути, при помощи которых можно легче всего достигнуть победы.

Тут Дарий был вынужден остановиться, так как Зопир бросился ему на шею с громкими криками восторга. Бартия, Гигес и сатрап Ороэт также приняли это известие с большой радостью и просили рассказчика поторопиться с продолжением повествования.

- В месяце Фарвардине ^[89], - снова начал юноша, - наши войска должны стоять на границе Египта, так как в месяце Мурдате ^[90] Нил выходит из своего русла и грозит помешать передвижению нашего войска. Эллин Фанес теперь находится на пути к арабам для заключения с ними союза. Сыны пустыни

должны снабжать водой и проводниками наши войска в своей безводной стране. Кроме того, он хочет склонить на нашу сторону богатый остров Кипр, который когда-то он завоевал для Амазиса. При его активном содействии цари этого острова сохранили свои венцы и теперь послушаются его советов. Афинянин заботится обо всем и знает всякие извилины и тропинки, точно он, подобно солнцу, может обозревать всю Землю. Он показывал нам изображение всех стран на медной доске.

Ороэт одобрительно кивнул головой и сказал:

- Я тоже имею такое изображение стран света. Уроженец Милета по имени Гекатей [\[91\]](#), постоянно совершающий путешествия, начертил его и променял мне на открытый лист.

- Чего только не выдумают эти эллины! - воскликнул Зопир, который никак не мог представить себе, какой вид должно иметь это изображение Земли.

- Я покажу тебе завтра мою медную доску, - сказал Ороэт, - теперь же нам не следует снова прерывать Дария.

- Итак, Фанес отправился в Аравию, - продолжал рассказчик, - тогда как Прексасп поехал не для того только, чтобы передать тебе, Ороэту, приказание собрать, по возможности, большое число солдат, в особенности ионийцев и карийцев, которыми будет командовать афинянин, - но для того, чтобы предложить Поликрату быть нашим союзником.

- Союз с этим морским разбойником? - спросил Ороэт, чело которого омрачилось.

- С ним самым, - сказал Прексасп, нарочно не обратив внимания на негодующее выражение лица Ороэта. - Фанесу уже обещано много хороших кораблей, так что мое посольство будет иметь благоприятный исход.

- Финикийских, сирийских и ионийских военных судов было бы достаточно для того, чтобы победить египетский флот.

- Положим, что и так. Но если бы Поликрат оказался нашим противником, то мы едва ли были бы в состоянии удержаться на море; ведь ты сам же говорил, что он всем распоряжается в Эгейском море.

- А я все-таки не одобряю какого бы то ни было соглашения с разбойником.

- Прежде всего мы ищем сильных союзников, а морское могущество Поликрата несомненно. Только тогда, когда с его помощью мы станем обладателями Египта, наступит время унизить его гордость. До поры до времени я прошу тебя обуздать твое личное недовольство и думать только об

успехе нашего великого предприятия. Это я говорю тебе от имени царя, кольцо которого я ношу на руке и которое мне поручено показать тебе.

Ороэст слегка поклонился перед этим знаком самодержавной власти и спросил:

- Чего требует от меня Камбис?

- Он приказывает, чтобы ты употребил всевозможные усилия для заключения союза с самосцем. Кроме того, ты должен как можно скорее присоединить свои войска к великой персидской армии на вавилонской равнине.

Сатрап поклонился и с недовольным видом покинул комнату. Едва его шаги смолкли в колоннаде внутреннего двора, Зопир воскликнул:

- Бедняк! Ему тяжело проявлять любезность к наглецу, который позволял себе относительно его много дерзких выходок. Подумайте только об истории с врачом!

- Ты слишком мягкосердечен, - сказал Дарий, прерывая своего друга. - Этот Ороэст не нравится мне. Не следует таким образом принимать приказания царя! Разве вы не видели, как он до крови закусил губы, когда Прексасп показал ему перстень с царской печатью?

- Этот человек отличается непоколебимым упрямством! - воскликнул посол. - Он ушел от нас так скоро потому, что не мог более обуздывать свой гнев.

- Несмотря на все это, я прошу тебя, - сказал Бартия, - не извещать моего брата о поведении сатрапа, которому я благодарен за помощь.

Прексасп утвердительно кивнул, и Дарий сказал:

- Во всяком случае, надобно иметь неослабный надзор за этим человеком. Именно здесь, в таком дальнем расстоянии от местопребывания царя, нам нужны наместники, которые охотнее слушались бы своего повелителя, чем Ороэст, который воображает себя лидийским властителем.

- Ты сердишься на сатрапа? - спросил Зопир.

- Да, сержусь. Кого бы мне ни случилось встретить, всякий человек с первого разу внушает мне любовь или отвращение. Это быстрое, необъяснимое чувство редко обманывало меня. Ороэст не понравился мне уже тогда, когда он не успел еще произнести ни одного слова. Так же было и с египтянином Псаметихом, между тем как я почувствовал симпатию к Амазису.

- Ты во всем отличаешься от нас! - со смехом сказал Зопир. - Теперь же окажи мне услугу и оставь в покое бедного Ороэста; хорошо, что он уехал, так как ты можешь не стесняясь говорить о родине. Что поделывают Кассандана и твоя

богиня Атосса? Как поживает Крез? Как живут мои жены? Они скоро получат новую собеседницу, так как я думаю посвататься завтра за хорошенькую дочку Ороэста. Глазами мы уже много сказали друг другу. Не знаю, говорили ли мы по-персидски или по-сирийски, но мы сообщали друг другу самые приятные вещи.

Друзья расхохотались, а Дарий, увлеченный всеобщей веселостью, воскликнул:

- Теперь вы услышите радостную весть, которую я приберег под конец, как самую приятную новость. Эй, Бартия, наводри уши! Твоя мать, благородная Кассандана, прозрела! Да, да - это полнейшая неопровержимая истина! Кто вылечил ее? Разумеется, не кто другой, как хмурый египтянин, который теперь сделался, если возможно, еще мрачнее прежнего. Только успокойтесь и позвольте мне продолжить, иначе Бартии не придется уснуть раньше рассвета. Впрочем, нам следовало бы разойтись уже в эту минуту, так как вы слышали все самое приятное и сможете теперь видеть хорошие сны. Не хотите? Тогда, призвав имя Митры, я должен рассказывать дальше, хотя мое сердце и будет обливаться при этом кровью. Начну с царя. Пока Фанес оставался в Вавилоне, Камбис, казалось, забыл свою тоску по египтянке. Афинянин не оставлял его ни на минуту. Они были так же неразлучны, как Рахш ^[92] и Рустем. Камбису не оставалось времени для грусти, так как эллин каждую минуту придумывал что-нибудь новое и занимал не только царя, но и всех нас. При этом все чувствовали к нему симпатию, - мне кажется, потому, что никто не мог ему завидовать. Как только Фанес хоть на минуту оставался один, у него на глазах тотчас выступали слезы при воспоминании об убитом сыне; потому была вдвое удивительнее его веселость, которую он успел сообщить и твоему серьезному брату, любезный Бартия. Каждое утро он с Камбисом и всеми нами ездил верхом к Евфрату и с удовольствием смотрел на упражнения мальчиков-Ахеменидов.

Когда он видел, что дети с великой быстротой мчатся мимо песочных холмов и стрелами разбивают стоящие на них сосуды, когда он видел, как они бросают друг в друга деревянными обрубками и ловко уклоняются от них, то он сознавался, что не умеет подражать этому, а предлагал состязаться со всеми нами в бросании копья и единоборстве. Со свойственной ему живостью он соскакивал с лошади, сбрасывал с себя платье и при криках восторга со стороны детей бросал на песок, точно перышко, их главного борца. Затем он поборол достаточное число хвастунов и, вероятно, победил бы и меня, если бы не был слишком измучен. Впрочем, я могу уверить вас, что я сильнее его, так как могу поднимать более тяжелые обрубки; но афинянин обладает ловкостью угря и охватывает своих противников необыкновенными объятиями. Его нагота также имеет для него удобство. По-настоящему, если откинуть в сторону приличие,

следовало бы бороться не иначе, как обнаженным, и при этом, по примеру эллинов, натирать тело оливковым маслом. В бросании копья он также одерживал над нами верх; что же касается до стрел царя, - который, как вам известно, гордится приобретенной им славой лучшего стрелка во всей Персии, - то они действительно улетали дальше стрел Фанеса. Более всего он хвалил наш обычай, когда побежденный должен после единоборства поцеловать руку победителя. Наконец, он показал нам новый способ упражнения: кулачный бой. Его применение на деле, однако, не захотел испробовать ни один из свободных людей, поэтому царь приказал призвать самого высокого и сильного из всех слуг, Бесса, моего конюха, который своими огромными руками так крепко сжимает задние ноги лошади, что она дрожит и не может сойти с места. Громадный забияка, превышавший Фанеса, по крайней мере, на целую голову, засмеялся и с состраданием пожал плечами, услышав, что ему следует испробовать кулачный бой с чужеземцем. Уверенный в своей победе, он стал против афинянина и нанес ему сокрушительный удар, который убил бы слона, но Фанес увернулся от него и в ту же минуту ударил великана кулаком между глаз так сильно, что у того изо рта и из носу хлынул поток крови, и он с воем грохнулся наземь. Когда его подняли, то его лицо уподоблялось зеленовато-синей тыкве. Мальчики были в восторге от этого поединка, мы же удивлялись ловкости эллина и радовались веселому настроению царя, которое выказывалось всего более тогда, когда Фанес пел ему игривые и плясовые греческие песни, аккомпанируя себе на лютне.

Между тем, благодаря искусству египтянина Небенхари, Кассандана снова прозрела, и это событие еще более способствовало к рассеянию печали царя. Для нас настали хорошие дни, и я только что собирался просить руки Атоссы, когда Фанес отправился в Аравию и все быстро изменилось.

Как только афинянин покинул нас, все злые дивы, по-видимому, овладели царем. Он ходил молчаливый и мрачный, не произнося ни одного слова, и, чтобы заглушить свою тоску, с самого утра начинал пить кружками самое крепкое сирийское вино. К вечеру он хмелел до такой степени, что его обычно приходилось уносить из комнаты, а утром он просыпался в судорогах и с головной болью. Днем он ходил взад и вперед с таким видом, как будто чего-то искал, а ночью часто слышали, как он повторяет имя Нитетис. Врачи опасались за его здоровье и давали ему лекарства, которые он выливал вон. Крез был совершенно прав, когда однажды сказал им: 'Прежде чем браться за лечение, господа маги и халдейцы, нужно исследовать место нахождения болезни! Знаете ли вы его? Нет? В таком случае, я скажу вам, что именно творится с царем. У него внутренние страдания и рана. Первое называется скукой, а второе - у него в сердце. Лекарство для первого - присутствие афинянина, а для второй я не знаю никакого средства, так как опыт учит нас, что подобного рода раны

закрываются или сами собой, или кровь их изливается внутрь. 'А я сумел бы найти лекарство для царя! - воскликнул Отанес, услышавший эти слова. - Нам следовало бы убедить его, чтобы он приказал возвратить из Сузы женщин, или, по крайней мере, мою дочь Федиму. Любовь рассеивает тоску и ускоряет слишком застоявшееся кровообращение'.

Мы согласились с говорившим и поручили ему напомнить царю об изгнанных женщинах. Отанес осмелился высказать это предложение именно в то время, когда мы сидели за столом, но ему так сильно досталось от царя, что всем нам стало даже жаль его. Вскоре после того Камбис однажды утром призвал всех мобедев и халдейцев и приказал объяснить ему странный виденный им сон. Царь видел, что он стоит среди бесплодной равнины, которая, походя на полгумна, не производила ни одной соломинки. Недовольный пустынным и безотрадным видом этой местности, он собирался отыскать другую, более плодородную, когда появилась Атосса и, не замечая его, побежала по направлению к источнику, который внезапно, точно по волшебству, с приятным журчанием брызнул из земли. С удивлением смотрел он на это зрелище и заметил, как повсюду, где ноги сестры касались иссушенной почвы, стали возвышаться стройные побеги; они, вырастая, превращались в кипарисовые деревья, вершины которых стремились к небесам. Собираясь заговорить с Атоссой, царь проснулся.

Мобедеды и халдейцы стали совещаться и истолковали это сновидение так: Атоссе всегда будет благоприятствовать счастье во всех ее начинаниях.

Камбис остался доволен этим ответом, но когда на следующую ночь снова увидел такой же сон, то стал грозить мобедам смертью, если они не истолкуют этот сон иначе. Мудрецы долго размышляли и, наконец, ответили, что Атосса впоследствии будет царицей и матерью могущественных государей.

Этим объяснением Камбис вполне удовлетворился и лишь как-то странно улыбнулся сам про себя, рассказывая нам этот сон.

Кассандана призвала меня на другой день и объявила, чтобы я, если мне дорога жизнь, отказался от всякой надежды обладать ее дочерью.

Я собирался выйти из сада царственной старухи, когда увидел Атоссу, притаившуюся за гранатовыми кустами. Она сделала мне знак, и я подошел к ней. Мы забыли об опасности и горе и, наконец, распростились навсегда. Теперь вы знаете все. И после того, как я от всего отказался, когда каждая дальнейшая мысль об этом очаровательном существе была бы безумием, я должен превозмогать себя, чтобы, по примеру царя, не впасть в меланхолию из-за женщины. Таков конец этой истории, окончания которой мы ожидали уже тогда, когда Атосса своей розой сделала меня, приговоренного к смерти,

счастливейшим из смертных. Если бы тогда я не выдал вам своей тайны ввиду ожидаемого смертного часа, то она сошла бы со мной в могилу! Но что я говорю! Ведь я могу рассчитывать на вашу скромность и прошу только об одном - не смотреть на меня с таким состраданием. Я нахожу, что мне все-таки можно позавидовать, так как на мою долю выпал хоть один час, но такого счастья, за которое можно отдать целые сто лет невзгод. Благодарю вас, благодарю! Теперь же я должен поторопиться с окончанием моего рассказа.

Через три дня после моего прощания с Атоссой я принужден был жениться на Артистоне, дочери Гобриаса. Она прекрасна и осчастливила бы другого, но не меня. Наутро после свадьбы явился в Вавилон ангар с известием о твоей болезни, Бартия. Я тотчас же стал просить царя позволить мне отправиться к тебе, ухаживать за тобой и охранять тебя от опасности, которой могла бы подвергнуться в Египте твоя жизнь. Несмотря на увещания своего тестя, я простился с новобрачной и в сопровождении Прекаспа мчался безостановочно к тебе, мой Бартия, чтобы вместе с Зопиром сопровождать тебя в Египет, между тем как Гигес отправится с послом на остров Самос в качестве переводчика. Так приказал царь, расположение духа которого улучшилось в последние дни: он находит развлечение, делая смотры войскам, собирающимся сюда, и притом халдейцы уверили его, что планета Адар, принадлежащая их богу войны Ханону, предрекает персидскому оружию большую победу. Когда ты надеешься быть способным к продолжению путешествия, Бартия?

- Если хочешь - завтра, - отвечал тот. - Врачи говорили, что морское путешествие будет мне полезно. А сухопутный переезд до Смирны ведь не велик.

- А я, - прибавил Зопир, - уверяю тебя, что твоя любовь исцелит тебя скорее, нежели все лекарства в мире!

- Итак, мы отправимся в путь через три дня, - прикинул Дарий, - так как до отъезда нам надобно еще о многом позаботиться. Вспомните, что мы отправляемся все равно что в неприятельскую землю! Я полагаю, что Бартии следует явиться в качестве вавилонского торговца коврами. Я назовусь его братом, а Зопир пусть будет купцом, торгующим сардесским пурпуром.

- Да разве мы не можем явиться в качестве воинов? - спросил Зопир. - Ведь, право, как-то позорно выступать в роли какого-нибудь обманщика - торгаша. Разве нельзя было бы нам, например, выдать себя за лидийских воинов, бежавших из страха перед наказанием и ищущих службы в египетском войске?

- Об этом плане следует поразмыслить! - сказал Бартия. - Притом, думаю, что по нашей манере нас скорее примут за воинов, нежели за купцов.

- Это неосновательно. Какой-нибудь эллин из крупных торговцев или судохозяин выступает так важно, точно ему принадлежит весь мир. Впрочем, я нахожу предложение Зопира не дурным.

- Пусть будет по-вашему, - сказал Дарий, уступая. - В таком случае, Ороэт снабдит нас одеждами лидийских таксиархов.

- А почему же и не украшениями хилиархов ^[93]? - воскликнул Гигес. - Ведь это при вашей юности может возбудить подозрение!

- Но ведь не можем же мы явиться в качестве простых солдат?

- Разумеется, нет, но в виде гекатонтархов ^[94] вполне можете.

- И это хорошо, - со смехом проговорил Зопир, - лишь бы мне не пришлось выдавать себя за торгаша! Итак, через три дня - в путь! Я очень доволен, что буду иметь время завладеть дочкой здешнего сатрапа и, наконец, хоть однажды побывать в роще Кибелы, которую мне уже давно хотелось посетить. Теперь же покойной ночи, Бартия! И прошу тебя спать подольше. Что скажет Сапфо, увидев тебя с побледневшими щеками?

IX

Жаркое летнее утро сияло над Наукратисом. Нил уже вышел из берегов, и нивы и сады были покрыты водой.

Гавани в устье реки пестрели кораблями. Египетские суда, экипаж которых состоял из финикийских колонистов с берегов Дельты, привозили тонкие ткани из Мальты, металлы и камни из Сардинии, вино и медь с Кипра. Греческие триеры приходили с драгоценными маслами и винами, ветвями мастикового дерева, халкидонскими бронзовыми изделиями и шерстяными тканями; финикийские и сирийские суда - с пестрыми парусами, медью, оловом, пурпурными материями, драгоценными камнями, пряностями, стеклянными изделиями, коврами и ливанскими кедрами, необходимыми для построек в безлесном Египте, и выменивали все это на сокровища Эфиопии: на золото, слоновую кость, черное дерево, на пестрых тропических птиц, драгоценные камни и на чернокожих невольников, в особенности же на пользовавшийся всемирной известностью египетский хлеб, на мемфисские колесницы, саисские кружева и тонкий папирус. Но время простой меновой торговли уже давно прошло, и купцы Наукратиса нередко расплачивались за свои покупки звонким золотом или тщательно взвешенным серебром.

Большие склады для товаров окружали гавань эллинского колониального города. Около них возвышались на скорую руку построенные дома, из которых раздавались музыка и смех; разряженные женщины зазывали туда праздных мореходов. Между белыми и черными невольниками, двигавшимися с

тяжелыми ношами на спинах, мелькали лодочники и лоцманы в разнообразных одеждах. Судовладельцы в эллинских или резко пестрых финикийских одеждах кричали, отдавая приказания своим подчиненным, и передавали оптовым торговцам свои товары. Там, где поднимался спор, мгновенно появлялись египетские полицейские с длинными палками и эллинские гаванские надсмотрщики, приставленные старшинами купечества милетской торговой колонии.

Наконец наполнявшая гавань толпа начала редеть, так как приближался час открытия рынка, а свободный эллин редко пропускал это зрелище. Но много любопытных на этот раз осталось на прежних местах, так как только что началась разгрузка самосского судна прекрасной постройки, с длинным, как лебединая шея, носом, на передней части которого виднелось деревянное изображение богини Геры. Особый эффект произвело появление трех красавцев-юношей в одежде лидийских воинов, которые сошли с триеры. Несколько рабов следовали за ними, неся ящики и узлы.

Самый красивый из новоприбывших, в которых читатели, вероятно, узнали наших юных друзей, - Дария, Бартию и Зомира, - заговорил с гаванским надсмотрщиком, прося указать ему жилище Феопомпа. Вежливый и услужливый, как все греки, этот человек пошел впереди иностранцев через весь рынок, открытие которого только что возвестил звук колокола, и привел их к прекрасному дому, принадлежавшему одному из значительнейших жителей Наукратиса, милетцу Феопомпу.

Но юноши не безостановочно прошли через рыночную площадь. Они столь же легко избавились от назойливости нахальных продавцов рыбы, как и от зазываний мясников, колбасников, зеленщиков, горшечников и булочников, но когда они приблизились к тому месту, где размещены были цветочницы, Зомир захлопал в ладоши от восторга перед великолепным зрелищем, открывшимся перед ними.

Три очаровательно-прекрасных существа в белых, полупрозрачных одеждах с пестрыми обшивками сидели, окруженные массами цветов, на низких скамьях и все втроем плели огромный венок из роз, фиалок и цветов апельсинного дерева. Их прелестные головки, украшенные венками, уподоблялись тем трем розовым бутонам, которые одна из них, первой заметившая наших друзей, протягивала к ним.

- Купите мои розы, прекрасные господа! - воскликнула она свежим звонким голосом, - и вплетите их в волосы вашим возлюбленным!

Зомир взял цветы и, удержав в своей руке руку девушки, отвечал:

- Я только что возвратился издалека, прекрасное дитя мое, и не имею еще подруги в Наукратисе; поэтому позволь мне воткнуть эти розы в твои золотистые кудри и эту золотую монету положить в твою белую ручку!

Девушка весело засмеялась, показала щедрый дар своей сестре и воскликнула:

- Клянусь Эросом! Юноши, подобные вам, не будут иметь недостатка в подругах! Вы все трое - братья!

- Нет!

- Очень жаль, так как мы - сестры.

- А ты думаешь, что из нас вышли бы три хорошенькие парочки?

- Я, может быть, подумала так, но не высказала вслух!

- А твои сестры?

Девушки рассмеялись. Они, по-видимому, не воспротивились бы подобному сближению и подали розовые бутоны также Бартии и Дарию.

Юноши приняли цветы, отдали по золотой монете и не могли распрощаться с красавицами, пока те не обвили шлем каждого лавровым венком.

Весть о редкостной щедрости иностранцев быстро распространилась среди многочисленных цветочниц, которые продавали ленты, цветы и венки. Каждая подавала им розы и взглядами и словами приглашала их остановиться и купить что-нибудь.

Зопир охотно остался бы с девушками, по примеру многих молодых людей в Наукратисе, так как почти все эти девушки отличались красотой и сердцами, легко поддающимися победе; но Дарий торопил идти дальше и просил Бартию не допускать, чтобы этот легкомысленный юноша оставался там долее. Таким образом, пройдя мимо столов менял и граждан, сидевших под открытым небом и державших совет, наши путешественники добрались до дома Феопомпа.

Как только их проводник-эллин стукнул в дверь металлическим молотом, ее отворил раб. Так как хозяин дома находился на рынке, то ключник, слуга, посевший в доме Феопомпа, ввел чужеземцев в мужскую половину жилища и попросил подождать там возвращения хозяина.

Пока юноши с удовольствием рассматривали прекрасные стенные фрески и искусную каменную работу на полу этой комнаты, возвратился домой Феопомп - тот оптовый торговец, с которым мы уже познакомились в доме Родопис; его сопровождало множество рабов, несших за ним купленные вещи.

Милетец с изысканной вежливостью приблизился к иностранцам и весьма любезно спросил их, чем он может быть им полезен.

Удостоверившись, что вблизи нет никакого непрошеного свидетеля, Бартия вручил ему свернутое трубочкой письмо, которое ему при прощании передал Фанес.

Едва Феопомп успел прочесть эти строки, как воскликнул, обращаясь с глубоким поклоном к царскому сыну:

- Призываю в свидетели Зевса, покровителя гостеприимства, на долю моего дома не могла бы выпасть более великая честь, чем это твое посещение. Считаю все, здесь находящееся, своей собственностью и попроси твоих спутников быть также моими гостями. Извини, если я не узнал тебя с первого раза в твоей лидийской одежде. Мне кажется, твои кудри стали короче, а борода гуще с тех пор, как ты покинул Египет. Я ведь прав, и ты желаешь оставаться неузнанным? Пусть будет по-твоему! Самое лучшее гостеприимство - то, которое предоставляет гостям полную свободу. О, теперь я снова узнаю и твоих друзей! Но и они также изменились и, подобно тебе, подстригли свои кудри. Я даже готов утверждать, что ты, мой друг, которому имя...

- Дарий.

- Что ты, Дарий, начернил свои волосы. Не так ли? Вы видите, что моя память не обманывает меня. Впрочем, мне не следует слишком гордиться этим; ведь я видел вас неоднократно в Саисе и здесь, когда вы приезжали и уезжали. Ты спрашиваешь, царевич, не узнают ли вас другие? Разумеется, нет. Чужеземная одежда, короткие волосы и подкрашенные брови удивительно изменяют вас. Но извините меня на минуту! Мой старый ключник делает мне знаки и, по-видимому, желает сообщить что-то важное.

Через несколько минут Феопомп возвратился и воскликнул:

- Эх вы, мои дорогие гости! Так нельзя вести себя в Наукратисе, если вы желаете оставаться неузнанными! Вы любезничали с цветочницами и за пару роз заплатили не как беглые лидийские гекатонтархи, а как настоящие вельможи. Всему Наукратису известны прекрасные, легкомысленные сестры Стефанион, Хлориса и Ирина, которые своими венками околдовали не одно юное сердце и нежными взглядами выманили много блестящих оболов [\[95\]](#) из кошельков наших легко увлекающихся молодых людей. Во время ярмарки молодежь охотнее всего вертится около цветочниц, и то, о чем идут там переговоры, оплачивается в тиши ночной не одной золотой монетой. Но за ласковое слово и несколько роз никто не платит так щедро, как вы! Девушки стали хвастаться вашими подарками перед своими более скупыми

обожателями и показали им блестящие золотые монеты. Молва есть божество, способное страшно преувеличивать и превратить ящерицу в крокодила. Таким образом, до египетского сотника, надзирающего за ярмаркой со времени управления Псаметиха, дошло известие, что трое только что прибывших воинов разбрасывали золотые монеты между цветочницами. Это возбудило подозрение и заставило топарха [\[96\]](#) прислать сюда должностное лицо для осведомления о вашем происхождении и цели вашего путешествия в Египет. Поэтому я принужден был прибегнуть к хитрости и наврать ему всякой всячины. Я поступил сообразно вашему желанию и выдал вас за богатых юношей из Сардеса, сбежавших от гнева сатрапа. Но вот идет чиновник с писцом, который выдаст вам паспорт для беспрепятственного пребывания на берегах Нила. Я обещал ему значительную награду, если он окажет вам свое содействие для вступления в наемную дружину царя. Он попался в ловушку и поверил мне. Ввиду вашей юности никому не может прийти в голову подозрение о каком-либо тайном посольстве.

Словоохотливый эллин едва успел окончить свою речь, как писец, худой, одетый в белое человек, точно вырос из-под земли перед нашими путешественниками и с помощью переводчика стал расспрашивать об их происхождении и цели путешествия.

Юноши подтвердили заявление, что они - беглые лидийские гекатонтархи, и просили чиновника помочь им вступить в египетское вспомогательное войско и снабдить их паспортами.

После того как Феопомп представил свое поручительство за молодых людей, чиновник без дальнейшего колебания выдал им желаемые бумаги.

Паспорт Бартии был такого рода:

'Смердес, сын Сандона из Сардеса, - около 22-х лет, стройного роста, приятной наружности, с прямым носом и высоким лбом, среди которого находится небольшой шрам, может, вследствие данного за него поручительства, проживать в Египте там, где закон терпит иноземцев.

Во имя царя. Сахон, писец'.

Паспорта Зопира и Дария были написаны таким же образом.

Когда должностные лица покинули дом, Феопомп, потирая руки, сказал:

- Теперь, слушаясь во всем моих советов, вы можете безопасно проживать в этой стране. Храните эти бумажные свитки как зеницу ока и всегда имейте их при себе. Теперь же я прошу вас отправиться со мной позавтракать и, если возможно, рассказать, насколько справедлив был слух, распространившийся на рынке. Триера, пришедшая из Колонфона, привезла известие, Бартия, что твой царственный брат собирается идти войной на Амазиса.

Вечером того же дня Бартия и Сапфо праздновали свое свидание; счастье и удивление, произведенное неожиданным появлением царственного юноши, было так велико, что сначала девушка не могла выразить никакими словами свой восторг и благодарность. Когда они, наконец, остались одни в той беседке из акантуса, которая своими цветущими ветвями прикрывала их зарождавшуюся любовь, Сапфо упала на грудь дорогого путешественника. Оба долго не говорили ни слова и не видели ни луны, ни звезд, сиявших над их головами среди невозмутимой тишины теплой летней ночи. Они не внимали песням соловьев, доносившихся повсюду, не чувствовали влажной росы, ниспадавшей на их головы так же, как и на чашечки цветов, притаившихся в траве.

Наконец, Бартия схватил обе руки своей возлюбленной и долго вглядывался в нее, не произнося ни слова, точно хотел неизгладимо запечатлеть ее черты в своей памяти; она же стыдливо опустила глаза, когда он, наконец, воскликнул:

- Когда я мечтал о тебе, то ты представлялась мне прекраснее всего, созданного Аурамаздой; теперь же я нахожу, что твоя красота далеко превосходит все мои мечты!

Девушка поблагодарила его за эти слова сияющим взглядом, он еще раз обвил ее стан своей рукой, крепче прижал ее к себе и спросил:

- Думала ли ты обо мне?

- Только о тебе одном!

- А надеялась ли ты так скоро увидеться со мной?

- Ах, я чуть не каждый час думала: он должен появиться! Когда я утром входила в сад и глядела на восток, где лежит твоя родина, и оттуда, с правой стороны, летела птичка прямо ко мне, то я чувствовала дрожание в правом веке; когда я убирала у себя в комнате и глядела на лавровый венок, который так хорошо шел к тебе и который я поэтому сберегла на память, - Мелита говорит, что такой венок сохраняет неизменную любовь, - я хлопала в ладоши и думала: 'Сегодня он должен приехать', бежала на берег Нила и махала платком при виде каждого челнока, так как думала, что каждое судно может примчать

тебя ко мне. А так как тебя все не было и не было, то я с грустью возвращалась домой, пела песню и глядела в огонь очага в женской комнате до тех пор, пока бабушка не нарушала моих мечтаний, говоря:

'Послушай, дитя, тот, кто мечтает днем, подвергается опасности провести бессонную ночь и встать на другой день со своего ложа с помутившимся духом, утомленным мозгом и ослабевшим телом. День дан нам для того, чтобы бодрствовать, не предаваться дремоте и стараться, чтобы ни один час не прошел бесполезно. Прошлое принадлежит умершим, безумцы надеются на счастье в будущем; а мудрец придерживается настоящего, вечно юного, и принимает его, как и все дары, ниспосылаемые Зевсом, Аполлоном, Палладой, Кипридой, чтобы посредством труда и забот разработать его до такой степени, чтобы оно, постепенно разрастаясь и облагораживаясь, в конце концов сделало наши помышления, чувства и речи благозвучными, как сладостные мелодии струнного инструмента! Ты не можешь сделать большего удовольствия человеку, которому принадлежит твое сердце, которого ты считаешь выше себя, потому что любишь его, ничем не можешь выказать ему свою верность лучше, нежели старанием, по возможности, облагородить свой дух и ум. Все, что ты вновь изучишь прекрасного и доброго, все будет подарком твоему возлюбленному, так как ты предаешься ему всем своим существом и он вместе с тобой принимает и все твои добродетели. А пребывая в мечтаниях, никто не одержал еще никогда никакой победы. Роса, освежающая цветок добродетели, называется потом!'

- Так говорила бабка, я же, пристыженная, вскакивала со своего места у огня, брала арфу, начинала разучивать новые песни или вслушивалась в речи своей наставницы, которая, превосходя мудростью многих мужчин, давала мне устные и письменные уроки. Так проходило время, этот быстрый поток, который, подобно нашему Нилу, вечно катит свои волны и мчит мимо нас, смертных, то пестро разукрашенную флагами золотую лодочку, то прожорливо-злобного крокодила.

- А теперь мы сами сидим в этой восхитительной лодочке! О, если бы в эту минуту время задержало свой быстрый бег, о, если бы всегда все оставалось так, как теперь! Как ты умно говоришь, моя очаровательная девочка, как ты хорошо понимаешь прекрасные наставления и еще прекраснее передаешь их. Да, моя Сапфо, я горжусь тобой! В твоей добродетели для меня заключается сокровище, делающее меня гораздо богаче моего брата, которому принадлежит полмира!

- Ты, царский сын, гордишься мной, будучи сам прекраснейшим и совершеннейшим из всего своего рода!

- Все мое достоинство состоит, по-моему, в том, что ты считаешь меня достойным тебя.

- Великие боги, скажите, может ли человеческое сердце вынести этот наплыв величайшего блаженства, не разорвавшись, подобно сосуду, переполненному тяжелым золотом?

- Да, так как другое сердце, именно мое, поможет тебе выдержать эту тяжесть, а твоя душа будет поддерживать мою. С такой помощью я пойду наперекор всему миру и не уstraшусь никаких страданий или исчадий мрака.

- Не возбуждай зависти и гнева богов, которым часто бывает неприятно счастье смертных. С тех пор как ты покинул нас, мы пережили много тяжелых дней. Бедные дети доброго Фанеса - мальчик, прекрасный, как Эрос, и девочка, очаровательная и розовенькая, точно облачко, освещенное утренней зарей, - провели много дней в нашем доме. Бабушка снова, помолодела и повеселела, видя этих очаровательных малюток; я же отдала им все свое сердце, хотя оно и принадлежало исключительно тебе. Сердце создано так странно, что подобно солнцу одаривает своими лучами многих и однако не оскудевает светом и теплотой и никого не лишает того, что ему следует по праву. Ах, я так сильно любила детей Фанеса! Однажды вечером мы сидели одни с Феопомпом в женской комнате, когда раздался грохот. Старый Кнакиас, едва успел подойти к воротам, когда отскочил засов и толпа воинов ворвалась через сени в перистиль [\[97\]](#), из него - в андронитис [\[98\]](#), а оттуда, выломав среднюю дверь, проникла к нам. Бабушка показала им грамоту, в силу которой Амазис приказал считать наш дом неприкосновенным убежищем. Но они иронически засмеялись и показали бумагу с печатью, в которой наследник престола, Псаметих, строжайшим образом приказывал немедленно передать детей Фанеса этой грубой толпе людей. Феопомп побранил воинов за их грубое обращение и сказал, что эти дети, которые гостят у нас, привезены из Коринфа и не имеют никакого отношения к Фанесу. Но начальник воинов стал осыпать достойного человека насмешками и угрозами, дерзко оттолкнул испуганную бабушку, насильно ворвался в ее спальню, где рядом с разными драгоценностями и сокровищами, ей принадлежавшими, в головах ее ложа покоились мирным сном оба ребенка, выхватили их из кроваток и увезли в открытой лодке, холодной ночью, в столицу. Через несколько недель мальчик умер. Говорили, будто Псаметих повелел убить его. Прелестная девочка еще до сих пор томится в одной из мрачнейших тюрем и с плачем призывает отца и нас. О, мой возлюбленный, разве не тяжело видеть, что самое чистое счастье должно непременно быть отравлено горем? Вот эти слезы блаженства в настоящую минуту соединяются со слезами печали, и эти губы, еще недавно смеявшиеся, теперь говорят о таких тяжких страданиях.

- Я сочувствую твоей печали, дитя мое; но не стану подобно тебе, женщине, рассыпаться в жалобах. То, что у тебя вызывает одни горячие слезы, заставляет меня сжимать кулаки для нанесения удара. Очаровательный мальчик, который был тебе так дорог, и девочка, томящаяся в одинокой тюрьме, вскоре будут отомщены. Верь мне! Прежде чем Нил вторично переполнится водой, громадное войско проникнет в эту страну и потребует искупления за это убийство.

- О, дорогой мой, как горят твои глаза! Никогда еще не видела я тебя таким прекрасным и восхитительным. Да, да, за мальчика следует отомстить, и сделать это должен не кто иной, так ты сам!

- Моя кроткая девочка превращается в воинственную женщину!

- И женщинам также следует сражаться там, где торжествует неправда; ведь и женщины ликуют, когда низвергается порок! Но скажи, разве вы уже объявили войну?

- Нет еще, но уже в настоящее время все отряды, один за другим, стягиваются к долине Евфрата, чтобы соединиться там с нашим главным войском.

- Вот теперь мое мгновенно воспламенившееся мужество ослабевает. Я дрожу при одном слове 'война'. Сколько матерей сделает она бездетными, сколько погибнет женщин, когда рассвирепеет Арес [\[99\]](#) и прикроет свои прекрасные головы вдовьими покрывалами; сколько постелей будет обито слезами, когда Паллада [\[100\]](#) взмахнет своим грозным копьем.

- А как возвеличивается мужчина в дикой борьбе, как расширяется его сердце, как укрепляется его рука! Как ликуете вы, женщины, когда возлюбленный герой, осененный славой, возвращается победителем! Жена перса должна радоваться при известии о войне, так как, несмотря на то что жизнь мужа ей дорога, для нее еще дороже его воинская слава!

- Иди же на битву! Тебя будут охранять мои молитвы!

- А правое дело одержит победу. Сперва мы разобьем войско фараона, а затем освободим дочь Фанеса...

- А потом достойного Аристомаха, занявшего место Фанеса, который спасся бегством. Аристомах исчез неизвестно куда. Но говорят, будто наследник престола, раздраженный его угрозами по поводу похищения детей, запер его в мрачную темницу, если - что еще хуже - не велел запрятать в каменоломню. Бедный старик был безвинно изгнан врагами из отечества. В тот самый день, когда мы лишились Аристомаха, на водах Нила появилось посольство из Спарты, возвеличенной подвигами его сыновей, с приглашением ему

возвратиться на родину со всеми почестями, известными в Элладе. Украшенный венками корабль ожидал почтенного старика, а во главе посольства явился его собственный покрытый славой сын.

- Я знаю этого человека с железной твердостью, который изуродовал себя, чтобы избежать бесчестия. Клянусь звездой Анахиты, угасающей вон там, на востоке, что мы отомстим за него!

- О, мой возлюбленный, неужели уже так поздно? Время промелькнуло точно дуновение ветерка, чуть коснувшегося наших лиц и улетевшего дальше. Разве ты не слышишь зова? Да, нас ожидают! Ведь вам следует до наступления дня быть в городе в доме вашего благородного хозяина. До свидания, мой герой!

- Возлюбленная моя, прощай! Через пять дней раздадутся свадебные песни! А ты трепещешь, точно приходится готовиться к войне!

- Я трепещу от необъятности нашего счастья, как человек, невольно трепещущий перед всем необъятным!

- Родопис зовет опять; пойдем! Я просил Феопомпа, как это принято, сговориться со старушкой, где и каким образом будет праздноваться свадьба. Я буду жить неузнанным в его доме по тех пор, пока не увезу тебя с собой в качестве дорогой жены.

- А я всюду последую за тобой!

Когда на следующее утро юноши прогуливались с Феопомпом в его саду, Зопир воскликнул:

- Я всю ночь бредил твоей Сапфо, счастливец Бартия. Никогда еще не было на свете такого чудного создания. Когда Арасп увидит ее, то должен будет согласиться, что она превзошла Пантею! Моя новая жена в Сардесе, которую я считал необыкновенной красавицей, кажется мне теперь какой-то совой! Аурамазда слишком расточителен! Прелестями Сапфо он мог бы наградить трех красавиц. И как очаровательно прозвучали ее прощальные слова, сказанные по-персидски.

- Во время моего отсутствия, - отвечал Бартия, - она старалась выучиться нашему языку от уроженки города Сузы, жены вавилонского торговца коврами, живущей в Наукратисе, и таким образом сделала мне неожиданный сюрприз.

- Она - прелестная девушка! - воскликнул Феопомп. - Моя покойная жена любила ее как родную дочь и охотно женила бы на ней нашего сына, управляющего делами нашего торгового дома в Милете; но боги решили иначе!

Как порадовалась бы моя покойница, если бы могла видеть брачные венки на доме Родопис!

- Разве у вас существует обыкновение украшать цветами жилище невесты? - спросил Зопир.

- Разумеется! - отвечал Феопомп. - Если вы увидите увешанную цветами дверь, то знайте, что там находится невеста; если у дома висит масличная ветвь, то это значит, что там родился мальчик; если же виднеется над дверью шерстяная перевязь, то это знак, что родилась девочка. Посудина с водой, поставленная у дверей, означает близость покойника. Но приближается время рынка, друзья мои! Я должен покинуть вас, так как меня призывают туда важные дела.

- Я отправляюсь с тобой, - воскликнул Зопир, - и закажу венки для дома Сапфо!

- Ага, - расхохотался Феопомп. - Тебе хочется увидаться с цветочницами! Полно, не отговаривайся! Если ты желаешь, то можешь сопутствовать мне, но я прошу тебя быть менее щедрым, чем вчера, и помнить о своем переодевании, которое может сделаться весьма опасным, если будут получены достоверные известия о предстоящей войне.

Эллин приказал рабу привязать себе к ногам сандалии и, в сопровождении Зопира, отправился на рынок; но скоро возвратился. Вероятно, произошли важные вещи, так как этот весельчак вошел к своим друзьям с лицом весьма серьезным.

- Я нашел весь город в величайшем волнении, - начал он рассказывать, - так как разнесся слух о смертельной болезни Амазиса. Едва успели мы собраться на бирже, и я намеревался собрать большие суммы денег быстрой распродажей моих товаров, оказавшихся в большой цене, которая могла понизиться ввиду предстоящей большой войны, между тем как на вырученные вовремя деньги я мог закупить других товаров (заранее сообщенное мне известие о воинственных приготовлениях великого Комбиса может принести мне большую пользу), явился к нам топарх и сообщил, что Амазис не только заболел, но что от него уже отказались все врачи и что он близок к могиле. Мы должны каждую минуту ожидать его смерти и резкого переворота в общественных делах. Смерть этого государя есть самая тяжелая потеря, какая только может постигнуть нас, эллинов, так как он всегда был расположен к нам и при всякой возможности предоставлял нам разные льготы, между тем как его сын, закоснелый враг греков, употребит все средства, чтобы постепенно вытеснить нас из Египта. Он ненавидит Наукратис с находящимися в нем нашими храмами. Если бы ему не мешал его отец и если бы он не нуждался в эллинских

наемниках, то он уже давно изгнал бы из Наукратиса нас, ненавистных пришельцев. Когда умрет Амазис, то весь Наукратис с восторгом примет войска Камбиса; ведь мы по опыту знаем, что вы умеете оказывать уважение и охранять права людей и не персидского происхождения.

- Я позабочусь о том, - сказал Бартия, - чтобы мой брат утвердил все дарованные вам льготы и прибавил к ним еще новые.

- Только бы он поскорее вступил в Египет, - воскликнул эллин. - Мы знаем, что Псаметих при первой же возможности прикажет разрушить наши храмы, возбуждающие в нем ужас и отвращение; ведь постройка эллинского храма в Мемфисе давно уже запрещена.

- Но здесь, - сказал Дарий, - мы видели величественные храмы, когда входили в гавань.

- У нас есть несколько храмов. Но вот идет Зопир в сопровождении моих рабов, несущих за ним груды венков. Улыбка его расплылась по всему лицу: он, вероятно, особенно приятно провел время с цветочницами. Доброго утра, любезный друг! Кажется, ты нисколько не интересуешься печальной новостью, встревожившей весь Наукратис!

- Я желаю Амазису прожить еще сто лет! - воскликнул Зопир. - Но в случае его смерти придется позаботиться о многом другом, кроме его самого. Когда вы отправитесь к Родопис, друзья мои?

- Как только станет смеркаться.

- Так передайте этой благородной женщине все цветы в подарок от меня! Я никогда не думал, чтобы старуха могла до такой степени очаровать меня. Каждое произносимое ею слово звучит точно музыка, и, несмотря на всю свою серьезность и мудрость, оно ласкает наше ухо, подобно веселой шутке. На этот раз я не стану сопровождать тебя, Бартия, так как буду тебе только помехой. А ты, Дарий, как решил?

- Мне не хотелось бы упустить случай побеседовать с Родопис.

- Совершенно понимаю тебя. Ты должен знать и изучить все, а я стремлюсь всем насладиться! Дайте мне отпуск на сегодняшний вечер, друзья мои! Вот видите ли...

- Я знаю все! - со смехом прервал Бартия легкомысленного юношу. - Ты до сих пор видел цветочниц только при дневном свете и интересуешься, какой вид они имеют при вечернем освещении!

- Это правда! - воскликнул Зопир, делая серьезную мину. - В этом отношении я так же любознателен, как и Дарий.

- В таком случае, мы желаем тебе приятно провести время с тремя сестрами!
- Нет, не с тремя, а только с младшей - Стефанионой!

Когда Бартия, Дарий и Феопомп покинули дом Родопис, уже мерцал рассвет. Благородный эллин Силосон, брат Поликрата, изгнанный тираном из отечества, провел с ними вечер и теперь вместе с ними возвращался в Наукратис, где жил уже несколько лет.

Этот человек, которого брат оставлял в изгнании, но щедро снабжал деньгами, жил в Наукратисе очень открыто и был известен как своим широким гостеприимством, так и своей силой и ловкостью. Кроме того, Силосон отличался красотой и роскошью своей одежды. Все юноши в Наукратисе считали за особую честь подражать покрою его платья и его способу драпироваться. Будучи холостым, он проводил много вечеров в доме Родопис, считавшей его одним из лучших своих друзей и посвятившей его в тайну своей внучки.

В тот вечер было решено, что свадьба состоится через четыре дня в тайне. Бартия уже разделил квиттовое яблоко со своей возлюбленной, которая в тот же день принесла жертвы Зевсу, Гере и другим богам - покровителям брака, и посредством этой церемонии они формально обручились. Теперь Силосон взял на себя обязанность позаботиться о певцах Гименея и факелоносцах. Брачное пиршество предполагалось совершить в доме Феопомпа, считавшемся домом жениха. Драгоценные свадебные подарки царевича были уже переданы Родопис, так как Бартия отказался от отцовского наследства своей возлюбленной и передал его Родопис, которая также настоятельно отказывалась принять его.

Силосон проводил друзей до дома Феопомпа и собирался проститься с ними, как вдруг, среди ночной тишины, царившей на улицах, раздался страшный шум, и вскоре появился египетский патруль, который вел в тюрьму какого-то связанного человека. Арестованный, по-видимому, был сильно разгневан и входил все в больший азарт, чем менее патрульные обращали внимание на его ломаный греческий язык и на проклятия, произносимые на неизвестном для них языке.

Едва только Бартия и Дарий услышали голос арестованного, как бросились к нему и узнали в нем Зопира.

Силосон и Феопомп тотчас же остановили патруль и спросили начальника, что сделал арестант. Так как все, начиная с детей, знали в Наукратисе Феопомпа

и брата Поликрата, то главный из патрульных поклонился им и рассказал, что юноша-иноземец совершил убийство.

Тогда Феопомп отвел в сторону начальника патруля и пообещал ему все, что только мог, лишь бы он согласился освободить арестованного, но не мог добиться от египтянина ничего, кроме позволения переговорить с Зопиром.

Когда друзья очутились с ним лицом к лицу, то попросили его рассказать поскорее, что случилось с ним, и узнали, что легковверный юноша при наступлении ночи отправился к цветочницам, оставался у Стефанионы до наступления утра и затем вышел на улицу. Едва затворил он за собой дверь, как на него напало несколько молодых людей, по всей вероятности подкарауливавших его. С одним из них, назвавшимся женихом Стефанионы, у него еще утром завязался спор. Девушка попросила назойливого обожателя удалиться от ее цветов и поблагодарила Зопира, когда тот грозил отколотить его. Как только Ахеменид увидел, что на него нападают, он выхватил меч и стал слегка отмахиваться от нападающих, вооруженных одними палками; но имел несчастье так сильно ранить ревнивца, с ожесточением на него нападавшего, что тот грохнулся наземь. В это время приблизился патруль и хотел схватить Зопира, жертва которого жалобно вопила, называя его 'разбойником и убийцей'; но он и не помышлял столь дешево продать свою свободу. Подстрекаемый опасностью, воинственный перс бросился с поднятым мечом на окружившую его стражу и уже проложил себе дорогу, когда подошел второй патруль и напал на него вместе с прежним.

Снова взмахнул он мечом, который на этот раз разрубил череп египтянину. Второй удар ранил одного воина в руку, но когда Зопир в третий раз замахнулся своим мечом, он почувствовал, что ему на шею наброшена петля, которая сдавливала ее все более и более.

Он тут же стал задыхаться и лишился чувств. Придя в себя, он увидел, что связан, и должен был, несмотря на предъявленный паспорт, последовать за стражей.

Окончив свой рассказ, он получил строгий выговор от Феопомпа, который стал доказывать ему, что его несвоевременный воинственный азарт может иметь самые печальные последствия. Затем он вторично обратился к начальнику патруля и просил его принять поручительство его, Феопомпа, за арестанта; но тот серьезно отверг всякое посредничество и уверял, что такое снисхождение к убийце может стоить ему собственной жизни; ведь в Египте существует закон, грозящий смертью укрывателю убийцы. Начальник патруля уверял, что должен немедленно представить преступника в Саис и передать там номарху для наказания. 'Он убил египтянина, - заявил он в заключение, - и

потому должен быть приговорен к казни египетским верховным судом. Во всяком другом случае я с удовольствием окажу всевозможные услуги'.

Во время этих переговоров Зопир разговаривал с друзьями и просил их не беспокоиться о нем.

- Именем Митры клянусь вам, - воскликнул он, когда Бартия хотел открыть их настоящее звание, чтобы выхлопотать ему свободу, - что я немедленно всажу себе меч в сердце, если вы из-за меня отдадитесь в руки этим египетским собакам. Слух о предстоящей войне уже распространился по всему городу. Как только Псаметих узнает, какие драгоценные птицы попались ему в сеть, то он, не долго думая, захлопнет ловушку и оставит вас у себя в виде заложников. Да ниспошлет вам Аурамазда счастье, благословение и чистоту! Прощайте, друзья мои, и вспоминайте иногда о веселом Зопире, который жил для войны и любви и из-за войны и любви идет на смерть!

Между тем начальник занял свое место во главе патруля и отдал приказание идти дальше.

Несколько минут спустя Зопир скрылся из вида своих друзей.

Х

По египетским законам, Зопира должны были приговорить к смертной казни.

Как только его друзья узнали это, они твердо решили отправиться в Саис и хитростью освободить узника. Силосон, имевший знакомых в столице и хорошо владевший египетским языком, добровольно предложил свои услуги в этом деле.

Став неузнаваемыми даже для друзей при помощи окрашенных бровей и волос, войлочных шляп с широкими полями и получив от Феопомпа простые эллинские одежды, Бартия и Дарий сошлись с роскошно одетым Силосоном на берегу Нила через час после ареста Зопира, сели в лодку, принадлежавшую их новому другу, где гребцами были его же рабы, и после непродолжительного плавания, ускоренного попутным ветром, прибыли в Саис, возвышавшийся наподобие острова из лона вод, затопивших луга.

Они пристали к берегу у пустынного места и появились в квартале ремесленников, которые, несмотря на страшный полуденный зной, прилежно занимались своими делами.

На открытом дворе булочной виднелись работники, месившие грубое тесто ногами, а более нежное - руками. Из печей вынимали хлебы всевозможных форм и размеров; круглые и овальные ковриги, печенья в виде баранов, улиток и сердец укладывались в корзины. Проворные мальчишки ставили себе на головы по три, по четыре и по пять таких корзин и с величайшим проворством и

поспешностью уносили их к покупателям, живущим в других частях города. Мясник убивал у себя в доме быка, ноги которого были связаны, а его подмастерья точили свои ножи, чтобы разрезать на части дикую козу. Веселые башмачники зазывали проходящих из глубины своих лавок; каменщики, портные, столяры и ткачи прилежно занимались своим делом.

Жены ремесленников, ведя за руку нагих детей, выходили на улицу из своих домов за покупками, тогда как воины подходили к продавцу вина и пива, расположившемуся на улице со своим хмельным товаром.

Наши друзья обращали мало внимания на все происходившее вокруг и молча следовали за Силосоном, который попросил их подождать там, где находился караул эллинских наемников.

Самосец случайно оказался знаком с дежурным таксиархом и осведомился у него, не слышал ли он об убийце, привезенном из Наукратиса.

- Разумеется, - проговорил эллин, - его привезли сюда не более получаса тому назад. У него на поясе нашли целый мешок денег и вообще его считают персидским согладатаем. Ведь ты знаешь, что Камбис собирается идти войной на Египет?

- Невозможно!

- Это совершенная правда! Фараону это уже известно. Аравийские купцы, караван которых прибыл в Пелузиум, привезли эту новость.

- Которая окажется столь же ложной, как и подозрения против лидийца. Он происходит из богатейшего сардесского дома; но он бежал на Сардеса вследствие разногласий, возникших между ним и персидским сатрапом Ороэтом, который стал преследовать его своей ненавистью. Я подробно расскажу тебе всю эту историю, как только ты посетишь меня в Наукратисе. Ты, разумеется, останешься у меня в доме на несколько дней и привезешь с собой нескольких друзей. Мой брат прислал мне из Самоса вино, которое превосходит все, что тебе когда-либо приходилось пробовать. Только такому изящному вкусу, как твой, предоставлю я этот божественный напиток!

Лицо таксиарха просветлело, когда он, схватив руку Силосона, воскликнул:

- Клянусь собакой, друг мой, мы не заставим тебя долго ожидать нас и усердно примемся за твои мехи с вином! А нельзя ли будет пригласить к ужину Архидикею, трех сестер-цветочниц и нескольких флейтисток?

- Приглашу всех! А при этом мне пришло на память, что бедный молодой лидиец сидит под арестом из-за сестер-цветочниц. Ревнивый дурень напал на

него у дверей их дома с несколькими товарищами. Мой лидийский герой стал защищаться...

- И сбросил наземь нападавшего?

- Да, но так, что он никогда уже не встанет.

- У молодца, должно быть, здоровенный кулак.

- При нем был меч.

- Тем лучше для него.

- Нет, тем хуже, так как сраженная им жертва - египтянин.

- Это глупая история, которая кончится скверно! Иностранец, лишивший жизни египтянина, должен умереть так же несомненно, как человек, у которого на шею уже накинута веревка. Впрочем, у него впереди будет несколько дней отсрочки. Все жрецы заняты молитвами об умирающем царе, и у них нет времени для производства суда.

- Дорого бы я дал, чтобы помочь бедняку. Я знаком с его отцом.

- Да и если разобрать дело, то ведь он сделал только то, что следовало. Ведь нельзя же позволять колотить себя!

- А ты знаешь, в какой темнице сидит бедный юноша?

- Разумеется. Большая тюрьма перестраивается, поэтому его на время поместили в сарай, отделяющий главную караульную египетской дворцовой стражи от рощи храма Нейт. Я возвращался домой, когда беднягу отводили туда.

- Он смел и силен. Не мог бы он спастись бегством, если бы ему была оказана помощь?

- Ни в коем случае! Отведенное ему помещение находится на втором этаже, а единственное окно выходит в рощу богини, окруженную, как тебе известно, стенами в десять футов высоты и охраняемую подобно сокровищнице. У всех ворот стоят двойные караулы. Только там, где вода оmyвает стену, во время наводнения, разумеется, не нужно ставить часовых. Поклонники животных осторожны, как...

- Жаль, что приходится предоставить беднягу его судьбе. Будь здоров, Демонес, и не забывай моего приглашения!

Самосец вышел из караульной и тотчас же присоединился к друзьям, с нетерпением ожидавшим его и выслушавшим его рассказ с величайшим вниманием.

Когда эллин закончил описание тюрьмы, Дарий воскликнул:

- Мне кажется, что при некоторой смелости мы можем спасти Зомира. Он цепок, как кошка, и силен, как медведь. У меня в голове уже созрел план.

- Сообщи его нам, - предложил Силосон.

- Мы накупим веревочных лестниц, веревок и запасемся хорошим луком, сложим все это в лодку и в сумерки отправимся к тому месту стены храма, где нет стражи. Вы поможете мне перелезть через нее. Я возьму с собой все купленные предметы, закричу по-орлиному, Зомир тотчас узнает меня по этому крику: мы с детства всегда перекликались таким образом во время охоты и разных поездок, выстрелю из лука, направив стрелу с веревкой прямо в его окно (мне никогда не случалось промахнуться), крикну другу, чтобы он спустил конец веревки, навязав на него что-нибудь тяжелое, прикреплю к веревке лестницу, Зомир втащит ее к себе, прикрепит к железному гвоздю, который будет поднят вверх вместе с лестницей, так как неизвестно, найдется ли у него в помещении какой-нибудь предмет, к которому можно было бы прикрепить ее; Зомир спустится вниз, поспешит со мной к тому месту у стены, где вы будете ожидать с лодкой, перелезет через стену с помощью веревочной лестницы, которая должна будет висеть там, прыгнет в лодку и будет спасен!

- Просто великолепно! - воскликнул Бартя.

- Но очень опасно! - прибавил Силосон. - Если нас схватят в священной роще, то мы не избежим тяжкого наказания. По ночам жрецы совершают там особенно таинственные празднества, при которых всякому непосвященному не дозволено присутствовать. Впрочем, говорят, что это совершается на озере, которое находится в значительном расстоянии от тюрьмы Зомира.

- Тем лучше, - воскликнул Дарий, - а теперь надобно говорить о самом важном. Мы должны поскорее попросить Феопомпа нанять для нас быстроходную триеру и приготовить ее к отплытию. Весть о воинственных приготовлениях Камбиса уже дошла сюда; нас считают за соглядатаев и станут преследовать Зомира и его освободителей всевозможными средствами; поэтому нам было бы грешно подвергать себя излишним опасностям. Ты, Бартя, должен еще сегодня жениться на Сапфо, так как завтра нам необходимо во что бы то ни стало покинуть Наукратис. Не противоречь, мой друг, мой брат! Ведь тебе известен наш план, и ты знаешь, что при попытке освобождения, которую может совершить только один из нас, на твою долю выпала бы роль праздного зрителя. Я разработал этот план и не позволю никому иному привести его в исполнение! Завтра мы опять увидимся, так как Аурамазда покровительствует дружбе чистых сердец.

Бартия долго противился, не желая оставить без помощи своих товарищей; но наконец уступил общим просьбам и увещаниям и направился к реке, чтобы нанять лодку для возвращения в Наукратис, пока Силосон и Дарий станут запасаться снаряжением для бегства Зомира.

Чтобы добраться до того места, где находились наемные лодки, Бартии предстояло пройти мимо храма Нейт. Это было не легко исполнить, так как народ сплошными массами толпился у входных ворот жилища богов. Когда Бартия пробрался от стоявших у ворот храма людей до обелисков, украшенных крылатым диском солнца и развевающимися флагами, он был задержан слугами жрецов, наблюдавшими за тем, чтобы окаймленная сфинксами дорога для шествия оставалась свободной. Громадные крылья ворот распахнулись, и Бартия, совершенно против воли выдвинутый напором толпы в передний ряд зрителей, увидел блистательное шествие, выходившее из храма. Вид многих лиц, знакомых ему по прежней поездке, до такой степени поглотил все его внимание, что он почти не заметил исчезновения своей шляпы с широкими полями, которую с него сорвали в толпе. Из разговоров двух стоявших позади него ионийских наемников он понял, что семейство Амазиса находилось в храме для совершения молитв и жертвоприношений за умирающего царя.

Богато украшенные жрецы в шкурах пантер или длинных белых одеяниях шли впереди процессии. За ними следовали придворные чины, которые несли золотые жезлы, украшенные на концах павлиньими перьями и серебряными цветами лотоса. Затем появились пасторы, несшие на плечах золотую корову - животное, посвященное Исида. После того как толпа преклонилась перед этой святыней, приблизилась царица в одежде жрицы, с богатым головным убором в виде крылатого коршуна богини Нехебт; она держала в левой руке священный золотой систр [\[101\]](#), звуки которого должны были отгонять злых духов, приносящих несчастье, а в правой - цветы лотоса. За царицей следовали жена, дочь и сестра верховного жреца в подобных же, но менее драгоценных украшениях. За ними шел наследник престола, облаченный в богатый праздничный наряд. Позади него четыре молодых жреца в белых одеждах несли Тахот, дочь Амазиса и Ладикеи, мнимую сестру Нитетис. На щеках больной появился легкий румянец, вызванный пламенной молитвой и знойной атмосферой летнего дня. Ее голубые глаза, отуманенные слезами, были устремлены на систр, который едва были в состоянии держать ее слабые, исхудалые руки.

Шепот участия пронесся в толпе. Народ относился к умирающему царю с величайшей любовью и чувствовал к его больной юной дочери то сострадание, которое всегда выпадает на долю угасающей молодой жизни, в особенности если умирающее существо было рождено для величия и могущества. На глазах

многих показались слезы при появлении прекрасной страдальцы, и Тахот, по-видимому, заметила участие людей, так как она подняла глаза от систра и с выражением ласки и благодарности взглянула на толпу. Но вдруг румянец на ее щеках угас, его сменила сильная бледность, а золотой инструмент, скользя из ее рук, со звоном ударился о плиты мостовой, у самых ног Бартии. Юноша почувствовал, что он узнан, в его уме мелькнула мысль - не следует ли ему спрятаться за соседей, но нерешительность его продолжалась только одно мгновение, так как рыцарские понятия юного героя взяли верх над осторожностью. С быстротой молнии он бросился к систру и, не думая об опасности быть узнанным, подал его больной дочери царя.

Прежде чем принять из его рук золотой инструмент, Тахот вопросительно поглядела на него, затем пролепетала так, что он один мог расслышать:

- Ведь ты Бартия? Именем матери твоей спрашиваю тебя, Бартия ли ты?

- Я - Бартия, - ответил он тихо, - твой друг Бартия.

Больше он ничего не мог сказать, так как храмовые служители оттерли его к толпе. Снова очутившись на своем месте, он заметил, что Тахот, носилки которой снова двинулись за шествием, еще раз оглянулась в его сторону. На ее щеках снова показался румянец, и ее сверкавшие глаза искали возможности встретиться с его взглядом. Он не избегал взоров больной, потом нагнулся, чтобы поднять бутон лотоса, который она бросила ему, и насильно проложил себе путь среди толпы, внимание которой обратил на себя своей опрометчивостью.

Спустя четверть часа он сидел в лодке, мчавшей его к Сапфо, на свадьбу. Его беспокойство относительно Зомира улеглось, он считал его уже спасенным. Несмотря на все окружавшие его опасности, сердце Бартии было переполнено необъяснимым, безграничным чувством радости.

Между тем больная Тахот, возвратясь домой, сбросила с себя стеснявший ее праздничный наряд и приказала вынести себя, вместе со своим ложем, на высокую платформу замка, где она любила проводить самое жаркое время дня под тенью широколиственных растений и полотняного навеса, натянутого наподобие шатра.

Оттуда она могла обозревать большой, обсаженный деревьями передний двор дворца, который в этот день пестрел одеждами жрецов и придворных, военачальников и номархов. На всех лицах выражалось тревожное напряжение, так как смертный час Амазиса быстро приближался.

Тахот, напрягавшая слух в лихорадочном ожидании, никем не замеченная, слышала многое из того, что говорилось и обсуждалось внизу.

Теперь, когда приходилось опасаться близкой кончины царя, все, даже жрецы, осыпали его похвалами. Превозносили мудрость и смелость его нововведений, обдуманность правительственных мер, его трудолюбие, всегда проявляемую им умеренность и его замечательное остроумие.

- Как увеличилось благосостояние Египта под его скипетром! - сказал один номарх.

- Какой славой покрыл он наше оружие при завоевании Кипра и войны с ливийцами! - воскликнул один из военачальников.

- Как роскошно украшал он наши храмы, как высоко чтит он нашу богиню в Саисе! - прибавил певчий храма Нейт. - Как он был снисходителен и милостив!

- Как искусно он умел сохранять мир с могущественнейшими государствами! - сказал начальник писцов, между тем как казначей, утирая слезу, воскликнул:

- И как мудро он умел распоряжаться доходами страны! Со времен Рамсеса III палаты казнохранилища не были полны так, как теперь!

- Псаметих может надеяться на большое наследство, - прошептал придворный, а воин воскликнул:

- Но вряд ли он употребит его на славные дела; наследник престола никогда не пойдет против воли жрецов!

- Ты ошибаешься, - возразил певчий, - уже с давних пор наш господин, по видимому, презирает советы своих вернейших слуг!

- После подобного отца, - воскликнул номарх, - трудно будет приобрести себе всеобщую признательность. Не всякому ниспосылается высокий ум, счастье и мудрость Амазиса!

- Про то ведают боги! - прошептал воин.

Тахот слышала все это и не сдерживала потока слез, лившихся у нее из глаз. То, что до сих пор скрывали от нее, подтверждалось: она должна была скоро лишиться своего возлюбленного отца.

После того как эта ужасная действительность представилась ей во всей ясности и она напрасно умоляла служанок отнести ее к постели больного, она не стала уже прислушиваться к разговорам придворных и, ища утешения, посмотрела на сistr, поданный ей Бартией и взятый ею с собой на платформу. И она нашла то, что искала, так как ей показалось, что звуки золотых колец священного инструмента унесли ее из этого мира в какую-то сказочную, озаренную солнцем страну.

Та слабость, похожая на обморок, которая так часто проявляется у чахоточных, овладела больной и скрасила последние часы ее жизни приятными сновидениями.

Рабыни, которые опахалами и веерами отмахивали мух от дремавшей девушки, уверяли впоследствии, что никогда не видели Тахот такой прекрасной и очаровательной, как тогда.

Так прошло около часа. Вдруг ее дыхание стало тяжелым и хриплым, слабый кашель поколебал грудь и поток яркой крови хлынул изо рта на белую одежду. Тут больная проснулась и с удивлением и разочарованием взглянула на присутствующих. Увидев свою мать, Ладикею, которая в эту минуту вошла наверх, она снова улыбнулась и сказала:

- О мать моя, какие сладостные сны я видела!

- Итак, путешествие в храм имело хорошие последствия для моего дитя? - спросила царица, с содроганием заметившая капли крови на губах больной.

- Да, матушка; ведь я снова видела его!

Ладикея с испугом взглянула на служанок своей дочери, точно собираясь спросить: 'Неужели уже пострадали и умственные способности вашей госпожи?'

- Ты думаешь, матушка, что я заговариваюсь? Но, право, я не только видела его, но даже говорила с ним. Он подал мне сistr и сказал, что он - мой друг. Потом он поднял брошенный мной бутон лотоса и исчез в толпе. Не гляди на меня с такой грустью и удивлением, матушка; я говорю истинную правду: я видела все это на самом деле. Тентрут также заметила его! Он, наверно, прибыл в Саис ради меня, и детский оракул в преддверии храма не обманул меня! Теперь я уже не чувствую никакой болезни, и я видела во сне, что лежу на цветущем маковом поле, таком же ярко-красном, как кровь молодых ягнят, приносимых в жертву, и Бартия сидел рядом со мной, а Нитетис стояла возле нас на коленях и играла удивительные песни на набле [\[102\]](#) из слоновой кости. И даже в воздухе раздавалась такая дивная музыка, что сердце замирало от восторга, как будто меня целовал бог Гор. Да, я говорю тебе, матушка, что он скоро придет, и если я выздоровею, тогда, тогда, ах! Матушка, я умираю!

Ладикея опустилась на колени у ложа дочери и покрыла горячими поцелуями застывшие глаза девушки.

Час спустя она стояла у другого ложа смертного одра, своего мужа.

Черты царя были обезображены тяжелыми страданиями, холодный пот выступил у него на лбу, и руки судорожно сжимали золотых львов, представлявших собой боковые ручки глубокого кресла, в котором он покоился.

Когда Ладикея вошла в комнату, он открыл глаза, которые все еще сверкали и бросали вокруг быстрые и выразительные взоры.

- Отчего ты не приведешь ко мне Тахот? - спросил он.

- Она слишком больна и слаба, чтобы...

- Она умерла! Ей теперь хорошо, так как смерть не наказание, а конечная цель жизни, единственная цель, достигаемая нами без труда, но одним богам известно, с какими страданиями. Ра везет ее в своей барке вместе с праведными, и Осирис примет ее, так как она была безгрешна. И Нитетис также умерла. Где письмо Небенхари? Там сказано: 'Она сама лишила себя жизни и, умирая, послала сильное проклятие тебе и твоему семейству. Это известие, столь же достоверное, как и ненависть моя к тебе, посылает из Вавилона в Египет бедный, изгнанный, осмеянный и ограбленный глазной врач'. Вслушайся в эти слова, Псаметих, и позволь твоему умирающему отцу сказать, что всякое незаконное дело, доставляющее тебе здесь на Земле драхму наслаждений, в смертный час твой падет на тебя с тяжестью целого таланта. Из-за Нитетис на Египет обрушится страшное несчастье. Аравийские купцы сказали правду. Камбис вооружает свои войска, чтобы обрушиться на Египет подобно раскаленному самому пустыни. Многие из того, что создано мной, чему я посвящал свои бессонные ночи и все свои жизненные силы, будет уничтожено. Но все-таки я жил не напрасно, так как в течение сорока лет был заботливым отцом и благодетелем огромного народа. Правнуки будут вспоминать об Амазисе как о великом, мудром и человеколюбивом царе, а на моих постройках в Саисе и Фивах с удивлением прочтут имя их строителя и восхвалят силу его могущества! Да, Осирис и сорок два судьи в преисподней не произнесут надо мной гневного приговора, а богиня истины, обладательница весов, найдет, что мои добрые дела имеют перевес над дурными.

Царь вздохнул и долгое время молчал. Наконец он взглянул на свою жену с искренней нежностью и заговорил снова:

- Ты, Ладикея, была мне верной, добродетельной женой. Благодарю тебя за это и во многом прошу у тебя прощения. Часто нам случалось не понимать друг друга. Сознаюсь, что мне было легче свыкнуться с особенностями твоего народа, чем тебе уразуметь египетский образ мыслей. Ты знаешь, как высоко я ценю искусство твоих соотечественников, как охотно я вел знакомство с твоим другом Пифагором, посвященным во все тайны наших познаний и верований и с удовольствием усваивавшим многое из них. Он, который постиг всю глубину мудрости учений, кажущихся мне священнее всего другого, известного мне, остерегался издеваться над истинами, которые жрецы слишком тщательно скрывают от народа. Этот народ охотно преклоняется перед непостижимым и

теми, которые возвещают его; но не было ли прекраснее и благороднее научить всех постигать истину и поднять народ вместо того, чтобы поработать его? Разумеется, таким образом жрецы имели бы менее послушных рабов, но боги приобрели бы себе более свободных и достойных почитателей. Ты, Ладикей, могла менее всего освоиться с нашим поклонением животным; но я нахожу, что справедливее и гораздо более достойно человека поклоняться Творцу и его творениям, чем каменным изображениям. К тому же все ваши боги подвержены человеческим слабостям, и я уверен, что моя царица считала бы себя очень несчастной, если бы я вздумал вести такой образ жизни, какой вел Зевс.

При этих словах царь улыбнулся, затем продолжал:

- Но знаешь ли ты, отчего это происходит? Эллины ставят выше красоту форм; поэтому, считая тело прекраснейшим из всего созданного, они не могут отделить его от души, хотя и уверяют, что прекрасный дух непременно должен жить в прекрасном теле. Поэтому их боги суть не что иное, как возвысившиеся люди, между тем как мы признаем божество в природе и в себе самих в виде бесплотной действующей силы. Между ней и человеком стоит животное, которое не действует подобно нам не по человеческим законам, а по вечным законам природы. Ибо человеческие законы придуманы людьми, а законы происходят от божества. Кто же из нас стремится к свободе, величайшему благу, так сильно, как животные? Кто из нас без всяких наставлений и указаний живет так равномерно из поколения в поколение, как они?

Тут голос царя оборвался, и он продолжал уже после небольшой паузы:

- Я чувствую, что близится мой конец, поэтому не стану больше говорить об этих вещах. Выслушай, мой сын и наследник, мою последнюю волю. Действуй сообразно ей, так как ты слышишь теперь голос опытности. Но увы, я в течение своей долгой жизни беспрестанно видел, что все правила жизни, которыми напутствуют нас другие, оказываются совершенно бесполезными для нас. Ни одному человеку не удастся приобрести опытность для другого. Только наши собственные утраты делают нас осторожными, только нами самими пройденная школа умудряет нас! Ты, сын мой, вступаешь на трон в зрелом возрасте и имел достаточно времени размыслить о правом и несправедливом, о полезном и вредном, увидеть и сравнить разнородные вещи. Поэтому я не даю тебе никаких общих наставлений и ограничусь тем, чтобы напутствовать тебя кое-какими отдельными советами, могущими принести тебе пользу. Я подаю их тебе правой рукой, но опасаясь, что с твоей стороны они будут приняты левой. Прежде всего, да будет известно, что в последние месяцы я, несмотря на свою слепоту, не совсем безучастно следил за твоим образом

действий и с намерением позволял тебе распоряжаться по твоему усмотрению. Родопис однажды рассказывала мне басню своего учителя Эзопа:

'Путник встретился с одним человеком и спросил его, сколько понадобится ему времени, чтобы добраться до ближайшего города. 'Иди, иди', - отвечал спрошенный. 'Но ведь я хочу узнать - когда буду в городе'. - 'Иди, иди!' - Путник удалился возмущенный, разражаясь проклятиями. Когда он прошел несколько шагов, то человек, которого он ругал, воротил его назад и сказал: 'Тебе понадобится час времени, чтобы добраться до города. Я не мог дать настоящего ответа на вопрос, прежде чем не увидел, как ты идешь'.

Для твоей собственной пользы я принял в соображение эту басню и молча наблюдал за принятым тобой способом управления, чтобы быть в состоянии сказать тебе, идешь ли ты слишком скоро или слишком медленно. Теперь я узнал то, что хотел знать, и в придачу к своим наставлениям скажу тебе вот что: 'Расследуй все сам!' Каждый человек, а в особенности царь, должен сам обсуждать все касающееся тех, о благосостоянии которых он обязан заботиться. Ты, сын мой, смотришь на весьма многое чужими глазами, слушаешь чужими ушами и обращаешь слишком мало внимания на первоначальный источник. Твои советники, жрецы, имеют в виду добрые цели, - но... Нейтотеп, я прошу тебя на некоторое время оставить нас одних.

Как только верховный жрец удалился, царь воскликнул:

- Они стремятся к добру, но только к тому, которое хорошо для них! Мы - цари не жрецов и вельмож, а властители народа. Поэтому не слушай советов только этой гордой касты, а старайся сам лично расследовать все, прочитывая все просьбы, назначая верных, преданных тебе и любимых народом номархов и стараясь узнать, в чем нуждаются египтяне, чего они ожидают, что для них необходимо. Когда тебе будет хорошо известно положение дел в стране, тогда будет не трудно хорошо управлять ею. Выбирай только благонамеренных должностных лиц; я позаботился о разделении государства, а наши законы оказались хорошими в применении. Держись их, не верь никому, кто хочет казаться мудрее закона, так как закон всюду и везде оказывается мудрее отдельной личности, а преступающий закон заслуживает наказания. Это никто не чувствует так сильно, как сам народ, который тем радостнее жертвует собой для нас, чем охотнее мы приносим в жертву закону нашу личную волю. Ты же не хочешь знать народа. Правда, его голос бывает иногда резок, но в большинстве случаев служит выражением весьма здравых воззрений; в нем нет лжи, а никому так не нужна правда, как царю. Фараон, охотно слушающий жрецов и придворных, услышит более всего лести; тот же, кто старается исполнить желания народа, будет много страдать от окружающих, но почувствует удовлетворение в глубине души и на его долю выпадут похвалы

потомства. Я часто делал ошибки в своей жизни, однако египтяне станут оплакивать меня, так как я всегда знал их потребности и с заботливостью отца старался устроить их благосостояние. Царю, понимающему свои обязанности, легко приобрести любовь народа, трудно заручиться одобрением вельмож и почти невозможно удовлетворить ту и другую сторону. Повторяю тебе, помни всегда, что ты и жрецы существуете для народа, а не народ существует для тебя и жрецов. Уважай религию ради нее самой и в качестве существенной опоры, на которой покоится подчинение народа царям; однако давай заметить глашатаям религии, что ты смотришь на них не как на вместилища божества, а как на его слуг. Они сумели в глазах народа поставить себя самих выше божества и сделать из египтян послушных рабов касты жрецов, а не поклонников божества. Этой работе, длившейся целые тысячелетия, не может оказать сопротивление никакая царская власть, но мы можем воспрепятствовать им в том случае, если они вздумают подчинить жизнь государства своим отдельным конкретным целям. Поверь мне, сын мой, что каста жрецов ежечасно готова нанести вред всему государственному строю и даже вконец разрушить его, лишь только заметит, что ее могуществу угрожает опасность.

- Придерживайся старины, как повелевает закон; но никогда не препятствуй разумным новшествам проникать в твоё царство. Легкомысленные люди быстро отрекаются от всего установившегося; глупцы находят хорошим и достойным подражания все иноземное и новое; люди ограниченные или пользующиеся привилегиями себялюбцы безусловно придерживаются старины и всякое движение вперед называют грехом; мудрецы же стараются удержать то, что оказалось хорошим вследствие долголетнего опыта, устранить поврежденное и принимать все хорошее, откуда бы оно ни происходило. Действуй сообразно этому, сын мой! Жрецы будут тянуть тебя назад, эллины увлекать вперед, тебе ни под каким видом не следует стоять посередине и сегодня уступать одним, а завтра другим. Тот, кто захочет сидеть на двух стульях сразу, непременно окажется на полу. Пусть одна партия будет твоим другом, а другая - врагом, потому что если ты вздумаешь ладить с обеими, то они обе очень скоро сделаются твоими врагами. Люди созданы таким образом, что они ненавидят того, кто делает добро их противникам. В последние месяцы твоего самостоятельного управления государством ты своим пагубным колебанием то в одну, то в другую сторону оскорбил обе партии. Кто, подобно детям, попеременно то идет вперед, то пятится назад, тот поздно достигает цели и преждевременно утомляется. Я держал сторону эллинов и противодействовал жрецам до тех пор, пока не почувствовал приближение смертного часа. Среди кипучей ежедневной деятельности храбрые и умные греки казались мне особенно полезными; с приближением смерти я имею нужду в тех, которые

выдают пропускные грамоты для отправления в преисподнюю. Да простят мне боги, что я даже в смертный час не могу воздержаться от столь легкомысленных слов. Они создали меня таким, и поэтому должны и принять меня таким, каков я есть. Я потирал себе руки, сделавшись царем; а ты положи руку на сердце, вступая на престол! Позови опять Нейтотепа: я должен сказать еще кое-что вам обоим.

Когда верховный жрец подошел к царю, тот протянул ему руку и проговорил:

- Я без всякого неудовольствия расстанусь с тобой, хотя нахожу, что ты умел исполнять свои обязанности лучше в качестве жреца, чем сына своей отчизны и слуги своего царя. Вероятно, Псаметих станет охотнее, чем я, слушаться тебя; но об одном я умоляю вас: не отпускайте греческих наемников прежде, чем с их помощью вы не окончите войну с персами и, по всей вероятности, победите их! Мое давнишнее предсказание не может иметь веса; когда приходится умирать, то хорошее расположение духа исчезает и многое представляется в мрачном свете. Без вспомогательных войск вы окончательно погибнете; а с их помощью египетским войскам будет еще возможно одержать победу. Будьте благоразумны, убедите ионийцев, что они на берегах Нила будут сражаться за свободу своей родины. Победоносный Камбис не удовольствуется Египтом, тогда как победа над персами может возвратить свободу томящимся в рабстве ионийцам. Я знал, что ты согласишься со мной, Нейтотеп, так как ты все-таки желаешь добра Египту. Теперь прошу тебя прочитать мне священные молитвы. Я чувствую сильное утомление; скоро будет всему конец. Если бы я только мог позабыть о бедной Нитетис! Имела ли она право проклинать нас? Судьи в преисподней и Осирис, да умиласердятся над нашими душами! Садись сюда, Ладикей, и положи свою руку на мой горячий лоб; ты же, Псаметих, поклянись при свидетелях, что ты будешь почитать и уважать свою мачеху так же, как если бы ты был ее родным сыном. Бедная женщина! И тебе следует поскорее соединиться со мной на лоне Осириса. Что тебе делать на Земле без мужа и детей? Мы вырастили и воспитали Нитетис, точно родную дочь, однако же из-за нее посылается такое тяжкое наказание. Но ее проклятие относится только к нам одним; оно не падает ни на тебя, Псаметих, ни на твоих детей. Теперь принесите ко мне моего внука. Кажется, у меня выкатилась слеза. Ведь обычно бывает тяжелее всего расставаться с маленькими вещами, к которым привыкнешь!

В тот же самый вечер новый гость прибыл в дом Родопис; это был Каллиас, сын Фениппа, с которым мы уже знакомы, как с рассказчиком, повествовавшим о ходе олимпийских игр.

Веселый афинянин только что приехал из своего отечества и в качестве старого испытанного друга был с радостью принят старушкой и посвящен в домашнюю тайну.

Старый раб Кнакиас уже два дня тому назад снял флаг, означающий, что Родопис принимает гостей; но зная, что Каллиас всегда считается дорогим гостем у его госпожи, он немедленно ввел его к ней, в то же самое время отказывая другим посетителям.

Много новостей порассказал афинянин, и наконец, когда Родопис удалилась по делам, он повел свою любимицу Сапфо в сад, чтобы вместе с ней, шутя и подтрунивая над ней, поджидать жениха, прибытие которого ожидалось с величайшим нетерпением. Когда тот долго не являлся и девушка уже начала сильно беспокоиться, он позвал старую Мелиту, которая, может быть, еще с большим страхом, чем ее госпожа, смотрела в сторону, где находился Наукратис, и просил ее привести в сад привезенный им струнный инструмент.

Подавая девушке прекрасную, довольно большую лютню из золота и слоновой кости, он сказал:

- Этот дивный инструмент сделан собственно для меня по приказанию его изобретателя, божественного Анакреонта. Он называет его варвитоном и извлекает из него удивительные звуки, которые будут отзываться даже в царстве теней. Я рассказывал о тебе поэту, который считает свою жизнь великой жертвой, приносимой музам, Эросу и Дионису, и я обещал ему, что передам тебе как подарок от него следующую песенку, которую он сочинил для тебя; послушай-ка:

Дочь Тантала превратилась
Силой чар в утес немой;
Пандиона дочь носилась
Легкой птичкой над Землей.
Мне ж бы в зеркало хотелось
Превратиться, - для того,
Чтобы ты, мой друг, смотрелась
Каждый день и час в него.
Я б желал ручьем быть чистым,
Чтоб у ног твоих журчать;
Благовонием душистым -
Чтоб твой воздух наполнять.
Платьем быть - чтоб одевалась
Ты в меня - желал бы я;
Туфлей - чтоб меня касалась

Ножка милая твоя;
Или лентою твоею,
Чтобы стан твой обвивать;
Иль твою нагую шею
В виде перла украшать!

- Ты не сердишься на нескромного певца?
- Разве это возможно? Поэту следует предоставить некоторую свободу!
- Особенно подобному поэту!
- Который избирает такого талантливого певца для передачи своих песен!
- Как ты умеешь льстить! Да, когда я был двадцатью годами моложе, то мой голос и пение хвалили недаром; теперь же...
- Ты только желаешь получить новую похвалу; но я никого не позволяю себе принуждать! Однако мне хотелось бы знать, годится ли этот так называемый варвитон со своими мягкими звуками и для других песен.
- Разумеется! Возьми плектр [\[103\]](#) и попробуй сама ударить по струнам, справиться с которыми, разумеется, окажется слишком трудно для твоих нежных пальчиков.
- Я не могу петь, я слишком обеспокоена долгим отсутствием жениха и его друзей!
- Или, говоря другими словами, ты чувствуешь, что твой голос слабеет от волнения. Знаешь ли ты песню своей лесбосской тетки, изображающую то настроение духа, в котором ты, по всей вероятности, находишься в настоящее время?
- Не думаю.
- Так слушай. В прежние времена я любил щегольнуть исполнением этой песни, сочиненной, по-видимому, не женщиной, а самим Эросом:
О, как боги в высоте небесной,
Счастлив тот, кто образ твой прелестный
Непрестанно видит пред собой,
Сладкий звук речей твоих впивает,
И в улыбке губ твоих читает,
Что глубоко он любим тобой!
Лишь в уме тот образ пронесется
Предо мной - как сердце вдруг забьется,
На моих устах замрут слова,

И язык мой станет нем, как камень,
Пробежит по членам бурный пламень,
Вся в огне, кружится голова...
Шум в ушах, туман застелет зрение,
И, в тревожном трепете волнения,
На ногах не в силах я стоять;
Я холодным потом обливаюсь,
Как трава поблекшая склоняюсь,
Гасну... таю... не могу дышать!

- Ну, что скажешь об этой песне? Но - клянусь Геркулесом - ты совершенно побледнела, дитя мое! Неужели на тебя так сильно подействовали стихи, или ты испугалась при верном изображении твоего собственного сердца? Успокойся, девочка моя. Как знать, что именно задерживает твоего возлюбленного?

- Ничто, решительно ничто! - воскликнул в эту минуту звучный мужской голос, и через несколько секунд Сапфо лежала в объятиях своего кумира.

Каллиас оставался немым зрителем и радостно улыбался при виде поразительной красоты парочки.

- А теперь, - воскликнул Бартя, - познакомившись с Каллиасом, я должен немедленно повидаться с бабушкой.

- Свадьба должна совершиться не через четыре дня, а сегодня! Каждая минута промедления может сделаться опасной для нас. Феопомп здесь?

- Вероятно, иначе нельзя объяснить, почему бабушка так долго остается в доме. Но что со свадьбой? Мне кажется...

- Войдем прежде в дом, моя милая; я боюсь, что собирается гроза. Небо омрачается, и наступает невыносимая духота.

- Так пойдем скорее, - воскликнула Сапфо, - если вы не хотите, чтобы я истомилась от любопытства! Грозы вам нечего опасаться. С самого моего детства в это время года в Египте никогда не было ни грома, ни молнии.

- Значит, сегодня с тобой что-нибудь случится, - со смехом проговорил афинянин. - Сию минуту упала тяжелая дождевая капля на мою лысую голову; когда же я ехал сюда, нильские ласточки летали совсем низко над водой, и уже туча застилает луну. Пойдемте скорее домой, чтобы не промокнуть. Эй, раб, позаботься о том, чтобы богам преисподней был принесен в жертву черный ягненок!

В комнате Родопис сидел Феопомп, как и предполагала Сапфо. Он только что закончил рассказ об аресте Зомира и о путешествии Бартии и его друзей.

Так как вследствие известий, переданных Феопомпом, беспокойство ожидавших усилилось, то они с нескрываемым восторгом восприняли неожиданное появление Бартии, который в кратких словах передал события, совершившиеся в течение последних часов, и спросил Феопомпа отыскать для него с друзьями какой-нибудь корабль, готовый к отплытию.

- Это как нельзя кстати! - воскликнул Каллиас. - Моя собственная триера, на которой я сегодня прибыл в Наукратис и совершенно готовая, стоит в гавани. Она к твоим услугам! Мне только следует приказать лоцману собрать экипаж и ждать твоих указаний. Ты ничем не обязан мне; напротив, я должен благодарить тебя за оказанную мне честь! Эй, Кнакиас, беги скорее и скажи моему рабу Филомену, ожидающему меня на дворе, чтобы он отправился в гавань и приказал моему кормчему Наузарху приготовить все к отплытию. Дай ему эту печать, которая уполномочивает его на все!

- А мои рабы? - спросил Бартия.

- Кнакиас предаст моему старому управляющему приказание отвезти их на корабль Каллиаса, - отвечал Феопомп.

- Когда они увидят вот эту вещь, то безусловно последуют за ним, - прибавил Бартия, подавая свое кольцо старому слуге.

Кнакиас с глубокими поклонами удалился, а царевич продолжал:

- Теперь, матушка, я должен обратиться к тебе с большой просьбой.

- Я угадываю ее, - с улыбкой проговорила Родопис, - ты желаешь ускорить свадьбу, и я вижу, что мне следует уступить твоему желанию.

- Если я не ошибаюсь, - воскликнул Каллиас, - то мы видим перед собой редкое явление: двое людей от души радуются угрожающей им опасности!

- Ты, может быть, и прав, - отвечал Бартия афинянину, втихомолку пожимая руку своей возлюбленной. Затем он снова обратился к Родопис и просил ее безотлагательно вручить ему дорогое существо, которому он знает цену.

Родопис выпрямилась во весь рост, положила правую руку на голову Сапфо, а левую - на голову Бартии, и сказала:

- Существует сказание, дети мои, которое гласит, что в стране роз есть лазурное озеро, то безмятежно спокойное, то бурно волнующееся, и что вода в этом озере бывает по временам сладка, как мед, а иногда горька, как желчь. Вы поймете смысл этого сказания, и в стране роз вашего брака станете переживать

то безмятежные, то бурные, то сладостные, то печальные дни и часы. Пока ты была ребенком, Сапфо, твои дни проходили точно ясное весеннее утро; когда ты стала любящей девушкой, сердце твое открылось для страдания, которое теперь, после многих месяцев разлуки, сделалось в нем постоянным гостем, и таким гостем, который часто будет стучаться к тебе, пока ты жива. Твоей обязанностью, Бартия, будет, по возможности, сколько хватит сил, оберегать Сапфо от этого назойливого гостя. Я знаю людей и, прежде чем Крез уверил меня в твоём благородстве, поняла, что ты достоин моей внучки. Поэтому я позволила тебе разделить с ней пополам квиттовое яблоко и отдаю тебе на руки без колебания то существо, которое я до сих пор охраняла, как священный вверенный мне залог. И ты таким же образом смотри на свою жену как на вверенное тебе на время сокровище, так как для любви нет ничего опаснее, как спокойная уверенность исключительного обладания. Меня порицают за то, что я позволяю неопытной девочке отправляться на твою далекую родину, где существуют условия, далеко не благоприятные для женщин; но я знаю могущество любви и понимаю, что для любящей девушки не существует другого отечества, кроме сердца человека, которому она отдалась; что для женщины, уязвленной Эросом, нет другого несчастья, как жить в разлуке со своим избранником. Кроме того, я спрашиваю вас, Каллиас и Феопомп: разве ваши жены имеют большие преимущества в сравнении с женами персов? Разве ионийские женщины, а так же и уроженки Аттики не принуждены, подобно персиянкам, проводить свою жизнь в женских комнатах и быть довольными, если им позволят пройтись по улице под покрывалом и в сопровождении недоверчивых рабов? Что же касается многоженства персов, то я не опасюсь этого ни для Сапфо, ни для Бартии! Он будет более верен своей жене, чем эллин, так как найдет в Сапфо соединение того, чего вы, эллинские мужчины, ищете, с одной стороны, в браке, а с другой - в домах образованных гетер: с одной стороны - хозяйек и матерей, а с другой - интеллектуально развитых и оживляющих ваш дух собеседниц. Отдаю ее тебе, сын мой; я вручаю тебе Сапфо охотно и с полным доверием, подобно тому как старый воин с радостью передаст сыну самое лучшее свое достояние - свое оружие. В какую бы дальнюю страну она ни отправилась, она всегда остается эллинкой, и - этим я в особенности утешаюсь - в своем новом отечестве сделает честь греческому имени и приобретет новых сторонников для всего греческого. Благодарю тебя, дитя мое, за твои слезы! Я могу удерживать свои, но за то умение я заплатила огромные проценты судьбе! Эту твою клятву, благородный Бартия, слышали сами боги. Никогда не забывай ее и прими мою Сапфо, как свою собственность, подругу, жену! Увези ее с собой, как только возвратятся твои спутники. Богам не угодно, чтобы на свадебном празднестве Сапфо пелись песни Гименея!

С этими словами Родопис соединила руки молодой четы, горячо и нежно обняла Сапфо и запечатлела легкий поцелуй на челе молодого перса. Затем она обратилась к друзьям-эллинам, на лицах которых выражалось сильное волнение, и сказала:

- Это была скромная свадьба, не сопровождавшаяся ни пением, ни светом факелов. Пусть она будет началом радостной брачной жизни! Поди, Мелита, принеси свадебный убор невесты, запястья и ожерелья, лежащие в бронзовом ящике на моем столике, чтобы наша любимица явилась перед своим супругом в наряде, достойном будущей невестки царя.

- Спешите, - воскликнул снова повеселевший Коллиас, - к тому же племянница великой воспевательницы Гименея - Сапфо не должна вступить в брачный чертог совсем без всяких песен и музыкальных звуков. Так как дом молодого супруга находится слишком далеко, то мы представим себе, что его жилище - пустой андронитис. Туда мы введем невесту через среднюю дверь и у домашнего очага справим веселое брачное пиршество. Идите скорее, рабыни, и разделитесь на два хора. Вы будете представлять хор юношей, а вы - хор девушек и будете петь слова хора Гименея, сочиненные поэссой Сапфо: 'Как под ногой пастуха'. Я же сам возьму на себя роль факелоносца, и без того принадлежащую мне. Нужно тебе сказать, Бартия, что моему семейству пожаловано наследственное право - носить факелы при элевзинских мистериях, поэтому нас и называют дадухами, или факелоносцами. Эй, раб! Позаботься украсить венками дверь андронитиса и прикажи своим товарищам при нашем вступлении в комнату осыпать нас сладостями! Послушай, Мелита, где ты так скоро достала эти прекрасные венки для жениха и невесты из фиалок и миртов? Дождь льет ручьями в отверстие крыши! Посмотрите, Гименей упросил Зевса помочь вам при всех брачных обрядах. Так как вы не могли устроить себе ванны, которая, по старым обычаям, обязательна как для жениха, так и для невесты в утро перед свадьбой, то вы должны стать вот сюда и считать освященной ключевой водой ту влагу, которую ниспосылает вам Зевс! Теперь, девушки, начинайте ваши песни! Пусть невеста оплакивает потерю своего счастливого девичества, а юноши восхваляют участь новобрачных.

Затем пять звонких, хорошо поставленных голосов девушек грустно запели:

Как под ногой пастуха гиацинт на горах погибает,
Сломанным стеблем к земле преклонивши свой венчик пурпурный,
Сохнет и блекнет в пыли и ничьих не манит уже взоров,
Так же и дева, утратив цветок целомудрия, гибнет:
Девы бегут от нее, а мужчины ее презирают.
О, приходи поскорее, Гимен, приходи, Гименеос!

А другой, более густой хор радостным напевом отвечал:
Как на открытой поляне лоза виноградная, прежде
Быв одинокой, к вязу прильнет, сочетавшись с ним браком,
И, до вершины его обвиваясь своими ветвями,
Радует взор виноградаря пышностью листьев и гроздий, -
Так и жена, сочетавшись в юности брачным союзом,
Мужу внушает любовь и утехой родителям служит.
О, приходи поскорее, Гимен, приходи, Гименеос!

Затем оба хора соединились и стали повторять припев: 'Приди, Гименей, приди' - звуками, в которых слышалось то страстное томление, то ликование. Вдруг пение смолкло, так как в отверстии крыши, под которым Каллиас поставил новобрачных, сверкнула молния, и за нею последовал громовой удар.
- Вот видите! - воскликнул дадох, поднимая руку к небу, - сам Зевс держит ваш свадебный факел и поет песни Гименея для своих избранников!

Едва забрезжило утро следующего дня, Бартия и Сапфо вышли из брачной комнаты в сад, который после грозы, бушевавшей всю ночь с необыкновенной силой, сиял в полной свежести и красе, подобно лицам молодой четы.

Новобрачные поднялись так рано потому, что в душе Бартей снова, с большей против прежнего силой, проснулось беспокойство о друзьях, о которых он почти забыл в упоении нежности и восторга.

Сад был расположен на искусственном холме, возвышавшемся над затопленной равниной, и с него открывался свободный вид во все стороны. На зеркальной поверхности Нила плавали белые и голубые цветы лотоса, а на берегу и под водой виднелись скучившиеся стаи водяных птиц. Одиноко кружились ширококрылые орлы в ясном утреннем воздухе, а на вершинах пальм качались горлицы; пеликаны и утки с криком поднимались над поверхностью воды, лишь только показывался пестрый парус лодки. Свежий северо-восточный ветер веял в воздухе, охлажденном ночной грозой, и несмотря на раннее утро гнал по течению довольно значительное число судов. Пение матросов соединялось с ударами весел и щебетанием птиц, оживляя звуками однообразно пеструю картину залитой водой долины Нила.

Молодые стояли, тесно прижавшись друг к другу, у низкой стены, окружавшей сад Родопис, и, обмениваясь нежными взглядами, смотрели на это зрелище, пока зоркие глаза Бартии не обнаружили судно, которое прямо направлялось к загородному дому Родопис.

Несколько позже к берегу у стены пристала лодка, Зопир и его избавители предстали перед новобрачными.

План Дария удался вполне благодаря грозе, которая, разразившись в неурочное время с такой необычайной силой, страшно напугала египтян; но все-таки не следовало терять времени, так как можно было ожидать, что власти Саиса станут преследовать беглецов.

После торопливого, но тем не менее самого нежного прощания Сапфо рассталась со своей бабкой и, в сопровождении старой Мелиты, следовавшей за ней в Персию, села вместе с Бартией в лодку Силосона и час спустя уже находилась на прекрасно оснащенной 'Гигиее' - морском быстроходном судне Каллиаса.

Афинянин ожидал беглецов на своей триере и особенно нежно простился с Сапфо и Бартией. Последний на прощание надел старику на шею драгоценную цепь в знак благодарности, Силосон, в память об опасности, которой они вместе подвергались, набросил на плечи Дария свой пурпурный плащ - неоценимый образец сидонского красильного искусства, возбудивший удивление сына Гистаспа. Дарий с радостью принял подарок и при прощании сказал брату Поликрата:

- Помни всегда, друг-эллин, что я обязан тебе благодарностью, и как можно скорее доставь мне возможность отплатить тебе услугой за услугу.

- Но прежде всех ты должен будешь обратиться ко мне, Зопиру! - воскликнул освобожденный, обнимая своего спасителя. - Я готов разделить с тобой последнюю золотую монету и, что еще важнее - просидел бы в угоду тебе еще целую неделю в проклятой тюрьме, из которой ты освободил меня. Но вот уже поднимают якоря! Будь здоров, достойный эллин! Поклонись от меня сестрам-цветочницам, в особенности маленькой Стефанионе, и скажи ей, что она будет обязана мне, если назойливый долгоногий жених не скоро станет снова преследовать ее. Еще вот что: возьми этот мешок с золотом и передай жене и детям египтянина-забияки, которому я в жару борьбы нанес такой страшный удар.

В то время когда произносились эти слова, якоря с грохотом упали на палубу судна, и из глубины триеры раздался однообразный звук келейсмы, или песни гребцов, ритм которой давал триравлес - флейтист триеры.

Нос галеры с деревянным изваянием Гигиеи - богини здоровья, тронулся. Бартия и Сапфо стояли у руля и смотрели на удалявшийся Наукратис, пока устье Нила не скрылось от их взоров за горизонтом.

Уже в Эфесе настигла молодых супругов весть о смерти Амазиса. Оттуда их путь лежал сначала в Вавилон, а потом в Пасаргадэ, в провинции Персиде. Там находились в то время Кассандана, Атосса и Крез. Готовясь принять участие в египетском походе, царица пожелала предварительно посетить недавно оконченную, по мысли Креза, гробницу своего супруга. Искусство Небенхари возвратило ей зрение. С глубокой отрадой увидела она великолепие монумента и проводила ежедневно целые часы в роскошном саду, расположенном вокруг него.

Усыпальницей Кира служил исполинский саркофаг, сложенный в виде дома из мраморных глыб, над массивным основанием из шести высоких, также мраморных ступеней. Внутри была устроена комната, где кроме золотого гроба, в котором покоились останки Кира, нетронутые собаками, коршунами и самими стихиями, поставлена была серебряная кровать и такой же стол; на столе стояли золотые кубки и было положено много разных одежд с богатейшими украшениями из драгоценных камней.

Высота здания простиралась до сорока футов. Тенистые сады и колоннады, задуманные Крезом, окружали его, а среди рощи возвышался дом, построенный для магов, которым была вверена охрана гробницы.

Вдали виднелся дворец Кира, где по его распоряжению будущие цари Персии должны были проводить ежегодно по меньшей мере несколько месяцев. Вследствие малодоступности этого дворца, похожего на крепость, в нем помещалось также казнохранилище царства.

Свежий горный воздух, струившийся над могилой возлюбленного супруга, в высшей степени благотворно действовал на царицу. С радостью заметила она, что и к Атоссе возвратилась в этом тихом, прекрасном месте прежняя веселость, утраченная со времени смерти Нитетис и отъезда Дария. Сафо скоро сблизилась с новой матерью и сестрой: ей тоже, как и им, было жаль покидать прекрасный Пасаргадэ.

Дарий и Зопир оставались при большой армии, собиравшейся на равнине Евфрата. Бартия также должен был ранее выступления в поход вернуться в Вавилон.

Камбис выехал навстречу своему семейству. Красота молодой невестки поразила его. Сафо, напротив, призналась мужу, что только со страхом могла смотреть на его брата.

За несколько последних месяцев царь очень изменился. Не лишенное благородства бледное лицо его стало от чрезмерного употребления вина

багровым и некрасивым. Темные глаза еще горели, но уже не прежним, чистым огнем. Черные волосы, блестевшие как крыло ворона, теперь поседели и беспорядочно обрамляли лицо и подбородок. Улыбка гордого торжества, придававшая некогда красоту его чертам, сменилась выражением презрительного пресыщения и грубой суровости.

Только в состоянии опьянения, - давно, впрочем, переставшем быть для него необычным, - он иногда смеялся; но уже без всякой меры, с каким-то лошадиным ржанием.

К женам он обнаруживал прежнее нерасположение. Вступая в египетский поход, он даже оставил гарем в Сузах, тогда как все вельможи везли любимых жен и наложниц с собой. При всем том никто не мог обвинить его в несправедливости; напротив, он настоятельнее, чем когда-либо, требовал строгого исполнения закона; но, обнаружив злоупотребление, был беспощаден и налагал самые жестокие наказания. Когда ему, например, донесли, что подкупленный судья по имени Сизамнес вынес несправедливый приговор, он велел содрать с несчастного кожу и обить ею судейский стул; затем сына казненного он назначил судьей и заставил его сидеть на этом жутком стуле. Как полководец он был неутомим и с большим искусством и строгостью руководил упражнениями войск, собранных под Вавилоном.

Войску велено было выступить после праздника нового года [\[104\]](#). Камбис отправился к армии, где встретил сиявшего счастьем брата, который, целуя полу его одежды, с восторгом рассказал ему, что скоро надеется сделаться отцом. Царь затрепетал при этом известии, не отвечал брату ни единым словом, напился вечером до потери сознания, а на следующее утро созвал к себе мободеов, магов и халдейцев, чтобы предложить им вопрос:

- Вы помните, - сказал он, - что, толкуя мне сны мои, вы утверждали, что Атосса родит будущего царя персидской державы. Согрешу ли я перед богами, если возьму сестру в жены и осуществляю то, что возвещено мне в сновидении?

После кратковременного совещания магов Оропаст, первосвященник, пал ниц перед царем и сказал:

- Мы не думаем, что ты согрешишь, вступив в подобный брак, так как, во-первых, у персов есть обычай жениться на родственниках, во-вторых, хотя не написано в законе, что праведник может сочетаться браком с сестрой, но сказано, что царь может совершать, что заблагорассудит. Поступай по своему желанию, и деяния твои всегда будут правыми.

Камбис отпустил магов с богатыми дарами, дал Оропасту полномочие на управление царством и объявил пораженной ужасом матери, что, по

одержании над египтянами победы и наказании Амазисова сына, он женится на своей сестре, Атоссе.

Наконец армия, в которой числилось более восьмисот тысяч воинов, двинулась в поход отдельными отрядами. Через два месяца она достигла Сирийской пустыни, где ее встретили привлеченные Фанесом на сторону Персии арабские племена амалекитов и гессуритов, которые снабдили войска водой, привезенной на лошадях и верблюдах.

Близ Акко, в земле Ханаанской, собрались флоты подвластных персидской державе сирийцев, финикиян и ионийцев, а также нанятые Фанесом вспомогательные корабли с Кипра и Самоса. Присылка последних сопровождалась обстоятельствами особого рода. В приглашении Камбиса снарядить для него флот Поликрат увидел удобный случай сразу отделаться от всех граждан, недовольных его самовластием. Поэтому он наполнил сорок триер восемью тысячами беспокойных самосцев и отправил их к персам с просьбой не дать возвратиться на родину ни одному из них.

Узнав об этом, Фанес тотчас предупредил обреченных на гибель самосцев об ожидавшей их участи, и они, уклоняясь от экспедиции в Египет, возвратились в Самос, где сделали попытку свергнуть Поликрата, но были им разбиты в сухопутном сражении и ушли в Спарту, чтобы там просить помощи.

За месяц до разлива Нила армии персов и египтян стояли уже друг против друга близ Пелусия, на северо-восточном берегу Дельты.

Распоряжения Фанеса оказались превосходными. Переход через пустыню, стоивший армиям, совершавшим его прежде, многих тысяч жертв, на этот раз, благодаря верным в слове аравитянам, обошелся без больших потерь; а удачно выбранное время года позволило персам проникнуть в Египет по сухим дорогам, удобно и без проволочек.

Царь принял своего друга-эллина с большим почетом и благосклонно кивнул ему, когда тот сказал: 'Я слышал, что со времени смерти твоей прекрасной подруги ты уже не так весел, как прежде. Мужчине прилично долго сохранять свою скорбь, которая у женщины выражается бурным, но скоропреходящим плачем. Я сочувствую постигшему тебя горю, так как и я лишился того, что было для меня наиболее дорого. Возблагодарим вместе богов, дарующих нам лучшее средство против скорби - борьбу и мщение!'

Фанес показал потом царю своих солдат и сопровождал его к столу. Поразительно было его влияние на сурового властителя. В присутствии афинянина к Камбису возвращалась спокойная сдержанность, иногда даже веселость.

Громадны были ополчения персов, но и число египетских войск было весьма значительно.

Их лагерь с тыла примыкал к стенам Пелусия, пограничной крепости, издавна предназначенной для того, чтобы служить оплотом против вторжений восточных народов. Перебежчики уверяли персов, что численность всего египетского войска достигает почти шестисот тысяч человек.

Кроме множества воинов на колесницах, тридцати тысяч карийских и ионийских наемников и военно-полицейского отряда мазенов [\[105\]](#), под знаменами Псаметиха собрались двести пятьдесят тысяч келесирийцев [\[106\]](#), сто шестьдесят тысяч гермотибийцев, двадцать тысяч всадников и много вспомогательных войск, из которых ливийские машаваши [\[107\]](#) издавна славились военными подвигами, а эфиопы отличались многочисленностью.

Пехота была разделена на полки и роты, собиравшиеся вокруг разного рода военных значков, и соответственно разделению имела различное вооружение. Тут были и тяжело вооруженные воины с большими щитами и легкими булавами, и пращники; но большую часть войска составляли стрелки, луки которых в ненатянutom положении имели высоту почти в человеческий рост. Всадники были вооружены легкими зубчатыми булавами, а единственную одежду их составлял передник, между тем как бойцы на колесницах, знатнейшая часть военной касты, выезжали в бой в богатейшем убранстве и затратили большие суммы на украшение своих двухколесных экипажей и на сбрую прославленных коней. Для управления лошадьми при каждом из них состоял возница, а сами они помышляли только о битве и были вооружены луками и копьями.

Пехота персов была не многим многочисленнее египетской, но конница вшестеро превосходила число всадников Нильской долины.

Когда обе армии расположились одна против другой, Камбис приказал очистить обширную равнину Пелусию от кустарника и деревьев и сровнять песчаные холмы, чтобы натиск персидской конницы и колесниц не встретил препятствий. Фанес помогал ему точным знанием местности и к принятию своего задуманного с глубокой проницательностью плана битвы успел склонить не только царя, но и старика главнокомандующего, Мегабиза, и наиболее сведущих в военном искусстве Ахеменидов. Знание местности было особенно важно вследствие пересекавших равнину болот, которые для счастливого исхода битвы необходимо было обойти. По окончании военного совета афинянин еще раз сказал:

- Теперь, наконец, могу удовлетворить ваше любопытство относительно закрытых повозок, наполненных зверями, которых я велел привезти сюда. В

этих повозках помещается пять тысяч кошек. Не смейтесь! Уверяю вас, эти зверьки будут для нас полезнее ста тысяч воинов. Многим из вас известно суеверие египтян, и все они скорее согласятся умереть, чем убить кошку. Мне самому за убийство подобной твари чуть не пришлось однажды поплатиться жизнью. Вспомнив об этом суеверии, я везде, где был, на Кипре, где есть отличные мышеловы, в Самосе, Крите, по всей Сирии, велел ловить всех кошек, какие попадутся. Теперь предлагаю раздать их войскам, которым предстоит драться с египтянами, и велеть воинам привязать их к своим щитам. Бьюсь об заклад, что каждый истинный египтянин скорее сбежит с поля боя, чем решится выстрелить в обожжаемое животное.

Громкий смех был ответом на предложение, которое, однако, было с должным вниманием обсуждено, одобрено и приведено в исполнение. Камбис дал поцеловать изобретательному эллину свою руку, с лихвой вознаграждал его за издержки богатым подарком и убеждал его жениться на какой-нибудь знатной персиянке. Затем он пригласил афинянина к себе на ужин; но тот сослался на необходимость сделать смотр поступившим под его начальство едва ему знакомым ионийцам и удалился в свой шатер.

У входа он застал свою рабыню в жарком споре с бородатым стариком в грязи и рубище, который хотел его увидеть. Фанес счел его за нищего и бросил ему золотую монету; но старик не нагнулся за подачкой, а сказал, удерживая Фанеса за плащ: 'Я - Аристомах, спартаец!'

Тогда Фанес узнал жестоко изменившегося друга, ввел его в шатер, велел омыть ему ноги и умастить голову, предложил подкрепиться вином и мясом, снял с него рубище и надел новый хитон на его исхудалые, мускулистые плечи.

Аристомах молча принял эти услуги; затем, подкрепив силы живительным напитком и хорошей пищей, стал отвечать на нетерпеливые вопросы афинянина. Вот что он рассказал ему.

После умерщвления сына Фанеса Псаметихом Аристомах объявил ему, что решил склонить его подчиненных бросить службу у Амазиса, если дочь его друга не будет тотчас же освобождена, а относительно участи исчезнувшего мальчика не будет дано удовлетворительного объяснения. Царевич обещал подумать об этом деле. Два дня спустя, во время ночной поездки по Нилу в Мемфис, на спартанца напали эфиопские воины, скрутили его и бросили связанным в темное помещение другой барки, которая, после многодневного плаванья, бросила якорь у незнакомого ему берега. Тут выпустили пленника из заключения и повели его в палящий зной, через пустыню, мимо скал странной формы, по направлению к востоку. Наконец достигли хребта, возвышавшегося над множеством хижин, построенных у его подошвы. В хижинах этих жили

люди, которых ежедневно в оковах гоняли в рудники, где они высекали из твердой скалы золотые крупинки. Иные из числа несчастных рудокопов работали в этом ужасном положении более сорока лет; но большая часть скоро умирала от непомерных трудов и палящего зноя, который обдавал их по выходе из рудника.

- Товарищи мои, - рассказывал Аристомах, - были частью приговоренные к смерти и помилованные убийцы, частью - лишенные языка государственные преступники, частью, наконец, опасные царю и внушавшие ему страх люди, к числу которых принадлежал и я. Три месяца работал я с этим сбродом, вынося палочные удары надзирателей, изнемогая днем от зноя, коченея, когда холодная ночная роса падала на полунагое тело; обреченный, казалось, на смерть и поддерживаемый единственно надеждой на мщение. По благоизволению богов случилось, что во время праздника богини Гатор сторожа, по обычаю египтян, до такой степени перепились, что все уснули сном глубокого опьянения и не заметили, как я бежал с одним молодым евреем, лишенным по обвинению в употреблении фальшивых весов правой руки. Зевс Лакедемонский и великий бог этого юноши помогли нам и ослепили погоню, голоса которой мы не раз слышали уж близко за собой. Пищу я добывал луком, похищенным у сторожей. Где не было дичи, там мы питались кореньями, плодами и яйцами птиц. По солнцу и звездам направляли мы путь. Нам было известно, что Красное море лежит недалеко от рудника и что мы находимся к югу от Мемфиса и даже от Фив. Вскоре достигли мы берега и неутомимо пошли к северу, пока не встретили добрых корабельщиков; те дали нам приют и помогли попасть на аравийскую ладью, которая перевезла меня и еврея, знавшего язык этих моряков, в Эзеонгебер, в землю эдомитов. Там мы узнали, что Камбис идет с большим войском в Египет, и отправились в Гарму с отрядом амалекитских всадников, которые везли персам воду. Из Гармы прибрел я в Пелусий с арьергардом великого азиатского войска; эти люди иногда из сострадания позволяли мне садиться на своих лошадей. Здесь я услышал, что ты - главный полководец великого царя. Я сдержал клятву и вступил в Египет верным сыном Эллады; теперь твоя очередь помочь старику Аристомаху и дать ему единственное, что он жаждет - возможность отомстить своим гонителям!

- Отомстишь! - вскричал афинянин, сжимая руку старика. - Ты поведешь в бой милетских тяжело вооруженных воинов; позволяю тебе бить врага как тебе угодно. Но, оставаясь и после этого твоим должником, я прославляю богов, что могу теперь же одним простым словом осчастливить тебя. Узнай, что вскоре после твоего исчезновения в Наукратис прибыл, под управлением твоего достойного сына, почетный спартанский корабль, чтобы тебя, отца двух победителей на олимпийских играх, возвратить по приказанию эфоров на родину.

При этом известии старик задрожал всем телом, глаза его наполнились слезами, а уста беззвучно произнесли молитву. Потом он ударил рукой по лбу и воскликнул дрожащим голосом:

- Теперь исполняется, - теперь оправдалось! Прости мне, о Феб-Аполлон, что я усомнился в словах твоей жрицы! Что возвещал оракул?

- Время придет - и военные полчища ринутся
С снежных высот на долину потока великого;
В утлой ладье ты пристанешь к желанному берегу,
Мир и покой обретут твои ноги усталые,
Пятеро судей даруют бездомному страннику
То, в чем ему было долго, так долго отказано.

И теперь это пророчество исполняется. Теперь я могу вернуться и вернуться! Но прежде я поднимаю руки и прошу Дике [\[108\]](#), вечно державную справедливость, не отказать мне в блаженстве отмщения!

- Завтра наступит день возмездия! - воскликнул Фанес, присоединяясь к молитве старика. - Завтра я отпраздную по сыну кровавую тризну и не отоюду на покой, пока Камбис не поразит заостренными стрелами самое сердце Египта! Пойдем, друг мой, я приведу тебя к царю. Одного человека, подобного тебе, достаточно, чтобы обратить в бегство целый отряд египетских воинов!

Наступила ночь. Открытое расположение персидского лагеря допускало возможность внезапного нападения, и потому персы простояли эту ночь в боевом порядке на указанных каждой части местах. Пехотинцы стояли, опершись на щиты и копья, а всадники расположились у сторожевых костров, держа в поводу оседланных и взнузданных коней. Камбис верхом объехал ряды войск, ободряя их своим видом и приветом. Только центр армии еще не выстроился на своих позициях, так как он состоял из персидских телохранителей, булавоносцев, бессмертных и родственников царя, которые обычно в одно время с ним выступали против неприятеля.

Отсутствовали в рядах и малоазийские греки. Фанес хотел, по возможности, сберечь их силы и позволил им спать, хотя в полном вооружении, а сам за своих воинов стоял на страже. Аристомах был принят ионянами с восторгом, царем - с большой благосклонностью. Ему с половиной греческих дружин предназначалось место по левую сторону центра, а Фанесу с остальными - по правую. Царь пожелал выехать в бой во главе десяти тысяч бессмертных, впереди которых развевалось знамя Кавы [\[109\]](#) и красно-синее с золотом государственное знамя монархии. Бартии вверены были персидский конный

полк (тысяча человек) телохранителей и конные панцирники, покрытые кольчугами с головы до ног.

Крез командовал отрядом, прикрывавшим лагерь, где находились жены вельмож, мать и сестра царя и несметные сокровища.

Когда показался лучезарный Митра и мрачные духи ночи скрылись в своих пещерах, священный огонь, несомый впереди войска от самого Вавилона, раздули в исполинский костер. Маги и царь разжигали пламя, бросая в огонь драгоценнейшие благовония. Потом Камбис принес жертву и с высоко поднятой золотой чашей умолял небо о победе и славе. Совершив жертвоприношение, он провозгласил боевой девиз: 'Аурамазда, помощник и вождь!', и занял место во главе своей гвардии, тюрбаны которой были украшены венками. Греки также исполнили жертвенный обряд и отвечали криками радости на объявление жрецов, что предзнаменования обещают победу. Их девизом стал клич 'Геба!'.

И египтяне встретили утро жертвоприношением и молитвой, а затем заняли свои места в боевом порядке.

В самом центре поместился Псаметих, теперь уже царь, в золотой колеснице с оглоблями из того же металла. Великолепные лошади были одеты пурпурными покрывалами и золотом шитыми чепраками, а их гордые головы украшены страусовыми перьями. Возница, принадлежавший к знатнейшей египетской фамилии, стоял с бичом по левую руку повелителя, увенчанного двойной короной Верхнего и Нижнего Египта.

Левое крыло составили греческие и карийские наемники. Конница расположилась по обе стороны на крыльях армии; а египетская и эфиопская пехота построилась справа и слева от эллинов и колесниц колоннами по шести шеренг.

Псаметих объехал ряды своих войск, возбуждая их мужество приветливыми словами. Наконец он остановился против эллинов и произнес следующую речь:

'Герои! Мне хорошо известны ваши подвиги; я знаю их по Кипру и по Ливии и счастлив, что могу теперь разделить вашу славу и украсить ваши головы венцами новой победы. Не опасайтесь, что, поразив врага, я стесню ваши вольности; клеветники внушили вам мысль о подобной неблагодарности. Даю вам слово, что после победы окажу вам и потомкам вашим всевозможные милости и признаю вас опорой моего престола. Помните, что сегодня вы будете сражаться не только за меня, но и за свободу далекой вашей родины. Ясно, что,

овладев Египтом, Камбис не удовлетворится, а протянет свою жадную руку к прекрасной Элладе и ее островам. Мне достаточно напомнить вам, что ваша родина лежит между Египтом и вашими азиатскими братьями, которые теперь уже изнывают в рабстве под персидским игом. Ваши крики доказывают мне, что вы со мной согласны; но послушайте меня еще немного, так как я должен назвать вам человека, который за несметные сокровища продал великому царю персов не только Египет, но и свое отечество! Этого человека зовут Фанесом! Не ропщите; даю вам клятву, что этот самый Фанес принял золото Камбиса и обещал не только провести его в Египет, но и отворить перед ним ворота вашей родной земли. Этот человек знает край и население и за золото все готов продать. Смотрите, как он выступает перед царем, как он повергается перед ним в прах. Разве это эллин? Я слышал когда-то, что греки преклоняются только перед своими богами. Но, конечно, кто продает родину, тот уже перестает быть ее гражданином! Вы согласны со мной; вы чувствуете, что я прав; вы стыдитесь признавать презренного негодяя своим земляком? Так вот вам дочь злодея, удержанная мной в качестве заложницы, которую он из алчности продал вместе со своим отечеством. С детищем подлеца делайте, что хотите: увенчайте его розами, поклоняйтесь ему; но помните, что оно принадлежит человеку, который опозорил имя эллина, который предал вас и свою родину!"

Возбужденные этой речью греки с дикими криками схватили трепещущее дитя. Один солдат поднял несчастную девочку и показал Фанесу, который, стоя всего на расстоянии полета стрелы, узнал ребенка. В это самое время египтянин, прославившийся впоследствии своим громким голосом, закричал дрожащему отцу: 'Смотри, афинянин, как у нас карают продажных изменников!' Тогда один кариец прикатил чан с напитком, - подарком царя, - уже опьянившим его и его товарищей, вонзил меч в грудь ребенка, дал стечь невинной крови в бронзовый сосуд, наполнил кубок ужасным питьем и выпил его, как бы поздравляя окаменевшего от ужаса отца. Как безумные бросились прочие наемники к чану и, подобно диким зверям, упивались вином, оскверненным кровью.

В эту минуту Псаметих с торжествующим видом пустил в персов первую стрелу.

Наемники бросили труп ребенка на землю, запели в кровавом опьянении боевую песнь и кинулись в битву далеко впереди египтян.

Но и ряды персов пришли теперь в движение. Фанес, вне себя от ярости и горя, бросился на тех самых людей, над которыми десять лет начальствовал,

считая себя вправе надеяться на их привязанность. Его воины, возмущенные постыдным варварством своих земляков, разделяли его чувства.

В полдень египтяне, по-видимому, одерживали верх; к закату солнца перевес был уже на стороне персов. Когда полный месяц показался на небе, египтяне в диком беспорядке побежали с поля битвы, чтобы погибнуть в пелусийских болотах, утонуть в рукаве Нила, или, наконец, пасть под мечами азиатов в последней борьбе за свободу отчизны.

Трупы двадцати тысяч персов и пятидесяти тысяч египтян усеяли окровавленный песок морского берега. Раненым, утонувшим и пленным не было счета. Псаметих последним оставил поле битвы. Благородный конь вынес его, легко раненого, на противоположный берег Нила. Оттуда с немногими тысячами верных он поспешил в Мемфис, хорошо укрепленный город пирамид.

Из греческих наемников, бывших на его службе, в живых остались немногие. Пламенея жаждой мщенья, Фанес и его ионяне страшно свирепствовали в их рядах. Десять тысяч карийцев стали пленниками персов. Убийцу своего ребенка Фанес покарал собственной рукой.

Аристомах, несмотря на деревянную ногу, совершил чудеса храбрости. Но ни ему, ни Фанесу не удалось захватить Псаметиха.

Когда исход битвы был решен, персы с громким ликованием вернулись в лагерь, где их встретил Крез с остававшимися при нем жрецами и воинами. Победу тотчас отпраздновали молитвой и жертвоприношением.

На следующее утро Камбис собрал всех военачальников, соответственно заслуге каждого раздал им почетные отличия, как-то: дорогие одежды, золотые цепи, кольца, сабли и звезды, украшенные драгоценными камнями. Солдатам же бросали, по его приказанию, золотые и серебряные деньги.

Натиск египтян был направлен, главным образом, на центр персов, где во главе своей гвардии сражался сам царь. Нападение возобновлялось с такой страшной настойчивостью, что гвардия уже заколебалась, когда Бартия в решительную минуту подошел со своей конницей, воодушевлив оробевших новым мужеством, и, сам сражаясь как лев, решил, наконец, участь дня своей храбростью и стремительностью конной атаки.

Персы с неудержимым восторгом приветствовали юношу, громко называли его 'победителем при Пелусии' и 'лучшим из Ахеменидов'.

Эти крики донеслись до ушей царя и возбудили в нем глубокую злобу. Он сознавал, что дрался, не щадя себя, с геройским мужеством и силой исполина; а между тем битва все-таки была бы проиграна, если бы этот мальчишка не

подарил ему победы. Брат, уже отравивший ему счастье в любви, теперь отнимал у него половину военной славы. Камбис ясно чувствовал, что ненавидит брата, и кулаки его судорожно сжались, когда он увидел молодого героя, сияющего благородным сознанием подвига.

Раненый Фанес оставался в своем шатре. Подле него, с трудом переводя дыхание, лежал Аристомах.

- Оракул все-таки солгал, - прошептал спартанец. - Я умираю и никогда не увижу родины.

- Он сказал тебе правду, - отвечал Фанес. - Вспомни последние слова Пифии: 'В утлой ладье ты пристанешь к желанному берегу. Мир и покой обретут твои ноги усталые'.

Разве для тебя не ясен смысл этих слов? Он разумел утлую ладью Харона, которая должна перевезти тебя в последнее отечество, в великое место успокоения всех странников, в царство Гадеса.

- Ты прав, друг мой; да, путь мой ведет уж к Гадесу.

- А пятеро судей - эфоры предоставили тебе перед смертью то, в чем они тебе долго отказывали, то есть право возвратиться в Лакедемон. Благодарю богов, что они даровали тебе таких сыновей и торжество отмщения врагам. По выздоровлении я поеду в Элладу и скажу твоему сыну, что его отец умер славной смертью и на щите перенесен с поля битвы в могилу.

- Да, Фанес, сделай это и передай ему мой щит. Пусть он хранит его на память о старике-отце. К добродетели мне его поощрять не нужно.

- Когда Псаметих попадет к нам в руки, сказать ли ему, сколько ты содействовал его гибели?

- Нет; он меня видел, раньше чем бежал с поля. От испуга при неожиданной встрече он уронил лук. Его друзья сочли это знаком к бегству и поворотили своих коней.

- Боги погубили злодея его же собственным злодейством. Псаметих лишился мужества, вообразив, что даже духи преисподней ополчились на него.

- Ему довольно было дела и со смертными. Персы хорошо дрались. А все-таки, если бы не телохранители и не мы - сражение было бы проиграно.

- Без всякого сомнения.

- Зевс Лакедемонский, благодарю тебя!

- Ты молишься?

- Прославляю богов за то, что они дали мне умереть без опасения за участь родины. Эти пестрые нестройные толпы не страшны для Эллады. Эй, врач! Скоро ли я умру?

Милетский врач, сопровождавший до Египта соотечественников, принадлежавших к ополчению персов, грустно улыбнулся и, указывая на острие стрелы в груди спартанца, сказал:

- Лишь немногие часы осталось тебе смотреть на свет солнечный: если бы я вынул стрелу из раны, ты бы тотчас испустил дух.

Спартанец поблагодарил врача, простился с Фанесом, просил его поклониться Родопис и, прежде чем успели его остановить, вытащил твердой рукой стрелу из груди. Через несколько мгновений Аристомах скончался.

В тот же день Камбис отправил на лесбосском судне в Мемфис посольство с требованием, чтобы царь, вместе с столицей, безоговорочно сдался победителям. За посольством он вскоре и сам тронулся со своей армией; но предварительно отрядил часть войска под предводительством Мегабиза для занятия Саиса.

В Гелиополисе встретили его послы ливийцев и греческих обывателей Наукратиса, которые поднесли ему золотой венец с другими богатыми подарками и просили мира и покровительства. Царь принял их милостиво и объявил им свою дружбу. С послами же Кирены и Барки он, напротив, обошелся гневно; дань, ими принесенную, пятьсот серебряных мин, признал ничтожной и собственноручно разбросал ее солдатам.

Там же царь получил известие, что жители Мемфиса толпами высыпали навстречу его посольству, судно потопили, а всех людей, как сырое мясо, растерзали в куски и уволокли в крепость. Услышав эту весть, Камбис разразился: 'Клянусь Митрой, за каждого убитого десять мемфитов поплатятся жизнью!' Через два дня армия его стояла уже у ворот исполинского города. Осада тянулась недолго, потому что численность гарнизона слишком не соответствовала протяженности городских стен, а мужество жителей было ослаблено страшным пелузийским поражением.

Царь Псаметих со знатнейшими придворными выехал навстречу победителю. Несчастный явился в растерзанных одеждах, со всеми знаками печали. Камбис принял его с безмолвной холодностью и приказал его со свитой задержать и увести. С вдовой Амазиса, Ладикеей, которая была тут же, обошлись почтительно и, по ходатайству Фанеса, благодарного ей за прежнюю всегдашнюю благосклонность, отправили ее под охраной сильного конвоя на

родину, в Кирену, где она и жила до низвержения ее племянника, Архезилая III, и бегства сестры Феретимы. Потом она переехала в Антилу, принадлежавший ей в Египте город, жила там в уединении и умерла в глубокой старости.

Камбис считал постыдным вымещать на женщинах оскорбление, нанесенное ему обманом, жертвой которого он стал. Наложить карающую руку на вдову Амазиса он, кроме того, был неспособен и потому, что, как перс, слишком уважал в ее личности мать, и в особенности мать царя.

Псаметиха велено было поместить в царских покоях дворца фараонов и служить ему как царю, но под строгим надзором. Камбис тем временем осадил и взял царскую резиденцию Саис.

Первым в числе знатных египтян, побуждавших народ к сопротивлению, был Нейтотеп, верховный жрец Нейт. Он и сто человек его сообщников были отправлены в тяжкий плен, в Мемфис. Но большинство придворных фараона, напротив, добровольно покорились Камбису. Они прозвали его 'Раместу', то есть сыном Солнца, и убедили его формально короноваться в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта и, по древнему обычаю, причислить себя к касте жрецов. По совету Фанеса и Креза, Камбис, хотя и неохотно, на все это согласился.

Он даже совершил в храме Нейт жертвоприношение и позволил новому первосвященнику вкратце познакомить его с сущностью мистерий. Некоторых прежних придворных он к себе приблизил, многим чиновникам дал высшие должности, а начальник нильской флотилии Амазиса сумел даже настолько приобрести его милость, что был включен в число царских сотрапезников. Уезжая, царь вверил управление Мегабизу; но едва он успел покинуть Саис, как вспыхнуло долго сдерживаемое негодование черни. Персидские караулы были перерезаны, колодцы отравлены, и конюшни конницы подожжены. Мегабиз поехал к царю и представил, что если подобную враждебность не укротить страхом, то она легко может перейти в открытое восстание. 'Повели, - говорил он, - немедля казнить две тысячи знатных мемфисских юношей, которых ты обрек на смерть в наказание за умерщвление посольства. Полезно будет также, если к этим жертвам ты причислишь сына Псаметиха, вокруг которого со временем станут собираться бунтовщики. Между прочим, я слышал, что дочери бывшего царя и первосвященника Нейтотепа носят теперь воду для ванн благородного Фанеса'. При этих словах афинянин улыбнулся и сказал:

- Камбис, мой повелитель, дозволил мне по моей просьбе держать таких знатных служанок.

- Но запретил тебе, - прибавил Камбис, - посягать на жизнь какого-либо члена низверженного царственного дома. Только царь может наказывать царей.

Фанес преклонил голову, а царь снова обратился к Мегабизу и приказал ему распорядиться к следующему дню все подготовить к казни, долженствовавшей служить грозным предостережением. Об участи царского сына он произнесет слово свое позже; но к месту казни пусть ведут его вместе с прочими. 'Пусть видят, - воскликнул царь, - что на враждебность мы умеем отвечать строгостью!'

Когда Крез позволил себе просить о пощаде невинному мальчику, царь улыбнулся и сказал:

- Не бойся, старый друг; ребенок жив еще, и, может быть, ему у нас будет не хуже, чем твоему сыну, который так храбро дрался при Пелусии. Хотелось бы мне, впрочем, знать, перенесет ли Псаметих свою участь так сдержанно и мужественно, как перенес ее ты, двадцать пять лет тому назад.

- Это можно испытать, - сказал Фанес. - Повели пленному царю явиться на дворцовый двор и пусть проведут мимо него прочих пленников и приговоренных к казни: тогда окажется, мужчина он или трус.

- Пусть будет так, - согласился Камбис, - я скроюсь и буду незримо за ним наблюдать. Ты, Фанес, останешься при мне и назовешь мне имя и звание каждого узника.

На следующее утро афинянин отправился с царем в галерею, окружавшую громадный, обсаженный деревьями дворцовый двор. Густые кусты цветущих растений скрывали их, а сами они могли видеть каждое движение находившихся внизу людей и слышать каждое их слово. Псаметих, окруженный некоторыми из прежних своих приближенных, стоял, прислонясь к пальме, и мрачно смотрел в землю, тогда как его дочери, дочь Нейтотепа и другие девушки, в одежде рабынь, вступили во двор, неся кувшины, наполненные водой. Увидев царя, девушки подняли жалобный крик, который вывел его из задумчивости. Узнав плачущих, он опять потупился, но потом выпрямился и спросил старшую дочь, для кого они носят воду? Когда ему сказали, что они принуждены оказывать рабские услуги Фанесу, он побледнел, кивнул головой и крикнул:

- Ступайте!

Через несколько минут явились во двор окруженные персидскими стражами узники с петлями на шее и кляпами во рту. Впереди всех шел маленький Нехо, который протянул к отцу ручонки и просил его наказать злых, чужих людей, которые хотят его убить. Египтяне заплакали при этих словах от чрезмерной скорби; но Псаметих без слез опять низко нагнулся к земле и движением руки послал ребенку последнее прости.

Вскоре затем ввели в ворота пленников, взятых в Саисе. В числе их находился старик Нейтотеп. Бывший первосвященник был одет в рубище и шел с трудом, опираясь на посох. У ворот он поднял голову и увидел Дария, своего бывшего ученика. Не обращая внимания на окружающих, старик подошел к юноше, плакался ему на жалкое свое положение, просил помощи и, наконец, милостыни.

Дарий исполнил его просьбу, вследствие чего и другие бывшие тут же Ахемениды стали с шутками подзывать старика и бросали ему мелкие деньги, которые он с трудом и с разными выражениями благодарности поднимал с земли.

Увидев это, Псаметих громко зарыдал, со стоном произнес имя своего друга и рукой ударил себя по лбу.

Камбис изумился. Разведя скрывавшие его цветы, он выступил вперед и закричал несчастному царю:

- Скажи мне, удивительный человек, отчего при виде твоей несчастной дочери и сына, идущего на смерть, ты не стонал и не плакал, а между тем выказываешь такое участие к нищему, который даже не родственник тебе?

Псаметих взглянул на своего победителя и отвечал:

- Несчастье, поразившее дом мой, сын Кира, слишком велико для слез. Но падение друга, который в старческом возрасте из самого уважаемого и счастливого человека сделался жалким нищим, мне дозволено оплакивать!

Камбис благосклонно кивнул несчастному и, оглянувшись, заметил, что не у него одного появились слезы на глазах. Крез, Бартия и все присутствовавшие персы, даже Фанес, служивший обоим царям переводчиком, громко плакали.

Эти слезы были приятны гордому победителю и, обратившись к афинянину, он сказал:

- Мне кажется, друг мой, что сделанное нам зло отомщено. Восстань духом, Псаметих, и постарайся, как этот благородный старец (он указал на Креза), привыкнуть к твоей новой участи. Обман твоего отца вымещен на тебе и на доме твоём. Ту самую корону, которую Амазис похитил у моей незабвенной супруги, я теперь сорвал с твоей головы. Я начал эту войну во имя Нитетис; теперь я дарую твоему сыну жизнь, потому что она любила его. Отныне, никем не оскорбляемый, ты можешь свободно жить при дворе нашем в качестве моего сотрапезника и разделять почести моих вельмож. Приведи сюда мальчика, Гигес! Как ты в былое время, он будет воспитан с сыновьями Ахеменидов.

Лидиец поспешил с этим радостным поручением к выходу из галереи, но Фанес отозвал его, гордо встал между царем и затрепетавшим от счастья Псаметихом и сказал:

- Не ходи напрасно, благородный лидиец: Нехо, сына Псаметиха, уже не существует. Вопреки твоему повелению, государь, я воспользовался данным мне когда-то полномочием и приказал палачу казнить Амазисова внука раньше всех прочих пленных. Звук рогов, который все здесь слышали, возвещал о смерти последнего родившегося на берегах Нила наследника египетской короны. Я знаю свою участь, Камбис, и не прошу тебя о жизни, цель которой уже достигнута. Понимаю и твой взгляд, полный укора, Крез: тебе жаль умерщвленных детей. Но жизнь - такое сплетение скорби и разочарований, что я, с предостерегавшим тебя Солоном, считаю счастливейшими тех, кому боги, как Клеовису и Витону, даруют раннюю смерть. Государь, если когда-нибудь я имел в глазах твоих цену, если совет мой когда-нибудь был тебе полезен, - прошу у тебя, как последней милости, позволения сказать еще несколько слов. Ты, Псаметих, знаешь, что нас поссорило; теперь объясню это всем вам, чьим уважением дорожу. Отец этого человека вверил мне войска, посланные против Кипра, и я одержал победу там, где он испытал поражение; я сделался, помимо своей воли, участником тайны, опасной для притязаний его на престол; наконец, я помешал ему похитить добродетельную девушку из дома ее бабки, старухи, уважаемой всеми эллинами. Вот чего он не мог простить мне, вот что побудило его, когда я был принужден оставить службу его отца, вызвать меня на беспощадную, смертельную борьбу. Теперь эта борьба кончилась. Ты умертвил моих невинных детей, Псаметих, и травил меня, как дикого зверя, - вот мщение твое! Я лишил тебя престола и тебя, и народ твой обрек на рабство; я сделал твою дочь своей рабыней; я велел убить твоего сына и был свидетелем того, что та самая девушка, которую ты преследовал, сделалась счастливой супругой героя. Ты, сраженный, погибающий, видел, что я стал самым богатым и могущественным из всех людей моего племени. Несчастный! Ты видел, и в этом моя лучшая месть, - что, уступая неудержимому чувству жалости, я плакал о твоей ужасной участи! Того, кто, подобно мне, одним лишь вздохом может пережить несчастье своего врага, я признаю блаженным, наравне с бессмертными богами! Я сказал все!

Фанес умолк, прижимая руку к своей ране. Камбис посмотрел на него с удивлением, шагнул и поднял руку, чтобы прикоснуться к его поясу, - движение, означавшее смертный приговор, - но тут взгляд царя упал на почетную цепь, когда-то его же руками надетую на афинянина в награду за мудрость, с которой он доказал невинность Нитетис. Воспоминание о страстно любимой женщине и благодарность за бесчисленные оказанные ему этим необыкновенным человеком услуги смягчили его гнев. Рука, готовая возвестить смерть,

опустилась. Несколько мгновений строгий владыка в нерешительности стоял против непослушного друга; потом, повинувшись быстро мелькнувшей мысли, он опять поднял руку и повелительным движением указал на выход из дворца.

Фанес безмолвно преклонился, поцеловал одежду царя и мерным шагом спустился во двор. Псаметих, весь дрожа, посмотрел ему вслед, бросился к подножию галереи, но упал без чувств раньше, чем губы его успели раскрыться для проклятия.

Камбис сделал знак свите и приказал главному ловчему распорядиться приготовлениями к львиной охоте в ливийских горах.

XII

Между тем воды Нила стали подниматься снова. Со времени изгнания Фанеса прошло два месяца.

В тот самый день, когда афинянин покидал Египет, Сапфо разрешилась от бремени дочерью и потом, благодаря попечениям своей бабки, настолько поправилась, что могла принять участие в прогулке по Нилу, предложенной Крезом во время праздника Нейт. Молодые супруги жили уже не в Мемфисе, потому что Бартия, желая оградить себя от выходок брата, обращение которого после отъезда Фанеса сделалось невыносимым, испросил разрешение переселиться в царский дворец в Саисе. К катающимся присоединилась и Родопис, в доме которой лидиец со своим сыном, Бартия, Дарий и Зопир были частыми гостями.

В день праздника все это общество село в восьми милях ниже Мемфиса в богато убранную многовесельную лодку и при благоприятном северном ветре поплыло вверх по реке.

Посреди палубы возвышался раскрашенный яркими красками и раззолоченный навес, под которым можно было укрыться от палящих лучей солнца.

Крез сел подле старой гречанки, а у ее ног поместился милетец Феопомп. Сапфо прислонилась к мужу; Силосон, брат Поликрата, лежал подле задумчиво смотревшего в воду Дария; а Гигес и Зопир плели для обеих женщин венки из цветов, принесенных рабом-египтянином.

- Не верится, - сказал Бартия, - что мы плывем против течения. Ладья, как ласточка, скользит по воде.

- Это благодаря сильному северному ветру, который освежает нам лица, - отвечал Феопомп. - Кроме того, египетские гребцы поистине мастера своего дела.

- И против течения они работали вдвое усерднее, - прибавил Крез. - Ведь и вообще мы только при встрече с препятствием напрягаем силы.

- А если рок направит челн нашей жизни в спокойные воды, сами создаем себе затруднения, - сказала Родопис.

- Правда, - воскликнул Дарий. - Герою противно легкое плавание по течению. В бездействии все люди равны; и потому борьба необходима, чтобы показать свое превосходство перед другими.

- Но благородные борцы не должны затевать ссор, - продолжала гречанка. - Взгляни на эти дыни, которые, как золотые шары, рассыпаны на черной земле. Если бы селянин рассыпал семена слишком щедрой рукой, то ни одна из них не могла бы созреть. Густые стебли и листья заглушили бы плод и собирать было бы нечего. Борьба и труд - призвание человека, но в этом, как и во всем, нужна мера; иначе стремление остается бесплодным. Истинная мудрость заключается в том, чтобы никогда не переступать определенного предела.

- Ах, если бы царь мог тебя слышать! - воскликнул Крез. - Вместо того чтобы довольствоваться своим великим завоеванием и думать только о благе подданных, он уносится мечтами в беспредельную даль. Ему хотелось бы покорить весь мир; а себя самого, со времени изгнания Фанеса, он почти ежедневно отдает в постыдный плен диву пьянства.

- Разве его благородная мать не имеет никакой над ним власти?

- Она даже не могла отклонить его от женитьбы на Атоссе и принуждена была лично присутствовать на свадебном пиру.

- Бедная Атосса! - тихо сказала Сапфо.

- Да, - отвечал Крез, - царица Персии проводит не слишком веселые дни. С братом-супругом ей тем труднее уживаться, что у нее самой вспыльчивый характер. - Говорят, что Камбис, к сожалению, очень ею пренебрегает и обращается с ней, как с ребенком. Впрочем, египтянам этот брак не кажется необычным, потому что у них братья нередко женятся на сестрах.

- Да и в Персии, - прибавил Дарий искусственно спокойным голосом, - браки между кровными родными считаются лучшими.

- Но мы говорили о царе, - продолжал Крез, возвращая разговор направление, менее щекотливое для чувств сына Гистаспа, - уверяю тебя, Родопис, что он действительно благородный человек. В проступках, совершенных в припадках страсти или гнева, он тотчас раскаивается и никогда не оставлял намерения быть добрым и справедливым правителем. На этих

днях, например, за столом, когда его рассудок еще не был отуманен вином, он спросил, какого мнения персы о нем, в сравнении с его отцом.

- Что же ему отвечали?

- Интаферн довольно ловко выручил нас из западни, - сказал со смехом Зопир. - Он отвечал царю: 'По-нашему, ты лучше, потому что не только сохранил в целости владения Кира, но еще и увеличил их за счет заморских завоеваний'. Царь остался, однако же, недоволен ответом, ударил кулаком по столу и вскричал: 'Льстецы, презренные льстецы!' Интаферн был изрядно напуган столь неожиданным выпадом; но царь обратился к Крезу и спросил его мнения. 'Мне кажется, - отвечал наш мудрый друг, - что ты еще не вполне достиг совершенства твоего отца. Тебе недостает, - прибавил он вкрадчиво, - оставить по себе сына, какого покойный оставил нам в тебе'.

- Чудесно, чудесно! - восхитилась Родопис, улыбаясь и аплодируя своему другу, - эти слова сделали бы честь многоумному Одиссею! Но как принял царь эту сладчайшим медом обмазанную пилюлю истины?

- С большим одобрением. Он поблагодарил Креза и назвал его своим другом.

- А я, - продолжал старик, - воспользовался случаем, чтобы отвратить его от замысла идти войной на долговечных эфиопов, аммонян и карфагенян. О первом из этих народов известны только разные сказочные истории. Тут, в случае завоевания, придется за ничтожную выгоду поплатиться большими жертвами. Аммонский оазис отделен от Египта пустыней, которая едва ли доступна большой армии, и мне кажется, что против бога, хотя бы мы и не поклонялись ему, и принадлежащих ему сокровищ грешно идти войной. Наконец, насчет Карфагена результат уже оправдал мои предсказания. Матросы нашего флота, почти все сирийцы и фракийцы, разумеется, отказались идти сражаться со своими братьями. Камбис осмелял мои доводы, назвал меня трусом и, наконец, когда уж вино взяло над ним верх, поклялся, что он и без Фанеса и Бартии в состоянии выполнять трудные предприятия и покорять великие народы.

- Что значит этот намек на тебя, сын мой? - спросила Родопис.

- Он фактически выиграл битву при Пелусии, - перебил Зопир, - он, и никто другой!

- Но тебе, - возразил Крез, - и друзьям твоим следовало бы быть поосторожнее и понять, что опасно возбуждать ревность такого человека, как Камбис. Вы всегда забываете, что сердце его поражено и что малейшая досада в нем отзывается болью. Рок отнял у него любимую женщину и друга, который

был ему дорог, а теперь хотят отнять у него последнее, что близко его сердцу, - его военную славу.

- Не осуждай его, - воскликнул Бартия, схватив старика за руку. - Брат никогда не был несправедлив и не думает завидовать моему счастью, потому что мою удачную атаку едва ли можно назвать заслугой. Вам всем известно, что в награду за мужество он подарил мне после битвы эту великолепную саблю, сто отборных коней и ручную мельницу из чистого золота.

При словах Креза Сапфо встревожилась, но уверенный тон мужа рассеял ее опасения, и она совсем их забыла, когда Зопир кончил свой венок и надел его на голову старой гречанки.

Свой венок из белоснежных лилий Гигес предложил молодой матери, которая укрепила его на своих роскошных темных волосах. В этом простом уборе она была так поразительно прекрасна, что, несмотря на присутствие посторонних, Бартия не выдержал и поцеловал ее в лоб. Этот эпизод дал серьезной беседе более веселое направление. Каждый старался содействовать общему оживлению. Даже Дарий оставил свою обычную серьезность, смеялся и шутил с друзьями, которым между тем были поданы разные напитки и кушанья.

Когда солнце скрылось за Мокатамскими горами, рабы поставили изящные резные стулья, скамейки и столы на открытую часть палубы, куда и перешло веселое общество. Очаровательное зрелище представилось их удивленным взорам.

Праздник богини Нейт, называвшийся у египтян горением светильников и всегда сопровождавшийся блестящим освещением всех домов страны, начался восходом месяца. Берега Нила превратились в необозримые огненные полосы. Каждый храм, каждый дом и хижина были, смотря по достатку владельца, украшены фонарями. У входа домов и на башенках больших зданий горели яркие смоляные огни, густой дым которых колебался в воздухе вместе с бесчисленными флагами и вымпелами. Облитые серебристым лунным светом пальмы и сикоморы отражались странными образами в побагровевших от огня волнах.

Но весь этот свет не мог, однако же, рассеять мрака посреди исполинской реки, где плыла барка катающихся. Им казалось, что они плывут темной ночью между двух сияющих дней. Иногда встречались другие лодки, ярко освещенные фонарями, которые скользили по воде, точно какие-то огненные лебеди, а у берегов плыли как будто по расплавленному металлу.

Белоснежные цветы лотоса качались на волнах и казались как бы глазами воды. С берегов до них не долетало ни одного звука; сильный северный ветер уносил гул праздника, не допуская его до середины реки. Только удары весел и однообразное пение матросов нарушали глубокую тишину ночи.

Долго друзья безмолвно смотрели на необыкновенную, проносившуюся мимо них картину. Наконец Зопир сказал:

- Как я завидую тебе, Бартия! Если бы все делалось как должно, каждому из нас следовало бы теперь иметь подле себя любимейшую женщину!

- Кто же тебе мешал взять с собой одну из твоих жен? - отвечал счастливый супруг.

- А остальные пять подруг моей жизни? - сказал со вздохом юноша. - Если бы я одной Паризатис, дочке Ороэта, младшей моей милочке, позволил ехать со мной, то мне, конечно, не пришлось бы ею любоваться, и на следующее же утро одной парой глаз на свете было бы меньше.

- Мне кажется, - сказал Бартия, сжимая руку Сапфо, - что я весь век проживу с одной женой.

Молодая мать ответила на пожатие любимой руки и сказала, обращаясь к Зопиру:

- Я не верю твоим словам, друг мой. Мне кажется, ты боишься не столько своих жен, сколько нарушения обычаев родины. Я уже слышала, что в женских покоях бранят моего бедного Бартию за то, что он не приставил ко мне евнухов и позволяет мне разделять его удовольствия!

- Это правда, - сказала Родопис. - Жители этого удивительного края уже целые тысячелетия дали нашему слабому полу те же права, какими и сами пользуются. В некоторых отношениях они даже предоставили нам преимущество. Например, египетский закон велит не сыновьям, а дочерям кормить и покоить престарелых родителей. Из этого уж можно видеть, как тонко мудрые отцы униженного теперь народа понимали природу женщины и наше превосходство перед мужчинами в способности к заботливому вниманию и самоотверженной любви. Не смейтесь над этими поклонниками животных; я их не понимаю, но глубоко удивляюсь уже потому, что Пифагор, этот кладезь знания, уверял меня, что в учении жрецов скрыта мудрость, громадная, как их пирамиды!

- И ваш великий учитель прав! - воскликнул Дарий. - Вам известно, что уже несколько недель я ежедневно беседую с Нейтотепом, верховным жрецом богини Нейт, которого я освободил из заключения, и со стариком Онуфисом, -

или, лучше сказать, учусь у них. Как много нового, чего и не подозревал, я услышал от этих старцев! Как много забот я забываю с ними! Им известна вся история неба и земли. Они знают имена всех царей, ход всех важных событий за четыре тысячи лет, путь каждой звезды и все совершенное художниками и мудрецами их народа за все это время, потому что все это записано в книгах, которые хранятся в Фивах, во дворце, называемом 'врачебницей души'. Их законы - чистый ключ мудрости; государственные учреждения вполне обслуживают потребности страны. Нам, на родине, далеко до такого порядка! Основание их науки заключается в употреблении чисел. Только с их помощью можно вычислять звездные пути, точно определять и разграничивать существующее и даже, удлинением и укорачиванием струн, выверять звуки. Число - это единственное, что несомненно верно, против чего бессилён любой произвол, всякое толкование. У каждого народа - свои понятия о правде и неправде; каждый закон может с изменением обстоятельств сделаться непригодным; но сведения, основанные на числах, остаются навеки незабываемыми! Кто станет оспаривать, что дважды два четыре? Числа твердо и точно определяют содержание всего сущего. Каждый существующий предмет равен своему содержанию, и потому числа - истинное бытие, сущность всех вещей!

- Ради самого Митры, Дарий, перестань, если не хочешь, чтобы у меня голова пошла кругом! - взмолился Зопир, перебивая друга. - Слушая тебя, можно подумать, что ты всю жизнь провел с этими египетскими исследователями и никогда не держал в руках меча! Какое нам дело до чисел?

- Большое дело, - сказала Родопис. - Эту тайную науку египетских жрецов Пифагор изучал у того же Онуфиса, который тебя, Дарий, посвящает теперь в мистерии. Приходи ко мне, и я расскажу тебе, как учитель согласовал законы чисел с законами гармонии. Но смотрите, смотрите, вон пирамиды!

Все поднялись со своих мест и безмолвно глядели на представившееся им величественное зрелище.

На левом берегу реки возвышались в серебристом сиянии древние исполинские гробницы могущественных владык, массивные, величественные, гнетущие землю своей невероятной тяжестью, - наглядное доказательство творческой силы человеческой воли, намеков на суету земного величия. Где тот Хуфу, который скрепил каменную гору потом своих подданных? Где долговечный Хафра [\[110\]](#), который презрел богов и в надежде на собственную гордую силу запер будто бы двери храмов, чтобы себя и свое имя обессмертить человеческим мавзолеем? Их саркофаги пусты. Не знак ли это, что судьи мертвых нашли их недостойными могильного покоя и воскресения; между тем как строитель третьей прекраснейшей пирамиды, Микерина [\[111\]](#), который

удовольствовался памятником меньшего размера и снова отворил храмы, спокойно почил в своем гробе из синего базальта.

Пирамиды стояли в безмолвии ночи, освещенные звездами, охраняемые стражем пустыни, исполинским сфинксом, возвышавшимся над голыми скалами ливийского хребта. У их подножия покоились в богато украшенных гробах мумии верных слуг строителей, а против памятника благочестивого Микерина возвышался храм, в котором жрецы Осириса молились о душах бесчисленных покойников мемфисского города мертвых. На западе, там, где солнце скрывалось за горами Ливии, где кончалась плодоносная земля и начиналась пустыня, мемфиты построили себе кладбище. Туда-то и смотрели друзья, в благочестивом ужасе и удивлении храня глубокое молчание.

Чары, сковавшие их язык, оставили их тогда, когда северный ветер пронес быструю ладью мимо жилища смерти и громадных плотин, которые защищали Менесов город от разливов; резиденция древних фараонов все приближалась, и, наконец, сверкнули мириады огней, зажженных всюду в честь Нейт. При виде исполинского храма бога Пта, самого древнего здания древнейшей из всех земель, раздались возгласы восторга.

Тысячи фонарей освещали жилище бога; сотни огней горели на пилонах, на зубцах стен и крышах святилища. Между рядами сфинксов, соединявшими все входные ворота с главным строением, пылали яркие факелы, и пустой дом священного быка Аписа озарялся зыбким светом пламени, как меловая скала в красных лучах тропического заката. Над сияющей картиной развевались флаги и вымпелы, вились цветочные венки, звучала музыка, раздавалось громкое пение.

- Великолепно, чудесно! - воскликнула Родопис, потрясенная удивительным зрелищем. - Смотрите, как освещены пестрые колонны и стены и какими фигурами ложится тень обелисков и сфинксов на ровный, желтый камень дворов!

- И как таинственно, - прибавил Крез, - темнеет там, дальше, священная роща бога! Я не видел ничего подобного.

- А я, - серьезно сказал Дарий, - видел вещи еще более поразительные. Вы поймете меня, когда я скажу вам, что я однажды был свидетелем совершения мистерий Нейт.

- Расскажи, расскажи! - воскликнули друзья.

- Сначала Нейтотеп не хотел меня допустить, но когда я обещал ему не показываться и выхлопотать ему освобождение сына, он провел меня на башню, где он изучает звезды, откуда видно далеко вокруг, и сообщил мне, что

я увижу мистерию об участии Осириса и супруги его Исиды. Как только он ушел, странные пестрые огни осветили рощу так ярко, что я проник взором в сокровеннейшую ее глубину. Передо мной расстилось зеркальное озеро, окруженное прекрасными деревьями и яркими цветами. По нему скользили золотые лодки, где в белоснежных одеждах сидели юноши и девушки и пели приятные песни. Никто не направлял лодок, а между тем они, как бы повинувшись волшебной силе, описывали на водной глади замысловатые узоры. Среди этих челнов плыл великолепный большой корабль, украшенный драгоценными камнями. Очаровательный юноша, казалось, один направлял его, и, вообразите, рулем ему служил белый цветок лотоса, который едва касался воды. Посередине корабля покоилась на шелковых подушках чудесной красоты женщина, одетая с царской роскошью, а подле нее сидел исполин-мужчина, в высокой короне, украшенной плющом, со шкурой пантеры за плечами и загнутым на конце посохом в руке. На корме корабля стояла под навесом из плюща, роз и цветов лотоса белоснежная корова с золотыми рогами, одетая пурпурным покрывалом. Мужчина был Осирис, женщина - Исида; мальчик у руля - Гор, сын божественной четы; корова - священное животное бессмертной жены. Все маленькие лодки проплыли мимо большого корабля; хвалебные гимны слышались на каждой при приближении бога и богини, которые бросали прекрасным певцам и певицам цветы и плоды. Вдруг грянул гром, который постепенно превратился в ужасающий грохот, когда страшный мужчина, одетый в кабанью шкуру, Сетх, с косматой рыжей головой и отвратительным лицом, выступил из мрака рощи и, бросившись в озеро с семьюдесятью подобными ему людьми, стал приближаться к кораблю Осириса.

- Быстрее ветра рассеялись лодочки, и цветок лотоса выпал из трепетной руки рулевого мальчика. Ужасное чудовище мгновенно бросилось на Осириса и умертвило его при помощи своих соучастников. Потом труп был положен в погребальный ящик и брошен в озеро, воды которого, как бы волшебством, тотчас унесли плавучий гроб. Исида между тем спаслась в одной из лодок и с распущенными волосами и громким плачем бегала по берегу в сопровождении девушек, также покинувших лодки. Они с трогательными песнями и танцами искали труп убитого, причем девушки сопровождали пляску удивительными движениями и извивами платков из черного виссона. Юноши также не оставались без дела и под пляску и звон погремушек изготавливали драгоценный гроб для своего бога. Кончив работу, они присоединились к женской свите плачущей Исиды и вместе с ней, под звуки жалобных песен, искали вдоль берега исчезнувший труп.

Вдруг запел тихий, невидимый голос, который, постепенно усиливаясь, возвестил, что труп бога унесен волнами Средиземного моря в далекий город Библ [\[112\]](#). Эта песня, которую стоявший подле меня сын Нейтотепа назвал

'ветром молвы', потрясла мне душу и сердце. Услышав радостную весть, Исида сбросила траурные одежды и вместе со своими прекрасными спутницами запела громкую песнь восторга. Молва оказалась справедливой, и богиня нашла у северного побережья озера саркофаг и труп супруга. Когда их с пляской перенесли на берег, Исида бросилась к телу возлюбленного, называла Осириса по имени и страстно его целовала, в то время как юноши устроили над ним чудесный погребальный шатер из ветвей, плюща и цветов лотоса. Установив саркофаг, Исида покинула место скорби и пошла искать сына. Она его нашла на восточном берегу озера, где я уже давно заметил очаровательной красоты юношу, который с многочисленными ровесниками упражнялся в военных играх. Это и был подрастающий Гор.

Пока мать любовалась своим прекрасным сыном, раздался новый удар грома, возвестивший вторичное приближение Сетха. Чудовище бросилось на цветущую могилу своей жертвы, вырвало тело из саркофага, разрубило его на четырнадцать частей, разбросало по побережью. Вернувшись на могилу, Исида нашла только увядшие цветы и пустой гроб. Но на берегу озера в четырнадцати местах пылали огни чудесных цветов. Осиротевшая богиня поспешила с девушками к этим огням, а юноши пристроились к Гору и вместе с ним направились к противоположному берегу, чтобы сразиться с Сетхом. Я не знал, куда мне смотреть и что слушать. Тут, среди непрерывных ударов грома и трубной трескотни, происходила жестокая битва, от созерцания которой мне не хотелось оторваться, а там нежные женские голоса сопровождали пленительными песнями чарующие пляски, так как Исида у каждого из внезапно вспыхнувших огней находила какую-нибудь часть тела супруга и выражала свою радость.

Ах, если бы ты видел эти пляски, Зопир! Нет слов описать грацию движений этих девушек, и я не в состоянии рассказать вам, как изящно они то сходились толпой, то мгновенно быстрее стрел разлетались в стройные, прямые ряды. И из их сплетающихся рядов беспрестанно сверкали ослепительные лучи, потому что у каждой танцовщицы между плеч было зеркало, которое при движении отбрасывало световой луч, а как только они останавливались, удваивало число девушек. Когда Исида нашла последнюю часть Осириса, на противоположном берегу озера раздались победные звуки труб и радостные песни. Гор поразил Сетха и спешил для освобождения отца к отворенным воротам подземного мира, которые находились на западной стороне озера под охраной страшной самки гиппопотама. Тогда слышались все ближе и ближе нежные звуки арф и флейт; небесное благозвучие наполнило округу, вся роща осветилась становившимся все ярче и ярче розовым светом, и Осирис, рука об руку с победоносным сыном, выступил из отворенных ворот подземного мира. Исида бросилась в объятия спасенного, восставшего из мертвых супруга, снова

вручила прекрасному Горы вместо меча цветок лотоса и рассыпала во все стороны цветы и плоды. Осирис между тем сел под балдахин, обвитый плющом, и принял поклонение всех духов Земли и Аменты [\[113\]](#).

Дарий умолк. Тогда Родопис сказала:

- Мы очень благодарны тебе за приятный рассказ, но ты еще больше нас обяжешь, объяснив нам смысл этого удивительного зрелища, которое, конечно, имеет глубокий смысл.

- Ты не ошибаешься, - ответил Дарий, - но то, что мне известно, я не могу рассказывать, потому что дал в этом клятву Нейтотеу.

- Сказать ли тебе, какой смысл я, по разным намекам Пифагора и Онупфиса, предполагаю в этом представлении? Мне кажется, Исида - щедрая земля; Осирис - влажность или Нил, который ее оплодотворяет; Гор - молодая весна; Сетх - палящая засуха, которая уничтожает Осириса или влажность. Земля, лишенная производительной силы, скорбно ищет любимого супруга, которого и находит на прохладном севере, куда изливается Нил. Наконец, Гор, молодая животворная сила природы, побеждает Сетха, или засуху. Осирис, как и плодородие земли, был лишь в состоянии кажущейся смерти; он возвращается из подземного мира и, вместе с супругой своей, щедрой землей, снова властвует в благословенной долине Нила.

- И так как убитый бог вел себя в подземном мире весьма похвально, - сказал со смехом Зофир, - то в конце этой поучительной мистерии удостоился поклонения всех жителей Гаместегана, Дузака и Горофмана, или как там называются все эти обители полчищ египетских душ.

- Они называются аменти, - сказал Дарий, улыбаясь веселой выходке Зофира. - Но история божественной четы изображает не только жизнь природы, но жизнь человеческой души, которая, как убитый Осирис, никогда не перестанет жить и после смерти тела.

- Чудесно! Это я приму к сведению, на случай, если придется умирать в Египте. Впрочем, в следующий раз я хочу во что бы то ни стало присутствовать при этом представлении.

- Я разделяю твоё желание, - сказала Родопис. - Ведь старость так любопытна!

- Ты сохранишь вечную юность, - возразил ей Дарий. - Твоя речь еще так же прекрасна, как и лицо, и ум столь же ясен, как и глаза твои!

- Извини, если я тебя перебую, - воскликнула Родопис, будто не слыша изысканно лестных слов, - слово 'глаза' напомнило мне глазного врача

Небенхари, и память моя до того ослабела, что я должна сейчас же, пока не забыла, спросить тебя о нем. Я уже давно ничего не слышу о великом ученом, которому благородная Кассандана так много обязана.

- Несчастный! Еще во время похода к Пелусию он избегал всякого общества и не хотел говорить даже со своим земляком Онуфисом. Он допускал к себе только старого, тощего своего помощника и только от него принимал услуги. После битвы он вдруг переменялся. С сияющим лицом явился он к Камбису и просил царя взять его с собой в Саис и позволить ему выбрать в рабы двух человек из тамошних граждан. Камбис не счел себя вправе отказать в чем-либо благодетелю своей матери и дал ему надлежащее полномочие. Прибыв в резиденцию Амазиса, он тотчас отправился в храм Нейт, велел схватить первосвященника, - который, впрочем, был главным вожаком враждебных нам граждан, - и одного ненавистного ему глазного врача и объявил им, что за сожжение каких-то рукописей они осуждаются на пожизненное, унижайшее рабство во власти какого-то перса, которому он их продал. Я был при этой сцене и уверяю вас, что египтянин даже и на меня нагнал ужас, когда грозно объявил своим врагам приговор.

Нейтотеп выслушал его, однако же, спокойно и сказал:

- Если ты, безумный сын мой, из-за твоих сожженных рукописей предал отечество, то поступил несправедливо и не умно. Я бережно сохранил все твои драгоценные писания, скрыл их в нашем храме и полный список с них отправил в фиванское книгохранилище. Мы ничего не сожгли, кроме писем Амазиса к твоему отцу и старого дрянного ящика. Псаметих и Петаммон присутствовали при этом сожжении и тут же решили, в награду за твои сочинения и взамен потери бумаг, которые мы для спасения Египта, к сожалению, вынуждены были уничтожить, предоставить тебе в городе мертвых новую наследственную гробницу. На ее стенах ты увидишь прекрасные изображения богов, которым посвятил себя, священнейшие главы 'Книги мертвых' и много к тебе относящихся прекрасных изображений.

Врач побледнел. Он осмотрел сначала свои книги, потом роскошную гробницу и тут же объявил обоих рабов своих свободными, - но их все-таки увели как пленников в Мемфис, - и пошел домой, спотыкаясь, как пьяный, и беспрестанно хватаясь рукой за голову. Дома он написал завещание, которым отказал все имение внуку своего старого слуги, Гиба, и лег, сказавшись больным, в постель. На следующее утро его нашли мертвым: он отравился смертоносным соком стрихноса [\[114\]](#).

- Несчастный! - воскликнул Крез. - Ослепленный богами, он изменил отечеству; и, вместо мщения врагам, сам себя довел до отчаяния!

- Жаль его, - проговорила Родопис. - Но смотрите, гребцы уже затягивают ремни. Мы достигли цели; там вас ждут носилки и колесницы. Какая чудесная прогулка! Прощайте, возлюбленные; надеюсь, вы скоро побываете в Наукратисе. Я сейчас же возвращаюсь туда с Силосоном и Феопомпом. Поцелуй за меня сто раз маленькую Пармису и скажи Мелите, чтобы она в полдень никогда не выносила ребенка из дома. Это вредно для глаз. Доброй ночи, Крез, доброй ночи, друзья; прощай, милый сын мой!

Персы, кланяясь, оставили лодку. Бартия обернулся, чтобы еще раз проститься, оступился и упал на помост пристани.

Зопир бросился к другу, который без его помощи быстро вскочил, и, смеясь, заметил:

- Берегись, Бартия! Падать при высадке - худая примета. Со мной случилось как раз то же самое, когда мы в Наукратисе сходили с корабля!

XIII

Во время вышеописанной прогулки по Нилу возвратился в Мемфис Прекасп, ездивший, по поручению Камбиса, послом к эфиопам. Он превозносил рост и силу этих людей, изображал путь к ним непроходимым для значительной армии и рассказывал разные удивительнейшие вещи.

Эфиопы избирали царем самого красивого и сильного мужчину в племени и повиновались ему беспрекословно. Многие доживали у них до ста двадцати лет, и были нередки примеры еще более продолжительной жизни. Пищей им служило вареное мясо, а питьем - свежее молоко. Они умывались из ключа, вода которого пахла фиалками, сообщала коже особенный блеск и была так легка, что дерево тонуло в ней. Пленники у них ходили в золотых оковах, потому что медь являлась редкостью и была слишком дорога. Покойников они обмазывали гипсом, обливали стекловидной массой и, в виде колонн, держали их в домах в течение года; а потом приносили в честь усопших жертвы и расставляли их по городу длинными рядами.

Царь того необыкновенного народа принял дары Камбиса с насмешкой, сказав, что в дружбе его персы, без сомнения, нисколько не нуждаются и Прекасп прислан только затем, чтобы разведать Эфиопию. Если бы владыка Азии был честен, он удовольствовался бы своим обширным царством и не замышлял покорить народ, который его ничем не оскорбил. 'Отнеси царю твоему этот лук, - сказал он, - и посоветуй ему идти на нас войной только тогда, когда персы научатся натягивать подобное оружие с такой же легкостью, как мы. Впрочем, пусть Камбис благодарит богов, что эфиопам не пришлось в голову расширять свои владения завоеванием чужих земель!'

При этих словах он натянул лук и передал его Прексаспу. Огромный лук этот из черного дерева Прексасп и представил теперь своему повелителю.

Камбис осмеял хвастуна-африканца, пригласил вельмож собраться на следующее утро для испытания лука и наградил Прексаспа за трудный путь и добросовестное исполнение поручения. Спать он по обыкновению лег пьяный и спал беспокойным сном. Перед пробуждением ему приснилось, что Бартия сидит на персидском престоле и головой касается неба.

Этот сон, для истолкования которого он не нуждался ни в мобедах, ни в халдеях, возбудил в нем сначала гнев, а потом раздумье.

Лежа без сна, он спрашивал себя:

- Разве ты не дал брату поводов к мщенью? Разве он забыл, что ты его, безвинного, бросил в темницу и приговорил к смерти? Если бы он поднял на меня руку, разве не стали бы на его сторону все Ахемениды? Да и что я сделал, чтобы заслужить любовь этих продажных царедворцев? И что сделаю в будущем для приобретения этой любви? Разве со времени смерти Нитетис и бегства этого удивительного эллина есть хоть один человек, которому я мог бы довериться, на чью привязанность мог бы рассчитывать?

Эти вопросы до такой степени взволновали его пылающую кровь, что он вскочил с постели и воскликнул:

- Любовь меня отвергает, и я не хочу знать любви! Другие могут действовать кротостью, но я должен быть строг, иначе попаду в руки тех, которые меня ненавидят за то, что я был справедлив и великое зло преследовал тяжкими карами. В глаза они мне льстят, а за спиной проклинаят. Сами боги мне враждебны; они отнимают у меня все, что я люблю, и отказывают мне даже в наследнике и в подобающей воинской славе! Разве Бартия настолько лучше меня, что все, чего я лишен, ему дается сторицей? Любовь, дружба, слава, дети - все стекается к нему, как реки к морю; а мое сердце иссыхает в пустыне! Но я - еще царь; я еще могу и желаю показать ему, кто из нас сильнее, даром что голова его упирается в небо! Только один человек должен быть велик в Персии! Он или я, я или он! На этих же днях я его отправлю назад в Азию, сатрапом в Бактрию. Там пусть сколько хочет заслушивается песен жены и забавляется пестованием ребенка; а я, между тем, в войне с эфиопами приобрету уже безраздельную славу. Эй, слуги! Платье и добрую утреннюю чашу! Я покажу персам, что гожусь в цари Эфиопии и всех их превосхожу в стрельбе из лука. Еще чашу! Я натяну этот лук, хотя бы тетивой его был корабельный канат, а деревом - целый кедр!

После этих слов он одним махом осушил огромный кубок вина и, в полном сознании своей исполинской силы, уверенный в успехе, отправился в дворцовый сад, где ожидавшие вельможи приветствовали его громкими возгласами и поклонились ему до земли.

Среди подстриженных изгородей и прямых аллей возвышалась наскоро построенная колоннада. Пурпурные шнуры были натянуты между колонн, и с них, на золотых и серебряных кольцах, ниспадали куски красной, желтой и синей материи. Для отдыха были поставлены широким кругом скамейки из золоченого дерева; проворные виночерпии разносили и подавали собравшимся вино в великолепных сосудах.

По знаку царя Ахемениды поднялись с земли.

Взор Камбиса скользнул по их рядам и блеснул радостью, заметив отсутствие брата. Подойдя к царю, Прексасп подал ему эфиопский лук и показал установленную в некотором отдалении мишень. Камбис осмелел ее излишне большие размеры, взвесил лук правой рукой и пригласил своих верных слуг прежде него попытать счастья, причем передал оружие старику Гистаспу, как знатнейшему из Ахеменидов.

Пока этот старец, а потом представители шести других знатнейших фамилий Персии напрасно старались натянуть непомерно тугое оружие, царь осушал кубок за кубком и становился тем веселее, что предложенная эфиопом задача для всех оказалась неразрешимой. Наконец очередь дошла до Дария, который славился своим искусством в стрельбе, но, несмотря на все усилия, ему только на палец удалось согнуть твердое, как железо, дерево. В награду за успех царь благосклонно кивнул ему и, окинув торжествующим взглядом толпу своих вельмож и родственников, воскликнул:

- Поддай мне лук, Дарий! Я покажу, что только один человек в Персии достоин имени 'царя', только один может состязаться с эфиопами; только один в силах натянуть этот лук!

Могучей рукой взял он тяжелый лук; левой сжал его дугу из эбенового дерева, а правой толстую в палец тетиву из львиной кишки; глубоко перевел дух, согнул свою крепкую спину и стал тянуть тетиву. Он непомерно напрягал все силы, так что его суставы трещали и жилы на лбу, казалось, готовы были лопнуть, не постыдился даже действовать ногами, чтобы хоть с их помощью достигнуть цели. Однако же все было напрасно. После четверти часа неимоверного напряжения силы его ослабли, дерево, которое он согнул больше, чем Дарий, подалось назад, и дальнейшие попытки царя не привели ни к чему. Наконец он с яростью бросил лук на землю и вскричал:

- Эфиоп лгал! Никакой смертный не натягивал этого лука! Что моя рука не в силах была сделать, того не сделает ничья рука! Через три дня мы выступаем в Эфиопию. Там я вызову обманщика на единоборство и покажу вам, кто из нас сильнее. Подними лук, Прекасп, и береги его хорошенько, потому что я предполагаю удавить черного лжеца этой тетивой. А дерево это, точно, крепче железа! Человека, который был бы в состоянии его согнуть, я бы охотно признал своим господином, потому что такой человек был бы в самом деле лучше меня!

Едва успел он произнести эти слова, как Бартия вступил в круг собравшихся вельмож. Богатые одежды его изящно обнимали стройный стан, черты сияли счастьем и сознанием силы. Приветливо улыбаясь, прошел он сквозь ряды Ахеменидов, которые радостно любовались прекрасным юношей, подошел прямо к брату, поцеловал его одежду и воскликнул, открыто и весело смотря в его угрюмые очи:

- Я немного опоздал и прошу извинения твоего, державный повелитель и брат мой. Или, может быть, я пришел вовремя? В самом деле, в мишени нет ни одной стрелы, значит, ты, лучший стрелок в мире, еще не испытывал своей силы! Ты смотришь на меня вопросительно: признаюсь, меня задержал наш ребенок. Девочка сегодня в первый раз смеялась и была так мила с матерью, что я забыл время. Смейтесь над моей глупостью; я и сам знаю, что виноват. Посмотри, пожалуйста, девчонка, в самом деле, оторвала у меня звезду от цепи; но я надеюсь, милый брат, что ты мне подаришь новую, если я посажу стрелу в самое сердце мишени. Начинать ли мне испытание, или ты, государь, сам начнешь?

- Дай ему лук, Прекасп, - проговорил Камбис, не удостаивая юношу ни одним взглядом.

Когда Бартия взял лук и внимательно стал его рассматривать, царь насмешливо усмехнулся и воскликнул:

- Клянусь Митрой, мне кажется, ты стараешься обольстить это оружие, как сердца людей, приятными взглядами! Отдай лук Прекаспу. С красивыми женщинами и смеющимися детьми играть легче, чем с этим оружием, которое посрамило силу истинных мужчин!

При этих словах, сказанных тоном самой горькой насмешки, Бартия покраснел от гнева и негодования; молча поднял он с земли исполинскую стрелу, встал против мишени, собрал все силы, с почти нечеловеческим напряжением натянул тетиву, согнул дугу лука и спустил пернатую стрелу, железное острие которой глубоко вонзилось в середину мишени, а древко с треском расщепилось.

При этом поразительном доказательстве силы большинство Ахеменидов разразилось восторженными криками, а ближайшие друзья победителя побледнели и безмолвно смотрели то на дрожащего от бешенства царя, то на Бартию, сиявшего гордостью и сознанием подвига.

Камбис был страшен. Он чувствовал, как будто стрела, дрожавшая в мишени, пронзила его собственное сердце, его достоинство, силу и честь. Искры сверкали у него перед глазами, в его ушах шумела буря, щеки его пылали, и правая рука судорожно сжимала руку стоявшего подле него Прексаспа. Тот ясно понял, что выражало давление царской десницы и тихо прошептал: 'Несчастный Бартия!'

Наконец, царю удалось совладать с собой. Молча бросил он брату золотую цепь, приказал вельможам следовать за собой и ушел из сада. В своих покоях он порывисто ходил взад и вперед и заливал свое бешенство вином. Вдруг он, казалось, на что-то решился, велел всем придворным, кроме Прексаспа, выйти и, оставшись с ним наедине, вскричал хриплым голосом, с блуждающим, опьяненным взглядом:

- Такую жизнь нет сил выносить! Спровадь врага моего со света, и я назову тебя моим другом и благодетелем!

Прексасп затрепетал, пал ниц перед владыкой и с умоляющим видом простер к нему руки. Но Камбис был слишком пьян и слишком ослеплен ненавистью, чтобы понять это движение царедворца. Он вообразил, что посол хочет выразить поклоном свою преданность, велел ему подняться и прошептал, как бы боясь услышать свои собственные слова:

- Действуй быстро и тайно! Никто, кроме тебя и меня, не должен знать о смерти выскочки. Головой ответишь, если узнают. Ступай и, когда исполнишь, возьми из казны сколько хочешь. Но будь осторожен: у мальчика сильная рука и он мастер находить друзей. Когда он станет прельщать тебя сладкими речами, вспомни о своей жене и о своих детях!

Тут он выпил еще полный кубок неразбавленного вина, шатаясь подошел к дверям покоя и, уже стоя спиной к Прексаспу, с угрожающим видом подняв кулак, проговорил хриплым голосом и заплетающимся языком, как бы обращаясь к самому себе:

- Горе тебе и твоим родным, если бабий герой, счастливчик, вор моей чести, останется жить!

Он давно уже вышел из зала, а Прексасп все еще неподвижно стоял на прежнем месте. Честолюбивый, но не бесчестный слуга деспотов был подавлен данным ему страшным поручением. Он знал, что в случае отказа исполнить

преступный план царя его и его близких ждет смерть или немилость. Но он любил Бартю, и все существо его возмущалось при одной мысли о совершении тайного убийства. Упорная борьба происходила в его сознании и продолжалась, когда он уже давно оставил дворец. На пути к дому ему встретились Крез и Дарий. Он спрятался от них за выступ ворот одного большого египетского дома, вообразив, что они прочтут преступление на его лице. Проходя мимо, Крез говорил:

- Я строго разобрал Бартю за его неуместное молодечество, и мы должны благодарить богов, что Камбис, в припадке ярости, не наложил на него руки. Теперь он, по моему совету, уехал вместе с женой в Саис. На этих днях ему не следует показываться, потому что при взгляде на него гнев опять может вспыхнуть; а у властителя всегда найдутся бессовестные слуги...

При этих уже издалека долетевших словах Прекаспа болезненно передернуло, как будто Крез его самого уличил в гнусности. Под влиянием этого чувства он решил, чего бы ни стоило, не пятнать своих рук кровью друга и, уже гордо выпрямившись, дошел до отведенного ему дома. У дверей выбежали ему навстречу оба его сына, которые, для свидания с отцом, тайком прокрались с места игр детей Ахеменидов, всегда следовавших за войсками и царем. Со странным, ему самому непонятым волнением прижал он красавцев-детей к своей груди и еще раз их обнял, когда они объявили, что сейчас же должны возвратиться к месту игр, иначе будут наказаны. Войдя в дом, он увидел любимую жену, которая играла с последним ребенком - хорошенькой маленькой девочкой. Еще раз испытал он прилив того же непонятого чувства; но совладал с собой, боясь проговориться перед молодой женой, и вскоре ушел к себе.

Наступила ночь.

Спать он не мог и в тяжком искушении тревожно метался в постели. Мысль, что отказом исполнить желание царя он погубит жену и детей, со страшной ясностью представлялась его бессонному взору. Решимость исполнить доброе намерение оставила его; и те же слова Креза, которые доставили победу благороднейшим его чувствам, теперь его соблазнили: '...у властителя всегда найдутся бессовестные слуги!...' Эти слова, конечно, клеймили его позором, но они напоминали ему, что если он послушается, то найдется сотня охотников исполнить повеление царя. Эта мысль вскоре взяла верх над всеми другими. Он вскочил с постели, осмотрел и перепробовал многочисленные кинжалы, в порядке висевшие на стене спальни, и самый острый положил на столик подле дивана.

Потом он в задумчивости начал ходить взад и вперед по комнате, часто подходя к окну, чтобы взглянуть, не наступает ли день, и освежить пылающую голову.

Когда мрак ночи уступил сияющему утру и звон меди, сзывавший мальчиков к молитве, опять напомнил ему о сыновьях, он еще раз попробовал кинжал. Мимо него прошла толпа богато одетых придворных, направлявшихся ко дворцу, и он заткнул кинжал за пояс. Наконец, из женских покоев донесся до него веселый смех младшего ребенка. Он порывисто надел свой тюрбан и, не простившись с женой, вышел из дому. В сопровождении нескольких рабов направился он к Нилу, бросился в лодку и приказал гребцам везти себя в Саис.

Через несколько часов после происшествия на стрельбище Бартия, по совету Креза, возвратился, вместе с молодой женой, в Саис. Они застали там Родопис, которая под влиянием какого-то непреодолимого чувства заехала к ним вместо того, чтобы проплыть в Наукратис. Ей рассказали о падении Бартии при выходе на берег после прогулки. Кроме того, она собственными глазами видела, как сова пролетела с левой стороны у самой его головы. Этих дурных примет было вполне достаточно, чтобы смутить ее сердце, не чуждое предрассудков, и сильнее возбудить в ней желание не расставаться с молодой четой. Она тотчас решила подождать в Саисе возвращения внучки.

Супруги обрадовались дорогой, неожиданной гостье и, дав ей вволю натешиться с маленькой правнучкой, Пармисой, провели в приготовленные для нее покои. Это были те самые покои, где несчастная Тахот провела последние страдальческие месяцы своей жизни. С глубоким чувством взглянула гречанка на разные безделушки, показывавшие не только пол и возраст покойной, но и ее наклонности и образ мыслей. На туалетном столике стояли всякого рода баночки и флаконы с разными составами, притираниями, духами и маслами. В коробке, чрезвычайно искусно сделанной в виде нильского гуся, и в другой, с изображением арфистки, хранились богатые золотые украшения царской дочери, а это металлическое зеркало с ручкой в виде спящей девушки когда-то отражало ее прекрасное, нежно-румяное лицо. Все убранство комнаты, от красивого ложа на львиных ногах до изящных гребней из слоновой кости, лежавших на туалете, доказывало, что бывшая обительница этих покоев любила внешнюю прелесть жизни. Золотой систр и тонкой работы набла с давно лопнувшими струнами напоминали о наклонности к музыке, а лежавшая в углу сломанная прялка из слоновой кости и неоконченные сетки из стеклянных бус свидетельствовали о любви к женским работам.

Родопис с тихой грустью пересмотрела все эти вещи и составила себе по ним картину жизни, не во многом расходившуюся с действительностью. Наконец, движимая любопытством и участием, она подошла к большому раскрашенному ящику и подняла его легкую крышку. Там сверху лежали засохшие цветы, потом мяч, искусно оплетенный давно увядшими листьями и розами, множество разных амулетов: один, например, в виде богини истины, другой - кусочек папируса, исписанный заклинаниями и сохраняемый в золотой коробочке. Потом она нашла несколько писем на греческом языке и прочла их при мерцании лампы. Это были письма Нитетис, посланные из Персии мнимой сестре, о болезни которой она ничего не знала. Глаза старухи наполнились слезами. Тайна усопшей теперь перед ней открылась. Она узнала, что Тахот любила Бартию, что эти цветы были получены от него, этот мяч потому обвит розами, что был ей брошен им. Амулетами, без сомнения, предполагалось излечить больное сердце или возбудить ответную любовь в груди царского сына.

Когда она захотела положить эти письма на прежнее место и тронула рукой куски материй, лежавшие на дне ящика, то заметила под ними какой-то твердый круглый предмет. Приподняв разостланные ткани, она увидела раскрашенный восковой бюст Нитетис, до такой степени похожий, что она невольно вскрикнула и потом долго не могла отвести глаз от чудесного произведения Феодора Самосского.

Потом она легла и заснула, думая о печальной участи дочери египетского царя.

На следующее утро она отправилась в сад, где при жизни Амазиса мы уже однажды были, и там, под навесом из виноградных лоз, нашла тех, кого искала.

Сапфо сидела на легком плетеном стуле и держала на руках нагого младенца, который протягивал полные ручонки и ножки то к отцу, стоявшему на коленях перед молодой женщиной, то к матери, которая, смеясь, наклонялась к нему.

Когда пальцы ребенка зарывались в кудри и бороду молодого героя, он тихо отводил голову, чтобы испытать силу своей любимицы и дать ей ощущение, будто она крепко надергала волосы отца. Когда резвые ножонки касались его лица, он брал их рукой, целовал хорошенькие розовые пальчики и подошву, нежную, как щека девушки. Когда маленькая Пармиса цеплялась обеими ручками за его палец, он притворялся, будто не может вырваться, и целовал округлые плечики или ямочку на локтях, или белоснежную спину прелестного создания. Сапфо также наслаждалась этой невинной игрой и старалась направить внимание ребенка исключительно на отца.

Изредка наклонялась она над девочкой, чтобы поцеловать свежую, чуть заметно вспотевшую шейку или красный ротик. И случалось, конечно, при этом, что ее лоб касался волос мужа, который тогда каждый раз похищал с ее уст предназначенный ребенку поцелуй.

Родопис, долго незамечаемая, смотрела на эту сцену и со слезами на глазах молилась, чтобы боги надолго сохранили ее возлюбленным это великое, чистое счастье. Наконец она подошла к беседке, поздоровалась с супругами и похвалила старуху Мелиту, пришедшую с большим зонтиком, чтобы унести Пармису в колыбель и защитить ее от слишком яркого солнечного света.

Старая рабыня была назначена старшей нянькой царственного младенца и исполняла свою должность с комической важностью. Разодетая в богатые персидские одежды, она находила в непривычном для нее праве распоряжаться истинное блаженство, обращалась с многочисленными ей подчиненными рабынями со снисходительной важностью и держала их в постоянной суете.

Сапфо пошла за Родопис, но прежде обняла красивой рукой шею мужа и вкрадчиво шепнула ему:

- Расскажи-ка бабушке все и спроси, согласится ли она с тобой.

Прежде чем Бартя успел ей ответить, она поцеловала его в губы и поспешно ушла вслед за торжественно выступавшей Мелитой.

Сын Кира с улыбкой посмотрел ей вслед и не мог оторвать глаз от ее стройной фигуры. Наконец он повернулся к старой гречанке и спросил:

- Не замечаешь ли ты, что она в последнее время выросла?

- Кажется, - отвечала Родопис. - Девственность имеет особую, чарующую прелесть, но только достоинство матери сообщает женщине истинное величие. Оно возвышает женщину. Нам кажется, что она выросла, а между тем она только внутренне чувствует себя выше, вследствие сознания, что исполнила свое назначение.

- Да, кажется, что теперь она счастлива. Вчера мы в первый раз не сошлись во мнении. Сейчас, уходя, она меня тайком просила рассказать тебе наш спор, и я с удовольствием это сделаю, потому что так же высоко ценю твою мудрость и знание жизни, как люблю ее детскую неопытность.

Тут он рассказал, что случилось при испытании лука, и кончил словами:

- Крез бранит меня за неосторожность; но я знаю брата и уверен, что хотя он в гневе готов на всякое насилие и был бы способен, под впечатлением своей неудачи, там, на месте, убить меня, - но что, когда гнев пройдет, он забудет мое

торжество и в будущем постарается превзойти меня подвигами. Не долее как год тому назад он был лучшим стрелком во всей Персии; да и теперь был бы таким, если бы его громадная сила не ослабела от вина и этих жестоких припадков. А я, напротив, чувствую, что с каждым днем становлюсь все сильнее...

- Чистое счастье, - прервала Родопис, - укрепляет руку мужчины и возвышает красоту женщины, а невоздержанность и душевные страдания расстраивают тело и дух хуже болезни и старости. Остерегайся брата, сын мой, потому что как рука его, прежде могучая, могла ослабеть, так и душа, когда-то высокая, может утратить свое благородство. Поверь опытности, которая научила меня, что человек, сделавшийся рабом одной постыдной страсти, редко сохраняет власть над прочими своими побуждениями. Кроме того, унижение всего невыносимее именно для того, кто ощущает упадок своих сил. Остерегайся брата и верь голосу опыта больше, чем собственному сердцу, которое, вследствие своих благородных чувств, слишком склонно предполагать в сердцах всех прочих людей подобные же чувства.

- Из этих слов я заранее заключаю, что ты будешь согласна с Сапфо. Дело в том, что она меня просила, хотя ей разлука с тобой очень тягостна, уехать из Египта и возвратиться с ней в Персию. Она полагает, что, когда я буду далеко от глаз и ушей Камбиса, он забудет свое недовольство. До сих пор я находил ее слишком робкой, и мне бы не хотелось уклониться от похода в Эфиопию...

- А я, - вторично перебила его Родопис, - умоляю тебя последовать ее совету, внушенному верным чутьем и истинной любовью. Богам известно, сколько огорчений принесет мне разлука с вами; но я все-таки тысячу и тысячу раз повторяю: возвращайся в Персию и помни, что только безумные без цели рискуют жизнью и счастьем! Поход в Эфиопию - сумасбродство; вы там погибнете и, конечно, не от руки черных жителей юга, а от зноя, жажды и ужасов пустыни. А что касается собственно твоей роли в этом походе, так сообрази, что ты жертвуешь жизнью и счастьем твоих близких там, где слава невозможна, потому что всякий новый подвиг снова возбudit ревность твоего брата. Возвращайся в Персию, сын мой, и чем скорее, тем лучше.

Бартия собирался привести ей свои возражения, но в эту минуту заметил Прексаспа, подходившего к нему с расстроенным бледным лицом.

После обычных приветствий и вопросов посол шепнул юноше, что должен говорить с ним наедине, и, после ухода Родопис, сказал, в смущении перебирая кольца на правой руке:

- Я к тебе прислан царем. Ты рассердил его вчерашним твоим подвигом. В ближайшее время он не хочет тебя видеть и велит тебе ехать в Аравию, чтобы

купить там верблюдов, сколько их удастся собрать. Эти животные, которые могут долго переносить жажду, повезут воду и припасы для нашей выступающей против эфиопов армии. Поездка наша не терпит отлагательства. Простись с женой и - такова воля царя - будь готов к отъезду раньше, чем стемнеет. Ты пробудешь в отсутствии, по крайней мере, месяц. Я тебя провожу до Пелусия. Кассандане угодно, чтобы в это время жена твоя и ребенок находились при ней. Отправь их как можно скорее в Мемфис, где под надзором державной матери царя они будут в безопасности.

Бартия, выслушав Прекаспа, не заметил его смущенного вида и отрывистой речи. Он был рад мнимой умеренности брата и этому поручению, которое разрешало все его сомнения относительно отъезда из Египта. Под влиянием этого чувства он дал фальшивому другу поцеловать руку и пригласил его следовать за собой во дворец.

Когда жар спал, он наскоро, хотя с глубоким чувством, простился с Сапфо и ребенком, который спал на руках у Мелиты, велел жене по возможности поспешить с отъездом к Кассандане, поддразнил тещу, что на этот раз она все-таки ошиблась в оценке человека, то есть его брата, и сел на коня.

В то время, когда Прекасп собирался сесть на свою лошадь, Сапфо шепнула ему:

- Смотри за ним и напоминай ему обо мне и ребенке, когда он станет подвергать себя ненужным опасностям!

- Я должен с ним проститься в Пелусии, - отвечал посол и, чтобы избежать взглядов молодой женщины, притворился, что он поправляет спутавшиеся поводья своей лошади.

- Ну, так боги будут его охраной! - воскликнула Сапфо, схватив руку отъезжающего и заливаясь слезами, которые уже не могла удержать. Увидев слезы жены, обычно спокойной и полной уверенности, он сам ощутил неизведанное еще им чувство тоски и горестного волнения. С нежностью нагнулся он к жене, обнял ее могучей рукой, поднял с земли и, дав ей опереться ногами на его ногу, утвержденную в стремя, прижал к сердцу, как бы навсегда с ней прощаясь. Потом он бережно и ловко опустил ее на землю, взял на руки ребенка, поцеловал его и, шутя, поручил ему утешать мать; наконец, сказав несколько сердечных прощальных слов теще, дал коню шпоры, так что тот взвился на дыбы, и, в сопровождении Прекаспа, выехал за ворота дворца фараонов.

Когда топот коней замолк вдали, Сапфо бросилась на грудь бабушки и долго неудержимо плакала, несмотря на утешения и строгое порицание старухи.

На следующий после рокового испытания в стрельбе день у Камбиса случился такой сильный припадок обычной его болезни, что он, больной телом и духом, двое суток не выходил из комнаты и то бушевал как безумный, то впадал в совершенное изнеможение.

Придя на третий день в ясное сознание, он вспомнил об ужасном поручении, уже, может быть, исполненном Прексаспом. Трепет, какого он еще никогда не испытывал, пробежал по нему при этой мысли. Он тотчас послал за старшим сыном посла, занимавшим при его особе почетную должность кравчего, и узнал, что Прексасп, не простившись с домашними, выехал из Мемфиса. Тогда он призвал Дария, Зопира и Гигеса, искренняя привязанность которых к Бартии была ему известна, и спросил о здоровье их друга. Юноши отвечали, что он теперь в Саисе; и царь тотчас отправил их туда, поручив, если встретится им Прексасп, немедленно возвратить его в Мемфис. Молодые Ахемениды не могли объяснить себе странного обращения и торопливости царя, но живо собрались в путь, который не сулил им ничего доброго.

Между тем Камбис не находил себе места, проклинал свое пьянство и весь этот день не касался вина. Увидев в дворцовом саду свою мать, он уклонился от встречи с ней, чувствуя, что не в силах будет выдержать ее взгляд.

Следующие восемь дней точно так же миновали и показались Камбис продолжительнее года; а Прексасп все еще не возвращался. Сто раз посылал царь за кравчим и спрашивал, не возвратился ли его отец, и сто раз получал тот же отрицательный ответ.

Под вечер тринадцатого дня Кассандана попросила его навестить ее. Он тотчас отправился в ее покои, потому что ему страстно хотелось увидеть мать: ему казалось, что взгляд на нее возвратит ему потерянный сон.

Приветствуя царицу с нежностью, которая ее удивила тем более, что она совершенно не привыкла к подобного рода обращению с его стороны, он спросил, что ей от него угодно, и узнал, что Сапфо приехала в Мемфис при каких-то странных обстоятельствах и выразила желание поднести ему подарок. Он тотчас велел ее пригласить и услышал, что Прексасп передал ее мужу повеление отправиться в Аравию, а ей, от имени Кассанданы, велел ехать в Мемфис. Царь побледнел при этих словах и взглянул на прекрасную жену своего брата тревожным грустным взглядом. Молодая гречанка поняла, что с ним происходит что-то странное и, взволнованная страшными предчувствиями, могла только подать ему дрожащими руками принесенный подарок.

- Муж посылает тебе вот это! - проговорила она, показывая на скрытый в изящном ящике бюст жены Камбиса. Родопис посоветовала внучке предложить гневному царю от имени мужа именно этот подарок как залог примирения.

Но Камбис не заинтересовался содержимым ящика, передал его евноху, сказал невестке несколько слов, выражавших как бы благодарность, и тотчас ушел с женской половины, не спросив даже об Атоссе, о существовании которой, по-видимому, совершенно забыл.

Он надеялся, что то посещение облегчит и успокоит его, но рассказ Сапфо, напротив, лишил его последней надежды и, следовательно, последней частицы покоя. Прекрасп, по всей вероятности, уже совершил убийство или, может быть, в эту самую минуту заносит кинжал, чтобы вонзить его в грудь юноши. С каким лицом после смерти Бартии предстанет он перед своей матерью? Что скажет ей? Что ответит он на вопросы этой прелестной женщины, которая так трогательно смотрела на него своими большими глазами?

Холодный ужас овладел им, когда внутренний голос сказал ему, что убийство брата все назовут делом низости, подлого страха, противоестественных чувств и несправедливости. Мысль о тайном убийстве стала ему невыносима. Многих он лишил жизни, но упреков совести не чувствовал. То происходило либо в честном бою, либо в виду целого света. Ведь он царь, и если что делал, значит, так и должно было быть. Если бы он собственной рукой убил Бартию, он справился бы с совестью. Но теперь, когда он приказал убить его тайно и притом после стольких доказательств мужественной доблести, достойной блистательнейшей славы, им мучительно овладели стыд и раскаяние, ему дотоле чуждые и соединенные с ожесточением против собственной гнусности. Он стал себя презирать. Сознание справедливости своих желаний и поступков покинуло его, и ему стало казаться, что все люди, убитые по его повелению, были, как и Бартия, невинными жертвами его бешенства. Чтобы прогнать эти мысли, становившиеся с каждым часом невыносимее, он снова обратился к опьяняющей силе вина. Но на этот раз глушитель забот превратился в мучителя тела и души. Его организм, расстроенный пьянством и падучей болезнью, казалось, готов был изнемочь от разнообразных жестоких возбуждений последних месяцев. То бил его страшный озноб, то все тело горело огнем. Наконец, он был вынужден слечь. Пока его раздевали, взгляд его упал на подарок брата. В то же мгновение он приказал подать и открыть ящик, выслав всех вон и, при взгляде на египетскую живопись шкатулки, невольно стал думать о Нитетис и о том, что сказала бы она о совершенном им преступлении. Трясаясь в лихорадке, с помутившимся рассудком, он, наконец, нагнулся к ящику, вынул восковой бюст и с ужасом вперил взор в безжизненные, неподвижные глаза изваяния. Сходство было так разительно, а его рассудок так

ослаблен вином и болезнью, что он вообразил себя жертвой чародейства. При всем том он был не в силах оторваться от дорогого лица. Вдруг ему показалось, что глаза бюста зашевелились. Тогда им овладел дикий ужас. Судорожно бросил он живую голову об стену, так что пустая твердая масса разбилась вдребезги, и со стоном откинулся на постель. С этого времени горячка постоянно усиливалась. Беспорядочные образы проносились перед ним. То представлялся ему Фанес, который пел греческую скандальную песенку и так грубо его ругал, что он с яростью сжимал кулаки. То видел он Креза, своего друга и советника, и тот грозил ему и снова повторял слова, которыми старался когда-то удержать его от казни Нитетис и Бартии: 'Бойся пролить кровь брата, потому что пар от нее поднимается до самого неба и становится тучей, которая омрачает дни убийцы и, наконец, бросает в него молнию отмщения!'

И в его расстроенной фантазии эти образы превратились в действительность. Ему показалось, что из темных туч на него льется кровавый дождь и отвратительной влагой смачивает его платье и руки. Когда дождь кончился и он пошел по берегу Нила, чтобы смыть его с себя, его встретила Нитетис, с той пленительной улыбкой, как изобразил ее Феодор. Очарованный чудесным явлением, он бросился перед ней на колени и схватил ее руку. Но тотчас на каждом из ее нежных пальцев выступила капля крови и она повернулась к нему спиной с явным отвращением. Камбис стал смиренно умолять ее простить его и вернуться к нему, но она осталась непреклонной. Тогда он озлобился и стал грозить ей сначала своей немилостью, потом страшными наказаниями. И когда Нитетис ответила ему тихим презрительным смехом, то он решился, наконец, бросить в нее кинжал. Тогда она рассыпалась на мельчайшие части, как восковой бюст разбился о стену; но презрительный смех становился все громче, и к нему присоединилось множество голосов, стараясь превзойти один другого в выражении насмешки и презрения. Однако голоса Бартии и Нитетис всего явственнее звучали в его ушах, и насмешка их была всех ядовитее. Наконец он уже не мог выдержать этих жутких звуков и заткнул себе уши; а когда это не помогло, зарыл голову в раскаленный песок пустыни, а потом погрузил ее в ледяные волны Нила, и снова в огонь, и снова в ледяную влагу, пока, наконец, не лишился чувств. Проснувшись, он уже не мог дать себе отчета в действительном положении дел. Он лег с вечера, а теперь видел по солнцу, которое золотило его постель последними лучами, что не день наступает, а, напротив, опять ночь. Он не ошибался, потому что услышал хор жрецов, которые пели отходящему Митре прощальный привет.

Тут он так же услышал, что за занавесью, устроенной в изголовье постели, движется много людей. Он хотел повернуться, но почувствовал, что этого сделать не в силах. Наконец, после тщетных усилий отделить сон от действительности и действительность от сна, он крикнул постельничих и других

придворных, обычно присутствовавших при его вставании. К нему тотчас подошли, но не эти лица, а его мать, Прекасп, несколько ученых магов и незнакомых ему египтян. Подойдя, они рассказали ему, что он много недель пролежал в горячке и спасен только особой милостью богов, искусством врачей и неутомимыми попечениями матери. Он вопросительно взглянул на Кассандану, потом на Прекаспа и снова лишился чувств. На следующее утро, после здорового сна, он проснулся уже достаточно окрепшим.

Четыре дня спустя он уже оправился настолько, что мог сидеть в кресле и спросить Прекаспа об единственном предмете, занимавшем его ум.

Видя слабость своего повелителя, посол хотел было дать уклончивый ответ; но когда тот с угрозой поднял исхудалую руку и взглянул на него своим все еще грозным взглядом, Прекасп решил говорить, в уверенности, что доставит Камбису удовольствие:

- Радуйся, государь! Юноша, который осмелился посягнуть на твою славу, уже не существует. Вот эта рука поразила его и погребла его труп при Ваалцефоне! Никто не видел моего деяния, кроме песка пустыни и бесплодных волн Красного моря. Никто не знает об этом, кроме тебя и меня, чаек и морских воронов, которые выются над его могилой!

Отчаянный крик ярости вырвался из уст царя. Без сознания, в бреду нового приступа горячки, был он перенесен на постель.

Медленно потянулись неделя за неделей, и каждый день грозил быть для царя последним. Наконец его могучая натура взяла верх над опасным возвращением болезни; но силы ума не устояли против демонов горячки и остались расстроенными и ослабевшими до последнего часа его жизни.

Когда ему позволено было выйти из больничной комнаты и он снова был в состоянии ездить верхом и стрелять из лука, он необузданнее прежнего предался пьянству и окончательно утратил всякую способность управлять собой.

Кроме того, в его расстроенном уме засела сумасбродная мысль, что Бартия не умер, а превращен в лук царя эфиопского, и что феруэр его покойного отца повелел ему возратить брату прежний образ посредством победы над черным народом.

Эта мысль, которую он сообщил, как важную тайну, каждому из своих приближенных, не давала ему покоя ни днем ни ночью до тех пор, пока он с большой армией не выступил в Эфиопию. Но он возвратился без всякого результата, потому что большая часть его войска погибла ужасной смертью от зноя и недостатка пищи и воды. Писатель, почти современник Камбиса,

рассказывает, что, когда истощился запас продовольствия, несчастные солдаты питались, пока можно было, травами, а когда, наконец, исчезла в песчаной пустыне всякая растительность, они, в отчаянной крайности, прибегли к средству, о котором нельзя упоминать без содрогания. В каждом десятке солдат метали жребий и того, на кого он падал, съедали.

Тогда заставили, наконец, безумца возвратиться; а когда пришли в населенные страны, то опять стали, по рабскому обычаю, слепо ему повиноваться, несмотря на его расстроенный рассудок.

К тому времени, когда он с остатками своей армии вступил в Мемфис, египтяне нашли нового Аписа и в нарядных одеждах праздновали великое празднество в честь вновь явившегося бога, скрытого в священном быке.

Так как Камбис еще в Фивах получил известие, что войско его, отправленное к оазису Аммона, истреблено вихрем в Ливийской пустыне, а флот, которому он повелел покорить Карфаген, отказался выступить против своих единоплеменников, то царь подумал, что мемфиты затеяли пир по случаю его неудачных походов. Он приказал созвать знатнейших людей города, поставил им на вид неприличие их поведения и спросил, почему они после его победы были строптивы и мрачны, а теперь, после поражения, так неводержно веселятся.

Мемфиты объяснили царю причину праздника и уверяли, что появление божественного быка всегда во всем Египте празднуется с большим ликованием и торжественностью. Камбис обозвал их лжецами и приговорил к смерти. Потом он созвал жрецов и от них получил тот же ответ.

С презрительными насмешками Камбис выразил желание познакомиться с новым богом и приказал привести его к себе. Его требование исполнили и объяснили ему, что Апис рождается от девственной телки вследствие прикосновения лунного луча, что шерсти он должен быть черной, с белым треугольником на лбу, изображением орла на спине и прибывающего полумесяца на боку. В хвосте должен быть волос двух цветов, а на языке - нарост в виде священного жука скарабея.

Осмотрев обожаемого быка и не найдя в нем ничего особенного, Камбис рассвирепел и вонзил свой меч в бок Аписа. Когда кровь полилась и бык упал, царь громко захохотал и воскликнул:

- Эх, вы, глупцы! У вас боги из мяса и крови, и их можно ранить! Такая глупость вполне вас достойна; но я покажу вам, что надо мной нельзя безнаказанно смеяться. Эй, стража! Отстегать всех этих жрецов плетьюми; и смерть каждому, кого поймаете на дурацком празднике!

Приказания его были исполнены, что довело озлобление египтян до крайней степени.

Когда Апис издох от раны, мемфиты тайно похоронили его на кладбище священных быков Серапейоне близ Мемфиса; потом под предводительством Псаметиха восстали, однако же были скоро подавлены. Несчастному сыну Амазиса это стоило жизни, темные пятна и жестокость которой искупается его неутомимым стремлением освободить народ свой от чужеземного ига и его смертью за свободу.

Сумасшествие Камбиса приняло между тем новую форму. После неудачной попытки возратить Бартии, превращенному, как ему грезилось, в лук, прежний вид его раздражительность до такой степени усилилась, что малейшее неприятное слово или взгляд могли привести его в бешеную ярость.

Его верный наставник Крез и теперь его не покидал, хотя царь несколько раз повелевал своим стражам казнить его. Но те знали своего владыку и не думали налагать рук на старика в твердой уверенности, что за это не заплатятся, потому что на следующий день Камбис или забывал о своем приказании, или уже в нем раскаивался. Раз только несчастные биченосцы жестоко заплатились за свою снисходительность, потому что хотя Камбис был рад видеть старика в живых, но все-таки велел казнить их за непослушание.

Нам противно описывать многие черты варварской жестокости, которыми, по преданию, безумный царь в то время отличался; но о тех, которые нам кажутся самыми характерными, мы все-таки должны упомянуть.

Раз за столом он, уже пьяный, спросил Прекаспа, что говорят про него персы. Посол, который, уступая потребности заглушать терзания совести совершением опасных подвигов, не пропускал ни одного случая благотворно подействовать на царя, отвечал, что персы его во всех отношениях одобряют, но находят, что он слишком предается вину.

Эти полушутливые слова вызвали взрыв безумия:

- А! Так персы говорят, что вино отнимает у меня рассудок? Так я им докажу, что они разучились правильно судить!

С этими словами он натянул лук, прицелился и выстрелил в грудь старшего сына Прекаспа, который, в качестве кравчего, стоял в конце залы, выжидая знака повелителя. Потом он приказал вскрыть труп несчастного юноши, и оказалось, что стрела пронзила самую середину сердца. Безумный тиран возликовал и сказал со смехом:

- Теперь ты видишь, Прекасп, что не я, а персы не в своем уме! Кто бы мог вернее попасть в цель?

Бледный и неподвижный, как окаменевшая Ниобея, смотрел Прекасп на ужасную сцену. Его рабская душа преклонилась перед всемогуществом свирепого властителя. Когда безумец повторил свой вопрос, то он проговорил даже, прижимая руку к сердцу:

- Никакой бог не мог бы попасть вернее!

Несколько недель спустя царь отправился в Саис. Когда ему там показали покои его бывшей возлюбленной, давно забытое воспоминание о ней с новой силой вспыхнуло в его душе; но помутившийся разум вместе с тем подсказал, что Амазис их обоих обманул. Не будучи в состоянии обстоятельно объяснить себе, в чем тут было дело, он стал проклинать усопшего и в бешенстве приказал вести себя в храм Нейт, где находилась мумия Амазиса. Там он выбросил набальзамированный труп царя из саркофага, велел его сечь розгами, колоть иглами, вырвать волосы, всячески над ним надругался и, наконец, вопреки религиозному закону персов, которые осквернение чистого огня трупами считают смертным грехом - велел сжечь. Та же участь постигла мумию первой супруги Амазиса, покоившуюся на ее родине, в Фивах.

Возвратившись в Мемфис, он не постыдился собственной рукой оскорбить свою жену и сестру Атоссу.

Раз он приказал устроить игры, где, между прочим, предполагалось стравить собаку с молодым львом. Когда лев победил противника, другая собака, от одной матери с первой, сорвалась с цепи и бросилась на льва; тогда раненый пес оправился и вдвоем братья одолели льва. При этой сцене, чрезвычайно понравившейся Камбису, Кассандана и Атосса, присутствовавшие по его приказанию на играх, громко заплакали.

Тиран с удивлением спросил о причине слез; вспыхливая Атосса отвечала ему, что храброе животное, рискнувшее жизнью для спасения брата, напомнило ей Бартию, который убит - она не хочет сказать кем - и до сих пор еще не отомщен.

Эти слова раздражили гнев и задремавшие было упрёки совести Камбиса до такой степени, что он набросился на смелую женщину с кулаками и, может быть, умертвил бы ее, если бы мать не схватила его за руки, подвергаясь сама ударам безумца.

Священная особа и голос матери укротили его ярость; но ее взгляд, поразивший его в упор, горел таким гневом и презрением, что он его не мог забыть; и с тех пор у него явился новый пункт помешательства, состоявший в

том, что он будет отравлен глазами женщин. При виде женщины он вздрагивал и прятался за своих спутников; и, наконец, приказал всех живших в мемфисском дворце женщин, не исключая своей матери, отправить в Экбатану. Араспу и Гигесу было поручено сопровождать их в Персию.

Поезд царственных женщин прибыл в Саис и остановился во дворце фараонов. Крез провожал отъезжавших до этого города.

Кассандана в последние годы очень переменилась. Горе и болезни провели глубокие морщины по некогда прекрасному лицу, хотя не согнули ее гордого стана.

Атосса, наоборот, несмотря на многие огорчения, похорошела.

Шаловливая девушка вполне развилась и почувствовала свое достоинство; неукротимый, своенравный ребенок превратился в полную жизни, крепкую волей женщину. Опыт жизни и три печальных года, проведенных вблизи бешеного брата-супруга, научили ее терпению, но не заглушили в сердце ее первой любви. Дружба Сапфо до известной степени утешала ее в потере Дария.

Со времени исчезновения мужа молодая гречанка сделалась совершенно другим существом. Нежный румянец лица и ясная улыбка давно ее оставили. Поразительно прекрасная, несмотря на бледность, на поникшие ресницы и опустившуюся осанку, она походила на Ариадну, ожидавшую Тезея. Томление и ожидание выражались в ее взгляде, в звуке тихого голоса, в медлительности походки. Когда слышались шаги, или отворялась дверь, или неожиданно раздавался мужской голос, она вздрагивала; и, обманувшись, вскоре снова предавалась ожиданию и надежде, начинала думать и мечтать, что так нравилось ей в былое время.

Только играя с ребенком или ухаживая за ним, она как будто становилась прежней Сапфо; на щеках появлялся румянец, глаза блестели, и все существо опять переносилось из бывшего или будущего в живую действительность.

Дитя было для нее всем. В нем продолжал жить Бартия. На ребенка она перенесла всю полноту своей любви, ничего не отнимая у исчезнувшего мужа. В этом ребенке божество даровало ей цель жизни, связь с этим миром, лучшая часть которого со времени исчезновения Бартии для нее, казалось, не существовала. Часто, заглядываясь на голубые глаза невинного создания, удивительно похожие на глаза отца, она думала: 'Отчего она не мальчик? Тот бы с каждым днем становился более похожим на отца и, наконец, встал бы передо мной как второй Бартия, если бы только мог существовать другой такой, как он!'

Но подобные мысли держались в ее сознании недолго и кончались тем, что она с удвоенной нежностью прижимала девочку к груди, а себя называла неблагодарной и безумной.

Как-то Атосса высказала совершенно ту же мысль, воскликнув:

- Ах, отчего Пармиса не мальчик! Он был бы похож на отца и царствовал бы, как второй Кир!

Сапфо с печальной улыбкой согласилась с подругой и поцеловала девочку поцелуями; но Кассандана сказала:

- Дочь моя, в том, что у тебя родилась девочка, познай благость богов. Если бы Пармиса была мальчиком, его на седьмом году отняли бы у тебя и стали бы воспитывать с сыновьями прочих Ахеменидов; а девочка еще долго останется при тебе.

Сапфо затрепетала при одной мысли о разлуке с малюткой, крепко прижала ее русокудрую головку к своей груди и с этих пор перестала думать о мнимом недостатке своего сокровища.

Дружба Атоссы была утешением для больного сердца молодой вдовы. С ней она могла во всякое время и сколько хотела говорить о Бартии и всегда находила в ней ласку и участие. Атосса также горячо любила исчезнувшего брата. Но и посторонний с удовольствием слушал бы рассказы Сапфо. Ее речь нередко достигала высшего совершенства, и слова, в которых воплощались воспоминания о золотых днях ее счастья, были проникнуты вдохновенной поэзией. А когда она бралась за арфу и своим чистым чудесным голосом пела страстные песни Лесбосского Лебеда, в которых выражались ее собственные сокровеннейшие чувства, тогда она уносилась из действительности в волшебный край мечты и ей казалось, что она в ночном безмолвии сидит под благоуханным жасмином и что возлюбленный находится при ней. И каждый раз, когда она оставляла арфу и с глубоким вздохом покидала область фантазии, Кассандана, не зная греческого языка, утирала слезы, а Атосса нежно целовала подругу.

Так прошло три года, в продолжение которых она лишь изредка виделась с бабушкой, так как ради ребенка ей, по приказу царя, нельзя было выходить из дворца без разрешения и сопровождения Кассанданы или евнухов.

Крез, всегда любивший ее как дочь, теперь пригласил Родопис в Саис. Сапфо не могла уехать на чужбину, не простившись со своим вернейшим другом; и ее сердечное желание вполне было одобрено царицей и старым лидийцем. Кроме того, вдова Кира так много слышала об этой замечательной женщине, что

пожелала с ней познакомиться и, дав невестке насладиться задушевной беседой при свидании с бабушкой, пригласила гречанку к себе.

Когда обе старухи встретились, трудно было бы, не зная, решить, которая из них царица: царственное достоинство отличало обеих.

Крез, одинаково привязанный к той и другой, заменял переводчика и, поддержанный гибким умом гречанки, сообщал разговору полноту и воодушевление.

Родопис сразу понравилась царице особой, ей свойственной прелестью манеры, и Кассандана, желая показать ей свою благосклонность, сочла более всего приличным предложить ей, по персидскому обычаю, высказать какое-нибудь желание.

Гречанка, после минутного колебания, протянула с умоляющим видом руки и воскликнула:

- Оставь мне Сапфо, радость и утешение моей старости!

Кассандана грустно улыбнулась и ответила:

- Это желание я не могу исполнить, так как нашим законом установлено, чтобы дети Ахеменидов воспитывались близ преддверия царского дворца. Пармису, единственную внучку Кира, я не могу отпустить от себя; а Сапфо, как бы она тебя ни любила, не захочет расстаться со своим ребенком. Кроме того, она мне и моей дочери так дорога, можно сказать, даже необходима, что хотя я понимаю твое желание иметь ее при себе, но все-таки никогда не решилась бы расстаться с ней.

Видя, что глаза гречанки наполняются слезами, она продолжала:

- Но я вижу хорошее средство разрешить затруднение. Оставь Наукратис и переселись к нам, в Персию. Там ты проведешь последние годы жизни с нами и твоей внучкой; а обстановка тебе будет предоставлена царская.

Родопис покачала своей красивой седой головой и ответила:

- Благодарю тебя, великая царица, за милостивое приглашение; но я чувствую, что не могу его принять. Все струны моего сердца связаны с землей Греции и порвались бы с самой жизнью, если бы я навсегда рассталась с родиной. Я привыкла к постоянной деятельности, к живому обмену мыслей, к совершенной свободе. В замкнутом гареме я захвораю и умру. Крез предупредил меня насчет твоего милостивого предложения, и я выдержала трудную борьбу, прежде чем окончательно решилась сказать себе, что своим драгоценнейшим благом должна пожертвовать ради блага высшего. Жить хорошо и искренно гораздо труднее, чем жить счастливо; а принести счастье в

жертву долгу - это подвиг гораздо славнее и достоин имени эллина. Сердце мое последует за Сапфо в Персию, но мой разум и моя опытность принадлежат грекам. Когда ты услышишь, что в Элладе не царствует никто, кроме народа, что этот народ ни перед чем не преклоняется, кроме богов и законов, кроме добра и красоты, - тогда подумай, что разрешена задача, которой Родопис в союзе с лучшими эллинами отдала свою жизнь. Не гневайся на гречанку за признание, что она находит лучшим умереть от тоски свободной нищей, чем жить в мнимом счастье, прославленной, но несвободной царицей.

Кассандана слушала ее с удивлением. Она не вполне понимала смысл этих слов, но чувствовала их благородство и дала ей поцеловать свою руку. После непродолжительного молчания она сказала:

- Поступай по своему усмотрению и будь уверена, что, пока я и дочь моя живы, твоя внучка не узнает недостатка в преданной любви.

- В этом ручается мне твой благородный вид и громкая слава твоей добродетели, - отвечала гречанка.

- И обязанность заменить по мере сил твоей внучке то, чего ее лишили.

Царица грустно улыбнулась и потом продолжала:

- На воспитание маленькой Пармисы также будет обращено неусыпное внимание. Она, кажется, богато одарена от природы и уже теперь повторяет за матерью песни ее родины. Я не стесняю ее наклонности к музыке, хотя в Персии этим искусством, кроме как при богослужении, занимаются только люди низкого происхождения.

Родопис вспыхнула при последних словах и сказала:

- Дозволишь ли мне, царица, говорить без стеснения?

- Говори, не опасайся.

- Когда ты вздохнула при мысли о твоём достойном погибшем сыне, то я подумала про себя: может быть, юный герой ещё был бы жив, если бы персы лучше, - я хочу сказать, разностороннее, - воспитывали своих сыновей. Бартия рассказывал мне, чему учат персидских мальчиков: стрелять из лука, метать копье, ездить, охотиться, не лгать и, может быть, отличать несколько вредных и целебных растений. Вот все, чем, считают, нужно снабдить их для жизни. наших мальчиков тоже неумоимо укрепляют телесными упражнениями, потому что врач только починяет здоровье, а выковывается оно гимнастикой. Но если бы греческий юноша вырос могучее быка, правдивее божества и ученее мудрейшего египетского жреца, мы все-таки пожимали бы плечами, на него глядя, когда бы ему не доставало того, что может быть дано лишь ранним

примером и прилежным занятием соединенной с гимнастикой музыки, а именно: изящества и соразмерности. Ты улыбаешься потому, что ты меня не понимаешь; но ты согласишься со мной, когда я тебе докажу, что музыка, которая, судя по словам Сапфо, имеет доступ к твоему сердцу, так же важна для воспитания, как и гимнастика. Как ни кажется это странным, но обе одинаково способствуют усовершенствованию души и тела. Кто предается исключительно музыке, тот, даже если он от природы был буйным, сделается сначала мягким и гибким, как медь в горниле, и его грубая суровость укротится, но затем, однако же, расплывется и его мужество; он станет раздражителен в мелочах и не будет пригоден для военного дела, которое вы, персы, цените выше всего. Кто занимается только гимнастикой, тот может, подобно Камбису, развить в себе силу и мужество; но тут я прекращаю сравнение - душа его останется тупой и слепой, а чувства лишатся чистоты. Он будет глух к разумным доводам и, как тигр, захочет всего достигнуть грубым насилием; его жизнь, чуждая приятности и меры, превращается в ряд безобразных насильственных поступков. Значит, музыка годится не для одной души, гимнастика не для одного тела, но обе в тесном союзе должны укреплять тело, возвышать и смягчать душу и сообщать всей личности человека мужественное изящество и изящную мужественность.

Гречанка умолкла на мгновение, потом продолжала:

- Кто не получил такого воспитания и кто, кроме того, может с ребяческих лет безнаказанно вымещать свою грубость, как и на ком он хочет; кто всегда слышит льстивые речи и никогда не слышал справедливого укора; кто может повелевать раньше, чем научиться повиноваться; кто, наконец, воспитан в тех понятиях, что нет благ выше блеска, власти и богатства, - в том никогда не может развиться та полная благородства мужественность, которую мы просим богов даровать нашим юношам. И если такой несчастливец родился с вспыльчивым нравом и сильными страстями, то телесные упражнения, без смягчающего влияния музыки, усилят его неукротимость, и ребенок, родившийся, может быть, с хорошими наклонностями, превращается вследствие недостатков воспитания в дикого зверя, в гуляку, который сам себя губит, и в бешеного безумца.

Пылкая гречанка остановилась. Увидев влажные глаза царицы, она поняла, что зашла слишком далеко и оскорбила благородное материнское сердце. Она поднесла край одежды царицы к своим губам и голосом тихой мольбы сказала:

- Прости меня!

Кассандана показала знаком, что прощает, поклонилась гречанке и направилась к выходу из покоя. На пороге она остановилась и сказала:

- Я не сержусь на тебя, так как упреки твои справедливы. Но попробуй и ты простить, потому что тот, который погубил счастье твоего и моего ребенка, самый жалкий из всех людей, хотя и самый могущественный. Прощай; и если в чем-нибудь будешь нуждаться, вспомни о вдове Кира, которая хочет тебе доказать, что персам прежде всего стараются внушить великодушие и щедрость.

После этих слов царица вышла из комнаты.

В этот же день Родопис получила известие о смерти Фанеса. Он умер несколько месяцев тому назад от последствий раны с тихим спокойствием мудреца. Последнее время жизни <ж провел в Кротоне, в ближайшем окружении Пифагора. Родопис была поражена этим известием и сказала Крезу:

- В Фанесе Греция потеряла одного из лучших своих людей; но везде расцветают и растут многие, ему подобные. И потому я не боюсь, как и он не боялся, разрастающегося могущества персов. Мне даже кажется, что, если грубая страсть к завоеваниям протянет руку к моему многолюдному отечеству, оно превратится в исполина с одной божественно могучей головой, перед которым грубое насилие преклонится, как тело повинуетя духу.

Три дня спустя Сапфо в последний раз простилась со своей бабкой и последовала за царицами в Персию, где, несмотря на последующие события, она с любовью, надеждой и преданнейшим воспоминанием продолжала верить в возвращение Бартии, целиком отдавшись воспитанию дочери и заботе о дряхлеющей Кассандане.

Маленькая Пармиса расцветала, превращаясь в девушку необыкновенной красоты, и, наряду с почитанием богов, училась глубокой любви к памяти своего исчезнувшего отца, которого по бесконечным рассказам матери знала как живого.

Атосса, несмотря на высокое счастье, вскоре выпавшее ей на долю, сохранила прежнюю привязанность к молодой гречанке и всегда называла ее 'сестрой'. В летнее время Сапфо жила в висячих садах Вавилона, и там, в разговорах с Кассанданой и Атоссой, часто вспоминала о невинной виновнице стольких событий, изменивших участь могущественных царств и многих людей с возвышенной душой - о дочери египетского царя.

XV

На этом мы бы могли окончить наш рассказ, но считаем нужным дать читателю отчет о последних днях физической жизни давно уже умственно

погибшего Камбиса и о дальнейшей участи некоторых второстепенных лиц этой истории.

Вскоре после отъезда цариц пришло в Наукратис известие, что сатрап Лидии Ороэт хитростью заманил в Сарды своего старинного врага Поликрата и распял его там на кресте. Таким образом постиг тирана жестокий конец, предсказанный ему Амазисом. Сатрап совершил это дело самовольно, без ведома царя, потому что в мидийском царстве произошли перемены, грозившие низвергнуть царственный дом Ахеменидов.

Продолжительное пребывание царя в отдаленной стране ослабило или уменьшило страх, который в прежнее время одно уже его имя внушало всем, кто бы задумал сопротивляться. Рассказы об его сумасшествии лишили его уважения подданных; а известие, что он, из пустого самовластия, обрек тысячи соотечественников на верную смерть в эфиопской и ливийской пустынях, внушило возмущенным азиатам ненависть, которую могущественные маги поддерживали и разжигали, так что вскоре сначала мидяне и ассирийцы, а потом и персы отложились и открыто восстали.

Назначенный Камбисом наместник, честолюбивый первосвященник Оропаст, стал из корысти во главе этого движения, прельщал народ снижением податей, большими дарами и еще большими обещаниями и, видя за такие кроткие меры всеобщую благодарность, сделал попытку овладеть для своего дома царской короной Персии.

Помня удивительное сходство своего лишенного ушей брата Гауматы с сыном Кира Бартией, Оропаст тотчас по получении известия об исчезновении обожаемого всеми персами юноши решил выдать Гаумату за убитого царевича и посадить его вместо Камбиса на престол. Хитрость удалась без труда, потому что царь стал ненавистным целому народу, а Бартия, напротив, пользовался всеобщей любовью.

Когда многочисленные гонцы Оропаста объездили все области империи и принесли недовольным гражданам известие, что младший сын Кира, вопреки пустым слухам, еще жив, отложился от брата, сел на отцовский трон и на три года освобождает всех подданных от всяких повинностей и от военной службы, то новый владыка был повсеместно признан с восторгом.

Мнимый Бартия исполнил все задуманное братом, умственному превосходству которого охотно подчинялся. Он поселился в Низее, среди равнин Мидии, надел венец, объявил царский гарем своим и издалека показался народу, чтобы тот мог узнать в нем черты убитого. Позднее, чтобы не быть разоблаченным, он уже не выходил из дворца и, по обычаю азиатских владык, предавался всякого рода наслаждениям; между тем его брат твердой

рукой держал скипетр и на все важные места и должности посадил магов, своих друзей и соплеменников.

Почувствовав, что почва крепнет под его ногами, он послал евнуха Иксабата в Египет, чтобы объявить войску о замещении престола и склонить его отложиться от Камбиса и перейти на сторону Бартии, который, как мы знаем, был в особенности обожаем солдатами.

Удачно выбранный посол мастерски выполнил поручение, и ему уже удалось привлечь очень многих солдат на сторону нового царя, когда он неожиданно был схвачен несколькими сирийцами, прельстившимися наградой, и доставлен в Мемфис.

Там его привели к царю, который обещал помиловать его, если он расскажет всю правду.

Тогда посол подтвердил то, что до тех пор лишь в виде слуха известно было в Египте, то есть что Бартия вступил на престол Кира и признан царем большей частью монархии.

Камбис ужаснулся, как человек, который бы увидел мертвеца, встающего из гроба. Несмотря на отуманенный рассудок, он помнил, что велел Прексаспу убить Бартию и что тот уверил его, будто повеление исполнено. Он подумал, что Прексасп обманул его и пощадил жизнь юноши. Эту быстро мелькнувшую мысль он тотчас высказал и стал горько упрекать Прексаспа в измене, чем заставил того поклясться страшной клятвой, что несчастный Бартия убит и им похоронен.

Тогда спросили Оропастова посла, видел ли он нового царя. Оказалось, что нет и что, кроме того, мнимый брат Камбиса только один раз выходил из дворца и издали показался народу. Тут Прексасп понял весь план первосвященника, напомнил царю о несчастных недоразумениях, возникших в былое время вследствие удивительного сходства Гауматы с Бартией, и, наконец, предложил свою голову в залог справедливости своей догадки. Слабоумному царю объяснение понравилось, и с этих пор он стал жить одной мыслью - схватить магов и умертвить.

Войску велено было приготовиться к походу. Ахеменид Ариандес был назначен сатрапом Египта, и затем армия, не теряя времени, выступила в обратный поход к пределам Персии. Преследуемый новой своей мыслью, царь не знал покоя ни днем, ни ночью. Наконец в Сирии разъяренный бешеным седоком конь его вместе с ним опрокинулся, и при этом падении Камбис был тяжело ранен собственным кинжалом.

Пролежав без сознания несколько дней, он пришел в себя и велел позвать к себе Араспа, потом мать и, наконец, Атоссу, хотя все трое уехали несколько месяцев тому назад. Из всех его разговоров становилось очевидно, что последние четыре года, со времени постигшей его горячки, он провел как бы во сне. Все из относившегося к этому времени, о чем ему рассказывали, казалось ему новым и наполняло сердце его скорбью. Только о смерти брата он имел ясное представление. Он знал, что Бартия был убит Прекаспом по его приказанию и зарыт на берегу Красного моря. Ночью, последовавшей за этим пробуждением, он понял также, что долгое время был одержим сумасшествием. К утру он впал в глубокий сон, который настолько возвратил ему силы, что он послал за Крезом и приказал ему подробно рассказать, что он совершил в течение последних лет.

Старый наставник исполнил волю царя и не скрыл ни одного из совершенных насилий, хотя уже едва ли мог надеяться навести вверенного ему питомца на путь праведный.

Тем сильнее была его радость, когда он увидел, что слова его производят глубокое впечатление на вновь пробуждаемую душу царя. Горячими слезами оплакивал Камбис свои злодеяния и безумие; стыдясь, как ребенок, он просил у Креза прощения, поблагодарил его за верность и постоянство и, наконец, поручил просить от его имени прощения в особенности у Кассанданы и Сапфо, а затем у Атоссы и у всех, кого он несправедливо обидел.

Лидиец пролил слезы радости и с жаром принялся уверять больного, что он выздоровеет и найдет полную возможность с избытком загладить все совершившееся славными добрыми делами. Но Камбис отрицательно покачал головой и бледное лицо его ясно выразило безнадежность. Он попросил старика перенести его на воздух, поставить ложе на возвышенном месте и приказать Ахеменидам собраться вокруг него. Когда, несмотря на протесты врачей, приказания эти были исполнены, он велел посадить себя в постели и сказал громким голосом:

- Персы, теперь наступило время открыть вам великую мою тайну. Обманутый сновидением, раздраженный и оскорбленный моим братом, я в гневе приказал его умертвить. По повелению моему Прекасп совершил это злодеяние, которое вместо ожидаемого покоя принесло мне сумасшествие и мучительный смертный час. Пусть это признание удостоверит каждого, что моего брата Бартии уже нет в живых. Маги овладели престолом Ахеменидов. Во главе их стоит оставленный мной в Персии наместником Оропаст и брат его Гаумата, который так похож на покойного Бартию, что Крез, Интаферн и дядя мой, благородный Гистасп, однажды введены были в заблуждение и приняли его за убитого. Горе мне: я убил того, который, как кровный мой родственник,

должен бы отомстить за нанесенное мне магами оскорбление! Но я не могу воскресить мертвого и потому назначаю вас исполнителями моей последней воли. Итак, заклинаю вас феруэром моего покойного отца и именем всех добрых и чистых духов, не оставляйте правления в руках лживых магов! Если они хитростью завладели короной, то старайтесь хитростью же ее у них отнять. Если они насильственно захватили скипетр, то пусть он насилием же и будет у них отнят. Если вы исполните эту мою последнюю волю, то земля принесет вам богатые плоды, жены и стада ваши благословятся и свобода на вечные времена будет вашим уделом. А если вы не овладеете снова правлением, или не будете стараться овладеть, то вас постигнет противное всякому благословию; да, тогда всех вас, тогда каждого перса постигнет такой же конец, как меня!

Когда после этих слов царь заплакал и в изнеможении откинулся на постель, Ахемениды растерзали свои одежды и разразились жалобными стонами. Несколько часов спустя Камбис на руках Креза испустил дух. Умирая, он думал о Нитетис и умер с ее именем на устах и слезами раскаянья.

Когда персы оставили нечистый труп, Крез встал перед ним на колени и воскликнул, подняв руку к небу:

- Великий Кир! Я сдержал клятву и был верным наставником этого несчастного до самого конца!

На следующее утро старик отправился со своим сыном Гигесом в принадлежавший ему город Барену, где жил еще многие годы отцом своих подданных, высоко чтимый Дарием и прославляемый всеми современниками.

После смерти Камбиса родоначальники семи племен персов собрались на совещание и решили прежде всего удостовериться в личности узурпатора. Отанес послал преданного евнуха с тайным поручением к своей дочери Федиме, которая, вместе с остававшимся в Низее гаремом Камбиса, перешла в собственность нового царя. До возвращения гонца большая часть армии рассеялась, так как солдаты воспользовались благоприятным случаем возвратиться после многолетней разлуки на родину. Наконец долго ожидаемый евнух вернулся и передал Отанесу следующее: новый царь посетил Федиму один только раз; она, однако же, воспользовалась его сном, чтобы с величайшей опасностью удостовериться, что он действительно лишен обоих ушей. Но и независимо от этого открытия, она может утверждать, что узурпатор, который, впрочем, удивительно похож на убитого царевича, не кто другой, как брат Оропаста, Гаумата. Ее старинный приятель, Богес, опять сделан начальником евнухов и посвятил ее в тайну магов. Первосвященник встретил Богеса в виде нищего на улицах Сузы и сказал ему: 'Ты заслужил смерть, но мне

такие люди нужны', - и затем возвратил ему прежнюю должность. В заключение Федима просила отца сделать все возможное, чтобы низвергнуть мага, который обращается с ней с крайним пренебрежением. Она уверяла, что несчастнее ее нет женщины на свете.

Хотя ни один из Ахеменидов ни минуты не допускал мысли, что Бартия жив и действительно овладел престолом, но им все-таки было приятно получить через Федиму подтверждение об истинной личности узурпатора. Они решили немедленно двинуться с остатками армии в Низею и низвергнуть магов хитростью и силой.

Вступив беспрепятственно в новую резиденцию и заметив, что большинство народа довольно новым правительством, они притворились, что верят тождественности нового царя и младшего сына Кира и готовы ему присягнуть. Маги не поддались обману, крепко заперлись во дворце, собрали в Низейской равнине войско, которому обещали высокую плату, и старались утверждать веру в царственное происхождение узурпатора. В этом отношении никто не мог быть для них вреднее или полезнее Прекаспа, потому что он пользовался большим уважением всех персов и его удостоверение, что он не убивал Бартию, могло бы лишить все более и более распространявшийся слух о настоящей смерти юноши всякой достоверности. К тому же Прекасп жил в то время отверженным изгоем, так как после прощальных слов царя все вельможи старались его избегать. И вот Оропаст пригласил убийцу к себе и предложил ему громадную сумму, если он согласится взойти на башню и объявить собравшемуся под ней народу, что злоумышленники называют его убийцей Бартии, тогда как он сию минуту видел царя и признал в нем младшего сына Кира, своего благодетеля. Прекасп согласился на это без противоречий. Пока народ собирался перед дворцом, он нежно простился с семейством, произнес перед священным огнем алтаря краткую молитву и, гордо выпрямившись, пошел ко дворцу. Дорогой он встретил родоначальников семи племен и, заметив, что они уклоняются от встречи, воскликнул:

- Я достоин вашего презрения, но постараюсь заслужить прощение!

Когда Дарий обернулся к нему, он нагнал его, схватил за руку и сказал:

- Я люблю тебя, как сына. Когда меня не будет, позаботься о моих детях и расправь крылья, крылатый Дарий! - Потом он гордо поднялся на башню.

Многие тысячи граждан Низеи слышали, когда он громким голосом сказал следующее:

- Всем вам известно, что цари, одарившие вас столь полной мерой чести и славы, принадлежали к дому Ахеменидов. Кир управлял вами, как

справедливый отец; Камбис, как строгий властитель; а Бартия властвовал бы вами, как любящий жених, если бы моя собственная рука, которую я тут вам показываю, не умертвила его на берегу Красного моря. Клянусь Митрой, что при совершении этого злодеяния мое собственное сердце обливалось кровью; я должен был его исполнить, как верный слуга, повинуюсь царю и владыке моему. При всем том, я с тех пор ни днем ни ночью не знал покоя. Духи тьмы, которые отгоняют сон от постели убийцы, четыре года преследовали и пугали меня, как зверя в лесу. Но теперь я решил кончить благородным поступком эту жизнь, полную терзаний и отчаянья; и если на мосту Чинват не будет мне оказано милости, то, по крайней мере, в устах людей я возвращу себе опозоренное мной имя честного человека. Итак, скажу вам, что человек, выдающий себя за сына Кира, прислал меня сюда и обещал мне богатую награду, если я обману вас и уверю, что он - Ахеменид Бартия. Но я презираю его обещания и клянусь священнейшей клятвой, какую я знаю, Митрой и феруэром царей, что тот, который теперь властвует вами, не кто другой, как безухий маг Гаумата, брат первосвященника Оропаста, которого вы все знаете! Если вы согласны забыть славу, которой вы обязаны Ахеменидам, если вы хотите соединить неблагодарность с низостью, то подчиняйтесь презренным и признавайте их своими царями. Но если вы презираете ложь и стыдитесь повиноваться недостойным обманщикам, то прогоните магов раньше, чем Митра удалится с неба, и провозгласите царем благороднейшего из всех Ахеменидов - того, который обещает быть вторым Киrom, - Дария, знаменитого сына Гистаспа. Но, чтобы вы мне верили и не заподозрили, что меня сюда прислал Дарий, я совершу дело, которое рассеет всякое сомнение и докажет вам, что правда и честь Ахеменидов для меня дороже жизни. Будьте благословенны, если последуете моему совету; прокляты, если не овладеете властью и не отомстите магам! Смотрите - я умираю правдивым и честным человеком!

С этими словами он влез на один из верхних зубцов башни, бросился головой вниз и погиб, искупая прекрасной смертью единственное преступление своей жизни.

Народ, слушавший его в мертвом молчании, разразился теперь криками бешенства и мщенья, выломал ворота дворца и с криком: 'Смерть магам!' - врывался уже во внутренность здания, когда навстречу бешеной толпе выступили родоначальники семи племен персов.

Увидев их, граждане возликовали и закричали еще неистовее прежнего: 'Долой магов! Победа царю Дарию!'

Тогда сын Гистаспа, поднятый руками толпы, встал на возвышенное место и рассказал народу, что маги, как жрецы и похитители престола, уже умерщвлены

Ахеменидами. Окровавленные головы Оропаста и Гауматы были показаны народу, после чего бешеная толпа с дикими криками бросилась в улицы города и убивала всех магов, которых ей удалось захватить. Только ночь прекратила ужасное кровопролитие.

Четыре дня спустя старейшины Ахеменидов, приняв во внимание происхождение и личные достоинства Дария, провозгласили его царем; все персы приветствовали его с восторгом.

Дарий собственной рукой убил Гаумату, в то время как Мегабиз, отец Зопира, заколол первосвященника. Во время речи Прексаспа семеро знатных заговорщиков: Отанес, Интаферн, Гобриас, Мегабиз, Аспатин, Гидарнес и Дарий, занявший место своего дряхлого отца, пробрались во дворец через плохо охраняемую дверь, без труда расспросили, в какой части дворца находились маги, и так как расположение покоев было им известно, а большая часть стражей наблюдала за собравшимся во дворе народом, то беспрепятственно туда и проникли. Тут их встретили несколько евнухов под предводительством хорошо нам знакомого Богеса; они пытались сопротивляться, но были все до единого перерезаны. Богес пал от руки Дария, который его узнал и потому ринулся на него с особой яростью. Услышав крики умирающих евнухов, маги прибежали к месту действия и, увидев происшедшее, схватились за оружие. Оропаст вырвал из руки умирающего Богеса копье, выколол Интаферну глаз, ранил Аспатина в ляжку, но был заколот Мегабизом. Гаумата бросился в соседнюю комнату и попытался запереть дверь, но не успел: Дарий и Гобриас ворвались вслед за ним. Последний бросился на мага, повалил его и придавил к земле. Дарий, стоя подле них в полутемной комнате, не решался нанести удар, опасаясь ранить и Гобриаса. Тогда, заметив это, Гобриас закричал: 'Коли! Ничего, если обоих проколешь!' Тут Дарий взмахнул кинжалом и, к счастью, поразил только одного мага.

Таков был конец Оропаста, первосвященника, и Гауматы, более известного под именем 'Псевдо-' или 'Лже-Смердиса'.

Через несколько недель после избрания, совершившегося, по ходившим в народе толкам, при многих знаках божественного вмешательства и благодаря хитрости одного конюшего, Дарий [\[115\]](#), сын Гистаспа, с большим великолепием венчался на царство Пасаргадэ и еще пышнее отпраздновал свадьбу с возлюбленной своего сердца Атоссой, дочерью Кира. Умудренная грустным опытом, молодая женщина оставалась до конца деятельной и славной жизни своего супруга его преданной, любимой и высокоуважаемой подругой. Дарий же сделался, согласно предсказанию Прексаспа, царем, действительно достойным имен 'второго' Кира и 'Великого'.

Осторожный и храбрый полководец, он так превосходно устроил свое необъятное царство, что может быть причислен к величайшим организаторам всех времен и народов. Ему одному были обязаны его преемники тем, что азиатский колосс продержался еще два столетия. Лично щедрый и бережливый в распоряжении достоянием подданных, он умел жаловать истинно царскими подарками, никогда не требуя от народа ничего, кроме должного. Вместо бывших в употреблении при Кире и Камбисе денежных вымогательств, он ввел твердую систему податей; и в выполнении того, что признавал справедливым, не останавливался ни перед препятствиями, ни перед насмешками Ахеменидов. При их исключительно военном взгляде на вещи, его финансовые реформы показались им мелочными, и они прозвали его 'лавочником'. Немаловажную с его стороны заслугу составляет введение во всей монархии, и следовательно в половине тогда известного мира, единообразной монетной системы [\[116\]](#).

Он уважал религию и обычаи каждого народа. Когда был отыскан в экбатанском архиве неизвестный Камбису документ Кира, он позволил иудеям достроить храм Иеговы. Общинам ионийских городов он даровал самоуправление. И едва ли он решился бы двинуть свои войска против Греции, если бы не был прямо оскорблен афинянами.

Науке мудрого государственного хозяйства, как и многому другому, он научился у египтян, и потому народу этому оказывал особое уважение и многие благодеяния. Так, например, он приказал для развития египетской торговли соединить Нил с Красным морем каналом.

Во все время своего правления он старался вознаградить египтян за жестокости Камбиса. Пока он жил, никто не дерзал оскорблять их нравы и религию. Сам он до последних лет охотно изучал интеллектуальные сокровища мудрого народа. Старик-первосвященник, Нейтотеп, умерший уже в глубокой старости, до конца пользовался милостью царя, который нередко прибегал к его астрологическим познаниям.

Египтяне по достоинству оценили его кротость и, как прежних царей своих, провозгласили Дария божеством. В последний год его правления, уступая стремлению к независимости, они забыли о благодарности и попытались сбросить легкое иго, которым тяготились только потому, что оно было наложено против их воли.

Их благородный повелитель и покровитель не дожил до конца этой борьбы.

Его преемнику Ксерксу, сыну Дария и Атоссы, суждено было вернуть жителей Нильской долины к насильственному и потому непрочному повиновению.

Достойный памятник своего величия Дарий оставил в великолепном дворце, построенном на горе Рахмед, близ Персеполя. Развалины его и теперь возбуждают удивление путешественников. Шесть тысяч египетских каменщиков, вывезенных в правление Камбиса в Азию, помогали другим работникам, строившим царственный склеп для Дария и его преемников. Труднодоступные, высеченные в скале покои этого склепа устояли против действия времени и теперь служат приютом бесчисленным стаям диких голубей.

На стене гладко отполированной скалы Бизитуна, или Бегистана, недалеко от места, где он спас жизнь Атоссы, Дарий приказал вырезать клинообразными письменами историю своих деяний, на языках персидском, мидийском и ассирийском. Персидская часть этих надписей теперь окончательно расшифрована. Там, между прочим, находится, сходное в общих чертах с историей Геродота и нашим рассказом, изложение событий, описанных в последних главах. Там, например, сказано:

'Говорит Дарий, царь: то, что я сделал, совершилось по милости Аурамазды во всех видах. Когда цари отложились, я дал им девятнадцать битв. По милости Аурамазды я их разбил. Девять царей взял я в плен. Из них один был по имени Гаумата, мидиец. Этот солгал, говоря: я Бардийа (Бартия), сын Кира. Он сделал Персию мятежной'.

Ниже он приводит имена родоначальников, которые помогли ему низложить магов. В другом месте сказано:

'Говорит Дарий, царь: то, что я сделал, я совершил во всех отношениях по милости Аурамазды. Потому Аурамазда оказал мне помощь и другие боги, какие есть, что я не был враждебен и не был лжецом, не был владыкой насильственным, ни я, ни семейство мое. Кто помогал моим соплеменникам, того я награждал милостью; кто был враждебен, того я строго наказывал. Ты, который после будешь царем, к человеку, который есть лжец или бунтовщик, не будь благосклонен, накажи его строгим наказанием. Говорит Дарий, царь: ты, который после увидишь эту доску, которую я написал, или эти картины, не порти их, а пока ты живешь, сохраняй их...'

В заключение нам остается только сообщить, что Зопир, сын Мегамбиза, до последнего дня оставался верным другом Дария.

Когда однажды кто-то из придворных показал Дарию гранатовое яблоко и спросил его: 'Каким благом ты бы желал обладать столько раз, сколько в этом плоде зерен?' - царь ответил, не колеблясь: 'Моим Зопиром'.

За милости царственного друга Зопир ему отплатил с лихвой. Когда осада Вавилона, отложившегося после смерти Камбиса от персидской монархии, затянулась на целые девять месяцев и Дарий уже готовился отступить, Зопир явился к нему весь в крови, без носа и ушей, и объявил, что он себя изуродовал, чтобы обмануть вавилонян, которые должны хорошо его знать, так как он в былое время водил знакомство с их дочерьми. Он скажет надменным горожанам, что якобы Дарий его обезобразил и что он пришел к ним, чтобы отомстить царю. Когда ему вверят часть войска, он произведет несколько удачных вылазок, чтобы этим окончательно приобрести доверие граждан. Наконец он таким путем захватит городские ключи и отворит друзьям ворота Семирамиды.

Эти шутивным тоном сказанные слова и страшный вид когда-то столь прекрасного друга тронули царя до слез. Когда хитрость Зопира предала в его руки почти неприступную крепость, он воскликнул:

- Я бы отдал сто Вавилонов, лишь бы мой Зопир не был так изуродован!

Он назначил друга правителем исполинского города, предоставил ему все собираемые доходы и ежегодно присылал драгоценнейшие подарки. Позднее он часто говаривал, что кроме Кира, - с которым никакого человека не должно сравнивать, - никто не совершал такого благородного поступка, как Зопир.

Немногие властители находят таких самоотверженных друзей, потому что немногие умеют быть благодарными, как он.

Когда Силосон, брат умерщвленного Поликрата, явился к Дарию в Сузы и напомнил ему о важных оказанных ему услугах, царь принял его, как друга, предоставил в его распоряжение много кораблей и воинов и помог ему утвердить в Самосе свое господство.

Самосцы отчаянно защищались против чужеземных солдат нового тирана и сказали, когда были принуждены сдаться:

- Благодаря Силосону у нас на острове теперь стало много свободного места.

Родопис дожила еще до умерщвления Гиппарха Гармодием и Аристогитоном и до низвержения его брата Гиппия [\[117\]](#), афинского тирана, - и скончалась с

твердой верой в высокое призвание Греции, на руках своих лучших друзей, Феопомпа Милетского и Каллиаса, афинянина.

Весь Наукратис оплакал смерть благородной женщины, а Каллиас послал гонца в Сузы, чтобы известить царя и Сапфо о кончине своей приятельницы.

Через несколько месяцев сатрап Египта получил следующую собственноручную грамоту Дария:

'Так как недавно умершую в Наукратисе элинку Родопис мы знали и уважали; так как ее внучка, в качестве вдовы законного наследника персидского престола, до сего дня пользуется почестями царицы; так как, наконец, правнучку покойной, Пармису, дочь Бартии и Сапфо, мы избрали недавно нашей третьей законной супругой, - то считаем приличным, чтобы смертным останкам прародительницы двух высоких государынь были возданы царственные почести. Поэтому повелеваю тебе с царской пышностью перенести прах Родопис, которую мы всегда считали величайшей и замечательнейшей из всех женщин, в величественнейший из всех памятников, то есть в наиболее красивую пирамиду. Прах покойной да хранится в прилагаемой драгоценной урне, которую посылает для этого Сапфо.

Дано в новом Государственном дворце, в Персеполе.

Дарий, сын Гистаспа, царь'.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

'Дочь фараона' - самое первое художественное произведение Эберса. Но в египетском цикле оно по хронологии занимает третье место, непосредственно следуя за 'Иисусом Навином', действие которого завершается спустя год, от силы - полтора после кончины не слишком удачливого фараона Марнепта, то есть где-то в 1213 году до н. э. События в романе 'Дочь фараона' начинаются в 628 году [\[118\]](#). Таким образом, обе книги разделяет более чем шестивековой промежуток. Попытаемся перебросить мост через этот достаточно широкий временной интервал, мост, своеобразными опорами которого могут послужить наиболее достопримечательные факты и из источников Египта, и из истории окружавших его государств, поскольку рассматривать развитие любой страны в изоляции от ее окружения значило бы заведомо сузить и несомненно обеднить историческую панораму в целом.

Царствование Марнепта завершило блистательную эпоху правления 18-й и 19-й династий. Как уже отмечалось в послесловии ко 2-му тому, Марнепту стоило невероятных усилий отразить сначала с запада агрессию ливийских

племен, а вскоре затем с востока первое вторжение индоевропейских пришельцев, которых египтяне нарекли ' народами моря '. Тяжелая борьба вконец истощила материальные ресурсы Египта, и в нем воцарился хаос. Когда же в довершение ко всем бедам вспыхнуло очередное крестьянское восстание, истерзанная неурядицами страна распалась на множество независимых государств, и за престол разгорелась яростная борьба, упорная и длительная.

В конце концов к власти пришла 20-я династия. Ее второй фараон Рамсес III (конец XIII - 70-е годы XII века) также сумел успешно отразить натиск ливийских племен. В кровопролитной сече ливийцы потеряли только убитыми 12,5 тысячи воинов. А спустя всего три года египтянам вновь пришлось сражаться с ' народами моря '.

Придется сделать небольшой исторический экскурс и вкратце поведать о том, кем являлись и откуда пришли в Египет эти таинственные народы. Еще в третьем-втором тысячелетиях на острове Крит проживал народ, создавший утонченную минойскую культуру и основавший на Эгейском море могучую морскую державу. Полуостров Пелопонес тогда заселяли какие-то племена не индоевропейского происхождения. Их покорили воинственные, закованные в бронзовые панцири ахейские племена. Ахейцы возвели из каменных блоков крепости в Микенах, Тиринфе и в иных местах Пелопонеса. Они занимались пиратством; их флот вскоре сделался опасным соперником критского флота. Начиная с XV века ахейцы постепенно вытесняют критян из их колониальных владений на Эгейских островах и побережье Малой Азии. В 1400 году они завоевывают Крит; около 1180 года после десятилетней осады они превращают древнюю Трою в развалины. Впрочем, ахейцы недолго пользовались плодами своих завоеваний. Из глубины Европы прихлынули другие варварские грекоязычные племена - дорийцы. Они покорили Пелопонес, Крит, Эгейские острова и побережье Малой Азии. Жители этих земель, вытесняемые завоевателями, волна за волной устремлялись на юг в поисках новых мест расселения. Они прокатились через Малую Азию, Сирию, Ханаан, докатились до нильской дельты и вторглись в Египет, где получили серьезный отпор от войск фараона Марнепта.

Наиболее грозным нашествие ' народов моря ' было в 1191 году. Несметные орды воинов вместе с семьями и имуществом - то было переселение народов в полном смысле этого слова - продвигались вдоль восточного побережья Средиземного моря, сопровождаемые многочисленной флотилией парусников. Под их ударами одна за другой падали прибрежные державы. Захватчики вторглись в северные районы Египта, и Рамсесу III пришлось напрячь все силы для спасения страны. Он разгромил агрессоров на суше и уничтожил их флот в

битве под Пелусием, отведя величайшую из всех опасностей, какие нависали над Египтом за всю его историю.

О происхождении 'народов моря' ученые узнали, раскопав в расположенном неподалеку от Фив местечке Мединет-Абу руины храма бога Амона, возведенного Рамсесом III в честь его победы. Стены храма сверху донизу покрыты надписями и фресками, подробно и образно повествующими о морском и сухопутном сражении египтян с 'народами моря'. Воины пришельцев на фресках высоки ростом, с бритыми лицами, типично греческими носами и высокими лбами; на их головах красуются своеобразные шлемы из птичьих перьев, напоминающие шлемы героев Гомера с древнегреческих барельефов. Широкие короткие мечи и небольшие круглые щиты тоже явно греческие. Из надписей следует, что среди 'народов моря' особое место занимали племена, именуемые 'Доноя' и 'Ахайва', весьма вероятно хорошо известные по греческой истории данайцы и ахейцы. Среди других племен встречается и египетское название филистимлян - 'Пелесет'. Выходит, заклятые враги израильтян также европейцы. Это подтверждает и Библия ^[119], где прямо указано, что филистимляне являются выходцами из Кафтора, как тогда называли остров Крит. Исследователи обратили внимание и на то обстоятельство, что некоторые филистимлянские имена имеют иллирийское происхождение и что в Иллирии ^[120] существовал город Палесте. Следовательно, не исключено, что филистимляне были догреческими жителями Иллирии. Несмотря на эти данные, ученые все-таки не единодушны в определении этнического происхождения как в частности филистимлян, так в целом и 'народов моря' - этого уникального конгломерата разнородных племен. Однако не подлежит сомнению, что все эти племена в течение какого-то времени находились под влиянием греческой культуры и усвоили греческие обычаи. Полагают, что среди 'народов моря' филистимляне составляли особую, не слишком многочисленную этническую группу. После поражения в Египте они объединились с уцелевшими остатками племен греческого и негреческого происхождения для совместного захвата Ханаана. К сожалению, Рамсесу III не достало сил, чтобы вышвырнуть захватчиков из Ханаана, а также из Сирии, где осели другие уцелевшие пришельцы. Рамсес III был убит заговорщиками на 32-м году жизни. Последующие восемь Рамсесов оказались правителями слабыми и бездарными. За время их правления в стране постоянно усиливалось смятение, то и дело вспыхивали беспорядки и бунты. Главным виновником усиливающегося хаоса была жреческая каста, прибравшая к рукам подавляющую часть плодородных пахотных земель и обрекавшая народ на голод отказом выдавать населению продовольствие. Ослабевавшей царской власти на севере со столицей в Танисе противостояло все более и более усиливающееся и обособляющееся 'жреческое царство' на юге со столицей в

Саисе. Противоборствующие общественные группировки севера и юга, не будучи в состоянии одолеть друг друга, вели страну к распаду на две части, что и произошло в начале XI века.

Влияние жречества усилилось и на севере, но там главенствующей силой все-таки оставалось наемное войско. Начало усилению влияния наемников было положено еще в бытность Рамсеса III. Именно он, миролюбив жречеству, освободил все храмы от военной десятины - обязанности отдавать каждого десятого из своих мужчин в воины, как это было заведено еще при Рамсесе II. Учитывая обширность храмовых земель, причиненный этим недальновидным актом ущерб вооруженным силам можно было возместить лишь усиленным набором в войско иноплеменников, в основном недавних врагов - ливийцев. Ведь тот же Рамсес III превратил многочисленных ливийских пленников в военных поселенцев. Натиск ливийцев и проникновение их в Египет не прекращались и при его преемниках. В итоге весь Нижний Египет оказался буквально наводнен ливийскими поселенцами во главе со своими вождями. Эти вожди со временем сливались с местной знатью и даже становились номархами.

Один из талантливых ливийских военачальников Шешонк занимал столь высокое положение при дворе последнего фараона 21-й династии, что ему оставалось сделать всего шаг, чтобы оказаться на египетском престоле. Шешонк I (950-929) стал основателем 22-й Ливийской династии. Он совершил поход в Иудею и Израильское царство, захватив там богатую добычу.

Если в период становления своего господства ливийским номархам и их воинству еще была необходима более или менее сильная верховная власть, то позже ливийская знать нужды в такой центральной власти уже не испытывала. При Ливийских фараонах 22-й и 23-й династий Нижний Египет распался на множество областных государственных образований во главе с ливийскими владетелями-царьками. Жреческое царство на юге оставалось целостным. В противоположность ливанским сепаратистам фиванская жреческая знать стремилась к объединению Египта.

При 24-й династии Египет попал под временное владычество Эфиопии. В середине XI века Эфиопия подчинялась египетскому наместнику; со временем она постепенно обрела самостоятельность, окрепла, усилилась, и позже при явном попустительстве фиванской знати эфиопские цари завладели Напатским царством ^[121], Верхним Египтом, а затем и всей страной. Они некоторое время считали себя законными наследниками трона фараона, гордо именуясь 'владыками обеих земель'.

Нелегкая миссия избавления от эфиопского владычества и воссоединения Египта выпала на долю основоположника 26-й Саисской династии фараона Псамметиха I (669-609). Как он осуществил воссоединение севера и юга, достоверно не установлено, но уже в 657 году Фивы оказались под его владычеством. Известно также, что окончательную победу над эфиопами новому фараону обеспечили греческие и карийские наемники, которые в благодарность за это были поселены в Нижнем Египте и осыпаны царскими милостями. Для подавления местных владетелей - в большинстве своем вождей ливийского происхождения - Псамметиху при объединении страны опять же пришлось опереться на греческих наемников. Весьма вероятно, что деньги для их найма фараону выделили богатые храмы, сделавшиеся к тому времени своеобразными центрами развития денежного хозяйства. Таким образом, по мнению историков, не исключено, что в лице правителей 26-й династии к власти пришла новая храмовая знать, держащая в своих руках нити денежного обращения. Она была крайне заинтересована в дальнейшем интенсивном развитии денежного хозяйства и в силу этого стремилась к единству страны.

Сын Псамметиха I Нехо II (610-595) вошел в историю как первый строитель канала между Нилом и Красным морем. Строительство, на котором, по свидетельству Геродота, погибли 120 000 египтян, началось в 609 году и прервалось, не завершившись, в 593 году. Достроенный почти столетие спустя персидским царем Дарием I канал имел длину 180 км, ширину - 45, глубину - 5 м. По поручению Нехо была снаряжена финикийская экспедиция парусных судов вокруг Африки. В 608 году Нехо превратил Иудейское царство в данника Египта; захватил он также Сирию и Палестину, правда всего на три года: в 605 году нововавилонское войско царевича Навуходоносора разгромило войска египтян, вытеснив их и из Сирии, и из Палестины. Тем не менее египетские фараоны не отказались от политики порабощения соседних народов. Сын Нехо Псамметих II (593-588) в 590 году вторгся в Сирию и Палестину, а чуть позже послал в Эфиопию многочисленное войско из египтян и 'иноязычных' наемников - семитов, греков, карийцев. Их вторжение сопровождалось большим кровопролитием, опустошением страны и угоном тысяч пленных.

Сын Псамметиха II Априй (588-566), более известный под своим библейским именем Хофра (Хаабра-Уахабра), хотя и поддерживал евреев, точнее, иудеев ^[122] в их борьбе против нововавилонского царства, однако вероятнее всего помышлял скорее о захвате богатой торговой Финикии, нежели о серьезной конфронтации с Вавилоном. Египетское войско, появившись под Иерусалимом, заставило вавилонян временно снять осаду с иудейской столицы, но в 586 году было наголову разбито Навуходоносором II и ушло восвояси, потеряв и частично завоеванную территорию Финикии. В том же году

Навуходоносор взял штурмом и до основания разрушил Иерусалим. Он увел в плен десятки тысяч жителей Иудеи. Эта бесчеловечная акция - на многомесячном пути через пустыню осталась не одна тысяча трупов - явилась прологом вавилонского пленения.

К тому времени на африканском побережье Средиземного моря окрепла основанная в 630 году греческая колония Кирена. Притесняемые колонистами, обитавшие в этой области ливийские племена решили отдаться под покровительство фараона. Хофра направил против Кирены войско, состоявшее, разумеется, исключительно из египтян, которых греки разбили, что называется, в пух и прах. Тогда-то, согласно Геродоту, вспыхнул мятеж в египетском войске, и его предводитель - дальний родственник Хофры - Амазис в 570 году был провозглашен новым фараоном. И хотя Амазиса вскоре признали царем повсеместно, прежний фараон с помощью верных ему греческих наемников сумел продержаться на севере страны до 566 года. Кровавопролитная битва между войсками соперников с участием значительных сил пехоты, конницы и флота, исхода борьбы за престол не решила. Когда Хофра вскоре после этого был убит в морском сражении, Амазис пышно, со всеми царскими почестями похоронил его.

Несмотря на то что Амазис был обязан своим тронном исключительно египетскому воинству, он установил и поддерживал превосходные отношения с греками. Из военных лагерей Дельты он перевел в Мемфис ионийских и карийский наемников и составил из них свою личную охрану, как надежную охрану против возможных в будущем эксцессов со стороны соотечественников. Греческие купцы получили фактически в монопольное пользование расположенный в западной части Дельты город Наукратис и значительные торговые привилегии. Амазис делал щедрые пожертвования в греческие храмы. Одна из его жен (в романе - Ладикей) была гречанка родом из Кирены.

Покровитель искусств, ремесел, наук и торговли, Амазис повысил международный престиж страны. По оценке греческих историков его царствование было мудрым и благотворительным: материальное благосостояние египтян возросло при нем до такой степени, какой не достигало даже в периоды наивысшего расцвета державы. Его имя вошло в число шести великих законодателей Египта. Со своими союзниками Поликратом и Крезом его связывала дружба; даже с подозрительным и недоверчивым Камбисом у него поначалу также сложились добрососедские отношения. И все-таки, каким бы простодушным весельчаком ни рисовался Амазис последующим поколениям египтян, сложившим о нем легенды, он, в сущности, всегда оставался царем знати и в первую очередь жречества, с авторитетом которого всегда считался.

Его первой (по рангу) женой и матерью наследника престола Псамметиха была дочь верховного жреца храма бога Пта.

Вот какие исторические события в Египте предшествовали 528 году - времени начала действия романа о трагической судьбе приемной дочери фараона Амазиса. Вместе с юной Нитетис, трогательно, совсем еще по-детски влюбленной в своего будущего супруга, читатель с берегов Нила переносится в город-крепость Вавилон - главную столицу Персии. История возникновения этой по тем временам самой могущественной державы передней Азии вкратце такова.

К северу от Ассирии кочевали многочисленные племена мидян и их западных соседей персов. При набегах на север ассирийцы брали в плен квалифицированных мидийских ремесленников и использовали их как рабов на тяжелых строительных работах. Необходимость защиты от грабительских набегов способствовала созданию военного союза мидийских племен. Несмотря на то что Ассирии к середине VIII века удалось покорить почти всю Мидию, все ее попытки регулярно собирать дань с покоренного народа неизменно наталкивались на ожесточенное сопротивление мидийцев. Около 673 года мидийские племена при поддержке скифов подняли мятеж против угнетателей. Один из вождей-мятежников подчинил Мидии все персидские племена, но уже в 640 году - вскоре после разгрома ассирийцами Эламского царства [\[123\]](#) - персидский царь Кир I, правивший с 645 года заселенными в основном персами областями, послал ассирийскому царю дары, стремясь, очевидно, стать независимым от Мидии, поскольку зависимость персидских племен от Ассирии к тому времени стала чисто номинальной и уж во всяком случае для самих персов отнюдь не обременительной. Тем временем дальнейший рост имущественного неравенства и увеличение числа рабов обусловили превращение мидийского племенного союза в независимое рабовладельческое государство. Превратив неорганизованное племенное ополчение в регулярное войско и опираясь на союз с Вавилонией, царь Мидии Киаскар (625-585) в 615-605 годах окончательно уничтожил ассирийскую державу и подчинил себе все персидские племена.

На западе Мидии противостояло Лидийское царство со столицей в городе Сарды. Лидийцы подчинили себе города на западном побережье Малой Азии, с которыми издавна поддерживали тесные торговые и культурные связи. Через Лидию пролегали все торговые пути на восток, и потому торговля способствовала быстрому и непрерывному обогащению лидийских царей, в особенности последнего из них - Креза, царствовавшего с 560 по 547 год и подчинившего Лидии почти всю Малую Азию.

Действительно баснословные богатства прославили Креза во всем Средиземноморье еще при жизни; позже его имя сделалось нарицательным, вошло в поговорки и легенды. Легенда о предсказании дельфийского оракула приведена в романе. Геродот приводит другую, не менее интересную о встрече Креза с Солоном, согласно которой прославленный мудрец предупредил Креза еще в начале его царствования, что не стоит считать себя счастливейшим из смертных, пока его жизнь не подошла к концу. Созданный Эберсом образ, вероятно, во многом вполне соответствует реальному историческому образу гуманного, добросовестного, отзывчивого на чужую беду человека, бескорыстного, умудренного временем и не сломленного обрушившимися на него несчастьями, доброго друга Кира II, мужественного советника Камбиса, а позже и будущего царя Дария I.

Столкновение Лидии и Мидии завершилось битвой между ними, происшедшей на берегах реки Галес 28 мая 585 года и приведшей к примирению сторон, поскольку ни одна из них не смогла добиться перевеса над другой. Положение Мидии, однако, вскоре осложнилось из-за конфликтов с Вавилонией. Выгодной ситуацией не замедлил воспользоваться персидский царь Кир II из рода Ахеменидов [\[124\]](#), вступивший на престол в 559 году.

Поднятое им в 550 году восстание против мидийского господства увенчалось полной победой, теперь уже мидийцы очутились под властью персов.

Усиление Персии создавало угрозу другим державам. По инициативе Амазиса образовался антиперсидский союз Египта, Сирии, Вавилонии и примкнувшей к ним Спарты. Кир принял вызов. Он начал бить противников поодиночке: в 546 году разгромил Лидию, взяв приступом Сарды и захватив в плен Креза со всеми его несметными сокровищами, а вслед за тем завоевал и всю Малую Азию. Затем Кир неспешно двинулся на Вавилон, в 540 году разбил вавилонское войско и год спустя без боя занял Вавилон. Ворота этой практически неприступной крепости открыли перед ним настежь сами жрецы, встревоженные религиозной политикой Набонида.

Следующим на очереди стоял Египет. Покорение этой обладавшей мощным военным потенциалом державы было задачей сложной, связанной с уходом из Персии большей части армии на длительный срок. Поэтому, как дальновидный стратег, Кир решил предварительно обезопасить свои северные и северо-восточные границы, которым постоянно угрожали кочевавшие к востоку от долины Аму-Дарьи племена саков [\[125\]](#) и обитавшие в степях Приаралья и Закаспия неустрашимые полудикие массагеты [\[126\]](#) - тоже из скифских племен.

Битва с массагетами в 529 году стала последней битвой Кира II Великого. Согласно античной традиции этот государь был храбр, добр, мудр, талантлив и

как полководец, и как государственный деятель. В неполных двадцать лет создал он могучее государство, простиравшееся от Индии до Средиземного моря. Покоренные им народы встречали его не как нового поработителя, а как избавителя от чужеземного ига, поскольку Кир оказался властителем совершенно иного склада, чем все сирийские, вавилонские и иные самодержцы, бывшие до него. В отличие от них Кир II не стремился истреблять и поработить завоеванные народы; не разрушал их города и веси, не разрешал своим воинам грабить и бесчинствовать. Жизнь присоединенных к его державе стран продолжала идти своим чередом; их население не прекращало своих обычных занятий; купцы торговали, ремесленники трудились в мастерских, крестьяне пахали землю и выращивали плоды.

Этот совершенно необычный для своего времени человек мыслил масштабно и неординарно. Он предоставил покоренным народам широкую автономию, а угнанным в рабство племенам разрешил вернуться в родные края. Отличаясь большой веротерпимостью, Кир позволял каждому народу беспрепятственно исповедовать свою религию, приказал даже возратить всем статуи их богов, увозимых из храмов по повелению Навуходоносора и в особенности его преемника Набонида - правителя никчемного, но страстного коллекционера памятников старины, которые он неустанно собирал и хранил в своем дворце, построенном специально для этой цели подальше от столицы, в Северной Аравии, рядом с Сирийской пустыней.

Вызволив евреев из вавилонского плена, Кир II особым декретом разрешил им восстановить их национальную святыню - храм Соломона и приказал вернуть украденную из него литургическую утварь. Им вернули тридцать золотых блюд, тысячу серебряных блюд, тридцать золотых и четыреста десять серебряных чаш, а также тысячу разных других драгоценных культовых предметов. Поэтому далеко неспроста греческие историки и писатели наградили Кира II почетным эпитетом 'Великий', отдавая должное не только величию его деяний, но, бесспорно, и величию его души.

К сожалению, наследник Кира Камбис II (529-522) оказался полной противоположностью своего прославленного отца. Жестокий, подозрительный, деспотичный и неуравновешенный, он оставил по себе недобрую славу. Его неуживчивый характер и деспотические методы правления вскоре восстановили против него жречество и даже близких родственников из клана Ахеменидов.

Захватив Хорезм, усмирив саков и массагетов, Камбис, претворяя в жизнь давний замысел своего отца, в конце 525 года двинул полчища персов на Египет. Они вторглись в Дельту, когда Амазиса уже не было в живых. В битве близ Пелусия египтяне были разбиты и отступали на юг. Камбис захватил

Мемфис и пленил Псамметиха III, просидевшего на египетском троне едва полгода.

Поход Камбиса в Нубию и Эфиопию завершился плачевно; неудачи почти полностью погибшей в пустыне персидской армии породили слухи о смерти самого царя. Египтяне немедленно подняли мятеж, в котором оказался замешан содержавшийся в почетном плену Псамметих III. Недолголюбивавшие царя персидские воины из оставленных в Египте для поддержания порядка войск под началом Бартии [\[127\]](#) стали смотреть на симпатичного им царевича, к тому же талантливого полководца, как на законного государя. Возвратившийся из Эфиопии Камбис Псамметиха казнил, а младшего брата приказал выслать в Персию и там тайно умертвить [\[128\]](#).

Воспользовавшись отсутствием Камбиса, недовольные его правлением персидские маги [\[129\]](#) составили заговор и 11 марта 522 года провозгласили персидским царем мага Гаумату, похожего на таинственно исчезнувшего Смердиса. Народ охотно поддержал Лжесмердиса, поспешившего отменить многие тяжкие налоги. Камбис немедленно двинулся на Персию, чтобы покарать заговорщиков. На пути туда в Сирии он погиб в результате несчастного случая или - по другой версии - покончил жизнь самоубийством.

Разумеется, Гаумата не имел никаких шансов удержаться на престоле, поскольку его не поддерживали знатнейшие роды Ахеменидов. Возглавляемые Дарием, они выступили против ставленника лидийских жрецов, и Лжесмердис был убит в своем низийском дворце, расположенном неподалеку от столицы Лидии Экбатаны. Персидский престол перешел к представителю боковой ветви Ахеменидов Дарию.

Дарий I вошел в историю как выдающийся стратег, смелый реформатор и талантливый администратор. Тем не менее он упорно продолжал экспансионистскую политику своих предшественников. В 512 году он предпринял поход против скифов. Овладев проливом Гелеспонт, а затем захватив стратегически важные острова Хиос и Самос, Дарий парализовал всю жизненно важную для прибрежных греческих городов и полисов материковой Греции традиционную торговлю с причерноморскими государствами, что привело к началу в 500 году греко-персидских войн, длившихся с перерывами полстолетия. Эти войны, в которых после смерти Дария персы терпели больше поражений, чем побед, в итоге завершились победой греческих городов. Они вновь обрели независимость, а Эгейское море и побережье Малой Азии были закрыты для персидско-финикийского флота. По условию заключенного в 449 году мира Персия обязывалась не вмешиваться в дела Греции. Однако персидские цари продолжали вести захватническую политику, которой, как и

всей державе Ахеменидов, в 336 году положил конец Александр Македонский своим знаменитым восточным походом против Персидской империи.

В обрисовке многочисленных исторических действующих лиц романа 'Дочь фараона' Эберс, как обычно, предельно объективен. Психологические портреты Амазиса, Псамметиха, Креза, Бартии, Камбиса, Зопира, Фанеса (правильнее - Фанета) в основном соответствуют представлениям о них греческих историков и литераторов. Особенно колоритно выписана фигура Камбиса; по сути он - центральный персонаж всей драматической коллизии, поднимающейся до подлинного трагизма в разработке двух кардинальных тем повествования: печальной участи Нитетис - жертвы нечестной политической игры Амазиса, усугубленной интригами вавилонского двора, и не менее трагичной судьбы Бартии, обреченного на гибель завистью и ревностью полубезумного деспота.

Опираясь на подлинные археологические источники, труды Геродота, произведения других античных авторов, в частности, вероятно, Ксенофонта [\[130\]](#) и Ктесия [\[131\]](#), Георг Эберс создал самобытное, красочное полотно, воскрешающее пусть непродолжительный по времени действия, но впечатляющий фрагмент из истории отношений Древнего Египта и Персии.

С. В. Ермолаев

Примечания

1

Хланис - летний плащ афинских щеголей.

2

Алкман (2-я половина VII века до н. э.) - поэт-лирик, был первым известным хормейстером в Спарте. Сочинял на дорийском диалекте парфении (девичьи песни) и культовые гимны, исполнявшиеся хором девушек в сопровождении музыки и танцев во время посвященных богам празднеств.

3

Хариты - в древнегреческой мифологии - три богини красоты; соответствуют римским грациям.

4

Аканты - род травянистых декоративных растений, иначе называемых 'медвежья лапа'.

5

Парки - богини судьбы.

6

Эзоп (жил в VI веке до н. э.) - древнегреческий баснописец, считающийся канонизатором (создателем) басни. Легенды рисуют Эзопа юродивым народным мудрецом в обличий хромого раба, безвинно сброшенным со скалы.

7

Питтак (2-я половина VII века - ок. 570 до н. э.). В процессе борьбы на о. Лесбосе между аристократией и демосом около 620 года назначен судьей-правителем с чрезвычайными полномочиями города Митилена. Издал первые письменные законы. Позднее добровольно сложил с себя полномочия.

8

Алкей (кон. VII - нач. VI века до н. э.) - выдающийся поэт-лирик из Митилены, выходец из аристократического рода. После победы Питтака эмигрировал в Египет. Позднее Питтак дал ему право возвратиться на родину.

9

Сапфо - замечательная поэтесса античности, современница Алкея, родилась на о. Лесбосе после 650 г. до н. э. (по другим источникам ок. 612 г. до н. э.). Стихи Сапфо - свадебные песни, лирические стихи - посвящены дочери Кленде и младшему брату Хараксу, влюбившемуся в гетеру (изображена Эберсом под именем Родопис), отличаются искренностью, изяществом и отточенностью форм.

10

Солон (ок. 640-560 до н. э.) - афинский политический деятель и поэт. Провел реформы, способствовавшие ликвидации пережитков родового строя.

11

Хофра - еврейское имя Априса (588-589 до н. э.), фараона XXXI династии.

12

Амазис II (570-526 до н. э.) - египетский фараон XXVI династии.

13

Массалия - нынешний Марсель.

14

Кифара - струнный щипковый инструмент, родственник лире. В VII в. до н. э. имела семь струн.

15

Форминга - четырехструнный инструмент с полукруглым корпусом, удлиненным с помощью двух прямых ручек, скрепленных сверху деревянной перемычкой. Форминга считается самым древним греческим струнным щипковым инструментом.

16

Анаксимандр (ок. 611-546 до н. э.) - греческий философ из Милета. Наиболее яркий представитель ионийской натурфилософии (философского учения, истолковывающего природу как единое целое).

17

Анаксимен (ок. 585-525 до н. э.) - также милетец, философ, последователь Анаксимандра.

18

Ивик (2-я половина VI в. до н. э.) - греческий лирический поэт, певец любви и красоты. Некоторое время Ивик жил при дворе Поликрата Самосского.

19

Регия - современный итальянский г. Реджо.

20

Поликрат (? - 523/522 до н. э.) - известный самосский торговец; использовав недовольство народа правлением знати, в 538 году установил тиранию на о. Самосе. Ему были присущи энергия, эгоизм, страсть к завоеваниям, пристрастие к роскоши, щедрость, любовь к искусству и наукам. Содействовал развитию экономики, вел обширные строительные работы. Коварно убит по приказу персидского наместника.

21

Анакреонт (середина VI в. до н. э.) - греческий поэт-лирик. В своих грациозных стихах воспевал любовь, вино, пиры.

22

Локиас - Аполлон.

23

Фриних (ок. 540-470 до н. э.) - самый выдающийся трагик до Эсхила, первым в драматургии наряду с мифологическими сюжетами использовал современные ему исторические темы.

24

Феспид впервые в 534 году до н. э. на Великих Дионисиях (ежегодный праздник

в честь бога Диониса) использовал наряду с хором актера-декламатора, положив тем самым начало аттической трагедии.

25

Илоты - коренные жители Лаконии и Мессении (Пелопонес), покоренные спартанцами во 2-й половине VIII века до н. э. В качестве государственных рабов они были прикреплены к земельным наделам и платили государству арендную плату. Иногда их привлекали к военной службе в качестве легковооруженных воинов. Продавать и освобождать илотов могло только спартанское государство.

26

Лакедемоном официально именовалось государство Спарта на территории Лаконии.

27

Семонид (556-468 до н. э.) - греческий поэт, знаменитый автор песен в честь победителей на спортивных состязаниях и эпиграмм.

28

Псаметих I - египетский фараон в 663-610 годах до н. э., основатель XXVI саисской династии.

29

Бубастис - город на берегу крайнего восточного рукава дельты Нила, являлся центром культа богини радости и веселья Баст.

30

Мюс - довольно обыкновенное у греков имя, которое значит 'мышь'.

31

Таксиарх - командир таксиды - подразделения македонской армии, насчитывающего 1000 воинов.

32

Геоморы - на о. Самосе в Сиракузах - знатные аристократы, крупные землевладельцы.

33

Писистрат (ок. 600-528 до н. э.) - 560 по 527 годы (с перерывами) афинский тиран, то есть человек, насильственно захвативший власть в полисе и установивший единоличное правление. Писистрат провел реформы в интересах землевладельцев и торгово-ремесленных слоев (раздача сельской бедноте земель, конфискованных у эвпатридов, чеканка государственной монеты и т. д.);

создал наемное войско, организовал общественное строительство (рынок, водопровод, гавань Пирей, храмы и др.)

34

Алкмеониды и Филаиды - ведущие аристократические роды Аттики того времени.

35

Милон из Кротона - знаменитый борец эпохи античности, одержавший многочисленные победы; в 532-516 до н. э. он 6 раз побеждал на Олимпийских играх и 25 раз на других спортивных празднествах.

36

Алфей - главная река Пелопонеса; протекает близ города Олимпия.

37

Ферула - розга, хлыст.

38

Педаном - домашний учитель.

39

Кир II Великий (? - 530 до н. а.) - с 558 года первый царь Персидского государства из династии Ахеменидов.

40

В 540 году Кир II разгромил халдеев, а год спустя занял Вавилон, положив конец так называемому 'Вавилонскому пленению' (вавилонский царь Навуходоносор II (605-562 до н. э.) в 587 году разрушил Иерусалим и увел в плен вместе с царской семьей 76 тысяч выдающихся семей израильских и тысячу лучших ремесленников).

41

Камбис II, сын Кира II, - персидский царь с 529 по 522 год до н. э.

42

Крез - царь Лидии с 595 по 546 до н. э. С 560 года значительно расширил пределы своей державы, захватив большую часть Малой Азии. Побежден и взят в плен Киром II. Крез прославился своим богатством и щедростью (пожертвования в Дельфы).

43

Эфоры (греч. наблюдатели) - пять высших должностных лиц избирались сроком

на один год всеми полноправными спартанцами. С середины VI века до н. э. обладали широкими полномочиями в управлении, надзоре и судопроизводстве.

44

Эвпатриды (греч. сыновья благородного отца) - аттическая родовая знать.

45

Фалес Милетский (624-546 до н. э.) - первый греческий философ, математик и астроном, один из Семи греческих мудрецов, представитель ионической натурфилософии, считал материю одушевленной.

46

Биант родом из Приены (590-530 до н. э.). Судья. Один из Семерых мудрецов Греции. Ему приписывается изречение: 'думаю, затем действую'. И крылатое изречение: 'Все свое ношу с собой'.

47

Тифон - египетский бог зла - Сетх.

48

Греческие поэты-сатирики VI века до н. э.

49

Пандора (греч. всеодаренная, вседающая). Чтобы наказать людей за пользование украденным Прометеем огнем, Зевс повелел Гефесту создать Пандору, наделив ее прелестью всех богов (всеодаренная), и послал ее к людям как 'прекрасное зло'. Несмотря на предупреждение Прометея не принимать подарок Зевса, его брат Эпиметей взял Пандору в жены. Она открыла принесенный с собою сосуд (позднее называемый 'ящиком Пандоры') и выпустила все заключавшиеся в нем бедствия, кроме надежды, которая осталась на дне.

50

Аурамазда (Ахурамазда) - в ирано-персидской мифологии - божество, олицетворение доброго начала и света; греческое название Ормузд.

51

Митра (перс. договор) - божество, воплотившее в себе идею верности и закона, культ которого получил широкое распространение среди воинов.

52

Мегакл - афинский архонт из рода Алкмеонидов.

53

Мина - денежная и счетно-весовая единица Древнего Востока. Афинская мина весила 600 г серебра. Из одной мины серебра чеканили 100 драхм.

54

Пифийские игры устраивались в честь Аполлона примерно с 582 года до н. э. на третьем году каждой олимпиады летом близ Дельф. К изначальным музыкальным соревнованиям позже добавлялись атлетические и конные. Пифийские игры были после Олимпийских наиболее значительными панэллинскими играми. Призом на играх был лавровый венок.

55

'Келейсума' - песня, под такт которой обыкновенно гребли греческие матросы.

56

Сезам - однолетнее африканское растение, кунжут.

57

Статер - древнегреческая монета из золота, электрона (сплав золота и серебра) или серебра. Как правило равнялся удвоенной драхме.

58

Массагеты - скифское племя на территории Закаспия и Приаралья. Предпринятая Киром II в 529 г. до н. э. первая попытка покорить их закончилась неудачей.

59

Анхраманью (Ангро-Манью) в иранской мифологии - глава сил зла, тьмы и смерти, противник Ахурамазды, символ отрицательных побуждений человеческой психики.

60

Зороастр (Заратуштра) - пророк и основатель иранской религии зороастризма. Историчность Зороастра достоверно не установлена, однако большинство ученых признает его реальным лицом и относит его деятельность к X-VI векам до н. э. Основные принципы зороастризма: вера в единого бога Ахурамазду, противопоставление 'двух вечных начал' - добра и зла, борьба между которыми составляет содержание мирового процесса, вера в конечную победу добра, почитание огня как святыни, запрещение хоронить и сжигать покойников (их отдавали на растерзание хищным зверям и птицам). Вероучение зороастризма изложено в священной книге - 'Авесте'. Для греков Зороастр был образцом великого мудреца, мага и философа.

61

Мимнерм Колофонский (ок. 600-? до н. э.) - греческий элегический поэт, у последующих поколений снискал репутацию зачинателя эротической поэзии. Основная тема его элегий - размышления о том, как уходит светлая пора юности, унося с собой счастье и любовь, а на смену ей приходит старость с болезнями и заботами.

62

Кибела - фригийская (центральная область Малой Азии) богиня материнской силы и плодородия.

63

Анахит - древнеармянская богиня-мать, богиня плодородия и любви. Ее звезда - Венера.

64

Ксенофан из Колофона (ок. 570-480 до н. э.) - греческий поэт-сатирик и философ. По Ксенофану Бог - неотделимый от мира и пронизывающий его мировой дух, который правит вселенной силой своего разума и не сравним с человеком.

65

Феруэр или фервер - духовная сущность человека.

66

Сретенье - здесь имеется в виду торжественная встреча.

67

Черная земля - то есть Египет.

68

Гадес или Анд (греч. невидный, ужасный) - в греческой мифологии бог - владыка царства мертвых, а также само царство.

69

Планета Венера.

70

Дестур - персидский жрец.

71

Тистар - Сириус.

72

Пери - в персидской мифологии - падший ангел, доброе волшебное существо в образе прекрасной крылатой женщины.

73

Экбатана - столица Мидии (современный иранский город Хамадан. Со времен Кира II - одна из резиденций персидских царей).

74

Оронт (совр. назв. Эль Аси) - река в Ливане, Сирии и Турции, 571 км длины, впадает в Средиземное море.

75

Амеша спента - 'святые бессмертные' - в иранской мифологии шесть или семь божеств, ближайшее окружение Аурамазды.

76

Чинват - в иранской мифологии мост через водную преграду, отделяющую царство мертвых от царства живых; это 'место судебного разбора над душами умерших', вершимого Митрой.

77

Кай Кавус - в иранской мифологии и легендарной истории - второй царь из также вероятно легендарной династии Кейянидов.

78

Баман, Адер, Фервердин, Ди - май, март, июль, апрель.

79

Рустем (Рустам) - герой древнеиранского эпоса. Первое письменное упоминание о нем относится к V веку до н. э. Его подвиги описаны великим иранским поэтом Абуль Касимом Фирдоуси (ок. 934-1020 или 1030) во всемирно известной поэме 'Шах-Наме' ('Книга царей'), вобравшей в себя национальный эпос персов и таджиков. По своему объему эта грандиозная эпопея во много раз превышает 'Илиаду' и 'Одиссею' вместе взятые, она отличается отточенностью формы, идеями тираноборчества, справедливости и гуманизма.

80

Бенну - древнеегипетское название феникса.

81

Симург - в персидской мифологии вещая орлоподобная птица, символизирувавшая и доброе и злое (в большинстве случаев) начало.

82

Мобеды - жрецы.

83

Гиб по-египетски значит ибис. Многие древние египтяне носили имена священных животных.

84

Хамсин - юго-западный ветер, враждебный кочевникам пустынь, который в особенности опасен для посевов плодоносной Нильской долины и известен под именем самума.

85

Банер - значит пальма.

86

Друкс Наус - нечистый дух смерти.

87

Апагита - планета Венера.

88

Сома - герой древнейших персидских эпических сказаний.

89

Фарвардин - март.

90

Мурдат - июль.

91

Гекатей Милетский (ок. 546-480 до н. э.) - греческий историк и географ. Автор 'Землеописания' - одной из первых работ страноведческого характера (дошло в отрывках) и 'Генеалогии' (описание знаменитых греческих родов).

92

Рахш - могучий сказочный конь Рустема.

93

Хилиарх - у персов - начальник лейб-гвардии правителя.

94

Гекатонтарх - сотник.

95

Обол - самая мелкая серебряная или медная монета, равная 1/6 драхмы.

96

Топарх - правитель области или большого города.

97

Перистиль - в греческих жилищах одноэтажное, окруженное колоннами помещение.

98

Андронитис - комната для мужчин.

99

Арес - бог войны (отождествлялся с Марсом).

100

Паллада - прозвище богини войны Афины, изображавшейся в виде Девы в шлеме с копьем и щитом.

101

Систр - музыкальный инструмент, употреблявшийся при богослужении.
Трепшотка в виде скобы, на которую нанизаны металлические пластинки.

102

Набль - древнеегипетский струнный инструмент.

103

Плектр - палочка из слоновой кости, которой играющие прикасались к струнам инструмента.

104

В марте.

105

Отряд этот, сформированный частью из иностранцев, сторожил военнопленных и исполнял другие подобного рода обязанности.

106

Келесирия (греч. Полая Сирия) - часть Сирии между горными цепями Ливан и Антиливан.

107

Вероятно, упоминаемые Геродотом североафриканские максийцы.

108

Дике - греческая богиня правосудия, называемая также Астреей. В Афинах Дике являлась олицетворением всеобщего права подачи публичных и в особенности частных судебных исков.

109

Кава (Кова) - в иранской мифологии - герой-кузнец, поднявший восстание и свергший иго иноземных захватчиков.

110

Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) - египетские фараоны IV династии (27 век до н. э.). Их пирамиды самые высокие: соответственно 146,6 и 143,5 м.

111

Микерин (Менанкур) - также принадлежал к IV династии, однако его пирамида гораздо меньшей высоты - около 48 м.

112

Библ - финикийский порт Гебял - ныне город Джубейля (Сирия).

113

Амента - подземный мир - по-египетски *amenti*, собственно запад, царство смерти, в которое душа, как солнце после заката, погружается после смерти тела. В сообщенной Дюмихеном иероглифической надписи времен Птолемеев аменти прямо называется Гадесом. (Примеч. автора).

114

Стрихнос - тропическое растение (чилибуха или рвотный орешек), в семенах которого содержится стрихнин - сильный яд.

115

Дарий I (550-468) - избран персидским царем в 522 году.

116

В 510 году Дарий ввел в обращение стандартную золотую монету весом 8,4 г, получившую название дарик.

117

Гиппий - сын и наследник тиранической власти Писистрата в Афинах в 528-510 годах до н. э. Сначала он продолжал умеренную политику Писистрата, однако после убийства в 514 году его брата-соправителя Гиппарха тираноубийцами

Гармодием и Аристокитоном перешел к политике насилия. Под давлением Алкмеонидов изгнан спартанцами в 510 году и отправился к царю Дарию I.

118

Здесь и далее все даты указаны до новой эры.

119

Книга Пророка Амоса, гл. IX, стих. 7.

120

Иллирия - весь северо-запад Балканского полуострова.

121

Напатское царство (Куш) находилось между 1-м и 6-м порогами Нила со столицей в городе Напата; существовало с середины VIII по первую половину VI века.

122

Основанное в XI веке на территории Палестины Израильское государство в 928 году распалось на два, враждующих между собой еврейских царства: южное - Иудейское со столицей в Иерусалиме и северное - Израильское со столицей в Сихеме (после 878 года - в Самарии). В 722 году Израильское царство было покорено Ассирией.

123

Эламское царство существовало с конца III тысячелетия до середины VI века в юго-западной части Иранского нагорья; столица - Сузы (современный иранский город Шуш).

124

Ахемениды - династия, названная по имени мифического персидского царя Гахаманиса (греч. Ахаменес), правила с 559 по 330 год.

125

Греки считали саков скифами.

126

Согласно Геродоту, у массагетов в VI-V веках еще сохранялся древний жуткий обычай насильственного умерщвления престарелых родичей.

127

Греческие историки именуют Бартию (точнее Бардию) Смердисом.

128

Согласно другим источникам, Камбис, у которого появились первые явные признаки психического расстройства еще до похода в Египет, якобы увидев во сне, что брат завладел его престолом, повелел тайно похитить и казнить Бартию-Смердиса.

129

Маги (от перс. *magā* - жертвоприношение) - первоначально лидийские жрецы; позднее - персидские жрецы, принявшие зороастризм. В Греции магами стали называть всех лиц, связанных с восточной премудростью, науками и ложными учениями.

130

Ксенофонт Афинский (между 430 и 425 - после 355) - греческий историк и писатель, ученик Сократа, не проявивший глубокого интереса к философии. Автор многих исторических трудов и знаменитого романа 'Киропедия' ('Воспитание Кира').

131

Ктесий Книдский (прибл. последняя четверть V - первая половина IV века) - придворный лекарь персидского царя Артаксеркса II (404-358), автор 'Истории Персии', труда в 23 книгах, более похожего на роман, нежели на историческое сочинение, однако достаточно высоко ценимое греками античного времени.